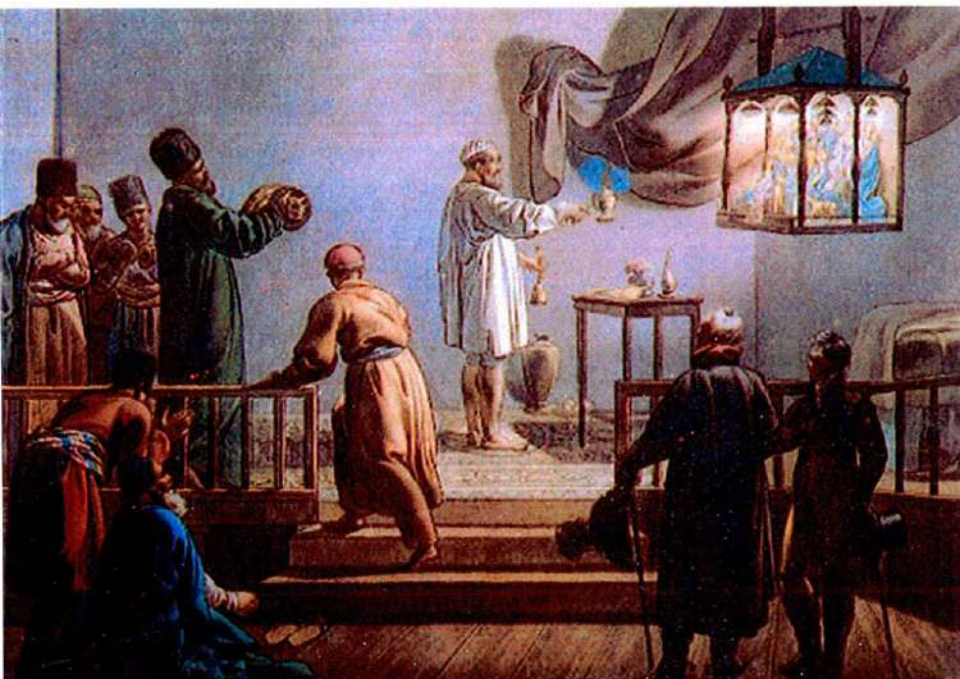

А.А. Вигасин

**ИЗУЧЕНИЕ ИНДИИ
В РОССИИ
(очерки и материалы)**

АЗІАТСКІЙ МУЗЕЙ

Россійской Академіи Наукъ

1818 — 1918

Краткая Памятка

ПЕТЕРБУРГЪ
1920

Въ послѣднее

**время все яснѣе становится, какое значеніе имѣетъ для плано-
мѣрности научной работы тщательное изученіе исторіи и мето-
довъ каждой дисциплины, изучать которыя надлежащимъ обра-
зомъ можно лишь знакомясь съ самою интимною сторопою
работы ученыхъ такъ, какъ намъ вполнѣ обнаруживаютъ ее
и неизданные матеріалы и переписка ученаго, гдѣ онъ высказы-
вается гораздо свободнѣе, а часто и опредѣленнѣе, чѣмъ въ
печатныхъ трудахъ.**

Сергей Владимирович

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки**

А.А. Вигасин

**ИЗУЧЕНИЕ ИНДИИ
В РОССИИ
(очерки и материалы)**

Издатель Степаненко

Москва 2008

УДК 008(540)(47+57-81)(091)

ББК 71.1

В41

Технический редактор: *Саламин А.Ю.*

Рецензенты:

доктор исторических наук *С.Г. Карпюк,*

кандидат филологических наук, доцент *А.М. Дубянский*

В41 Вигасин А.А. — Изучение Индии в России (очерки и материалы). — М. : Московский Государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, издатель Степаненко, 2008. — 544 с.

ISBN 978-5-901882-15-3

Очерки А.А.Вигасина представляют историю классической отечественной индологии от ее возникновения до первой трети XX века. Значительную часть книги составляют архивные материалы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Издание представляет интерес для специалистов по истории востоковедения и по истории науки в России.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Культурного центра
им. Дж.Нехру Посольства Республики Индия в России*

Издатель Степаненко

Подп. в печать 30.03.2008. Формат 84×108/32. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная. Объём 17 печ.л.
Тираж 150 экз.

Для заказов и информации e-mail: hindi2@yandex.ru
Тел.: 8-916-450-01-89

ISBN 978-5-901882-15-3

© Вигасин А.А. — 2008
© Степаненко А.Ю. — 2008

ВВЕДЕНИЕ

Ровно четверть века назад Г.М.Бонгард-Левин предложил мне участвовать в написании книги «Image of India»¹, посвященной истории отечественной индологии. Некоторые из написанных мною глав были переработаны и опубликованы в «Ежегоднике Индия»². Продолжающая эту серию статья «Дело о санскритском словаре» предназначалась для того же ежегодника. Она не была тогда опубликована из-за противодействия И.Д.Серебрякова, а вскоре и сам ежегодник прекратил существование. Лишь позднее статья появилась в журнале «Вестник древней истории» (2003, №2, с. 194–210). В начале 90-х годов П.М.Шаститко пригласил меня участвовать в написании «Истории отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года» (М., 1997). Мне было поручено написать главу «Индология» (И.П.Минаев, С.Ф.Ольденбург, Ф.И.Щербатской, а также Н.Д.Миронов, А.А.Сталь-Гольштейн, О.О.Розенберг) и дополнить главу об университетской науке материалами по истории индологии. Тогда же в издательстве «Восточная литература» возник план издать сборник работ индологов и цейлонистов А.М. и Л.А.Мерварт. Сборник так и не был опубликован, однако моя статья об этих ученых, предназначавшаяся для него, позднее была включена в книгу «Репрессированные этнографы»³.

¹ Bongard-Levin G.M., Vigasin A.A. Image of India, Moscow, Progress Publishers, 1984 (в 1985 г. книга была опубликована также на хинди).

² Представления об Индии в Древней Руси // «Ежегодник Индия 1981–82», М., 1983; Изучение Индии в России в XVIII в. // «Ежегодник Индия 1983», М., 1985; Изучение индийской культуры в России в первой трети XIX в. // «Ежегодник Индия 1984», М., 1986.

³ Александр и Людмила Мерварт: истоки отечественного цейлоноведения и дравидологии // Репрессированные этнографы. М., 2003, вып. 2, с. 375–399.

Время от времени мне приходилось публиковать документы и очерки, основанные на работе в архивах Москвы и Санкт-Петербурга⁴. Рассеянные по различным журналам и сборникам публикации часто проходят мимо внимания исследователей — поэтому надеюсь, что объединение их в виде сборника окажется бесполезно. Около половины объема книги составляют ранее не издававшиеся документы и материалы. Некоторые очерки переработаны и снабжены отсылками на литературу, появившуюся после первого издания. Хотелось бы надеяться, что собранные вместе работы разных лет помогут представить общую картину возникновения и развития классической индологии в России.

Благодарность я испытываю к М.А.Сидорову, предоставившему мне ксерокопии многочисленных писем Ф.И.Щербатского С.Ф.Ольденбургу. Благодарен я также К.Д.Никольской за позволение напечатать, в качестве одного из приложений, ее перевод статьи П.С.Палласа.

⁴ Рецензия на книгу «Россия и Индия» // Народы Азии и Африки, 1987, №6, с. 163–170; Письма Ф.И. Щербатского из Индии // Российские путешественники в Индии XIX — начала XX вв. М., 1990, с. 276–298; Послесловие // А.Г.Ротчев, Воспоминания русского путешественника, М., 1991, с. 141–143; И.П.Минаев и русская политика на Востоке в 80-е годы XIX века // Восток, 1993, №3, с. 108–124; Бенгальский литератор в Санкт-Петербурге // Ломоносовские чтения. Востоковедение, М., 2002, с. 107–112; «Дворянин новокрещеной из биндейцов Петр Иванов сын Сунгура» // Ломоносовские чтения. Востоковедение. М., 2004, с.28–32; Письма Ф.И.Щербатского из Монголии и Забайкалья // Восток, 2005, №5. См. также: От редакции // С.Ф.Ольденбург. Культура Индии. М., 1991, с. 7–9; Южная Азия // Историография истории Древнего Востока. М., 2002, с. 77–162; Источники и характер сведений о Востоке в Древней и феодальной Руси // История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990, с. 9–37; Вигасин А.А., Карпюк С.Г. Путешествия на Восток в эпоху Екатерины II. М. 1995, Bongard-Levin G.M., Lardinois R., Vigin A.A. Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg (1887–1935). P., 2002; Ф.И. Щербатской и С.Ф. Ольденбург: страницы переписки // В Индию духа... М. 2008.

ГЛАВА I

ОБРАЗ ИНДИИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Сведения об Индии попадали на Русь двумя путями — из литературы и благодаря непосредственным контактам с Востоком. Существование последних устанавливается с трудом, часто на основании фрагментарных и косвенных свидетельств; информация, заимствованная из письменных источников, значительно богаче.

Вскоре после крещения на Русь хлынул поток греческих и южнославянских книг, стали известны индийские имена, сюжеты и мотивы, проникли представления об Индии, сформировавшиеся несколькими веками ранее в Византии. Византия же получила сведения об Индии из трудов отцов церкви и сочинений поздней Римской империи, в которых фантастические предания раннегреческой литературы сплетались с сообщениями спутников Александра Македонского. Для христианских авторов особенно важными казались рассказы о чудесах Индии, о благочестивых «нагомудрецах», а также о миссии апостола Фомы². Через посредство Византии на Русь попадала информация, которая восходила к эпохе похода Александра Великого или же к периоду расцвета морской торговли Рима с Аравией и Южной Азией³.

¹ «Представления об Индии в Древней Руси» («Индия 1981–1982. Ежегодник». М., 1983), *The Image of India in Ancient Rus* (G.M. Bongard-Levin, A.A. Vigasin, *The Image of India. The Study of Ancient Indian Civilization in the USSR*. Moscow, 1984). Более подробный обзор проблематики и материалов содержится в книге В.К. Похина «Древняя Индия в культуре Руси (XI — середина XV в.)». М., 1988.

² См. монографию Н. Gregor, *Das Indienbild des Abendlandes (bis zum Ende des 13. Jahrhunderts)*, Wien, 1964. Некоторое представление о средневековой «индологии» дают переводы (к сожалению, не всегда качественные), собранные в книге «Послания из вымышленного царства», СПб, 2004.

³ См. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). Переводы Г.А. Тароняна, статья А.А. Вигасина. М., 2007.

Под византийским влиянием складывалась и оригинальная древнерусская словесность. В одном из самых ранних ее произведений (до середины XI в.), «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона упоминается крещение Индии апостолом Фомою. «Деяния Фомы», повествующие о строительстве апостолом палат для индийского царя Гундофара и обращении царя в христианство, были хорошо известны на Руси в домонгольский период. Составитель «Повести временных лет», описывая расселение народов по земле, говорит о «жребии Симовом» — от Персиды и «до Индия в долготу»⁴. Рассказывается и о правах «бактриан, пазываемых иначе рахманами или островитянами», которые «из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, имея великий страх божий»⁵. Этим рахманам (т. е. брахманам) противопоставляются инды (индийцы), лишенные подобных добродетелей. Оба отрывка заимствованы, видимо, из византийской хроники Георгия Амартола (во втором случае хронист и ссылается на «летописание Георгия»), которая была переведена в середине XI в. Содержащиеся в ней сведения об Индии восходят к сочинениям поздней античности о нравах брахманов Палладия и (Псевдо-)Амвросия Медиоланского.

Еще со времен Ктесия Книдского (V–IV вв. до н. э.) Индия считалась страной, населенной удивительными существами. Сообщения античных авторов о ее чудесах (иногда дополненные преданиями арабской литературы) стали источниками распространенного в средние века «Физиолога»⁶ (существовавшего во множестве версий — греческой, сирийской, коптской, эфиопской, армянской и т. д.). Описаниями диких животных изобилует византийская церковная литература. Важнейшие произведения этого рода, являвшиеся как бы энциклопедиями христианина, («Шестоднев» Василия Великого и «Шестоднев» Иоанна Экзарха болгарского) были в числе первых книг, появившихся на Руси. Аналогичные сведения содержались и в «Толковой Палее» — комментарии к Ветхому

⁴ Повесть временных лет. Т. 1, с. 9 (205).

⁵ Там же, с. 15 (211).

⁶ См. «Физиолог». Изд. подготовила Е. И. Вансеева, СПб, 2002.

завету. Вплоть до XVII в. «Физиолог» и близкие к нему сочинения, в основном, и формировали представление о далеких странах. Отражение этих представлений мы встречаем не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, в устной народной словесности.

Особенной популярностью пользовались рассказы о фениксе — чудесной птице «в Индикии», живущей близ «Солнечна града» (Илиополя). По пятьсот лет он «без брашна лежит на кедре ливанском», а потом, побуждаемый «иереями илиопольскими», самосжигается, и становится «илиополев град ис-

полнен суще благоухания». В «Физиологе» феникс рассматривается как символ Христа, жертвующего собою. Там же содержатся рассказы об индийском «мравольве», у которого тело льва, «а зад же мравииин» (муравья), о звере Индрике (единороге), об индийском камне, с помощью которого «хитрые врачи» выводят «скверную воду». Иногда в этих описаниях можно обнаружить отголоски реальных сведений о животном мире страны или о местных лекарственных снадобьях, — но они всегда приобретают самую фантастическую форму.

Не только слоны и единороги, но и вепреслоны, мравольвы и тому подобные чудища вставляли со страниц «Христианской топографии» Космы Индикоплова (VI в.), также, видимо, переведенной еще в киевский период и получившей позднее широкое распространение.

Уже в XII в. на Руси пользовалась известностью «Повесть о Варлааме и Иоасафе, царевиче индийском»⁷. Это переложение легенды-жизнеописания Будды, и само имя Иоасаф происходит от индийского наименования буддийских святых —

⁷ Повесть о Варлааме и Иоасафе. Подготовка текста, исследование и комментарий И.Н.Лебедевой, Л., 1985.

«бодхисаттв» (через форму Будасф). Легенда о Будде в начале нашей эры была весьма популярна в Центральной Азии.

Сюжет об отказе индийского царевича от благ и соблазнов мирских, обращении к царству иному, лучшему, и удалении в пустыню был близок средневековому христианскому мировоззрению. Варлаам-пустынник и Иоасаф были причислены к лику святых западной и восточной церковью. На Руси «Повесть» помещали в сборники, называемые «Пролог», в XVII в. ее иллюстрировал гравюрами Симон Ушаков, а при Петре Великом на этот сюжет давались театральные представления. Об Иоасафе был сложен один из самых известных духовных стихов. Некоторые из вариантов этого стиха подробно передают содержание «Повести», рассказывая о встрече сына индийского царя Авенира со «слепцом, прокаженным и беззубым старцем», о том, как юноша «скорби людей слышав, начал есть рыдати, окаянно житие людское вешати» и затем «сам во иноческую одежду смирися... яко един от нищих самохотно бяше»⁸. Другие версии передают лишь беседу Иоасафа с пустыней (плач, молитву или похвалу пустыне). На вопрос: «Ясахвий, на кого свое царство покидаешь?» отвечает царевич: «Прекрасная мать-пустыня, ино царствие мое временное, а царствие небесное вековое». «Повесть» послужила основой произведений ряда русских авторов — от Симеона Полоцкого до В. А. Жуковского и А. Н. Майкова.

Сведения об Индии присутствуют и в других церковнославянских памятниках. В византийской и староболгарской литературе часто встречалось описание брахманов или блаженных людей. В житии Макария Римского говорится о путешествии трех отроков в Индию, страну блаженных (макареев), которые живут в пещере, около самого рая, «ходят наги, власы белы»⁹. Описание «блаженных» и окружающих стран (земли псоглавцев, а также железного града, за которым находится рай) близко тому, что рассказывалось о брахманах в романе Псевдо-Каллисфена об Александре и иных произведениях позднеантичной литературы. Еще одним такого рода

⁸ П. А. Бессонов. Калики переходящие. Т. 1. М., 1861, с. 235.

⁹ Н. С. Тихонравов. Отреченные книги древней России. Т. 2. М., 1898, с. 72.

произведением, распространенным на Руси уже в домонгольскую эпоху, было «Хождение Зосимы к рахманам». Данные о нагомудрецах-брахманах (рахманах), почерпнутые из позднеантичных писателей (у Палладия) или в романе Псевдо-Каллисфена, здесь причудливо переплетаются с сообщениями о еврейских праведниках-рехавитах. Многие определяется тем, что рахманов помещают на краю земли, рядом с земным раем, а потому идеализируют. Влияние литературы об Александре Македонском и блаженных брахманах ощущается и в «Слове Мефодия Патарского». Локализация «рахманов» часто фантастична — на краю земли, «где град Иерусалим» (хотя тут же называются индийские животные: «зверь, именем велблуд», и др.).

Среди памятников, пришедших около X в. из Болгарии, было какое-то число апокрифов, часть их, видимо, содержала богомильские идеи. На Руси подобные сочинения оказали влияние не только на письменную, но и устную литературу. Вероятно, под их воздействием был создан знаменитый стих о «Голубиной (глубинной) книге». В некоторых фрагментах «Голубиной книги» чувствуется также влияние произведений типа «Физиолога» (ответы по поводу матери зверей — Индре, Индрике, матери рыб — Китре, птице фениксе и т.д.). Особенно интересен такой фрагмент из отдельных вариантов духовного стиха:

«...оттого у нас в земле цари пошли от святой главы от Адамовой...
оттого зачалились князья-бояре — от святых мошей от Адамовых...
оттого крестьяни православные от свята колена от Адамова».

Эти строфы, напоминающие знаменитый гимн «Ригведы» о происхождении варн, не раз привлекали внимание исследователей¹⁰. Первоначально господствовала точка зрения, что русский духовный стих сохранил общеиндоевропейскую, или арийскую, мифологическую традицию, однако, учитывая книжное в целом происхождение духовных стихов, следует предполагать скорее появление индийского мифа на русской почве с Запада, через ряд литературных посредников (А. Веселовский, В. Мочульский). Если такое заимствование, действи-

¹⁰ См. S.Schayer, *O Filozofowaniu Hindusów*, Warszawa, 1988 (A Note on the Old Russian Variant of Purushasūkta).

тельно, имело место, оно могло быть обусловлено сохранением элементов архаического мифологического сознания в народной русской культуре.

Распространение сочинений о жизни индийских нагомудрецов-рахманов было связано с богословской полемикой и идейной борьбой в средневековой Руси. Ссылаясь именно на такие рассказы, новгородский архиепископ Василий Калика в письме тверскому епископу Феодору доказывал существование рая на земле. Книжник Ефросин в XV в. на основе хроники Георгия Амартола и других источников написал «Слово о рахманах и о предивном их житии»¹¹. Здесь он подчеркивал благочестие «врахманов», лишенных «стязания зело имуще» (проблема важная для русской публицистики того времени): нет у них ни железа, ни храмов, «ни злата, ... ни вина, ни мясоедения, ... ни царя, ни купли», «живут нагим телом», «мало овоща и сладкая воды принимают и веруют искренно к богу и беспрестанно молятся»! Максим Грек, напротив, писал о ложной мудрости индийских рахманов.

Повествования на эту тему были, видимо, довольно широко распространены. В Южной Руси и на Украине долго бытовали рассказы о рахманах, обитающих далеко за морями или под землею¹². Они не знают календаря и празднуют пасху, когда к ним доплывает скорлупа пасхальных яиц. В Галиции сложились поговорки: «Постимся, как рахмане» и «На рахманий велик день»¹³. В украинском языке слово «рахман, рахманин» стало означать праведника и нищего, в Калужской и Смоленской областях засвидетельствовано прилагательное

¹¹ См.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.-Л., 1969, с. 143–144.

¹² А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести. Т. 1. СПб., 1886, с. 371. К. А. Антонова (см. Россия и Индия. М., 1986, с. 300) предлагала выводить этих «рахманов» не от индийских брахманов, а «от арабско-татарского слова рахман», но это можно сделать, лишь полностью игнорируя всю древнерусскую книжную традицию о «врахманах» Индии.

¹³ Историко-литературная хрестоматия. Ч. I. М., 1922, с. 53; см. также Яцимирский А. И. Румынские сказания о рахманах // Живая старина, СПб., 1900, вып. 1–2.

«рахманный», т.е. «смирный, простодушный, чуждой» (отсюда, кстати, и фамилия композитора С. Рахманинова¹⁴).

Немалую роль в оформлении представлений об Индии сыграло «Сказание об Индийском царстве»¹⁵. В основе его лежит письмо, якобы направленное индийским пресвитером (царем-попом) Иоанном греческому царю Мануилу (Комнину). «Письмо» на греческом языке стало известно в середине XII в. и тогда же было переведено на латинский. Его появление в эпоху крестовых походов не случайно. В Европе был велик интерес к Востоку с его богатствами, сохранялись надежды, что в дальних странах есть могучее христианское царство. Несмотря на то, что уже средневековые хронисты отмечали в «Письме» некоторые странности (например, «хроника Альберика» в 1165 г.), европейцы воспринимали его вполне серьезно, и в 1177 г. папа Александр III отправил посольство к царю Иоанну.

Русская версия возникла уже в начале XIII в., здесь «Письмо» называлось «Сказание об Индийском царстве, о великом преславнейшем государстве и всех чудесах его: сколь велика земля, сколько в ней чудес и узорочей, и каковы в ней люди, звери, птицы и всякие узорочья». «Сказание» вобрало в себя содержание легенд о далекой, поразительно богатой стране, где живет птица, выющая себе гнездо на пятнадцати дубах, где есть «звирь слонове, индры и туры златорогие, и велбуды и всякие звери лютые», где живут люди рогатые, с песьими головами и вовсе без голов, с глазами на груди, крылатые и о шести руках, где текут реки из самого рая и «рождается перь» (переп), есть «камение драгое именем акинф и смарагд», дворец по образцу дворца, построенного апостолом Фомой для царя Гундофара, «всякого обилия много» и нет «ни татя,

¹⁴ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, Т. 3. М., 1971, с. 449.

¹⁵ См.: М.Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Т. 3. 1930; он же, Индия в старой русской письменности // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882–1932. Л., 1934; В.М.Истрин. Сказание об Индийском царстве. М., 1893; И. Баталин. Сказание об Индийском царстве. Воронеж, 1876.

ни разбойника, ни завистливого человека». В рассказе о фантастических животных легко обнаруживается связь с повествованиями «физиологической» литературы и с описаниями чудес Индии и других восточных стран античными авторами (от Геродота до Псевдо-Каллисфена). Сказочное повествование, однако, несет и религиозную мораль, поскольку царь богатой Индии Иван оказывается христианином, и даже православным.

Важное место в древнерусской литературе принадлежало «Александрии», восходившей к упоминавшемуся уже роману об Александре Псевдо-Каллисфена. Она существовала на Руси в нескольких версиях. Наиболее ранняя из них датируется XI–XII вв.; в XIII в. она была включена в «Хронографы». Спустя некоторое время текст «Александрии» разросся в результате добавлений из «Сказания об Индийском царстве» и других источников. Именно в расширенном виде текст ее вошел в состав хронографа, называемого «Еллинский и Римский летописец» (второй редакции — конец XIV в.). В XV в. в связи со «вторым южнославянским влиянием» на Руси появилась и новая версия — «сербская» «Александрия», сложившаяся в Южной Европе столетием раньше. Она содержала подробное описание Индии, много рассказов о ее чудесах — людях-птицах и муравьях, которые могут утащить коня, о людях с песьими головами, шестируких и шестиногих, о ходивших в Индию царе Ираклии (Геракле) и царице Семирамиде. Особое место отведено рахмапам (брахманам), которые «не обременены, как мы, грехами, но смирно живут вблизи от ангелов, и блаженство ниспослано им богом»¹⁶. Обитают они на островах блаженных (макарийских) в океан-море и зовутся «наго-мудрецами, так как совлекли с себя все страсти»¹⁷. Старейшиной у них — Ивант, учитель рахманский (отдаленным его прообразом, видимо, мог послужить мудрец Дандакий, о котором поведали когда-то спутники Александра Македонского). В описании богатства дворца Пора, где «стены покрыты золотом», «Александрия» следует «Сказанию об Индийском царстве».

¹⁶ Александрия..., с. 92.

¹⁷ Там же, с. 108.

Материалы обоих сочинений отразились и в устной словесности. «Индия богатая» стала устойчивым образом русских былин. Наиболее известна былина о Дюке Степановиче, который похвалялся перед киевским князем Владимиром изобилием своей родины (Индии) — так же, как индийский царь Ивайя перед греческим царем Мапуилом в «Сказании об Индийском царстве». Об Индии идет речь и в архаичной былине о Волхе Всеславьевиче (сложившейся, видимо, еще в домонгольский период)¹⁸. Туда же отправляется торговать новгородский Садко¹⁹. В поздних былинах Михайло Потык едет к Бухарю, царю заморскому, за данью²⁰, а князю литовскому советуют идти походом не на Московию, а на Индию богатую²¹. Индийский «Солнечный город» (Илиополь) упоминается и в русских сказках (например, о Еруслане Лазаревиче). В них границы страны стережет некий Ивашко Белая поляница (упоминаемый и в «Былине про Индию богатую»). Имя сго, возможно, связано с царем Иваном «Сказания» или с брахманским старейшиной Ивантом в «Александрии». Книжные сочинения об Индии постепенно все шире распространялись в народной среде.

В XV в. на Руси появилась еще одна повесть индийского происхождения — «Стефанит и Ихнилат»²², восходящая, как известно, к «Панчатантре», которая при Хосрове Ануширване была переведена с санскрита на пехлвийский, а затем с пехлвийского на арабский. Она получила название «Калила и Димна» и пополнилась цитатами из Корана. В XI в. по поражению византийского императора Алексея I Комнина его придворный врач Симеон Сиф перевел книгу на греческий язык. На основе последней в XIII в. была создана южнославянская версия, проникшая вскоре на Русь. Уже в греческую версию были добавлены вставки из Библии и античных

¹⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977, с. 433.

¹⁹ Новгородские былины. Л., 1978, с. 192.

²⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. М., 1909, с. 710.

²¹ Там же, с. 69.

²² См.: Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. Л., 1969.

авторов; славянская же приписана Иоанну Дамаскину. Подобно индийскому оригиналу, европейские версии «Панчатантры» (в том числе древнерусская «Стефанит и Ихнилат») рассматривались как «Зерцало». Недаром она имела подзаголовок: «Наставление человеческой жизни», «сочинение о жизненных делах, изложенное в притчах... одним философом в Индии по побуждению ее царя»²³. Повесть «Стефанит и Ихнилат» на русской почве сближалась с литературой типа «Физиолог» (ее и называли «физиологической книжкой»). Текст ее также подвергся редакции и включил ряд христианских поучений, обличений стяжательства, похвал праведникам и т.д.²⁴ Книжка приобрела широкую популярность; имеется более сорока ее списков. Следы знакомства с ней обнаруживаются в ряде древнерусских сочинений. С Ихнилатом лукавым сравнивается, например, посол папы Григория XIII при московском дворе в 1581–1582 гг. иезуит Антонио Поссевино («Повесть о приходе Стефана Батория в град Псков»²⁵). Басни из книги «Стефанит и Ихнилат» индийского происхождения могли оказать влияние на русский фольклор, а затем вошли и в новую русскую словесность (А. Ремизов).

В письменной литературе сведения Космы Индикоплова, «Физиолога» и «Александрии» дольше всего сохранялись в «Азбуковниках, или алфавитах иностранных речей», где повторялись рассказы об индийских пигмеях, которые ездят на козлах и «дерутся с журавлями», и о врахманах-макровиях (брахманах-блаженных), «живущих за Гангом, одной из рек, выходящих из рая». Впрочем, составители «Азбуковников» сами не настаивали на истинности своей информации: «Аще истинно есть или ложно, не веде, но убо в книгах сия обрете, понудихся и та здесь написати. Тако же и о зверех и о птицах, и древесех и травах, и о рыбах и о каменех, яже здесь писаны по буквам»²⁶. В одном из «Азбуковников» XVII в. так суммируются свидетельства старинной литературы об Индии: «Цар-

²³ Там же, с. 115.

²⁴ Там же, с. 180.

²⁵ Там же, с. 187.

²⁶ А. П. Карпов. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей. Казань, 1877, с. 256–257.

ство Великия Индии — искони царство славно; пространство же имеют Великия Индеи во все стороны широко, град же и сел бесчисленно много, яко звезд в небеси, простирает же ся и до Китайского царства, а в другую сторону до Восточного моря. Бывало в нем благочестие, крещена от святых апостол, пыше же заблудишися: служат солнцу и луне и звездам и огню и воде поклоняются. Тоя же Великия Индеи родом Иоасаф царевич, его же научил благочестию Варлаам пустышник. Изобильна же вельми бисером драгим и кореньем благоуханным. Нравы варварские, от пьянства отвращаются»²⁷.

Образ Индии в древнерусской словесности мало соответствовал действительности: это страна чудес и праведников в церковной литературе, сказочных богатств — в фольклоре. Но было бы ошибкою оценивать уровень знаний об Индии в Древней Руси только по фантастическим описаниям «Физиолога» или «Сказания об Индийском царстве». Отношение литературы к действительности было весьма сложным. Достоверное изображение реальности, в том числе географической, не являлось целью старинного книжника.

Контакты, непосредственные или опосредованные, с Востоком уходят в незапамятную древность, но долгое время практические сведения об Индии не попадали в литературу (отчасти потому, что располагали ими обычно люди не «книжные»). Археологические находки (в том числе индийских монет) свидетельствуют о восточной торговле Киевской Руси. Ясно, что контакты не могли ограничиваться только торговлей. Очень рано на Руси появились и получили широчайшее распространение шахматы. Многие свидетельствуют о том, что пришли они с Востока — через Итиль и Булгар, а, в конечном счете, из Индии. Древние изображения шахматных фигур (их часто находят, например, при раскопках Новгорода XI в.) ближе индийским, нежели западноевропейским²⁸.

Ибн Фадлан, совершивший в 921–922 гг. путешествие на Волгу, рассказывает о некоем «синдийце», жившем у правителя Волжской Булгарии. Книга Ибн Фадлана содержит и подробное повествование о приезжавших в Булгарию русах. В X–XI вв.

²⁷ М. Н. Сперанский. Сказание..., с. 454.

²⁸ И. И. Линдер. Шахматы на Руси. М., 1975, с. 68–69, 96, 108 и др.

установился торговый волжско-каспийский путь, связавший древнюю Русь со Средней Азией и Северной Индией. «Повесть временных лет» упоминает путь в «Болгары и Хвалисы» (т.е. в Хорезм) и далее на восток «в жребий Симов»²⁹. Последнее выражение подразумевает и области Индии. Известный арабский и персидский писатель начала XIII в., уроженец Бухары, живший в Дели, Мухаммад Ауфи сообщает о посольстве киевского князя Владимира к правителю Хорезма. Известно о торговых связях Киевской Руси со Средней Азией. Сведения арабских географов о русах преимущественно относятся к X–XI вв., хотя иногда передаются и значительно более поздними источниками. Некоторые авторы (ал-Бакри, Ибн Хаукал) указывают на сходство обычаев (погребальных, например) русов и индийцев. Ал-Бакри пишет: «У них (русов) обычаи, подобные обычаям индийцев»³⁰.

Татаро-монгольское нашествие первоначально, видимо, нарушило сложившиеся международные связи. Спустя какое-то время, однако, сама Золотая Орда выступила связующим звеном между Русью и Индией. В XIV в. султаны Индии поддерживали тесные контакты с Джучидами, которым были подчинены русские княжества. Важнейшими торговыми центрами стали обе ордынские столицы — Сарай-Бату (Старый Сарай) и Сарай-Берке (Новый Сарай). Знаменитый путешественник Ибн Баттута, побывавший в Орде в 30-е годы XIV столетия, сообщает о торговле лошадьми — в Индию отправлялись табуны в 6 тыс. и более лошадей. Поволжье и Северную Индию соединял ряд торговых путей через Закавказье (Дербент, Баку, Шемаха) и Среднюю Азию. По словам Ибн Баттуты, торговому обмену особо покровительствовал Мухаммад Туглак. Подтверждением этому служит обнаружение золотых индийских монет XIV в. в Поволжье (клад у деревни Тенишсво и др.).

Источники повествуют о пребывании в Индии русских невольников. По данным «Туглак-нама», они составляли ядро армии Гази Малика, занявшего Дели и под именем Гийас-уд-

²⁹ Повесть временных лет. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 12.

³⁰ Б.Н.Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967, с. 103.

дин Туглака основавшего новую индийскую династию. Знаменитый поэт Амир Хосров Дехлеви упоминает «холодных как лед» русских красавиц³¹.

На рубеже XIV–XV вв. Золотая Орда была разгромлена Тимуром, совершавшим разрушительные походы и в Индию, и на Русь, но торговые пути сохранились. Кастильский посол при дворе Тимура Руи Гонсалес де Клавихо пишет, что в Самарканде он видел купцов, как с русскими, так и с индийскими товарами³². Упоминания об Индии изредка встречаются и в русской письменности. В Новгородской, Псковской и некоторых других летописях под 1352 г. говорится о «черной смерти»: «Неции глаголют, тот мор пошел из Индийской страны, от Солнца-града». Весьма характерно, что само упоминание Индийской страны вызывает чисто литературные реминисценции о Солнце-граде (Гелиополе).

О русско-индийских отношениях в XV в. источников мало, но среди них один бесценный — «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Путешествие его, согласно новейшим изысканиям³³, приходится на 1471–1474 гг. За Афанасием Никитиным во внутренней Индии ходили толпы, дивясь на белого человека. Допустимо, конечно, предположить возможность посещения его русскими купцами до Афанасия Никитина, однако сведения о таких случаях и у самого путешественника, и в других наших источниках отсутствуют. В то же время тверской купец ехал не вовсе в неизвестность. Он, по всей вероятности, вел постоянную торговлю в прикаспийских областях и связан был с хорасанцами. Уже в Индии Афанасий смог заручиться поддержкой влиятельного хорасанца ходжи Мухаммеда. Примечательно, что в «Хождении» есть ряд авторских вставок на языке, представляющем собой некую смесь восточных

³¹ P. M. Kemp, *Bharat-Rus. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Medieval Times to October Revolution*, Delhi, 1958, с. 33, 35.

³² Руи Гонсалес де Клавихо, *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406)*. М., 1990, с. 139.

³³ См. Л. С. Семенов. *Хронология путешествия Афанасия Никитина // Хождение Афанасия Никитина*. Л., 1986; Он же, *Путешествие Афанасия Никитина*. М., 1980.

слов и, очевидно, распространенном среди купцов в прикаспийских областях и Средней Азии. Купцы-мусульмане, знавшие русские и индийские рынки, и рассказали тверитянину о заморских товарах.

Собственной информации Афанасий Никитин не имел и, попав в страну, был разочарован: «Меня обманули псы-бусурмане. Они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли,... товар только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска,... но... пошлина большая»³⁴. Однако он внимательно примечал и, наверное, записывал, что где родится и сколько стоит. Разузнавал купец также о богатствах и ценах в тех частях Индии и сопредельных территориях, в которых сам не смог побывать. Несмотря на некоторое разочарование и трудности, пережитые им, он, очевидно, считал важными сведения об индийских товарах для возможной торговли между двумя странами.

Автор «Хожения» был человеком, безусловно, начитанным. Он взял с собою в путешествие «книги», пропавшие во время разбойного нападения. Сравнение фигуры индийского Бута с памятником Юстиниану в Царьграде вызвано, скорее всего, чтением какой-то лицевой (иллюстрированной) рукописи. Не исключено, что он был знаком с другими «Хожениями» и именно под их влиянием начал вести записи, а по возвращении оформил их в виде специальной книги³⁵. Не исключено и знакомство его с «Христианской топографией» Космы Индикоплова, пересекшего «три моря» за девять веков до тверского купца. Тон «Хожения» иногда бывает поучительным, напоминая другие произведения древнерусской литературы. Но бросается в глаза и отличие сочинения Афанасия Никитина от обычных на Руси «Хожений», посвященных святым местам или официальным посольствам. Язык и стиль ав-

³⁴ Хожение за три моря Афанасия Никитина. М. – Л., 1948, с. 58.

³⁵ Н.С.Трубецкой пытался даже доказать, что «Хожение за три моря» представляет собою искусный литературный труд, противостоящий паломнической литературе – своего рода, «грешное хождение» (см. Трубецкой Н.С. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика. М., 1983, с. 435–461).

тора индивидуальны, вопреки традициям книжной письменности. Редки у него и литературные реминисценции.

Судя по тому, что сохранилось несколько рукописей «Хождения», оно получило известное распространение среди русской образованной публики³⁶. Однако повествование очевидца, жившего в Индии несколько лет, не повлияло на представления об этой стране в древнерусской литературе. Книжный образ страны, сложившийся задолго до путешествия Афанасия Никитина, находился как бы в ином пласте сознания средневекового человека, он не пересекался и не вступал в конфликт с сообщениями тверского купца о реальной стране. Лишь накануне нового времени возникает потребность в критической оценке книжных знаний.

Принципиально изменила средневековую картину мира эпоха великих географических открытий. С некоторым запозданием эти изменения коснулись и русской культуры. В XVI–XVII вв. предпринимаются попытки установления официальных русско-индийских контактов. Через несколько десятилетий после Афанасия Никитина, на рубеже XV–XVI столетий Васко да Гама открыл для европейцев морской путь в Индию. Португальцы монополизировали индийскую торговлю, получая от нее колоссальные барыши на зависть всем европейским купцам и правителям. Интерес к богатым восточным странам стали проявлять и в Московском царстве, объединенном и освободившемся от татарского ига. Известное значение имело то обстоятельство, что при дворе жило немало иностранцев. Итальянцы, особенно остро переживавшие успехи своих португальских конкурентов, мечтали об открытии новых торговых путей в Индию и Китай — через Персию и Россию. О таком пути говорил в Москве в 1520 г. генуэзец Паоло Чентурионе, а в 1537 г. — венецианец Марко Фоскарини. Сенсацию в Европе произвела мысль «русского Эразмуса» Дмитрия Герасимова о возможности плавания морем через Россию и далее через Иран в Индию. Впрочем, русские власти не уделяли этому особого внимания.

³⁶ А. А. Зимин. Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIII. 1957, с. 438.

Непосредственных связей с Индией в то время не было, и даже информация о ней оставалась ничтожной. Никоновская летопись³⁷ сообщает, что «в лето 7041 года» «к великому князю Василию Ивановичу всея Руси на Москву» прибыл «Ындейской земли гость Хозяусейн» (ходжа Хусейн), «а привез грамоту от Бабур-падши, Ындейской земли государя». А писал Бабур-падша, «чтобы великий государь Василей с ним был в дружбе и в братстве и люди бы промеж их ходили на обе стороны». Великий князь ответил согласиём, чтобы «люди промеж их ездили. А о братстве к нему не приказывал», ибо «неведомо как он на Индейском государстве, государь ли или урядник». Посольские документы не сохранились, и в современной историографии встречаются различные суждения об этом посольстве. Есть мнение, что ходжа Хусейн был просто торговцем, имевшим обычную охранную грамоту от Бабура. Высказывалось, однако, предположение, что, будучи выходцем из Средней Азии, Бабур действительно проявил интерес к далекому северному государству, издавна имевшему связи с государствами Средней Азии. Как бы то ни было, в Москве отсутствовали и информация о великом завоевателе Индии и интерес к дипломатическим связям с ней. Показательно и то, что посольство ходжи Хусейна находилось в пути не менее двух лет, поскольку Бабур скончался еще в 1530 г.

Постоящий интерес к Индии появился при Иване Грозном, после взятия Казани и Астрахани, городов, которые издавна были центрами восточной торговли. К тому же времени относится и налаживание торговых контактов Московского царства с Англией. Британские купцы, пытавшиеся пройти северо-восточным путем в Индию, в 50-е годы XVI в. открыли для себя русский рынок. После экспедиции Ченслера была создана так называемая Московская (или Русская) компания. На протяжении всей второй половины XVI в. англичане пытались овладеть торговыми путями через Россию в Среднюю Азию, Персию, Индию. С этой целью совершал поездки на восток капитан Дженкинсон, описывавший ежегодный торг в Бухаре (в том числе индийскими и русскими товарами) и договаривавшийся с купцами в Персии о постоянном обмене

³⁷ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М., 1965, с. 65.

товарами. Англичане связывали получение огромных прибылей с открытием пути из Архангельска — через Ярославль, Москву, Астрахань и Персию — в Индию³⁸. Полагали, что этот маршрут окажется даже более выгодным, чем морской путь, контролируемый португальцами. Правительство Англии неоднократно обращалось с просьбой к русским царям предоставить «Московской компании» монопольные права торговли с Бухарой, Персией, Индией и Китаем. Интерес к торговым путям на Восток проявляли и другие европейские государства. Так, Швеция, подписывая мир с Иваном Грозным, включила в договор пункт о разрешении купцам ездить через Россию в Индию и Китай³⁹. Итальянец Джованни Ботеро утверждал, что наилучший путь в Индию лежит через Россию, но царь запрещает им пользоваться⁴⁰.

Русское правительство поощряло восточную торговлю. Один из итальянских источников (1553) сообщает, что Иван Грозный уделял особое внимание отысканию новых путей в Индию. Однако Россия рассчитывала самостоятельно завязать связи с далекими восточными странами. В 1567 г. в Ормуз было отправлено специальное посольство от московских гостей. В проекте договора с Ираном 1595 г. предусматривалась торговля через его территорию, очевидно, с Индией. Официальных контактов с последней в XVI в. не было. Тем не менее, отдельные торговцы попадали туда. О русских купцах в этой стране в 80-х годах слышал Ральф Фич⁴¹. В 90-е годы в Бухаре и Индии девять лет «жил для торговли» русский купец Леонтий Юдин. Приезжали индийские купцы в Россию. С трудом налаживалась к концу XVI в. русско-индийская торговля. Более прочными и постоянными становятся эти отношения в XVII в., после того как на русской территории, прежде всего в Астрахани, были основаны индийские фактории, а московское правительство стало снаряжать специальные дип-

³⁸ См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.

³⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 3. М., 1960, с. 498.

⁴⁰ Р. М. Kemp, *Bharat-Rus*, с. 39.

⁴¹ Там же, с. 41.

ломатические и торговые миссии к Великим Моголам. С этого времени начинается новый период в истории русско-индийских отношений и новый этап в развитии представлений об Индии на Руси.

В XVI и особенно XVII в., когда в России пробудился живой интерес к далеким странам, появились научные труды, посвященные описанию земного шара. На русский язык были переведены сочинения античных географов (Помпония Мелы и др.), сводные работы по географии, такие, как польская «Хроника всего света» Марцина Бельского, «Космография» Джованни Ботеро, «Космография» Герарда Меркатора. Переводились и специальные работы, посвященные истории Великих Моголов и путешествиям в Индию (например, путешествие «Георгия Спильбергия, трех кораблей начальника року 1601 от Селяндии в Индию восточную приятное»⁴² и др.). В обширных сводных трудах XVII в. (как нередко и в западных работах, служивших им источниками) сведения книжные, почерпнутые из сочинений древних географов, из преданий и «Христианской топографии» Космы Индикоплова, помещались рядом с той гражданско-практической информацией, которую предоставляли путешественники нового времени. «Космография 1670 года»⁴³, базирующаяся преимущественно на русском переводе Герарда Меркатора⁴⁴, содержит ссылки одновременно на античных авторов «Помпониуса», «Диодоруса», «Плиниуса» и на современных ей путешественников и географов от «Маркуса Паулюса» (Марко Поло) до Скалигера. Это соединение древних и новых свидетельств об Индии заметно в «Космографии» повсюду. Так, о множестве городов страны говорится на основании данных «Александрии», а продолжением рассказа служит описание «началнейшего стольного города Калехута» т. е. Каликута, важнейшей базы португальцев в Индии, и г. Камбая «на берегу Гуйзарата» со ссылкой на новейшего географа Скалигера. Изменился и общий подход — осо-

⁴² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903, с. 71.

⁴³ Космография 1670 года. СПб., 1876–1881, с. 363–369.

⁴⁴ Ср., например, рукописи РГА/А ф. 181, № 734/1256 и № 473/953.

бое внимание уделяется уже не чудесам, а пряностям и шелку. Постепенно книжный образ Индии, противоречивший реальной информации, отступал в область сказок, занимательного и несерьезного чтения. К концу XVII в. далекую заморскую страну на Руси представляли уже больше по западным книгам и сообщениям своих путешественников, чем по старинной литературе.

ГЛАВА II

ИЗУЧЕНИЕ ИНДИИ В РОССИИ XVIII в.

После эпохи Великих географических открытий в странах Европы неуклонно возрастал интерес к Индии. Бурно развивалась заморская торговля, приносившая огромные прибыли. Все чаще в Индии появлялись купцы, путешественники и миссионеры. Несравненно богаче и достовернее стала информация о ней в европейской литературе. В XVII — первой половине XVIII в. был написан ряд специальных сочинений, содержащих сведения о политическом строе страны, языках, обычаях и религии ее населения. Правда, большая часть этих сочинений оставалась в рукописи. В соответствии с географией миссионерской активности и торгово-предпринимательской деятельности основное внимание в них уделялось южноиндийскому побережью и Бенгалии. Северо-Западная Индия была известна гораздо меньше.

Ознакомлению с обычаями, обрядами, языками препятствовала кастовая замкнутость индийского общества. Автор первой на Западе грамматики санскрита миссионер Генрих Рот¹ смог изучить этот язык лишь благодаря помощи брахмана, обращенного им в христианство. Ему пришлось действовать как бы на пустом месте, хотя у него был предшественник — итальянец Роберто ди Нобили. Более того, грамматика Генриха Рота обнаружена лишь недавно и непосредственного влияния на европейскую науку, разумеется, не оказала. Даже в середине XVIII в. на Западе древнеиндийские тексты переводились с персидского. Несмотря на удивительные достижения отдельных энтузиастов, до конца XVIII в. можно говорить лишь о предыстории европейской индологии.

Россия еще в XVII в. предпринимала неоднократные попытки завязать дипломатические отношения и наладить торговые связи с Индией. Особое значение придавалось этому в петровскую эпоху. В проекте Ф. С. Салтыкова «Изъявления прибыточные государству» 1714 г. содержались предложения,

¹ Hauschild R. Der Missionar P. Heinrich Roth aus Dillingen und die erste europäische Sanskrit-Grammatik. B., 1972.

касавшиеся поисков северного морского пути в Китай и Индию, а также строительства крепостей в Сибири и открытия торговых путей в Индию через территории калмыков и монголов. От этого ожидалась «в государстве великая прибыль так же, как Англия и Голландия имеет себе оттуды»². В 1715 г. русскому послу в Персии А. П. Волынскому было приказано узнавать о торговых путях в Индию. В 1716 г. по личному распоряжению Петра была снаряжена знаменитая экспедиция князя А. Бековича-Черкасского в ханства Средней Азии. В составе экспедиции было несколько человек во главе с поручиком А. И. Кожиным, которые должны были продолжить путь по Амударье («дабы до Индии путь водяной сыскать»), составить карту и разведать «о пряных зельях и о других товарах»³.

В Посольском приказе в Москве были разысканы дипломатические документы XVII в. Их сведения сопоставлялись с новейшими западными публикациями о Великих Моголах и с информацией восточных купцов, проживавших в Москве. В 1723 г. экспедиция вице-адмирала Д. Вильстера должна была отправиться на Мадагаскар, затем совершить «вояж до Ост-Индии, а именно до Бенгалена»⁴. Д. Вильстеру поручалось заключение торгового договора с государством Великого Могола, а также покупка дерева для «покоуту». Ни А.И. Кожин, ни Д. Вильстер, однако, не смогли добраться до цели.

Идея налаживания русско-индийской торговли не была оставлена и после Петра. В анонимном проекте 1727 г. речь шла о караванных путях из Астрахани через Среднюю Азию. В проектах 30-х годов начальник оренбургской экспедиции И.К. Кириллов предлагал идти в Индию из Оренбурга. Он старался основать здесь индийскую торговую колонию, приглашая индийских купцов из Бухары. Какое-то число их, видимо, действительно приезжали в Оренбург в середине XVIII в. — известно, что даже цены на товары в этот период в городе определялись не только в рублях, но и в рупиях⁵. Время от времени

² Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965, с. 36.

³ Там же, с. 37, 39.

⁴ Там же, с. 60.

⁵ См.: Е. Я. Люстерник, Е. Г. Шапот. О некоторых просветах организации русско-индийской торговли в XVIII в. // «Ученые записки ЛГУ». Сер. востоковедных наук, вып. 9. Л., 1960.

рассматривались проекты иностранных предпринимателей, ратовавших за учреждение специальной компании для торговли с заморской страной.

В начале 50-х годов оренбургский губернатор И. Неплюев пытался организовать компанию русских купцов для торговли с Индией и среднеазиатскими ханствами. В 60-е годы вопрос о северо-восточном пути в Индию занимал М. В. Ломоносова. Тогда же вновь делались попытки наладить русско-индийскую торговлю через Сибирь и среднеазиатские ханства. Наконец, еще в 90-е годы несколько раз вносились предложения по поводу создания компании для торговли с Индией, как по суше, так и по морю — через Мадагаскар.

Проекты эти не были осуществлены. Сведений о посещении русскими далекой восточной страны в первой половине XVIII в. почти нет. Соответственно возможности ее изучения в России были несравненно более ограниченными, чем в Западной Европе. Одно обстоятельство, однако, облегчало русско-индийские контакты — индийцы жили в самой России. Наиболее обширная торговая колония их находилась в Астрахани с начала XVII в.⁶ К середине следующего столетия она насчитывала около 100 человек. Постоянная колония существовала и в Кизляре на Тереке. Торговали заморские купцы на Макарьевской ярмарке, в Москве и Ярославле.

Можно было встретить индийцев и в других городах. Так, русское посольство, направлявшееся в Пекин, в 1719 г. повстречало в районе Селенгинска аскета из Мадраса⁷. При императрице Анне Иоанновне в Санкт-Петербурге за слонами, подаренными ей персидским шахом, ухаживали 18 индийцев. В иные годы число их соотечественников, живших на Руси временно или постоянно, достигало нескольких сот. Они попадали сюда преимущественно из Персии, через Восточный Кавказ. Были, несомненно, и иные пути — через Среднюю Азию, через Монголию в Забайкалье.

Русское правительство покровительствовало восточной торговле. В 1722 г. Петр побывал в Астрахани и принял старей-

⁶ См.: А. И. Юхт. Индийская колония в Астрахани // «Вопросы истории». 1957, №3; Н. Н. Пальмов. Астраханские архивы. «Индийцы» (индусы) в Астрахани по данным XVII–XVIII вв., кончая 1743 г. // Записки ИВАН. Т. 2, вып. 4, 1934.

⁷ Р. М. Kemp. Bharat-Rus. Delhi, 1958, с. 97.

шингу индийских купцов Амбу Рама. По именному указу царя им предоставлялась значительная самостоятельность — велено было «в их дела губернаторам и прочим правителям не вступать». Этот указ не нарушался на протяжении всего XVIII в.⁸

Индийские торговцы в Астрахани составляли самоуправляющиеся объединения того же типа, что и аналогичные корпорации на их родине. В колонии жили также лица, занимающиеся услужением, и, возможно, ремесленники. Было здесь немало жрецов-брахманов⁹ (богатые купцы иногда брали их с собою в Москву и Петербург), а также несколько «пустынников» — отшельников, существовавших подаянием. Все они следовали своим обычаям, выполняли обряды и регулярно посылали дары в храмы Индии. В трех молельнях совершались религиозные церемонии. Несмотря на то, что местное полицейское начальство иногда выражало недовольство по данному поводу, препятствий иноверцам, по-видимому, оно не чинило. В этом отношении индийцы в России находились в гораздо более благоприятном положении, чем, например, в соседнем Иране.

Астраханская колония была тесно связана, прежде всего, с такими же колониями в Персии и торговала в значительной мере персидскими товарами (поэтому не нужно переоценивать роль астраханской колонии в русско-индийской торговле), но и контакты со своей страной не прерывались. Некоторые индийцы возвращались затем на родину, довольно часто в Астрахань приезжали индийские торговцы на короткий срок.

В собраниях восточных рукописей хранятся индийские религиозные тексты из Астрахани, как привезенные из страны, так и скопированные в самой колонии¹⁰. Известно пе-

⁸ Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 80.

⁹ В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979, с. 196.

¹⁰ В. М. Бескровный. Индийские рукописи, написанные в России // Сборник ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 3. Л., 1956. В Архиве древних актов (РГАДА) в Москве, в фонде МГАМИД, хранится несколько санскритских рукописей, большая часть их написана одним и тем же почерком — по всей видимости, происходят они из общего источника. Две рукописи датированы 1716 и 1718 гг. Вполне вероятно, что получены они были от индийцев, живших в России. Краткое описание этих рукописей было составлено в середине XIX в. П. Я. Петровым (см. ниже).

сколько описаний астраханских индийцев, сделанных как русскими, так и иностранными путешественниками, — достоверные свидетельства об их образе жизни и обрядах.

Уже в первой половине XVIII в. в России предпринимались серьезные попытки изучения индийских языков не только по западной литературе, но и с помощью живших здесь индийцев. Начальные этапы индологии в России во многом напоминали такие же шаги и в Европе. В дневниках немецкого ботаника и врача Даниила Готтлиба Мессершмидта, отправленного при Петре Великом в многолетнюю экспедицию для исследования Сибири, неоднократно упоминаются индийцы¹¹. В Удинске он беседовал с одним из них, принадлежавшим к касте писцов, кэтки (т.е. каястха)¹². В районе Тобольска, в селе Демьяновском, он познакомился с местным «комиссаром» по имени Василий, который оказался крещеным индийцем из Мултана. Индиец записал в тетрадь путешественника свое имя на родном языке¹³. Особенно примечательной была встреча с индийским купцом по имени Парасотамагире. Он был родом из Дели, но постоянно жил в Иркутске, женился там и принял православие. По отзыву Д. Мессершмидта, это был очень образованный и толковый человек, знавший несколько языков и систем письма¹⁴. Ученый ежедневно брал у него уроки, выучился чтению, письму и разговорному языку¹⁵, получил некоторые сведения о санскрите. С помощью Парасотамагире он составил перечни индийских названий животных, птиц и растений, исправлял ошибки в имевшейся европейской научной литературе. Дневники Д. Мессершмидта содержат суждения о фонетике и алфавитах индийских языков. Интерес к этой тематике был устойчивым. В его бумагах в СПб филиале Архива РАН сохранились заметки, касающиеся не только индоарийских языков, но и тамильского. Изучение

¹¹ См.: М. Г. Новлянская. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.

¹² D.G. Messerschmidt, Forschungsreise durch Sibirien. 1720–27. Bd. 2, В., 1964, с. 222.

¹³ Там же, Bd. 5, 1977, с. 69–70.

¹⁴ Там же, Bd. 2, с. 210.

¹⁵ См.: РГАДА, ф. 191, д. 37, л. 18.

индийских алфавитов (в частности, лапда) привело его к важному заключению об индийском происхождении тангутского письма¹⁶. Парасотамагире, несмотря на принятие христианства, соблюдал некоторые предписания индуизма и хранил «священные» книги на санскрите. Несколько таких книг, переписанных в Дели и в Варанаси, Д. Мессершмидту удалось получить для своей коллекции и привезти в Санкт-Петербург. Именно на основе этой коллекции петербургский академик Теофил (Готлиб) Зигфрид Байер написал статьи о «брахманской, тангутской и монгольской письменности», помещенные в Трудах Академии наук.

Изучением индийских языков в России занимался также профессор-востоковед Георг Якоб Кер, служивший переводчиком с персидского, арабского и турецкого языков при Коллегии иностранных дел. Этот интерес возник у него еще до приезда в Россию, и он знал практически все имевшиеся к тому времени на европейских языках труды по данной тематике (Бартоломе Цигенбальга, Адриана Реланда, Афанасия Кирхера и др.). В архиве Г. Я. Кера сохранились письма к нему от миссионеров из Индии (и Ланки), в том числе подробное письмо одного из основателей европейской индологии Бартоломе Цигенбальга¹⁷. Иногда ученому сообщают о древних памятниках и надписях и просят консультаций. В архиве находятся и тетради¹⁸ с алфавитами индийских языков, списками слов, парадигмами спряжений и склонений, упражнениями в переводах текстов на бенгальский, тамильский, хиндустани и др. Здесь же даются описания средневековых индийских монет и перечни названий санскритских сочинений, упоминаемых у европейских и арабских писателей.

Но особенно примечательна тетрадь, озаглавленная «Об индо-мултанском диалекте». В 1733 г. Г. Я. Кер познакомился с купцом из Астрахани по имени Сунгара (Сухара), крещеным индийцем, жившим тогда в Петербурге¹⁹. В русских документах²⁰ его

¹⁶ D.G. Messerschmidt, Forschungsreise... Bd. 4, 1968, с. 78.

¹⁷ РГАДА, ф. 191, д. 141, л. 112–113.

¹⁸ См.: РГАДА, ф. 191, д. 23, 24, 30, 37, 38, 39, 42, 59, 98 и др.

¹⁹ Там же, д. 37, л. 18.

²⁰ См., например: РГАДА, ф. Главный магистрат, л. 301; Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 56, 260–261, 281, 282.

именуют Петром Ивановичем Сунгуром (или Сугуром). Упомянутая тетрадь содержит записи уроков, которые ученый брал у Сунгары и его «крестного брата», астраханского индийца Наратона Лалаева (Нароттама)²¹. Г.Я. Кер знакомился как с алфавитом деванагари, на котором воспроизводились санскритские тексты, так и с письмом такри и ланда, употреблявшимися индийскими купцами в Астрахани в деловых документах. Старательно изучал он родной для них диалект Мултана, давая транскрипцию слов и сопровождая их пояснениями по фонетике на латинском языке. Несомненно, это была одна из самых первых попыток изучения европейским исследователем диалектов Северо-Западной Индии. Кроме того, он уделял внимание индийским числительным (и цифровой тайнописи индийцев), а также составлял тематические списки слов с переводом на латинский (а иногда и на русский). Эти записи любопытны не только с лингвистической точки зрения: они позволяют составить представление об обычаях, культуре и религии жителей астраханской колонии. В ряде случаев ученый отмечал параллели к индийским географическим названиям в греческих и латинских текстах и довольно последовательно фиксировал сходство индийской и древнегреческой лексики. Известно, что с анализа таких сближений и начиналась работа в области сравнительного языкознания и санскритологии. Не случайно именно Г.Я. Кер в своем знаменитом плане развития ориенталистики в России и создания Восточной академии подчеркивал необходимость изучения индийских языков. Его вдохновляли открывавшиеся перспективы активных связей России с Востоком.

Г.Я. Кер познакомил с индийцами и своего давнего друга, петербургского академика Г.З. Байера²². Возможно, они совместно изучали индийские языки. Во всяком случае, данные, приводимые в работе Г.З. Байера «История греко-бактрийского царства» со ссылками на «Сонхара» и «Нрохотама», весьма сходны с записями Г.Я. Кера. По-видимому, индийцы сохраняли какие-то рукописные книги, сборники молитв и

²¹ См.: T.S. Bayer, *Historia regni Græcorum Bactriani*. Petropoli, 1738, с. 10, 130.

²² См.: РГАДА, ф. 191, л. 37, л. 14.

заклинаний, используя которые могли сообщить и некоторые сведения о санскрите.

Заслуги Г.З. Байера давно уже отмечались в научной литературе²³. Его переписка с протестантскими миссионерами в Индии и ряд опубликованных исследований свидетельствуют о серьезном интересе к Индии, ее языкам, древней истории. По сложнейшей теме, связанной с пребыванием греков в Индии, его книга длительное время оставалась классической.

Работа петербургских ученых по разным причинам не имела продолжения²⁴. Лишь в последней трети XVIII в. участники академических экспедиций для описания земель и народов Российской империи уделили внимание астраханским индийцам. В 1773 и 1774 гг. академик П.С. Паллас (1741–1811) и К.И. Габлиц (1752–1821), будучи в Астрахани, собирали материалы относительно обычаев и языка выходцев из Индии. Этнографическое описание индийской колонии содержится в специальной статье П.С. Палласа «Некоторые сведения о живущих в Астрахани индийцах», опубликованной по-немецки в журнале «*Neue nordische Beytraege zur physikalischen und geographischen Erd- und Voelkerbeschreibung*» в 1782 г. Сходные сведения содержатся в книге И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей»²⁵ (1777г.). Вполне вероятно, что И.Г. Георги мог пользоваться черновыми материалами П.С. Палласа (или К.И. Габлица).

²³ См.: F. Babinger. Gottlieb Siegfried Bayer. Lpz., 1915, с. 68.

²⁴ В середине XVIII в. в России не было людей, знавших индийские языки, кроме самих индийцев. Когда в 1769 г. было перехвачено деловое письмо астраханских индийцев, русские власти увидели в нем шпионское зашифрованное донесение, поскольку никто не мог его прочитать. Специалистов не оказалось ни в Коллегии иностранных дел, ни в Академии наук, ни в Московском университете (РГАДА, ф. Сенат, кн. 5044). Отправителей арестовали; освободили их лишь после долгих допросов «с битьем по плечи». Необоснованность подозрений теперь ясна: письмо опубликовано в сб. Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 356–358.

²⁵ Фрагмент воспроизведен в книге: Русско-индийские отношения... с. 518–521.

В Рукописном отделе РНБ в Санкт-Петербурге хранится рукопись П.С.Палласа под названием «Речи для перевода по-индейски», которая датирована 10 ноября 1773 г.²⁶ Это то, что можно было бы считать полевыми записями. Индийского информанта ученый немец, во-первых, попросил сообщить названия цифр до десяти, затем слова для обозначения десятков, сотни и тысячи (что вполне соответствует словарнику, приложенному к вышеназванной статье). Затем идут фразы с русским переводом, которые не имеют никакой системы, а диктуются, видимо, той обстановкой, в которой происходит опрос. «Мать целует своих детей. У пей в титьках много молока. Муж ее любит. Ета женщина была брюхата. Она родила, шесть дней назад, сына. Она еще неможет. Дочь ее подле сидит и плачет. Ребенок не хочет сосать» и т.д. В то же время нельзя не заметить, что составитель «разговоров» стремился использовать определенный набор базовой лексики (бог, человек,

мать, муж, брат, сестра, нос, глаза, уши и т.д.). Поэтому в этом наборе появляются и такие фразы как: «Бог бессмертен. Человечек живет не долго. У рыбы есть глаза, а ушей нет». Вся эта пестрая мешанина кажется забавной, но в донатучный период изучения языков примерно так обычно и выглядели примитивные «разговорники». По определению Н.В.Гу-

Н.В.Гуляев
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ
СЛОВАРИ

ВСЕХЪ ЯЗЫКОВЪ И НАРѢЧІЙ.

собранные

ДЕШЕВЦЕЮ БЛАГОВИСОУЩЕЙ ОСОБЫ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

содержащее въ себѣ

ЕВРОПЕЙСКІЕ И АЗІАТСКІЕ ЯЗЫКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

въ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ,

издана въ Типографіи у Шенера 1782 года

²⁶ РО РНБ, ф. 7, оп. 1, д. 79. На документе имеется помета: par le Prof. Pallas, sa lettre du 10 Nov. 1773.

рова²⁷, в записях отражается диалект сирайки, одного из западноиндусских языков. Можно даже предполагать, что

64

20. Г л а с ь.

146 Но Чалопирски - Еша.	172 Но Самшкрупански - Нетрамб.
147 — Юхадирски - Ангдша.	173 — Балабадирски - Дола.
148 — Арниски - Тингб.	174 — Сингалски -
149 — Кошовски - Тсчаганб.	175 — Корейски - Доевб.
150 — Ассански - Тсвиб.	176 — Капарски - Кану.
151 — Шибански - Деевб.	177 — Малабарски - Канпа.
152 — Пушпоколовски - Датб.	178 — Тамульски - Канб.
153 — Коряки - Асабуги.	179 — Варужески - Кану.
154 — на Колымб - Алаатб.	180 — Бомански - Мехалуе.
155 — на р. Тигиль - Асале.	181 — Сямски -
156 — Каратински - Еланфа.	182 — Тонкински - Конмамб.
157 — Чокоцки - Анлетб.	183 — Малайски - Мапа.
158 — Камчадалски на р. Тигиль - Асала.	184 — Явански - Мапа.
159 — Среднихб - Есалаб.	185 — Савуански - Магда.
160 — Южныхб - Нанниб.	186 — Намлангски - Мапа.
161 — Японски - Мб.	187 — Тагалаански - Мапа.
162 — Курильски - Шикб, Сикб.	188 — Магиндански - Маппа.
163 — Манчурски - Яза.	189 — Ново-Гвинейски -
164 — Китайски - Янб.	190 — Ново-Голандски - Мйуль.
165 — Тагурски - Никб.	191 — Ново-Зеландски - Маппа.
166 — Цыгански - Яхб.	192 — Ново-Каледонски -
167 — Индейски вб Мух- напб Акб.	193 На остров Таниб Намп, Пимд.
168 — Индонезийски вб Бенгалб Аанкб.	194 — Малакко - Маппанб.
169 — вб Деканб - Анкб.	195 — Банго - Маппа.
170 — Сидро - Персид- ски Добстрс.	196 — Островаб дружества Маппа.
171 — Иселски - Тшашб, Атоманб	197 — Общества - Маппа.
	198 — Кокосовыхб Маппа.
	199 — Маркезальскихб Тивань.
	200 — Сандвич - Маппа.

21. Б Р О В И.

1 Но Славянски - Брови.	7 Но Сорабски - Повоки.
2 — Славян - Венгер- ски Оброви.	8 — Полабски - Вобасжа.
3 — Иллирийски - Обарва.	9 — Кашубски - Повуочи.
4 — Богемски - Обоци.	10 — Польски - Брви.
5 — Сербски - Обрви.	11 — Малороссийски - Брови.
6 — Вендски - Повоки.	12 — Суздальски - Брови.
	13 — Кельтски - Грапб, Гурилб.

²⁷ Н.В.Гуров, У истоков отечественной индологии (русско-индийский разговорник 1773 года) // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Тезисы докладов, СПб, 2006, с. 56.

именно был информатором ученого. В кратком диалоге между Исардасом и Кансирамом фигурируют реальные персонажи: в книге полаповичного сбора с индийцев, торгующих на Индийском гостинном дворе в Астрахани (1770 г.), мы видим Исардаса Ванжараева и Касирама Мададасова²⁸.

Имя П.С.Палласа связано с одним из самых значительных предприятий XVIII в. в области изучения языков. По поручению Екатерины Великой он составил обширный труд, озаглавленный «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы». Книга, изданная в 1786–1787 гг., содержала списки слов по 200 языкам и диалектам Азии (149) и Европы (51). При ее составлении был использован материал, полученный от информантов из разных стран. По указанию императрицы, списки слов для перевода рассылались российским дипломатам за рубежом и заграничным ученым. Наряду с диалектной и даже жаргонной («посуздальски») лексикой использовались данные относительно языков далекой Индии («по-тамульски», «по-индостански в Бенгале» и «по-индостански в Мултане», а также «по-самшкруктански»). Составитель сообщает, что «между Индейскими наречиями Мултанское собрано от живущих в Астрахани Индийцев»²⁹. Таким образом, лингвистические материалы, полученные ученым в беседах с индийскими купцами, пригодились при создании монументального труда, сыгравшего немаловажную роль в ранней истории сравнительного языкознания. Панджабские диалекты (в том числе диалекты Мултана) совершенно не были изучены во времена П.С. Палласа. Более того, даже в настоящее время для большинства их нет «ни словарей, ни обстоятельных грамматик»³⁰.

²⁸ Русско-индийские отношения в XVIII в. Сб. документов. М. 1965. С. 361. Кансирам Мададасов упоминается еще во многих документах – с. 157, 163, 194, 261, 263, 265 и др. Возможно, он и был тем старейшим индийским купцом, который оказал протекцию ученому немцу (см. ниже статью П.С.Палласа).

²⁹ Сравнительные словари... Часть первая. В Санктпетербурге, печатано в Типографии у Шнора 1787 года. Предисловие (без пагинации).

³⁰ Гуров Н.В. Индийские языки в «словаре Екатерины II» // Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества. М., 2000, с.159.

В XVIII в. русские люди изредка попадали и в Индию. В 60-е годы туда прибыли четверо русских моряков, проходивших стажировку на английских кораблях. Граф А.Р. Воронцов, посол в Лондоне, дал им наказ делать записи, касающиеся навигации, а также всего того, что могло быть полезно для развития русско-индийской торговли. В журнале мичмана Н. Подубояринова приводятся живые описания городов далекой страны, внешнего вида и обычаев ее жителей. В журнале имеются и рисунки, сделанные с натуры (вероятно, первые зарисовки русского человека в Индии)³¹.

В 70–80-е годы прапорщик, родом из Вятки, Филипп Ефремов, попавший в рабство в Бухару, возвращался на родину через Индию. В своих заметках, опубликованных в 1786 г. и выдержавших еще при его жизни три издания³², он рассказывает о том, что ему удалось там увидеть. Посещения Индии русскими людьми имели довольно случайный характер, и записки их не претендовали на какую-либо научность. Тем не менее, записки Ф.Ефремова, например, привлекли внимание современников, так как содержали достоверную информацию о неизведанных тогда дорогах, ведущих из Средней Азии в Индию. Известный иезуит Ф.-Кс. Вендель³³, в Индии постречавшийся с Ф.Ефремовым, сообщил дневник русского путешественника Ф.Вильфорду, одному из первых европейских специалистов по географии Индостана³⁴.

³¹ См.: В. В. Перимахер. Русские моряки в Индии в 60-х годах XVIII в. (по архивным материалам) // Страны и народы Востока. Вып. 5. М., 1967.

³² См: Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. Издание подготовили А.А.Вигасин и С.Г.Карпюк, М., 1995.

³³ Автор известного сочинения об Индии (см. *Les Memoires de Wendel sur les Jat, les Pathan et les Sikhs*. Publ. par J. Deloche. P., 1979).

³⁴ Ф.Вильфорд (*An Essay on the sacred Isles in the West...* // *Asiatick Researches*, Vol. VIII, Calcutta, 1805, p. 323 f.) цитирует документ как «дневник Чернышева». Дело в том, что Ф.-Кс.Вендель, чтобы спасти Ефремова от мобилизации в колониальную армию, посоветовал ему назваться родственником графа Чернышева и обещал подтвердить это родство. О своем спасителе автор дневника пишет как о «голландском священнике», который долго жил

К концу столетия в Индии установилось британское владычество. Для изучения местных языков и культуры в Бенгалии было создано Азиатское общество. Складывалась научная индологическая школа. Европа получила возможность ближе познакомиться с древней культурой. Крупнейшие исследователи этого времени, такие как Уильям Джонс, находились под влиянием гуманистических идей Просвещения. Они старались выделить в восточной литературе, религии, философии общечеловеческие идеи. Первые переведенные с санскрита памятники — «Бхагавадгита», драма Калидасы «Шакунтала» — привлекли внимание своим содержанием и художественными достоинствами. В Европе они воспринимались как образцы совершенной литературы. Стали появляться переводы и на другие языки (не с оригинала, а с английского). Уже в 1788 г. в университетской типографии Н.И. Новикова был напечатан русский перевод «Бхагавадгиты»³⁵, через несколько лет в «Московском журнале» — частичный перевод «Шакунталы», выполненный Н.М. Карамзиным.

В предисловии Н.М. Карамзин подчеркивал, что «творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде — человек; везде он имеет чувствительное

в Ораниенбауме и Санкт-Петербурге. Очевидно, тот был связан с царским двором. Интересно было бы знать, почему было выбрано родство именно с графом Чернышевым. Можно лишь предполагать, что сам Франц-Ксавье Вендель, несколько десятилетий (с 1751 г.) живший в Лакнау и похороненный в Агре (в 1803 г.), состоял в свойстве с Чернышевыми. Жена Захара Чернышева, президента Военной коллегии, по русским документам числится как урожденная Ведель.

³⁵ «Багуат-Гета, или Беседы Кришны с Аржуном, с примечаниями, переведенная с подлинника, писанного на древнем Браминском языке, называемом Санскрита, на Английский, с сего на Российский язык». Переводчиком был друг Н.М. Карамзина А.А. Петров, член масонского «Дружеского ученого общества», созданного Н.И. Новиковым. Для масонских кружков этого времени характерно внимание к Индии и к мистике Востока. См. В.Н. Топоров, Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Wiener Slawistischer Almanach, т. 23/ Wien, 1989.

сердце и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю»³⁶. Подобная оценка индийской поэзии роднит русского писателя с представителями европейского Просвещения — У. Джонсом, Г. Форстером, В. Гете. По знаменательному совпадению в том же номере «Московского журнала», что и «Шакунтала», была напечатана его «Бедная Лиза». Внимательный читатель заметит не только сходство сюжетов обоих произведений: их, по мысли писателя, объединяло то, что «человек... везде имеет чувствительное сердце»³⁷.

Н.И. Новиков в своем журнале «Прибавление к Московским ведомостям» регулярно помещал материалы об Индии. Обычно это переводы обзоров с немецкого языка, но сам отбор статей свидетельствует о позиции издателя. Они посвящены по преимуществу деятельности Ост-Индской компании и содержат резко отрицательную оценку ее политики. В своих замечаниях русский просветитель резюмировал: «Никогда не побеждаем был иною нациею столь благоустроенный народ, каковы в самом деле бенгальцы» и «сия столь богатая и счастливая нация под новым владением пришла столь скоро в упадок и бедность, что сему также нет примера в истории»³⁸. Критическое отношение к политике Англии уже в то время проявлялось в русской литературе. В «Песни Исторической» А.Н. Радищева говорится о «потомках мудрых Брамов» (брахманов), ставших «узниками злодеев нагих».

Поскольку отсутствовали тесные связи с Индией, русское общество вынуждено было довольствоваться, в основном, той информацией, которая поступала из Европы. В конце XVIII в. единственным русским человеком, который самостоятельно занимался изучением Индии, был Герасим Степанович Лебедев³⁹. Жизненный путь его необычен. Родился он в 1749 г.,

³⁶ «Московский журнал», май 1792, с. 125.

³⁷ см. П.А.Гринцер, «Сакоптала» Карамзина // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В.Н.Топорова. М., 1998, с. 537–566.

³⁸ Глазами друзей. Русские об Индии. М., 1957, с. 113.

³⁹ См.: В.С. Воробьев-Десятовский. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956.

предположительно, в Ярославле⁴⁰. Отец его был священнослужителем и, по всей видимости, пел в капелле графа А.К. Разумовского⁴¹ (как, впоследствии, и сам Г.С. Лебедев). Возможно, семейной средой и воспитанием объясняется неизменный интерес Г.С. Лебедева к различным верованиям и религиозным представлениям. Сам стиль его сочинений изобилует архаизмами и церковнославянизмами. Систематического образования юноша не получил и даже грамоте обучился поздно, но проявил способности к музыке. В дальнейшем он зарабатывал на жизнь, давая концерты игры на виолончели. В автобиографии⁴² он пишет: «В 1775 г. отправился я в чужие края на собственном иждивении для познания наук и языков странствовал в Австрии, Голландии и Англии до 1782 г... На собственном коште в 1782 г. был в Париже». В Париже он был представлен путешествовавшим по Европе наследнику престола Павлу Петровичу и его супруге Марии Федоровне, которые, «милостиво одаря, поощрили продолжать мое странствование»⁴³.

В 1785 г. на корабле Ост-Индской компании Г.С.Лебедев прибыл в Мадрас и жил здесь два года, давая концерты по контракту, заключенному с «градоначальником». По окончании срока контракта он направился в Калькутту. «Обуреваемый стремлением расширить свой запас знания вещей, а также и людей, я сразу решил посетить эту область не без честного намерения, признаюсь, улучшить также свои финансы

⁴⁰ Впрочем, основания для этого предположения довольно шаткие. Обычно ссылаются на то, что «ярославца Федора Волкова» Г.С.Лебедев называет своим земляком — но находящемуся в Калькутте россиянину любой соотечественник может показаться земляком. То, что отец его Стефан служил у Разумовских, а А.А.Самборский знал его семью (см. Русско-индийские отношения... с. 449) может свидетельствовать о том, что родом Г.С.Лебедев был из Малороссии.

⁴¹ Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М., 1979, с. 254 (со ссылкой на исследование Г.Ф.Фесечко).

⁴² См. Куликова А.М. Автобиография первого российского индолога Г.С.Лебедева (1749–1817) // Куликова А.М. Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб., 2001, с. 13.

⁴³ Русско-индийские отношения..., с. 492.

в том благодатном месте, где, говорят, бесчисленные пришельцы почти из всех народов быстро приобретают приличное состояние»⁴⁴.

В 1789 г. Г. Лебедев нашел учителя, который мог бы заниматься с ним языком, некоего Голокнатха Даша. Тот давал ему уроки, обучая разговорным бенгали и хиндустани и объясняя элементы санскрита, а сам брал у Г. Лебедева уроки музыки (помимо ежемесячного жалования). При изучении бенгальского языка использовалась и незадолго перед тем опубликованная грамматика Н. Хэлхеда. Юлокнатх Даш знакомил русского путешественника также с индийской арифметикой, календарем и т. д. Одним из «экспертов», с которым советовался Г. Лебедев, был известный пандит Джаганнатх Таркапанчапана (Джогоннат Тарко, как его называет автор). Этого знатока шаштр и создателя «Дигест индусского права» высоко ценил Уильям Джонс. Но с английскими учеными⁴⁵ Герасим Степанович безуспешно пытался найти общий язык — он явно принадлежал к иному социальному и культурному кругу. «Василея Жонса» русский музыкант постоянно уличал в филологических ошибках (совершенно безосновательно и зачастую, видимо, повторяя критические отзывы своих друзей-бенгальцев). Одаренный самоучка, он, конечно, не был на уровне современной ему науки.

Нужно заметить, что общение европейцев с индийцами было крайне затруднено из-за множества предубеждений с обеих сторон. Известно, какие сложности должны были преодолевать англичане, желавшие заниматься у индийцев. Но русский музыкант добился взаимопонимания благодаря доброжелательному уважению к «азиатцам», «поскольку отдавал им справедливость в их знаниях»⁴⁶. «Главным для меня предметом

⁴⁴ Русско-индийские отношения..., с. 435.

⁴⁵ В письме С.Р.Воронцову он именовал их «компанейскими сосунами», которые «не выраумевают ясного саншкритского азбучного блеску и, ключючи, не могут плотать словесных гиндостанских язычных земчужин» (Русско-индийские отношения... с. 460–461).

⁴⁶ Г. С. Лебедев. Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев. Спб., 1805, с. IV.

было проникнуть в нравы жителей, а с тем вместе приобрести нужные сведения в их языках и учености, в чем и получил посильный успех», — писал он впоследствии⁴⁷.

В середине 90-х годов Г. Лебедева увлекла мысль создать в Калькутте первый театр европейского типа, где представления шли бы на бенгальском языке. С энтузиазмом Г. Лебедев принялся за дело. Он сам перевел с английского «Притворство», пьесу комедийного, фарсового характера (учитывались вкусы индийской публики), место действия перенес в Калькутту и Лакнау, а имена персонажей заменил на бенгальские. «Между многочисленными заботами успел также научить комедийному действию дикокажущихся, вялых, лицемерных бенгалцов: трех женщин и десятирех мужчин»⁴⁸. В спектакль, в соответствии с местными традициями, были вставлены песенные и танцевальные номера. Музыка, по-видимому, была существенной частью представления, — тем более что руководил театром музыкант. Перевод пьес Г. Лебедев читал своим друзьям бенгальцам. Его интересовали замечания не только относительно языка перевода, но и художественной стороны — ведь театр был задуман именно для «азиатских жителей».

Попытка арендовать для спектакля помещение театра Ост-Индской компании оказалась безуспешной. Пришлось снять другое помещение и вложить много средств в его реконструкцию. Театр оформили, писал Г. Лебедев, «подобно моему земляку, ярославцу Федору Волкову», а ширмы сделаны «в бенгальском вкусе»⁴⁹. Было дано два представления — 27 ноября 1795 г. и 21 марта 1796 г. Приглашались, в основном, «азиатские жители г. Калькутты и его окрестностей» и объявлялось даже, что «если это встретит одобрение», то «весь театр будет полностью в распоряжении азиатских подписчиков»⁵⁰.

Г. Лебедев считал, что успех постановок был полный, и именно это явилось причиной его последующих несчастий, так как руководители театра Ост-Индской компании увидели в нем серьезного конкурента и начали плести интриги. В ре-

⁴⁷ Архив Востоковедов, ф. 90, д. 2, л. 2.

⁴⁸ Русско-индийские отношения... с. 445.

⁴⁹ Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 445.

⁵⁰ Там же, с. 425.

зультате Г.Лебедев был полностью разорен. Ушли актеры, сгорело здание театра. Его владельцу были предъявлены судебные претензии, признанные, в конце концов, неосновательными, но подорвавшие его здоровье. Г. Лебедев писал об этом времени, что «грусть стала чаще беспокоить, нежели во дни солнце печь»⁵¹. Лишенный состояния, преисполненный негодования, он в 1797 г. вынужден был покинуть Калькутту. Завершилось его двенадцатилетнее пребывание в Индии.

В феврале 1798 г. на мысе Доброй Надежды Г.Лебедев встретил соотечественника — волонтера британского королевского флота Юрия Лисянского. Последний написал об этой встрече так: «Сего дня адресовался ко мне господин Лебедев, российский музыкант, который пробыл несколько лет в Индии и теперь возвращается в Европу... Мне не трудно было в несколько часов разговора узнать, что это один из тех характеров, которые не могли жить в своем отечестве от распутства, таскаются по свету, не делая ни малейшей чести нации, к которой принадлежат; коротко сказать, он от долгов ускал из Европы и точно в таком же положении оставил Индию»⁵².

После долгого и тяжелого путешествия Г. Лебедев, наконец, достиг Лондона. Здесь он пытался опубликовать ряд работ об Индии, в частности, издать «Собрание арий бенгальских и индийских». Сообщение об этом в 1799 г. появилось в «Московских ведомостях». В 1801 г. удалось напечатать на английском языке «Грамматику чистого и смешанных восточно-индийских диалектов» — одну из первых европейских грамматик индийских языков. Эта работа имеет определенное значение как описание калькуттского говора хиндустани конца XVIII в. Именно поэтому она в настоящее время переиздана в Индии⁵³. Для автора публикация книги представляла первостепенную важность, ибо являлась свидетельством его познаний в индийских языках.

⁵¹ Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 448.

⁵² РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, е.х. 135, лл. 131–132 (по: Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М. 1979, с. 248).

⁵³ Hecrasim Lebedeff, *A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects*. With a Forward by Dr. S.K.Chatterji, Calcutta, 1963.

GRAMMAR
OF THE
PURE AND MIXED EAST INDIAN DIALECTS,
WITH DIALOGUES AFFIXED,
SPOKEN IN ALL THE EASTERN COUNTRIES,
Methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmenian System,
OF THE
SHAMSCRIT LANGUAGE.

COMPREHENDING
LITERAL EXPLANATIONS OF THE COMPOUND WORDS, AND CIRCUMLOCUTORY PHRASES,
NECESSARY FOR THE ATTAINMENT OF THE IDIOM OF THAT LANGUAGE, &c.

Calculated for the Use of Europeans.

With remarks on the errors in former grammars and dialogues of the Mixed Dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans; together with a recitation of the assertions of SIR WILLIAM JONES, respecting the Shamscrit Alphabet; and several specimens of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches.

~~~~~

Shoono anandit, Raja kohila tahare; beia-koran adie shastro poraho Beddere.

Agge pae beprabor, beddere poray; beia-koran adie kabbeo shangito nirnoy.

Jaitish, tipponie, tita, koteco percar; alpa cale bohon shashire hoilo odhitar.

Chitra korie at-shloe lekete pate; nijo poriechog deia tooilo tahate.

BHOON SHOONDOOR, VOL. I. SHRIE CHONDRO MIT

BY HERASIM LEBEDEFF.

London:

PRINTED BY J. ENLIVEN, RATCLIFF-HIGHWAY;
FOR, AND SOLD BY THE AUTHOR, NO. 3, WARWICK-PLACE, BEDFORD-SQUARE; AND BY MR. DEBIDT, G.
BOOKSELLER, PICCADILLY.

1801.

В том же году Г. С. Лебедев возвратился в Санкт-Петербург. В прошении на высочайшее имя он писал: «по усердию души моей, любви и верности, я дерзаю повергнуть пред стопы Вашего императорского величества мною в Лондоне публикованную индейских диалектов грамматику на индейском и английском языках»⁵⁴. Он призывал Александра I следовать примеру Екатерины Великой, побудившей господина Палласа из-

⁵⁴ Русско-индийские отношения... с. 493.

дать словарь «на сравнение всех на земли обитающих народов»⁵⁵. Просьба заключалась в том, чтобы издать его труды «на казенной кошт», а самого сочинителя «наградить состоянием». Государь император повелел «российского путешественника Лебедева» «причислить к Академии с званием профессора восточных языков»⁵⁶ и в качестве жалования установить «1800 рублей на год из почтовых расходов». Ему также выделялась немалая сумма в 10 тысяч рублей из Кабинета для напечатания его сочинений по восточным индийским письменам и хронологии⁵⁷. Президент Академии наук барон А.Л.Николаи на это почтительно возразил, что, во-первых, в Академии нет специалистов по индийским языкам, которые могли бы удостоверить научные заслуги господина Лебедева. Во-вторых, в регламенте Академии не имеется должности «профессора восточных языков». В-третьих, никто, даже из академиков, «не имеет счастья получать жалованья по 1800 рублей в год» и потому «определение г. Лебедеву сего оклада... может посясть в многих академиках... некоторый род основательного уныния»⁵⁸. Именной указ был аннулирован, а Герасим Лебедев принят на службу в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел с чином коллежского асессора.

В 1802 г. в Санкт-Петербурге была основана первая в Европе типография с наборным индийским шрифтом (бенгальским). В 1805 г. увидело свет главное сочинение Г. С. Лебедева, называвшееся «Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев». В первой части книги рассказывалось о мифологии индийцев, их космогонических представлениях и верованиях. Вторая часть посвящалась подробному изложению системы индийского календаря и астрономии. В третьей части речь шла преимущественно о священных обрядах, праздниках, народных обычаях, давались характеристики варн и каст, говорилось о происхождении внекастовых и т.д. Работы западных авторов послужили источниками лишь в

⁵⁵ Русско-индийские отношения...с. 495

⁵⁶ Там же, с. 505.

⁵⁷ Там же, с. 506.

⁵⁸ Там же, с. 507.

незначительной степени: основной материал составляли личные наблюдения автора и устные сообщения его бенгальских знакомцев. Эти записи человека, много лет прожившего в Индии, остаются любопытным историческим источником.

Разумеется, истолкования Лебедевым индийских мифов как аллегорий и его этимологические построения сегодня трудно принимать всерьез, но нужно помнить, что даже исследования профессиональных востоковедов и лингвистов конца XVIII в., таких, как Уильям Джонс, не были свободны от подобных фантазий. Русскому читателю книга Г. С. Лебедева давала возможность практически впервые основательно ознакомиться с индуизмом. Она не просто несла информацию, но содержала общую идею и не случайно называлась «Беспристрастным созерцанием». Индуистские представления автор постоянно сравнивает с христианскими. У индийцев, по его мнению, как и у христиан, есть понятие о едином истинном боге — Брахмо (Брахма). Других индуистских богов автор именует ангелами. Кришну он считает вторым лицом в троице и воплощением Сына Божия, сопоставляя его имя (в бенгальском произношении — Криптью) с именем Христа. Символом Кришны является лев, и тут находится аналогия с Иоанном Богословом. Дурга, или Кали, трактуется как Премудрость Божия, а ее изображение почти ничем, на взгляд автора, не отличается от образа христианской Матери Божьей, если не считать того, что лицо Кали черного цвета. Даже праздник в честь нее, сообщает Г. Лебедев, отмечается в Индии и христианской греко-русской церковью, в один и тот же день. (Невольно вспоминаются тут памятники старинной русской литературы, где «индийский царь Иван» и «рахманы» уподоблялись православным праведникам). Дхарма (дгормо) ассоциируется с верой и Законом Божиим, цикл ритуалов (санскар) — с пятью «обрядовыми помазаниями», а категории жрецов-брахманов с иерархией православного духовенства. Индийские храмы, по убеждению автора, похожи на христианские церкви.

Все это не только попытки объяснить незнакомые верования и обычаи посредством сопоставления с тем, что привычно для читателя. Автору близость индуизма к христианству кажется глубокой и не случайной. Божественные истины

были открыты индийцам так же, как и христианам — и даже раньше, чем им, поскольку Индия видится Лебедеву прародительной человечества. Книга преследовала цель не только познакомить русскую публику с далекой восточной страной, но и оградить ее от предубеждений, прежде всего религиозных, в отношении индийцев. Ведь они «вовсе непохожи на идолопоклонников,... признают единого истинного бога и ранее многих европейцев содержат Христов закон с тем только различием, что более или менее имеют у себя оставшихся языческих суеверий, которые, может статься, и поныне еще не у одних у них не совсем очищены»⁵⁹.

Истолкование индийской религиозной философии в духе монотеизма и сближения ее с христианской свойственны были не только Герасиму Лебедеву, но и его современникам — представителям западноевропейской культуры. Когда-то была сфабрикована даже известная подделка «Езурведам»⁶⁰, целью которой было доказательство того, что у индийцев было знание об Иисусе («Всда Иисуса») раньше, чем у самих христиан. Но, преимущественно, эта тема развивалась в литературе более раннего времени — в середине XVIII, а не в начале XIX века.

Много места в книге уделено нравственным нормам и обычаям индийцев. Автор подчеркивает их набожность, опрятность, отвращение к пьянству и кровопролитию, приверженность вегетарианству, верность слову и воспитание детей в Законе Божьем. Он отмечает, что «системы и нравы индийские не суеверными какими-либо управляются преданиями, но основанными на откровении и на здравом рассудке правилами»⁶¹. Г.С. Лебедев говорит, что индийцы «нимало не похожи на диких и... болес имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходят-

⁵⁹ Г. С. Лебедев. Безпристрастное созерцание..., с. 155.

⁶⁰ см. Ezourvedam. A French Veda of the Eighteen Century. Ed. by L. Rocher. Amsterdam/Philadelphia, 1984. А.Н.Радищев в «Песни исторической» говорит, что брахманы «по чреде хранят священный свой закон в «Езурведаме» (индийская «Яджурведа» отождествлялась с «Ведой Иисуса»).

⁶¹ Г. С. Лебедев. Безпристрастное созерцание..., с. 157.

ся, нежели самые кровожадные лютые звери». Он обличает англичан, представителей «купеческого государства», «надмевающихся пришельцев, которые, жертвуя ненасытной своей алчности на обогащение, к несчастью рода человеческого пожирают целые государства». Напротив, «при всех чинимых им притеснениях и тиранствах, при всех вносимых к ним соблазнах, удерживают они (индийцы — А. В.) достойную подражания непреклонность в благочестии»⁶².

Свою задачу Г. С. Лебедев видел в развитии того, «что подкрепляет взаимную связь желаемого между народами дружелюбия и соединяет способности к восстановлению всеобщего и всемирного блага»⁶³. Он обращает особое внимание на сходство между русскими и индийцами не только по языку, но и по происхождению, религии и обычаям. Еще в Индии он представил в Азиатское общество работу об индийском алфавите, усматривая близость его к азбуке родного языка. «Беспристрастное созерцание» завершалось небольшой главой, содержавшей описание богатств заморской страны, ее товаров, нужных России и доставляемых сюда через Европу. Заканчивается сочинение такими словами: «Из чего нетрудно усмотреть можете, любезные соотчичи, коликих мы лишаемся выгод, чрез сие толь многими оборотами доставляемые нам иностранцами нужные потребности»⁶⁴.

Умер Г. С. Лебедев в 1817 г. Несколько лет спустя в библиотеку Азиатского музея поступила собранная им коллекция индийских рукописей. Деятельность его не имела существенного значения для судеб отечественной индологии. Остались незаконченными или неопубликованными «самые нужные пособия к изучению индийских языков»⁶⁵: материалы к хинду-стани-бенгальско-русскому разговорнику, бенгальской грамматике⁶⁶ и бенгальско-русскому словарю, сочинения об индий-

⁶² Там же, с. 155, 156.

⁶³ Там же, с. 1.

⁶⁴ Г. С. Лебедев. Безпристрастное созерцание..., с. 171.

⁶⁵ Архив Востоковедов, ф. 90, д. 2, л. 3.

⁶⁶ Е. Р. Крючкова, Неизданная грамматика бенгальского языка Г. С. Лебедева // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. СПб, 2007, с. 189–197.

ской арифметике⁶⁷ и числовой символике и др. Лишь в рукописном виде или в корректуре сохранились переводы Герасима Лебедева, впервые выполненные непосредственно с индийских языков⁶⁸. Неосуществленными остались и его мечты о подготовке юных русских индологов⁶⁹. «Беспристрастное созерцание» воспринималось как дилетантское и архаичное сочинение. Русская образованная публика начала XIX в. предпочитала читать сочинения об Индии на иностранных языках, и работы «бурбуроватного путешественника» скоро были забыты.

---

⁶⁷ Как недавно установлено, хранящаяся в Архиве Востоковедов его рукопись «Систематические Восточных Индийцев начальные умозрительные и существенные основания Арифметики...» содержит, в частности, фрагменты пересказа «Бхагавадгиты».

⁶⁸ См.: М. Г. Альтшуллер. Лебедев и Державин // «Народы Азии и Африки». 1963, №4; Я.В.Васильков, Н.В.Гуров, Первый русский перевод с санскрита: «Мохамудгара» Шанкары в переводе Г.С.Лебедева // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI. Материалы чтений, посвященных памяти И.М.Тронского. СПб, 2007, с. 31–46; Н.В.Гуров, Е.К.Бросалина, Я.В.Васильков. У истоков российской индологии: научное наследие Г.С.Лебедева // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. СПб, 2006, с. 350–359.

⁶⁹ Архив Востоковедов, ф. 90, д.1, л.2.

Приложение 1

Петр Симон Паллас

— НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВУЩИХ — В АСТРАХАНИ ИНДИЙЦАХ¹

Поскольку господин профессор Гмелин-младший² в своем описании Астрахани почти ни единым словом не упомянул о живущих и торгующих там индийцах, а я среди моих бумаг обнаружил о них некоторые записи, каковые содержат сведения, отсутствующие также и в «Описании народов Российской империи», полагаю я, что изложить их здесь будет нелишним.

С начала века³ в Астрахани постоянно обитает от полутора до двух сотен индийских купцов, или *баньянов*⁴, родом по преимуществу из соседствующей с Персией провинции Мултан⁵.

¹ Etwas über die zu Astrachan wohnende Indianer // Neue Nordische Beytraege zur physikalischen und geographischen Erd- und Voelkerbeschreibung..., SPb-Leipzig, 1782, Vol. III.

² Имеется ввиду Самуил Гюблин Георг Гмелин, немец, с 1767 года живший в России и являвшийся действительным членом Санкт-Петербургской Академии Наук. С 1768 года он, как и П.С.Паллас, руководил экспедициями по России. 1773 год – время последнего визита Гмелина в Астрахань. Выехав из города в середине зимы (т.е. в самом начале 1774 года), Гмелин, направлявшийся в Персию, на пути в Дербент попал в плен к хану Усмею, где и скончался через шесть месяцев (Русский биографический словарь. Т. «Герберский – Гогенлоэ». М. 1916).

³ Паллас имеет ввиду XVIII век. Источники же доносят до нас сведения о пребывании индийцев в Астрахани уже в первой половине XVII века.

⁴ Имеются ввиду индийские *банья* – каста торговцев и ростовщиков. Жирным курсивом в тексте выделяются те слова, которые, соответственно, таким же образом маркируются в самой статье П.С.Палласа. По преимуществу это термины, которые автор оставляет без перевода.

⁵ Район Панджаба (территория современного Пакистана). По сведениям разных источников астраханские индийцы происходили не только из Мултана, но и из других областей Панджаба и Синда. Встречались даже выходцы из Марвара (Русско-индийские отношения в XVII веке. М.1958, с.15).

которые ведут бойкую торговлю, прежде всего драгоценными камнями⁶. Живут они все вместе в каменном, окруженном стенами *каравансерае*⁷, коего другая часть принадлежит армянским торговым людям⁸. Так как меж ними нет женщин их племени, и они берут лишь в сожительство по контракту астраханских татарок, их сообщество могло бы вкратце вымереть, если бы старейшие из них не призывали время от времени со своей родины молодых людей из числа своих родичей и друзей в качестве помощников и компаньонов в тор-

⁶ Кроме драгоценных камней Паллас упоминает далее в качестве товаров всевозможные ткани. Документы XVII–XVIII века свидетельствуют также о торговле пряностями и лекарственными снабдоями. Известно, что индийцы, кроме того, занимались ростовщичеством и выступали в качестве посредников в торговле Востока и Запада.

⁷ Перс. и тюрк. *кафиван-сарай* — букв. «дом караванов», постоянный и торговый двор. Кроме того, что двор выстроен из камня и окружен стеной, Паллас не сообщает почти никаких иных подробностей о гостинном дворе индийцев. Чуть ниже, правда, говорится, что лавки их располагаются здесь же, и упоминается зала, служившая местом совершения культовых действий. В документах XVIII века она именуется *кумфирницей*. Если верить описи, составленной Астраханской администрацией, индийский гостинный двор делился на несколько помещений, среди которых были не только жилые комнаты с лавками и нарами для постояльцев, но и многочисленные чуланы и кладовые, кухни, столовые, амбары, и даже больница, конюшни и коровники (док. №208, Русско-индийские отношения в XVIII веке. М.1965).

⁸ Возможно, имеются ввиду армяне, приезжавшие в Астрахань из Новой Джульфы, селения в предместьях города Исфавана в Персии, где располагалась Армянская слобода. Неизвестно, насколько исторически достоверно столь тесное соседство индийцев с армянскими купцами. Документ от 1799 года, касающийся ремонта индийского гостинного двора в Астрахани, армян, как соседей индийцев, не упоминает вовсе (док-т №208, Русско-индийские отношения в XVIII веке. М.1965). А в описании города, оставленном в 1804 году Н.Я.Озерецковским, четко говорится о **двух** «казенных дворах»: одном — Индийском, другом — Армянском (*Озерецковский Н.Я. Описание Колы и Астрахани. — Русско-индийские отношения в XVIII веке. М.1965, с. 521*).

говле⁹. — В Астрахани они принадлежат к виднейшим торговым людям и славятся своею честностью, каковой много превосходят и армян. В *каравансерае*, где они живут и одновременно держат свои лавки, имеются ценнейшие персидские товары, в отношении которых они не торгуются, ибо те продаются по единожды установленной цене.

Почти все они высокие, видные люди, ликом желто-коричневы либо черноваты; однако многие, в особенности те, что уже долгое время живут в Астрахани, порядком побледнели и цветом походят на тамошних татар. Ходят они, одетые в шелк, хлопок и полотно. Их верхнее платье с рукавами, узкими в кисти, достигает икр и сидит свободно, на груди же закрывается несколькими застежками. Исподнее из легких материй немногим короче и сидит столь же свободно, а широкие штаны доходят до щиколоток. На ногах носят они сафьяно-

---

⁹ Следовательно, многие в общине находились в родственных отношениях друг с другом. Это находит подтверждение и на материале астраханских документов XVII–XVIII вв. Если учесть, что колония существовала практически два столетия, то можно полагать, что за это время сформировались целые родовые сообщества, профессионально занимавшиеся торговлей за пределами родины вообще, и в России — в частности. Старейшие упоминаемые Палласом, возможно, составляли некое подобие махаджана (совета, управлявшего в Индии XVI–XVII вв. кастовыми общинами купцов, во главе которого стояли занимавшие особое положение старейшины). Предположение о самоуправлении индийской общины находит подтверждение и в двух документах XVIII в. Первый из них — это установление сената от 13 апреля 1744 г. о том, чтобы в Астрахани «армян, индейцев, Бухарских, Гилянских и Архангельских дворов татар суд и расправу чинить по их законам и прежнему обыкновению, дабы тем иноверцам к астраханскому житию привить охоту». Второй — указ от 5 мая 1746 г., согласно которому следует для всех иноверцев в Астрахани «учредить один Рагтауз и в оном в судьи выбирать самим [иноверцам] людей достойных, по их усмотрению» (*Н.Н.Пальмов. Астраханские архивы. «Индейцы» (индусы) в Астрахани по данным XVII и XVIII вв., кончая 1743 годом // Записки Института востоковедения АН. Ленинград, 1934, т.2, вып.4, с.179*).

вые чулки или же полусапожки без подметок¹⁰, выходя из дому, надевают на них шлепанцы. Они бреют волосы на голове, а иногда и бороду, которую по крайней мере подстригают; носят маленькую круглую шапочку, обыкновенно красного цвета с небольшим кантом. Некоторые, однако не все, имеют привычку, особливо по праздникам, делать себе на лбу, прямо над посом, двойную оранжевую черту мазью, каковая составлена из жира, шафрана и почитаемого коровьего навоза¹¹, сверху же еще порой накладывается нечто вроде золотого листка.

Живут они чрезвычайно скромно, опрятно и промеж собою дружно. В знании же торгового дела и в употреблении своих денег они не уступают наилучшим азиатским купцам. Опыт научил их быть крайне подозрительными и в высшей степени скрытными, так что я не смог вызнать у них даже краткого словника их языка. Исключая хороших знакомых да чужаков, рекомендованных им этими знакомыми, они неохотно пускают кого-либо в свои жилища; а всем гостям, если им что предлагается, то лишь в той посуде, которой сами они никогда не пользуются¹²; и что из сушеных фруктов и тому подобного выставляется для гостей, то после чужаку, обыкновенно, отдается вовсе, или же, по крайней мере, ими более не используется. Окропление розовой водою по приходе и при прощании во время визита служит одним из первейших проявлений вежливости. Из напитков они, однако, редко подают что-либо иное, кроме воды.

---

¹⁰ Обувь такого рода встречается у народов Средней Азии, татар, башкир. Известны под названием *ичиги* — высокие сапоги из мягкой кожи или цветного сафьяна.

¹¹ Этот фрагмент статьи Палласа совершенно отчетливо свидетельствует о том, что внутри сообщества индийских купцов существовала определенная дифференциация, т.к. двойная черта, деласмая на лбу, «**некоторыми, но не всеми**», безусловно, служила для самих индийцев знаком отличия, к примеру, указанием на принадлежность к определенной касте или кастовой подгруппе.

¹² Этот сюжет повторяется Палласом неоднократно. Однако никаких объяснений такому обычаю он не приводит. Очевидно значимость чистоты/нечистоты для индийцев и страх перед осквернением, диктующий многие особенности их образа жизни, ему были практически неизвестны.

Некоторые из них на определенное время нанимают для себя женщин из погайских татар или же женятся на какой-то срок, не забирая жену к себе¹³. — Ежедневно они выходят к воде, чтобы совершить свою молитву. — Дома у каждого имеется собственная посуда для еды и питья и свой собственный *кальян*¹⁴ для курения. Их самое обыкновенное кушанье — *пелав*, или густо сваренный рис, каковой заправляют они тмином, иногда шафраном, и большим количеством масла. Они любят использовать также листья *Assa fetida*¹⁵, которые получают из Бендер-Аббасы¹⁶, или же дикой конопли (*бангу* или *бенг*, как они ее называют¹⁷), что произрастает вблизи Астрахани. От

¹³ Тема астраханских татарок постоянно появляется у самых разных авторов, описывающих жизнь индийских купцов на Волге, а также в документах XVII–XVIII века. Нет никаких сведений, однако, о том, оформлялись ли такие браки юридически. По версии Н.Я. Озерецковского, астраханские татары уступали индийцам своих жен за долги (*Озерецковский Н.Я. Описание Колы и Астрахани. // Русско-индийские отношения в XVIII веке. М. 1965, с. 521–522*). Дети, рождавшиеся от временных браков с татарками, именовались *афрыжане* или *афрыжанцы* (от татарско-тюркского «*оглы*» — «ребенок») и в XVIII веке селились в Астрахани в особом квартале, носившем название *Афрыжанский двор*.

¹⁴ Машина, используемая на Востоке для курения табака через воду (примечание П.С. Палласа).

¹⁵ Очевидно, что речь идет о растении *Ferula assafoetida* семейства Umbelliferae (санскр. «*хингу*»; англ. *assafoetida*). Многолетнее растение того же семейства, к которому относится морковь. В природе достигает в высоту около 4 метров и растет в джунглях. Родина растения — Иран, Афганистан и северная часть Индии. Источает характерный сильный и не слишком приятный запах. Высушенная смола корней этого растения в малых количествах используется для придания вкуса и аромата овощным (прежде всего, бобовым), иногда мясным и рыбным блюдам. Асафетида известна своими лечебными свойствами. Считается, что она стимулирует пищеварение, служит средством от заболеваний дыхательных путей, от ангины и даже катаракты. По своим свойствам похожа на чеснок, но и действие, и запах (сернистый) у нее более сильные (*Лад В., Фроули Д. Травы и специи. М. 1997, 177–178*).

¹⁶ Город и порт на юге Ирана.

¹⁷ *Бханг* — в повоиндийских языках название дикой конопли.

того они сперва слегка пьянеют, а затем становятся сонными; еще же более, когда пьют напиток, изготовляемый, из *Assa fetida* и семян конопли. Кроме этого, их питье — вода и кофий. В рис, который они едят не ложкою, а перстами, кладется жареный *бадимжан* или баклажаны (*Solanum Melongena*) и *туфи* (*Cucumis acutangulus*), а также иные плоды, схожие с тыквой.

Иногда летом они устраивают совместные пиршества в саду, где в глубине приказывают соорудить *чардак*¹⁸ или большой крытый амбар. Там по их приказанию готовят разнообразные кушанья, и кроме *пелава* и сушеных фруктов, подают всякого рода печения. Каждый, однако, ест свою порцию из собственной латунной чашки, которые у них необычайно красивы. Всяким кушаньем сперва наполняют блюдо, из которого под короткую молитву крошат в воду рыбам; затем они садятся, поджавши ноги, на ковры за трапезу. Публике и друзьям, что приходят туда, также уделяют они часть своего риса. Для очищения зубов раздаются кусочки ивовых прутиков, кончики которых расщеплены наподобие кисточки. По окончании трапезы они умываются, завешивают *чардак* покрывалами и ложатся спать. После дневного отдыха курится *кальян*, и вторая половина дня проводится за игрою в индийские шашки, каковые у них имеются двух родов. В первую играют при помощи пятнадцати камешков на доске, разделенной полым крестом на четыре поля, каждое из которых делится наискось еще на шесть маленьких частей. Другая доска представляет собою крест, где средний четырехугольник состоит из восьми треугольников, а поверхности, образующие крест, каждая имеет три ряда по восемь частей; на ней играют двенадцатью камешками и шестью змеиными головами¹⁹. Во время игры

---

¹⁸ Слово, скорее всего, тюркского происхождения. В русском языке от того же корня происходит слово «чердак». Могло быть заимствовано индийцами у местных татар. Скорее всего Паллас описывает т.н. *мандапу* — сооружение, состоящее из вбитых в землю шестов и натянутого на них тента.

¹⁹ Возможно, имеется ввиду игра *Pachisi* или *Ragamala*. Сцены игры, сходной с описанной Палласом, встречаются иногда на индийских миниатюрах.

они приглашают известных среди татар фокусников, которые скрашивают их досуг пением, сопровождаемым парой барабанов и диковиной скрипкой; зовут выступать танцора с бубенчиками на ногах, выделяющего прыжки, или же позитурмахера²⁰, который танцует вокруг с парой охотничьих ножей на лице и выделяет другие кунштюки, сопровождаемые перезвоном колокольчика²¹.

Поскольку, как известно, они верят в переселение душ, то потому не только не убивают животных, но и не едят ни говядины, ни домашней птицы; однако в их *пелаве* можно нередко видеть баранину, о которой, стало быть, они имеют особое мнение. Они не переносят, когда в их присутствии обижают, пугают либо убивают животных. Потому русские мальчишки в Астрахани часто становятся у ворот индийского торгового двора с пойманной вороной и ждут, пока не выйдет какой-нибудь индеец, тогда ту ворону они начинают мучить и заставляют кричать до тех пор, пока индеец им не дает денег, чтобы они ее отпустили. Тем же манером они, бывает, иногда покупают на ярмарке живую куропатку и выпускают ее на волю²².

Должно быть, первый браман прибыл в Астрахань, в эту маленькую индийскую колонию, в 1733 году. У него в носу было большое золотое кольцо, свисавшее до самых губ. В 1773 году, когда я посетил Астрахань, меж ними находились браманы —

---

²⁰ Судя по описанию, речь идет о, своего рода, акробате.

²¹ Довольно затруднительно понять, какого рода *кунштюки* имеет ввиду Паллас. Возможно, речь идет о способности некоторых индийских факиров протыкать себе щеки спицей или кинжалом. В то же время не совсем ясно, являлся ли приглашенный *позитурмахер* индийцем, либо же татарин.

²² Наблюдения Палласа по поводу «непричинения вреда всему живому» весьма точны, хотя, вероятно, понятие «*ахимса*» ему было незнакомо. Те же сведения мы находим у Я.Потоцкого: «Они часто покупают птиц и выпускают их на волю...» (*Потоцкий Я.* Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797. // Русско-индийские отношения в XVIII веке. М. 1965, с. 532).

один постарше, другой помоложе²³; однако, ни у одного из них такого кольца не было. Обычно оба они повязывали что-то вроде белого узла на голове²⁴, бороды у них не были острижены, а богослужения они отправляли во всем белом. Прочими они очень уважаемы и живут несколько обособленно. Если же они носят на лбу знак, то, обыкновенно, не оранжевый, а сделанный красной краскою²⁵; кроме как во время богослужения, они повязывают иногда красный узел.

Благодаря протекции одного из старейших купцов²⁶, я присутствовал в индийском *каравансерае* на обычной вечерней молитве, которую совершал старший и наиболее важный браман. — В зале, ничем не украшенной, под изящным балдахином, покоящимся на столбах, висела маленькая, крепленная на тросе *пагода*²⁷, в которой находились три более крупных,

²³ Если следовать сведениям Палласа, в индийской общине было всего два брахмана. Однако, возможно, это не соответствует действительности. Документы XVIII века указывают, что брахманов на самом деле было значительно больше. Некоторые из них даже сопровождали индийских купцов в их торговых поездках по России. К примеру, сохранились упоминания «индейского попа Баларама», который во времена Петра I вместе с торговцами посетил Москву и Петербург (док-ты №№ 30–34 в сб. Русско-индийские отношения в XVIII веке. М. 1965). Эти же документы опровергают тезис Палласа о годе появления первого брахмана в Астрахани, т.к. датируются 1720 годом. Если же исходить из того, что определенная часть обязательных ритуальных церемоний могла совершаться лишь брахманами, то последние, безусловно, должны были появиться в городе одновременно с первыми индийскими поселенцами.

²⁴ Речь, конечно, идет о тюрбанах.

²⁵ Если следовать указаниям Палласа, то в индийской общине выделяется как минимум три группы: те, кто не носит знака на лбу (вероятно, большинство), те, у кого он сделан оранжевой мазью, и, наконец, те, у кого он сделан «красной краскою» (брахманы).

²⁶ Это указание свидетельствует в пользу того, что среди информаторов Палласа были и сами астраханские индийцы. Соответственно, часть предлагаемых им интерпретаций могла быть получена «из первых рук».

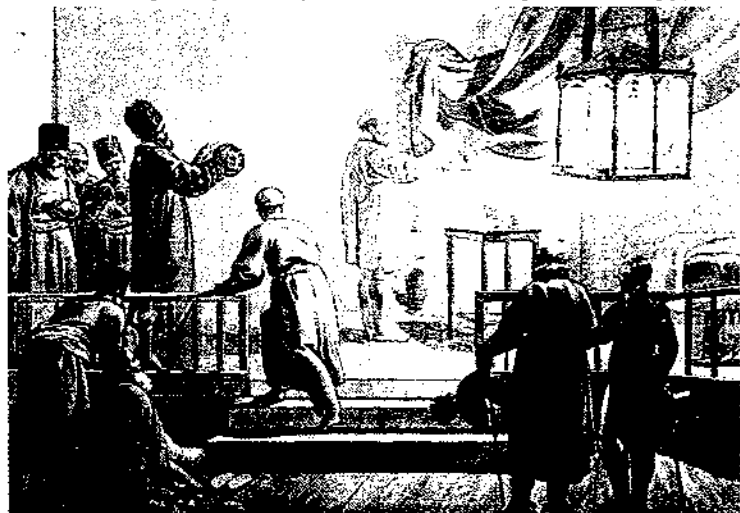
²⁷ Довольно сложно представить, что Паллас имеет ввиду под *пагодой*. Скорее всего, в описанной им зале находилось что-то, напоминающее качели, на которых помещался алтарь в виде домика с куполообразной крышей (отсюда — ассоциации с *пагодой*). Внутри этого домика были помещены статуи божеств.

искусно вылитых из латуни и позолоченных стоячих идола и один поменьше, все закутанные в шелковые покровы²⁸. У двух больших идолов на головных украшениях был выгравирован знак серпа, а у третьего — фигура, схожая с жезлом Меркурия²⁹;

²⁸ Традиция «одевать» божество широко распространена и в современном индуизме.

²⁹ «Знак серпа» в Палласовском описании — скорее всего, полумесяц. С «жезлом Меркурия» — кадуцеем — Паллас, возможно, сравнивает трезубец. В самом деле, верхняя часть кадуцея, где расходятся головы двух переплетенных змей, а между ними помещается наконечник жезла, отдаленно напоминает по форме трезубец. И полумесяц, и трезубец — атрибуты бога Шивы: согласно традиционной индуистской иконографии, его волосы украшены полумесяцем, а один из предметов, которые он держит в руках — трезубец (тришула). В то же время вряд ли будет правильным атрибутировать астраханских индийцев как чистых шиванитов. Значительное количество деталей культовой практики, упоминаемых Палласом, соотносятся, скорее, с традицией почитания Вишну в качестве верховного божества. Приводимое им ниже название главного праздника астраханских индийцев, содержащее имя Рамы, а также восклицания «*Рам, Рам, Сахарам*», производимые индийцами во время кремации кого-либо из их соотечественников, с тем же успехом дают возможность увидеть в них вишнуитов. Кроме того, по свидетельству Я. Потоцкого, посетившего в самом конце XVIII века Астрахань и оставившего краткое описание живущих там индийцев, они «молились Вишну» (*Потоцкий Я.* Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797. // Русско-индийские отношения в XVIII веке. М.1965, с.532). Вряд ли этот автор был в достаточной степени компетентным для того, чтобы грамотно охарактеризовать верования индийских купцов. Скорее всего, информация получена им «через третьи руки». Однако вовсе игнорировать его свидетельства вряд ли будет правильным. Наконец, упоминание базилика (*регана, тулси*), используемого при погребальных церемониях — одного из символов Вишну, может свидетельствовать в пользу почитания последнего астраханскими индийцами. Возможно, условно следует считать отправляемые индийскими купцами культы синкретическими. Отчасти, в пользу этого говорит и то, что, несмотря на упоминаемый Палласом Мултан, нам известно по документам, что приезжавшие индийцы были родом из разных городов и деревень Индии (см. док. №132, Русско-индийские отношения в XVIII веке. М.1965, с.265–269), а, следовательно, изначально могли быть приверженцами разных направлений индуизма.

одна ладонь обыкновенно поднята, другая же как у многих тибетских идолов раскрыта перед грудью словно для благословения. Под висячим помостом с идолами, заменяя собою алтарь, стоял изящный столик, весь уставленный священными сосудами: мисочками, флакончиками, кувшинчиками, все они были сработаны искусно. На том алтаре были разложены всевозможные диковинки, словно для жертвоприношения идолам, например, безоаровый камень³⁰, *Lapis de Goa*³¹, фрукты

Религиозная церемония астраханских индийцев.

Художник Е. М. Корнеев (начало XIX в.)

³⁰ Безоаровый камень — камень органического происхождения. Обнаруживается во внутренностях некоторых жвачных животных, главным образом — безоаровых козлов (откуда и происходит название). Цвет безоарового камня — сине-серый, твердость невысокая. На ощупь камень жирный, в растертом виде обладает горьким вкусом. В течение многих столетий являлся одним из самых дорогостоящих драгоценных камней. Причина тому состояла не в его красоте, а, главным образом, в целебных свойствах. С древнейших времен использовался как противоядие, абсорбирующее все соединения мышьяка, при помощи которых изготовлялось большее число ядов (Куликов Б. Ф. Словарь камней-самоцветов. Л., 1982, с. 68).

³¹ Букв. «камень из Гоа» (*Lapis* — «камень», лат.). Возможно, речь идет об аммоните налагаграма — одном из символов Вишну. Лаконичность автора не позволяет с точностью установить, о каком предмете, собственно, идет речь.

и тому подобное. Перед алтарем стоял своего рода Gueridon³² с большим зажженным светильником, еще две восковые свечи горели на *пагоде*.

Между тем занавес перед висящей пагодой открылся, браман встал перед алтарем, лицом оборотясь к идолам, взял в левую руку колокольчик, подобный тому, какие используют *ламы* и жрецы-идолопоклонники калмыков, а в правую — маленькую изящную курильницу, и запел нежную ритмичную песню, стоя на одной ноге, другую же поставив на кончики пальцев³³, одетый лишь в хлопковое белое исподнее и свой узел. Чуть позади, рядом с ним стояли два простых индийца, из которых один, бывший слева от жреца, при помощи шнура звонил в два висячих колокола небольшого размера; другой же ударял друг о друга, так же в такт, двумя маленькими колокольчиками, которые он держал в руках, или звенящими чашечками³⁴, а сам браман тем временем постоянно звонил в свой жреческий колокольчик. Во время пения собрались члены общины в шапочках на голове, но босиком³⁵, как и сам браман и его помощники. Каждый, входящий туда, падал ниц у правой ноги брамана, касался лбом пола и либо лбом, либо рукою ноги брамана, дабы таким образом благословить чело и глаза³⁶, затем же с почтением вставал, соединивши пальцы

³² Круглый столик на ножке (фр.).

³³ Странная поза брахмана ассоциируется с той, в которой часто изображается Кришна: он, действительно, стоит на одной ноге, другая же, чуть согнутая в колене, опирается лишь на самые кончики пальцев.

³⁴ Возможно, таким образом Паллас характеризует своеобразные металлические тарелочки, перезвон которых сопровождает некоторые культовые действия в индуистской ритуальной практике. Эти тарелочки скреплены длинным шнуром, при помощи которого вешаются на шею. К примеру, подобные же предметы известны умаратхов под названием *талы* (Глушкова И.П. Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры. М. 2000, с. 26).

³⁵ В индуистские храмы полагается входить, снявши обувь. Паллас обращает внимание на эту деталь, поскольку в христианских храмах мужчинам, напротив, следует обнажать голову. По этой причине вид прихожан, присутствующих на богослужении в головных уборах, но босиком, для него необычен.

³⁶ Паллас описывает традицию, называемую в индуизме *падастафша* — прикосновение лбом к стопам учителя или божества.

рук. Вся община с торжественным видом подпевала слова песни, которую начал браман. Между тем сам браман поставил на алтарный стол курильницу, а вместо нее поднял в руке инструмент, в который были воткнуты две свежие розы, и который был подобен изящному подсвечнику с одной выпуклостью и четырьмя углублениями, у рукоятки украшенный изображениями идола и слона.

После этого пения последовала молитва, и очарованием языка, и модуляциями чрезвычайно приятная для слуха и гармоничная, но без обыкновенного перезвона, во время которой браман при помощи маленького изящного сосуда, взятого с алтарного стола, старательно окропил сперва идолов, а затем и всю общину. После он стал разливать из сосуда, как это принято во время тибетских богослужений, перед идолами жидкость, которую считают святой водою, и махать в воздухе платочком, словно хотел обсушить лик идолов. Из позолоченного горшочка, в который он налил святой воды, отделил часть в чашку, ложечкой трижды отчерпнул воды себе в ладонь, отхлебнул, а затем при помощи ложки отделил немного той же воды каждому из общины в ладонь³⁷. Каждый вкусил благодатных капель с почтительным благоговением и влажной рукою отер глаза и чело; так же как у верующих калмыков и монголов делается с их арашаном или святой водою. После этой церемонии были взята тарелочка, стоявшая на алтарном столе, с нарезанными свежими огурцами, ими обнесли всех членов общины, которые приступив к трапезе, расселись вокруг *пагоды*, поджавши ноги. И тут в честь брамана, который сидел во главе по левую сторону пагоды, и более не подпевал, всей общиною под перезвон колокольников была исполнена ритмичная хвалебная песнь, которой и завершилось все богослужение, праздничный дух и гармония коего, казалось, присполнили меня благоговением.

Величайшее празднество, каковое справляется индийцами в Астрахани, выпадает на осень. В 1773 году оно происходило четвертого октября по старому стилю. Согласно их представлениям, справляется оно в честь идола *Рамжи*³⁸, либо же

³⁷ Скорее всего, имеется ввиду обряд *ачамана* — «прихлебывание воды» маленькими глотками и споласкивание рта.

³⁸ «Рама Джи» — букв. «благословенный Рама», «великий Рама» и пр.

им самим было установлено. В день перед оным празднеством принято у индийцев свои жилища мыть, чистить и наилучшим образом украшать напольными ковриками. Все лишнее откладывается в сторону, и домашняя утварь чистится и скоблится как нельзя лучше. Повсюду впрок закупаются свежие, сушеные и засахаренные фрукты и печения, дабы потчевать гостей. В самый праздничный день никто не торгует. В после-полуденное время принято каждому приглашать на празднество своих лучших друзей и покровителей в городе. Под вечер образцы наилучших тканей и товаров, какие у кого есть, вывешивают в сенях, а перед идолами и книгами, каковые имеются в доме у каждого, насыпаются все наличные деньги. Над входом в каждый дом зажигают масляные лампы, и вот, наконец, дома, где зажжено множество свечей, открыты для каждого. Меж свечей горят четырехугольные глиняные лампы с фитилями в каждом углу. Множество фруктов и иных лакомств выставляется для каждого, кто желает откусать, особо помнят и о сосудах с розовой водою. Каждый хозяин усаживается, поджавши ноги, посреди своих свечей и сокровищ и, недвижимый, ожидает своих гостей. Говорят, что прежде индийцы по традициям своей страны в день этого празднества бывали столь щедры, что каждый гость мог брать и денег, и товаров сколько душе угодно. И лишь злоупотребления, чинимые бессовестными прихлебателями, сделали их осмотрительнее; а некоторые уже и вовсе перестали открывать двери своих домов и довольствовались лишь тем, что ставили перед ними лампы. Знакомых и почтенных гостей, коих каждый у себя принимал, должно было рассаживать, окроплять обильно розовой водою и потчевать всеми имеющимися фруктами, чаем и кофею. Снаружи перед дверями в дом выставляли для простонародья стол с сушеными фруктами и нарезанными арбузами. В этот вечер можно таким манером до самой полуночи угощаться за счет индийцев, переходя от одного к другому³⁹.

³⁹ Скорее всего в статье Палласа приводится описание праздника *дивали* или *дипали*, справляемого в первый день месяца каргтики в поволуние, и сопровождаемого зажиганием большого количества всевозможных светильников (отсюда название — букв. «цепь светильников»). В большей степени этот праздник связан с вишнуистскими традициями, регионально — с северной частью Индии. Известен, в частности, по описанию Бируни, называющего его *балираджья* — букв. «владычество Бали» (*Бируни*. Индия. I.XXVI).

По поводу погребальных церемоний индийцев господин Габлиц⁴⁰ со мною поделился нижеследующими сведениями.

По сравнению с другими народами индийцы относятся к смерти своих друзей совершенно равнодушно. Они говорят, это было бы безрассудно печалиться по случаю смерти, тогда как достоверно известно, что всякий человек должен рано или поздно умереть. Такое равнодушие и церемонии, с которыми они сжигают своих покойников, породили в Астрахани предрассудок, не соответствующий, впрочем, их собственному образу мысли, будто, в случае смерти кого-либо из своих, индийцы более радуются, чем печалятся⁴¹.

Покойников индийцы омывают, как и большинство других народов. Если только обстоятельства позволяют, труп оставляют лежать в жилище не более чем на пару часов. Они говорят: есть ли что-либо столь же бессмысленное, нежели человеческое тело, от которого уже отделилась душа, без пуж-

---

⁴⁰ Речь идет о Карле Ивановиче Габлице, уроженце Пруссии, который в 1758 году шестилетним мальчиком вместе со своим отцом прибыл в Россию. Отец был принят на русскую службу и стал инспектором типографии при Московском Университете. Сын же его окончил гимназию при том же Университете, а затем поступил и в сам Университет. Первоначально Габлиц-младший обратился к изучению медицины. Однако неожиданное знакомство изменило его планы. Через 10 лет по приезду Габлицев в Россию (т.е. в 1768 г.), в Москве проездом оказался уже знакомый нам профессор Гмелин-младший. Молодой профессор предложил Карлу Габлицу сопровождать его в путешествии в статусе студента-практиканта. После некоторых колебаний, вполне понятных, учитывая чрезвычайно юный возраст профессора Гмелина (в 1768 году ему было лишь 24 года), отец отпустил шестнадцатилетнего Габлица в экспедицию. Путешествия юного Карла Ивановича продолжались вплоть до 1775 года. За это время он, по крайней мере, дважды оказывался в Астрахани — в 1769 и в 1774 годах (Русский биографический словарь. Т. «Гааг — Гербель». М.1914).

⁴¹ Замечаемое Палласом равнодушие индийцев к смерти, в самом деле, явление реальное, с одной стороны, и имеющее древние корни — с другой. В частности, для литературы круга смрити характерны рассуждения, объясняющие, по какой причине не следует печалиться об умершем. См. например «Яджнавалкья-смрити» III. 8–11.

ды оставлять не погребенным; лучше как можно скорее превратить его в прах и пепел, из коих оно и было сотворено.

Обряды, предшествующие проводам покойного на костер и самой кремации таковы. Умершего непокрытым укладывают на спину ногами вперед на носилки⁴², кое-как сделанные из трех жердей и прикрепленной к ним доски или древесной коры, и шесть человек несут его на поле. Впереди идет браман, позади и по обе стороны от покойного, безо всякого порядка — остальная свита; однако же вся процессия движется таким быстрым шагом, что носильщики поминутно вынуждены меняться. Во время шествия вплоть до места сожжения каждый из свиты выкрикивает: *Рам, Рам, Сахарам!* — что является призывом к одному из их самых главных божеств; при этом время от времени они хлопают в ладоши. По прибытии на место, где покойник должен быть сожжен, его поднимают с носилок и кладут прямо на землю. Браман становится у изголовья трупа и совершает короткую молитву, в продолжение которой один из знакомых или друзей умершего разливает из кувшина вокруг тела чистую воду, окропляя при этом и само тело⁴³. Когда кувшин опустеет, его разбивают на куски. Это, как они говорят, последнее приношение, которым один друг обязан другому, при уходе с этого света. Как только заканчивается молитва, начинают сооружать костер, для которого обыкновенно берут одну или две сажени дров, которые укладывают в форме вытянутого четырехугольника в аршин вышиной. Сверху помещается тело, завернутое лишь в кусок полотна, и укрываемое шелковым покрывалом дурного качества. Похоронные носилки также прислоняют к поленнице. Затем браман еще раз подходит и смазывает у трупа во рту и на груди какой-то кашей, изготовляемой из ячменной муки и воды, с добавлени-

⁴² Согласно обычаям, покойного следует уложить на носилки головой к югу (в индийской традиции юг — сторона смерти) лицом вверх (Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М. 1990, с. 196).

⁴³ По всей видимости, Паллас описывает традицию возливания воды — *удакарма*, неперенный элемент погребальных церемоний со времени поздневедийского периода (см. «Ашваладжна-грихьясутра» IV. 2.10; Вишну-смирти 19.6–9; Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М. 1990, с. 194).

ем некоей привезенной из Индии травки, *Регана* (по всей видимости, *Osimum Basilicum*)⁴⁴, а в рот покойному в качестве последнего подношения кладется несколько маленьких серебряных монеток. Наконец браман для лучшего горения выливает на тело кувшин топленого масла⁴⁵. После сопровождающие кладут оставшиеся дрова вокруг и на умершего, костер поджигается со всех четырех углов. Когда же он весь охватывается пламенем, свита рассаживается в некотором удалении на землю и поет всевозможные хвалебные песни, обращенные к их богам, сопровождая пение хлопаньем в ладоши, перезвоном колокольчиков и звенящих чашечек. Это продолжается до тех пор, пока голова у покойного не трескается, что определяется по щелчку, который она издает. Тогда все встают и трижды обходят вокруг огня, чтобы попрощаться с умершим, после того каждый возвращается в свое жилище.

Через четыре дня браман вместе со всею свитой выходит к месту сожжения, чтобы собрать оставшиеся кости и пепел⁴⁶.

⁴⁴ Паллас совершенно прав: речь, видимо, в самом деле, идет о базилике — одном из священных растений индийцев. Интересно то, что приводимое им «оригинальное» название — *регана* — принято не у индийцев, которые называют его *туласи*, а у армян. В этом можно было бы усмотреть результат тесного контакта индийцев с «армянскими торговыми людьми». Однако, в то же время, это может указывать и на этническую принадлежность информаторов Габлица, а, соответственно, и Палласа.

⁴⁵ Использование топленого масла в индийских погребальных церемониях зафиксировано с поздневедийского периода. Согласно тексту «Ашвалайна-грихьясутры» его льют в простоквашу. Такое «масло окропления» предназначалось для предков (Ашвалайна-грихьясутра IV.1.18–19).

⁴⁶ Обряд «собирания костей» — *астхисанчаяна* — совершается по разным сведениями через 3, 4, 5, 7, 10, 13 или 14 дней после кремации. Существует мнение, что это — остаток древнего обычая погребения, в символическом виде сохранившийся и в тот период, когда практически повсеместно уже была распространена традиция кремации покойного. Собранные кости складывают в специальный глиняный сосуд, мужской — с носиком, женский — без носика (Ашвалайна-грихьясутра IV. 5) и бросают в воду Ганга или другой священной реки (Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М. 1990, сс. 191, 206–207).

Из них небольшая часть отсылается родственникам покойного как доказательство того, что он действительно умер, а также, возможно, для торжественного погребения⁴⁷; все остальные собранные кости бросаются в воду, чтобы их не оскверняли свиньи, собаки и прочие нечистые животные⁴⁸. В Индии прах умерших со всего царства отвозят к священной реке Гангу.

Траур по покойному принят у индийцев лишь в двух случаях и только для взрослых; когда умирает отец или старший брат, то оставшийся в живых должен в знак печали остричь свою бороду. — Кроме того, астраханские индийцы имеют обыкновение при выносе покойного разбрасывать на улице деньги и всевозможные фрукты в качестве милостыни. Но поскольку это истолковывали дурно, и даже видели в том неуважение к русским деньгам, то вот уже несколько лет как они отказались от этой доброй привычки.

Хотя тибетские идолы калмыков и непохожи на индийских, но все же индийцы выказывают своего рода уважение ламаистскому богослужению, приходя иногда к идольским шалашам калмыков и жертвуя время от времени что-либо на их идольские алтари.

В языке живущих в Астрахани индийцев можно заметить некоторое сходство отдельных слов с цыганским языком⁴⁹. Мне

---

⁴⁷ Эти сведения подтверждаются и работой Я.Потоцкого, писавшего, что «тела их предают огню, и пепел отправляют в Индию» (*Потоцкий Я. Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797. // Русско-индийские отношения в XVIII веке. М. 1965, с. 532*). В соответствии с традицией после кремации человека, умершего вдали от дома, его кости (чаще всего 33, так как считалось, что тело человека состоит из 33 частей) доставлялись родственникам для подобающих похорон (*Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М.1990, с. 216*).

⁴⁸ Паллас по-своему интерпретирует традицию погружения в воду оставшихся после кремации костей. По представлениям самих индийцев, если кости кремированного погрузить в воду Ганга, его ожидает вечное блаженство (*Вишну-смирти. 19. 10–13; Бируни. Индия. LXXXIII; Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М. 1990, с. 207*).

⁴⁹ Цыганский язык относится к индийской группе индоевропейской семьи языков. К той же группе относятся и языки, на которых го-

бы хотелось в заключение привести некоторые слова этих индийцев и их способ счета: 1 Ik, 2 Du, 3 Trei, 4 Tschaar, 5 Pansh, 6 Tschi, 7 Sattée, 8 Atsch, 9 Nau, 10 Da, 11 Iara, 12 Bara, 13 Tera, 14 Tschoda, 15 Pandera, 16 Sola, 17 Setara, 18 Atara, 19 Unwi, 20 Bis, 21 Ikwi, 22 Baabi, 30 Tri, 40 Tschaali, 50 Pandsha, 60 Ssatt, 70 Sater, 80 Asst, 90 Nowe, 99 Wedanwe, 100 Gau, 200 Dosai, 1000 Gasaar.

Бог, Takur. Человек, Aadmi. Магъ, Маа. Мужчина, Рае. Мальчик, Baal. и т.д.

Перевод с немецкого и комментарии К.Д.Никольской (печатается по книге: «Индия-Россия: диалог цивилизаций». М., 2003)

ворят жители Панджаба, на территории современного Пакистана, с которым соотносится Мултан — родина большинства астраханских индийцев. В этой связи наблюдения Палласа кажутся более точными, чем И.Г.Георги, который полагал, что «язык их (индийцев) есть весьма сходное с монгольским наречием» (Русско-индийские отношения в XVIII в. М. 1965, с. 518).

Приложение 2

«ДВОРЯНИН НОВОКРЕЩЕНОЙ ИЗ ИНДЕЙЦОВ ПЕТР ИВАНОВ СЫН СУНГУРА»

В Рукописном Отделе ГИМ хранится рукописная грамматика церковнославянского языка с дарственной надписью: «Сию книгу Грамматику подарил аз Василей Тредиаковский Сунгаре Притомовичу да владеет ею вечно»¹. Там же находится едва ли не самое раннее стихотворение поэта. Под предисловием к грамматике стоит подпись: «ученик латинских школ *Basilius Trediacovensius*» и дата — 30 сентября 1721 г. В.К. Тредиаковский, видимо, был дружен этим Сунгарой и имел основания надеяться, что тому будет интересна церковнославянская грамматика, переписанная им лично.

Имя «Сунгара» на всякие лады толковалось в историографии: то его сопоставляли с индийским «Шанкара»², то, почему-то, с древнетюркским «Шункар» (сокол)³. Правильное написание слова устанавливается благодаря документам, хранящимся в Российском Архиве Древних Актов, — а заодно выясняются некоторые любопытные эпизоды из истории живших в России индийцев. Имя астраханского купца Сугура Притомова (Сунгура, Сунгара) неоднократно встречается в документах, начиная с 1719 года. Собственноручная подпись его («буквами по-индейски руку приложил») читается как *Suhara*⁴. Известно, что *ha* произносилось близко к *gha*, а назализация — весьма распространенное явление в индоарийских языках⁵.

---

¹ См. Шишкин А.Б. В.К. Тредиаковский: годы учения // *Studia Slavica* Ac. Sc. Hung., XXX, 1984, Budapest, с. 130; Успенский Б.А., Шишкин А.Б. Тредиаковский и янсенисты. Париж (*Simvol*, № 23), 1990, с. 106, 178–179.

² Например, Kemp P.M. *Bharat-Rus*, Delhi, 1958.

³ Невская Н.И. Индия и Петербургская Академия наук XVIII века // Ариаварта. Начальный выпуск, СПб., 1996, с. 24.

⁴ РГАДА, ф. Главный магистрат, д. 301, лл. 87, 105, 106, 131–133 и др.

⁵ Bloch J. *La nasalite en indo-arien* // *Recueil d'articles de Jules Bloch*, P. 1985, p. 66–67.

Имя Сухары связано с делом о наследстве индийского купца «Ругната» (видимо, Рагхунатха) Кукаева. Ругнат скончался в Астрахани в 1719 г., не оставив близких родственников. Его приказчик, «купецкий человек» Неротам или Наратон (Нароттама) Лаладжетуча предъявил претензии на наследство, называя себя то двоюродным братом покойного, сыном Лалыджана, брата Кукая, то племянником. Астраханская губернская канцелярия опечатала «пожитки Ругнатовы», выдав Наратону лишь кофе на 100 рублей и на 825 рублей товаров⁶. Естественно, его это не удовлетворило — как и всю индийскую колонию. Дело дошло до самого императора. Во время визита в Астрахань Петр принял 31 октября 1722 г. старейшину этой колонии Амбурама Мулина и распорядился передать ему пожитки Ругната: индийцы должны были сами определить их судьбу «по своему закону и обыкновению». Русские власти, заинтересованные в том, чтобы привлечь в страну восточных купцов, предоставляли им самостоятельность в решении их собственных дел. Амбурам с компаньонами не торопился расставаться с доверенным ему имуществом. Игра стоил свеч — стоимость наследства оценивалась в 30 748 рублей⁷.

Отчаявшись получить искомое наследство, Наратон избирает новую тактику. 23 ноября 1724 г. он обращается с прошением о переходе «в православно-кафолическую» веру. По определению Правительствующего Синода он «отсылан был в Александро-Невский монастырь», а потом к архимандриту Феофилу. Тот засвидетельствовал, что «оной индиец... в желательстве веры христовой и крещения явился крепок, постоянен и зело тепл»⁸. При крещении имя ему было дано Федор Федоров Индес (т.е. «индиец» — на греческий манер). Сразу же после этого «новопросвещенный индиец» подал прошение относительно «ругнатовых пожитков» — и дело завертелось вновь. Голоса астраханских индийцев разделились. Лишь

⁶ Русско-индийские отношения в XVIII в., М., 1965, с.121.

⁷ Там же, с. 122. Для сравнения укажем, двор в Астрахани стоил 5 рублей, торговая лавка — 10, годовое жалование полковника составляло 30 рублей (Гбликова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982, с. 54–55).

⁸ Русско-индийские отношения... с.72.

меньшинство согласилось с доводами Федора Индеса и подерживавшего его приказчика покойного — Венидаса. К тому же в разгар событий последний «пропал безвечно»⁹.

31 июня 1733 г. по приговору Правительствующего Сената Федору Федорову было отказано в получении наследства со ссылкой на решение «Ындейской компании»¹⁰. Однако Наратон не сдавался, осаждая высших сановников империи. И вот 27 мая 1734 г. появилось доношение Сената Анне Иоанновне: «не соизволит ли ее императорское величество... те Ругнатовы пожитки, для восприятия православныя веры греческого исповедания, пожаловать означенному челобитчику Федору Федорову»¹¹. На следующий год было принято решение подождать еще год, не объявятся ли из Индии какие-либо родичи Ругнатовы, а если таковых не будет, передать пожитки новокрещенному индийцу.

Видимо, так и было сделано, но пользовался богатством Федор Индес недолго — в 1740 г. он «умре»¹².

Судебное дело тянулось почти два десятилетия, а имущество, очевидно, таяло. В 1724 г. о Неротаме говорилось, что он «весьма убог, бездомовен и пропитания ниоткуда иметь не может»¹³. Через десять лет он получил огромное наследство, но на момент смерти имел не 30 тысяч, а 4 843 рубля¹⁴. Куда делись остальные, можно только предполагать, зная устойчивые традиции отечественного судопроизводства.

На разных стадиях изнурительной (и разорительной) тяжбы Федора Федорова сопровождал и поддерживал его «брат крестной» Петр Иванов сын Сунгура, к концу жизни именовавшийся «дворянином новокрещеным из ындейцов»¹⁵. Он стал и его наследником (причем астраханский бургомистр Лаврентий Иванов присвоил большую часть наследства, а самого Сунгуру посадил «под караул» — и дело по этому поводу тянулось одиннадцать лет, до 1751 года).

⁹ Русско-индийские отношения... с. 122.

¹⁰ Там же, с. 121.

¹¹ Там же, с. 123.

¹² Там же, с. 260.

¹³ Там же, с. 72.

¹⁴ Там же, с. 260.

¹⁵ Там же.

Имя Сунгуры встречается не только в судебных документах, но и в хранящихся в Архиве Древних Актов бумагах Г.Я.Кера. Георг Якоб Кер служил переводчиком с арабского, персидского и турецкого языков при Коллегии иностранных дел. Его бумаги, купленные у вдовы в 1741 г. и попавшие в Московский Главный архив МИД, свидетельствуют о том, что чудаковатый немец с энтузиазмом собирал всевозможные материалы по индийским языкам. Он делал пространные выписки из сочинений миссионеров, живших в Индии¹⁶, и переписывался с последними (например, со знаменитым Б. Цигенбальгом¹⁷), расспрашивал Д.Г.Мессершмидта, встречавшегося с индийцами во время экспедиции в Сибирь.

Целые тетради Г.Я.Кер исписал во время занятий с индийцами в Петербурге. Здесь мы встречаем перечни индийских слов, сопровождаемые транскрипцией, пояснениями о произношении и латинским¹⁸ переводом, таблицы спряжения глаголов и склонения местоимений, отдельные фразы. В ряде случаев он отмечал параллели к индийским географическим названиям в греческих и латинских текстах и последовательно фиксировал сходство индийской и греческой лексики. Индийские слова в тетрадях Кера написаны носителем языка. Последний использовал шрифт ланда, распространенный в Панджабе, а также такри. Сам Г.Я.Кер определял язык как «индо-мултанский»¹⁹, т.е. язык индийцев из области Мултан (откуда и происходили, в основном, купцы астраханской колонии).

На одной из страничек²⁰ мы видим запись «индийскими буквами»: Горгхи Якубха(вича) Кера, а также имя самого ин-

¹⁶ РГАДА, ф. 191, оп. 1, д. 24. О буквах бенгальских; д. 39. Об индомаврском языке и письме; д. 42. О малабарском или дамулоиндийском языке и письме.

¹⁷ Там же, д. 141, лл. 112–113.

¹⁸ А иногда также и по-русски, например: *sahib = weliki drug = bonus amicus*.

¹⁹ Там же, д. 37. Алфавит мултанских индейцев., ср. л. 5: «другой вид мултанского письма, который называется *akhara takari*. Используется только... торговцами; гласные при этом не обозначаются».

²⁰ РГАДА, ф. 191, оп. 1, д. 37, л. 18. Здесь же: «Обученнейшем докторе Мессершмидте он свидетельствует, что тот очень аккуратно, красиво и без ошибок пишет и читает по-индийски, хотя и мало может говорить».

форманта — Сухара Притомава Джава Индеса с пояснениями на латыни: «Sunghara Pritomava («сын Притома»), Индеса, т.е. индеец, Джава — фамильное имя, а после православного крещения именуется Петром Ивановичем». И далее: «Проживает этот муж в Астрахани, а в Петербурге пребывал во дворце князя Черкасского три последних месяца 1733 г. и первые месяцы 1734 г. Он сам сделал эти индийские записи». Астраханские индийцы Наратон и Сунгура с полгода ждали результатов разбирательства в Сенате челобитной о «пожитках Ругнатовых». Издавна связанный с Астраханью князь А.М. Черкасский (1680–1742), в те годы кабинет-министр, очевидно, им покровительствовал. А ученый немец воспользовался редкой возможностью получить сведения о восточном языке («индо-мултанском»), совершенно неизвестном еще в Европе.

Материалы, полученные от индийцев, частично были опубликованы в работах старого знакомого Г.Я.Кера, одного из первых членов Петербургской Академии наук, «антиквитетов профессора» Г.З. Байера. В частности, в книге «История греко-бактрийского царства», посвященной, кстати, «светлейшему князю Алексею Михайловичу Черкасскому» (*Historia regni Graecorum Bactriani, Petropoli*, 1738) Г.З. Байер пишет о своих встречах с мултанцами Sonhhara²¹ и Nrhhohotam²². Слова, написанные индийцами по его просьбе, воспроизведены на многих страницах его труда²³. Бумаги Г.Я. Кера дают возможность утверждать, что именно с его помощью Г.З. Байер получал информацию от индийцев. Приведем одно из писем²⁴ (оригинал на латинском языке):

²¹ С легкой руки П.П.Пекарского (История Императорской Академии наук в Петербурге, т. 1, СПб., 1870, с. 188) из книги в книгу кочует ошибка в транскрипции: Sonhhara превратилось в Sonhhaha, а последнее воспроизводится как Зонгбара, в котором трудно уже узнать Петра Ивановича Сухару.

²² Ук. соч. с. 10, ср. с. 30: «Так мне сказал мултанец Sonhhaha», с. 133: «Я нередко слышал, как поют по-индийски на разные лады Sonhhaha и Nrhhohotam».

²³ Ук. соч., сс. 3, 4, 11, 15, 17, 28, 29, 30, 33, 36, 81, 99, 118, 126, 127, 130, 131.

²⁴ РГАДА, ф. 191, оп. 1, д. 37, л. 18.

«Муж достославный! Прошу тебя, скажи своим индийцам написать числа до 10 тысяч. И узнай у них также — пользуются ли они своими буквами вместо цифр? И от того же они начала, как в их алфавите? И — как у малабарцев? Будь здоров. С величайшим почтением. Твой Т²⁵. Байер.

Давно ты не заходил ко мне. Приходи скорее — буду рад».

Вопреки мнению, часто повторяемому в историографии²⁶, индийцы не могли научить Г.З. Байера санскриту. Речь может идти лишь о разговорном языке («мултанском»), которым пользовались в астраханской торговой колонии. Но это был первый опыт изучения индийских языков в России.

---

²⁵ Теофил (калька на греческий с немецкого Готлиб).

²⁶ Бартольд В.В. Сочинения, т. 9, М., 1977, с. 32.

ГЛАВА III

— ИЗУЧЕНИЕ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ — В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В первые десятилетия XIX в. в Европе были сделаны значительные открытия в области изучения Востока, в частности Индии — ее языка, литературы, религии. Планомерные исследования велись и в Индии, прежде всего, в Бенгальском Азиатском обществе. Хотя членов его отличала широта научных интересов, в центре их внимания находился санскрит и санскритская литература.

В Европе работали такие видные индологи, как Г.Г. Вильсон (Англия), Л.-А. Шези и его ученики (Франция). Но особое развитие получила санскритология в Германии. У ее истоков стояли известные немецкие романтики, философы и поэты Фридрих и Август-Вильгельм Шлегель. Братья Шлегель относились к культуре Индии с восхищением, видя в ней основу цивилизаций Ближнего Востока и классической древности. Показательно письмо Ф. Шлегеля (1803) своему другу и соратнику, поэту Л. Тику: «Здесь (в санскрите — *A. V.*) источник всех языков, всех идей и поэзии человеческого духа; все, все без исключения происходит из Индии. Я на все смотрю другими глазами, после того как получил возможность прикоснуться к этому источнику»¹. Мысль о древности индийской культуры, ее огромном влиянии на все остальное человечество проводилась в сочинении Ф. Шлегеля «О языке и мудрости индийцев», опубликованном в 1808 г.² Оно получило широкую известность в Европе.

Ученик А.-В. Шлегеля Ф. Бопп (1791–1867) явился одним из первых специалистов в области сравнительного языкознания. Ему принадлежит заслуга обоснования теории индоевропейской языковой семьи, разработка научных методов этимологического анализа и сравнительной грамматики. Индоевропеистика стала научной базой санскритологии, под кото-

---

¹ Rocher R. Alexander Hamilton, 1762–1824. A Chapter in the Early History of Sanskrit Philology, New Haven, 1968, с. 47.

² См.: Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика. Т. 2. М., 1983.

DE
LINGUA RUSSICA
EN
EADEM CUM SAMSCRDAMICA
MATRE ORIENTALI
PROGNATA.

ADIECTAE SUNT
OBSERVATIONES DE EIUSDEM LINGUAE
CUM ALIIS COGNATIONE ET DE PRIMIS
RUSSORUM SEDIBUS.

SCRIPSIT
CONRADUS GOTTLOB ANTON,
LINGUARUM ORIENTALIUM PROFESSOR PUBL. ORD. IN ACADEMIA
WITEMBERGENSI, IN SOCIETATEM UNIVERSITATIS LITERARUM
INCLYTAE, QUAE MOSQUAE FLORET, HONORIS CAUSSA
COOPTATUS.

WITEMBERGAE, 1803
VITERIS FRIDERICI IMMANUELIS SEPT.

рой в XIX в. понимали изучение всей классической индийской культуры. Знание санскрита позволяло также решать вопросы о происхождении современных европейских народов.

Россия не оставалась в стороне от общего движения европейской научной мысли. В политике Александра I в первые годы правления обозначились тенденции просветительского и либерального характера. Было основано несколько университетов, в новом регламенте Академии наук предусматривалось изучение истории. Власти покровительствовали и развитию ориенталистики. Предполагалось открытие в Московском, Казанском и Харьковском университетах кафедр восточных языков. Ректор Харьковского университета И. Рижский подчеркивал важность изучения восточной словесности. Об этом он говорил в своих публичных лекциях по теории красноречия.

Забота о развитии востоковедения диктовалась отчасти практическими потребностями Российской империи, устанавливавшей все более тесные связи с государствами Востока (главным образом, Ближнего Востока — после присоединения ряда областей Кавказа). Но не менее существенным оказывался и пример европейской науки.

Сведения о санскрите приводились в журнальных статьях — переводных и оригинальных. Отечественным ученым была известна вышедшая в 1809 г. в Виттенберге брошюра профессора восточных языков Конрада Готлоба Антона, почетного члена научного общества Московского университета «О русском языке и его общем происхождении с санскритом» (с посвящением русскому императору Александру I). Это сочинение, в котором ставился вопрос о происхождении и первоначальном расселении русских, содержало ссылки на труды основателя индологии У. Джонса.

Известный петербургский библиограф и лингвист Ф. Адельунг в 1811 г. написал брошюру «О сходстве санскритского языка с русским», которая была опубликована на русском, французском и английском языках. Она вызвала отклик и получила оценку в работе И. Леванды, изданной в 1812 г. на русском и французском. В то время санскрита в России еще никто не знал, информацию о нем черпали из вторых рук, причем не всегда достоверную. Однако показателен рано проявив-

шийся интерес к языку древней Индии и характерна направленность этого интереса — тема близости языков в связи с проблемой происхождения русского и других славянских народов.

В отечественных журналах публиковались произведения индийской литературы в переводах или пересказах с западных языков — отрывки из «Хитопадеша», «Рамаяны», «Шакунталы», пуран. Дважды на русском (в журналах «Вестник Европы» и «Сын отечества») печаталась лекция А.-Л. Шези «О преимуществах, изящности и богатстве языка санскритского, а также о пользе и удовольствиях от изучения оного».

Известно, что в европейской науке начала XIX в. сложились два главных направления в изучении Индии — так называемое утилитаристское и романтическое. Первое получило наиболее полное выражение в британской индологии, оно было непосредственно связано с нуждами колониальной политики. Типичные представители его, в частности Дж. Милль, занимались исключительно новой историей и современным положением в стране и нередко пренебрежительно отзывались о духовной культуре древней Индии, оценивая ее с плоско рационалистических и европоцентристских позиций. Романтическое течение формировалось преимущественно в Германии, оно характеризовалось пристрастием к индийской старине. Ученые этого направления склонны были скорее идеализировать ее, находя индийское мировоззрение и поэтику созвучными собственным религиозно-философским и эстетическим концепциям. В России, безусловно, преобладало романтическое течение.

В 1810 г. С. С. Уваров³, секретарь русского посольства в Париже, представил министру народного просвещения А. К. Ра-

³ В описываемый период это был молодой еще человек (24 лет), весьма образованный и не чуждавшийся либеральных идей. Он хорошо знал и любил классическую древность. Именно Уваров убедил Н. И. Гнедича переводить «Илиаду» гекзаметром. Греческий язык С. Уваров изучал у петербургского академика Федора Богдановича Грефе (последнему, кстати, принадлежали и работы о сопоставлении глагольной системы санскрита, греческого и латинского языков).

зумовскому и опубликовал на французском языке проект учреждения в России Азиатской академии — центра научного востоковедения. В проекте подчеркивалась важность исследования Востока, предлагалась обширная программа деятельности будущей академии. В этой программе акцент делался именно на индологию, ставились даже конкретные задачи: издание санскритского словаря, перевод вед и «Махабхараты», «обстоятельнейший разбор философических сочинений Азии», «изучение индусской мифологии»⁴. Иными словами, проект Азиатской академии составлен целиком в духе европейских идей начала XIX в.

Для России такого рода широкие перспективы были совершенно утопическими, но в какой-то мере они предвосхищали последующее развитие науки. Сочинение С. Уварова вызвало интерес в Европе. Жозеф де Местр написал к нему свои замечания; Наполеон потребовал специального доклада от парижских востоковедов. В отличие от предшествующих планов (Г.Я. Кера, М.В. Ломоносова) проект этот не остался незамеченным и в самой России. Его перевел на русский и опубликовал в журнале «Вестник Европы» в 1811 г. В.А. Жуковский.

В 1818 г. был создан Азиатский музей — центр академического изучения Востока в России. Тогда же началось преподавание восточных языков в Главном педагогическом институте, преобразованном вскоре в Петербургский университет. На открытии курсов восточных языков выступил с большой речью С. Уваров, в то время попечитель Петербургского учебного округа и президент Академии наук. Он говорил о важности изучения Востока как «колыбели всей мировой культуры», о том, что для понимания культуры необходимо, прежде всего, обращаться к ее истокам. «Из Азии проистекают, — говорил он, — все религии, все науки, вся философия; она одна сохранила чудесный дар производить все большие явления морального мира...»⁵ (Ср. в проекте 1810 г.: «Уверены мы совершен-

⁴ Вестник Европы. 1811, №1, с. 44; Кавказский вестник. 1902, №8–9, с. 63.

⁵ Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 г. СПб., 1818, с. 3.

но, что Азия есть то средоточие, из которого истекло просвещение, разлившееся по всему земному кругу»⁶; «Индия — отечество образования. Религия, философия, поэзия, все представлено здесь в образе первоначальном»⁷).

Высказывались, таким образом, идеи, близкие романтикам, прежде всего, высоко ценимому С. Уваровым Ф. Шлегелю⁸. Из стран Азии наибольшее значение придавалось Индии, поскольку именно здесь находятся истоки греческой философии и других достижений Запада. «Санскрит, — утверждал Уваров, — из всех, без сомнения, важнейшая сфера», он «превосходит все известные языки мира»⁹. «Литература Индии... из всех литератур Востока первая, важнейшая, обширнейшая». В обзоре, посвященном наиболее значительным ее памятникам — ведам, «Законам Ману», «Махабхарате» и «Рамаяне», — автор выражает глубочайшее восхищение индийской поэзией, носящей «печать какой-то изящной простоты и вместе совершенной зрелости ума и души». Он считает, что индийцы были «образованнейшим народом Азии» и знакомство с санскритской поэзией должно оказать благотворное влияние на вкусы русской публики. «От прикосновения к этому свежему источнику может обновиться новая русская словесность». С. Уваров подчеркивал также и практическую целесообразность востоковедных исследований — «с политической стороны один взгляд на карту России доказывает уж ясно, сколь сии познания для нас важны и даже необходимы»¹⁰, однако в изучении Востока он видел, прежде всего, задачу чисто научную, культурную и просветительскую.

Тем не менее, в первой четверти XIX в. индологии в России не было, не преподавались и индийские языки. В университетах изучались преимущественно арабский и персидский. Деятельность Азиатского музея также ограничивалась, главным образом, исследованиями мусульманского мира. Как бы высоко ни оценивалась в науке того времени Индия и вклад

⁶ Вестник Европы. 1811, №1, с. 28.

⁷ Там же, с. 31.

⁸ См.: Кавказский вестник. 1902, № 8–9, с. 85.

⁹ Речь президента..., с. 4–5.

¹⁰ Там же, с. 11.

ее в сокровищницу мировой цивилизации, непосредственно Россия была связана, прежде всего, со странами ислама. Индия же оставалась далекой, труднодоступной и малоизвестной.

Одной из нитей, связывавших Россию с Индией, был буддизм, который исповедовали некоторые народы, жившие на территории империи или на ее границах. От калмыков, монголов, бурят могли быть приобретены сведения о нем, а знание и понимание этих народов прямо зависело от знакомства с буддийской религией, ее священной литературой, в частности литературой на санскрите. Одним из первых в России специалистов по буддизму был академик Исаак-Якоб Шмидт (1779–1847), известный монголовед и тибетолог. В опубликованной уже в 30-е годы статье об изучении санскритского языка в России¹¹ И.-Я. Шмидт писал, что для нее, учитывая ее географическое положение и политику, многие другие восточные языки нужнее санскрита, однако последний особо важен для общего культурного развития и «нравственного усовершенствования». Выражая надежду, что «изучение мертвых языков никогда не затмит живых», ученый все же подчеркивал: «Знание первых необходимо для положения прочного основания изучению последних», если «не ограничиваться простым приуготовлением толмачей». Указывал автор и на практическое значение санскрита для России, имеющей среди подданных своих много буддистов.

Заслуживает внимания деятельность Фридриха Аделунга (1768–1843)¹² — ученого библиографа, директора Института восточных языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел, почетного члена Академии наук. В 1820 г. он выпустил книгу «Обозрение всех языков и наречий», а в предисловии к ней обещал, что в скором времени специальную работу посвятит литературе на санскрите. Такая работа была действительно опубликована в 1830 г. по-немецки — «Опыт литературы санскритского языка». Ф. Аделунг привел

¹¹ ЖМНП. 1836, с. 699–701.

¹² Интерес к сравнительно-лингвистическим штудиям он унаследовал от своего родственника И.Х. Аделунга, составителя знаменитой книги «Митридат или всеобщее языкознание».

около 350 названий санскритских сочинений со ссылками на 170 индийских авторов. Книга его представляла тщательно составленный систематический каталог печатных санскритских текстов. Это библиографическое описание охватывало практически все, что было известно европейской науке в первой трети XIX в. Книга Ф. Аделунга была издана также в Оксфорде в 1832 г., затем переиздана в 1837 г. и в течение нескольких десятилетий оставалась необходимым для индологов пособием.

В 1829 г. по рекомендации Х. М. Френа, директора Азиатского музея, в Харьковский университет был приглашен в качестве ординарного профессора восточных языков Альбрехт Бернгард (Борис Андреевич) Дорн (1805–1881). К тому времени он уже защитил диссертацию по эфиопской псалтыри, перевел с персидского «Гулистан» Саади, составил проект серии переводов с восточных языков. В Харькове до 1835 г. он вел курсы древнееврейского, эфиопского, арабского, персидского, турецкого языков, а также санскрита. Это был первый опыт преподавания санскрита в России. Поскольку ученый, при всей своей эрудиции в экзотических языках Востока, не знал русского, а его слушатели, к сожалению, не владели немецким, лекции он читал на латыни. После переезда в Санкт-Петербург в 1835 г. Б.А. Дорн в течение семи лет преподавал санскрит в столичном университете *gratis*¹³ (без вознаграждения). Прекратил он занятия, по всей видимости, в связи с тем, что в 1842 г. в Академию был зачислен выдающийся санскритолог О.Бетлинг. Последний, однако, преподавательской деятельностью заниматься не стал.

В 1833 г. Б.А. Дорн опубликовал на латинском языке первое в России оригинальное исследование по санскритологии — «О родстве языка славянского и санскрита». Монография затрагивала две важные научные проблемы: 1) родства языков индоевропейской семьи — тема, занимавшая тогда всех санскритологов и лингвистов Западной Европы, и 2) происхождения славян — проблема, волновавшая научную общественность славянских стран.

Еще в 1816 г. польский ученый Валентин Скороход-Маевский написал работу «О славянах и их братьях», где также ставился

¹³ СПб филиал архива РАН, ф. 776, оп. 3, д. 1, л. 4.

De
A F F I N I T A T E
LINGVAE SLAVICAE & SANSKRITAE

exposuit

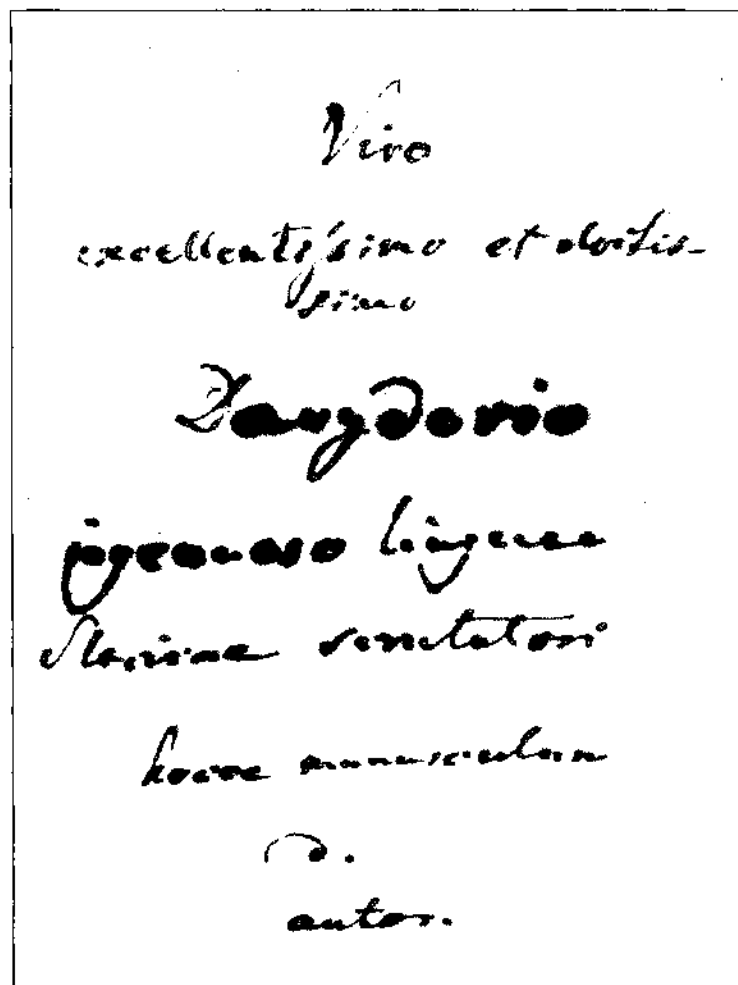
J. ALB. BERNARDUS DORN,
LL. OO. P. P. O.

ХАРЬКОВЪ
Въ Университетской Типографіи, 1883 года.

вопрос об общем происхождении славян и индийцев. Эта проблема привлекала ученых и в других славянских странах. Хорват Миханович в 1823 г. опубликовал брошюру «О близких

по значению и звучанию слова в санскрите и славянском». В 1826 г. Антон Юнгман сравнивал санскрит с чешским (его статья была напечатана в «Северном архиве»). Прародину славян тогда часто искали где-то в Азии, на берегах Ганга. Книга Б. Дорна оказалась, таким образом, в русле интересов русской и славянской общественности.

Автограф Дорна слависту И. И. Давыдову

Несомненной заслугой ее автора является строгость научного метода. Б. Дорн показывал, что слова могут совпадать по звучанию и быть близкими по значению, но тем не менее не находиться в родстве. Он обращал внимание преимущественно на сопоставление грамматического строя языков и подробно анализировал формы склонений в санскрите и славянских языках. Ученый пришел к выводу, что некогда существовал праязык, общий как для санскрита, так и для других индоевропейских языков, в том числе славянских. Иначе говоря, в отличие от многих видных лингвистов того времени Б. Дорн не считал санскрит тождественным индоевропейскому праязыку.

Исследователь основывался на сопоставлении санскрита со славянскими языками (церковнославянским, польским, чешским), с которыми познакомился уже в России. Б. Дорн писал, что славянские языки по богатству сравнимы с санскритом и уподоблял их двум ветвистым стволам одного мощного дерева. Лингвисты того времени анализировали обычно связи между санскритом и языками германской группы, а также классическими — латынью и древнегреческим. Заслуга Б. Дорна заключается в том, что он ввел славянский материал в исследования по сравнительному языкознанию. Его книга вышла в один год с монографией Ф. Боппа о сравнительной грамматике санскрита.

Из Харькова Б. Дорн переехал в Петербург, здесь в 1838–1842 гг. преподавал санскрит и географию Востока при Азиатском департаменте¹⁴, стал академиком, а впоследствии заменил Х. Френа на посту директора Азиатского музея. До конца жизни стремился он способствовать «разъяснению отношений России к Востоку». В Петербурге Б. Дорн постепенно отошел от занятий санскритом, сосредоточившись преимущественно на изучении мусульманских культур. Из его поздних работ для индологии представляет интерес исследование надписей в индийском храме в Баку.

С начала 30-х годов Академия наук стала придавать большое значение развитию ориенталистики, была открыта ка-

¹⁴ См.: Куликова А. М. Б. А. Дорн и университетское востоковедение в России // НАА, 1975, №2; она же, Российское востоковедение XIX века в лицах, СПб, 2001.

федра восточных литератур и древностей. Ставилась задача подготовки специалиста в области индологии. Выбор пал на молодого воспитанника Дерптского университета Р.Х. Ленца (1808–1836)¹⁵, младшего брата известного физика, академика Э. Ленца. По ходатайству Х. Френа, поддержанному С. Уваровым, Р. Ленц был командирован в Берлин на обучение к Ф. Боппу. В 1833 г. Р. Ленц выпустил драму Калидасы «Урваши». Очевидно, это была его диссертация (на книге, во всяком случае, он значится уже как Robertus Lenz, Dr.Ph.). Издание было выполнено в лучших традициях классической текстологии, снабжено латинским переводом и комментариями. В предисловии автор выражал благодарность своему «дорогому учителю» (*almo praeceptor*) Ф. Боппу, а перевод посвятил графу Уварову, покровительствовавшему санскритологии в России¹⁶.

В письме к Х. Френу Ф.Бопп дал высокую оценку познаниям Р. Ленца в области санскрита и сравнительной грамматики. Он писал, что молодой ученый «благодаря быстрым и очень основательным успехам в занятиях этими предметами весьма выделился». Доказательством, «которое всеми друзьями индийской словесности будет принято с благодарным признанием, является изданное им «Урваши» Калидасы, *второе* индийское драматическое произведение, появившееся в Европе, и *первое*, которое снабжено столь прекрасным аппаратом для облегчения понимания (текста), что благодаря этому открывается доступ к данному прекрасному творению великого индусского поэта для менее опытных»¹⁷. Ф. Бопп полагал, что работа Р. Ленца заслуживает покровительства со стороны русских властей и Академии наук.

Возвратившись в Санкт-Петербург, молодой ученый опубликовал каталог санскритских рукописей Азиатского музея

¹⁵ См.: Зограф Г. А. Роберт Христианович Ленц (1808–1836) // Ученые записки ЛГУ. 1960, №279. Серия восточных наук. Вып. 9; Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982.

¹⁶ TUIS, ILLUSTRISIME, auspiciis in civitate nostra invalescunt litterae orientales.

¹⁷ Цит. по: Мсерианц Л.З. К истории санскритологии в России // Новый Восток. М., 1922, кн. 1, с. 310.

URVASIA

FABULA CALIDASII.

TEXTUM SANSKRITUM EDIDIT, INTERPRETATIONEM
LATINAM ET NOTAS ILLUSTRANTES ADIECIT

ROBERTUS LENZ

DR. PH.

« चोपले व्यासिद्रव्या वि सप्तमेवपतिता कृतिः »

Madrâśâh. p. 2.

BEROLINI

TYPIS ACADEMICIS

MDCCCXXXIII.

VENDITUR APUD FERDINANDUM DUMMIGER.

Академии наук (1833). Затем, по совету Ф. Боппа, он предпринял поездку в Лондон, Оксфорд и Париж. Об интенсивных и плодотворных занятиях Р. Ленца свидетельствуют его отчеты, регулярно печатавшиеся в «Журнале министерства народного просвещения», и рукописные материалы, хранящиеся в Архиве Востоковедов в СПб. филиале Института востоковедения РАН.

Р. Ленц получил задание (от И.Я. Шмидта, который, вместе с Х.М. Френем, сочинил для него «Наставление» по командировке) найти и изучить исторические тексты по буддизму. Надо отметить, что в то время не было еще и западных пособий

VIRO
EXCELLENTISSIMO ATQUE ILLUSTRISSIMO
SERGIO AB UWAROW

AUGUSTISSIMI RUSSORUM IMPERATORIS
AUCTORITATE

RERUM, AD ENCOLENDUM POPULI INGENIUM PERTINENTIUM, SUPREMA ADMINISTRATIONE FUNGENTI, DISCIPLINAE PUBLICAE ADMINISTRANDAE ADIUTORI PRIMARIO, IMPERATORIS CONSILIARIO INTIMO, SENATORI, ACADEMIAE LITTERARUM IMPERIALIS PETROPOLITANAE PRAESIDI, PLURIMARUM SOCIETATUM ERUDITARUM, RUSSICARUM ET ALIENARUM, SOCIO, ORDINIS SANCTAE ANNAE SUPREMO INSIGNIBUS ADAMANTINIS ET CORONATIS, SANCTIQUE VOLODIMIRI ORDINIS SECUNDI MAGNA CRUCE ORNATO.
CET. CET.

HUNC LIBRUM,

TANQUAM OBSEQUII SUI ET SUMMAE OBSERVANTIAE TESTEM,

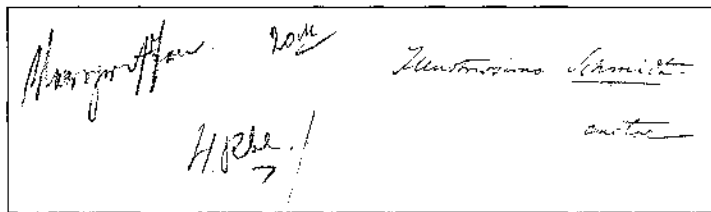
В. В. В.

EDITOR.

по истории буддизма (первый систематический очерк появился лишь через несколько лет после смерти Р. Ленца и принадлежал его другу — французскому индологу Эжену Бюрнуфу). Р. Ленц не нашел необходимых материалов в собраниях рукописей библиотеки Ост-Индской компании, Британского музея и Королевского Азиатского общества, и ему пришлось изменить свои научные планы. Продолжая работу над рукописями «Урваши», ученый в 1834 г. выпустил дополнение к прежнему изданию, включавшее критический аппарат. Главной сферой его интересов стало изучение индийского стихосложения и поэтики, тесно связанных с задачей публикации санскритских драматических произведений. После тщательного ознакомления с трудами Г. Т. Кольбука и других европейских авторов Р. Ленц перешел к самостоятельному анализу санскритских текстов по теории поэзии и музыки. Особое внимание его привлекли сочинения по санскритской и пракритской метрике. Он готовил критическое издание трактата «Праkritапингала» и задумал работу по теории индийского стихосложения.

Свободное от изучения санскрита время Р. Ленц посвящал литературному хинди и разговорному хиндустани, бенгальскому, пракритам и пали. Он занимался упанишадами, «Авестой» и тибетской литературой. Много времени уделил он исследованию средневековой поэмы на хинди «Притхвирадхарасо» и одновременно работал над подготовкой критического издания санскритской драмы Бхаттанараяны «Венисамхара». В библиотеке Оксфордского университета ему удалось обнаружить рукопись «Лалитавистары» — одного из важнейших памятников буддийской литературы.

По возвращении в Петербург (1835) Р. Ленц стал адъюнктом Академии наук. В начале следующего года он приступил к чтению лекций по санскриту и сравнительной лингвистике,

Автограф Р. Ленца тибетологу И. Я. Шмидту

опубликовал доклад о «Лалитавистаре» и рецензию на известный словарь «Шабдакальпадрума». Обширны были его дальнейшие научные планы и велики надежды, возлагавшиеся на него в Академии наук. По списку, составленному им, в Европе была закуплена специальная литература, а также шрифт деванагари. Но этим планам не суждено было осуществиться — в 1836 г. в возрасте 28 лет он умер «от нервной горячки».

Своими работами Р. Ленц, Б. Дорн, Ф. Аделунг внесли определенный вклад в европейскую санскритологию. Однако Россия, в отличие от Англии, Германии и Франции, не создала отечественной школы индологических исследований. Не сложилось и традиции систематического преподавания санскрита: ни лекции Б.А. Дорна в Харьковском, а затем в Санкт-Петербургском университете, ни кратковременные занятия Р.Х. Ленца не сыграли существенной роли в истории высшей школы в России.

И.И. Шмидт

Ковалевскому (1801–1878)¹⁸. Филолог-классик по образованию, высланный из Вильно после волнений в Польше 1830 г.,

Конец 30-х годов отмечен повышением интереса к Индии. В 1837 г. в Дерпте начал преподавать санскрит филолог-классик К. Кейль. Выпускник Петербургского университета Ф. Менцов опубликовал ряд обширных статей о литературе Индии, ее науках и искусствах. Харьковский профессор М. Лунин в больших статьях рассказывал о географии, этнографии, культуре и кастовом строе этой страны. Материалы об Индии охотно печатал «Журнал министерства народного просвещения». Серьезные исследования по буддизму принадлежали казанскому профессору Осипу (Йозефу)

¹⁸ См.: Шамов Г. Ф. Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. М., 1956.

он занялся в Казани монгольским языком и культурой, тибетологией и буддизмом. Здесь он опубликовал первую в России и одну из первых в Европе работ по буддизму — «Буддийскую космологию». В своих трудах он придерживался тех методов критического анализа источников, которые были выработаны европейским антиковедением. Его учеником был замечательный русский буддолог, китаист В. П. Васильев.

Определенную роль в становлении отечественной индологии сыграл Московский университет. В 1832/33 г. курс по истории изящных искусств, в котором большое место отводилось Индии, начал читать преподаватель историко-филологического факультета Н. И. Надеждин¹⁹. Об этом с благодарностью вспоминал Н. В. Станкевич. Один из студентов тех лет позднее писал, что на лекциях «даровитого профессора» они впервые узнавали «о неслыханном... индийском тримурти и воплощениях Кришны»²⁰. Вернувшийся из Италии С. П. Шевырев в лекциях по истории поэзии рассказывал об упанишадах, «Махабхарате» и «Рамаяне», «Хитопадеше» и «Шакунтале». Опираясь на работы европейских индологов (У. Джонса, А. Ланглау, А.-Л. Шези, Г. Т. Кольбрука), он сопоставлял индийскую словесность с греческой. Ученый давал общую характеристику индийского мировосприятия («обожествление природы, созерцательность, сочетание сладострастия и отрешенности от мира» и т.д.). Он прослеживал влияние индийской поэзии на современную европейскую литературу и находил сходство между образами индийской и русской поэзии (Г.Р. Державина). С.П. Шевырев выступал и с публичными лекциями, которые вызывали большой интерес. Обширный материал по данной теме вошел в его книгу «История поэзии», опубликованную в 1835 г.

Благодаря С. П. Шевыреву произведения литературы на санскрите привлекали внимание ряда представителей русской культуры (Н.В. Станкевич, И.А. Гончаров). К.А. Коссович констатировал впоследствии: «К санскритскому языку

¹⁹ См.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. Т. 2. М., 1974.

²⁰ Московский университет в воспоминаниях современников, М., 1956, с. 45.

меня привлекло сколько желание изучить источник Греко-Римского образования, столько, и это будет совершенная правда, лекции о санскритской литературе, читаемые адъюнктом Шевыревым после возвращения его из-за границы»²¹. В 40-е годы К. Коссович помогал С. Шевыреву при подготовке его курса по истории индийской литературы²². Влияние С.П. Шевырева признавал и другой русский санскритолог — П.Я. Петров. Он обращался к нему «как к наставнику, которому обязан многими сведениями и даже своим направлением»²³. Интерес к древней Индии проявлял известный специалист по русской истории М.П. Погодин²⁴, а также филолог И.И. Давыдов.

В конце 30-х годов лекции по истории Индии (в курсе всеобщей истории) читал Т.Н. Грановский. По словам К. Коссовича, в Московском университете, хотя там еще не было санскрита, было санскритолубие²⁵. Именно питомцы Московского университета 30-х годов П. Я. Петров и К. А. Коссович впервые стали систематически преподавать санскрит в России. Этим ученым принадлежат также первые оригинальные переводы на русский памятников древнеиндийской литературы.

Павел Яковлевич Петров родился 25 июня 1814 г. в семье учителя 2-го Кадетского корпуса Якова Иосифовича Петрова. В 1828 г. он поступил в университет, где под руководством проф. А. В. Болдырева занимался арабским, персидским и древнееврейским языками. В. Г. Белинский сообщал тогда в одном из писем: «Я подружился с П. Петровым. Вот дружба, которою я могу по справедливости хвалиться... Что за человек! Какие познания!». В том же письме говорилось, что он владеет новыми (французский, немецкий, английский, итальянский), древними (латинский и греческий) и восточными

²¹ РНБ, ф. 850 (С.П.Шевырев), №318, л. 39.

²² Письма К. А. Коссовича к С. П. Шевыреву (л. 126–133 и др.). Ср. также воспоминания о К.Коссовиче в «Русской старине» (1886, с. 618–619).

²³ РНБ, ф. 850, №436, л. 1.

²⁴ Он рассказывал об Индии в лекциях по древней истории, написал рецензию на перевод «Законов Ману» (см. также: Барсуков Н. П. Жизнь и труды Погодина. Т. 4. М., [б. г.], с. 283–284).

²⁵ РНБ, ф. 850, №318, л. 47 об.

(арабский и персидский) языками, а также «пишет прекрасные стихи». «В запылятых языками и науками неумом... Жажда к познанию языков в нем удивительная: хочет учиться еще по-санскритски и по-турецки. Особенно любит восточные языки»²⁶. П. Петрову в то время было 15 лет.

В 1832 г. он окончил университет со степенью кандидата словесных наук и стал преподавателем в пансионате М.П. Погодина. По ходатайству последнего²⁷ и с помощью Х. М. Френа в 1834 г. П. Петров стал слушателем Восточного отделения Профессорского института в Петербурге. В столице он продолжал изучение арабского и персидского языков (под руководством Осипа Сенковского и Мирзы Джафара Топчибашева), а позже самостоятельно стал заниматься китайским. «Да, брат, — писал он В. Г. Белинскому, — человек может быть счастлив, отринув пустые мирские блага, довольствуясь малым в физических потребностях и ненасытной душой стремясь обнять мир духовный. Глубок этот океан, но потонуть в нем — божественно, достойно человека. Даже сухое изучение языков доставляет божественное удовольствие, когда будешь смотреть на него не так как на механический предмет, но как на живое познание человеческого слова во всех его видах»²⁸. По собственному признанию ученого, он «увлекся страстью всех молодых людей и в особенности русских... за все хвататься, не соразмерив сил своих с поднимаемой тяжестью»²⁹.

В годы учебы в Петербурге главным увлечением П. Петрова стал санскрит. Советами и литературой ему могли помочь Х. Френ и Ф. Аделунг. Затем, как сообщал он сам, в одной квартире с ним поселился немецкий ученый, доктор философии из Геттингена. Речь идет о санскритологе, ученике Г. Эвальда Ф. Боллензене (1812–1896), незадолго до того приехавшем в

---

²⁶ Цит. по: Крачковский И.Ю. Востоковедение в письмах П.Я. Петрова к В. Г. Белинскому // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. I. М., 1956, с. 8.

²⁷ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды Погодина. Т. 4, с. 251, 408; Т. 5, с. 62, 209.

²⁸ В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, с. 241–242.

²⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды Погодина. Т. 4, с. 409.

Россию³⁰. П. Петров, в свою очередь, учил его и русскому, и персидскому³¹. С нетерпением ждал он приезда Р. Ленца, и в 1836 г. начал заниматься с ним. «Чудесный язык! — писал он о санскрите. — Дивлюсь и его строению, и обширной литературе, и легкому, и вместе трудному его изучению». Санскрит кажется языком, близким родному: «выучиться ему для русского — вздор»³².

В 1835 г. при содействии В. Белинского П. Петров напечатал в журнале Н. И. Надеждина «Телескоп» отрывок из «Сказания о Нале», переведенный непосредственно с санскрита. Затем он опубликовал «прибавление» к каталогу санскритских рукописей Р. Ленца, а также описал арабские, персидские и турецкие рукописи, находившиеся в Московском университете.

П. Петров

Павел Петров

Своего рода проверкой его знаний санскрита явился перевод эпизода «Похищение Ситы», выполненный по рукописям и снабженный словарем и подробным грамматическим анализом текста. После одобрения этой работы востоковедами П. Я. Петрова в 1838 г. послали совершенствоваться в Берлин, к Ф. Боппу. Программа обучения была составлена Ф. Б. Грефе и И.-Я. Шмидтом. Планировались также занятия в Бонне у Христиана Лассена, в Париже у Эжена Бюрнуфа, а позже в Лондоне. Ему надлежало заняться санскритской

драмой, историей Кашмира и подготовить издание хрестоматии из неопубликованных еще санскритских текстов (причем не только брахманских, но и буддийских) со словарем.

³⁰ Познакомились они, вероятно, через Х. Френа (см. письма Ф. Боллензена Х. Френу в СПб филиале архива РАН ф. 778, оп. 2, е. х. 34). Ф. Боллензен в 1852 г. сменил П. Петрова на кафедре санскрита в Казанском университете (см. ЦГА Татарстана, ф. 92, оп. 1, д. 6525, лл. 14–16). После упразднения кафедры в 1856 г. уехал в Германию.

³¹ Ф. Боллензен преподавал немецкий язык в гатчинском воспитательном доме с 1834 г., в 1849 г. принял русское подданство.

³² В. Г. Белинский и его корреспонденты, с. 231.

Ф. Бопп с уважением отзывался о русском востоковеде в письме к Х.М. Френу: «Этот талантливый и обладающий основательными познаниями молодой ученый составит, несомненно, честь и славу индийской филологии и явится достойным преемником моего друга и бывшего ученика Р. Ленца, похищенного, к сожалению, у науки столь преждевременно»³³. За границей, помимо санскритских текстов, П. Петров изучал язык «Авесты» и современный бенгальский. По возвращении в Россию в 1840 г. он опубликовал в русских журналах переводы из «Махабхараты» — о Савитри, о похищении Драупади и др. Заслуживает внимания также его статья о пали и палийской литературе.

В 1841 г. П. Петров был приглашен для преподавания санскрита в Казанский университет — крупнейший центр русской ориенталистики. Этот университет установил научные контакты непосредственно с Индией³⁴ и через Азиатское общество получал публикации из Калькутты (в том числе издание «Махабхараты»). В Казани ученый обнаружил в университетской библиотеке санскритские рукописи и прекрасный подбор книг по индологии. Фундамент для преподавания санскрита был уже заложен. Необходимую литературу удалось выписать также из Германии. Первоначально планировалось преподавание не только в университете, но и в гимназии³⁵, и П. Я. Петров подготовил соответствующие программы. Он занимался со студентами языком, каллиграфией, историей литературы. Грамматику изучали главным образом на основе чтения текстов. Предполагалось ознакомление с пали, а также с хиндустани, бенгальским и другими живыми языками Индии. П. Петров обращал особое внимание на тесную связь древних и новых индийских языков. Студентам сообщались сведения по мифологии, священной и светской литературе Индии, о сочинениях по медицине, философии, музыке, истории. По программе университета изучение санскрита было

³³ Цит. по: Мсерианц Л. З. К истории санскритологии в России, с. 313.

³⁴ См.: Шамов Г. Ф. Санскритология в Казанском университете в первой половине XIX в. // Проблемы востоковедения. 1959, №3; Люстерник Е. Я. Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М., 1966.

³⁵ См.: Шофман А. С. Русский санскритолог П. Я. Петров // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 3. М., 1960.

обязательным для студентов монголо-татарского и китайского разрядов, но занятия посещали и востоковеды иных специальностей, в частности известный впоследствии первый бурятский ориенталист — Доржи Банзаров.

В период работы в Казани П. Я. Петров отдавал много сил научной деятельности. Ежегодно публиковались его работы — санскритские тексты и переводы. В 1846 г. вышла «Санскритская антология». Издание исправляющего должность адъюнк-

САНСКРИТСКАЯ

АНТОЛОГИЯ.

Издание исправляющего должность Адъюнкта

Павла Петрова.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

(Изреченія, отрывки эпическихъ, сказки, басни, отрывки описательныя
и торическихъ.)

КАЗАНЬ.

Печатано въ Университетской Типографіи.

1846.

та Павла Петрова, Отделение 1». Шрифт деванагари для нее пришлось выписать из Берлина, а текст набирать самому. Запланированный второй выпуск, содержащий примечания и словарь, так и не увидел свет. С годами в письмах ученого стали звучать жалобы на «научное одиночество»³⁶ и все реже появлялись в печати его работы. Когда в 1852 г. в Москве приняли решение открыть кафедру восточных языков, он покинул Казань.

Одним из первых русских санскритологов был и Каэтан Андреевич Коссович (1814³⁷–1883). Сын белорусского священника, он «еще мальчиком, голодая и холодая на чердаке, пристрастился к изучению латыни»³⁸ и настолько в ней преуспел, что из Витебской гимназии отправлен был до окончания курса в Московский университет. Здесь он рьяно взялся за штудирование восточных языков³⁹. Известный лингвист Ф.И. Буслаев, его товарищ по университету, вспоминал о благотворном влиянии на него К. Коссовича⁴⁰. После окончания университета в 1836 г. молодому ученому пришлось перебиваться случайными заработками, а затем работать преподавателем древнегреческого языка в Тверской гимназии. «Страстный эллинист», любитель и знаток классических языков и литературы, он составил объемистый греческо-русский словарь (совместно с братом Игнатием Коссовичем). Он также перевел еврейскую грамматику, снабдив ее пояснениями и комментариями⁴¹. Продолжая заниматься семитологией, изучал и арабский язык.

С 1843 г. К. Коссович преподавал древнегреческий во Второй московской гимназии. В это время он сблизился с С.П. Ше-

³⁶ См.: РНБ, ф. 850, №436, л. 1 об.

³⁷ Обычно годом рождения его считается 1815, однако сам он в письме С. П. Шевыреву называет другую дату – 2 мая 1814 г. (РНБ, ф. 850. №318, л. 38 об. и 29 об.).

³⁸ О его ранних годах см. воспоминания М. Маркса в «Русской старине» (1886).

³⁹ См. воспоминания о нем К. Аксакова в сб.: Московский университет в воспоминаниях современников, с. 105.

⁴⁰ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897, с. 122.

⁴¹ См.: Шофман А. С. К. А. Коссович как востоковед // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 4. М., 1963.

выревым, с А. С. Хомяковым и начал изучать санскрит. А. С. Хомяков интересовался этим языком и всячески содействовал занятиям К. Коссовича. Последний вспоминал: «Он... познакомил меня с трудами немецких и английских санскритологов, с трудами Боппа, Лассена, Вильсона, он же старательно направлял все мои силы на самостоятельную разработку моей науки». Вскоре К. Коссович уже настолько овладел языком, что мог обучать Ф. И. Буслаева⁴². В 1844 г. стали появляться его первые переводы с санскрита — отрывки из «Махабхараты» и пуран. Он полагал, что русский язык способен значительно точнее передавать строй санскритской речи, нежели другие европейские языки.

К. Коссович тесно общался с С. Шевыревым, Д. Языковым, А. Гильфердингом, сотрудничал в славянофильских изданиях⁴³. Печатал его и редактор «Современника», ректор Петербургского университета П. А. Плетнев. Он писал К. Коссовичу в 1848 г.: «Придет время, когда имя ваше будет произноситься с благодарностью и почтением как имя основателя в России школы исследователей санскритской филологии»⁴⁴.

Наиболее крупной публикацией его в области индологии в 40-е годы явился перевод драмы Кришна Мишры «Торжество светлой мысли» — первый памятник санскритской литературы, «целиком перенесенный на русскую почву». Драма Кришна Мишры затрагивает религиозно-философские проблемы и содержит полемику между воззрениями джайнов-дигамбаров, шиваитов, материалистов-чарваков, буддистов и представителей других индийских религиозных и философских течений. Она казалась русскому переводчику не только интересной, но и весьма актуальной. Сложные места текста и философская терминология пояснялись в комментарии. По заказу К. Коссовича был специально вырезан шрифт деванагари. Переводчик преподнес индийскую драму В. А. Жуковскому и Н. В. Гоголю. Русская критика, однако, никак не откликнулась на выход работы, что дало П. А. Плетневу основания зая-

---

⁴² Буслаев Ф. И. Ук. соч. с. 29.

⁴³ Он писал: «Я же по духу и по сердцу сын Москвы» (РНБ, ф. 850, №318, л. 135 об).

⁴⁴ РНБ, ф. 384, №13, л. 11.

вить: «Это подвиг, превышающий разумение русских критиков». Он советовал К. А. Коссовичу: «Старайтесь писать в Англию и Германию о своих занятиях. Оттуда вернее поразить наше русское к своему равнодушие. У нас все завоевать надобно извне. Внутри мы ничего не чувствуем и не видим»⁴⁵.

В русском обществе тогда не было особого интереса к культуре Индии. Тиражи журналов, в которых печатались переводы памятников ее литературы, были весьма скромными. «Современник», например, в 1846 г. насчитывал всего 233 подписчика. Я. К. Грот, глубоко уважая К. А. Коссовича, предупреждал П. А. Плетнева, что, печатая специальные работы, он рискует вовсе остаться без подписчиков⁴⁶. М. П. Погодин в ответ на просьбы С.П. Шевырева издать переводы К.А. Коссовича в «Москвитянине» выразил опасения, что «индейщина» окончательно отпугнет подписчиков⁴⁷. Даже на замечательную поэму В.А. Жуковского «Наль и Дамаянти» публика не обратила должного внимания, несмотря на восторженные отзывы П. А. Плетнева. Востоковед В. В. Григорьев, соученик П. Я. Петрова и Т. Н. Грановского, говорил о судьбах русского востоковедения: его слабость объясняется недостаточной «степенью насыщенности общества наукою», недостаточным «развитием в нем научных потребностей. Наука до сих пор у нас не существенная потребность общества, а... — тощий плод правительственных забот»⁴⁸. Индология представлялась областью «чистого знания», далекого от практических нужд.

П. Я. Петров и К. А. Коссович были энтузиастами, преодолевшими неимоверные трудности в своей работе. Они изучали язык в основном самостоятельно и не получили солидной подготовки. В воспоминаниях современников оба индолога предстают людьми чудаковатыми, наивными и беспредельно преданными науке. Деятельность П. Петрова и К. Коссовича оставила некоторый след в истории отечественного

⁴⁵ РНБ, ф. 384, №13, л. 2.

⁴⁶ См.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896, с. 719, 729.

⁴⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды Погодина. Т. 9, с. 78.

⁴⁸ Веселовский Н. И. В. В. Григорьев по его письмам и трудам. СПб., 1887, с. 069.

востоковедения. Их переводы и статьи знакомили русское общество с классической индийской культурой. Открытие кафедр санскрита в Московском и Петербургском университетах подготовило почву для возникновения во второй половине века русской индологии.

Приложение 3

**Реестр Московского Главного Архива
Министерства иностранных дел
санскритским рукописям,
описанным в 1850 году
адъюнкт-профессором
Казанского университета
Павлом Яковлевичем Петровым¹**

№1576. *Dakṣiṇa-kālikā-kavatscham*. Полная брахманская рукопись на санскритском языке в стихах, писанная дэванагарским шрифтом (3 листа, заключающие 6 страниц). Содержание: хваление, молитвы и заклинания (мантры), относящиеся к Божествам *Kālikā* (то же, что *Kālī* черная), *Aindī* (жена Индры — индусского Зевса), *Bṛāhmī* (жена Брахмы), *Nārāyaṇī* (жена Нараяны, т.е. Шивы), *Kaomaṇī* или *Kumaṇī* (имя Дурги, от которого получил название мыс Коморинский), *Vārāhī* (жена Вишну в аватаре вепря), *Nārasimhī* — жена человеко-льва (одна из форм Вишну) и проч. Сочинитель в молитвах просит богинь охранять все его тела, кое-где вмешивая односложные заклинания, как то: *Kṛm*, *Kṛm*, *Nṛm*, *Nṛm*, *Nṛm*, *Nṛm*. За частое чтение молитв и ношение при себе обещаны богатые награды. Орфография в рукописи не везде правильна: долгие буквы часто употребляются вместо коротких и *ṣa* вместо *sha*. Начинается манускрипт словами *Śrī Gaṇeśhāya namaḥ* — поклонение божественному Ганеше, индусскому Янусу, после чего следует: Сказала благословенная Бхайравья (вер. *Bhairavī*). Она просит мужа своего *Bhaiva* (читать *Bhairava*) поведать ей

---

¹ Директор архива, князь Михаил Андреевич Оболенский просил определить восточные рукописи МГАМИД (см. ЦГА Татарстана, ф. 92, оп. 1, д. 6435). 1 марта 1851 г. «Министром иностранных дел объявлена благодарность за описательный разбор и подробное ученое описание санскритских рукописей, хранящихся в Главном Московском Архиве Министерства иностранных дел» (формулярный список П.Я. Петрова, СПб филиал архива РАН, ф. 87, оп. 1, д. 346).

эту kavaci (броня и как называется книга). Он же, передавая ее, говорит, что посредством ее Рама побеждал врагов своих, Кувера (Бог богатства) приобрел богатство, а муж Шачи (Индра) достиг власти над богами. Полное же заглавие рукописи вставлено на конце: Dakṣhiṇa (в манускрипте неправильно Dakṣhīṇa) Kālikākavatsam, взятое из Тантры (род священной книги), содержащей разговор между Бхайравии (одна из форм Дурги) и ее супругом.

№1577. Śṛy-anna-pūrṇā-stotram. Полная брахманская рукопись на санскритском языке в стихах, содержащая на двух страницах хваления и молитву к божеству Анна-пūrṇā (подательница жизни, собственно, полная жизни), известной также и у римлян под именем Anna Perenna. Начинается словами Śrī Gaṇeśhāya namaḥ (поклонение благословенному Ганеше), за которым следует Śrī (вм. Śṛy) анна-пūrṇābhyaḥ namaḥ (поклонение подательнице жизни). Богиня призывается длинными эпитетами, употребляемыми обыкновенно у позднейших писателей и состоящими из сложных основ. Каждая из них кончается словами: bhikṣhām dehi — подай милостыню. Т.к. концы у обоих листов оторваны, то и трудно привести для примера какой-нибудь полный стих. Орфография рукописи не везде правильная. Заглавие вставлено на последнем листе и написано ошибочно: Śrī Анна-пūrṇā (sic) stotram вместо Śṛyанна-пūrṇāstotram, т.е. Хвала подательнице пищи. Стотры (хваления) составляют у индусов особый разряд хвалы.

№1578. Goraksha-śatakam yoga-śāstram. Неполная брахманская рукопись, содержащая 26 листов (от 2 до 27) без начала и конца. Называется, как видно из 27 листа Goraksha-śatakam yogaśāstram, т.е. сотня шлок Горакши — мистическая шастра (священная книга). 2-й лист содержит продолжение начатого на 1-м листе поклонения Śrī-mīna-nātha (благословенного Горакши). Членов йога (мистическое соединение с Брахмой) считается 6, а именно: 1) сидение; 2) удерживание дыхания; 3) смирение страстей; 4) стойкость (в подлиннике пропущено); 5) созерцание и 6) созерцание безначального (samādhi). Сидение 2-го рода, совершенное и лотосовое, описанное в манускрипте. В теле они: одна колонна у дверей, 3 пустоты, 5 богов. Потом следует 72 главных сосуда (nāḍyaḥ) жизни, исчисленные автором. Их система называется кругом сосудов: и за-

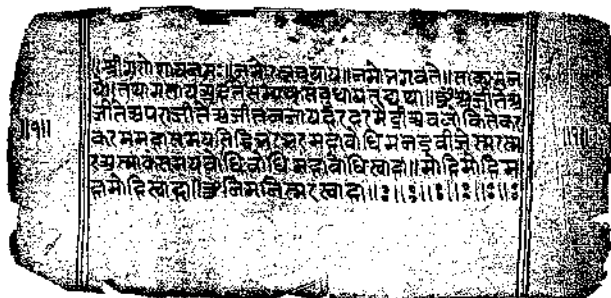
тем описывает место и положение каждого. Следуют 5 воздушных в теле человека и распределенных по своим местам. Они, образующие жизнь, бродят по всем сосудам. Так, как сокол, связанный веревками, отлетевши, опять притягивается, так и жизнь, связанная качествами (человека) притягивается дыханием и выдыханием. Буквою ha выходит воздух, буквою sa входит опять, поэтому живой (человек) всегда должен шептать *hamsa* (собственно, лебедь и есть имя Брахмы). Далее прославляется ведийская молитва *gāyatrī*. Взгляду, обращенному внутрь бровей, приписывается отвращение близкой смерти, голода, жажды и пр. В неизменном слогом Ом заключают 3 веды, 3 бога, 3 силы и 3 буквы а, у и м означают точкою. Да шепчет его отшельник словом и да упражняется в нем умом и да вспоминает (он) его душой (своею). Этот высший свет, называемый Ом. Пока дух (дыхание) пребывает в теле, до тех пор оно называется жизнью, смерть же есть его выход, поэтому да удерживает отшельник свое дыхание. Когда весь круг сосудов безмятежный приходит в очищение, тогда отшельник является способным к удержанию дыхания. Далее говорится о смиренно-отреченном отшельнике, сравнивая его с черепахой, собирающей члены внутрь своего тела. Знающий йогу, все приятное и неприятное, приобретаемое чувствами, удерживает его, вызывая за самого себя. Стойкость бывает пяти родов, исчисленных в рукописи: созерцание полное и частное. Созерцая в двери сердца стоящего Шамбху (Шиву), гневного, солнцу подобного, да будет отшельник божественным. Созерцание ставится гораздо выше жертвоприношений. Наконец, следует созерцание несознательное. Отшельник или озаренный, не знает ни запаха, ни вкуса, ни формы, ни ощущения, ни звука, ни себя, ни другого. Его не пожирает время и не возмущает действие. Он разрешается в высочайшем Брахме: бесстрашном, без слова, беспомощном, безболезненном. Т.о. топленое масло, брошенное в топленое масло, делается маслом, и молоко — молоком, так и отшельник делается сам... Так человек, который прочтет мистическую шастру, называемую сотня шлок Горакши, освобожденный от всякого зла, истинно достигает совершенства, соединяется (с Брахмою). Кажется, что в рукописи, кроме 1-го, недостает только последнего, т.е. 27 листа. Писана же она вообще правильно и четко.

Слог, хотя и ясен, но представляет трудности в терминологии. Кроме обыкновенной шлоки употребляется и другой размер.

№1579. *Brahma-kavatscham* (Охрана Брахмы). Полная брахманская рукопись на санскритском языке, писанная дэванагарским шрифтом (4 листа заключают в себе 6 страниц). По содержанию и написанию мне представляется сходство с *Dakṣiṇā-kālikā-kavatscham*. Начинается словами *Śrī Gaṇeśhāya namaḥ* — Поклонение благословенному Ганеше, за которым следуют *Śrī Brahmāṇī namaḥ*, *īm* (вм. Ом) *chada-kāya namaḥ* т.е. поклонение Бхавани, поклонение Чадака (вместо *tschandikāyine* — гневной богине). Потом какой-то брахман, которого имя не вставлено, просит Брахму высказать ему величайшую в мире тайну, никому не поведанную и охраняющую людей. Брахма говорит, что эта тайна, помогающая всем существам, есть шестая броня богини (название рукописи) и излагает ее, исчисляя сначала девять различных имен Дурги, охраняющей от всякого несчастья различные формы. В той книге сочинитель просит богиню во всех ее видах охранять все части его тела и души, семью, детей и пр. Эта же броня дарует победу человеку, идущему с нею в сражение, дает столетнюю жизнь, уничтожает болезни и всякого рода злых духов, а при смерти тела человека (ее дар приобретается по милости великой Майи (жены Брахмы) высокое место и недоступное для самих богов. Рукопись кончается словами: Так окончена броня богини, сочиненная благословенным Гарем (Вишну), Парвою (Шивою) Брахмой и пр. Орфография переписчика неправильна, особенно употребление долгих гласных вместо коротких.

№1580. *Devī-mahātmyam* (Прославление великой боги Дурги) из Маркандея-пураны шиваитской поэмы, писанная шрифтом дэванагари (та самая, которую издал Полей под заголовком *Devī-mahātmyam markandeya-purani sectio, Berolini, 1831*). В ней описана победа богини Дурги над Титанами Махишею, Шумбгою и прочими. Язык ее чист, но нет того изящества, которым отличаются эпизоды Рамаяны и Махабхараты. Описания сражений длинны и утомительны. Есть также много образов чудовищных и нелепых. Рукопись часто неправильная, начинается словами *namas tschandikāya* (поклонение гневной богине). Поэму же рассказывает мудрец Маркандея. Счет страниц ведет только до 221. Остальные листы часто затеряны. Последнего также недостает.

№1581. *Dharmasamvāda* (разговор Дхармы) с царем Юдхиш-тирою, старшим из Пандавов. Неполная брахманская рукопись на санскритском языке, писанная дэванагарским шрифтом и заключающая 12 листов (от 1 до 3 и от 6 до 14 включительно). Начинается словами «Ум» (Ом). Поклонение благословенному Ганеше. *Djanmadjāyovatscham* (sic), вероятно, *djanamedjaya uvātscha* — Сказал Джанамеджая (имя царя в Махабхарате) или, видимо, слова Джанамеджайи. Потом Нарада (Божество, сходное с римским Меркурием) прославляет добродетель царя Юдхиштиры, после чего Дхарма, отец Юдхиштиры приходит к нему в виде чандалы (человека из низшей касты палачей). Он мудро отвечает на все вопросы и, наконец, открывается своему сыну, который принимает его с радостью, благословляя свое рождение, покаяние и царствование. Манускрипт, вероятно, составляет отрывок известной поэмы Махабхараты (индусской Илиады). Он писан чрезвычайно ошибочно в урочище страны Сокавана в чистом полномесячье аграхаяны (ноябрь-декабрь) в году Самуата 1773 (= 1714 по РХ).

1582. Песнь благословенного Пандавы.

1583. Хваление божеству.

1584. Поклонение благословенному Ганеше.

1585. Воззвание супруга Умы (Шивы)².

² Последние четыре номера в описи не только не содержат описания рукописей, но и определены несколько небрежно. В №1584, например, поклонение Ганеше является лишь обычным зачином, а далее идут буддийские формулы: поклонение триратне, Благословенному, Сакьямуни, Татхагате, архату, Самьяksamбুদ্ধе и т.д. Далее мы воспроизводим фрагмент черновой рукописи из архива П.Я. Петрова в библиотеке Московского университета. Архив не разобран, поэтому нет возможности указать архивные номера.

Ime nava granthā videśīyakāryādhikāragranthakutyām mayā
dṛṣṭāḥ sarve ca yathānyāyam paṭhitā varṇitāśca mokṣarājadhanyām
iyulamāsi isvaśabde 1850.

1. gorakṣaśatakam
2. śryannapūrṇāstotram
3. devyāḥ kavacam
4. devīmahātmyam
5. pāṇḍavagītā
6. dharmasaṃvāda
7. brahmakavacam
8. dakṣiṇakālikākavacam
9. śrībhagavatyaḥ kīlakaṃ

Сообщено мне кн. М.А.Оболенским 1850 июль.

Ветхая рукопись (затерянная мною по пути из дома кн. Оболенского в архив). Отдельный лист.

Damapadam devīpadām katham nītam sadbhi(h) kathina-kamathī
(katschapī) kharparatulā(m) katham vā bāhubhyām upanayanakāle
purabhidāyadādāya nyastam dacavi dayamānena sarasā 88 nakhaer
nāka-strīnām karakamala-saṃkoca-shashibhis taruṇām divyānām
hasata iva te.

Вероятно, отрывок из какой-нибудь поэмы.

Приложение 4

Об одной журнальной публикации середины XIX века

В отечественной журналистике XIX века немало внимания уделялось странам Востока. В 20–30-е годы, как и в Западной Европе, была популярна романтическая поэзия с ее пристрастием к экзотическим образам Азии. Романтическую окраску приобретали далекие земли и в описаниях немногочисленных русских путешественников. Достаточно вспомнить «Письма об Индии» А.Д. Салтыкова, публиковавшиеся на рубеже 40–50-х годов¹. Образ восточных стран складывался в России преимущественно под влиянием сочинений французских, немецких или английских авторов. Литературно-художественные журналы периодически помещали на своих страницах переводы или пересказы заметок о диковинных обычаях азиатских народов.

В советской историографии неоднократно отмечалась блестящая статья «Несколько замечаний касательно владычества Английской Ост-Индской компании в Индостане» в «Отечественных записках» (1844, т. 33, №4, с. 98–109). Она имела подзаголовок «Выдержка из записок русского путешественника» и была подписана псевдонимом «-в», принадлежавшим литератору А.Г. Ротчеву. Статья дважды была перепечатана: в сборнике «Глазами друзей. Русские об Индии» (М., 1957) и в книге А.Г. Ротчев, «Воспоминания русского путешественника» (М., 1991). Она рассматривалась в качестве яркого свидетельства «дружественного сочувствия к народам Индии в демократических кругах русской общественности»².

Указанная статья практически полностью совпадает с анонимной публикацией в журнале «*Revue de deux mondes*», появившейся двумя годами ранее (1842, t. 31). Французский

---

¹ *Lettres sur l'Inde*. P., 1848; А.Д. Салтыков, *Письма об Индии*. М., 1951 (М., 1985).

² Е.Я. Люстерник, *Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в.* М., 1966, с. 129.

текст имел заглавие: «La domination anglaise dans l'Hindoustan. Impressions d'un voyageur». В «Отечественных записках» заглавие было дополнено словом «русского» и указанием на авторство А.Г. Ротчева (-в). Известный специалист по истории русско-индийских связей Е.Я. Люстерник³ полагала, что А.Г. Ротчев первоначально опубликовал статью по-французски, а уж затем на родном языке. Однако есть серьезные основания усомниться в подобной интерпретации.

При идентичности обоих текстов французский, безусловно, является оригинальным, а русский — слетка сокращенным переводом. Автор статьи превосходно знал Индию, изучал «образование народа и состояние каст», законы, нравы и предания. Он жил в Калькутте и в Панджабе, в Серампуре, Бенаресе, в Лудхиане, Дели, Симле, в Патие, Аллахабаде, Дакке, Гвалияре, «верхом проехал» Индостан «во всех направлениях, следовал течению главнейших рек». Он, несомненно, знал индийские языки, и в статье достаточно точно переданы целые фразы. В предисловии к французскому изданию говорится о нем как о человеке «основательном и добросовестном, который долго жил в Индии» (судя по датам, приводимым в статье, было это в 1837–38 гг.). Автор бывал и в Египте (он говорит о себе: «Я видел несчастных египетских феллахов...»)

О А.Г. Ротчеве известно, что в детстве его учили немецкому и французскому языкам, сведений о знании английского (не говоря уж о восточных) не имеется. Курс в университете молодой человек не закончил, родственник жены устроил его на должность копииста в конторе императорских театров. В 1836 г. вместе с семьей прибыл в Северную Америку, находясь на службе Российско-американской компании. Посетить по дороге Египет или странствовать по всему Индостану, чтобы изучать местные касты, нравы и предания, не было никакой возможности. Автор статьи об Ост-Индской компании, по всей видимости, был человеком, занимавшим высокое положение, ибо в Пуне местный раджа собирался подарить ему «в знак дружбы» халат. Ни малейших оснований для подоб-

³ Там же, с. 130. По ее мнению, авторство А.Г. Ротчева «не вызывает сомнений».

ной чести у тридцатилетнего скромного торгового служащего быть не могло.

Статья, несомненно, была рассчитана на французского читателя. В частности, все цены даются в индийских рупиях с указанием соответствующих величин во франках (русский переводчик оставляет лишь цены во франках — почему бы не в английских фунтах или хоть в русских рублях?). В статье проявляется самый живой интерес к французским военным в Индии (именно в этой части, кстати, русский переводчик делает некоторые сокращения). Обличения британского владычества в Индии весьма понятны в контексте англо-французских противоречий.

Составитель русского текста делает многочисленные ошибки в именах. Он исходит лишь из французского написания, а звучания индийских слов не знает. Например, *chaok* (инд. «чок») превращается в «шаок», *choumar* (чамар) — в «шумар», *Kidgunge* (Кидгандж) — в Киджунг, *Mourchedabad* (Муршидабад) — в Мурхедабади, пятничная мечеть Джама-Масджид — в «мечети Джумны» (то есть реки Ямуны?), *les Radjas de Courg* (князя Курга) в «Раджа-курга». Примеры такого рода можно многократно умножить: судрасы (шудры), джафы (джаты), шутти (сати) и т.д., и т.п. Некоторые подробности русский переводчик вынужден сокращать: например, «четыре коса от Лакнау» он передает «близ Лакнау» (видимо, не зная, что такое кос). Слова *civilian* и *ricin* просто транслитерирует, не найдя подходящих эквивалентов. Он делает грубейшие ошибки в географии, помещая, например, Голконду на Ганге (во французском тексте *Coholgonde* не смешивается с Голкондой — *Golconde*). Человек, переведивший статью на русский язык, явно плохо представлял Индию, а о произношении индийских слов судил лишь по печатным источникам.

В 1846 г. А.Г.Ротчев написал очерк «Индустан» для книги «Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара» (составленной им вместе с А.А. Стойковичем), но никакой оригинальной информации там не содержалось — все сведения были заимствованы из «иностранных источников». И это после двухлетнего путешествия по стране и тщательного изучения ее положения, языков, природы, культуры?! В книге имеется сноска на указанную французскую статью. Следова-

тельно, она, во-первых, была ему известна, во-вторых, он имел основания не упоминать ту же самую статью на русском языке, подписанную его собственным псевдонимом.

Вывод может быть сделан лишь один: А.Г. Ротчев являлся не автором, а переводчиком статьи, опубликованной в «Отечественных записках»⁴. Автором был, вероятнее всего, известный французский литератор и путешественник по странам Востока Théodore-Marie Pavie, знаток индийских языков, преподававший санскрит в *College de France*. Ему принадлежали практически все статьи об Индии, помещенные в «*Revue de deux mondes*» в 40-е годы XIX в. Статья в русском журнале останется лишь фактом знакомства с Индией в отечественной публицистике по зарубежной прессе. Она может свидетельствовать скорее о нравах, царивших в русской журналистике, чем о традициях русско-индийской дружбы⁵.

---

⁴ Т.Ф.Нешумова в биографии литератора («Русские писатели 1800–1917», т. 5, М., 2007, с. 377) повторяет традиционное мнение, будто А.Г.Ротчев был автором статьи в «Отечественных записках», но при этом она не решается приписать ему и французский оригинал. Она говорит о путешествии А.Г.Ротчева в Индию (от Калькутты до Дели) и его поездке в Египет в 1851 г. Но в этом случае остается объяснить, каким образом соответствующая информация оказалась в статье 1842 года и в русском ее переводе, опубликованном в 1844 г.

⁵ Кстати, относительно «демократических кругов русской общест-венности»: будущий редактор «Ведомостей С.Петербургской городской полиции» вряд ли может быть к ним причислен. Едва ли не главным аргументом для доказательства демократических настроений А.Г.Ротчева служит его посещение в 1852 г. А.И.Герцена, но, видимо, у последнего были основания отказаться от более тесного сближения с этим визитером (вскоре обласканным русским правительством — награждение бриллиантовым перстнем, а затем и орденом Станислава 3 степени). А.Г. Ротчев состоял при редакциях газет «Северная пчела» и «Северная почта» — изданиях отнюдь не демократической направленности.

ГЛАВА IV

«ДЕЛО О САНСКРИТСКОМ СЛОВАРЕ»

В Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук хранится пухлое «Дело об издании академиком Бетлингом Санскритского лексикона». Так называемый Большой Петербургский словарь знаменует собою целую эпоху в истории индологии и сравнительного языкознания. Обстоятельства его публикации — одновременно с открытием первых кафедр санскрита в Москве и Санкт-Петербурге — рисуют яркую картину состояния науки и образования в России середины XIX столетия.

В то время европейская санскритология пыталась встать на собственные ноги, преодолевая зависимость от средневековой индийской лексикографии и комментаторской традиции. Словарь санскрита, составленный Г. Г. Вильсоном в начале века, был основан не на обработке самих текстов, а на использовании средневековых пособий. Он практически не включал лексику древнейших, ведийских памятников, которые представляли особый интерес для индоевропеистики, но еще не подвергались научному анализу. В расположении значений слов составитель не придерживался какой-либо определенной системы — проблема развития семантики им не ставилась. Таким образом, и в этом отношении словарь Г. Г. Вильсона оставался в русле традиционной индийской науки с характерным для нее отсутствием историзма.

Среди первых европейских санскритологов господствовало убеждение, будто в Индии тысячелетиями изустно от учителя к ученику в неизменной форме передавалась традиционная мудрость. Отсюда следовал вывод о непогрешимости индийских комментаторов и лексикографов. Европейским исследователям оставалась лишь функция усвоения и передачи той информации, которую они могли получить от местных ученых — пандитов.

В то же время более внимательное и широкое изучение памятников древнеиндийской литературы показывало недостаточность и противоречивость традиционных объяснений. Сравнение индоевропейских языков предоставляло новые

возможности для интерпретации лингвистического материала, а приобретающая господствующее положение в науке эволюционная теория настоятельно требовала последовательного историзма в подходе к культурному наследию древней Индии.

Уже в двадцатые–сороковые годы в связи с публикациями памятников индийской литературы и исследований по сравнительной грамматике стали появляться небольшие глоссарии к отдельным текстам и списки корней санскритского языка. Но крупнейший шаг в этом направлении был сделан в пятидесятые–семидесятые годы изданием так называемого Большого Петербургского словаря санскрита О. Бетлинга и Р. Рота.

Э. Виндиш¹ когда-то писал о том, что в индологии XIX века господствовал триумвират — О. Бетлинг, Р. Рот и А. Вебер. При этом он отмечал, что наиболее выдающиеся заслуги принадлежали первому из них — именно благодаря его работам наука была поднята на новую ступень. Деятельность этого ученого тесно связана с Россией. Происходил Отто Карл (Оттон Николаевич) фон Бетлинг из немецкой семьи, переселившейся в Россию при Петре Великом. Родился он в 1815 года в Санкт-Петербурге, с 1833 года изучал восточные языки (арабский и персидский) в университете под руководством Осипа Сенковского. Знакомство с Ф. Боллензенем², прошедшим курс санскрита в Тюбингене у Г. Эвальда, способствовало формированию его интересов в области индийского языкознания. В 1835 году он отправился учиться в Берлин к Ф. Боппу, а затем совершенствовал познания в Бонне у А.-В. Шлегеля. Сособой благодарностью он всегда вспоминал занятия с Христианом Лассеном.

В 1838 г. О. Бетлинг защитил диссертацию в Гессенском университете. Его работа была посвящена знаменитой грамматике Панини. Текст этой грамматики был им опубликован в Бонне в 1839–40 гг. Образцовое издание Панини, сопровождаемое ценными комментариями, составило целую эпоху в науке. Именно оно по-настоящему открыло путь к изучению

¹ E. Windisch, *Geschichte der Sanskritphilologie und indischer Altertumskunde*, Lpz, 1915, S.238.

² С.К. Булич, *Памяти О.Н. фон Бетлинга*, СПб, 1904, с.1–2.

традиционной индийской грамматической литературы. Спустя почти полвека, в 1887 г. ученый переиздал ее, сопроводив немецким переводом. Эта публикация и в настоящее время не потеряла научного значения. Леопольд Шредер вспоминал, что незадолго до смерти О. Бетлинг сказал ему: «Я не хочу говорить о своих работах, но мой «Панини» — это, действительно, был Труд»³.

А.Шиффер и О.Бетлинг с коллегами (50-е годы)

По возвращении в Санкт-Петербург О. Бетлинг стал адъюнктом Академии наук (1842 г.), вскоре экстраординарным (1845 г.), а затем и ординарным академиком (1855 г.) по историко-филологическому (III-му) отделению. Он много лет заведовал академической типографией и был одним из активнейших деятелей Академии. Его фундаментальные труды появлялись почти ежегодно. В 1842 году — издание и немецкий перевод драмы Калидасы «Шакунтала», в 1845 г. — санскритская хрестоматия, впервые включавшая ведийские тексты (ее расширенный вариант вышел в свет в 1877 г., перепечатывалась она и позд-

³ A. Ballini, Ottone Böhtlingk, Cenzo biographico, Firenze, 1904, p. 10.

нее). В 1847 году ученый издал грамматику Вопадаевы и лексикон Хемачандры (совместно с Ч. Рье). Круг интересов ученого не ограничивался индоевропеистикой. Он был и крупнейшим тюркологом. Обширная монография О. Бетлинга о якутском языке является основополагающей в данной области.

В течение всей своей долгой жизни выдающийся индолог уделял особое внимание вопросам текстологии. Подготовленные им издания свидетельствуют об огромной эрудиции и тщательности работы. О. Бетлинг опубликовал в Петербурге (1863–65 гг.) трехтомное собрание стихотворных афоризмов «*Indische Sprüche*», выделенных исследователем из многочисленных памятников санскритской литературы. В первом издании оно содержало 5419 изречений, во втором издании (1870–73 гг.) — 7613. Каждое из них сопровождалось немецким переводом и подробными указаниями на те сочинения, где оно встречается в том или ином варианте. О. Бетлинг ставил перед собою задачу установления первоначального текста посредством сопоставления различных его вариантов. Часто он предлагал свои исправления рукописной традиции.

Впоследствии знаменитого санскритолога не раз упрекали в том, что он слишком скор был на конъектуры и нередко исходил лишь из строгих норм классического языка, не учитывал диалектных особенностей и т.п. Однако эту строгость отношения к рукописной традиции придется поставить ему скорее в заслугу, если вспомнить, что издания предшествующего времени отличались не критическим характером. Сама проблема «первоначального текста» не всегда ставится в современной науке так, как в «Индийских изречениях» О. Бетлинга, однако за исследователем навсегда останется заслуга первооткрывателя богатства древнеиндийской афористики.

Как явствует из архивных материалов⁴, работу над санскритским словарем О. Бетлинг начал в 1842 году. Очевидно, она была связана с окончанием работы над Панини и с подготовкой к изданию целого ряда литературных памятников. Составитель словаря (в отличие от Г. Вильсона) исходил не из средневековых лексикографических пособий, а из древних

⁴ СПб филиал архива РАН, ф.2, оп. 1/1852, д.2 «Об издании академиком Бетлингом...», л. 36.

памятников, анализируя значение слов по их употреблению. Не менее важным признавалось и построение каждой словарной статьи. Оно подчинялось историческому принципу — вначале первое и основное значение, затем его развитие в текстах различного времени и содержания. Определению первичного смысла слова способствовали этимологические изыскания, исходящие из принципов сравнительно-исторического языкознания, а также активное использование наиболее древних источников — Вед.

Подобные общие принципы составления словаря и организации лексического материала находились в русле общих тенденций эволюции научной мысли. В индологии к середине века центральной стала проблема отношения к древнему тексту и средневековому комментарию. На собрании немецких востоковедов в Дармштадте в 1845 г. молодой санскритолог Рудольф Рот⁵ так формулировал свое понимание проблемы: В Индии не было неизменной и непрерывной устной передачи знаний. Средневековые комментаторы пользовались приблизительно теми же пособиями, которыми располагает и современный ученый — грамматикой, словарями и параллельными текстами. Поэтому труды индийских пандитов для европейца должны быть не путеводной нитью, а лишь одним из вспомогательных средств. Современные критические методы научного анализа позволяют европейским ученым понимать ведийские тексты лучше, чем любые средневековые комментаторы.

Позднее Р.Рот иллюстрировал эту мысль следующим примером: Слово «видатха» интерпретировалось знаменитым истолкователем Вед Саяной (XIV в.) как нечто, связанное с молитвой, обращением к божеству. Комментатор-богослов исходил из представлений, привычных для его собственной эпохи и окружения. Между тем анализ контекстов ведийских гимнов позволяет, по мнению Р. Рота, сблизив видатху с древнегерманским тингом, увидеть в ней народное собрание или сходку соплеменников⁶. Комментаторы, которым чужды бы-

⁵ R.Roth, Zur Geschichte des Sanskrit-Wörterbuches // *Melanges Asiatiques*, VII, SPb, 1876, S. 605.

⁶ Там же, с. 609.

ли идеи и институты ведийской эпохи, нередко скорее запутывали, чем разясняли первоначальный смысл текстов⁷.

При создании нового словаря санскрита ставилась двойная задача — не только собирания лексического материала, но и исследования значений слов в их историческом развитии. Достижение этих целей требовало огромной и кропотливой работы. Проблема осложнялась тем, что, с одной стороны, к сороковым-пятидесятым годам уже было известно почти необозримое множество санскритских текстов, с другой же стороны, значительная часть памятников еще оставалась неопубликованной, а списки зачастую оказывались дефектными и ненадежными.

Словарь получался огромным тезаурусом — каждое значение слова должно было быть документировано цитатами из источников. Естественно, что О. Бетлинг, хотя и выполнил значительную часть работы, не мог ее завершить в одиночку. 1 января 1852 года он в письме Р. Роту предложил ему сотрудничество — это было первое из тех сотен писем, которыми обменялись они почти за четверть века совместной работы⁸. Р. Рот принял на себя обработку ведийской литературы, заручившись обещанием помощи со стороны Т. Ауфрехта. О. Бетлингу удалось также обеспечить поддержку со стороны других выдающихся немецких индологов — А. Вебера и А.-Ф. Штенцлера. Первый должен был прислать индекс к «Белой Яджурведе», второй — полный список слов из дхармашастры Ману («Законов Ману»), а также материалы по индийской поэзии и драме.

Предприятие, начатое О. Бетлингом, казалось не только весьма смелым, но и сомнительным. Такие известные индологи как Макс Мюллер, и М. Хауг⁹ высказывали свое несогласие

⁷ R.Roth, Zur Geschichte des Sanskrit-Wörterbuches // *Melanges Asiatiques*, VII, SPb, 1876, S. 607.

⁸ Личное знакомство двух выдающихся санскритологов состоялось лишь после многих лет совместной работы — в 1866 г. Письма О.Бетлинга Р.Роту недавно опубликованы: O.Böhtlingk an Rudolf Roth, Briefe zum Petersburger Wörterbuch 1852–1885. Hrsg von H.Brückner und G.Zeller. Wiesbaden, 2007.

⁹ М. Haug, Brahman und die Brahmanen, München, 1871, S. 28–29; ср. памфлет O.Böhtlingk, Max Müller als Mythendichter, SPb, 1890.

с принципами издания. Скептически оценивалась возможность установления значения слов только по контексту. Подчеркивалась необходимость знания живой традиции: обычаев, обрядов и мировоззрения народа, — того, что невозможно компенсировать никакими кабинетными изысканиями и остроумными догадками. Острые споры разгорались по вопросу о времени появления письменности в Индии и роли устной традиции в передаче знаний. Оппоненты О. Бетлингга и Р. Рота призывали к осторожности в исправлении чтений рукописей и в оценке комментариев.

Полемика, в особенности с Максом Мюллером, нередко выходила за рамки научной дискуссии, но все же в основе ее лежали принципиальные расхождения в методах исследования. В критике словаря можно найти немало справедливого. Его авторы, действительно, нередко проявляли чрезмерный скептицизм, а в их истолкованиях встречается субъективизм, объясняемый недостаточным вниманием к ритуалу или реалиям, лежащим вне текста. И все же в целом именно создателям Петербургского словаря принадлежала заслуга освобождения санскритологии от пут средневековой традиции, что определило на многие десятилетия путь развития европейской индологии.

Словарь издавался в Санкт-Петербурге, и это не было случайностью. И Академия наук, и Министерство народного просвещения способствовали такого рода ученой деятельности в России. Поощрение санскритологии как «чистой науки» казалось делом престижа — и средств не считали. Финансировались даже публикации ученых, совершенно посторонних и России, и самой Академии (например, издание эпизода о Нале из «Махабхараты», подготовленное шотландцем Чарльзом Брюсом). Макс Мюллер также первоначально предполагал публиковать текст «Ригведы» на средства Российской империи¹⁰ — лишь крайне враждебные отношения с О. Бетлингом заставили его отказаться от этой идеи (деньги на это фундаментальное издание выделила, в конце концов, Ост-Индская компания).

---

¹⁰ См. The Life and Letters of the Right Honourable Friedrich Max Müller edited by his wife. Vol. I, Delhi, 2005, p.42 f.

Президент Академии наук С. С. Уваров имел репутацию покровителя санскритологии. В известной речи о задачах востоковедения еще в 1810 г. он говорил о необходимости создания санскритского лексикона. Недаром С. С. Уварову как «основоположнику санскритологии в России»¹¹ посвящали свои работы Р. Ленц, О. Бетлинг, Ф. Боллензен. Отчеты об их первых успехах в изучении древнеиндийского языка регулярно помещал «Журнал министерства народного просвещения». С. С. Уваров способствовал деятельности первого русского санскритолога П. Я. Петрова, отправив его для продолжения образования из Москвы в Петербург¹², а затем — в двухлетнюю командировку в Европу.

Внимание русской общественности привлекала тема родства между санскритом и славянскими языками. В сочинениях отечественных писателей встречается мысль об особой близости России и Индии (а последнюю, как известно, романтики считали колыбелью цивилизации). Известный литератор, ректор Петербургского университета П. А. Плетнев¹³ в рецензии на поэму В. А. Жуковского «Наль и Дамаянти» восклицал: «В самих собственных именах санскритских слышатся звуки и смысл славянские!» Он имел в виду такие имена героев поэмы, как «Нерада» и «Первата» (появившиеся в переводе с немецкого языка — правильно было бы: «Нарада» и «Парвата»; созвучие с русскими словами не только далекое, но и совершенно случайное). И так же как немецкие романтики в седой «индо-германской» старине находили истоки немецкой культуры, русские славянофилы обращались к Индии, как к колыбели «славянского духа». Отвлеченные проблемы лингвистики и сравнительной мифологии живо обсуждались в журналах и приобретали порою неожиданное идеологическое звучание. В славянофильских кругах санскрит становился модою.

¹¹ «Dem Begründer der Sanskritstudien in Russland» (Urwasi, der Preis der Tapferkeit... hrsg. von Dr. Friedrich Bollensen, St-Petersburg, 1846), «Dem hochherzigen Beschützer der Orientalischen Studien» (Pāṇini's acht Bücher grammatischer Regel, Bd. II, Bonn, 1840).

¹² См. предисловие Х.Френа к Nachtrag zu dem Verzeichniss der Sanskrit-Manuskripten des Asiatischen Museums, SPb, 1838.

¹³ П.А.Плетнев, Сочинения и переписка, Т. 1, СПб, 1885, с. 531.

Об одном из видных славянофилов, профессоре Московского университета С. П. Шевыреве, И. А. Гончаров¹⁴ вспоминал, что с университетской кафедры он рассказывал «очень пространно» об индийских поэмах. Успехом пользовались его публичные лекции, в которых подчеркивалось родство славянского языка с санскритом. С. П. Шевырев и сам пробовал заниматься древнеиндийским языком. В письме к нему К. А. Коссовича¹⁵ есть строки: «Сладили ли Вы сэтой грамотой? Она очень легка, если позаниматься со вниманием разика два. Без сомнения, Вы переводите уже. Немецкие грамматики ужасны...» Другого своего корреспондента, П. И. Бартенева, он спрашивает¹⁶ о Шевыреве: «Степан Петрович занимается ли санскритским?»

Судя по этим письмам, санскритскую грамматику пытались учить и сам П. И. Бартенев, и Третий Филиппов. Отрывки из памятников древнеиндийской словесности (в переводах с европейских языков) помещали славянофильские журналы «Москвитянин» и «Маяк». М. П. Погодин писал рецензии на индологические публикации и подыскивал славянским словам санскритские этимологии¹⁷.

Именно в этой среде складывались интересы одного из первых русских санскритологов — Каэтана Андреевича Коссовича. Он был со студенческих лет близок с С.П.Шевыревым, жил в его доме и впоследствии в письмах обращался к нему как к «покровителю». После окончания университета К. Коссович преподавал греческий и латинский языки сначала в Твери, а затем во 2-й Московской гимназии. В его автобиографии так говорится о первом обращении к Востоку¹⁸: «Греческая классика, изученная Коссовичем с любовью и пытливос-

---

¹⁴ Литературное наследство, т. 56, М., 1950, с. 266. С.П.Шевырев хлопотал об открытии кафедры санскрита в Москве еще в конце тридцатых годов (см. Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым, СПб., 1896, т. II. С. 963).

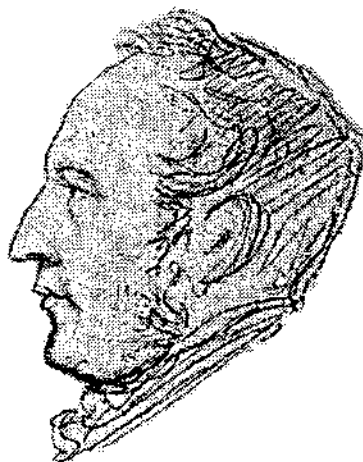
¹⁵ РНБ, ф. 850, е.х. 318, л. 48 об.

¹⁶ РГАЛИ ф.46, оп. 1, е.х. 548, л. 208 об.

¹⁷ Н.П.Барсуков, Жизнь и труды М.П.Погодина, т. 4, М., 1874, с.283–284.

¹⁸ РГАЛИ ф.436, оп.1, е.х. 1245, л.18.

тью..., возбудила в нем желание исследовать истоки греко-римской цивилизации, что привело его к изучению древних языков Востока: он начал с еврейского и других семитских, но перешел в 1842 г. к языку санскритскому, с того времени не переставал... изучать классические его памятники».

*Коллекция рукописей
Коссовича*

Рис. Э.А. Дмитриева-Мамонова.
1840-е годы

В Москве К. Коссович вошел в кружок А. С. Хомякова, близко сойдясь с его племянником Д. А. Валуевым и братом жены, поэтом Н.М. Языковым. Впоследствии именно о них он вспоминал как о самых близких ему людях¹⁹. Письма Д.А. Валуева свидетельствуют о том, что он поощрял своего бывшего учителя классических языков к занятиям санскритом²⁰: «...надо будет непременно санскрит». Письма не датированы, но по содержанию они относятся ко времени поездки Д.А. Валуева в Европу (1842 — начало 1843 г.). В одном из них — рядом с высказанным убеждением в своем гражданском дол-

ге заниматься славянской стариной — стоит и такая фраза²¹: «Жаль, что нет Вас здесь, а то я бы Вам дал все, чтобы учиться по-санскритски».

В доме у Н. М. Языкова К. А. Коссович жил «и был одним из лучших друзей его»²². Об этом писал и сам Н. М. Языков П.А. Вяземскому, рекомендуя ему одаренного молодого санскритолога²³. В Москве А.С. Хомяков подарил ему словарь Г.Г. Виль-

¹⁹ РГАЛИ ф.46, оп.1, е.х. 557, л.187 об.

²⁰ РНБ ф.384, е.х. 4, л.1 об.

²¹ Там же, л.2.

²² Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым, СПб. т. II, с. 946 (из письма Н.М.Коншина П.А.Плетневу, январь 1846 г.).

²³ РГАЛИ ф. 195, оп.1, е.х. 5083, л.159.

сона²⁴ и горячо поощрял в занятиях санскритом. Ему и посвятил К. А. Коссович свой первый опубликованный перевод — отрывок из «Махабхараты» о Сунде и Упасунде (1844 г.). По словам самого переводчика²⁵, этот памятник «изумил своей неожиданностью наших специалистов и привлек живое внимание *московских* (курсив наш — А.В.) литераторов к санскритскому языку».

В «Москвитянине» в 1847 г. появился и еще один перевод — «Сказание о Видьядхаре Джимутовахане». Сам К. Коссович²⁶ находил в этом произведении «идею высокой нравственности, выше коей она и не стояла и не станет в истории рода человеческого»²⁷. Там же опубликован был и первый акт драмы Шудраки «Глиняная повозка». Над ним К. А. Коссович усердно трудился с 1846 года, постоянно демонстрируя результаты С. П. Шевыреву²⁸. В типографии Московского университета отпечатано было также «Сказание о Дгрове» из «Бхагавата-пураны». Сам выбор текстов кажется совершенно случайным. Судя по словам мемуариста²⁹, фрагмент «Бхагавата-пураны» появился на русском языке после того, как один из приятелей К. А. Коссовича подарил ему калькуттское издание этой пураны, купленное за полтинник на Сухаревке.

Наиболее обширной публикацией К. Коссовича стал перевод драмы Кришна Мишры «Торжество светлой мысли». Помимо отдельного издания (1846 г.) значительная часть его была включена в славянофильский «Московский сборник». Перевод был выполнен столь тяжеловесно, языком, изобиловавшим славянизмами, что рецензенты сразу же вспомнили незабвенного В. К. Тредьяковского.

²⁴ Н.П.Барсуков, ук. соч. т. X, М., 1896, с. 347–348; ср. т. XVII, М., 1898, с. 444: Коссович вспоминал о А.С.Хомякове: «он первый познакомил меня с трудами немецких и английских санскритистов...»

²⁵ РГАЛИ ф. 436, оп. 1, е.х. 1245, л. 18.

²⁶ Там же, л. 1 об (письмо И.И.Срезневскому).

²⁷ Ср. отзыв П.Плетнева (ИРЛИ ф. 34, оп. 1, е.х. 126, л. 5 и об.).

²⁸ РНБ ф. 850, е.х. 318, л. 2; ср. Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым, т. II, с. 963.

²⁹ М.Маркс, Кастан Андреевич Коссович // Русская старина, 1886, ч. XVII, с. 616.

В предисловии К. Коссович пытался придать древнеиндийской драме актуальность, обличая философию материализма и нападая на «нео-гегельянских мудрователей» и «герценистов». В кругах его покровителей подобные идеи вызвали симпатию. Так П.А. Плетнев признавался Я. К. Гроту, что К.А. Коссович привлек его «именно образом мыслей своих»³⁰, ибо он не принадлежит к «числу юношей, ослеплявшихся модными мнениями нынешней философии истории»³¹. П. А. Плетнев пытался найти для него место в Петербургском университете³².

В переводе драмы Кришна Мишры использован был специально вырезанный по заказу К. А. Коссовича санскритский шриф. «Он предназначался для санскрито-русского словаря, тогда уже им задуманного и составленного в объеме глоссария Боппа; поэт Языков принял на себя издержки по части печатания сего труда, но смерть Языкова уничтожила Коссовичу всякую возможность осуществления сего предприятия»³³. Об этой работе уже в январе 1846 года Н.М. Коншин сообщал П.А. Плетневу³⁴: «Теперь он составляет санскритский лексикон». Несколько позже (в письме от 6 ноября 1846 г.) С. П. Шевырев³⁵ говорил: «Конечно, ему надо бы действовать с Запада, и он это сделает изданием санскритско-русского словаря».

³⁰ Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896, т. II, с.759.

³¹ Там же, с.743. К.Коссович резко отрицательно относился к критическому направлению исторической мысли — в частности, к работам Б.Г.Нибура. Не удивительно, что ученые западной выучки (как Д.Л.Крюков) отзывались о К.Коссовиче неблагоприятно (см. Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым, т. II, с. 963).

³² См. П.А.Плетнев, Статьи, стихотворения, письма, М., 1988, с. 341 (письмо С.П.Шевыреву от 1 ноября 1846 г.): «О Коссовиче, кажется, уже нечего говорить более с министром (С.С.Уваровым — А.В.). Когда после смерти (М.Г.) Волкова я писал к нему, я был уверен, что он изберет его: так я полагался на правоту моих слов и его стремление к поддержке талантов. Вышло совсем не так. На него действуют отзывы голосов и лиц заграничных». «Заграничными лицами», очевидно, названы немцы-академики (прежде всего О.Бетлинг, которому К.Коссович через П.А.Плетнева передал свой перевод санскритской драмы).

³³ РГАЛИ ф. 436, оп. 1, е.х. 1245, л. 18 об.

³⁴ Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым, т. II, с. 946.

³⁵ Там же, с. 963.

Планы издания словаря в значительной мере определялись честолюбивыми мечтаниями К. А. Коссовича, его неудовлетворенностью положением простого гимназического учителя³⁶. С помощью влиятельных друзей и покровителей он прилагал всяческие усилия для того, чтобы в Московском университете была открыта (для него) кафедра санскрита. А. С. Хомяков³⁷ в 1849 году обращался к графу Д. Н. Блудову, прося его «исходатайствовать у Министра кафедру санскритского языка» в Московском университете. Вдохновленный этой новостью К. А. Коссович³⁸ писал С. П. Шевыреву: «Если Блудову я буду обязан кафедрой санскритского языка, то не успокоюсь до той поры, покуда не составлю в честь его санскритско-русский лексикон, который объемом и достоинствами не уступит, а будет лучше греческо-русского³⁹...» К. А. Коссович⁴⁰ просил С. П. Шевырева сделать официальное представление Министру, указав на то, что в отличие от живых восточных языков, не имеющих «никакого применения», университет нуждается в «древних восточных языках, в письменах которых заключены и основные стихии Европейских, в особенности же Славянского слова и основные стихии гражданственности рода человеческого». В том же представлении следовало указать, что «труды г. Коссовича обнаруживает очень ясно университету то, что усвоенные им познания в древних вос-

---

³⁶ В письме С. П. Шевыреву (РНБ ф. 850, е. х. 318, л. 43) он пишет, что санскритский лексикон — его единственная надежда выбиться из нужды.

³⁷ РНБ ф. 850, е. х. 318, л. 85.

³⁸ РНБ ф. 850, е. х. 318, л. 85 об.

³⁹ Речь идет о греческо-русском словаре, составленном им с братом Игнатием. И. Коссович был таким же «страстным эллинистом», как и Казтан. Он даже сыновьям своим дал имена Сократ, Платон и Философ (все трое впоследствии служили по военному ведомству). Гоголевская Россия!.. Будучи инспектором гимназии в г. Владимире на Клязьме, И. Коссович в 1851–52 гг. опубликовал собственный перевод с санскрита «Наля и Дамаянти». Перевод печатался в типографии Московского университета (очевидно, по протекции С. П. Шевырева — декана Историко-филологического факультета).

⁴⁰ РНБ ф. 850, е. х. 318, л. 148 об.

точных языках вполне достаточны и не уступают познаниям ориенталистов Запада».

В октябре 1849 года С. С. Уварова на посту министра просвещения сменил П. А. Ширинский-Шихматов — и надежды на кафедру возродились с новой силой. К. А. Коссович⁴¹ писал С.П. Шевыреву: «У меня теперь все мечты устремлены на старый путь: я опять мечтаю о профессорстве, перемена административной декорации по министерству просвещения питает и усиливает мою мечту. Сообщу Вам новость: в программу предметов словесного факультета для каждого русского университета внесен Комитетом санскритский язык наравне с классическими и славянским: как же не мечтать и не радоваться. Правда, неизвестно еще, утвердится ли эта программа и когда это будет, а все-таки для русской любознательности отраднo видеть в подобной программе настоящий взгляд на филологию, принадлежащий сановникам империи, составлявшим программу. Мне пришло в голову подать Вам мысль предложить Вашему попечителю, чтобы он вошел к Министру теперь с представлением о санскритском языке для Московского университета». К. А. Коссович выражает надежду на поддержку такой инициативы со стороны Д. Н. Блудова⁴².

Самое активное участие в этом деле принимала А. Д. Блудова, человек, близкий славянофилам. В письме к ней А. С. Хомякова читаем: «О Коссовиче скажу Вам, что он пишет мне решительно не письма, а дифирамбы. Не могу отказать себе в удовольствии сделать выписку. После восторженных выражений благодарности его Вам и Вашей сестрице следует: «Одно меня томит и мучит: я умею чувствовать признательность, а доказать ее не могу. Нет, я ее докажу на деле. Я — переведу всю Магабгарату, издам ее с текстом, вариантами, глоссами, критическими и филологическими примечаниями: тогда увидят, что я умею чувствовать добро». Разумеется, первые экземпляры будут поднесены Вам. Конечно, нельзя не улыбнуться при

⁴¹ РНБ ф. 850, е.х. 318, л. 6.

⁴² Ср в письме С.П. Шевыреву (РНБ ф. 850, е.х. 318, л. 45 об): «покровительство Норова и графа Блудова кем создано, если не Москвою?», л. 46: «Это Вы, это Хомяковы... Ведь вы невидимо стоите за моими покровителями».

такой Индейской мысли, а я уверен, что Вы над нею смеяться не будете. В ней так много глубокой искренности страстного филолога»⁴³. Эта тема развивается и в письме К. А. Коссовича С. П. Шевыреву⁴⁴: «Я посвящу себя для монументального труда: я издам тогда всю Магабгарту в подлиннике и с переводом и объяснениями русскими. Об этом никто ни из Англичан, ни из Французов не смели даже и подумать. Теперь подлинник этого бесценнейшего для науки творения стоит 1000 р. асс., весь в ошибках и опечатках. У меня текст будет чист и обработан... Англичане и Немцы... будут изучать ее в Русском издании, по Русскому труду. Это мечта, но она сбыточна... Когда издам и переведу все, тогда я жил не даром и Вы не даром любите меня и покровительствуете».

Естественно, проект этого монументального издания не имел ни малейших шансов на осуществление. Кафедра же в Москве, действительно, была открыта в 1852 г., но предложили ее не К. А. Коссовичу, а П. Я. Петрову, переведенному из Казанского университета. В начале 1853 г. К. А. Коссович спрашивал С. П. Шевырева⁴⁵: «Прививается ли у Вас санскрит? Как дорого бы для меня было узнать что-нибудь от Вас о его ходе в Московском университете. Ведь столько было ваших стараний и моих стремлений по этому делу...»⁴⁶ Сам же К. А. Коссович (благодаря хлопотам А. С. Хомякова и содействию семейства Блудовых) в 1850 г. был принят на службу в Императорскую Публичную библиотеку. В следующем, 1851 г., опять-таки по ходатайству А. С. Хомякова, его командировали

---

⁴³ РГАЛИ ф. 72, оп. 1, е.х. 20, л. 8 и об. (При публикации письма в «Русском архиве» 1879, №1, с. 378–379 и в собрании сочинений А.С.Хомякова данный абзац был опущен). Ср. письмо П.И.Барте-неву (РГАЛИ ф. 46, оп. 1, е.х. 548, л. 208).

⁴⁴ РНБ, ф. 850, е.х. 318, л. 44 об.

⁴⁵ Там же, л. 28 об.

⁴⁶ Ср. в письме С.П.Шевыреву годом ранее (там же, л. 47 об.): «Если Петрову придется читать санскритский язык в Московском университете, я все-таки буду рад, что он найдет там уже подготовленную почву: если не найдет он в университете санскрита, то встретит в молодых людях санскритолубие. Душа моя будет радоваться и за студентов, и за него».

на восемь месяцев в Лондон для консультаций по индийским манускриптам и усовершенствования в санскрите⁴⁷.

Между тем О. Н. Бетлинг 23 января 1852 года обратился в Академию наук с предложением о напечатании подготовленного им обширного санскрито-немецкого словаря. Историко-филологическое отделение Академии его поддержало. Внешним сотрудникам составителя решено было выплачивать вознаграждение в сумме: Р. Роту (Тюбинген) 10 талеров за печатный лист, А. Веберу (Берлин) — 5 талеров⁴⁸. Закончить работу предполагалось в 10–15 лет⁴⁹. Фактически же печатание растянулось более чем на 20 лет, а объем значительно превысил запланированный. Объявление о подготовленном в Санкт-Петербурге словаре вызвало широкий интерес, и тираж словаря пришлось определить не 400–500 экземпляров, как предполагалось, а 1000.

Между тем Отделение русского языка и словесности (II-e) Академии в том же году начало печатание обширного словаря великорусских наречий. В I томе «Материалов» для этого словаря была опубликована статья П. Я. Петрова «Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными». Для сравнения привлекались слова арабские, персидские, турецкие и санскритские, а в основе статьи лежала, очевидно, та работа, которую автор готовил еще в студенческие годы по поручению Х. Френа. Препровождая О. Бетлингу первый выпуск словаря 19 января 1852 года, его также просили сообщить о том, «какие слова из санскрита вошли в русский язык»⁵⁰.

Узнав о планах О. Н. Бетлинга, Отделение русского языка и словесности 10 ноября 1852 года поставило вопрос о необходимости печатания не санскрито-немецкого, а санскрито-рус-

⁴⁷ См. Н.П.Барсуков, Жизнь и труды М.П.Погодина, т. XI, М., 1897, с. 115; ср. РНБ, ф. 850, е.х. 318. л. 45: «Хомяков дарит мне золотой год моей жизни, год, который я буду в состоянии посвятить решительно науке, независимо от забот, от стеснений».

⁴⁸ По курсу 50-х годов серебряный талер равнялся русскому серебряному рублю или примерно трем маркам.

⁴⁹ СПб филиал архива РАН ф. 2. оп. 1/1852, е.х. 2, л. 16.

⁵⁰ Там же, л. 21 об.

ского словаря. Председательствующий в отделении И.И. Давыдов писал Вице-президенту Академии⁵¹: «В настоящее время санскритский язык стал потребностью для филологических исследований русского языка...» Обосновывал он эту мысль ссылкой на указанную выше статью П. Я. Петрова. В ответе от имени III-го отделения, подписанном академиком А. Шегренем, подчеркивалось, что О. Бетлинг не может взять на себя составление санскрито-русского словаря, ибо это противоречило бы его плану — словарь задуман как критический ученый труд, а не простой учебный глоссарий. В любом случае, санскритолог и лингвист обязан знать немецкий язык, по-русски же необходимо сначала издать грамматику санскрита с тем, чтобы не было пустой игры в этимологию. Отмечая недостатки предлагавшихся сопоставлений как в статье П.Я. Петрова, так и в работах самого И. И. Давыдова, О. Бетлинг указывал на несообразность самой мысли сравнивать великорусские слова непосредственно с санскритскими без предварительного анализа места того и другого языка в индоевропейской семье⁵².

Видимо, в связи с этой борьбой за словарь О. Бетлинг в письме от 9 декабря 1852 г. просил Р. Рота всемерно ускорить работу. Президент Академии С. С. Уваров вмешался в дело, резко указав на то, что наука должна стоять выше национальной розни. Он принял следующее решение: О. Бетлинг и его сотрудники должны составить словарь и не по-немецки, и не по-русски, а на латинском языке — так, как это делалось в добрые старые времена⁵³. На это О. Бетлинг ответил весьма твердо, что ни он, ни его сотрудники не знают латыни достаточно свободно, а подобная переработка словаря означала бы уничтожение его многолетнего труда. Он отказывался вовсе от публикации его на подобных условиях. Сложность положения руководства Академии заключалась в том, что уже шла корректура первых листов словаря — дело могло получить весьма неприятную огласку за границей⁵⁴. Поэтому президент Академии⁵⁵

⁵¹ СПб филиал архива РАН ф. 2. оп. 1/1852, е.х. 2, л. 5 об.

⁵² Там же, лл. 20–23.

⁵³ Там же, л. 34 и об.

⁵⁴ Там же, л. 36.

⁵⁵ Там же, л. 37 (14 февраля 1853 г.).

согласился если не отменить свое решение, то и не настаивать на нем.

К. А. Коссович⁵⁶ в письме С. П. Шевыреву излагал дело следующим образом: «Милый и драгоценнейший друг мой Степан Петрович! Расскажу Вам историю, как начал основываться у нас Санскритско-Русский словарь и на какой точке это дело стоит ныне; эта точка очень важна для его существования, она не может быть без интереса для Вас. В Академии Бетлинг начал печатание Санскритско-Немецкого словаря, вроде тезауруса, в огромных размерах; составление его, кроме Бетлинга, принадлежит разным немецким санскритистам, печатание же его разлагается ровно на 16 лет. Это фундамент, в котором идеи моей словаря почти еще не видно. Но вот скоро она возникнет. Вам известно, что по случаю присоединения к Академии наук бывшей Российской академии, работы академиков, печатавших свои произведения на иностранных языках, стали подвергаться контролю членов II-го отделения Академии наук. Следствием сего было то, что возникли в Академии голоса, требовавшие настоятельно от Бетлинга, чтобы он печатал свое произведение не по-немецки, а по-русски. От исполнения этого требования Бетлинг наотрез и решительно отказался. Случилось, что во время этих академических прений был в Петербурге М. П. Погодин; вследствие его посредничества во II отделении возникла новая мысль — поручить мне от лица Академии составление Санскритско-Русского словаря.

Вскоре после возвращения М. П. Погодина в Москву Иван Иванович Давыдов предложил мне представить себе официальную записку, в которой были бы мною изложены те основания, которыми руководствуясь, я бы мог составить полный учебный Санскритско-русский словарь. Само собою разумеется, что составлением подобной записки я занялся немедленно и немедленно представил ее И. И. Давыдову. Моя записка принята была с величайшим одобрением и похвалами со стороны всех здешних членов II-го отделения Академии Наук и вот фундамент моего будущего труда. Теперь дальнейшая

---

⁵⁶ РНБ, ф. 850, е.х. 318, л. 30 (письмо от 9 февраля 1853 года).

судьба его осуществления. Записка, одобренная II-м отделением, поступила на суд в общее собрание Академии Наук, где, как и должно было ожидать, она не удостоилась благоприятного отзыва со стороны Бетлинга. Но этот отзыв несколько еще не повредил делу. Теперь мысль составления санскритско-русского словаря будет представлена на рассмотрение нашим профессорам санскрита П. Я. Петрову и казанскому профессору Боллензену, по рассмотрении же их мнений дело поступит на утверждение к президенту Академии наук».

В связи с делом о словаре вновь встал и вопрос о преподавании санскрита. Еще 4 февраля 1853 г. К. А. Коссович⁵⁷ с восторгом сообщал С. П. Шевыреву: «Вообразите себе, мой драгоценнейший ангел, Степан Петрович, что мне представляется: 1) кафедра санскрита в университете, 2) такая же кафедра в Педагогическом институте, 3) составление санскритско-русского лексикона поручено мне Академией Наук... Господи! Как я счастлив буду, когда все это осуществится». Далее он упоминал: «Но в Академии есть и против меня враждебные стихии». А в следующем письме⁵⁸, опасаясь, что «отзыв Боллензена будет согласовываться с отзывом Бетлинга», он просил через С. П. Шевырева, чтобы П. Я. Петров «всеми силами постарался поддержать меня своим отзывом — во имя торжества просвещения русского». Вероятно, ответ П. Я. Петрова все же не был вполне благоприятным, так как осенью того же года К. А. Коссович писал⁵⁹: «Пе отделение вопреки всем, и тому, и другому, и третьему, поручило мне составление санскритско-русского словаря». В письме же И. И. Срезневскому⁶⁰, обличая «злонамеренность» и «невежество» своих критиков, он говорит, очевидно, о П. Я. Петрове: «бывают и вовсе не злонамеренные, напротив, добродушные люди, но которые привыкли смотреть на вещи только под своим углом зрения».

Лишь самая активная поддержка членов II-го отделения в борьбе с «немецкой партией» в Академии обеспечила успех

⁵⁷ РНБ, ф. 850, е.х. 318, л. 29.

⁵⁸ РНБ ф. 850, е.х. 318, л. 31.

⁵⁹ Там же, л. 33.

⁶⁰ РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, е.х. 1245, л. 27 об.

К.А. Коссовича. 6 декабря 1853 года он сообщал С.П. Шевыреву⁶¹: «Главное, тружусь над составлением санскрито-русского лексикона. Честь и слава Срезневскому и Ивану Ивановичу Давыдову: им я обязан тем, что мой труд, наконец, обеспечен. В феврале, если Господь меня поддержит, начнется печатание». С 1854 года этот лексикон, действительно, стал появляться отдельными выпусками в «Материалах по словарю великорусского языка»⁶². И. И. Срезневского и И. И. Давыдова К.А. Коссович с тех пор именовал «друзьями и благодетелями».

Одновременно со словарями О. Бетлинга и К. Коссовича в России появился целый ряд специальных работ, посвященных санскритскому языку. Наиболее объемистая книга, вышедшая под названием «О сродстве языка славянского с санскритским», принадлежала А. Ф. Гильфердингу (1831–72), известному впоследствии слависту и славянофилу. В основе ее (а также книги «Об отношении языков славянских к языкам родственным», напечатанной по решению Совета Московского университета) лежала магистерская диссертация автора. Вдохновителем молодого ученого был А. С. Хомяков. В результате сопоставлений фонетики и лексики А.Ф. Гильфердинг⁶³ приходил к общему выводу о том, что русский и другие славянские языки находятся в особо тесной связи с санскритом: «Близость сравненных нами языков необыкновенная. Как ни хорошо обработаны новейшими учеными прочие языки Европейские, однако ни в одном из них не найдено столько слов, родственных Санскритским, сколько случилось нам открыть в славянском при первой попытке изучить сравнительно его лексический состав (...). Едва ли останется 1 или

⁶¹ РНБ, ф.850, е.х. 318, л. 35.

⁶² В статье «Несколько слов о санскритско-русском словаре», напечатанной в Известиях Академии по II отделению (с. 218) К.А.Коссович не удержался от выпада против словаря О.Бетлинга, будто бы намеченного к изданию Обществом Германских ученых (очевидно, имелось в виду историко-филологическое отделение Академии, состоявшее, главным образом, из немцев). За это И.И.Давыдов получил выговор от непременного секретаря Академии (СПб отделение архива РАН ф. 2, оп. 1/1852, е.х. 2, л. 75).

⁶³ А.Ф.Гильфердинг, О сродстве языка славянского с санскритским, М., 1852, с. 285–286.

2 десятых Славянских слов, которым не найдется родства в языке Санскритском»⁶⁴. И там же: «Славянский язык не имеет ни одной особенности, чуждой санскритскому», «весь язык Славянский состоит из коренных Индо-европейских стихий». Все прочие индоевропейские языки (за исключением литовского) резко им противопоставлялись как потерявшие первоначальную свежесть мысли и творчества духа⁶⁵.

Излишне говорить о том, что труд этот не был на уровне языкознания середины прошлого века (да, в сущности, и не сами по себе лингвистические проблемы интересовали автора). Однако К. Коссович⁶⁶ настоятельно рекомендовал его И.И. Срезневскому. Последний предложил опубликовать работу «в виде прибавления к издаваемым Академией запискам», впрочем, «за счет неизвестного, внесшего для сей цели деньги», а «неизвестным» соглашался стать отец А. Ф. Гильфердинга⁶⁷.

К той же группе славянофильских писателей принадлежал С. П. Микуцкий (1815–1890), приятель А. С. Хомякова и, по его отзыву⁶⁸, «великий филолог... страстный к своему делу едва ли не более Коссовича». Его работа «Сравнение корней и слов санскритских со славянскими» (написанная чуть ли не на студенческой скамье) благодаря усиленным хлопотам А.С. Хомякова и К.А. Коссовича через П.А. Плетнева⁶⁹ и И.И. Срезневского также была напечатана в 1853 году II-м отделением Академии Наук.

Еще более дилетантским характером отличалась работа самого А. С. Хомякова «Сравнение русских слов с санскритскими». Уже на диспуте Ф. И. Буслаева в 1848 г. он посвятил свое выступление именно данной теме и в письме А.Н. Попову сообщал не без гордости: «Сильные были приемы санскрит-

⁶⁴ А.Ф. Гильфердинг, О родстве языка славянского с санскритским, М., 1852, с. 286–287.

⁶⁵ А.Ф. Гильфердинг, Об отношении языка славянского к языкам родственным, М., 1853, с. 118.

⁶⁶ РГАЛИ ф. 436, оп. 1, е.х. 1245, л. 4.

⁶⁷ Там же, л. 12.

⁶⁸ Русский Архив, 1884, Кн. 4, с. 313. Ср. РНБ ф. 384, оп. 1, е.х. 19: «приятель мой Микуцкий послал в Академию свод корней... Бетлинг держит».

⁶⁹ РНБ ф. 384, е.х. 19, л. 3 об.

ских корней... Я ратоборствовал...»⁷⁰ Сам Ф.И. Буслаев⁷¹ вспоминал, как А.С. Хомяков нападал на него «за излишнюю осторожность в сличении языка славянского с санскритским и приводил примеры. Из его слов я вывел, что он считает санскрит местным наречием языка русского». Автор «санскритского лексикончика» сравнивал имя индийского бога Вишну с русским словом «Вышний», а бога Ямы — с русским «яма». Слово «шуба» он выводил из санскритского глагола «шубх» — «блестеть» (с примечанием: «не в смысле ли праздничного платья?»⁷²). Русское «хрен», по его мнению, происходит от санскритского корня «жр» — «быть старым» (с примечанием: «эта форма, может быть, отзывается в некоторых словах русских, как, например: «старый хрен»). В результате сопоставлений (исполненных порою изрядной поэтической фантазии) делался вывод о «таком сходстве, которое доходит почти до тождества в лексическом отношении»⁷³.

Занимался он этими сравнениями с большим увлечением, «Совершен он при всех возможных препятствиях и вдали от всех возможных пособий, частью в деревне, частью на почтовых станциях и на заводе, между фабричных работ. Сравнил я с лишком тысячу слов Санскритских с Русскими»⁷⁴. С.А.Ф. Гильфердингом делился: «без Вас и Коссовича я просто давлюсь этимологиями»⁷⁵, а результатами своего «гуляния... по огородам Индо-европейских корней»⁷⁶ очень гордился. О выводах своих сообщал друзьям, например, К. Аксакову⁷⁷: «Теперь перебираю корни Санскритские в сравнении с Русскими; это дело скучное и утомительное, но оно представляет большие выгоды, полагая начало определению сродства языков по звуковой физиономии, и непременно отделит Славяно-Литово-

⁷⁰ Русский Архив, 1884, Кн. 4, с. 288 (письмо от 4 июня 1848 г.).

⁷¹ Ф.И.Буслаев, Мои воспоминания, М., 1897, с. 310.

⁷² А.С.Хомяков, Сравнение русских слов с санскритскими // Известия Имп. АН по ОРЯС, СПб, 1855, с. 427.

⁷³ А.С.Хомяков, Полное собрание сочинений. Т. VIII. М., 1900, с. 308.

⁷⁴ Там же, с. 367.

⁷⁵ Там же, с. 324.

⁷⁶ Там же, с. 322.

⁷⁷ Там же, с. 349.

Латинскую семью от остальных. Любопытны и частные явления: ...глагол челла-думать дает нам лучшую и единственно разумную этимологию слова человек..., человек — мыслитель, мыслеживущий. Я вижу Вас: Вам это нравится, и Вы ослабляетесь, созерцая такую глубокую мудрость наших предков».

Через А. Ф. Гильфердинга он послал свой труд в Академию Наук. К. А. Коссович⁷⁸ сообщал в письме И. И. Срезневскому: «Спешу поделиться с Вами приятнейшим для друзей отечественной филологии известием: А. Ф. Гильфердинг сообщил мне свод новых сближений русских корней с санскритскими, составленный А. С. Хомяковым. Сближения Хомякова тем драгоценнее, что они, будучи основаны на добросовестном изучении памятников санскритского языка, часто бросают свет не только на первоначальное значение русских корней, но и на стихий сих последних. ... Не могу не выразить искреннего желания скорейшего появления в свет труда, который совершен путем строжайшего разыскания науки, руководимого безукоризненной пытливостью высшего таланта».

Аналогичные открытия делались этим «истинно русским», по выражению В. А. Жуковского⁷⁹, человеком и в других областях науки и техники. Отправлявшемуся в Лондон К. А. Коссовичу он поручил отвезти на выставку изобретенную им машину, а в письме А. Д. Блудовой⁸⁰ комментировал это так: «Не знаю, слышали ли Вы об этой затее моей. В ней столько сумасбродства, что ее почти можно назвать поэтической. Я хочу переменить систему всех паровых машин и надеюсь на успех, потому что я совсем не механик, а за патентом посылаю Коссовича потому, что он не знает ни механики, ни дел никаких, кроме Санскритского языка, а с Англичанами должен объясняться смесью Санскритского с древне-саксонским». Характерные для А. С. Хомякова искренность увлечений, иронический тон, поэтические сумасбродства, вызов — и что-то ноздревское!

Несмотря на уничтожающий отзыв О. Бетлинга⁸¹, «лексикончик» А. С. Хомякова все же был опубликован в 1855 г. по

⁷⁸ РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, е.х. 1245, л. 17–18.

⁷⁹ РНБ, ф. 286–II, е.х. 65.

⁸⁰ А. С. Хомяков, Полное собрание сочинений, Т. VIII, 1900, с. 402.

⁸¹ См. Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, М., 1898, т. XII, с. 161–162.

распоряжению II-го отделения Академии Наук. Научное значение он имел, конечно, не большее, чем открытие, сообщенное автором в письме к Н. М. Языкову⁸²: «Я нашел Славянскую надпись... Какого времени? 6-го или 7-го века до Р.Х. Что скажешь? Немцы попадают в обморок... У меня чудес исторических пропасть. Никто еще не знает, что это за Славяне, которых мы потомки».

Все эти публикации вызвали живое обсуждение в журналах. Ф. И. Буслаев в «Отечественных записках» отозвался на работу А. С. Хомякова разгромной рецензией. И даже ученик И.И. Срезневского Н.Г. Чернышевский, дав в целом благожелательный отклик на книги А.Ф. Гильфердинга, указал на несообразность его общей идеи.

В связи с этими изданиями следует рассматривать и подготовленный К.А. Коссовичем словарь. По словам самого составителя, «словарь сей предназначался для не знающих санскритского языка»⁸³. Задачей словаря было представить «все корни санскритского языка, родственные славянским наречиям». По совету И.И. Срезневского слова давались не только в русской графике, но даже и в порядке русского алфавита, дабы «устранить всякую возможность односторонности в толковании родного языка». В «Филологических замечаниях», опубликованных II-м отделением Академии, К.А. Коссович приветствовал работы А.Ф. Гильфердинга и С.П. Микуцкого и стремился развивать это направление исследований. Планировал он и сам написать на данную тему обширную книгу⁸⁴. Но недаром А.С. Хомяков⁸⁵ говорил К.А. Коссовичу о недоброжелательстве к его ученой деятельности со стороны «немецкой Академической колонии» — О. Бетлинг⁸⁶ писал, что словарь К.Коссовича не принесет славы Академии, а средства на него были потрачены напрасно.

⁸² А.С.Хомяков, Полное собрание сочинений, М., 1900, т. 8, с. 107.

⁸³ К.А.Коссович, Несколько слов о санскритско-русском словаре // Известия Имп. АН по отделению русского языка и словесности, СПб., 1854, т. 3, стб. 212–213. (то же в Предисловии к «Санскритско-русскому словарю», СПб., 1854, с. VII–VIII).

⁸⁴ РНБ ф. 850, е.х. 318, л. 114.

⁸⁵ РНБ ф. 384, оп. 1, е.х. 19, л. 2 об.

⁸⁶ РГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, е.х. 61, л. 2 (отзыв академика О.Бетлинга «О некоторых изданиях Отделения русского языка и словесности»).

Публикация словаря в приложениях к периодическому изданию, использование русской, специально придуманной, транскрипции и русского алфавита сделали словарь практически неудобным. Более того, по словам О. Бетлинга⁸⁷, автор «не делает никакого самостоятельного вклада в санскритскую лексикографию, за исключением ошибок». Он подчеркивал⁸⁸: «Я вообще того мнения, что славянист, ограничивающийся тесным кругом славянских языков, в состоянии более совершить для познания отдельных славянских языков, чем тот, кто, обойдя ближайшие по родству языки, прямо примется за сличения с санскритом... С помощью одного только санскритского языка еще нельзя сделать важных открытий... Ныне столь любимое приращение к санскритскому языку полужнаковок и вовсе незнакомых с ним есть только пустое щегольство, которое ни на шаг не подвигает вперед самого дела».

Критику эту нельзя не признать основательною. Словарь К. А. Коссовича не пошел далее первых букв алфавита, но, если бы и был закончен, не мог бы стать подлинным руководством для индологов и лингвистов. Составитель его явно не был на высоте научных требований эпохи⁸⁹. Этот труд так и остался курьезом — памятником истории первых шагов отечественной санскритологии, да еще истории самой Академии Наук. Подлинную же славу последней принес Большой Петербургский словарь О. Бетлинга и Р. Рота.

Ссамого начала работа над ним стала интернациональным предприятием. По запросу Академии известный индийский санскритолог Райя Радхакант Деб прислал экземпляр своего многотомного лексикона «Шабдакальпадрума» — после этого он был в 1856 г. избран почетным членом Академии. Из немецких ученых Т. Ауфрехт принимал участие в подготовке лишь самых первых листов словаря — до своего переезда в Оксфорд. Вся дальнейшая работа над анализом лексики вед (как и ряда

⁸⁷ СПб филиал архива РАН ф. 2, оп. 1/1852, ед.х. 2 л. 26.

⁸⁸ Там же, л. 25 об.

⁸⁹ По словам С.Ф.Ольденбурга (Русский биографический словарь, т. Кнаппе-Кюхельбекер, СПб, 1903, с. 302), «сам Коссович, как мы знаем из личных бесед, не придавал особенного значения этому научному предприятию».

других текстов — например, медицинских) легла на плечи Р.Рота. Он был избран в Академию в 1855 г., в 1860 г. произошло избрание и А. Вебера. Активную помощь составителям словаря оказывал А.-Ф. Штенцлер (избранный членом Академии в 1867 г.). Американский санскритолог У. Д. Уитни предоставил индекс к «Атхарваведе» и список слов из астрологического трактата «Сурьясиддханта», а ученик А. Вебера голландец Гендрик Керн — лексику «Брихатсамхиты». В знак признания их заслуг по составлению словаря оба тоже были избраны в Академию (1875–76 гг.). Буддийские тексты, главным образом, «Махавьютпатти», обрабатывал петербургский тибетолог и лингвист, член-корреспондент Академии Антон Шифнер.

Но девять десятых работы принадлежало неутомимому О. Бетлингу. В 1868 г. он переехал в Иену (а в 1885 г. в Лейпциг), но с Академией продолжал поддерживать самые тесные связи. Оформлено это было как заграничная командировка (продлеваемая каждые три года, что давало ему возможность получать жалование), хотя было известно, что возвращаться в Россию ученый не намерен.

В процессе работы составители систематически расширяли круг привлекаемых источников, и каждый том сопровождался многочисленными дополнениями. Основой словаря послужили примерно триста важнейших литературных памятников санскрита. Семь томов словаря большого формата (56 выпусков) включали несколько тысяч страниц. Это издание уникальное по полноте, точности и научной организации материала окончено было в 1875–76 гг. Сотрудники О. Бетлинга по этому поводу были награждены русскими орденами (Станислава 1 и 2 степени).

Одновременно с завершением огромного труда О. Бетлинг опубликовал текстологические комментарии к нескольким десяткам санскритских текстов (в том числе столь обширным как «Махабхарата»). Чуть позже он издал немецкий перевод драмы Шудраки «Глиняная повозка» и трактата Дандина о поэтике, тексты важнейших упанишад — «Брихадараньяка» и «Чхандогья». Но еще более значительным был его новый замысел словаря — на этот раз без отсылок к памятникам, но зато с использованием многочисленных, только что опубликованных или ставших доступными санскритских сочине-

ний. Р. Рот отказался от участия в этом предприятии, и так называемый Малый Петербургский словарь в семи томах значительного объема был создан О. Бетлингом без посторонней помощи (1879–89 гг.).

Петербургские словари открыли новую эпоху в индологии и сравнительном языкознании. Известный русский лингвист С.К. Булич⁹⁰ писал: «Можно сказать без всякого преувеличения, что только словарь О. Бетлинга и Р. Рота сделал возможным правильное понимание многих индийских памятников и раскрыл их настоящее содержание». Он называл словарь «удивительным памятником человеческого ума, железного трудолюбия и колоссальной начитанности». Словари явились крупнейшим предприятием, осуществленным в XIX веке Академией Наук России. В этой связи Р. Рот⁹¹ говорил: «Вот — почва, возрастившая это дерево; без влияния, средств, постоянной поддержки Академии, без личного содействия ее членов нам и нашей работе трудности оказались бы непреодолимыми».

Между тем отношение к этому предприятию в русском обществе не было однозначным — как и ко всей деятельности Академии. В 1879 году известный славист В. И. Ламанский опубликовал в «Новом времени» (№1140, с. 2–3)⁹² язвительный фельетон «Еще племянник и санскритолог». Он приводил критические отзывы некоторых европейских ученых о знаменитом словаре. Но, главное, он обращал внимание на то, что издание его обошлось Академии Наук, по меньшей мере, в сто тысяч рублей⁹³. Таким образом, Россия опубликовала труд, составивший «гордость и славу германской науки». Между тем сама Германия «не решалась предпринять такое издание, считала его несвоевременным и предпочитала тра-

⁹⁰ С.К.Булич, Памяти О.Н. фон Бетлинга, СПб, 1904, с. 8.

⁹¹ R.Roth, Zur Geschichte... Mel. As. t. VII, S. 592.

⁹² Рукопись см. в СПб филиале архива РАН ф. 35, оп. 2, е.х. 43. Фельетон появился в связи с тем, что Историко-филологическое отделение одобрило на выборах в Академию кандидатуру санскритолога Леопольда фон Шредера, племянника академика Л.Шренка.

⁹³ Для сравнения можно указать, что на публикацию всех трудов по Отделению русского языка и литературы Академия Наук выделяла всего 4 тысячи рублей в год.

тить большие суммы на более производительные и близкие задачи своей науки». Ученый сетовал на отсутствие достаточных пособий в России по славистике и византиноведению, по русским наречиям и русской истории.

Приведенные В. И. Ламанским замечания о научных достоинствах работ О. Бетлинга и А. Шифнера не были объективны. Значительно более обоснованными являлись жалобы на немецкое засилье в Академии, противоречившее национальным интересам России. Независимо от высокой научной оценки трудов тех или иных исследователей, ясно, что публикация словарей и санскритских текстов с немецкими переводами не являлась наиболее актуальной задачей науки в России. Они могли занимать столь важное место в деятельности Петербургской Академии лишь в силу отрыва этой ученой корпорации от подлинных потребностей страны.

Уже сказано было, что санскрито-русский словарь К.А. Коссовича явно не удался, а лингвистические опыты его, А.Ф. Гильфердинга и С. П. Микуцкого (не говоря уж о А. С. Хомякове) были лишь «детской болезнью» сравнительного языкознания в России. Но интерес славистов и славянофилов к санскриту имел немаловажные последствия — открытие соответствующих кафедр в университетах Москвы и Санкт-Петербурга. В Петербурге дело затянулось на несколько лет, хотя министр А.С. Норов много раз обнадеживал на этот счет К.А. Коссовича. Известие (в цитированном выше письме от февраля 1853 года) о кафедре в университете и в Педагогическом институте не подтвердилось. К. Коссович продолжал занятия санскритом с вольнослушателями в Ларинской зале Публичной библиотеки. В ноябре 1854 года по совету А.Ф. Гильфердинга он обратился через И.И. Срезневского к И.И. Давыдову с просьбой о выделении для занятий одной из аудиторий Педагогического института⁹⁴. По ходатайству И. И. Давыдова 1 декабря министр просвещения распорядился решить вопрос положительно.

М.Н. Мусин-Пушкин, как попечитель, выразил свое одобрение тому, чтобы лекции по санскриту посещали и студенты университета. С.П. Шевыреву К. Коссович⁹⁵ писал тогда: «Побе-

⁹⁴ РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, е.х. 1245, л. 29.

⁹⁵ РНБ, ф. 850, е.х. 318, л. 50 об.

призанный, вставленный. —
украшенный.

हुति पूरिता, сл. पूр.

हेतुन् चेतुम्, сл. чёт.

ज क.

जं жа (jan), на конце слов сложен,

рожденный, произшедший.

जगाम жагāма, сл. гам, *91. жам*

जज्ञा жагнѣ, ж., верхняя часть
поги (egus). Сл. гā.

जन् жан, III, родить. Слав. Греч.

γεν- (γεν-γὰς, γέ-γεν-οισα), Лат

gi-ge-o, gen-ni и т. д., Гот. kin

(Нол. kin-d). Ко этому же корню

относится Слав. жена (жанъ)

и чадо (Санскр. жṛти, Ирактр.

жṛда, рожденный, пацус, сынъ).

जन жан-а, м., породъ, люди, —

человѣкъ.

जनायिष жанāдина (жана+адиша),

царь.

जनौ жан-о, ж., жен-щина. Слав.

Слав. жена.

जन् жам, в сложеніи съ пати:

जाम्पति, т. ж. ч. дам.

जम्पति жампати, по Боппу изъ

жан+пати, т. ж. ч. дампати.

जन् жал, I, быть холоднымъ.

Слав. Лат. geli, geli-dus. Слав.

холодъ, хладъ. Нол. kal i.

जल жаза, ср. вода.

जलान् жазауға (жаза + оға), м.,

изобиліе, воды.

जाति जाति (жан), рождение, про-

исхожденіе, — родъ. Слав. Лат.

gens (изъ gen-ti-s, по Боппу).

जातिवर्त्तितः жаṭти-дармматалі (да-

рмма), нар., по закону рожденія.

जानन्ति жаṇитѣ, сл. жигѣ.

जानात् жаṇāt, м., зять. Слав.

Нол. zięć, Греч. γαμβέος, Лат.

gen-er. По Вейф. онъ жам =

дам. Слав. бар-тѣ и вара; сл. jam.

जीव जीв, I, жив-у. Слав. Лат.

vivo (по Боппу изъ guivo), Греч.

βίος (bio-s), ζάω (zāfo).

जीवक जीव-ака, з) прил., живущій;

ж. р. (живикъ), промыселъ.

जीवित जीविता, ср. жизнь. Слав.

Слав. животъ, Лат. vita, Греч.

ζωή, сл. ζωή и βί-ος.

जीविन् जीви-ни, прил., на конце

словъ сложен, живущій чѣмъ л.

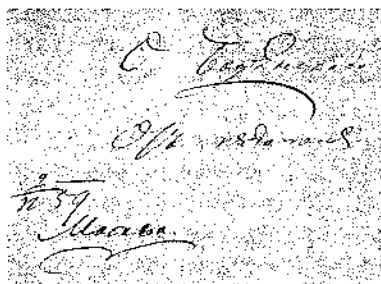
промышленный.

ज्ञा जга, IV, зна-тъ. Слав. Лат.

да, радость, счастье и все, все, что ни есть хорошее! В ближайшую пятницу я начинаю курс санскритского языка в здании Педагогического института для студентов здешнего университета и Института; слушателей буду иметь за 30-ть с излишним человек. Нужды нет в названии: дело в сущности». Занятия проходили дважды в неделю. Впрочем, уже в феврале К. Коссович⁹⁶ жаловался И. Срезневскому, что приходят лишь трое. О том же он писал и С. Шевыреву⁹⁷: «Студенты мои оказались, к сожалению малыми добрыми, но ленивцами. Не теряю, однако, надежды еще. Что делать? Если будет кафедра санскрита в будущем году, то она должна быть обязательна для изъявивших желание учиться; иначе толку будет мало».

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОХОТНИКЪ И ПАРЪ ГОЛУБЕЙ.

Автограф К.А. Коссовича
слависту О.М. Бодянскому

В начале 1855 г. по предложению И. И. Давыдова он усиленно трудился над составлением учебника по санскриту. К. А. Коссович торопился обеспечить доступ «в этот новый прекрасный духовный мир, на страже удверей которого немцы вольно и невольно нагромодили столько трудностей»⁹⁸. Представле-

ние о характере преподавания дает подготовленная в качестве пособия и опубликованная в 1859 г. книжица «Легенда об охотнике и паре голубей», содержащая эпизод из «Махабхараты» на санскрите с переводом на латинский и небольшим глоссарием. Систематического изложения грамматики К. Кос-

⁹⁶ РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, е.х. 1245, л. 36 : «Каковы наши, т.е. петербургские студенты!»

⁹⁷ Там же, л. 52 об.

⁹⁸ Там же, л. 53.

сович не дал, полагая, что понимать текст можно «и без грамматики»⁹⁹.

В связи с созданием в 1855 г. факультета Восточных языков вопрос о кафедре санскрита был поднят снова, однако события приняли неожиданный оборот. К. А. Коссович¹⁰⁰ писал 31 декабря 1855 года: «Только Абрам Сергеевич (Норов — А.В.) проявил расположение свое довольно оригинальным образом. Целых 5-ть с излишним лет он соболезнавал передо мною, что в Петербурге нет кафедры санскритского языка; 5-ть лет твердил он мне и знакомым моим, что эта кафедра предназначена для меня. Наконец, учреждение кафедры при Санкт-Петербургском университете исходатайствовано и вместе с тем положено уничтожить преподавание санскрита в Московском университете, Петрова же перевести на этот предмет в Петербург». Он просил С. П. Шевырева обратиться по этому поводу к П.А. Вяземскому. А.С. Хомяков усиленно убеждал А.С. Норова отдать кафедру К. А. Коссовичу, и последний говорил¹⁰¹: «Если суждено этой кафедре быть моею, то это будет делом Хомякова, если сохранят Петрова для Московского университета, то и это будет делом Хомякова». В результате всех этих хлопот П. Я. Петрову в Московском университете предостави-

---

⁹⁹ Там же, л. 53. О занятиях студентов по этому пособию сохранились воспоминания С.М. Волконского (Наше наследие, 1991 №4, с. 63): «Коссович перевел и издал санскритскую песнь «Охотник и голуби». Это мы читали, а он с никогда не ослабевавшим увлечением декламировал: «Дхарманисчая саныуктан... каласаммита...» Это описывало наружность «охотника», взъерошенного, бородатого: и старичок все это изображал лицом и волосам и руками своими, — чтобы хорошенько мы себе представили этот страшный образ того, кто охотился на голубей...» «Милый старичок. Отрешенный от мира, совсем не подходил под тогдашний тип профессора-политика, общественного деятеля. Оторванный от всего, сидел Казтан Андреевич в своей заваленной книгами комнатке, делил свое одиночество только с дроздом, который сидел у него на лысине и посвистывал, пока его хозяин читал санскритские тексты...»

¹⁰⁰ РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, е.х. 1245, л. 55.

¹⁰¹ Там же, л. 57 об.

ли жалование профессора¹⁰² — так что он уже не был заинтересован в переводе в Петербург.

Лишь в августе 1858 г. последовало решение об открытии кафедры на санскрито-персидском отделении и К.А. Коссович начал регулярно (хотя первый год и бесплатно) преподавание языка в университете. В 1859 г. санскрит вошел в обязательную программу факультета.

Позднее, в 1863 г. он писал П. И. Бартеневу¹⁰³: «Пять лет я уже на университетской кафедре... Адоволен ли хоть результатами занятий? Очень недоволен, хотя из студентов моих есть занимающиеся самостоятельно и отлично». Именно в эти годы среди студентов, посещавших его лекции по санскриту, был И.П. Минаев, ставший впоследствии его преемником. Вряд ли он мог многое получить в студенческие годы у К. Коссовича¹⁰⁴. Вероятно, решающее значение для его формирования как ученого имели годы, проведенные в Европе после окончания университета. И. П. Минаев — первый русский индолог, труды которого по истории буддизма и древнеиндийской литературе стали известны на Западе. Время немецкой санскритологии в России и русского дилетантизма заканчивалось — появилась отечественная школа научной индологии.

---

¹⁰² Речь шла об экстраординарной профессуре. Ординарным профессором он стал в 1864 г. после того, как Санкт-Петербургский университет возвел его в степень доктора санскритской словесности (см. К.Г. Залеман, Материалы к биографии П.Я. Петрова, СПб филиал архива РАН, ф. 87, оп. 1, д. 346, там же находится формулярный список).

¹⁰³ РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, е.х. 557, л. 187 и об.

¹⁰⁴ В дневнике И.П. Минаев писал: «Как мало дает университет! Как несостоятельны наши профессора!» (Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 3, е.х. 31, л. 16).

ГЛАВА V

ИВАН ПАВЛОВИЧ МИНАЕВ

Во второй половине XIX в. складывается научная школа отечественной индологии. Ее становление связано с именем Ивана Павловича Минаева (1840–1890)¹.

Он родился в Тамбове, в небогатой дворянской семье. После окончания классической гимназии в 1858 г. И.П.Минаев поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по китайско-маньчжурскому разряду. Чем определен был этот выбор, сказать трудно. В студенческие годы (1861 г.) он писал сестре: «Ну, где тут смысл — в Тамбове, в глуши, среди мелких помещиков зародилось вдруг стремление к синологии, филологии, и может ли во мне это стремление быть органическим явлением?»². Как бы то ни было, китайским языком он занимался упорно, стремясь стать настоящим специалистом.

Как начинающий китаист, И.П.Минаев занимался под руководством В.П. Васильева. Со II курса он приступил также к изучению санскрита у К.А. Коссовича. Вероятно, В.П.Васильев рекомендовал своему студенту ознакомиться с языком родины буддизма. Тематика университетских занятий была связана с исторической географией. Но все чаще и чаще в дневниках его ставились проблемы истории стран Востока. И.П.Минаев окончил университет в 1862 г. Автор дневника весьма скептически оценивал свои студенческие годы: «Как мало я сделал за четыре года пребывания в университете. Четыре года постоянно занимался китайским языком... Как мало дает университет! Как несостоятельны наши профессора!»³ О В.П.Васильеве он отзывался как о плохом преподавателе: «Все то малое, что я знаю, я приобрел сам без его помощи... Он больше путал, вообще выказал окончательное непонимание исторической науки»⁴.

¹ Иван Павлович Минаев. Сб. ст. М., 1967.

² Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 4, д. 21 л. 16.

³ Там же, л. 14, 16.

⁴ Там же, л. 84.

И.П.Минаева ожидала длительная заграничная командировка от Министерства народного просвещения для приготовления к профессорскому званию. В.П.Васильев считал, что, прежде всего, необходимо поехать на Восток. Однако юноша предпочел Европу, стремясь приобщиться к современной науке: «...путешествовать необходимо с определенной целью; и для этого важно будет пребывание в Европе», тогда и «цель поездки на Восток проявится»⁵. Студенчество 60-х годов обращало взоры на Запад, рассчитывая там получить основы научных знаний.

Факультет предполагал использовать И.П.Минаева для преподавания истории арийских народов (такая дисциплина была предусмотрена Уставом 1863 г.). Поэтому и основной круг занятий во время командировки был ориентирован не на китаеведение, а на индологию. И.П.Минаев имел возможность учиться у корифеев европейской санскритологии. В Берлине он слушал лекции основоположника сравнительного языкознания Ф. Боппа, учился у знаменитого А. Вебера, в Геттингене брал уроки санскрита у Т. Бенфея. В 1864 г. молодой русский индолог стал членом Немецкого востоковедного общества. Весьма важное значение имела для Минаева и общая научная атмосфера; большой интерес у него вызвали, например, лекции Штейнтала по сравнительной мифологии, обсуждение проблем психологии народов.

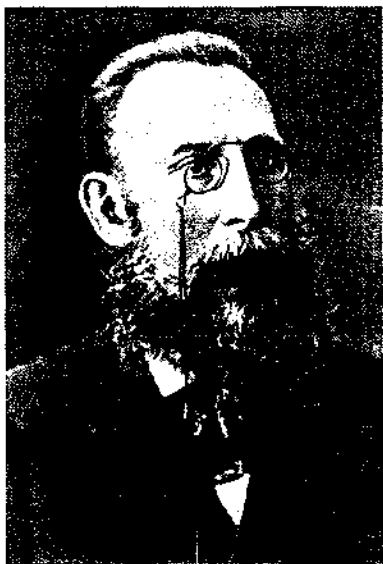
Планируя свое будущее, И.П.Минаев предполагал изучать главным образом культуру Индии и Китая: «Политическая история имеет важность только по отношению к народной цивилизации»⁶. Но саму культуру он понимал чрезвычайно широко — как все, в чем выражается сознание народа. «Объективными элементами этого народного духа являются язык и религия. Сравнительное языкознание и мифология становятся науками лишь на почве народной психологии»⁷. Это был тот подход, который сложился у него в «годы учения». Недаром много лет спустя ученый поставил эпиграфом к своей книге «Очерки Цейлона и Индии» (1878) слова Т. Карлейля: «Глав-

⁵ Там же, л. 84 об.

⁶ Там же, л. 57.

⁷ Там же, л. 54 об.

ное, что характеризует человека или нацию — религия». Он и стал исследователем индийских религий, чтобы понять душу восточной цивилизации.

И.П. Минаев

когда он «здесь жил, ни о чем не думая, кроме буддийских рукописей»⁸. За время пребывания в Западной Европе И.П.Минаев стал превосходным знатоком индийского буддизма.

Университетские дела между тем складывались не вполне удачно. Кафедру истории арийских народов отдали иранисту Г.В. Мельгунову, а И.П.Минаев по возвращении получил место доцента санскритской словесности. В 1871 г. он перешел на историко-филологический факультет, став в 1873 г. профессором по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков. О читавшихся им курсах дают представление литографированные издания 80-х годов («Общее языкознание», «Лекции по сравнительному языкознанию» и др.), а также «Очерк важнейших памятников санскритской литературы» для «Всеобщей истории литературы» под редакцией

Заграничная командировка затянулась на пять лет (1863–1868). Последние годы он провел в Париже и Лондоне. Усовершенствовав свои познания в санскрите, И.П.Минаев стал усиленно заниматься пали — языком буддийского канона. Он собрал коллекцию палийских манускриптов Национальной библиотеки в Париже и составил их каталог, который должен был быть напечатан. Работа эта полностью захватила его. И много лет спустя, оказавшись в Лондоне, ученый ностальгически вспоминал «старые годы»,

⁸ Там же, оп. 1, д. 106, л. 85.

В.Ф. Корша и многочисленные рукописи, хранящиеся в Архиве Востоковедов в СПб. филиале ИВ РАН.

Но основные интересы ученого находились отнюдь не в области чистой лингвистики. Магистерскую диссертацию И.П. Минаев защитил 2 марта 1869 г. Ею стала книга «Пратимокша-сутра. Буддийский служебник», издание текста на языке пали с фрагментами средневекового комментария и с переводом на русский язык. В основу издания были положены рукописи парижской Национальной библиотеки, петербургского Азиатского музея и список из коллекции автора.

В 60-х годах изучение в Европе буддизма только начиналось. У русского ученого почти не было предшественников, исключая Э. Бюрнуфа и Х. Лассена, написавших очерк грамматики пали. Поэтому издание «Пратимокша-сутры» стало существенным вкладом в мировую буддологию. В России ряд исследователей (прежде всего В.П.Васильев) занимались буддизмом по китайским, тибетским и монгольским источникам с привлечением текстов на санскрите. И.П.Минаев же начал исследования так называемого южного буддизма, т.е. школы тхеравады, или хинаяны.

Докторскую диссертацию на тему «Очерк фонетики и морфологии языка пали» ученый защитил 18 декабря 1872 г. Она стала одним из первых систематических описаний этого языка и в течение ста лет оставалась единственным трудом по данной теме в отечественной науке. Уже в 1874 г. книга (с исправлениями и дополнениями, сделанными автором) была переведена на французский язык, а в 1875 г. — с французского на английский. Ее использовали в качестве учебника даже в тех странах, где пали изучается как язык канонической литературы (например, в Бирме — в Высшей школе в Рангуне).

Особое внимание И.П.Минаева привлекала повествовательная литература на пали — джатаки, т.е. рассказы о перерождениях Будды. Джатакам, тогда еще не только не переведенным и не изученным, но даже и не изданным, была посвящена серия его статей 70-х годов. Рассказы эти занимали исследователя в двух аспектах. Во-первых, они служили первоклассным историческим источником, красочно рисующим мировоззрение буддистов, монахов и мирян, и характер самой общины. Во-вторых, джатаки содержат множество так

называемых бродячих сюжетов, встречающихся в литературе и фольклоре и других народов. И здесь вставали проблемы литературных взаимосвязей Запада и Востока — тема, которой посвятил свои работы Т. Бенфей. Эти вопросы живо интересовали и русских исследователей, именно тех, с которыми был близок и дружен И.П.Минаев. Он сотрудничал с Александром Веселовским при издании его работы о «Двенадцати снах Шахаиши», охотно обсуждал с ним тему литературных влияний. Богатый материал содержится в их переписке, хранящейся в Институте русской литературы⁹ и в петербургском Архиве Востоковедов¹⁰. В шестидесятые годы И.П.Минаев часто общался и с Антоном Шифнером, который занимался буддийскими сюжетами, встречающимися в разных литературах стран Востока¹¹.

После утверждения в профессорском звании историко-филологический факультет направил И.П.Минаева в командировку на Цейлон и в Индию для собирания рукописей и изучения страны. С помощью И.И. Срезневского¹² ему удалось продлить до двух лет (1874–1875). Ученый объездил почти весь Цейлон и значительную часть севера Индии — от Калькутты до Лахора. Он побывал также в Бихаре, Непале, Камаоне, в части Панджаба и Раджпутаны, а закончил свое индийское путешествие в Бомбее. И.П.Минаев осмотрел важнейшие архитектурные памятники, работал с рукописями в монастырских библиотеках, познакомился со многими индийскими и европейскими учеными, общался с представителями различных слоев местного населения и британской администрации.

В результате поездки была собрана значительная коллекция рукописей. Впоследствии она стала основой фонда индийских рукописей Императорской Публичной библиотеки

⁹ Ф. 2204, д. 252.

¹⁰ Ф. 39, оп. 2, д. 5. См. А.М.Куликова, Научные связи академика-литературоведа А.Н.Веселовского (1838–1906) с востоковедами (по эпистолярным материалам) // А.М.Куликова, Российское востоковедение XIX в. в лицах. СПб., 2001, с. 149–153.

¹¹ Там же, оп. 4, д. 24, л. 55, (ср. РГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 394).

¹² РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 1292.

(ныне РНБ). В собирании их и снятии копий ученому помогали индийские коллеги и живший в Индии немецкий санскритолог Георг Бюлер. Большую ценность имела и привезенная И.П.Минаевым этнографическая коллекция, в настоящее время составляющая значительную часть Индийского отдела Музея антропологии и этнографии. Пополнилась библиотека ученого, находящаяся теперь в составе библиотеки Петербургского университета.

Но главное, И.П.Минаев за два года путешествий узнал страну не только по книгам. И хотя по образованию он был специалистом в области индийских языков и древностей, не меньшее внимание уделял и современности. Свои впечатления он изложил в цикле статей, опубликованных в журнале «Вестник Европы». В более полном виде эти статьи вошли в книгу «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского». Ряд заметок (или черновых набросков) хранится также в архиве ученого.

Поразительна широта охвата этих «Очерков»: они включают описание быта различных слоев и местностей, системы английского управления, анализ общественных движений, характеристики народных суеверий, культов, празднеств. Это не просто путевые заметки, но часто небольшие исследования, содержащие тонкие наблюдения и глубокие выводы. «Очерки» вызвали большой интерес публики, они разошлись в течение нескольких месяцев и уже в 80-х годах считались библиографической редкостью.

Характерный для И.П.Минаева интерес к «народной цивилизации» проявился и в том, что он в Индии собирал местный фольклор. Книга «Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году» была ценным вкладом, как в отечественную фольклористику, так и в мировую индологию. Это — один из первых сборников индийского фольклора, опубликованных в Европе.

В 70–80-х годах востоковедение приобретало все большую политическую актуальность в связи с восточной политикой России. Завоевания в Средней Азии, с одной стороны, обостряли русско-английские противоречия, геополитическую ситуацию в регионе Туркестан-Индия, с другой — открывали широкие возможности научных исследований недоступных преж-

де областей. После возвращения из индийского путешествия И.П. Минаев интенсивно занимался изучением именно этих вопросов. В периодической печати регулярно появлялись его статьи по афганскому вопросу, о стратегическом положении Северо-Западной Индии и о русской политике на Востоке в целом. Английская литература по данному предмету им тщательно изучалась и рецензировалась.

Отношение И.П. Минаева к колониальному владычеству в Индии и политике России в Средней Азии было сложным. С одной стороны, он считал «русскую миссию на азиатском Востоке» продолжением «вселенского дела римлян»: «Великая задача предстоит им в этих обездоленных странах, откуда бедные всходы цивилизации исчезли вместе с удалением оттуда римских легионеров»¹³. Он полагал, что русские по самому своему историческому прошлому и народному характеру ближе к Востоку, а потому легче, чем англичане, могли бы найти общий язык с азиатами. С другой стороны, И.П. Минаев трезво оценивал пороки русской администрации в Средней Азии.

Противоречиво его отношение и к английскому владычеству в Индии. В своей рецензии на книгу «Россия и Восток» он писал: «там, где утвердилось британское господство, явилась безопасность, процветание торговли и распространение просвещения. В Индии у англичан гражданское, а не военное управление, есть университеты и туземная свободная печать. Говорят, англичан не любят в Индии; но где же любили и любят пришлую иноземную власть? Их не любят, но народ верит в справедливость их суда; их судьи вне подозрения в подкупности; народ стучится в их школы и в университеты. Если когда-либо, что нужно предполагать, англичане уйдут из Индии, они действительно могут гордиться тем, что насадили цивилизацию и пробудили индийские племена к самосознанию»¹⁴. Одновременно он видел социальную неправду, гибель традиционных устоев культуры и нравственности, самодовольную ограниченность самих носителей западной цивили-

¹³ Минаев И.П. Русские помыслы об Индии в старину // Журнал министерства народного просвещения, 1884, ч. 235, №10, с. 350–351.

¹⁴ Северный вестник, 12 ноября 1887.

зации: «Станут ли покоренные лучше?.. И в чем же для них именно будет состоять прогресс? Британцы настроят железных дорог, которые будут способствовать их большему порабощению. Дадут им школы, которые привьют им кое-какие знания, породят недовольство и, расшатав их веру, не дадут взамен никакого цельного мирозерцания. В этом ли прогресс? Все это не сделает покоренных лучше и счастливее и не разбудит в них умственной продуктивности. И в конце концов все новшества окажутся на пользу меньшинства пришлых властителей»¹⁵. Эти вопросы бесконечно мучили исследователя. Они заполняли страницы его дневников во время путешествий по странам Востока.

Завоевание Средней Азии ставило практические задачи по изучению этого края и смежных с ним областей. Уже в «Очерках Цейлона и Индии» была глава «Северная и северо-западная граница Индии; проходы в Индию». Эта тема развивалась и в специальных трудах ученого. И.П. Минаев в 1871 г. стал членом и активным деятелем Географического общества. Согласно плану, разработанному специальной комиссией Этнографического отделения РГО, он подготовил издание «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи»¹⁶. Книга содержала богатейший материал, собранный из печатных и рукописных источников, сообщений путешественников: китайских, арабских, английских и русских. Она включала три части: географический очерк областей Памира, обзор путешествий, сведения этнографического и лингвистического характера. Хотя автор не ставил задачу тщательного и самостоятельного исследования собранного материала, но в работе чувствуется не только эрудиция, но и прозорливость историка. В частности, он поставил проблему домусульманской культуры Средней Азии, стремясь обнаружить следы исторической памяти о расцвете буддизма в этом регионе.

Выход Российской империи почти к границам Индии активизировал внимание и к истории русско-индийских связей.

¹⁵ Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму в 1880 и 1885–87 гг. М., 1955, с. 106.

¹⁶ Минаев И.П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.

Была образована специальная комиссия при Восточном отделении Археологического общества для сбора сведений о путешествиях в Среднюю и Восточную Азию. И.П. Минаев помимо мелких работ опубликовал книгу «Старая Индия», посвященную «Хожению за три моря». Блестящий комментарий индолога к сочинению Афанасия Никитина сохраняет свое значение и поныне. В связи с этим же исследователь собирал в архивах древнерусские документы о маршрутах дипломатов и купцов, направлявшихся в Индию в XVII в., начал готовить новое издание «Девятилетнего странствия» Филиппа Ефремова.

События афганской войны заставили русское дипломатическое и военное ведомства с особым вниманием отнестись к политической ситуации в Британской Индии. В 1880 г. Военное министерство направило И.П. Минаева в командировку в Западную Индию. За пять месяцев он объехал Махараштру, владения низама Хайдарабадского, княжества Индор и Ратлам, Гвалиор, Раджпутану, Северо-Западные провинции, Панджаб и Гуджарат. Докладная записка об этом путешествии хранится в Военно-историческом архиве и опубликована в «Проблемах востоковедения»¹⁷. Более обширный черновик находится в архиве И.П. Минаева¹⁸. Дневники путешествий были изданы в 1955 г. Последняя публикация в переводе на английский язык появилась и в Индии.

Русский ученый беседовал «с людьми различного общественного положения, различных каст и неодинакового образования». Он был представлен владетельным князьям и их советникам. Очевидно, и сам характер его миссии в сложную пору обострения англо-русских противоречий не составлял тайны. Основной задачей И.П. Минаева было выяснение настроений индийского общества, определение возможной поддержки со стороны Индии в случае открытого конфликта между Англией и Россией. Он отмечал сильное брожение умов, огромный интерес к политике «даже в тех кругах, ко-

¹⁷ Новый документ И.П.Минаева об Индии второй половины XIX в. (Публ. Г.В.Богдановой и Е.П.Ворожейкиной) // Проблемы востоковедения, 1959, №3.

¹⁸ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 177.

торые еще пять лет тому назад исключительно занимались отвлеченными философскими и религиозными вопросами»¹⁹. Русский индолог констатировал единодушное осуждение индийцами афганской войны как несправедливой и захватнической. Анализируя отношение туземцев к британскому владычеству, он сделал вывод о начале пробуждения Азии. И.П. Минаев выделял различные силы, недовольные колониальными порядками. Он придавал первостепенное значение тому факту, что в Индии сложилось национальное единство: «...в прежние годы бенгалец не симпатизировал ни бомбейцу, ни мадрасцу. Они взаимно не понимали друг друга». Теперь же «у индийской интеллигенции явились общие интересы и, как следствие этого, взаимное понимание»²⁰. Однако, по его мнению, интеллигенция готова удовлетвориться уступками правительства.

Существовала и иная сторона проблемы, о которой И.П. Минаев не устал говорить. Отечественная индология до тех пор складывалась как санскритология. Ее целью являлось изучение языка и памятников классической литературы Индии в связи с культурой других индоевропейских народов. Однако изменение международной ситуации настоятельно требовало переориентации и научных исследований, и университетского преподавания. Актовая речь И. П. Минаева «Об изучении Индии в русских университетах», произнесенная 8 февраля 1884 года, обозначила решительный разрыв с предшествующей эпохой. Для немецких романтиков и их русских последователей (и оппонентов) санскритская словесность была сферой чистой красоты, далекой от злобы дня. Напротив, И.П. Минаев подчеркивал: «Изучение Индии старой не должно заслонять научную и практическую важность жизненных явлений в современной Индии»²¹.

В 1883 г., после смерти К.А. Коссовича, И.П. Минаев возобновил занятия на факультете восточных языков. Он мечтал

¹⁹ Новый документ... с. 96–97.

²⁰ Там же, с. 102.

²¹ Об изучении Индии в русских университетах // Годичный акт Имп. С.-Петербургского университета 8 февраля 1884 г. СПб., 1884, с. 90. (перепечатано в книге «Глазами друзей. Русские об Индии». М., 1957, с. 199–218).

о подготовке широко образованных индологов. Однако его призыв готовить специалистов по современной Индии не был услышан. Даже преподавание новоиндийских языков не удалось организовать, хотя вопрос об этом ставился еще с конца 70-х годов; на должность преподавателя предполагался тогда бенгалец Нишиканто Чаттопадхья (см. о нем отдельный очерк). Более того, сложности были и с санскритом. В докладной записке декана факультета (1888 г.) говорилось²²: «Несмотря на все ученое значение этого языка... на санскритский язык всегда являлось мало слушателей, так что в факультете было положено большинством пригласить г. Минаева к преподаванию тогда только, когда будут заявившие желание слушать санскритский язык. Это происходит оттого, что этот язык не имеет практического приложения». Декан факультета восточных языков В.П. Васильев предлагал ввести наряду с санскритом преподавание индустанги (урду). Ходатайство это было поддержано МИД-ом, но не получило согласия со стороны министерства финансов.

В конце 1885 г. он вновь отправился в командировку в Индию и Бирму. Ему предписывалось вновь изучить общественные настроения в Индии, степень недовольства англичанами, позиции индийцев по поводу англо-русского соперничества в Средней Азии. Вероятно, власти были заинтересованы и в получении непосредственной информации из Бирмы, где только что англичанами был низложен последний король. Лейтмотивом докладной записки И.П. Минаева, направленной в Военное министерство, было предостережение от авантюристических шагов в восточной политике. И.П. Минаев уделил должное внимание съезду, на котором был основан Индийский национальный конгресс. С некоторыми руководителями его он был знаком. Он увидел в этом съезде симптом совершенно новой ситуации в политической жизни страны — появление общеиндийского движения либеральной интеллигенции. В то же время он отнесся к этому движению с большой долей скептицизма, понимая, что в огромной стране Востока чисто западническая тенденция развития не может рассчитывать на успех.

---

²² Материалы для истории факультета восточных языков. Т. 2 (1865–1901). СПб., 1906, с. 188.

Центральной работой ученого в 80-х годах была его большая монография «Буддизм. Исследования и материалы». Т. 1, вып. 1–2. СПб., 1887. В процессе ее подготовки автор опубликовал ряд текстов и мелких статей в русских и зарубежных журналах. Он стал постоянным сотрудником ведущего буддологического лондонского издания «Журнал общества по изучению палийских текстов», состоял в регулярной переписке с его редактором Т.В. Рис Дэвидсом. Основные выводы книги И.П. Минаева сводятся к следующему. Наиболее ранние памятники буддийского искусства в Индии — рельефы Бхархутской ступы, датируемые II–I вв. до н.э. Сопоставление их с сюжетами джатак показывает, что некоторые детали преданий во время создания ступы выглядели иначе, нежели в доступном нам варианте палийского канона. Следовательно, и сам канон к этому времени еще окончательно не сложился. Вопреки традиции первые буддийские соборы были посвящены не столько решению догматических вопросов, сколько взаимоотношениям между различными сектами последователей Учителя. В таком случае и сама ранняя история индийского буддизма представляется историей школ, ни одна из которых не имеет преимуществ перед другой как верная хранительница подлинных слов Будды. Таким образом, древнейшие идеи и предания могут содержаться не только в палийской «Типитаке», но и в сочинениях школ так называемого северного буддизма.

Автор считал задачей своего труда «введение к изложению буддийского учения в его исторической последовательности»²³ и «критический пересмотр буддийских преданий о древности и первоначальном происхождении священных питак»²⁴. Он стремился достичь той самой цели, которую поставил еще в юношеские годы: в изложении истории Востока выйти за пределы чистой эмпирики, дать общую концепцию, основанную на строжайшем анализе источников.

Значительную часть книги И.П. Минаева составляет публикация оригинальных санскритских текстов; в частности, весь второй выпуск посвящен изданию «Махавьютпатти»,

²³ Минаев И.П. Буддизм. Исследования и материалы. СПб., 1887, с. 1.

²⁴ Там же, с. 12.

«Намасангити» и «У-и-хэ-цзи-яо». Некоторые источники автор впервые обнаружил и открыл для европейской науки во время своих путешествий (например, рукопись «Гандхавамса» он привез из Бирмы). Как методы исследования, так и общая концепция И.П. Минаева были новыми для мировой буддологии. Автор сформулировал основные принципы русской буддологической школы. Труд И.П. Минаева отвечал широкому интересу к буддизму в России, характерному для 80–90-х годов²⁵.

Работа над книгой не была завершена автором, не успел он подготовить к печати и ряд иных буддологических исследований и публикаций. Уже после смерти ученого С.Ф. Ольденбург издал несколько работ из его архива, главным образом о джатаках. С его помощью в 1894 г. удалось осуществить французский перевод «Буддизма». В предисловии к этому изданию выдающийся французский индолог Э. Сенар писал: «Востоковеды, не знающие русского языка, давно уже с нетерпением ожидали этот перевод. Минаев лучше, чем кто-либо, был вооружен прямым, глубоким и разнообразным знанием источников всякого происхождения; он не поддавался соблазну красивых построений», он заботился «о той исторической окраске, черты которой он постиг благодаря путешествиям по Индии и непосредственному общению с индийцами»; он был «независим в воззрениях до некоторой резкости, внимателен к сущности дела до пренебрежения его формой и погружен в разыскание точных данных»²⁶.

В конце 80-х годов ученый строил планы нового путешествия в Индию — через Среднюю Азию, сроком на четыре года²⁷. Он добивался открытия русского консульства в Индии и сам предполагал занять должность консула²⁸. Но всем этим надеждам не суждено было сбыться из-за тяжелой болезни, начавшейся в конце 1886 г. Пришлось подолгу жить и лечиться в

²⁵ В одной из рецензий говорилось: «Буддизм интересует весьма многих...» (ЖМНП. 1887, №2, с. 529).

²⁶ Minayeff I. Recherches sur le bouddhisme. P., 1894, с. 3 (цит. по ЖМНП. 1892, №1, с. 280).

²⁷ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 17, л. 1.

²⁸ Там же, оп. 4, д. 24, л. 87.

Италии и Франции. В 1887 г. он писал С.Ф. Ольденбургу: «И в праздности я все читаю Марко Поло»²⁹. Перевод со старофранцузского «Книги Марко Поло» стал последним крупным трудом И.П. Минаева, где в полной мере проявились его талант и широкие познания. Эта работа отражала его общие воззрения последних лет жизни: «Книга Марко Поло это не только источник для истории, географии и для исторической этнографии Азии. Это как бы введение к изучению Востока..., на страницах его книги Восток отражается таким, каким он остается поныне... Восток перед вами — как он есть, без прикрас, но и не искаженный, то есть не истолкованный чуждым, западным умом»³⁰. Перевод был опубликован лишь в 1902 г. и затем неоднократно переиздавался.

Племянница и биограф ученого А.П. Шнейдер писала: «И.П. очень страдал, что до последнего десятилетия своей профессуры ему не удавалось подготовить ученика по кафедре. Так было с Ин. Ф. Анненским, который, рано женившись, начал учительствовать и потому не мог продолжать занятия наукой»³¹. Лишь в последние годы жизни он обрел учеников, и, прежде всего, С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского.

²⁹ Там же, оп. 2, д. 141.

³⁰ Там же, оп. 3, д. 37, л. 16. Размышления о Востоке и России занимали Минаева в последние годы его жизни. Характерна дневниковая запись: «Я в Риме чувствую себя скифом. Изумляюсь и чувствую, что все кругом — чужое. В Святом Петре мои предки не молились. А древний Рим не ближе нам Рима католического. У нас это сочиненная связь с миром античности. Мы ближе к Азии. Азия мне напоминала Русь — Рим нисколько и ни в чем. Здесь пуп Запада, а у нас есть только западники — деланные, не настоящие люди...» [там же, оп. 1, д. 106, л. 80–81].

³¹ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 4, д. 24, л. 58.

Приложение 5

Бенгальский литератор в Санкт-Петербурге

В опубликованных дневниках И.П.Минаева¹ есть запись, датированная 5 января 1886 г.: «у низама министром народного просвещения Нила Канта Чаттерджи». Издатели ошибочно прочитали имя и не смогли идентифицировать лицо, о котором идет речь — имеется в виду Нишиканто Чаттопадхья (Чаттерджи). Этот забытый бенгальский литератор заслуживает внимания историка.

Н.Чаттопадхья родился в брахманской семье неподалеку от Дакки в Восточной Бенгалии в 1852 г². Его отец, Каши Канто Чаттерджи — известный адвокат, издатель газеты «Hindu Naitashi Patrika» и основатель индуистской организации Saptatana Dharma Rakshini Sabha — как истинный бенгальский интеллигент (бабу), старался дать детям английское образование. В шестнадцать лет Нишиканто решительно отказался носить жертвенный шнур (яджнопавита), означавший принадлежность к брахманской касте. Юноша стал сотрудничать в бенгальской прессе (журнал «Obolabanhob»), выступая с резкими обличениями социальных порядков и нравов современного индуизма — таких как обычай детских браков и запрет вторичного замужества вдов. Песни, сочиненные им на эти темы, были широко известны среди образованных бенгальцев.

В октябре 1873 г. Нишиканто отправился в Эдинбург изучать медицину. Через год мы видим его среди студентов в Германии. В Лейпциге он провел более трех лет, посещая занятия по философии, логике и европейским языкам. Делясь впечатлениями с бенгальскими друзьями, Н.Чаттопадхья писал, что среди грандиозных и изящных памятников Евро-

---

¹ И.П. Минаев, Дневники путешествий в Индию и Бирму, М. 1955, с. 113.

² Биографические сведения из книги: Short Life of Dr. Nishi Kanta Chattopadhyaya, Ph.D., Late Professor of St.Petersburg University, Late Principal of Hyderabad College and now Professor of Maharaja's College, Mysore. Publ. by Hari Prasad Mookherjee, B.A., B.L. Dacca, 1902.

пы он почувствовал себя христианином. В Лейпциге он занимался и санскритом — видимо, под руководством Г. Брокгауза. На жизнь зарабатывал журналистикой и публичными лекциями. В конце 1876 — начале 1877 г. основной темой его выступлений стал буддизм.

Нишиканто Чаттопадхьяя дает философскую апологию буддизма. Полемизируя с А. Шопенгауэром, он утверждает, что нирвана означает вовсе не «угасание», а «откровение духа». С его точки зрения, буддизм является философией, близкой учению о нравственном императиве³. Обнаруживая многочисленные черты сходства между буддизмом и христианством, Нишиканто объясняет их — вполне в духе времени — простым заимствованием. Буддизму при этом отдается безусловное предпочтение как религии терпимой, не опозорившей себя преследованием инакомыслия — какой-либо инквизицией.

Среди образованных европейцев тогда только-только появился интерес к буддизму⁴. Уже после лекций Н. Чаттопадхьяя были опубликованы работы Э. Виндиша (также ученика и преемника Г. Брокгауза) об историческом соотношении буддизма и христианства и книги Т. Рис-Дэвидса о буддизме, имевшие шумный успех. Еще позднее к сходным темам обратился Свами Вивекананда.

Н. Чаттопадхьяя делился своими идеями с бенгальской интеллигенцией, сотрудничая в газете «Таттвабодхинипатрика», которую издавал руководитель общества Ади Брахмо Самадж Дебендранатх Тагор (отец поэта). Связь с семейством Тагоров была постоянной и прочной — впоследствии дочь Нишиканто была выдана замуж за сына Двиджендранатха Тагора.

Бенгальский бабу, осмелившийся критиковать христианство и противопоставлять ему буддизм, вызвал бурю негодования и под давлением клерикалов был вынужден уехать из Германии⁵. Следующий этап его жизни связан с Россией. Осе-

³ N. Chattopadhyaya, *Indische Essays*, Zürich, 1883, с. 114.

⁴ J. W. de Jong, *A Brief History of Buddhist Studies in Europe and America*, Delhi, 1987, с. 23 f.

⁵ *Short Life ...* с. 24, 38.

нию 1877 г. Лейпциг посетил А.И. Георгиевский (1830–1911), председатель Ученого комитета министерства народного просвещения (видимо, по делам основанного им при Лейпцигском университете русского института классической филологии). Он пригласил Нишиканто приехать в Санкт-Петербург для последующего преподавания в университете новоиндийских языков⁶ (хинди, урду, бенгали). Идея об организации соответствующей кафедры (впервые в России) была продиктована политическими соображениями. В момент обострения англо-русских противоречий (русско-турецкая война, ситуация в Афганистане) в Петербурге строили планы если не вторжения в Индию, то хотя бы давления на Лондон в богатейшей английской колонии. Преподавать планировалось на французском языке⁷. Для совершенствования в последнем индиец в декабре 1877 г. отправился в Париж.

Во второй неделе сентября 1878 г. он появился в Санкт-Петербурге. Весною 1879 г. Низи-Канта Чатопадайя числится стипендиатом Министерства народного просвещения в качестве «приготавливающегося к профессорскому званию»⁸ (то есть аспиранта). Министерство предназначало его на кафедру новоиндийских языков⁹. И хотя он впоследствии гордо именова́л себя профессором Санкт-Петербургского университета, никаких следов его преподавательской деятельности (или хотя бы разрешения на таковую) обнаружить не удастся.

Экзотический иностранец, старательно изучавший русский язык, привлекал к себе внимание. По воспоминания С.М. Волконского¹⁰, в доме его отца, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа¹¹, молодой индус Чатопадайя регулярно встречался с А.К. Толстым, Я.П. Полонским, А.Н. Майковым

---

⁶ Там же, с. 25.

⁷ Там же, с. 27.

⁸ В. В. Бартольд, Сочинения, М., 1977, с. 154.

⁹ См. Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник документов, М. 1997, с. 220.

¹⁰ С.М. Волконский, Васильевский остров // Наше наследие, 1991, №4, с. 63.

¹¹ М.С. Волконский — сын известного декабриста и М.Н. Волконской (Раевской).

и Владимиром Соловьевым. В Бенгалии Нишиканто считался одаренным певцом, но русским слушателям его пение казалось однообразным и странным.

Любопытный бенгалец посетил Нижний Новгород и Москву. По Кремлю его водили И.С. Тургенев и знаменитый историк И. Забелин. В доме Тургенева Нишиканто дискутировал с последним, доказывая, что Московский Кремль так похож на индусские матхи и мандиры (храмы), что можно предполагать заимствование архитектурных мотивов¹². Спустя годы, после возвращения на Родину Н. Чаттопадхья стал первым, кто познакомил бенгальцев с классической русской литературой.

Дважды встречался Нишиканто с наследником престола, будущим императором Александром III¹³. Зимой 1878/79 г. индийская тема была актуальна — у границ Британской Индии, в Кабуле, находилась миссия генерала Н.Г. Столетова. Среди бенгальцев ходили даже слухи, будто Н. Чаттопадхья получил приглашение принять участие в последней.

Весною 1880 г. в положении Н. Чаттопадхья что-то переменялось. Он объяснял это довольно невнятно, ссылаясь на отставку министра народного просвещения Д.А. Толстого¹⁴. Жаловался Нишиканто и на зависть коллег, а также на слезку со стороны русских властей, подозревавших его в шпионаже и в нигилизме (из-за апологии буддизма?)¹⁵. В биографии¹⁶ сказано об этом глухо: «мы не будем утомлять читателя рассказом об обстоятельствах, которые заставили его оставить службу царю... Он вернулся из России с пустым кошельком, расстроенным здоровьем и — что еще хуже — с полным отвращением к европейским политикам». Последнее заставляет предполагать, что бенгальца пытались вовлечь в какие-то политические комбинации. Уехать из России оказалось тоже не просто. Ему пришлось несколько месяцев ждать выдачи паспорта, что

---

¹² N. Chattopadhyaya, *Indische Essays...* с. 76–77.

¹³ *Short Life...* с. 29.

¹⁴ Там же, с. 29.

¹⁵ Там же, с. 105.

¹⁶ Там же, с. 38.

вызвало гневные тирады в адрес страны, порядки которой во многом еще татарские¹⁷.

Из Петербурга Н. Чаттопадхья приехал в Цюрих, где написал работу о народных бенгальских представлениях — джатрах. Это была первая диссертация, защищенная индийцем в Европе. Р. Тагор в своих воспоминаниях отзывается о ней насмешливо¹⁸. Но книжка, вышедшая в Лондоне в солидном издательстве Трюбнера, вызвала определенный интерес как одна из первых работ по индийскому театру. В Швейцарии Нишиканто вошел в круг известного немецкого поэта (социалиста и активного участника революции 1848–49 гг.) Гютфрида Кинкеля. Ему, как «певцу свободы и человечности», Н. Чаттопадхья посвятил свой сборник «Индийские эссе» (1883 — кажется, первая книга индийца, написанная по-немецки). Друг и биограф поэта Henne am Rhyn, «профессор истории цивилизаций» в Цюрихе, помогал Нишиканто и сообщал о его научных успехах бенгальским друзьям.

В начале 1883 г. Н. Чаттопадхья вернулся в Дакку. Его горячо приветствовали бенгальские националисты — «Студенческая ассоциация» во главе с А.М. Босом и С. Банерджи, газета «Хинду патриот». Однако активного участия в политической деятельности Нишиканто не принимал. Он пытался получить у вице-короля маркиза Рипона какое-нибудь место в ведомстве иностранных дел, но безуспешно. В 1884 г. низам Хайдарабада пригласил Н. Чаттопадхья на работу в ведомство народного просвещения — руководителем Колледжа низама. Впрочем, к тому времени, к которому относится дневниковая запись И.П. Минаева, он уже лишился этого поста в результате каких-то придворных интриг¹⁹. Нишиканто остался воспитателем племянника низама, преподавал историю античного мира и Англии. Затем Ишвар Чандра Видьясагар пригласил его в Калькутту — руководителем Метрополитэн колледжа,

¹⁷ Там же, с. 29 и др.

¹⁸ Р. Тагор, Собрание сочинений, М., 1965, Т. 12, с. 87. Нишиканто причислил к старинным поэтам Бхану Шингхо (псевдоним, под которым Р. Тагор опубликовал свои юношеские стихи). «За эту-то свою диссертацию Нишиканто Чоттопаддхай и получил степень...»

¹⁹ Short Life... с. 89.

первого высшего учебного заведения, созданного бенгальцами для распространения английского образования в своей стране. Поработав там недолго, он вернулся в Хайдарабад, получив место в департаменте археологии. В 90-е годы увлекался теософией, а незадолго до смерти (25/II 1910), по слухам, принял ислам.

Тема отношений молодого бенгальца с И.П. Минаевым заслуживает особого разговора. По словам Нишиканто, он лишь из сообщения «Нового времени» узнал о поездке последнего в Индию — очевидно, в Петербурге они почти не общались. Характерна и реакция на это сообщение, о которой говорит сам Н. Чаттопадхья²⁰: «Надеюсь, что индийцы окажут ему более теплый прием, чем он сам и некоторые из его коллег оказали одинокому индийцу, который проявлял такой большой интерес к русскому языку и русскому народу».

Очевидно, Н.Чаттопадхья рассчитывал на возможность преподавания санскрита на факультете восточных языков, так как в 1879 г. истекал двадцатипятилетний срок профессуры К.А. Коссовича. И.П. Минаев, историк, давно тяготившийся преподаванием лингвистики на историко-филологическом факультете, также рассчитывал на эту вакансию. Может быть, отсюда — жалобы Нишиканто на зависть коллег, которая лишила его заслуженных академических почестей, а Россию — выдающегося ученого.

Среди «Индийских эссе» есть статья, посвященная И.П. Минаеву (Prof. Minaieff und die Sanskrit Literatur, с. 85–121). Дав общий обзор и высокую оценку трудов русского индолога, Нишиканто решительно оспаривает его тезис, будто в основании всей индийской культуры лежат веды. Он полагает, что индийский народный характер в значительно большей мере формировался под влиянием героического фольклора — тех же бенгальских джатр²¹. Привычные для европейской науки прошлого века идеи о том, что индийцы всегда были народом философов и отшельников, лишенным национального самосознания, по его мнению, должны быть решительно отвергнуты теми его соотечественниками, «которым дорого будущее развитие и процветание Родины»²².

²⁰ N. Chattopadhyaya, Indische Essays... с. 59.

²¹ Там же, с. 66.

²² Там же, с. 63.

В архиве И.П. Минаева сохранилось письмо Нишиканто²³ от 6 февраля 1879 г. В нем он говорит о своем глубоком уважении к русскому ученому, но в то же время подчеркивает различие в политических взглядах и религиозно-философских убеждениях. Н. Чаттопадхьяя, получивший английское образование и долго живший в Европе, считал себя просвещенным либералом — И.П. Минаев же и русских западников называл «деланными, не настоящими людьми»²⁴.

Нишиканто жил в Англии и Германии, в России и Швейцарии. По возвращении на родину он работал в Дакке, Хайдерабаде, Бомбее, Мадрасе, Нагпуре, Майсоре, нигде не задерживаясь более чем на пару лет. Был он, очевидно, человеком неустроенным, болезненно самолюбивым и уязвленным тем, что его образование и таланты не оценены по достоинству ни в Европе, ни в Индии. Националист и космополит Н. Чаттопадхьяя жил между разными мирами. Индус, выбиравший между буддизмом и христианством, увлекавшийся теософией и исламом, он так и не смог найти цельного мировоззрения. С.М. Волконский написал о нем²⁵: «Он... интересовался всем, но сам был неинтересен».

Запись И.П. Минаева о Нишиканто находится в таком контексте²⁶: «Бенгальское влияние сильно усилилось в последние годы: бенгальцы всюду в Индии не только на британской службе, но занимают высокие посты во владениях независимых князей». И далее, вслед за словами о Нишиканто: «Западное образование денационализирует бенгальцев. И именно эти люди являются теперь носителями новой национальной идеи. Они толкуют об *our dear old India*, они, забывшие и родной язык, и родную старину, и мечтающие о западных формах правления». В негативной оценке новой индийской интеллигенции русского ученого, очевидно, убеждали и встречи с молодым бенгальским литератором в Санкт-Петербурге.

²³ Русско-индийские отношения в XIX в. с. 219–220. Английский оригинал см.: *Russo-Indian Relations in the Nineteenth Century*, Calcutta, 1999, с. 292–293.

²⁴ Архив востоковедов, ф. 39, оп. 1, №165, л. 80–81, ср. А. Вигасин, И.П. Минаев и русская политика на Востоке в 80-е годы XIX в. // Восток, 1993, №3.

²⁵ С.М. Волконский, ук. соч. с. 63.

²⁶ И.П. Минаев, Дневники... с. 113.

ГЛАВА VI

ПОЕЗДКА И.П. МИНАЕВА

В ИНДИЮ И БИРМУ В 1885–86 гг.

Хорошо известно, что замечательный русский востоковед И.П. Минаев не ограничивался изучением древней истории и культуры. Его интерес к политической ситуации в современной Индии особенно ярко проявился во время путешествий по стране в 1880 и 1885–1886 гг. Об этом свидетельствуют, прежде всего, дневники, опубликованные Н.М. Гольдбергом и Г.Г. Котовским¹ (и переведенные на английский язык в Индии²). Как дополнение к дневникам рассматривается «рукопись статьи», изданная Г.В. Богдановым и Е.П. Ворониным³ (черновик ее хранится в Архиве Востоковедов⁴, в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения). Ученый уделял большое внимание анализу характера и перспектив национально-освободительного движения в Индии. Основываясь на опубликованных материалах, советские авторы часто пишут о «безоговорочном сочувствии [И.П. Минаева] наиболее радикальным настроениям в индийском обществе своего времени», о том, что он «принимал сторону угнетенных индийских масс»⁵, решительно осуждая британских колонизаторов. Взгляды индолога часто оценивались в советской историографии как близкие революционно-демократическим. Подчеркивались его личные контакты с индийскими национальными лидерами.

Указанные дневники были изданы с многочисленными купюрами. Публикаторы утверждали, что опущены лишь «некоторые записи, носящие личный характер»⁶. Значительную

¹ И.П. Минаев. Дневники путешествия в Индию и Бирму. М., 1955.

² I.P. Minayeff. Travels and Diaries of India and Burma. Calcutta, 1960.

³ Новый документ И.П. Минаева об Индии второй половины XIX века // Проблемы востоковедения. М., 1959, №3.

⁴ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1. д. 177 «Впечатления при объезде Западной Индии в 1880 г.»

⁵ И.П. Минаев, ук. соч. с. 12.

⁶ Там же, с. 15.

часть этих фрагментов мы приведем ниже — все пропуски объяснялись цензурными соображениями. Тщательно замалчивался тот факт, что обе поездки И.П. Минаева были осуществлены по заданию военного ведомства. Последнее, конечно, диктовало и маршрут — посещение Хайдарабада в 1880 г., Бирмы в 1886 г. 80-е годы — время резкого обострения русско-английского противоборства в Центральной Азии. Русское продвижение в Средней Азии, афганская война, «досадительный инцидент» при Кушке, наконец, захват англичанами Бирмы — все способствовало тому, что русские военные и дипломаты проявляли самый пристальный интерес к Британской Индии. Об актуальных политических проблемах в данном регионе И.П. Минаев постоянно писал в прессе конца 70-х — начала 80-х годов (кстати, далеко не в демократической — в «Новом времени» и в «Голосе»).

Упомянутая выше «статья» на самом деле представляет собою докладную записку в военное министерство о поездке 1880 г. Официальный отчет о следующей миссии Минаева (1885–1886) находится в АВПРИ (ф. Среднеазиатский стол, д. 1694). В фонде И.П. Минаева хранятся черновые материалы к этому отчету (Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 140). Многие дневниковые записи исследователя становятся понятными лишь с учетом характера полученных им заданий⁷. В свете всего комплекса архивных материалов приходится по-новому оценивать взгляды основателя русской индологии.

В английских публикациях прошлого века и в зарубежной историографии немало было написано о «русской угрозе» Британской Индии. Советские историки неоднократно объявляли такую угрозу пропагандистским мифом⁸, указывая на трудности похода в Индию, неподготовленность войск, отсутствие крупных социальных слоев, заинтересованных в подобной экспансии. Все эти аргументы кажутся вполне справедливыми — поход в Индию был бы чистой авантюрой, обреченной на провал. Вопрос лишь в том, могла ли русская военщина строить планы авантюры?

⁷ Ср.: «Я обдумывал и свой отчет, и вообще цели и результаты миссии» (Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 166, л. 62).

⁸ Россия и Индия. М., 1986, с. 132 и сл.

В дневниках И.П. Минаев постоянно возвращается к мысли о возможности войны между Англией и Россией или завоевания Индии. Он полагает, что вся английская политика в Индии строится «в чаянии открытой борьбы с Россией»⁹: с этим связаны и уступки туземцам, и строительство дорог, и захват Бирмы, и возвращение Синдии Гвалиорской крепости. Саму любезность бенгальцев к русскому он может интерпретировать как «внимание к будущим властителям, если не Индии, то стран сопредельных»¹⁰.

Результаты путешествий И.П. Минаева оживленно обсуждались в высших военных и политических кругах. После поездки 1880 г. он неоднократно встречался с генералами Л.Н. Соболевым (заведующим Азиатской частью Главного штаба и автором обширного исследования об англо-афганской войне) и Н. Н. Обручевым, занявшим вскоре пост начальника Главного штаба. В дневнике содержится, например, под 4 июля 1880 г. такая запись: «Сегодня я был у Обр. Я говорил ему с небольшими видоизменениями почти то же самое, что вчера сообщил Сбл. Он, как кажется, совершенно превратно понял значение моих известий. Обр. заговорил не более не менее, как о походе в Индию. Это меня несколько фрапировало. Я никогда не верил и не верю по сие время в возможность этого дела»¹¹.

На следующий день, 5 июля, И.П. Минаев встретился с самим военным министром — Д.А. Милютиным¹²: «Он расспрашивал меня о моем путешествии». Возможно, именно Д.А. Милютин предложил ученому составить подробную докладную записку. Последняя датирована 20 июля, а уже 5 августа министр направил ее «для ознакомления» начальнику Главного штаба Ф.Л. Гейдену и управляющему азиатским департаментом, товарищу министра иностранных дел Н.К. Гирсу¹³. Вероятно, с Д.А. Милютиным было найдено взаимопонимание, а

⁹ И.П. Минаев. Ук. соч. с. 101.

¹⁰ Архив Востоковедов. Ф. 39, оп. 1, д. 165, л. 45; ср.: И.П. Минаев. Ук. соч. с. 167.

¹¹ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 3, д. 32, л. 1.

¹² Там же, л. 2.

¹³ АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, д. 1694, л. 1.

призывы И.П. Минаева к осторожности в оценках политической ситуации в Индии должны были несколько остудить воинственный пыл «полоумных генералов»¹⁴.

В 1885 г. британские власти предложили русской делегации присутствовать на маневрах близ Дели. Поездка была использована для разведывательных целей. Вместе с офицерами князем Н. Одоевским-Масловым и А. Тимлером военное ведомство командировало и профессора И.П. Минаева. Перед путешествием, 8 ноября, он был представлен Государю императору. В личных дневниках отражаются чувства ученого после разговора с Александром III и общения с царедворцами: «Я чувствовал, что странен и смешон среди блестящих генералов. В чужом мундире, шляпе и даже в чужой шубе приехал я в Инженерный манеж»¹⁵. И еще больше обострились «тоска и сознание одиночества в мире»¹⁶.

Сразу же по возвращении в Санкт-Петербург, 8 мая 1886 г., И.П. Минаев направился с сообщением о результатах миссии к генералу Ф.А. Фельдману (управляющему делами канцелярии Военно-ученого комитета). По всей видимости, разговор с ним был натянутый, ибо мнения собеседников решительно не совпадали, («вообще, в его словах была какая-то сдержанность и желание что-то оправдать и что-то скрыть в то же время от меня»¹⁷). Через два дня он побывал у начальника Главного штаба Н.Н. Обручева и генерала П.А. Крыжановского¹⁸. О первом — отзыв в дневнике: «Несомненно, бубен (т.е. тунядец, прихлебатель — А.В.) — и это государственные люди...» И в том же тоне об обоих генералах: «Деятелям, собирающимся завоевывать Индию, следовало бы знать страну и людей лучше...» Далее последовал визит к И.А. Зиновьеву, директору Азиатского департамента министерства иностранных дел: «К моему сообщению о настроении индийского общества он отнесся как будто недоверчиво. Не хотят видеть —

¹⁴ И.П. Минаев, ук. соч. с. 158.

¹⁵ Архив Востоковедов. Ф. 39, оп. 1 д. 165, лл. 3–4; ср.: оп. 3, д. 35, л. 12 а.

¹⁶ Там же, оп. 1, д. 165, л. 11.

¹⁷ Там же, оп. 3, д. 32, лл. 9–10.

¹⁸ Там же, л. 14.

и слышать правды!»¹⁹ Тут же запись от 13 мая: «Штубендорф уверяет, что афганцы весьма дружелюбно настроены»²⁰ (очевидно, к русским — и на случай русского похода. — А.В.). Без видимого результата завершился визит к военному министру П.С. Ванновскому: «Он мало меня расспрашивал... и я никак не мог понять, верит ли он мне или же нет»²¹. Наконец, 30 мая в сопровождении своих спутников-офицеров И.П. Минаев был на аудиенции у Государя в Петергофе с отчетом о результате миссии.

Хорошо известно, что в 70–80-е годы некоторые офицеры и журналисты, ангажированные военным ведомством, активно публиковали статьи и книги, лейтмотивом которых была идея русского похода в Индию. Именно они всячески подчеркивали недовольство индийцев британским колониальным владычеством. Резкую отповедь «истинно-русским патриотам» И.П. Минаев дал когда-то в рецензии на книги М. Венюкова и А. Терентьева: «Оба они писатели военные, весьма смелые в своих выводах и предначертаниях; и тот, и другой нередко пишут и печатают рассуждения о том, что им не совсем ясно, а иногда даже вовсе неизвестно»²². Течение это было весьма влиятельно. Характерно, например, что упомянутый выше генерал Л. Н. Соболев в «Военном сборнике» за 1886–1888 гг. печатал обширные исторические материалы о «Походах в Индию». Подобные работы, конечно, преследовали не чисто академические цели. Судя по дневникам И.П. Минаева, планы индийской экспедиции разрабатывались генералами во главе с начальником Главного штаба, в обсуждении их принимал участие военный министр, об этом осведомлен был сам император.

Один из спутников И. П. Минаева в поездке 1885–1886 гг. А. Тимлер был ярким сторонником «военной партии». В дневниках ученого выражается весьма однозначная его оценка: «Т. — католик по религии, полуполяк по происхождению и

¹⁹ Там же, л. 16.

²⁰ Там же, л. 17. Генерал О.Э. Штубендорф — член Военно-ученого комитета.

²¹ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 166, л. 22 и сл.; ср. ф. 39, оп. 2, д. 29.

²² Северный вестник, №195 (12.11.1877).

бахвал по темпераменту»²³. «Некоторое шарлатанство необходимо всюду для успеха в жизни, но у нас это единственное, что необходимо для успеха, и ловкие люди это знают отлично»²⁴. «Т. — дурак и самоуверен»²⁵. «Дурак Т. и вел себя, как и следует, по-дурацки»²⁶. «В России, благодаря тому, что у нас все-таки очень мало знают Азию, очень легко морочить людей, и именно бахвалы по темпераменту могут иметь успех в деле морочения. Полагаться на их сведения в такую критическую минуту, как переживаемая в настоящее время, было бы политическим безумием»²⁷. «И в такое-то время, когда англичане положительно толкуют о войне с нами и тщательно готовятся к этой борьбе, мы послали сюда разведчиков. Дурак Т., изволите видеть, разузнает нам все!»²⁸ «Наши офицеры ничего важного не видели в Индии. Незнакомые с Индией, несколько не подготовленные и притом лишенные такта..., они попадали впросак..., сведений никаких они не собрали»²⁹. «Но дурак Т. непременно напишет отчет»³⁰.

А. Тимлер, действительно, написал подробный отчет, опубликованный в «Военном сборнике». После возвращения из Индии он представил военному министру свои соображения о ситуации в Индии и доказывал, что И.П. Минаев «не мог заметить того, что он узнал»³¹. Последний же делал все, чтобы воспрепятствовать военным авантюрам. Вспоминая свои беседы в Главном штабе, он записывал в дневнике: «Воззрение военных: обуздать англичан в Азии и достичь своего в Европе! Вот чего хотят! Когда поживешь некоторое время в России, начинаешь привыкать к глупостям и считаться с ними как с чем-то действительно осмысленным». «Эта вера в то, что в Индии нас ждут как освободителей, — просто непостижимая глупость!»³² В этом духе он составлял свой отчет, де-

²³ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 166, л. 44.

²⁴ Там же, л. 60.

²⁵ Там же, л. 51.

²⁶ Там же, л. 35.

²⁷ Там же, л. 47.

²⁸ Там же, л. 39.

²⁹ Там же, л. 44.

³⁰ Там же, л. 37.

³¹ Там же, оп. 3, д. 32, л. 21.

³² Там же, л. 19.

дал доклады высшим чинам военной и гражданской администрации России.

В дневниках И.П. Минаева нетрудно найти горькие и гневные оценки британского владычества в Индии. Они связаны, прежде всего, с его размышлениями о характере западной цивилизации, об исторических судьбах Востока, о самом понятии прогресса. Русскому ученому претило ограниченное самодовольство прогрессистов-западников, и он часто записывал одно и то же: «Старый порядок жизни уничтожен или готов исчезнуть. А новое? Лучше ли оно?»³³ «Запад и здесь победил. Но к лучшему ли?»³⁴ «Странную и непонятную повесть рассказывает история мировых судеб. Все ли к лучшему?»³⁵ С грустью ученый наблюдал, как приходит в упадок и грабится культурное наследие Востока, как рушатся те устои, на которых веками и тысячелетиями держалась жизнь азиатских народов. Британец приносит в Индию бытовые удобства и разнообразные «затеи цивилизации», в которых вовсе не нуждается восточный человек. Взамен же он уничтожает ту цельность мирозерцания, без которой не может чувствовать себя счастливым ни отдельный человек, ни весь народ³⁶.

По его мнению, «цивилизация означает на деле влательство капитала и все зло, что следует необходимо за этим властительством»³⁷. «Эта цивилизация без милосердия, без мягкости, хуже деспотизма»³⁸. Критерий подлинного прогресса для него — сам человек: «И лучше ли стали массы с тех пор, как они подпали под управление культурных иноземцев? Разбой и грабежи уничтожены. Жизнь и собственность находятся в безопасности. Все это, конечно, правда. Но лучше ли, честнее ли стали туземцы, и если даже предположить, что, конечно, совершенно невероятно, что ответ положительный, необходимо все-таки допустить как несомненно верное, что эти захваты, присоединения и т.д. вовсе не преследуют нрав-

³³ И.П.Минаев, ук. соч., с. 129.

³⁴ Там же, с. 149.

³⁵ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 164, л. 33 об.

³⁶ И.П. Минаев, ук. соч. С. 98, 108 и др.

³⁷ Там же, с. 183.

³⁸ Там же, с. 166.

ственных задач»³⁹. Влияние Запада имеет скорее разлагающий характер: «Современный европеец нерелигиозен, а потому на Востоке он радикал и революционер»⁴⁰. А «человек, у которого разрушена религия, совершенно перестает разуметь, почему ему следует быть нравственным»⁴¹. И — характерным образом — от подобных рассуждений мысль ученою обращается к России, ибо в ее теперешнем состоянии есть нечто общее с тем, что происходит в Индии⁴².

Анализ британского управления в Индии у И.П. Минаева постоянно сочетается с рассуждениями об азиатских владениях России. Ученый не раз отмечает деспотический характер власти англичан — все эти оценки вошли в опубликованный текст дневников. Но текст продолжается так: «Дай эти полномочия какому из наших генералов, Его Превосходительству Ивану Петровичу, чего-чего не натворили бы наши генералы-хозяева со свойственным им тактом и присущей им прозорливостью. Каких бы хозяйственных затей насмотрелся бы мир!»⁴³ И далее: «Ведь вот что любопытно — эта хозяйская система управления уживается с полнейшею свободой печати, с шумливыми митингами. И крикливые требования туземной печати, ее огульное осуждение всего, что исходит от правительства. Митинги и национальные конференции, на которых высказываются самые безумные вожеления, — и все это нисколько здесь не смущает. Но *harm* — говорит английский чиновник. Послушал бы я, что, глядя на все это, сказал бы наш губернский хозяин! Я уверен, наш генерал, какой-нибудь Иван Петрович, непременно во всех этих безобразиях обвинит Гладстона и ему подобных дураков и безумцев. Для Его Превосходительства это не вопрос: не даром он пожил на свете»⁴⁴. И, наконец: «Меня иногда занимает вопрос, лучше ли было бы

³⁹ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 165, л. 20; ср. И.П. Минаев, ук. соч. с. 98, 106.

⁴⁰ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 3, д. 35, л. 21 а.

⁴¹ Там же, оп. 1, д. 165, л. 56; ср. И.П. Минаев, ук. соч. с. 176.

⁴² Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 165, л. 51; ср.: И.П. Минаев, ук. соч. с. 113.

⁴³ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 166, л. 20.

⁴⁴ Там же, лл. 23–24.

индийцам, если бы мы были на месте англичан? Положительно хуже, у нас не было бы никакой системы и никаких принципов в управлении. Мы не сладили бы с туземцами. Ну да это вопрос праздный. В Индию мы никогда не попадем. Незачем нам сюда добираться»⁴⁵.

Мысли И.П. Минаева все снова и снова возвращаются к тому, что не сами по себе политические права и свободы обеспечивают подлинный прогресс и процветание — в конечном счете, все зависит от людей, их нравственных принципов: «Сэр А. в первый мой визит ему спросил, какое впечатление на меня произвела Индия и английское управление здесь? Этот вопрос англичане любят задавать иностранцам. И они вправе ожидать ответа приятного. Здесь между англичанами встречаешь хороших, честных людей более, нежели где-либо, и только благодаря этому может держаться эта странная индийская система управления, эта смесь свободы и деспотизма»⁴⁶. Эта мысль повторяется неоднократно: «Говорят, англо-индийская система управления есть образец деспотического управления. Это говорят сами англичане, но вот в чем вопрос, как она держится? Людьми, образцовыми людьми...»⁴⁷ «Англичане сильны людьми подобными Лоуренсу»⁴⁸. «И все это так тут делается, думалось мне, не оттого ли, что хозяин, обыкновенно, и не дурак, и не подлец. Да, русский читатель, мы многому можем научиться с тобою, приглядываясь к хозяйской системе управления в Индии. Все дело в людях, и коли их нет, никакая система не удастся в жизни на практике»⁴⁹.

Основная задача миссии И.П. Минаева заключалась, конечно, не в сборе стратегически важной информации. Ему было поручено выяснить настроения индийцев на случай войны между Англией и Россией. Военная кампания могла быть успешной лишь в случае широкой поддержки со сторо-

⁴⁵ Там же, л. 40.

⁴⁶ Там же, л. 25.

⁴⁷ Там же, д. 165, л. 97; ср. И.П. Минаев, ук. соч. с. 158.

⁴⁸ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 3 д. 35, л. 51. Джон Лоуренс — главный комиссар Панджаба, один из основных участников подавления сипайского восстания; вице-король в 1864–1869 гг.

⁴⁹ Там же, оп. I, д. 166, л. 49.

ны национально-освободительного движения в Британской Индии. В военных кругах существовало убеждение, что такая помощь России обеспечена. В этом духе составлялись обзоры англо-индийской прессы для военного ведомства⁵⁰. Интерес И.П. Минаева к общественным движениям в Индии имел вполне четкую направленность: можно ли в Индии найти союзников для России в будущей войне с Англией за азиатские колонии? Такая постановка вопроса была прямо продиктована военными. В набросках отчета И.П. Минаев писал: «Мы готовы броситься в поход на Индию освобождать из английского ига своих арийских и неарийских братьев там, искать себе там союзников и воистину не без наивности усматривать в элокубрациях бенгальских бабу какие-то благоприятные для себя симптомы»⁵¹.

В его дневниках эти проблемы ставятся следующим образом: «Англия уязвима только в Индии... В Индии, таким образом, ключ к разрешению наших русских трудностей; успешно действуя здесь, мы можем смирить Англию, нашу соперницу всюду... Я лично не разделяю этого воззрения на русскую миссию в Центральной Азии... Но это воззрение существует в очень влиятельных сферах, и им обуславливаются наши интересы в Индии...»⁵² «Но чего же мы хотим в Индии? — Завоевать Индию? Изгнать оттуда англичан? Или же произвести там замешательства, настолько сильные и серьезные, что под давлением их Англия должна будет пойти на сделки с нами и уступить... Первые две цели мне не представляются практичными. Военные специалисты расходятся во мнениях относительно возможности русского похода в Индию, но все, кажется, согласны, что поход на Индию будет стоить громадных затрат казне и почти что нечеловеческих усилий русскому народу, и никто еще, зная хоть сколько-нибудь, даже теоретически, Афганистан и Индию, не решался предсказывать успех русским завоевательным полчищам»⁵³. «Итак, если не

⁵⁰ Новый документ И.П. Минаева... с. 100; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6831, лл. 15–16.

⁵¹ Там же, оп. 1, д. 140, л. 27.

⁵² Там же, д. 166, л. 7.

⁵³ Там же, л. 9.

поход в Индию или изгнание оттуда англичан, то что же? Будем откровенны, в наших расчетах британские затруднения в Индии: ими, конечно, мы можем воспользоваться для достижения наших целей. Нам важно, поэтому, знать все, что творится здесь и каково настроение туземного общества во всякий данный момент. Если бы даже нам пришлось когда-либо двинуть к Индии войска, на успех мы можем рассчитывать, имея союзников здесь; всякая такая попытка будет безумием, если мы не заручимся таковыми в Индии. Но возможны ли они для нас в настоящий момент?»⁵⁴. Видимо возвращаясь мысленно к беседам в Главном штабе, И.П. Минаев еще по пути в Индию раздумывал: «Восстание в Индии? Но кто его может произвести? Мусульмане? Но каково нам будет при этом? — Наш Кавказ?»⁵⁵.

Конечно, особое внимание исследователя привлекала позиция интеллигенции, главным образом бенгальской. Именно в декабре 1885 г., когда И.П. Минаев прибыл в Бомбей, там проходила конференция, на которой оформился Индийский национальный конгресс. Русский ученый присутствовал на съезде⁵⁶. С некоторыми лидерами Конгресса он был знаком ранее (К. Теланг) или познакомился вскоре после съезда (В.Ч. Банерджи). И.П. Минаев пользовался всякой возможностью расспросить о Конгрессе как англичан, так и своих индийских коллег. На страницах дневников часто высказывалось и собственное отношение Минаева к бенгальским бабу, конгрессистам, индийской интеллигенции. Надо сказать, что обычно оно весьма критическое, даже язвительное: «Бенгальцы, эта изнеженная женоподобная раса бабу, занимается теперь изучением раджпутанской истории. Им нужно героев, они стараются подогреть в народе предания о старинных доблестях! Но, увы! Переводы из Тода⁵⁷ не создадут героев»⁵⁸. И.П. Ми-

⁵⁴ Там же, л. 10.

⁵⁵ Там же, д. 165, л. 12.

⁵⁶ Об этом он говорит в докладной записке. Но, как ни странно, данный факт не нашел отражения в дневниках.

⁵⁷ Имеется в виду книга, содержащая пересказы раджпутских героических сказаний: J. Tod, *Annales and Antiquities of Rajasthan*. Vol. I–II. L., 1829–1832.

⁵⁸ Архив Востоковедов, ф. 39, оп.1, д. 165, л. 57.

наев передает слова санскритолога Дживананда Видьясагара о первом председателе Конгресса С. Банерджи⁵⁹: «Бонаржи никто не считает представителем бенгальского народа. Его не считают даже брахманом». Аналогичная информация и от Махеша Чандра Ньяяратны⁶⁰: «Западное образование денационализировало бенгальцев. И именно эти люди являются теперь носителями новой национальной идеи... они, забывшие и родной язык, и родную старину и мечтающие о западных формах правления, о представительстве». Он то и дело отмечает: «У бенгальцев ничего нет оригинального»⁶¹. «И в Бирме скоро народится такая интеллигенция, как индийская. И к лучшему ли в этом лучшем из миров?»⁶² «Да к что это будут за люди? А если такие же, как калькуттские бабу?»⁶³

Русский индолог склонен думать, что политические требования индийской интеллигенции носят во многом искусственный характер и инспирируются английскими радикалами: «Индия сама никогда не освободится от гегемонии Англии. Самый сильный удар британской власти здесь нанесут британские же радикалы. По всем вопросам, раздражающим туземцев, они получают внушения из Лондона. Оттуда идут слова, повторяемые на различные лады затем в Индии. Радикалы растолковали туземцам, чего им ждать от новых выборов. Они же объяснили, почему бюджет военный так тяжел для Индии и чем грозит индусу присоединение Бирмы. Против этой разрушительной силы британское правительстве беспомощно. Оно может, конечно, пока бороться с нею. Превосходство все-таки пока на стороне правительства. Но всегда ли так будет?»⁶⁴ «В Индии, действительно, есть слабое меньшинство, воспитанное на английских политических идеях, научившееся с буквальной точностью повторять афоризмы, взятые из английских книжек, — и это меньшинство толкует уже о прогрессе»⁶⁵. И еще резче: «Во главе управления стоит хозяин,

⁵⁹ И.П.Минаев, ук. соч. с. 170.

⁶⁰ Там же, с. 113.

⁶¹ Архив Востоковедов, ф. 39, оп.1, д. 165, л. 50.

⁶² И.П.Минаев, ук. соч. с. 119.

⁶³ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 165, л. 155; ср. И.П. Минаев, ук. соч. с. 129.

⁶⁴ Архив Востоковедов, ф. 39, оп.1, д. 140, л. 30.

⁶⁵ И.П.Минаев, ук. соч. с. 98.

а у него под боком сидит радикал и учит слабоумных интеллигентов добиваться прав, которых они не заслужили и не стоят! Либеральное движение, да это движение подражательное по британским образцам. Бенгальцы не умеют даже либеральничать, их учат этому англичане! И великое счастье англичан, что во главе этого либерального, интеллигентного движения стоит бенгалец — интеллектуальное ничтожество»⁶⁶.

Ученый должен был решить общий вопрос, поставленный перед ним правительством: в какой мере Россия может рассчитывать на помощь индийцев в борьбе с Англией? И он отвечает на него решительно и категорически отрицательно: «На [индийскую] интеллигенцию России в этой борьбе нечего рассчитывать»⁶⁷.

«Вчера и сегодня оба моих спутника мне рассказывали о выражениях сочувствия к ним туземцев во время путешествия»⁶⁸. «Толкуют о сочувствии России, принимая за чистую монету те любезности, на которые так щедры туземцы, особенно когда Вы импонируете им своею щедростью и своим богатством. Но этого положительно нет там, откуда исходит теперь беспокойное движение. На митинге около Жессора среди знамен было одно с надписью: "Погибель России". Изображение медведя, то есть, по толкованию туземцев, "России", изорвали в клочки. Это ли сочувствие России?»⁶⁹. «Туземцы, те, которые стоят во главе движения, будут против нас: они не захотят менять властителя и найдут, что им выгоднее добиться от старого хозяина несколько важных уступок — и старый хозяин пойдет на это ввиду своих серьезных затруднений»⁷⁰. «Недовольство в Индии! — Да, оно есть. Недовольные совершенно ясно формулировали последнее время свои желания. И это случилось на глазах британских властей, во всеуслышание. И что же, бунта и возмущения все-таки нет, и эти недовольные не ваши союзники в случае столкновения с Великой Британией»⁷¹.

⁶⁶ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 165, лл. 80–81.

⁶⁷ Там же, оп. 1, д. 165, л. 64.

⁶⁸ Там же, д. 166, л. 43.

⁶⁹ Там же, л. 38.

⁷⁰ Там же, д. 165, л. 72.

⁷¹ Там же, д. 166, лл. 47–48.

И.П. Минаев отмечает особую роль русской революционной прессы: «Степняк и князь Кропоткин в настоящее время самые популярные писатели о России»⁷². «Мнение туземцев так наз. educated формируется под влиянием английской прессы, на помощь которой в Индии выступила наша отечественная, революционная. “Кропоткин” и “Степняк” печатают свои злокубации в руководящих газетах и журналах. Этот вздор перепечатывается в англо-индийских листках, откуда идет в туземные. Эти сообщения злостно комментируются и выдаются за откровенное мнение самих русских о себе. Русская революционная печать была одним из факторов, изменивших туземное мнение, повернувших его в сторону, враждебную нам. Со стороны Англии не нужно было особой прозорливости, чтобы понять, какую пользу они могут извлечь из подпольной русской литературы: но злость или ложь, преувеличенность сообщений им кажутся недостаточными. Англо-индийская пресса преподносит индийским читателям эти сообщения с едкой приправой, в сопровождении тенденциозных комментариев»⁷³.

В черновиках отчета вывод об отношении индийской интеллигенции к России формулируется следующим образом: «Образованная часть туземного общества с их политическими вожделениями и знающая Россию по английским газетам, действительно, с ужасом помышляет о возможном русском нашествии... Они не любят британского владычества, но страшатся и быстрой перемены, и Россия для них является пугалом, говоря о ней, они повторяют то, что вычитали из британских русофобских книжек или что слышали о России от англичан в Индии»⁷⁴.

И.П. Минаев подчеркивает, что в Индии (очевидно, так же, как и в России) между интеллигенцией и народом — пропасть. Последнему совершенно чужды западные политические идеалы. При всех видимых, поверхностных переменах Восток еще остается прежним, и массы продолжают жить своею, совершенно особенной жизнью. Во время путешеств-

⁷² Там же, л. 105.

⁷³ Там же, лл. 54–55.

⁷⁴ Там же, д. 140, л. 1.

вия 1885–1886 гг. ученый внимательно следил за движением касты талавиев в Броче под руководством некоего Лакха. События подробно освещены в черновых набросках отчета: «Ночной деревенский сторож по профессии — Лакха, вождь востания, стал гуру, а затем и святым как-то вдруг, что, впрочем, нисколько не удивительно. Он, как свидетельствуют показания, стал размышлять о религиозных предметах и прославился среди своей касты. На десятки миль вокруг талавия считали его за святого. Натха сделал его бхагатом⁷⁵. У него явились поклонники с приношениями. Бывший сторож оставил свою должность, она сделалась ненужной в материальном отношении. Честолюбие или какие другие мотивы подвинули его на дело важное. Он созвал свою паству и объявил, что идет в Броач [Броч], хочет править страной, — и за ним пошли. Как привлек он сообщников в таком деле, остается тайной; но они нашлись, и в Броач он явился с целой толпой последователей. В Броаче Лакха сначала вел себя тихо. О радже [т.е. власти] только помышлял, но мер никаких не предпринимал. Лакха совершал некоторые религиозные обряды и имел случай видаться с Натха — более уважаемым бхагатом. Натха, однако же, как кажется, не разделял его убеждения в том, что британский радж легко уничтожить. Святые расстались друзьями. Затем, через несколько месяцев, святой сделал первую попытку выступить публично. Случилось это во время празднования Дивали. Лакха поднял, вернее, водрузил, знамя перед госпиталем и с рядом драматических приемов объявил, что он желает властвовать. Несколько полицейских разогнали толпу. Полное фиаско первой попытки не остановило от дальнейших действий. Лакха объявил своим приверженцам, что сыны великих победителей пробудились от сна»⁷⁶. «Без сомнения, попытка была сумасшедшая: ничтожные числом, всеми презираемые, талавия, конечно, не могли привлечь на свою сторону никого извне. С какою наивностью свидетели показывали, что Лакха объявил им свое желание отнять власть у британцев. Их было всего с тысячу человек с ним вначале. Затем, после свидания с Натхом, число их уменьшилось до

⁷⁵ Наставником, религиозным учителем.

⁷⁶ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 140, л. 20.

двухсот. Ис такую-то свитою он водрузил знамя и объявил своим последователям: «Это знамя нашего объединения». Вождь проколол себе пальцы и кровью отметил место. Разогнанные полицейскими, талавия разошлись по своим деревням. Манифест Лакхи был написан на шкуре. В нем было сказано только, что пять Пандавов и коти лакх⁷⁷ воинов пробудились ото сна. Куски этой кожи рассылали по почте в Ахмедабад, Сурат и т.д. Бунт был произведен человеками 75, в их числе были бхиллы... Причина восстания, очевидно, была экономическая — недовольство талавиев из здешних колонистов, которые ожидали, что правительство сделает что-либо для них, — вот те условия, которыми сумел воспользоваться ловкий плут. Но любопытно, какой характер чисто индийский приняло движение. В показаниях свидетелей раскрываются черты архаической жизни. Точно читаешь какие-нибудь легендарные сказания о каком-нибудь стародавнем гуру»⁷⁸.

И.П. Минаев нередко отмечал, что индийская интеллигенция легко найдет общий язык с англичанами, если те согласятся на уступки. Но это вовсе не значит, что он возлагал надежды на какое-то широкое демократическое движение. Возмущения низов на Востоке приобретают совершенно средневековые формы: «Образованные требуют парламента, а Лакха, божий посланник, из лука стреляет в британского полицейского»⁷⁹. И «совестно помыслить, что наши союзники — каналы вроде талавиев и т.п.» Отсюда и вывод о бесперспективности расчетов на антианглийское движение⁸⁰: «В России существует мнение, что не только наш поход на Индию, но даже всякая военная демонстрация в эту сторону влечет за собою серьезные затруднения для Англии, и этим обусловилось, как кажется, наше безуспешное движение к Герату. Говорю безуспешное, потому что, во-первых, мы должны были остановиться у Кушки и, во-вторых, перешли слишком рано от слов к делу и слишком рано показали наши карты противнику. Серьезных за-

⁷⁷ Пандавы — герои «Махабхараты», коти — 10 миллионов, лакх — 100 тысяч, то есть необозримое множество.

⁷⁸ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 1, д. 140, л. 19.

⁷⁹ Там же, д. 164, л. 2.

⁸⁰ Там же, д. 165, л. 64.

труднений мы ему не причинили, разве только вовлекли в расходы, но, обнаружив перед ним свои намерения, мы заставили его готовиться к борьбе с нами... Этот заманчивый расчет на то, что в самой Индии у нас найдутся союзники, пока должен быть оставлен... Если они и могут быть, то не теперь; нужно выждать время и сильно наблюдать за Индией»⁸¹.

В данном контексте и следует рассматривать призыв И.П. Минаева к самому основательному изучению современного Востока. В своей программной речи 1883 г. он говорил о том, что государственные интересы России требуют особого внимания к анализу событий, происходящих в Азии. Пока «в очень влиятельных кругах» России вынашивались планы военных авантюр и замыслы похода в Индию, так и не смогли найти средств хотя бы на преподавание в университете живых индийских языков.

В дневниках настойчиво повторяется мысль о том, что «необходимо иметь постоянных сведущих агентов в разных местах обширной страны»⁸². «Очень важно, конечно, иметь военного агента в Индии»⁸³. «При теперешнем настроении англо-индийского общества положение его не будет из завидных здесь. Его будут тайно чуждаться туземцы, и британцы станут выражать ему недоверие. Необходимо выбрать человека с большим тактом и знающего страну»⁸⁴. Об этом он писал в официальном письме начальнику Главного штаба Н. Обручеву⁸⁵: «Мне казалось, было бы в высшей степени важно иметь не только в Индии, но повсюду в Азии, где наши интересы сталкиваются с британскими, неофициальных агентов, людей честных, толковых и преданных служению России; при содействии таких слуг отечеству дело официального агента может быть успешно выполнено». Он предлагал свои услуги и незадолго до смерти готовился выехать в Бомбей сроком на четыре года. На сей раз Минаев хотел совершить путешествие в Индию через Афганистан. Самый план, видимо, созрел

⁸¹ Там же, д. 140, л. 24.

⁸² Там же, л. 10.

⁸³ Там же, д. 166, л. 63.

⁸⁴ Там же, лл. 10–11.

⁸⁵ ЦГБИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 49, лл. 75–76.

давно — в этой связи, видимо, и появилась запись в дневнике (1886)⁸⁶: «Государь спрашивает, пустят ли англичане через Афганистан». Противоречивы были мотивы, побуждавшие его к этому шагу — тоска по Индии, стремление работать среди старинных рукописей и памятников, желание выполнить гражданский долг. Но было, кажется, и иное — положение в отечестве представлялось все более безотрадным: «Отчизна! Возвращение на родину мне вовсе не улыбается»⁸⁷. «Кругом есть от чего придти в отчаяние»⁸⁸. Он остро переживал как реакционные меры правительства, так и «мерзость»⁸⁹ революционного террора. Длительная командировка на Восток могла стать неким бегством от суровой реальности и мрачных предчувствий.

---

⁸⁶ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 3, д. 32, лл. 25–26; ср.: оп. 1, д. 17, л. 74; оп. 4, д. 24, л. 12.

⁸⁷ И.П. Минаев, ук. соч. с. 174.

⁸⁸ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 3, д. 37, л. 9.

⁸⁹ Там же, лл. 12–14.

Приложение 6

ЗАПИСКА ПРОФЕССОРА СПБ УНИВЕРСИТЕТА СТАТСКОГО СОВЕТНИКА МИНАЕВА¹

Индия, откуда мы все-таки пока еще очень далеки, «Индия богатая» наших старинных былин, о которой помышляли Московские цари, и куда Петр Великий снаряжал посланцев,

Записка
Профессора СПБ
Университета
Статского Со-
ветника Минаева.

Индия, откуда мы все-таки пока очень далеки, «Индия богатая» наших старинных былин, о которой помышляли Московские Цари, и куда Петр Великий снаряжал посланцев, далекая и сказочная страна, где русские люди помышляют только, куда они ничего не возьмут и откуда ничего не вывезут, Индия, оставаясь по настоящее время малоизвестною русскому обществу, нередко воздвигается на себя как великий, таинственный, и во всем политическом и сферическом отношении интерес политического характера. — Как скоро во Европе наши исследования стремительнее почему либо приходят в столкновение с английскими намерениями и возжеланиями, русское общество обращает свои взоры на Индию; во минуту долгой или короткой критической, во моменты военного законного раздражения против Великой Британии, русской удри и монополия представляется делом возможным и осуществимым даже походы на Индию, или же русский патристический

¹ Впервые опубликовано в журнале «Восток», 1993, №3, с. 118–124, см. также «Русско-индийские отношения в XIX в.». М., 1997, с. 191–201.

далекая и сказочная страна, где русские люди появляются изредка, куда они ничего не везут и откуда непосредственно ничего не получают, Индия, оставаясь по настоящее время малоизвестною русскому обществу, нередко возбуждает к себе как в нем, так, смею думать, и в правительственных сферах особый интерес политического характера. Как скоро в Европе наши исторические стремления почему-либо приходят в столкновение с английскими намерениями и вожделениями, русское общество обращает свои взоры на Индию; в минуты более или менее критические, в момент вполне законного раздражения против Великой Британии, русской удали и молодечеству представляется делом возможным и осуществимым даже поход на Индию, или же русский патриотизм возлагает надежды на военную демонстрацию в сторону Индии и уповает, что вследствие такого образа действия оттуда, из Индии, последует законное удовлетворение уязвленному народному самолюбию, всякая помеха со стороны Англии будет устранена и русские вековые задачи наконец-то разрешатся так, как того желает народный гений. Это идеальное, теоретическое воззрение на Индию явилось не вчера, а существует уже давно. Посольство генерала Столетова в Кабул и предшествующее движение войск в Туркестанском крае² заставляют меня думать, что последнее воззрение, по крайней мере, отчасти, разделяется вместе с обществом и правительством. Несомненно, оно известно британским правящим сферам: и в эпоху борьбы с Дост-Маххомедом³, и позднее, по усмирении мятежа сипаев, во время следствия, британские власти и судьи усиленно искали следов и признаков русских интриг и происков. Англия, зная интенсивность и причины недовольства туземного населения в Индии, необходимо должна также созна-

---

² Речь идет о событиях 1878–1879 гг. См. «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. Составитель, автор предисловия и примечаний Т.Н. Загородникова. М., 2005.

³ Дост Мухаммад-хан – афганский эмир, воевавший с англичанами в 1838–1842 гг. Предлогом для развязывания войны послужил, в частности, приезд в Кабул русского агента, поручика И.В. Виткевича.

вать, что в Индии она всего легче уязвима, поэтому совершенно естественно здесь всего более она опасается враждебных действий со стороны России, точно так, как в последнее время Британия опасалась усиления Франции на восточном Индийском полуострове, — и постаралась положить предел (по крайней мере, на время) этому враждебному ее интересам усилению⁴.

Несомненно, к русской выгоде послужит, если раз будет сознано ясно, на основании каких фактов строятся наши предположения о возможности воздействия на Англию через посредство Индии. Действительно ли в данный момент эти воззрения могут иметь значение в практической деятельности, или же они не более как проявления идеального, народного сентиментальничания, а потому должны быть, по крайней мере, на время, совершенно устранены как факт и основы, непригодные для различных международных выкладок и расчетов.

Немногие русские путешественники, побывавшие в Индии, привозят оттуда рассказы о какой-то необъяснимой любви индусов к России, русским и т.д. Я сам могу подтвердить, что во все три мои путешествия по Индии я встречал много любезностей и видел много радушия, и не только от индийских пандитов и простого народа, но я не могу по чистой совести достаточно отблагодарить правителей низама⁵ и Непала за их содействия мне и вообще за их гостеприимный прием. Даже в последнее путешествие, в Калькутте, в центре агитации, несочувственной России, мне приходилось слышать «Вы, русские, наши будущие владетели».

Известно также, что в части туземного населения живо старинное предание о том, что с севера должен явиться освободитель Индии. Оттуда, из-за высоких гор, должны придти победоносные полчища; они сокрушат иноземную власть и освободят покоренные и угнетенные индийские племена. Предание это сложилось в Индии еще в эпоху мусульманского владычества, и в эпоху борьбы англичан с сикхами народ

---

⁴ Речь идет о событиях Бирманской войны (конец 1885 г.).

⁵ Низам — собственно титул правителя Хайдарабада, В позапрошлом веке так нередко называли и само княжество.

пенжабский в русских видел освободителей и от Белого царя он чаял себе освобождения.

Но тот, кто захотел бы на основании всех этих фактов составлять себе представление о современном настроении индийского общества вообще и в частности руководящих личностей — тот пришел бы к совершенно неверным выводам.

Я был в Индии в 1879–80 гг. и застал конец правления лорда Литтона; в качестве простого путешественника я странствовал по Индии в эпоху второй афганской войны и разных мероприятий, раздражавших одинаково и туземцев образованных, так называемую местную интеллигенцию, и народные массы. Первые громко роптали на *Press-act*⁶, действию которого подпала туземная пресса на языках местных, вторых возмущал *Arm's act*⁷. Расходы по афганской экспедиции выросли до 15 мил. ф. стерл., и расплачиваться по счету приходилось, по решению руководителей имперской политики, Индии. Недовольство было общее, среди всех нигтеров. Ропот на правительство слышался всюду. Всякий случайный разговор с туземцем, старовером или новообразованным, необходимо заканчивался рассуждениями об афганском вопросе, ядовитыми и раздраженными замечаниями по адресу правителей. Лорд Литтон пользовался общею нелюбовью среди туземного населения: туземцы не говорили о нем иначе как с великим раздражением. Глухой ропот, пассивное недовольство слышались всюду. Недовольство было общее, но какое-то пассивное; роптали, но от слов к делу не думали переходить. Так было в туземном обществе, среди англичан, в особенности же в военных кружках, царило раздражение против России. Трудно пересказать, в чем только не винили Россию!

С тех пор прошло пять лет. Бесспорно ничтожное время в исторической жизни народа, и, конечно, индусы не изменились в эти пять лет, не перестали не любить англичан и не забыли своих чаяний лучшей поры, но в этот промежуток случились два знаменательных события: а) пятилетнее правление маркиза Рипона⁸ и б) расширение русских границ по направлению к Герату.

⁶ Закон о предварительной цензуре туземной печати (1878).

⁷ Запрет индийцам носить огнестрельное оружие (1879).

⁸ Вице-король Индии в 1880–1884 гг.

Следя постоянно, насколько это возможно в С-Петербурге, за современную литературу, я был несколько удивлен тому, что во все продолжение прошлого года, и в особенности во время англо-русских пререканий по вопросу об афганской границе, индо-британское население и независимые владельцы высказывали необычайную лояльность по отношению к британскому правительству, даже оппозиционная туземная пресса, несмотря на полную свободу слова, настроена была весьма благоприятно для англичан. Индусы, явившиеся в Лондон для соискания парламентских мест, обращаясь к своим избирателям, высказывали громко свою лояльность и поставляли также на вид ярко выступившие наружу верноподданнические чувства индийского населения. Когда потом в Индии я расспрашивал туземцев, в правдивости которых я не имею никакого основания сомневаться, об этом взрыве необычайной лояльности среди туземного населения, все мне подтвердили самый факт: туземные владельцы предлагали для борьбы с Россией свои войска, вожаки общественного мнения среди туземного общества требовали образования полков из добровольцев... Весь этот люд стремился неудержимо к схватке с северным богатырем, индусы громко говорили, что готовы ополчиться на Русь... Более откровенные из туземцев не скрывали, однако ж, и изнанки всего дела, поясняя настоящие мотивы, в силу которых и низам, и гвалиорский ража высказали столько преданности к британскому правительству. Туземные владельцы, действительно, по собственному почину предлагали свои войска британскому правительству. Они были уверены, что их за это поблагодарят, но услуг от них не примут; они знали, кроме того, что в официальной Индии существует мнение о необходимости распустить войска независимых владельцев, предугадывая опасности для своих полчищ в случае вооруженного столкновения Англии с Россиею, им оставалось одно средство спасти свои войска от уничтожения — это предложить их на службу британскому правительству... Более искренно было действие вожаков общественного мнения: образованная часть с ее возжеланиями политических прав, знающая Россию по английским газетам и писаниям русских нигилистов (Крапоткина, Степняка и т.д.), должна была относиться недружелюбно к русскому движению на Индию. Эти вожаки и говоруны не любят и не выносят британского влас-

тительства, они боятся, однако ж, быстрой перемены и пока не хотят ее; России они не знают; она им представляется именно такою, какою она изображается в английских русофобских книжках. Многие из них, кроме того, поняли, что настал момент, когда, выставляя на вид свою лояльность, чуждаясь и отрекшаяся от всяких симпатий к России, они могут добиться большей доверенности со стороны правительства, а вместе с тем и большего участия в администрации. Пока они не ошиблись в своих расчетах и поныне продолжают тот же образ действий: они вступили на путь лояльной агитации в союзе с английскими радикалами и не скупятся на выходки, враждебные России. Около Жессора в половине марта настоящего года состоялся громадный митинг: говорились речи оппозиционные по содержанию, но лояльные по тону, постановлены были очень умеренные резолюции. На этом митинге, созванном по поводу вопроса частного и к которому Россия не имеет никакого отношения, агитаторы с усердием, достойным лучшего дела, постарались выказать свою несолидарность с Россиею и даже как будто ненависть: в процессии несли знамена с надписью «погибель России»; по окончании собрания бумажное изображение медведя было изорвано в клочки. Мальчишеские выходки не только смешны; они не есть что-либо единичное в общественной жизни Индии и должны быть оценены по достоинству, как проявление целой системы действий.

Маркиз Рипон в годы своего правления не привел в исполнение, не довел до конца ни одной из задуманных им реформ. Даже знаменитый Ильбертовский билль⁹ прошел в искаженном и кастрированном виде и нисколько не удовлетворил туземных вожakov: тем не менее, бывший вице-король пользуется громадною популярностью среди туземного населения и его вожаки очень хорошо понимают, в чем великая заслуга маркиза Рипона. Он дал толчок, говорят они, и последовало движение, никакими силами неудержимое... Вопреки и наперекор туземным желаниям Бирма присоединена. Тзибау¹⁰ в плену, не следует, однако же, думать, утешают себя туземцы,

⁹ Билль К. Илберта (1883) предусматривал подсудность европейцев обычным судам, где судьями и присяжными могли быть индийцы.

¹⁰ Тибо — последний король Бирмы (1878–1885).

что этим начинается период новых захватов, отяготительных и обидных для туземного самолюбия; в тот же год правительство великодушно возвратило в руки настоящего владельца Майсор, Синдиа опять владеет своею крепостью [Гвалиором], и даже, хотя Ильбертовский билль и был кастрирован, в самой Калькутте ниггер функционирует в звании Chief Justice of the High Court. И это не заря ли новой лучшей эпохи?! Не выгоден ли нам, рассуждают ниггеры — братья этого великого судьи, союз с либералами и радикалами? Мы победим, добьемся очень многого не внутренними волнениями, а агитацией в самой Англии; а для этого же нам необходим союз, конечно, не с Россией, а с английскими радикалами.

И союз между ниггерами Индии и радикалами Великой Британии состоялся. По всем вопросам, в которых заинтересованы туземные прогрессисты в Индии, они получают внушения и указания из Лондона. Оттуда идет слово, разносимое затем по всей Индии. Радикалы растолковали туземцам, чего им нужно было ждать от новых выборов; они же им пояснили, почему военный бюджет так тяжел для Индии, где корень зла... Британский радикал остается англичанином и никогда не делается космополитом.

Самым ярким проявлением этого союза индийских прогрессистов с английскими радикалами был собор в Бомбее в декабре прошлого года. Я был на этом конклаве и слышал большинство речей; в них проектировались самые смелые реформы; и все эти люди, съехавшиеся со всех концов Индии: из Лахора, Лакнау, Агры, Аллахабада, из Мадраса, Синда, Бенареса, индусы всех толков и мусульмане, — называли себя *loyal and consistent well-wishers of the British Government*. Тут были люди разных профессий, представители прессы и чиновники (туземцы) британской службы, собрался, словом, цвет индийской интеллигенции.

И кто же был невидимым, но заведомым организатором индийских *etats generaux*¹¹? Hume¹² — англичанин и бывший член совета вице-короля.

¹¹ Генеральных штатов.

¹² А.О. Юм (1829–1912) — крупный чиновник британской колониальной администрации, ставший после выхода на пенсию вдохновителем Индийского национального конгресса и первым генеральным секретарем этой организации.

Этот собор был не простою потехою, минутною говорильнею без всяких последствий: непосредственно за ним последовало назначение парламентского следствия.

Правда, массы остаются пока в стороне от этой конституционной агитации. Их сзывают, когда нужна декорация — и они послушно являются. Толпа по-прежнему, конечно, очень чутка к тому, как ею управляют, но давно она уже не задумывается о том, в чьих именно руках находятся бразды правления; своих старых царей индийцы начинают мало-помалу забывать. Воинственный дух, даже физическая сила начинают исчезать у тех племен, которые еще недавно славились тем и другим. Туземцы, исходившие и изъездившие всю Индию, люди правдивые и вовсе не пристрастные к англичанам, передавали мне как свое глубокое убеждение, что в Индии остались одни трусы. Ни в одном туземном владении англичане не встретят серьезного сопротивления, если бы вздумали захватить его.

«Прикрикнет хорошенько англичанин, — говорил мне уроженец Гайдерабада, — и весь этот сброд, что называется армией низама, побежит!». Храбры в Индии только непальцы, и из них англичане вербуют свои лучшие полки. Но Непал не представляет такой силы, с которой можно было бы серьезно считаться.

Образованные из туземцев начинают ясно сознавать это печальное обстоятельство. Они добиваются у правительства позволения создать из туземцев полки добровольцев. Стремление поднять воинственный дух в массах сказывается и в литературе. Никогда прежде в Индии не издавалось столько народных книжек о махратских и ражпутанских героях, как теперь. История сипайского восстания пересказывается на бенгальском языке, и мятежники изображаются какими-то эпическими героями.

Интеллигентное меньшинство знает, что оно представляет некоторую силу. К его голосу прислушиваются массы. Газеты читаются не только в больших городах, но и по деревням. Они сильно расходятся, имея незначительное число подписчиков. На листок подписываются очень немногие, но читают его массы. В захолустьях, по деревням народ под вечер собирается у храма или священного дерева слушать чтение газеты

и внемлет он элокубрациям бенгальских бабү¹³ с тем же благоговением, с каким в былые дни умилялся над песнопениями Махабхараты и Рамаяны. Под влиянием этой прессы растет новое поколение... Калькутта с своими бабү для Индии начинает иметь то же значение, как Париж для Франции. Эти бабү сделались руководителями народа; их слушаются от Читтагонга до Пешауэра, они являются в Пенжабе и в Мандалае; они и в мадрасском президентстве и в махратском крае; читают лекции, произносят проповеди, и местное население почти всегда делает им шумные овации. И притом замечательно, что в последнее время между образованными туземцами стало преобладать единство в политических воззрениях; у них те же идеалы, одинаковые стремления и те же средства.

Я останавливался только на таких явлениях, которые, по моему крайнему убеждению, не могут рассматриваться как исключительно принадлежащие одной какой-либо части Индии, а потому в известном смысле должны служить данными для характеристики настроения Индии в настоящее время. Как долго это настроение или это направление умов у руководящих будет продолжаться? — Этого, конечно, я не знаю. Но теперешнее настроение туземного населения — факт первостепенной важности в политических расчетах дня, и оно будет немаловажным фактором в грядущих судьбах Азии. При общераспространенном убеждении в том, что англичане нелюбимы в Индии, весьма часто конечный результат возможного столкновения России с Англиею рисуется в привлекательном для нашего народного самолюбия свете: мы не прочь верить, что население Индии нас встретит как освободителей, что оно поднимется на своих притеснителей, как только услышит, что англичане где-либо нами разбиты..., а туземцы Индии, между тем, толкуют теперь: «Борьба между ретроградными, темными силами России и прогрессивными — Британии неминуема в ближайшем будущем, и все наши симпатии на стороне представителей прогресса».

Положим, это толкуют бабү; но их слушает вся Индия, и за вожаками идут массы, весьма часто не понимая ни их идеа-

¹³ Слово обычно обозначало индийца, получившего образование европейского типа.

лов, ни их стремлений. Так было всюду и будет в Индии. Убеждение в неминуемости столкновения с Россией общераспространено в Индии: этого ждут и туземцы, и англичане, в особенности военные. «Было бы величайшим безумием, — говорил вице-король 1-го января нынешнего года, — не сознавать перемен, происшедших в положении Индии с тех пор, как один Афганистан отделяет ее от величайшей в мире военной державы». Британские власти в Индии готовятся к борьбе; ничто не делается там, ни одно мероприятие не начинается безотносительно к гордиеву узлу англо-русского вопроса: усиливается армия, придумываются проекты раздела Афганистана, тревожно ищут союзников и в Китае, и чуть ли не в Тибете, а главное — стремятся умиротворить туземцев.

Британское правительство в Индии, располагая большими сравнительно с русскими финансовыми средствами, имея перед собою теперь туземное население, умиротворенное большими посулами и малыми уступками, и враждебно против России состроенную богатую английскую меркантильную общину, представляет такую силу, которая легко может и в Средней Азии, как недавно на восточном индийском полуострове, перейти от самозащиты к агрессивному образу действия. Проекты лорда Литтона, было время, казались заносчивыми бравадами, но в Индии с ними и теперь согласно большинство той части английского общества, которое всегда готово искать новых рынков для сбыта отечественных мануфактур. И этого не следует упускать из виду. Индию следует знать. Борьба в грядущем, она наступит не сегодня и не завтра, но к ней следует готовиться...

Таким мне представлялось настроение Индии во время моего последнего пребывания там, и этим фактам я, по чистой совести и глубокому убеждению, придаю особое значение. Но для правильной оценки сообщенных наблюдений необходимо иметь в виду также, что в такой обширной стране, как Индия, быстро развивающейся под влиянием заносной западной цивилизации, об общественном мнении или о мнении страны не может быть и речи: общественное мнение там — это мнения и вожеления говорунов, правда, руководящих там пока личностей, но выдвинутых на вид, получивших действительно силу и влияние не потому, чтобы они были

«соль земли», а в силу того, что все эти интеллигенты, бабу, рассеянные по всей Индии, — плоть от плоти западных властителей, взращены и взлелеяны пришлыми культуристерами... Массы живут все-таки совершенно особенною, своею жизнью... Около того же самого Бомбея, на линии железной дороги в большом торговом городе Броч случилось — почти одновременно с вышеупомянутым съездом туземных вожаков — событие совершенно другого характера. За несколько дней перед тем, как умные люди со всей Индии по наущению англичанина-радикала собрались толковать о том, как получше устроить парламент в Индии, в Броче некто Лакха — посланник от Бога, от великого творца и вседержителя, — задумал не более не менее, как низвергнуть «энг्रेसи раж», то есть британскую власть, и основать свое собственное царство... Дикая и глупая затея закончилась, как и следовало ожидать, тем, что и индийского параклета, и уверовавших в него перехватили и судили. Суд отнесся к ним немилосердно: из шестидесяти осужденных трое были повешены, остальные сосланы на каторгу. Событие в Броче не произвело большого впечатления ни на англичан, ни на туземцев, но следствие по этому делу раскрыло ряд фактов, в высшей степени важных для характеристики Индии. Исповедь вожака, показания замешанных в восстании переносят в какой-то архаический, эпический мир: перед вами выступает толпа наивно верующих людей, поразите ее фантазию какою-нибудь грандиозною небылицею, она уверует в вас и пойдет за вами. Сегодня она готова, следуя за своими вожаками, идти на сборище, требовать себе представительства, терзать в клочки бумажного белого медведя, но завтра возобладает Лакха или другой ему подобный чудотворец, непосредственно от самого Бога получивший откровение и приказания, и та же толпа, чего доброго, будет чаять спасения от пророческого вождя и с упованием обратит свои взоры за Гималаи, туда, откуда, по древним сказаниям, должен явиться освободитель... Англичане очень хорошо знают это именно свойство индийских племен и каст, оно для них, для их власти, гораздо опаснее, нежели та новая лояльная оппозиция, о которой упоминалось выше. Прислушиваясь к элокубрациям образованных туземцев, британские власти пока говорят: No harm. — И действительно, британская

власть пока может быть совершенно спокойна относительно этого движения: юную Индию учат Юм в Индии и Брайт в Англии, но тот и другой, да и все радикалы, все-таки англичане!

Но, могут возразить, в Индии есть сорок миллионов мусульманского населения: западное образование его коснулось только слегка, новый порядок отнял у него прежнее значение, мусульманская аристократия осталась не у дел, и она постоянно заподозрена, по крайней мере, некоторою частью британской администрации в каких-то комплотах — вот кто наши союзники в Индии! Мне всегда казалось несколько непонятным, как это индийские мусульмане явятся на нашей стороне в минуту трудную, зная очень хорошо, что Россия — старинный и заклятый враг Рума¹⁴. Затем я спрашивал себя, кого нужно разуместь под этим многомиллионным мусульманским населением? Жатов в Пенжабе? Сельское население Восточной Бенгалии? Или только одних жагирдаров? Кто видел бенгальцев или жатов среди их цветущих равнин, тот, конечно, усомнится, чтобы те или другие пожелали в настоящее время переменить свое правительство. Остаются фрондирующие жагирдары. Но что они могут сделать среди чуждого им по вере населения?

Из всего сказанного я не думаю, однако же, делать вывода одностороннего и никак не прихожу к заключению, что в наших интересах забыть совсем об Индии и предоставить ее судьбе и воле Божией; напротив, я вполне убежден, что ближайшее знакомство с тем, что там делается англичанами, послужит к нашей выгоде.

Если бы в момент наших последних пререканий с англичанами мы знали их тогдашнее положение на восточном индийском полуострове, очень незначительное с нашей стороны вмешательство там могло иметь громадные последствия. Индия для англичан важна, конечно, не потому, что туда идут служить младшие сыны аристократических семей, обделенные законом первородства; вопреки часто повторяемому мнению, в Индии оказывается на самом деле очень мало членов аристократических семей, и, тем не менее, она имеет громад-

---

¹⁴ Рум — в данном случае Османская империя.

ное значение в жизни миродержавной Британии. Всякий англичанин знает, что без Индии нет величия для Англии. Во всех предстоящих решениях мировых и международных задач Индия необходимо будет играть свою роль — и Россия, при своих исторических задачах в Европе и Азии, не может и не должна именно теперь игнорировать Индии: именно теперь — потому, что Восток переживает критические моменты своего исторического бытия, и незнание всего того, что там свершается, должно необходимо иметь печальные последствия.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, д. 1694

ГЛАВА VII

— УНИВЕРСИТЕТСКАЯ САНСКРИТОЛОГИЯ —

Основанный в середине XIX века Факультет Восточных языков Санкт-Петербургского университета стал ведущим центром подготовки востоковедов. Как часто бывало в истории России, создание его сопровождалось уничтожением соответствующих подразделений в провинциальных университетах: преподавателей перевели на работу в столицу, туда же перевезли рукописные и книжные собрания. Но судьба провинциальной санскритологии складывалась более благоприятно, чем других отраслей востоковедения. Дело в том, что санскрит имел большое значение с точки зрения сравнительно-исторического языкознания. Соответственно, и преподавание его сосредоточивалось на историко-филологических факультетах, будучи связано не с изучением Индии, а с проблемами индоевропеистики.

В истории европейской санскритологии особые и неоспоримые заслуги принадлежат Германии. К началу XX века кафедры санскрита существовали в двух десятках немецких университетов. Сюда приезжали учиться из Голландии и Америки, из Италии и России. Ведущие представители английской индологии, такие как Макс Мюллер, Теодор Ауфрехт, Юлиус Эггелинг, были по происхождению немцами и получили научную подготовку в Германии. В Российской империи был университет, где преподавание велось на немецком языке, — в Дерпте. Вполне естественно, что Дерптский университет имел прочные традиции санскритологии. Впервые (с 1837 г.) курс санскрита начал вести филолог-классик Карл Кейль (1812–1865). С 1865 по 1898 г. кафедру сравнительного языкознания занимал Лео Мейер, у которого учился известный санскритолог Леопольд фон Шредер (о познаниях Л. Мейера в санскрите он отзывался, впрочем, весьма критически¹).

Л. фон Шредер (1851–1920) родился в Дерпте, здесь же учился в гимназии и в университете. С 1875 г. он совершенствовался в санскрите в Лейпциге у Г. Брокгауза и Э. Куна, в

---

¹Lebenserinnerungen von Leopold v. Schroeder. Leipzig, 1921, с. 75.

Иене у Б. Дельбрюка, в Тюбингене у Р. Рота. Большую помощь начинающему санскритологу оказывал О. фон Бетлинг (который был дружен с его дядей — известным зоологом академиком Л. Шренком). В 1877 г. Л. фон Шредер защитил магистерскую диссертацию об ударении в языке Гомера в сравнении с ведийским языком, а в 1879 г. в Дерпте — докторскую диссертацию об открытом им важнейшем памятнике ведийской литературы «Майтраяни-самхита»². Текст памятника был им издан (а позднее и другая версия «Яджурведы» — «Катхака-самхита»). О. Бетлинг надеялся, что со временем Л. фон Шредер станет его преемником в Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге.

Leopold v. Schroeder

Л. Шредер

С Дерптом связан первый период научной и педагогической деятельности ученого. Однако при Александре III в начале 90-х годов началась кампания по русификации Дерптского университета, все преподавание в котором должно было отныне вестись на русском языке. Будучи немецким патриотом-националистом, Л. фон Шредер никак не мог принять подобных требований. Он вынужден был уехать с «балтийской Родины», которую нежно любил, и искать себе место ра-

боты в другой стране³. С помощью выдающегося немецкого санскритолога Георга Бюлера в 1894 г. он смог перебраться в Инсбрук, а через несколько лет, после смерти Г. Бюлера, стал его преемником в Венском университете. За долгую жизнь

² *Maitrayāṇī Samhitā*, in vier Büchern herausgegeben. Leipzig, 1881–86.

³ См. воспоминания Л. фон Шредера, написанные им незадолго до смерти: *Lebenserinnerungen von Leopold v. Schroeder*. Leipzig, 1921 (там же содержится список его трудов — как научных, так и литературных).

им написано множество ученых трудов в области лингвистики, литературы и религии Древней Индии. В начале XX века Л. фон Шредер считался одним из патриархов индологии. Связи его с Прибалтикой не прерывались — он состоял здесь членом различных ученых и литературных обществ (Ученого эстонского общества, Научного общества Риги и др.). Его прибалтийское происхождение оказало известное влияние и на направление его научных интересов. Так, Л. фон Шредер исследовал обычаи эстов и других угро-финских племен (в особенности, свадебные) и обнаружил свидетельства контактов этих племен с арийскими.

Близкие Л. фон Шредеру научные интересы были у Фридриха (Федора Ивановича) Кнауэра (1849–1917). Он происходил из семьи немецких колонистов, живших в Бессарабии, учился сначала на Теологическом, а затем на Историко-филологическом факультете Дерптского университета. Первые работы Ф. Кнауэра, так же как у Л. фон Шредера, были посвящены теме ударения в ведийском языке в сопоставлении с греческим. Он продолжал свое образование в Иене под руководством Б. Дельбрюка и К. Капеллера. По совету Б. Дельбрюка Ф. Кнауэр готовил большой труд по акцентуации санскрита, предлагая значительное количество исправлений и добавлений к Петербургским словарям. Затем он учился ведийскому и авестийскому языкам в Тюбингене у Р. Рота, который посоветовал ему заняться грихьясутрой Гобхилы — текстом, посвященным индийским домашним обрядам. 11 сентября 1884 г. Ф. Кнауэр защитил в качестве магистерской диссертации издание и немецкий перевод этого памятника, тогда же он начал преподавание в Дерптском университете¹.

¹ Из письма Ф.И. Кнауэра В.Ф. Миллеру от 10 июня 1884 г. (РГАЛИ, ф. 323, оп. 1, д. 219): «Я получил *veniam legendi* и начну свои лекции в августе месяце. Намерен читать: 1) практический курс санскритской грамматики, 2) *Rigveda etc.* 3) Зенд. Вы, вероятно, не одобрите этого и, правду сказать, сам не знаю, хорошо ли я поступил или нет ввиду того, то я здесь со временем совершенно разучусь не только говорить по-русски, но и писать. А что делать?». Далее Ф.И. Кнауэр сообщал о том, что «в Киеве ищут санскритиста» и очень заинтересовались его кандидатурой. В.Ф. Миллер написал в Киев, рекомендуя Ф.И. Кнауэра.

В 1885 г. он был приглашен на работу в Киевский университет св. Владимира в качестве профессора по сравнительному языкознанию с преподаванием санскритского и зендского языков. Он продолжал заниматься изучением памятников санскритской ритуалистики, издав «Манава-грихьясутру» (1897) и «Манава-шраутасутру» (1900–1903). В Киеве у Ф.Кнауэра занимались санскритом А.П. Баранников, Б.А. Ларин, Г.С. Ахведиани — будущие известные индологи и лингвисты.

После смерти Л. Мейера в Дерптском (в процессе русификации переименованном в Юрьевский) университете санскрит преподавал Д.Н. Кудрявский (1867–1920)⁵, учившийся у И.П. Минаева и С.Ф. Ольденбурга. Он окончил Историко-филологический факультет СПб университета в 1889 г. и был оставлен в аспирантуре (тогда это называлось «для приготовления к профессорскому званию»). В 1894–95 гг., как это было принято в ту пору, получил заграничную стажировку — в Иене у Б.Дельбрюка. После возвращения в Петербург стал приват-доцентом, а в конце 1898 г. назначен на должность экстраординарного профессора Юрьевского университета по кафедре немецкого языка и сравнительного языкознания.

Основные его научные работы посвящены древнеиндийским текстам о домашних обрядах — грихьясутрам. Изучая древнеиндийскую ритуалистическую литературу, ученый продолжал традиции, заложенные Л. фон Шредером и Ф. Кнауэром. Диссертация Д.Н. Кудрявского «Исследования в области древне-индийских домашних обрядов» (Юрьев, 1904) содержит анализ двух обрядовых комплексов — приема почетного гостя и посвящения в брахманские ученики. Здесь же приводятся переводы соответствующих частей грихьясутры Ашвалайаны и сутры Каушики.

Ученый исследовал санскритские тексты с точки зрения индоевропеистики, сопоставляя их с материалами, относя-

⁵ См. о нем: С.В. Смирнов, Профессор Тартуского (Юрьевского) университета Д.Н. Кудрявский // Ученые записки Тартуского Государственного университета. 1970, выпуск 247.

щимися к другим, родственным народам (прежде всего, с данными поэм Гомера). Для того, чтобы определить сущность обрядов, Д.Н. Кудрявский широко привлекал этнографический материал — описания племен, близких к первобытным. Так, в специальной статье об аштрамах (древнеиндийских стадиях жизни) он объясняет этот институт, исходя из системы возрастных классов, сохранившихся у австралийцев. Научную деятельность ученого вообще характеризует интерес к сравнительной этнографии и первобытной истории.

В Казанском университете после отъезда П.Я. Петрова в Москву санскрит с 1852 г. преподавал Ф. Боллензен (1812–1896). Он еще в 1846 г. издал санскритскую драму Калидасы «Викраморваши» с немецким переводом и комментарием. Других существенных публикаций у него, по всей видимости, не было⁶. Преподавательская его деятельность была также непродолжительной, ибо после создания Факультета восточных языков в 1855 г. изучение Востока в Казани было сведено к минимуму. Ф. Боллензен был уволен в отставку 26 ноября 1856 г. и был вынужден вернуться в Германию.

Санскритология рассматривалась тогда обычно как часть сравнительно-исторического языкознания. В Казани некоторое время санскрит преподавал выдающийся лингвист И.А. Бодуэн де Куртене. Один из его учеников Н.В. Крушевский (1851–1887) занимался «Ригведой», в частности, проблемой акцентуации. После отставки Крушевского, с 1886 г. санскрит преподавал В.А. Богородицкий. Индологические интересы проявляются в работах такого видного представителя «казанской школы» как С.К. Булич (1859–1921). Санскритологическую подготовку он получил, занимаясь в Иене у Б. Дельбрюка в 1887–88 гг.

В Московском университете среди учеников П.Я. Петрова необходимо назвать, прежде всего, Ф.Ф. Фортунатова (1848–1914), В.Ф. Миллера (1848–1913) и Ф.Е. Корша (1843–1915). Ф.Ф. Фортунатов, окончив университет, в 1872–73 гг. продол-

---

⁶ Справедливы были слова П.Я. Петрова о Ф. Боллензене: «кажется, что от него, кроме хрестоматии и сравнительных изучений рукописей, ничего не дождешься» (В.Г. Белинский и его корреспонденты, М., 1948, с. 240).

жал обучение у крупнейших европейских санскритологов: в Тюбингене у Р. Рота, в Берлине у А. Вебера, в Париже у А. Бергена. Диссертация его, опубликованная в Москве в 1875 г., содержала издание текста «Самаведа-араньяки», снабженное русским переводом, обширным комментарием, исследованием и приложением, в котором разбирались проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Ф.Ф. Фортунатов

Работа ученого представляла собою солидное исследование, в котором давался обзор ведийской литературы и обсуждался ряд важных проблем ее истории. В частности, рассматривался общий вопрос о соотношении жертвенных формул (яджусов) и жертвенного ритуала. По мнению автора, не всегда ритуал древнее произносимых формул — напротив, ряд обрядовых действий может быть объяснен, исходя из ведийских текстов. Ученый показывал, что в ряде случаев в «Самаведе» содержатся более древние варианты текстов, нежели в гимнах «Ригведы». Подробно, и на широком сравнительном материале, в монографии анализируется значение терминов, при этом удается внести определенные поправки в толкования, даваемые санскритскими словарями.

Интересны принципы текстологической работы Ф. Фортунатова. В отличие от большинства немецких санскритологов во главе с Р. Ротом, Ф. Фортунатов стремится к унификации значения лексики. Он избегает также исправлений текста, исходящих из норм классической грамматики санскрита, отличая описки переписчиков в отдельных рукописях от таких особенностей, которые засвидетельствованы всеми рукописями и, по всей видимости, принадлежали древнейшему тексту. Эта текстологическая методика, сложившаяся не без влияния А. Бергена, ближе современной, нежели радикализм Р. Рота и его учеников.

Напротив, в интерпретации ведийских текстов русский ученый стоит на той же точке зрения, что и Р. Рот, считая исходным пунктом анализа научную этимологию и сопоставление параллельных мест. Ф.Фортунатов полагает, что истолкования средневековых комментаторов не следует, конечно,

игнорировать, но относиться к ним надо не менее критически, чем к объяснениям современных ученых. Впоследствии автор, хотя и преподавал санскрит по кафедре сравнительного языкознания, отошел от научной деятельности в области собственно санскритологии. Однако в его трудах по сравнительной фонетике и морфологии индоевропейских языков древнеиндийскому, естественно, уделялось значительное внимание.

В.Ф. Миллер

Другой ученик П.Я. Петрова⁷, В.Ф. Миллер, оставленный в 1870 г. при университете, также продолжал образование, изучая веды и «Авесту» в Берлине под руководством А. Вебера и в Тюбингене у Р. Рота (1873–1875). Но особенно близкие отношения установились у русского ученого с известным специалистом по «Ригведе» А.Людвигом, работавшим в Праге⁸. Как и А. Людвиг, В.Ф. Миллер был ярким представителем «исторической школы», он пытался

найти в ведийской литературе отражение исторической действительности и социальных отношений на древнейшей стадии развития индоевропейцев.

Преподавательская деятельность В.Ф. Миллера с 1876 г. проходила на кафедре сравнительного языковедения и санскритского языка. В 1892 г. он перешел на кафедру русского языка и словесности (сменив Ф.И. Буслаева), но продолжал

⁷ Санскритом он занимался у П.Я. Петрова еще до поступления в университет (см. В.В. Богданов, Всеволод Федорович Миллер. Краткий очерк его жизни. М. 1914, с. IV). Рекомендую своего ученика И.П. Минаеву, П.Я. Петров писал: «один из лучших моих слушателей... Я ни с кем так приятно не проводил время как с Вами и с ним» (ИРЛИ, ф. 340, оп. д. 47, л. 1; 12 декабря 1872 г.). В.Ф. Миллер, правда, порою иронически отзывался о своем преподавателе, «ориенталисте старой школы». Инструкция П.Я. Петрова к заграничной командировке магистранта В.Ф. Миллера (РГАЛИ, ф. 323, оп. 1, д. 320, л. 1–2) поражает как обширностью поставленных задач, так и отсутствием всякой системы.

⁸ См. характеристику А. Людвиг в Отчете В.Ф. Миллера (РГАЛИ, ф. 323, оп. 1, д. 12, л. 2 и об.)

вести занятия санскритом до 1903 г.⁹ (причём, с 1884 г. этот курс стал обязательным для всех студентов-словесников). В его фонде в РГАЛИ (323) хранится немало конспектов и набросков по санскритологии (преимущественно, раннего периода творчества): лекции по ведийской литературе, исследования о ведийских культах Агни и Пушана, черновые переводы древнеиндийских текстов.

В 1876 г. была опубликована магистерская диссертация В.Ф. Миллера «Очерки арийской мифологии. Ашвины-Диоскуры» (вып. 1). Монография была задумана весьма широко и включала материал не только по ведийской литературе, но и по общественным отношениям в ведийский период. Предвосхищая известную книгу Г. Циммера «Древнеиндийская жизнь» (1879), русский ученый на основе вед давал описание быта ариев, их ремесел, вооружения, а также особенностей их семейно-родовой организации. Представления, отраженные в ведах, рассматривались в сопоставлении с мифологией греческой, римской, иранской. Но наиболее оригинальны были привлекаемые автором материалы по древнерусской языческой мифологии. В.Ф. Миллер критиковал популярные в то время в научной литературе концепции Адальберта Куна и Макса Мюллера, сводившие все многообразие мифологических систем к культам солнца или грозы. Автор пытался найти более строгую историческую методiku сравнительного изучения мифологии¹⁰. Особое место уделялось при этом близнечным культам индоевропейцев.

В.Ф. Миллер проявлял самый пристальный интерес к новейшим течениям в этнологии, пытаясь реконструировать историю архаических общественных институтов. Нельзя ска-

---

⁹ См. В.Ф. Поржезинский, Преподавательская и ученая деятельность Всеволода Федоровича Миллера в области языковедения, М., 1914.

¹⁰ В.К. Шохин усматривает в работах В.Ф. Миллера и Д.Н. Овсяннико-Куликовского такие подходы к изучению ведийской религии, которые могут быть плодотворны и для современной науки (см. В.К. Шохин, Классическая русская санскритология второй половины XIX в. и некоторые актуальные проблемы современной индологии // Литературы Индии. М., 1989).

зять, что его попытки лингвистического анализа терминологии родства были успешны (на обсуждении диссертации ему решительно возражал Ф.Ф. Фортунатов, выступавший в качестве официального оппонента). Очевидно, внутренняя неудовлетворенность подобного рода построениями и помешала появлению в свет второго выпуска монографии. Однако индологические исследования послужили отправной точкой как для самого В.Ф. Миллера, так и для его сотрудника М.М. Ковалевского в их работе по обычному праву и традициям осетин. Именно труды по осетинскому языку и фольклору стали наиболее важным вкладом В.Ф. Миллера в мировое востоковедение. Но эти работы были бы невозможны без серьезной подготовки в области санскритологии.

Ф.Е. Корш

Чрезвычайно разносторонним лингвистом, владевшим огромным количеством восточных языков и диалектов был профессор Московского университета Ф.Е. Корш¹¹. В этом отношении он более всех напоминал своего учителя — П.Я. Петрова, но превосходил его основательностью теоретической подготовки. По воспоминаниям современников, он писал стихи на восточных языках, в том числе и на санскрите¹². Индологический материал ученый использовал в своих общих трудах. Была подготовлена им и обширная работа по индий-

ских стихотворных размерах, оставшаяся в рукописи (лишь часть ее, а именно исследование об индийской шлоке, опубликована в журнале «Древности восточные»).

¹¹ См. о нем: Дмитриев Н.К. Федор Евгеньевич Корш. М., 1962, Н.А.Баскаков, Ник.А. Баскаков, Академик Ф.Е. Корш в письмах современников. М., 1989.

¹² Из письма Ф.Е. Корша В.Ф. Миллеру (РГАЛИ, ф. 323, оп. 1, д. 229, л. 10 об.): «Помните ли наш давнишний разговор о разносторонних «дилетантах», как мы с Вами? Этот род ученых еще долго будет нужен России».

Тесная связь санскритологии с индоевропеистикой определяла выбор тем для диссертаций и публикаций — речь шла, главным образом, о древнейших, ведийских памятниках. В частности, в этой области работал русский лингвист и популярный историк литературы Д.Н. Овсянико-Куликовский (1853–1920)¹⁸. Санскритом он занимался в Одессе, а затем, в 1877–80 гг. в Париже у А.Бергена. Д.Н.Овсянико-Куликовский преподавал санскрит в Новороссийском университете (Одесса) в 1883–1887 гг. Затем, в течение года, он занимал должность экстраординарного профессора в Казани, а с 1888 г. получил профессиру в Харькове (до 1905 г.). Первой публикацией ученого явилось небольшое исследование «Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок Соме, в связи с концепцией речи и экстаза» (1882 г. — часть диссертации *pro venia legendi*, после защиты которой в Московском университете он получил звание приват-доцента по индоиранской филологии).

Дмитрий Николаевич
ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ
1853–1920

В наиболее полном виде взгляды его изложены в монографии «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности» (т.1. Культ божества «Soma» в древней Индии в эпоху Вед. Одесса, 1884 г.). Эта работа напоминала книгу В.Ф. Миллера как широкими сопоставлениями с иранским и греческим материалом (хаома, дионисийство), так и критикой представителей солярной и метеорологической школ в изучении мифологии. По мнению

ученого, следует принципиально различать культы, связанные с обожествлением природы, и культы по преимуществу общественного происхождения. К последним, по его мнению, принадлежал и культ бога Сомы, имеющий экстатический характер.

¹⁸ См. о нем: С.Ф. Ольденбург, Д.Н. Овсянико-Куликовский, санскритист и лингвист // Начала, 1922, №2.

Автора занимал общественно-психологический смысл экстатических культов. Он придавал религиозному экстазу огромное значение как такому связующему человеческий коллектив «началу, которое дало могучий импульс деятельности мысли, игре воображения, развитию психической производительности»¹⁴. С точки зрения Д.Н. Овсяннико-Куликовского, употребление сомы и пение ведийских стихов тесно связаны между собою, причем экстаз, вызываемый употреблением сомы, через ритмическое пение передавался слушателям. Музыка, обрядовое действие и речь жреца-певца представлялись ему неразрывным единством. Ритмически организованная речь оказывала необыкновенно сильное воздействие на психику первобытного человека и стимулировала его мысль и творчество. На этой почве, по его мнению, с течением веков создавались грандиозные мифологические и религиозно-мистические системы. С помощью лингвистического анализа гимнов «Ригведы» ученый стремился обнаружить особенности архаического языка и мышления. В постановке этой проблемы он сближался с работами Л.Леви-Брюля и других французских этнологов.

Следующая книга Д.Н.Овсяннико-Куликовского «К истории культа огня у индусов в эпоху Вед» (1887) представляла собою его докторскую диссертацию, защищенную в Одессе. Ученый рассматривал разделение священных огней на три разновидности (грихapati, вишпати и вайшвана́ра), которое, по его мнению, имеет социологическое основание. Первый из них принадлежал отдельному домохозяйству, второй — сельской общине, а третий — объединению общин. Полемизируя с известным составителем словаря лексики «Ригведы» Г.Грассманом, ученый пытается доказать свое истолкование термина «виш», как «община». Общий вывод той части работы, которая посвящена была культам трех священных огней, сводится к тому, что развитие религиозных концепций шло параллельно развитию самого ведийского общества. Интерес к социологии и проблеме влияния на религию эволюции социальных институтов, по всей видимости, связан с общест-

¹⁴ См. Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, Петербург, 1923, с. 35 и др.

венными взглядами и деятельностью ученого, который в молодости активно участвовал в социалистических кружках.

Вторая часть его монографии представляет тщательно составленный список эпитетов священного огня в ведийской литературе. Автор собрал более 800 таких эпитетов, сопроводив их точными ссылками, сопоставлениями с иранским материалом, этимологическими и мифологическими объяснениями. Этот обширный материал позволяет выяснить значение, функции и атрибуты огня в ведийской религии и литературе. Исследование было переведено на французский язык и издано в Париже. С 90-х годов ученый отошел от проблем санскритологии, посвятив свое творчество изучению психологии русской литературы, однако изредка и в последующие годы появлялись работы, связанные с его первоначальной специализацией.

Учеником Д.Н. Овсяннико-Куликовского был П.Г. Риттер (1872–1939)¹⁵, окончивший славяно-русское отделение Харьковского университета и много лет (с 1900 г.) преподававший санскрит в Харькове. Первой работой его в области санскритологии было исследование гимнов «Ригведы», посвященных богу Вишну. Продолжал образование П. Риттер в Германии, занимаясь у известного специалиста по «Ригведе» Карла Гельднера. Однако научные интересы его постепенно сместились в сторону классической санскритской литературы. В качестве отчета о пребывании за границей он представил свой перевод фрагмента сочинения Дандина «Дашакумарачарита» («Приключения десяти принцев») и статью об этом произведении, опубликованную в 1898 г. Вскоре был готов и полный перевод романа (опубликованный лишь в советское время).

Регулярное преподавание санскрита в русских университетах вызывало необходимость подготовки учебных пособий, которых в конце XIX — начале XX в. появилось немало: «Санскритская грамматика» (1873) и «Синтаксис древнеиндийского языка» (1883), написанные харьковским санскритологом В.И.Шерцлем, «Руководство к изучению санскрита» В.Ф.Миллера и Ф.И.Кнауэра (СПб, 1891), «Учебник санскритского

---

¹⁵ См. о нем: Павло Григорович Риттер. Харьков, 1966.

मुद्राकृतस्य मेघदूतस्य
पद्यस्य

П. Риттеръ.

отъ издателя

„Облако-вѣстникъ“ (Megha-dûta)

древне-индiйская элегiя Калидасы.

ХАРЬКОВЪ

Типографiя „Печатное Дѣло“, Конторская, Клецовскiй пер., соб. д. № 3.

1914.

языка» Ф.И.Кнауэра (Лейпциг, 1908), «Начальная санскритская христоматия со словарем» (Юрьев, 1903) и «Начальный курс санскритского языка» Д.Н. Кудрявского (Юрьев, 1917), «Краткий курс санскритской грамматики» (Харьков, 1904) и «Санскрит» П.Г.Риттера (Харьков, 1911).

ГЛАВА VIII

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ ОЛЬДЕНБУРГ

Сименем Сергея Федоровича Ольденбурга (1863–1934) связана организация обширных исследований в области индологии и буддологии¹.

С.Ф. Ольденбург происходил из старинного немецкого рода, переселившегося в Россию при Петре. Родился он в Забайкалье, в с. Бянкино, где служил его отец. В 1867 г. отец вышел в отставку (в чине генерал-майора) и поступил вольнослушателем в Гейдельбергский университет, «чтобы лучше подготовить себя к воспитанию детей»². Первые десять лет жизни Сергея Ольденбурга прошли в Германии, Швейцарии и Франции. В 1873 г. семья возвратилась на родину и поселилась в Варшаве. Учился С.Ф. Ольденбург в 1-й Варшавской гимназии, которая предназначалась для детей русских чиновников и офицеров. В отрочестве и юности значительное влияние на него, кроме отца, оказал старший брат Федор (1862–1914), известный впоследствии педагог, один из основателей Лиги образования.

После окончания гимназии в 1881 г. С.Ф. Ольденбург поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по санскритско-персидскому разряду. Занятия санскритом и авестийским языком проходили с К.А. Коссовичем, а после его смерти в 1883 г. — с И.П. Минаевым. На историко-филологическом факультете он слушал лекции А.Н. Веселовского, влияние которого чувствуется в его последующих работах по литературным связям Востока и Запада. Особенно большую роль в жизни С.Ф. Ольденбурга сыграл В.Р. Розен³. Сергей Ольденбург писал: «Первым моим настоящим руководи-

¹ См. о нем: Б.С.Каганович. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Петербург, 2006.

² Корнилов А.А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // Русская мысль. 1916, кн. VIII, с. 52.

³ См. Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга (1887–1907) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004, с. 201–399.

телем оказался не индианист, а арабист, учитель целого поколения русских востоковедов В.Р. Розен. Этот замечательный ученый... показал мне, что такое наука и в чем состоит научное творчество»⁴. К.Г. Залеман был его наставником в иранистике, а В.П. Васильев давал консультации по китаеведению и тибетологии. Востоковедное образование С.Ф. Ольденбурга было действительно энциклопедическим⁵. Несколько работ он опубликовал еще в студенческие годы, в частности, в журнале «Museon»: заметку к переводу одного из гимнов «Авесты» и рецензию на книгу В. Гайгера о культуре Восточного Ирана.

Студенческая жизнь начала 80-х годов характеризовалась возникновением разнообразных кружков. Один из таких кружков составиля вокруг братьев Ольденбургов и их однокашника по варшавской гимназии А.А. Корнилова — будущего историка, исследователя общественной мысли в России. В январе 1882 г. образовалось студенческое Научно-литературное общество, куда вошел и кружок Ольденбургов. Сергей стал библиотекарем общества и одним из наиболее активных его работников. По словам мемуариста, общество «привлекло в свою среду, кажется, всех без исключения выделявшихся своими научными и литературными интересами студентов университета»⁶. Оно способствовало сближению студентов разных курсов и факультетов и сыграло огромную роль в их духовном развитии. Многие члены Научно-литературного общества стали крупными учеными и практическими деятелями в земском движении и в конституционно-демократической партии.

---

⁴ С.Ф. Ольденбург, Мысли о научном творчестве // Год шестнадцатый. Альманах 2. М., 1933, с. 423.

⁵ П.К. Коковцов писал: «Научные труды С.Ф. свидетельствуют о громадной начитанности и замечательной многосторонности даровитого ученого: вся древняя Индия ему знакома, ее религии и легенды, ее поэзия и искусство, ее древность и история, а также персидская и западная литературы» (СПб филиал архива РАН, ф. 779, оп. 3, д. 29, л. 4).

⁶ Профессор Андрей Николаевич Краснов (1862–1914). Харьков, 1916, с. 108.

Особенно дружеские отношения сложились у Ольденбургов и А.А. Корнилова с В.И. Вернадским, И.М. Гревсом и Д.И. Шаховским. В.И. Вернадский — знаменитый химик, физик, геолог; И.М. Гревс — знаток античной экономики и средневековой культуры; Д.И. Шаховской — историк русской литературы, издатель трудов П.Я. Чаадаева. Они составляли так называемое «Братство», некое духовное содружество⁷. «Братство» формировалось под воздействием идей Л.Н. Толстого, «Исповедь» которого студенты гектографировали и распространяли. Важным оказалось и общение с Вильямом Фреем (В.К. Гейнсом) — русским эмигрантом, основателем социалистической коммуны в Америке. Многие в «Братстве» было от народничества 70-х годов: идея долга перед народом, стремление самоотверженно служить ему, отречьшись от всяческого «барства». Однако в то же время кружок имел явственно «антиинигилистическую» направленность. Ближайший друг С.Ф. Ольденбурга Иван Гревс так определял цель Научно-литературного общества: «служить прогрессу родины созидательной работой мирных культурных сил», и далее признавался: «я познал здесь, что можно отказаться от себя не только в форме тайного заговора и пролития крови»⁸.

Одним из наиболее важных направлений деятельности кружка стало изучение русской народной жизни и издание литературы для народа. На этой почве произошло сближение «братства» с А.М. Калмыковой, П. Бирюковым, В.Г. Чертко-

⁷ См.: Гревс И.М. В годы юности (За культуру) // Былое. 1918, №12; 1921, №16; Шаховской Д.И. Автобиография // Русские ведомости: 1863–1913. М., 1913; он же. Письма о Братстве // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.–СПб., 1992; Каганович Б.С. О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Прикутина братства» // Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997, с. 90–103. См. письма в архивных фондах С.Ф. Ольденбурга (СПб филиал архива РАН, ф. 208), И.М. Гревса (СПб филиал архива РАН, ф. 726), В.И. Вернадского (Архив РАН, ф. 518), Д.И. Шаховского (ГАРФ, ф. 635, д. 295).

⁸ Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса. Сост. О.Б.Вахромеева, СПб, 2004, с. 176.

вым, сотрудничество с издательством «Посредник». Отсюда идет интерес С. Ольденбурга к изучению фольклора и его активная культурно-просветительская деятельность. С юношеских лет С.Ф. Ольденбург ярко проявлял свой темперамент и талант организатора⁹. Он активно участвовал в борьбе за Высшие женские курсы, в работе Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе, в создании бесплатных читален в Петербурге, а позднее — в деле помощи голодающим.

В 1885 г. С.Ф. Ольденбург окончил университет, представив работу «Очерк фонетики и морфологии пракритского наречия магадхи». Тема, предложенная научным руководителем, ассоциируется с докторской диссертацией самого И.П. Минаева, посвященной фонетике и морфологии языка пали.

Рукописи из архива С.Ф. Ольденбурга показывают широкий диапазон его интересов в студенческие годы. Уже ранние наброски С.Ф. Ольденбурга свидетельствуют о том, что его привлекала не туманная ведийская древность, связанная с реконструкциями индоевропейского состояния, а история и культура классического периода. Здесь исследователь мог использовать как источник не только язык и мифологию, но главным образом надписи и памятники искусства. Для индологии конца прошлого века подобный подход был еще новым и сулил широкие перспективы. Изучение эпиграфики тогда лишь начиналось, а археология делала самые первые шаги.

После окончания университета С.Ф. Ольденбург был оставлен для приготовления к профессорскому званию. В апреле 1887 года он был на два года отправлен в научную командировку во Францию и Англию. В Париже ему удалось слушать лекции и беседовать с такими корифеями индологии и иранистики, как А. Бергенъ и Дармстетер. Здесь на всю жизнь завязалась его дружба с замечательным французским санскритологом С. Леви¹⁰. Молодой русский ученый познакомил-

⁹ Д.И. Шаховской писал (СПб филиал архива РАН, ф. 726, оп. 2 д. 334, л. 299 об): «вся деятельность Сергея неотделима от его юношеских впечатлений, идеалов и мечтаний».

¹⁰ См. письма С. Леви к С. Ольденбургу: Bongard-Levin G.M., Lardinois R., Vigasin A., *Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg (1887–1935)*. Р., 2002.

ся с самыми крупными востоковедами Европы. Во Франции он общался с О. Бартом, Э. Сенаром, Л. Фино и А. Фуше, в Англии — с С. Бендаллом, Т. В. Рис-Дэвидсом, Ф. Томасом и Дж. Бэрджесом, в Германии и Австро-Венгрии — с О. Бётлингом и Г. Бюлером, Г. Якоби и Г. Ольденбергом. Эти контакты¹¹, продолженные перепиской, были полезны не только для его собственной научной деятельности. Они помогли впоследствии в деле организации крупных международных проектов. Досконально зная ситуацию в европейской ориенталистике, С.Ф. Ольденбург позднее смог стать блестящим организатором отечественной науки и выдающимся историком востоковедения.

Уже в молодые годы он проявлял особый интерес к постановке университетского образования в Европе: делал доклады на соответствующие темы, публиковал статьи в русской прессе о преподавании восточных языков в Англии, Франции и Германии. Накопленный опыт и практические сведения в этой сфере пригодились ему как будущему руководителю Академии наук, Азиатского музея, как министру народного просвещения во Временном правительстве.

Научная работа Сергея Федоровича во время заграничной командировки проходила главным образом в рукописных фондах парижской Национальной библиотеки, рукописных собраниях Лондона и Кембриджа. Весьма полезны были постоянные советы И.П. Минаева, обращавшего его внимание на наиболее важные и интересные манускрипты. В свою очередь, и С.Ф. Ольденбург с радостью выполнял просьбы учителя, делая выписки из необходимых для его работы текстов¹². В письмах И.П. Минаева постоянно чувствуется беспокойство о сроках подачи диссертации. Он настойчиво уговаривал своего ученика ограничиться изданием небольшого по объему текста — «Дхуртасангама» (рассказы из «Шукасаптити») и не задавать

¹¹ Из письма К.Г.Залеману (СПб филиал архива РАН, ф. 87, оп. 3, д. 282, л. 36): «Вообще я думаю, что за время пребывания за границею я перезнакомлюсь со многими учеными, а в науке связь вещь очень важная».

¹² См. письма С.Ф. Ольденбурга И.П. Минаеву (РГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 354; АВ, ф. 39, оп. 2, д. 4, 20).

ся задачами «а la Илья Муромец»: «Судьбы человечества успеете нам разъяснить потом»¹³. Но обладавший замечательным талантом организатора любого дела С. Ф. Ольденбург оставался неисправимым идеалистом, когда речь шла о научной карьере¹⁴. Он «охотно делился своими знаниями и не страдал любовью к собственному я» — эти слова, сказанные им об Огюсте Барте¹⁵, вполне применимы к нему самому. С. Ф. Ольденбург представлял науку лишь как общее, коллективное дело. В устройстве же собственной судьбы он был непрактичен и бесконечно затягивал то магистерский экзамен, то защиту диссертации.

Магистерская диссертация С. Ф. Ольденбурга «Буддийские легенды»¹⁶ была защищена лишь в 1895 г. Она содержала разбор двух сборников — «Бхадракальпавадана» и «Джатакамала» и была основана на изучении санскритских рукописей и параллельных текстов на других языках: пали, китайском, тибетском.

Внимание молодого исследователя было тогда привлечено к древнеиндийской повествовательной литературе, проблемам ее возникновения и развития, формирования сборников басен и новелл, к так называемым бродячим мотивам в литературах Востока и Запада. Эта тематика стала основной в его научном творчестве на долгие годы — от первой заметки о «странствовании буддийских рассказов» (1888) до статьи «Странствование сказки»¹⁷, опубликованной уже в советское время. Ряд работ этого цикла призван был выяснить судьбы сборников типа индийской «Брихаткатха», времени их формирования, соотношения версий и значения иноязычных ис-

---

¹³ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 2, д. 141, лл. 13–14.

¹⁴ Там же, д. 142, л. 3 об. Вместо работы над собственной диссертацией он готов был копировать рукописи не только для работы своего учителя, но и для К. Гельднера, для ираниста de Goeje, для вовсе незнакомого ему Р. Шмидта (см. СПб филиал архива РАН, ф. 87, оп. 3, д. 282, л. 5 об., л. 35 об.).

¹⁵ Памяти Огюста Барта // Русская мысль, 1916, кн. VIII, с. 13.

¹⁶ Ольденбург С. Ф. Буддийские легенды. Ч. 1. СПб., 1896.

¹⁷ Перепечатана в книге: Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962, с. 240–245.

точников для истории текста. С.Ф. Ольденбург проработал огромный санскритский эпос — поэму «Махабхарата». Публикации об отражении эпоса в буддийской литературе стали частью оживленного обсуждения проблем «Махабхараты» в европейской санскритологии тех лет.

Важные находки были им сделаны и в области ирано-индийских литературных связей. Давний интерес среди русских ученых вызывала «Повесть о Варлааме и Иоасафе», восходящая к жизнеописанию Будды. Ею занимались И.П. Минаев, А.Н. Веселовский, В.Р. Розен, Н.Я. Марр. В Британском музее С.Ф. Ольденбург обнаружил персидскую версию повести и установил, что она является переводом с арабского оригинала. Позднее им была найдена и персидская версия книги о Синдбаде. Он не только пытался проследить возможные пути заимствования произведений, но и ставил ряд общих проблем сравнительного литературоведения.

В середине прошлого века большим влиянием пользовалась теория Т. Бенфея о том, что родиной сказочных сюжетов является Индия. Последователи этого ученого связывали возникновение басен и новелл с буддийскими верованиями и видели истоки повествовательной литературы в рассказах о перерождениях Будды — джатаках. К концу века «индийская теория» и само представление о «бродячих сюжетах» подвергались ожесточенной критике, прежде всего в работах Ж. Бедье, который высказал мнение о независимом возникновении («полигенезе») сходных мотивов в литературах разных народов.

С.Ф. Ольденбург пытался выработать более строгие научные методы сравнительного анализа и аргументации заимствований. На значительно более обширном, чем у Ж. Бедье, материале он убедительно доказал восточное происхождение ряда сочинений, популярных в европейском средневековье. При этом ученый не ограничился чисто формальными сопоставлениями. Он ставил проблему, почему на известном этапе своего развития литература одного народа пользуется результатами творчества иного народа. Рассматривалась им и проблема трансформации сюжетов при переходе из одной литературы в другую. Доказательство заимствования было для него не самоцелью, а лишь началом исследования самого существенного — характера диалога культур, прежде всего культур Востока и Запада.

При анализе происхождения сказочных сюжетов С.Ф. Ольденбург избежал увлечений и крайностей школы Теодора Бенфея. Далеко не всегда, по его мнению, какое-либо заимствование из Индии может быть убедительно доказано. Но, самое главное, он старался найти истоки самой буддийской повествовательной литературы — и находил их в фольклоре. С.Ф. Ольденбург убедительно показывал, что «буддийские сюжеты» на деле нередко значительно древнее самого буддизма. Он рассматривал их в широком контексте традиции народной словесности.

С.Ф. Ольденбург вернулся из заграничной командировки в Россию в 1889 г. В связи с болезнью и смертью И.П. Минаева ему пришлось принять на себя преподавание санскрита как на факультете восточных языков, так и на историко-филологическом факультете¹⁸. На своих занятиях он привлекал не только печатные издания, но и рукописи, хранящиеся в собраниях Петербурга и Лондона¹⁹. С 1889 г. С.Ф. Ольденбург являлся приват-доцентом факультета восточных языков, с 1897 г. исполнял должность экстраординарного профессора.

В 90-х годах ученый много сил отдавал обработке архива своего учителя И.П. Минаева, публикациям его научного наследия — переводов, этнографических записей и наблюдений, собранных им манускриптов. Внимание его также все более сосредоточивалось на буддийских рукописях, поступавших из Центральной Азии. Он оценил огромное научное значение тех документов, которые собрал русский консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский. Один из манускриптов, опубликованных С.Ф. Ольденбургом²⁰, произвел подлинную сенсацию на XI конгрессе ориенталистов в Париже в 1897 г. Это был фрагмент пракритской «Дхармапады» — едва ли не самой древней из сохранившихся индийских рукописей. Публикация текста на кхароштхи заслужила высокую оценку крупнейшего специалиста по индийской палеографии Георга Бюлера²¹. Другая

¹⁸ РНБ, ф. 608, оп. 1, д. 1073.

¹⁹ С.Ф. Ольденбург — И.П. Минаеву 24 марта 1890 г. (Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 2, д. 4).

²⁰ С.Ф. Ольденбург, Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами кхароштхи, СПб., 1897.

²¹ См. СПб филиал архива РАН ф. 208, оп. 3, д. 90, л. 5, 7, 9 и др. (из письма Г. Бюлера С. Ольденбургу: «эта драгоценность», «важнейшая и для палеографии, и для диалектологии, и для истории религии»).

часть этой же рукописи была обнаружена в Париже и опубликована Эмилем Сенаром²². В течение двух лет Э. Сенар обсуждал с С. Ольденбургом детали совместной публикации²³, которой так и не суждено было состояться. Уже в двадцатые годы, во время поездки в Париж, Сергей Ольденбург продолжал работать над фрагментами рукописей, планируя опубликовать их с транслитерацией и переводом на русский язык.

В Центральную Азию все чаще отправлялись экспедиции, и Россия проявляла большую заинтересованность в изучении этого региона. Научные программы для экспедиций П.К. Козлова, Д.А. Клеменца, Ц. Жамцарано, Б. Барадийна, Г. Цыбикова готовились либо самим С.Ф. Ольденбургом, либо при его ближайшем участии. Он активно способствовал собиранию древностей Восточного Туркестана, организации исследований в Синьцзяне и Тибете.

Поскольку памятники древней Центральной Азии связаны с буддизмом, задача изучения этой религии приобретала особую актуальность. С.Ф. Ольденбург внес в Академию наук предложение организовать в Петербурге публикацию серии буддийских текстов. И в 1897 г. было основано знаменитое издание «*Bibliotheca Buddhica*. Собрание оригинальных и переводных буддийских текстов». Редактором серии стал С.Ф. Ольденбург. Это научное начинание преследовало цели, близкие тем, которые стояли перед «*Pali Text Society*» Т. Рис Дэвидса — издание и изучение комплекса буддийских текстов. Однако английский ученый имел в виду лишь палийский канон «Типитака». «*Bibliotheca Buddhica*» должна была охватить значительно более обширный массив сочинений, написанных на разных языках и принадлежащих нескольким школам так называемого северного буддизма. Научная значимость буддийских текстов на китайском, тибетском, монгольском и санскритском языках и прежде подчеркивалась отечественными учеными, которые много сделали для их исследования.

Работа такого колоссального объема, как «*Bibliotheca Buddhica*», могла быть осуществлена лишь при активном междуна-

²² É. Senart, Le manuscrit kharoṣṭhī du Dhammapada. Les fragments Dutreil du Rhins // *Journal asiatique*, 1898, p. 193–208.

²³ см. *Correspondances orientalistes*... p. 225–232.

BIBLIOTHECA BUDDHICA.

СОБРАНИЕ БУДДІЙСКИХЪ ТЕКСТОВЪ

**ИЗДАВАЕМЫХЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ.**

ТОМЪ XIII.

MAHĀVYUTRATĪ

ИЗДАТЬ

И. П. Минаевъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ, СЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

ПРЕПОДОВОДЪ КЪ ПЕЧАТИ

Н. Д. Мироновъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 зап., № 19.

1911.

родном сотрудничестве. В многотомной серии, основанной С. Ф. Ольденбургом, приняли участие крупные востоковеды, в том числе англичанин Сесил Бендалл и француз Луи Фино, голландец Гендрик Керн и бельгиец Луи де ла Валле Пуссен, японец Бунъё Нандзё. Сам С. Ф. Ольденбург подготовил к изданию альбом изображений 300 бурханов и исследование А. Грюнведеля о предметах ламаистского культа из коллекции Э. Э. Ухтомского. Его известность в научном мире, организаторские способности, широкая эрудиция и огромная работоспособность обеспечили успех задуманного дела. По свидетельству Ф. И. Щербатского, «весь этот громадный труд, который доставил нашей Академии заслуженную славу в странах азиатских не менее, чем в Европе, прошел при ближайшем участии С. Ф., ни один лист не вышел без его внимательной и даже иногда придирчивой корректуры»²⁴.

Занятия академической наукой у С. Ф. Ольденбурга всегда органически сочетались с популяризаторской деятельностью. На рубеже XIX–XX вв. в России, как и в Европе, широко увлекались буддизмом как этической религией, отчасти сходной с христианством, отчасти противопоставляемой ему. И С. Ф. Ольденбург активно занимался просветительством: одни работы рецензировал (например, перевод книги о Будде Германа Ольденберга), другие редактировал (перевод работы Т. Рис Дэвидса, «Свет Азии» Эдвина Арнольда и др.), писал популярные статьи (в частности, «Женщины-буддистки», «Действительно ли буддизм проникнут пессимизмом»), защищал европейских поклонников восточных религий от нападок православных ортодоксов.

В связи с археологическими раскопками в самой Индии и областях Центральной Азии формировалась новая область исследований — история индийского искусства. Одна из первых работ по данной теме принадлежала замечательному немецкому исследователю Альберту Грюнведелю. Концепция автора сводилась к тому, что в ведийский период в Индии не было собственной изобразительной традиции — она была создана лишь буддизмом под значительным влиянием эллинис-

²⁴ Щербатской Ф. И. Сергей Федорович Ольденбург как индианист // Сергею Федоровичу Ольденбургу... Л., 1934, с. 20.

тического искусства. С.Ф. Ольденбург, который называл себя «большим поклонником его работ»²⁵, хотел перевести книгу А.Грюнведеля на русский язык. Однако он придерживался совершенно иной точки зрения по центральной проблеме — о происхождении индийского искусства. Начало последнего, по его мнению, должно было «восходить ко времени более далекому, чем все индийские литературные памятники, за исключением ведийских. Искусство это было брахманским в широком смысле и выросло на почве эпического пантеона и местных культов. К этому истоку восходит и начало буддийского и джайнского искусства»²⁶. А гандхарская школа представляет вытеснение этой местной традиции эллинистическими элементами.

Вслед за И.П. Минаевым С.Ф. Ольденбург особое внимание уделил памятникам Бхархута, дав интерпретацию некоторых сцен, изображенных на рельефах. Он писал: «Бхархут показывает нам, как широко буддизм черпал уже с очень ранних времен из обширного пантеона богов и полубогов, как рано развились легенды джатак о последней земной жизни Будды»²⁷. Таким образом, в работах по индийскому искусству ученый пришел к тем же выводам, что и при анализе буддийской повествовательной литературы. Основной его тезис получил признание. В частности, крупнейший немецкий индолог Герман Якоби (Боннский университет), по свидетельству Ф.И. Щербатского, высказал свое полное согласие с тем, что «индийскому буддийскому искусству должно было предшествовать другое, народное»²⁸.

С.Ф. Ольденбург полагал, что буддийские легенды нередко противоречат буддийским догматам. Буддизм как массовая религия, по его мнению, обнаруживает значительное сходство с народными культами Индии, которые мы можем видеть в памятниках, связанных с брахманизмом. Поэтому в самой буддийской культуре необходимо различать утонченные фи-

²⁵ Архив Востоковедов, ф. 28, оп. 2, д. 238, л. 3.

²⁶ Ольденбург С.Ф. Буддийское искусство в Индии // Известия АН, 1901, т. 14, №2, с. 218.

²⁷ Там же, с. 220.

²⁸ СПб филиал архива АН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 13.

лософские доктрины и массовое религиозное сознание. Такой подход к буддизму был необычен для историографии того времени.

Исследование памятников искусства ученый стремился связать с исследованием индийской специальной литературы (трактатов по эстетике и поэтике, иконографии и архитектуре). Разбор их, по его мнению, должен вестись с учетом собственных именно данной культуре эстетических оценок и категорий. Лишенный узкого европоцентризма, этот взгляд открывал широкие перспективы перед наукой.

Деятельность по изданию «*Bibliotheca Buddhica*» и изучению Центральной Азии захватила ученого полностью. Между тем обстановка в университетах России к концу 90-х годов становилась все более напряженной. На студенческие волнения правительство отвечало репрессиями и ограничениями университетской автономии. С.Ф.Ольденбург говорил, что политика министра народного просвещения — «слепая и близорукая» и что перемен к лучшему ожидать не приходится²⁹. В 1899 г. он решил уйти в отставку.

Вскоре С.Ф. Ольденбург был избран адъюнктом Академии наук, заняв кафедру, прежде представленную О.Бетлингом. 19 апреля/2 мая 1904 г. он стал экстраординарным академиком, а 4/17 октября того же года — непременным секретарем академии. Началась огромная работа по организации науки в пределах всей страны, сбывались мечты юности о широком поле деятельности на поприще культуры. Собственные научные интересы в области индологии должны были отойти на второй план. Позднее он признавался в «Автобиографии»: «...мне казалось, что важнее, может быть, чем труд личный, тут будет труд организации, продумывания и осуществления общих работ»³⁰.

Официальное положение в руководстве академии давало возможность для организации крупных предприятий и в области востоковедения. Прежде всего, речь шла об исследовании Центральной и Восточной Азии, частично находившейся в пределах Российской империи, частично на ее границах. В

²⁹ Архив Востоковедов, ф. 28, оп. 2, д. 238, л. 4 об.

³⁰ Цит. по: С.Ф. Ольденбург (сб. статей), М., 1986, с. 5.

1903 г., при самом активном участии С.Ф.Ольденбурга, был образован «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении» (РКИСВА)³¹. Он стал организационным центром международного сотрудничества. На средства Русского комитета была организована экспедиция в Восточный Туркестан.

С.Ф. Ольденбург в экспедиции

План экспедиции сложился уже давно, после замечательных результатов поездки Д.А. Клеменца в 1898 г. по этому региону. Однако тогда правительство отказало в ассигнованиях, а затем русско-японская война и революция отодвинули решение этого вопроса на долгие годы. Экспедиция под руководством С.Ф.Ольденбурга в Турфан состоялась лишь в 1909–1910 гг., и в состав экспедиции помимо С.Ф.Ольденбурга вошли художник и фотограф С.М. Дудин, инженер-топограф Д.А. Смирнов. К тому времени в «Сериндии»

уже побывали три немецкие экспедиции А. Грюнведеля и А. Лекока, английская — Ауреля Стейна (Штейна), французская — Поля Пеллио и несколько японских. Регион был не только широко обследован, но и в значительной мере разграблен.

Тем не менее, результаты руководимой С.Ф. Ольденбургом экспедиции были значительны. Удалось обнаружить и описать многочисленные памятники древней буддийской культуры, снять чертежи и планы сохранившихся построек, сфотографировать наиболее ценное³². Ольденбург был реши-

³¹ См. Н.Н.Назирова, Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.

³² Дьяконова Н.В. Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции акад. С.Ф. Ольденбурга. 1909–1910 гг. М., 1995.

тельным противником коммерческого подхода к произведениям древней культуры. Он полагал, что «памятники надо изучать, а не увозить»³³. Все, что могло сохраниться, должно было оставаться на месте. Он считал хищнической деятельностью А. Лекока, который вырезал наиболее интересные куски фресок и увез их в Берлин³⁴. По мнению С.Ф. Ольденбурга, в интересах науки надлежало максимально бережно относиться к памятнику в целом, по возможности фиксируя его в том состоянии, в каком застали его исследователи. Лишь те находки, которые нуждались в спасении и реставрации, были вывезены в Петербург. Предметы искусства обогатили коллекцию Эрмитажа, а рукописи — Азиатский музей. Описание основных результатов экспедиции (скромно названной «археологической разведкой») было издано в 1914 г. в виде огромного фолианта с множеством фотографий³⁵. Этот труд был отмечен большой золотой медалью Археологического общества.

Вторая экспедиция С.Ф. Ольденбурга состоялась в 1914–1915 гг.; ее целью было изучение лишь одного памятника — «Пещеры тысячи будд» в уезде Дуньхуан провинции Ганьсу. Цели ее были сформулированы им следующим образом: «Найти твердую основу для хронологического определения памятников буддийского искусства Китая и Китайского Туркестана и собрать достаточный материал для характеристики

---

³³ Щербатской Ф.И. Сергей Федорович Ольденбург как индианист... с. 22.

³⁴ См. в письме К.Г.Залеману (СПб филиал архива РАН, ф. 87, оп. 3, д. 283, л. 25 об): «Разрушенные фрески, разоренные монастыри и прочие руины в Китайском Туркестане — блестящее доказательство того, что вандалы, действительно, немецкого происхождения; видимо, теперешние пруссаки — их прямые потомки».

³⁵ Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года, снаряженная по Высочайшему повелению состоящим под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет составил С.Ф. Ольденбург. С 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С.М. Дудина и планам инженера Д.А. Смирнова. Издание Императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 1914.

различных стилей этого искусства»³⁶. Был собрана коллекция китайских, уйгурских и тибетских документов раннего средневековья (около 18 тысяч фрагментов). Обстановка военного времени, к сожалению, не позволила продолжить исследование памятников Дуньхуана. Дальнейшие события в России препятствовали и научной обработке коллекции. В советское время С.Ф. Ольденбург составил объемистую рукопись (более 1000 машинописных страниц) под названием «Описание пещер Чан Фо-дуна близ Дуньхуана»³⁷. После его смерти А.С.Стрелков вместе с Е.Г. Ольденбург и под наблюдением Ф.И. Щербатского готовил ее к печати. Однако работа до сих пор не опубликована³⁸.

С.Ф. Ольденбург в течение четверти века занимал должность неперменного секретаря Академии наук. Фактически именно он играл решающую роль в организации академической работы. Президентом Академии до революции являлся великий князь Константин Романов — человек высокой культуры, но не принадлежавший к профессиональному сообществу ученых. В 1917 г. впервые были проведены выборы президента — таковым стал геолог А.П. Карпинский. Он пользовался уважением в научных кругах, однако в силу преклонного возраста и по мягкости характера не мог определять политику Академии. После Октябрьского переворота перед этой организацией остро встала проблема отношения к Советской власти. С.Ф. Ольденбург, один из видных деятелей кадетской партии, бывший министр Временного правительства, естественно, не мог сочувствовать большевикам. Однако надежды на быстрое завершение их правления не оправдались. Нужно было либо эмигрировать, либо переходить к по-

³⁶ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 1, д. 188. Цит по: Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. М. 2004, с. 28.

³⁷ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп.1, д. 175 (имеется экземпляр и в архиве Эрмитажа).

³⁸ См. П.Е.Скачков, Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб, 1993, с. 313–320; Л.Н.Меньшиков, К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг., Там же, с. 321–331.

литике сотрудничества. С.Ф.Ольденбург выбрал второй путь и делал все, чтобы склонить к этому руководство Академии.

Очевидно, было много причин для подобного решения. Вполне вероятно, что у каждого из оставшихся в России ученых были для этого личные резоны: нежелание бросить любимую работу, родственников, которые были на их иждивении. Но многие считали невозможным оставить Родину в «тяжкой, позорной болезни»³⁹, как назвал революцию С.Ф.Ольденбург. Он говорил: «Ведь мы русские, и позорно было бы покинуть свое отечество, раз можешь в нем работать для науки»⁴⁰.

Со свойственной ему и его ближайшим друзьям готовностью к самопожертвованию он старался в самых нечеловеческих условиях Гражданской войны спасти культуру. Речь шла и об охране культурного достояния (музейных ценностей, библиотек), и о защите ученых. Эмигрантская пресса (в том числе и его собственный сын С.С. Ольденбург) сурово осуждала его за коллаборационизм. Но только благодаря этой политике сотрудничества С.Ф. Ольденбург имел возможность и заступаться за арестованных, и оформлять документы о зарубежных командировках, позволяя коллегам выехать из Советской России, нередко — навсегда.

Поколение молодежи восьмидесятых годов, воспитанное на идее «долга перед народом», склонно было рассматривать революцию как возмездие, как наказание за грех социального неравенства. Несмотря на многолетнее активное участие в общественной жизни, члены «Братства» оставались мечтательными идеалистами, весьма наивными в своих политических оценках. Не только С.Ф.Ольденбург, но и Д.И.Шаховской, В.И.Вернадский старались найти положительные стороны в политике большевиков. Они надеялись на то, что кровавое насилие имеет временный характер, а интеллигенция сможет

---

³⁹ Из письма А.Ф.Кони: «Принадлежу, несмотря на свои годы, к оптимистам и верю в нашу Великую Россию, ибо даже в ее тяжелой, позорной болезни есть признаки этого величия и признаки глубокой внутренней работы» (ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 2773, письмо от 22 сентября 1918 г.).

⁴⁰ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 2, д. 57, л. 4 об.

работать рука об руку с властью в деле «культурной революции»⁴¹.

В голодные годы Гражданской войны Сергей Ольденбург возвращается к педагогической деятельности. Он выступает с курсами лекций (в университете, в Институте истории искусств, в Лутутинском народном университете) по темам своих давних научных интересов: «Восточное влияние на средневековую повествовательную литературу Запада» и «Введение в историю индийского искусства»⁴². На организованной в Эрмитаже I Буддийской выставке летом 1919 г. он читает

доклад о Будде, как учителе жизни⁴³. Издательство «Огни» объявляет о том, что будет опубликована его книга «Буддизм».

⁴¹ Характерно письмо Д.И.Шаховского И.М.Гревсу (СПб филиал архива РАН, ф. 726, оп. 2, д. 334, л. 173): «Мы во многом не согласны с Сергеем и по философским, и по практическим вопросам. Так не согласны, что и спорить не приходится — а приходится более или менее почтительно молчать. Но вот он провозглашает лозунг культурной революции. Можем ли мы сказать, что мы с этим не согласны?... Ведь мы испокон века культурные революционеры. И когда подымается наше знамя, можем ли мы не стоять в рядах под ним?»

⁴² Эти лекции составили сборник его трудов, опубликованный в 1991 г. под названием «Культура Индии» (с предисловием академика И.Ю.Крачковского и написанной мною небольшой заметкой «От редакции»).

⁴³ В том же году вышла его статья «Лев Толстой — учитель жизни» («Толстовский сборник»). Переключка названий — весьма характерная для понимания того, как им воспринимался буддизм! В этом отношении С.Ф.Ольденбург был далек от И.П.Минаева. Последний высоко ценил писателя, но вовсе не склонен был рассматривать буддизм в толстовском духе и видеть в нем актуальное «учительство жизни».

С тем же издательством осенью 1918 г. был заключен договор⁴⁴ на книгу «Страны буддийской культуры» (совместно с Ф.И. Щербатским и О.О. Розенбергом). Для серии «Bibliotheca Buddhica» ученый обещает подготовить два тома: издание текстов *Sādhanaṃālā* и *Pañcarakṣā*. С.Ф.Ольденбург принимает самое активное участие в деятельности организованного Максимом Горьким издательства «Всемирная литература». Для каталога этого издательства он составляет список текстов классической индийской литературы, которые в ближайшее время должны быть переведены. Некоторые из них ученый планировал сам подготовить к изданию.

Издательство «Всемирная литература» вскоре было закрыто, как и издательство «Огни» — объявленные книги так и не появились в свет (и, судя по архиву С.Ф. Ольденбурга, работа над ними не велась). В лекциях его не содержалось новых идей — автор лишь знакомил публику с результатами своих исследований, выполненных в молодости.

*Всего Владимировна
Тассек*

*в библиотеку и книгу
С.Ф. Ольденбурга*

от переводчика

8/III 1922.

Автограф С.Ф. Ольденбурга на книге Р.Киплинга

⁴⁴ ИРЛИ, ф. 212, д. 130.

В двадцатые годы роль ученого в организации науки и в культурной жизни страны была исключительно велика. Он был фактическим руководителем Академии наук в самый тяжелый и ответственный период ее истории. Отечественная наука за время Гражданской войны понесла огромные потери. С.Ф. Ольденбург организовал издания «Наука в России», «Научный работник» — он был настоящим собирателем научных сил. Ему пришлось отстаивать перед советскими властями необходимость бережного отношения к ученым — многих он буквально спас от голодной смерти. Академия наук нуждалась в срочной модернизации. Она должна была стать ведущим научным центром, вся деятельность которого направлена на решение государственных задач. Изучение мертвых языков и культур занимало едва ли не центральное место в прежней Академии. Вполне естественно, что в новых условиях дисциплины, близкие самому С.Ф. Ольденбургу и его ближайшим коллегам, должны были уступить место тем наукам, от развития которых зависел научно-технический прогресс. Переориентация Академии была весьма болезненной, она затрагивала судьбы многих людей. Линия поведения, занятая непременным секретарем, вызывала непонимание и осуждение в среде его коллег и друзей⁴⁵.

Ситуация усугублялась тем, что модернизация Академии проводилась в стране, где установился коммунистический режим. Руководство партии большевиков все более сосредоточивало всю власть в стране в своих руках, стремясь достичь тотального идеологического контроля. С.Ф. Ольденбург воплощал в себе характерный тип русского либерала, того самого, который многократно был высмеян и осужден радикальными публицистами за готовность к компромиссам. Но лишь в условиях Советской власти либеральной интеллигенции пришлось по-настоящему испытать, что такое жизнь согласно пресловутому принципу «применительно к подлости».

---

⁴⁵ Д.И. Шаховской писал И.М. Гревсу (СПб филиал архива РАН, ф. 726, оп. 2, д. 334) о «невыносимом тупике, в который Сергей попал. Сила его, действительно, надломлена. Он других спасал, а сам себя спасти не может».

Е.Г. Ольденбург записывала в дневник: «Сергей мне говорит, что у него такое чувство, точно он какой-то камень невыносимо тяжелый катит в гору, и когда кажется, что он этот камень докатил доверху, то камень опять падает вниз»⁴⁶. Годы секретарства С.Ф. Ольденбурга в советское время — бесконечные попытки ценою уступок спасти культуру. Вожди коммунистической партии неоднократно грозили роспуском Академии наук. Многим современникам было очевидно, что Сергей Ольденбург спас Академию⁴⁷ и на несколько лет сохранил ее внутреннюю автономию. Но в «год великого перелома» сломана была и Академия⁴⁸. В нее вошли, и стали играть в ней ведущую роль, ставленники большевиков, как правило, не имевшие никакого отношения к науке. Моральный авторитет Академии пал тогда столь низко, что и до сих пор не может быть восстановлен.

Во время Гражданской войны С.Ф. Ольденбург прилагал усилия к охране памятников культуры, музеев, прежде всего, Эрмитажа. В конце двадцатых годов пришла очередь Эрмитажного собрания — бесценные сокровища власти пускали на бессмысленные распродажи. С.Ф. Ольденбург активно поддерживал краеведческую работу и придавал ей огромное значение. К началу тридцатых годов краеведение оказалось под запретом, а сами краеведческие объединения стали рассматриваться как контрреволюционные организации.

Накануне 1917 года скончался директор Азиатского музея академик К.Г. Залеман — новым директором стал С.Ф. Ольденбург. «Директорство Ольденбурга, главным образом, в 1917–1925 гг. было порой особого расцвета музея»⁴⁹. Ему удалось привлечь талантливую молодежь к работе в коллективе, который объединял самых выдающихся представителей отечественного востоковедения. Для публикаций их работ был создан за-

⁴⁶ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 2, д. 56, л. 54 об.

⁴⁷ СПб филиал архива РАН, ф. 726, оп. 2, д. 334, л. 299 об. (письмо Д.И. Шаховского И.М. Гревсу).

⁴⁸ См. Ф.Ф. Перченко, «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995.

⁴⁹ И.Ю. Крачковский Над арабскими рукописями. Л., 1946, с. 62.

мечательный журнал «Восток», и это было заслугой С.Ф. Ольденбурга. «Восток» был закрыт после выхода пятого номера. Тогда же возникли «Записки Коллегии Востоковедов» — издание также прекратилось после пятого выпуска.

После того, как в 1929 году было сломлено сопротивление Академии и произошла ее «большевизация», компромиссная фигура С.Ф. Ольденбурга на посту неперменного секретаря оказалась ненужной. Распоряжением председателя Совнаркома его сняли, заменив специалистом по истории социализма В.Л. Волгиным. С.Ф. Ольденбург ночью жег документы своего архива, ожидая нового ареста (как в сентябре 1919 г., когда он три недели находился в тюрьме ЧК). Но, вместо ареста, он весной 1930 г. получил новое назначение. Реорганизация научных учреждений коснулась и востоковедения. Азиатский музей и ряд небольших институтов, созданных в двадцатые годы (Тюркологический институт, Институт Буддийской культуры, а также Коллегия Востоковедов), были объединены в составе Института востоковедения Академии наук (существующего и поныне). Создание этого института соответствовало общей тенденции по централизации управления и всеобъемлющему контролю над всеми сферами науки и идеологической жизни. Сам С.Ф. Ольденбург относился отрицательно к этой реформе. В 1929 г. он писал Ф.А. Розенбергу⁵⁰: «Слышал о злосчастной идее все объединить с Азиатским музеем. Идея фатальная, по-моему, анти-востоковедная и анти-нашего музея, который надо развивать библиотечно. Оставили бы нас, восточников, делать, как мы понимаем, мы свое дело лучше знаем». Тем не менее, когда эта анти-востоковедная идея осуществилась, именно он был назначен первым директором Института востоковедения РАН.

Перед этой организацией были поставлены определенные задачи: изучение современного Востока, экономики и классовой борьбы. Как писал Ф.И. Щербатской⁵¹, тогда появилось множество людей, которые «выдавали себя за знатоков современности только потому, что они ничего не знали о древности». Исследование истории духовной культуры, было в

⁵⁰ СПб филиал архива РАН, ф. 850, оп. 3, д. 91, л. 24.

⁵¹ СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 1, д. 120, л. 6.

лучшем случае, терпимо — пока еще были живы представители классического востоковедения. В начале 1932 г. была сделана попытка прекратить издание серии *Bibliotheca Buddhica*, созданной стараниями С.Ф. Ольденбурга. Решение об этом он сам вынужден был санкционировать. Окончательное уничтожение серии произошло уже после его смерти.

С.Ф. Ольденбург пытался вновь найти возможности компромиссов. Он убеждал себя, что старое востоковедение крайне односторонне подходило к предмету своих исследований. В настоящее время необходимо изучение современности, без которой нельзя понять и древность⁵². Такова была, действительно, общая тенденция развития не только советской, но и европейской науки (достаточно привести в пример выдающегося французского индолога С. Леви, давнего друга Сергея Ольденбурга). Духовная культура стран Востока должна изучаться в определенном историческом контексте, а для воссоздания этого контекста приходится анализировать и социальные условия, и материальные основы жизни народа. Опять-таки, в подобной постановке задач нельзя не увидеть проявление общих тенденций науки XX века. Недаром С.Ф. Ольденбург принимал активное участие в работе ГАИМК (Государственной Академии истории материальной культуры). Большой интерес он проявлял к публикациям индийских коллег по социально-экономической проблематике и техническим аспектам производства (в том числе, в сфере архитектуры и искусства Древней Индии).

С.Ф. Ольденбург поставил две темы в научных план индологов Института востоковедения: перевод «Артхашастры» и исследование джатак — рассказов о перерождениях Будды. Обе темы находились в русле актуальных тенденций мировой индологии. Достаточно вспомнить замечательные работы по отражению социальной действительности в палийском кано-

---

⁵² Из письма С.Ф. Ольденбурга Ф.А. Розенбергу летом 1930 г. (СПб филиал архива РАН, ф. 850, оп. 3, д. 91, л. 34): «Читаю книги по новой Индии. Жалею, что раньше этим не занимался: и интересно, и нужно. Узнаешь много такого, что давно следовало бы знать и до сих пор не знал. Я вообще думаю, что знание современности нужно для понимания прошлого».

не (Р. Фик, К. Рис Дэвидс) и целую серию монографий и статей по «Артхашастре», которые появились в двадцатые годы в европейской и индийской историографии. Исследование этих источников имело несомненную важность для изучения социально-экономических отношений в Древней Индии. Однако советское руководство было заинтересовано отнюдь не в изучении истории по первоисточникам. Речь шла совершенно о другом: достаточно было постулировать непогрешимость теории марксизма-ленинизма (в той интерпретации, какую давал «Краткий курс истории ВКП(б)»). Проходившие на рубеже двадцатых-тридцатых годов дискуссии имели чисто схоластический характер — для участия в них вовсе не нужен был анализ первоисточников. От перевода джатак пришлось отказаться уже в 1931 г. Перевод «Артхашастры» оставался в рукописи до 1959 г., когда из участников работавшего над ним коллектива (С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, А.И. Востриков, Е.Е. Обермиллер, Б.В. Семичов) остался в живых лишь последний. До исследования текста, которое было запланировано ученым, дело так и не дошло.

Когда-то, став неперменным секретарем, он писал: «Ничем, кроме Академии, не успеваю заниматься»⁵³. В советское время работа по Академии и бесчисленным другим административным должностям многократно умножилась. Временами он еще тешил себя надеждою вновь заняться наукой, которую вынужден был оставить много лет назад⁵⁴. Вернувшись из экспедиции в Турфан в 1910 г., он писал сыну: «я припоминал путешествие, и петербургская работа-толчея мне казалась такой противной. Я опять видел перед собою пустыню в ее удивительной красоте»⁵⁵. В двадцатые годы Ф.И. Щербатской уговаривал его: «дорогой мой Сергей Федорович, боюсь Вам надоедать, но неужели Вы так и не поедете в Туркестан?

⁵³ Б.С.Каганович. Сергей Федорович Ольденбург, с. 53.

⁵⁴ В письмах Ф.А. Розенбергу (СПб филиал архива РАН, ф. 850, оп. 3, д. 91) идет речь то об издании роскошного альбома дуньхуанских росписей (л. 4 об. — 1923 г.), то о полном издании рукописи «Дхармапады» (л. 14, 17, 18 — 1927–1929 гг.), то о написании книги по истории индийского искусства листов на 20 (л. 31 об. — 1930 г.).

⁵⁵ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 2, д. 46, л. 46.

Подумайте, ведь там был Кирополь, там была Александрия, там был роскошнейший буддизм! Неужели это Вас не привлекает, ведь это у наших дверей, Вы в поезде доедете до Термеза. Подготовьте себе хоть какого-нибудь ученика и поезжайте сразу. Do it now! Неужели опять все будет увезено в Париж и Берлин и нам останется только руками разводить! Вы сами про себя пишете, что считаете себя человеком энергичным, отчего же такое кунктаторство и такая нерешительность. Простите крик наболевшего сердца, может быть, я не понимаю Вашей психологии и обстоятельств, но так дело представляется со стороны»⁵⁶. Конечно, новая экспедиция была невозможна — и не только по внешним, финансовым причинам.

Жизнь «воинствующего оптимиста», как называли С.Ф.Ольденбурга, заканчивалась печально. В дневнике его жены, Е.Г.Ольденбург, есть запись о том, как она попросила мужа помочь ей по работе в Эрмитаже. Он рассматривал памятники буддийского искусства, а «когда надо было уходить из Эрмитажа, Сергей вдруг со слезами на глазах сказал мне: «Леночка милая, ради меня, почаще притаскивай меня к этой работе. Это мне необходимо. Это для меня живая вода!» Мне было его ужасно жаль! Ужасная трагедия, что жизнь общественного и государственного работника губит и убивает в нем ученого... Он провел Академию наук, а с нею русскую науку через тернистый путь жесточайших испытаний и лишений,... но забросил свою науку совсем, изменил своей науке»⁵⁷.

В 1918 году речь памяти выдающегося буддолога В.П. Васильева, одного из своих учителей, С.Ф.Ольденбург начал так: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд, все это встречаешь с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды

⁵⁶ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп.3, д. 685, л. 187.

⁵⁷ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 2, д. 56, л. 59. Ср. там же, л. 78 об: «Вчера Сергей опять говорил, что благодаря мне он возвращается к своей специальности... Неужели у него лично у самого так ослабли научные интересы? Неужели разрыв так глубок? Конечно, это правда».

«первых» томов, «первых» выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полужаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний»⁵⁸. Слова эти могли бы стоять и в начале статьи о самом Сергее Ольденбурге.

---

⁵⁸ С.Ф. Ольденбург, Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818–1918 // Известия Российской Академии Наук. 1918, с. 531 (ср. ту же мысль в написанном им «Отчете Российской Академии наук в 1921 г.», с. 4).

Приложение 7

Личное дело С.Ф. Ольденбурга

Ольденбург Сергей Федорович р. 26 сентября 1863 г. в селе Бянкине Забайкальской области. Отец был военный, мать педагог. Отец вышел рано в отставку, и вся семья выехала за границу, где жили преимущественно в Гейдельберге, где отец слушал лекции и занимался у Кирхгофа, Бунзена и других профессоров, руководя вместе с женою воспитанием своих двух сыновей, постоянно развивая в них трудовые навыки. Хорошая подготовка, приобретенная за границей, позволила мальчикам успешно выдержать экзамены в гимназию (в Варшаве), где О. и окончил курс в 1881 г и том же году поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по санскритско-персидскому разряду. Курс окончил в 1885 г. и был оставлен при университете для подготовки к профессуре. Работал главным образом под руководством профессоров Залемана, Минаева и Розена. Кандидатская диссертация была «Фонетика и морфология пракритского наречия магадхи». В 1885/86 читал курс санскритской грамматики студентам уехавшего в Индию проф. Минаева. В 1887 г. выдержал магистерский экзамен и затем два года 1887–1889 провел в заграничной научной командировке, работал в Париже, Лондоне и Кембридже, работая в области индологии и буддизма. В 1889 сделался приват-доцентом Петербургского университета. В 1894 защитил магистерскую диссертацию «Буддийские легенды. Ч. I. Bhadrakalpāvadāna и Jātakamālā». В 1897 г. сделался и.о. экстраординарного профессора, а в 1899 г. после студенческих волнений и репрессий подал в отставку и покинул университет. За время профессоры имел ряд научных командировок за границу.

18.II.1900 был избран адъюнктом Академии наук, в 1903 экстраординарным, в 1908 ординарным академиком. 17.X.1904 избран непременным секретарем Академии н. В 1909–10 гг. и 1914–1915 гг. совершил две большие экспедиции в Восточный Туркестан и Западный Китай с археологической целью. Состоит Директором Азиатского музея и ряда комиссий Академии наук.

С 19... г. состоит д. членом ГАИМК и работает в области индийской и буддийской археологии. Вне ГАИМК и Ак. Наук СССР состоит профессором Восточного института, председателем Этнографического отд. Геогр. Общества и членом Совета Общества, членом ЦБ Краев., председателем которого состоял в течение ряда лет. Состоит д. чл. Академий Украинской и Белорусской. Список научных трудов в области индологии, иранистики, археологии и сравнительного литер. по 1914 напечатан в «Материалах для биогр. слов. д. чл. Ак. Н.» (Петроград, 1917), после того напечатан еще ряд работ в разных спец. изданиях.

Заграницею состоит почетным членом Archaeological Survey of India, Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, Société Asiatique в Париже, член-корреспондент Академий Берлинской и Геттингенской.

Общественной деятельностью занимается со студенческой скамьи, был членом закрытого правительством после студ. волнений Студ. Научно-литературного общества. Много работал в области народного образования, был секретарем закрытого правит. Комитета Грамотности, членом Комитета по дост. средств Высш. Женским Курсам, причем вообще много работал в области женского образования. После революции работал много по краеведению, член Центр. Совета секции научных работников и член Ленингр. Бюро секции. Состоял и состоит членом Ленингр. Облсполкома I и II созывов, членом Ленингр. Совета XI и XII созывов и избран в 1929 кандидатом в члены ЦИК СССР. Участвовал и участвует в периодической печати, помещая статьи, главным образом, по вопросам культуры и просвещения.

27.IX.1929. Сергей Ольденбург

Архив Института истории материальной культуры, ф. 2, №3 – 486 (Автограф).

Трудовой список № Л-65-а

Первый Раздел. Общие данные

1. Род. В 1863 г. сентября мес. 14/26 чис.
2. Национальность – русский.
3. Социальное положение – научный работник.

4. Самообразование — высшее.
5. Профессия — научная работа со стажем 44 лет.
6. Беспартийный.
7. В профсоюзе РПр. (секция НР)
8. На военном учете — не состою.

Второй раздел. Данные о прохождении службы.

1. 1885.VI.24 — По оконч. курса наук в СПб. Ун-те по санскр.-персидск. разр. Фак-та восточных языков со степ. кандидата, предложением Упр. СПб. Учебн. Окр. от 24.VI.1885 г. оставлен при Ун-те для приготовления к профессорск. званию на 2 г.

2. 1887.IV.1 — Приказом по ведомству Нар. Просв. командир. с ученою целью за границу на 2 года.

3. 1889.III.15 — Предлож. мин-ра Нар. Просвещен. от 24.1889 г. за №5497 допущен к чтению в СПб. ун-те лекций по кафедре санскритск. словесности, в звании приват-доцента.

4. 1889.IX.1 — С разрешен. Мин. Народн. Просвещения от 15.V.1889 г. №8287 поручено чтение лекций по свободн. кафедре.

5. 1893.IX.15 по 1894.I.1 — Командирован с ученой целью за границу.

6. 1894.IX.1. — Приказом по вед. Нар. Просвещ. командировка продлена.

7. 1895.V. 8 — По публичн. защите диссерт. «Буддийские легенды», ч. 1, фак-том Вост. Яз. СПб. ун-та признан достойным степ. магистра санскритской словесности и утвержден в этой должн. Советом Ун-та 8.V.1895 г., на что имеется диплом от 16.IV.1897 г. №954.

8. 1896.XII.1 по 1897.II.1 — С разр. Мин. Нар. Просв. командирован с ученою целью за границу.

9. 1897.I.1 — Приказ. по гражд. вед. от 8.III.1897 г. №20 назначен испр. должн. экстраорд. проф. по кафедре санскритск. словесности.

10. 1900.I.24 — Приказ. по гражд. ведом. от 24.I. №5 уволен, согл. прошению, от должности и.д. экстр. професс. и службы в СПб. Ун-те.

11. II.5 — Приказ. по гражд. ведом. от 13.III.1900 г. №18 определен на службу адъюнктом имп. Ак. Наук по литературе и истор. азиатск. нар.

12. 1901.II.1. по IX.1. — Командирован с ученою целью за границу.

13. 1903.III.1. — Общим Собр. Ак. Наук назначен зав. типограф. АН.

14. 1903.IV.19 — Приказ. по гражд. вед. от 16.VI.1903 г. утвержд. экстраордин. академиком АН по литер. и истор. азиатск. народов.

15. 1904.X.2 — Приказ. по гражд. ведом. от 31.X.1904 г. №80 утвержд., согл. избранию, Непремен. Секретар. АН.

16. 1905.V.30 по VI.15 — Командирован с ученой целью за границу.

17. 1908.XI.1 — Приказ. по гражд. вед-ву от 31.1908 г. №87, утвержд., согл. избран., ординарным академиком.

18. 1909.I.29 — С разр. Мин. Нар. Просв. командиров. с ученою целью за границу, на 1 мес. для осмотра в Берлине археолог. колл. из Китайского Туркестана.

19. 1909.IV.15 — Командирован с уч. целью в Китайск. Туркестан для археол. изыскан. на 10 мес.

21. 1910.X.28 по XI.28 — Командиров. с учен. целью за границу для работ в библио-ках Англии и Франции.

25. 1913.III.13 по IV.10 — Командирован с ученой целью за границу.

27. 1914.III.30 — С разреш. Мин-ва Народн. Прос. командир. с ученою целью за границу на три недели.

28. 1914.V.16 — С разреш. Мин-ва Нар. Просв. и по соглаш. с председател. Гос. Совета командирован с научн. целью в пределы Китая, сроком на 1 год.

30. В разн. время избр. в члены нижеслед. учен. о-в и учреждений:

а/ в поч. чл. — Археолог. Ин-та в Москве, Оренбургск. Учен. Архивн. Комисс., Русск. Библиограф. О-ва в Гельсингфорсе; б/ в почетн. корresp. Археолог. О-ва в Индии; в/ в непермен. Члены О-ва Любит. Естеств., Антропологии и Этнографии; г/ в члены-корresp. Азиатск. О-ва в Париже; д/ в члены Нижегород. Учен. Архивн. Ком., Русск. Ком-та для изуч. Средн. и Вост. Азии как представ. АН, Русск. Географ. О-ва, Русск. Археол. О-ва, Историч. О-ва при Петрогр. Ун-те, Неофилолог. Об-ва при том же Ун-те, Абердинским Ун-том в Шотланд. удостоен учен степени д-ра прав. Избран почетн. членом Псковск. Губ. Учен. Архивн. Комисс.

31. 1916. XII. 7. — Конференц. АН в засед. И.-Ф. Отд. избран Директор. Азиатск. Музея.

32. 1917. VII. 26 — Пост. Времен. Прав-ства избран на пост министра Нар. Просвещ.

33. 1917. VIII. — Прик. Врем. Прав-ства освобожден, согл. заявл., от возлож. на него обяз. по должн. м.

36. 1918. X — Избран член. Росс. Гос. Археолог. Комисс. по отделу Восточн. Древн.

40. 1923 — Командир. с научн. целью за границу (вып. из прот. ОС АН от 3. XI. 23 о возвр. из команд).

55. 1926. VI — Командир. с научн. целью за границу.

62. 1927. V. 31 — Постан. СНК СССР в засед. 31. V. 27 утвержден в должн. Непремен. Секрет.

65. 1927. XI. 19 — Постан. ОС признало невозм. удовл. ходат. об освобожд. от обязан. Непр. Секрет. и положено, в виду болезн. его состояния, предоставить отпуск для восстановления здоровья.

67. 1928. 1 — Избран Членом Учен. Совета Вост. Отд. Госуд. Эрмитажа.

69. 1928. 11. 1 — Вступил в исполнен. обязан. Непрем. Секретаря.

73. 1928. 4 — Предложено войти в состав утвержд. СНКомом Ин-та по изучению Буддийск. Культуры.

74. 1928. III. 29 — Избран Почетн. Председател. Централ. Бюро Краеведения.

80. 1928. XII. 12 — Утвержден член. Сов. Инбук.

86. 1929. IV. 25 — Командирован за границу — в Германию и Францию для прочтения ряда лекций и для научн. работ в Музеях и Библиот. названных стран, сроком на 4 месяца.

87. 1929. VIII — Избран кандидатом в Члены ЦИК СССР.

88. 1929. X. 30 — Освобожден от должности Непременного секретаря, согласно заявлению.

89. 1929. XI. 23 — Освобожден от должности председателя КИПС, согл. заявлению.

90. Помимо того в разное время был избран в Члены ниже следующих Обществ и учреждений:

Почетн. член Азиатск. О-ва в Англии и Ирландии.

Членом Лигр. Сов. XI и XII Созывов, членом Исполкома.

Член Лигр. Акад. Истории Матер. Культуры.

Член. Белорусск. Академии Наук.

— Центрального Совета Секции Научн. Работн.

— Лнгр. Бюро Секции,

— Квалифиц. Комисс. при Лнгр. Бюро.

— Совета Госуд. Географич. О-ва.

Председатель Отделения Этнограф. Госуд. Географ. О-ва.

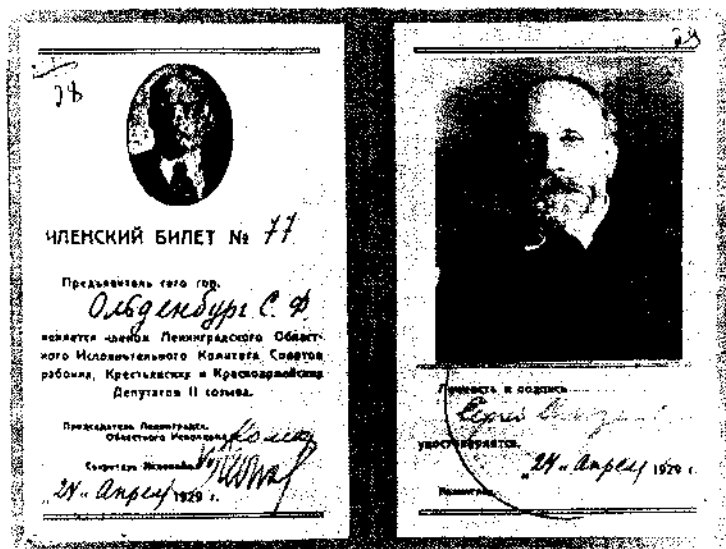
Председатель Сказочной Комиссии Госуд. Географич. Общества.

Редактор журнала «Этнография», изд. Главнаукою.

Редактор журнала «Краеведение», изд. Главнаукою (до прекр. журн. в 1930 г.).

91. 1930. II. — Освобожден от обязанностей Члена Правления Восточн. Ин-та им. т. Енукидзе за упразднением Правления.

Архив Института истории материальной культуры, ф. 2, № 3-486.

Удостоверение С.Ф. Ольденбурга как члена Леноблисполкома

ГЛАВА IX

— ФЕДОР ИПОЛИТОВИЧ ЩЕРБАТСКОЙ —

Наиболее значительные успехи российской индологической и буддологической школы связаны с именем Федора Иполитовича Щербатского (1866–1942).

Он родился в Кельцах (Польша), в 1884 г. окончил гимназию в Царском Селе и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В студенческие годы Федор Щербатской занимался индоевропейским языкознанием: у Ф.А. Брауна слушал курс древневерхненемецкого, готского, англосаксонского и древнесеверного языков, у И.В. Ягича — церковнославянского и сербскохорватского, изучал также романские наречия, греческий, латинский и персидский языки и клинообразные надписи¹. Особенно тесным было его общение с И.П. Минаевым, который стал его руководителем как в сравнительной лингвистике, так и в санскритологии. Влияние идей и самой личности Ивана Павловича на молодого исследователя оказалось весьма значительным. Учился Ф.Щербатской и у С.Ф. Ольденбурга, который вел занятия санскритом во время поездки И.П. Минаева в Индию и Бирму. Уже в те годы Ф.И.Щербатской проявлял интерес к философским проблемам и помимо языков серьезно занимался психологией.

В 1889 г. он представил диссертацию «О двух рядах гортанных в индоевропейских языках» и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Молодой ученый планировал провести шесть-семь лет за границей² для совершенствования своей подготовки, прежде всего в области индологии. В 1891 г. он был командирован в Вену, где в течение двух лет занимался в семинаре знаменитого Г. Бюллера. В письме В.И. Ламанскому от 21 января/2 февраля 1892 г. Ф.И. Щербатской³ сообщал: «Пребыванием своим здесь я все-

¹ Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 3, д. 20 (письмо Ф.И. Щербатского И.П. Минаеву от 10 января 1889 г.).

² Архив Востоковедов, ф. 39, оп. 2, д. 4 (письмо С.Ф. Ольденбурга И.П. Минаеву от 1 января 1890 г.).

³ ИРЛИ, ф. 35, оп. 4, д. 1575, л. 12 об.

таким образом, очень доволен; главная притягательная сила — Бюлер. Как человек, 19 лет проживший в Индии, как единственный в Европе знаток индийских надписей — почти единственного источника истории Индии, как аккуратный, трудолюбивый, строгий к себе и к нам наставник, он дает очень много и для знания нынешней Индии, и для изучения классического санскрита. Я не думаю в будущем специализироваться на классическом санскрите, но основательное его знание есть основа всего; нынешний семестр посвящен индийской драме и искусственному эпосу; следующий будет посвящен праву и философии. Занимаюсь теперь также и сравнительным языкознанием, хотя соединение этих двух столь теперь разошедшихся наук мне трудновато. Работу буду писать по исторической литературе санскритской. Посещаю я также занятия в славянском семинаре у Ягича».

В отличие от большинства европейских санскритологов прошлого века Г. Бюлер стремился сделать индологию дисциплиной, не зависимой от сравнительного языкознания. Он преподавал язык по традиционной методике и требовал от учеников знания индийской грамматической и комментаторской традиции. Для углубленного изучения текста, с его точки зрения, следовало овладеть не только языком, но и характерными для индийцев способами систематизации понятий, собственной им логикой изложения. Так как традиционные индийские науки (шастры) изучались в специализированных школах, Г. Бюлер считал плодотворной аналогичную специализацию и в современной европейской индологии.

Своему русскому ученику он предложил для изучения рукопись, присланную из Индии (из Пуны). Она содержала историческую поэму Харикави «Хайхайендрачарита». Интерес ее заключался не в древности или особых поэтических достоинствах, а в том, что текст сопровождался авторскими комментариями. Их анализ позволял войти в творческую лабораторию индийского поэта, попытаться оценить его произведение в соответствии с теми задачами, которые он сам перед собою ставил. Так под руководством Г. Бюлера Ф.И. Щербатской постигал язык поэзии «кавья» и особенности санскритской поэтики. Текст поэмы с немецким переводом и исследованием был напечатан в «Записках Императорской Академии наук» в Санкт-Петербурге в 1900 г.

Вскоре после возвращения на родину Ф.И. Щербатской «по независящим от него причинам»⁴ вынужден был прервать свою научную карьеру. Несколько лет он вел жизнь «сельского хозяина», будучи земским начальником и уездным предводителем дворянства. Но ученый не оставлял индологических штудий. После смерти Г. Бюлера (1898) его наставником стал другой классик немецкого востоковедения — Герман Якоби. Интересы Г. Якоби в это время были сосредоточены на проблемах индийской поэтики, философии, логики, то есть на том, что стало основным содержанием работ русского ученого. Полезно было также общение с молодыми коллегами, имевшими аналогичные научные замыслы. Например, вместе со своим постоянным научным оппонентом Луи де ла Валле Пуссенон Ф.И. Щербатской трудился над переводом философского трактата «Мадхьямака-вритти». Почти одновременно стали появляться публикации участников этого небольшого «кружка»: статьи Ф.И. Щербатского «Теория поэзии в Индии» и «Логика в древней Индии», перевод Г. Якоби эстетического трактата «Дхваньялока», издание Л. де ла Валле Пуссенон «Мадхьямика-карики» Нагарджуны.

Как и Г. Якоби, Ф.И. Щербатской высоко ценил складывавшуюся веками в Индии практику передачи и истолкования древних текстов. Он полагал, что живая традиция во многих отношениях полезнее для современного исследователя, нежели абстрактный критический метод, выработанный в Европе. Для действительного понимания текста необходимо вжиться в него, внутренне освоив дух породившей его культуры. Ученого не привлекали вопросы исторической эволюции, которые занимали большинство индологов прошлого века. Проблемы интерпретации текстов, а не их хронологии, оценка результатов духовного развития (будь то в области поэтики, философии или религиозной мысли) — вот что казалось ему наиболее важным.

Осенью 1899 г. ученый принял участие в работе XII конгресса востоковедов в Риме. С.Ф. Ольденбург, сам только что

---

⁴ Ольденбург С.Ф., Коковцов П.К., Марр Н.Я., Бартольд В.В., Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского // Известия РАН, Сер. VI, 1918, №12, с. 1717.

ушедший из университета, настойчиво хлопотал об его устройстве на факультет восточных языков. Эти усилия увенчались успехом. В 1900 г. Ф.И. Щербатской начал преподавать санскрит (а затем и пали), читать лекции по индийской поэтике. Основной областью его научных интересов стала индийская логика, и, прежде всего, логика буддистов.

Исследования в области индийской философии на рубеже XIX–XX вв. лишь только начинались. Внимание ученых привлекали главным образом основные системы (даршаны) — веданта (П. Дойссен, Ж. Тибо) и санкхья (Р. Гарбе). Тексты по логике (ньяя) не были изучены, не переводились, частью оставались не опубликованными (многие даже не были обнаружены в рукописных собраниях).

Буддологи тогда активно занимались каноническими книгами, содержащими повествования (сутта) или правила монашеского поведения (виная), но совершенно пренебрегали метафизикой (абхидхамма). Более того, буддийскую философию рассматривали лишь как часть вероучения, не придавая ей самостоятельного научного значения. Крупнейшие европейские исследователи ограничивались анализом лишь палийской «Типитаки», игнорируя позднейшие махаянистские тексты. В индологии в целом господствовало представление о незначительной роли буддизма в истории индийской культуры.

В этом историографическом контексте понятна новизна фундаментального труда Ф.И. Щербатского «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов». Первый том (1903) содержит перевод учебника логики Дхармакирти с толкованием Дхармоттары, второй (1909) — систематическое изложение буддийской логики в сопоставлении с той, что была принята в брахманских философских системах.

Уже сами принципы перевода были необычны. Блестящий знаток языка Ф.И. Щербатской исходил из того, что чисто лингвистический анализ научного текста не способен разъяснить его действительное содержание. Он считал главным «вполне точную передачу мыслей индийских философов». «С этой целью язык буддийских философов» он передавал «по возможности языком современной европейской философии»⁵.

---

⁵ Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Т. 1, СПб, 1903, с. VI.

Переводчик старался «проникнуть в мысль автора в полном ее объеме и передать ее на русском языке так, как передал бы ее сам автор, если предположить, что ему пришлось бы писать на этом языке»⁶. Подобное отношение к задачам перевода, без сомнения, было связано с интересом ученого к живой, устной традиции. Наверное, самая характерная черта его научной деятельности — стремление узнать великую цивилизацию Востока не только с внешней стороны, но и как бы изнутри. Это создавало возможность для плодотворного диалога разных культур.

Ф.И. Щербатский любил повторять слова своего «гуру» Германа Якоби: «*Verständnis ist Hauptsache*» (Главное — понять). Для подлинного понимания древних философов недостаточно строгих филологических методов, необходимо перевести их на язык современной философии. Шокирующая модернизация понятий в переводах русского буддолога была следствием его принципиальной установки. Пытаясь вступить в диалог с «поздними буддистами», он усматривал в санскритских сочинениях учение, принципиально сходное с кантианством.

Сам перевод превращался в исследование, включающее поиск эквивалентных понятий в терминологии современной философии⁷. Ф.И. Щербатской пришел к выводу, что наиболее близкие буддистам идеи содержатся у И. Канта. Не случайно название его труда, в котором «логика» неразрывно связана с «теорией познания». Интерпретация основных положений философа VII в. Дхармакирти — неоспоримая заслуга русского ученого. Он впервые продемонстрировал высочайший уровень развития индийской логики и в то же время ее неаристотелевский характер (ср. замечание неокантианца Б. Эрдмана⁸

⁶ Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Т. 1, СПб., 1903, с. LV.

⁷ См. В.К.Шохин, Ф.И. Щербатской и его компаративистская философия. М., 1998.

⁸ Эта мысль отмечена в конспекте лекций Эрдмана по истории философии, прослушанных Ф.И. Щербатским в 1901 г. (См. Я.В.Васильков, Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989, с. 184).

о том, что аристотелева логика отнюдь не является единственно возможной). Но работа Ф.И. Щербатского имела значение и для решения более обширных задач. В ней было показано огромное влияние буддийской логики на классические системы индийской философии. Ученый рассматривал философию как основу духовной жизни страны, и это позволяло ему говорить о важности вклада буддизма в формирование религии индуизма. Благодаря исследованиям Ф.И. Щербатского стало возможно говорить о целом периоде в истории индийской культуры, когда буддизм успешно соперничал с брахманизмом (индуизмом). Сам брахманизм в его поздних формах, по его мнению, не мог быть правильно понят без анализа буддийского влияния.

Первый том «Теории познания и логики» стал магистерской, а второй — докторской диссертацией Ф.И. Щербатского. В 20-х годах книга была переведена на немецкий и французский языки и вызвала оживленное обсуждение. Ее основные положения были приняты мировой наукой. Ф.И. Щербатский стал признанным авторитетом в области индийской философии и буддизма. Он активно сотрудничал в «*Bibliotheca Buddhica*» и других международных изданиях, а также в Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии, в 1910 г. был избран членом-корреспондентом, а в 1918 г. действительным членом Академии наук.

В связи с занятиями буддийской философией ученый все чаще должен был обращаться к тибетским переводам санскритских текстов и все интенсивнее заниматься тибетологией. В самом начале столетия и в европейской, и в русской науке исследованию областей Монголии и Тибета уделялось огромное внимание. Наиболее важными в историко-этнографическом отношении были экспедиции Свен Гедина, Сарат Чандра Даса и организованное петербургскими востоковедами путешествие к «святыням Тибета» бурята Гомбоджаба Цыбикова, странствовавшего под видом буддиста-паломника в 1899–1902 гг. Уже в 1904 г. на факультете восточных языков Ф.И. Щербатский начал преподавать тибетский язык, не входивший еще в учебные программы университета. Вскоре вышел его «Определитель корней в тибетском языке»⁹, до сих пор привлекающий внимание лингвистов.

⁹ Сборник в честь В.И. Ламанского. Ч. 1, СПб., 1907.

Ф.И.Щербатской полагал, что в буддийских монастырях Монголии и Тибета можно найти философские тексты на санскрите или переводы памятников буддийской философии. Его интересовал и уклад жизни в монастырях, который, по его представлениям, мало изменился со времен Дхармакирти. Тибет и вообще Центральная Азия были тогда районами острого столкновения политических интересов таких крупных держав, как Англия, Россия и Китай. С одной стороны, это стимулировало внимание ученых к данной территории, с другой — международная напряженность нередко осложняла и сковывала чисто научные предприятия.

В августе 1904 г., в связи с занятием Лхасы английскими войсками, Далай-Лама XIII бежал в Монголию. Глава ламаистского духовенства обратился за помощью к России. Ф.И. Щербатской, установив контакт с прибывшим в Петербург ученым ламой из Агинского дацана Данзином Зарбаином, планировал поездку в Монголию и Тибет, «чтобы ознакомиться на местах с постановкою философского преподавания в ламайских монастырях и проследить, в какой мере здесь сохранились старые индийские методы и предания»¹⁰. Прибыв в Ургу для встречи с далай-ламой, он телеграфировал в Русский комитет 7 июля 1905 г., что «далай-лама предлагает сопровождать его в Тибет, где г. Щербатской найдет обильный материал для научных исследований. С.Ф. Ольденбург передал Комитету содержание своей беседы с товарищем министра иностранных дел князем Оболенским, который вполне определенно высказал, что просит в настоящее время не командировать г. Щербатского в Тибет ввиду могущих от этого произойти дипломатических осложнений. На основании этого отзыва Комитет постановил отложить командировку Ф.И. Щербатского до более благоприятного времени»¹¹.

Во исполнение предложения далай-ламы в Тибет на два года был послан ученик Ф.И. Щербатского бурят Бадзар Барадийн. Он привез из Лаврана ценную коллекцию памятников искусства, этнографических предметов и книг. Вероятно, помня беседы с русским ученым, далай-лама позднее прислал в

¹⁰ СПб филиал архива РАН, ф. 148, оп. 1, д. 12, л. 2.

¹¹ Там же, л. 32. (Протоколы РКИСВА) .

дар Азиатскому музею уникальную рукопись Камалашилы (VII в.) «Бхаванакрама» («Процесс созерцания»), приготовленную затем к изданию учеником Ф.И. Щербатского Е.Е. Обермиллером (опубликована лишь в 1963 г.).

Из каталогов давно уже было известно о существовании важных рукописей философского содержания в собраниях Западной Индии. По просьбе Ф.И. Щербатского Академия наук в 1908 г. направила в Индию официальную просьбу прислать «рукописи в использование или заказать с них снимки», — но безрезультатно. Ф.И. Щербатской внес в факультет восточных языков представление о командировании его в Индию и получил такую возможность с помощью Русского комитета. Срок командировки (1 декабря 1909 г. — 1 сентября 1910 г.) впоследствии был продлен.

Цели поездки состояли в следующем. Первое: «изучение на месте источников философской системы ньяя-вайшешика». Одной из ближайших задач являлось «разыскание санскритских рукописных оригиналов тех сочинений, с которых были сделаны тибетские, монгольские и китайские переводы» текстов махаяны, имевших важное значение для указанной философской системы. Ученый планировал скопировать рукопись Камалашилы «Таттвасанграха» в джайнской библиотеке Джессалмира и вести поиски «остатков буддийской научной литературы также в Сиккиме и Непале». С этой же целью предполагались экскурсии в Кашмир и на юг — в Траванкор и Коломбо. Вторая цель — ознакомление с положением, в котором «находится изучение санскритского языка и литературы в самой Индии, и особенно тех отраслей литературы, которые до сего времени не поддавались интерпретации европейских ученых, представляли для них более или менее загадку»¹². Видимо, поэтому большую часть командировки он предполагал провести в Бенаресе — основном центре традиционного образования. Естественно, общее знакомство со страной также входило в его планы, но оно не было самоцелью. Ученый нуждался не в беглом осмотре исторических достопримечательностей, а в близком знакомстве с духовной жизнью представителей традиционной индийской культуры.

¹² Известия РКИСВА, Сер. II. 1912, №1.

Отъезд из Петербурга состоялся 30 ноября 1909 г., но еще целый месяц ученый пробыл в Европе, где вел переговоры с немецкими (Г. Людерс, А. Грюнведель, А. Лекок) и французскими ориенталистами (Э. Сенар, О. Барт, Э. Шаванн, П. Пеллио). От С. Леви он узнал о сенсационной находке А. Стейна, который привез в Лондон уйгурскую рукопись «Абхидхарма-коши» Васубандху — буддийской философской энциклопедий. Санскритский оригинал этого текста тогда считался утерянным. Ф.И. Щербатской давно уже проявлял интерес к этому произведению, упоминалось оно и в беседе его с далай-ламой в Урге. Общение с коллегами проходило в весьма любезном и дружественном тоне, но находки, привезенные только что вернувшимся из Центральной Азии П. Пеллио, русскому ученому увидеть так и не удалось. Не смог он заручиться и обещанием о присылке копий тюркских (уйгурских) рукописей в Петербург. Аналогичные просьбы из Берлина, от Ф. Мюллера и А. Лекока, также не нашли положительного отклика. Ф.И. Щербатской сообщал, что С. Леви и П. Пеллио начали усердно заниматься тюркским, рассчитывая исследовать эти тексты самостоятельно. Несмотря на договоры о международном сотрудничестве, представители каждой национальной школы стремились своими силами обрабатывать добытые ими материалы. В наименее выгодном положении при этом оказывалась Россия, которая, по признанию французов, «не обладала достаточными материалами, несмотря на то, что именно ее Комитет был наиболее деятельным»¹³.

Лишь накануне Нового года, 30 декабря, Ф.И. Щербатской отплыл из Марсея в Бомбей. Он не собирался останавливаться в этом городе, планируя лишь собрать некоторые сведения о коллекциях рукописей, а также скопировать упомянутый выше манускрипт «Таттвасанграхи». Вопрос с копией решился просто — ее удалось заказать за государственный счет, и, таким образом, ученый «избег необходимости предпринять довольно трудную экспедицию через пустыню»¹⁴. Но главная удача заключалась в том, что по счастливой случайности в Индии русскому ученому удалось встретиться с нищим

¹³ СПб филиал архива РАН, ф. 177, оп. 2, д. 287, л. 6.

¹⁴ Там же, ф. 725, оп. 1. д. 9.

отшельником из Митхилы — замечательным знатоком «санскритской учености». О своей работе Ф.И. Щербатской сообщал в письме В.А. Жуковскому¹⁵: «я сразу нашел туземца-факира¹⁶, знатока философии удивительного, в нем живо традиционное знание, которого из книг не добудешь. Такие люди в современной Индии очень редки... Я с ним сошелся, до сих пор ежедневно туда ездил, а с завтрашнего дня туда переселяюсь; для этого пришлось нанять целый дом, т.н. bungalow, обстановку и целый штат прислуги. Таковы уж здесь нравы, человек, который prepares кушанье, скорее умрет с голоду, чем согласится подавать на стол, подметать и чистить нужен особый человек, носить воду также и т.д.»

Ф.И. Щербатской писал позднее в своем отчете: «Я поселился с ним и другими пандитами¹⁷ в местности Гхат Копар и прожил в этой среде в общей сложности около 8 месяцев. Жили мы в совершенно индийской обстановке, в местности, в которой не было ни одного европейца, где единственный разговорный язык был санскрит, проводя время с утра до вечера в философских диспутах, с двумя перерывами в месяц — в день новолуния и полнолуния»¹⁸. Именно «в этой работе,

¹⁵ Вигасин А.А., Письма Ф.И. Щербатского из Индии // Российские путешественники в Индии. XIX — начало XX в. М., 1990, с. 290.

¹⁶ Факир — индийский садху, странствующий подвижник, нищий отшельник.

¹⁷ Некоторое время в одном доме с Ф.И. Щербатским жил известный впоследствии индийский санскритолог Вишну Суктханкар (1887–1943), главный организатор критического издания «Махабхараты». Там же появлялся молодой буддолог Дхармананд Косамби (1876–1947), который впоследствии сотрудничал с Ф.И. Щербатским (СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 111, л. 1).

¹⁸ С.В. Чиркин, исполнявший должность консула в Бомбее, вспоминал: «Санскритолог профессор Щербатский... проводил время своей командировки где-то в Сурате в обществе рекомендованного ему ученого-индуса, живя, как он мне говорил, в индусской обстановке, питаясь и даже одеваясь по-индусски. Профессор по своей элегантной внешности и лоску был очень далек от типа профессора, известного мне по университету, напоминая скорее европейского дипломата, и как-то не верилось в его перевоплощение в «пандита» (С.В. Чиркин, Двадцать лет службы на Востоке. М., 2006, с. 178).

совместно с туземными пандитами», Федор Ипполитович и видел «главный результат своего путешествия»¹⁹. Он говорил²⁰: «Я вывез эти знания из Индии, где я в живом общении и дружбе с туземными учеными изучал то, что нигде иначе не может быть изучено».

В архиве ученого²¹ хранится своеобразное «свидетельство» (на санскрите) об этих занятиях, выданное ему Свами Сурешваранандом: «Преподаватель главного учебного заведения Русской страны по имени Щербатска прочитал со мною «Ньяябхашья», «Ньяявартика», «Ньяявартикаатпарьятика», «Ньяякусуманджалитаттвачинтамани», «Ньяяканикашлокавартика» и др. ... и после испытания удостоен звания «Таркабхушана» (букв. «Украшение логики»)».

Впоследствии в «Отчете» Ф.И. Щербатской со слов своего учителя говорит о постановке преподавания санскрита в Индии, крайне низко оценивая те центры (прежде всего, Калькутту), где изучение языка «ведется по европейским методам». И, напротив, с большой похвалой он отзывался о системе изучения санскрита в Дурбханге, лежащей в стороне от современных центров и главных путей управления. Именно из этой местности и происходил учитель, рассказавший ему, что Дурбханга была «родиной большинства великих философов и ученых».

Важное значение придавал Ф.И. Щербатской знакомству с рукописными собраниями джайнов, которые «старательно изучали и даже комментировали буддийские сочинения эпохи расцвета»²². «В Патане предполагали существование библиотеки Хемачандры, которого джайны считают великим своим ученым. Но Бюлеру, несмотря на 17 лет, проведенных в Бомбее, не удалось ее видеть. А Р.Г. Бхандаркар при свида-

---

¹⁹ Щербатской Ф.И. Краткий отчет о путешествии в Индию // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989 г., с. 257.

²⁰ СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 1, д. 153, л. 4 (Российско-индийские отношения в 1900–1917 гг., Сборник архивных документов и материалов, М., 1999, с. 263).

²¹ СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 22, л. 30.

²² Там же. Ф. 725, оп. 1, д. 9.

нии мне сказал, что, по его убеждению, библиотека эта погибла и не существует вовсе»²³. Дело в том, что в «свои библиотеки (бандары) джайны пускают посторонних посетителей крайне неохотно и только особенно рекомендованных им лиц. Старики все еще боятся, что каждый чужеземец, подобно их бывшим правителям мусульманам, пожелает предать огню всякую книгу немусульманского вероучения». Доступны книги только «тем лицам, к которым джайны чувствуют особое доверие». Очевидно, их доверие сумел завоевать и русский ученый. Благодаря содействию махараджи княжества Бароды ему удалось не только ознакомиться с библиотекой, но и заказать списки интересовавших его сочинений.

С большим опозданием, в начале июля 1910 г., Ф.И. Щербатской смог получить присланное Комитетом сложное и дорогостоящее оборудование для пересъемки рукописей в библиотеке, но хранители джайнской библиотеки «запротестовали против этой необычной операции и мне пришлось удовольствоваться заказом списков». Удалось сделать фотокопии рукописей XIII в. по ньяя в Пуне (Декан колледж). «Рукописи эти были настолько сухи, что ломались от прикосновения и, вероятно, скоро рассыплются на мелкие кусочки, вроде тех кусочков пальмовых рукописей, какие теперь находят в песках Центральной Азии»²⁴. Помимо этого вместе с М.С. Андреевым, впоследствии известным востоковедом, а тогда русским военным агентом в Индии²⁵, Ф.И. Щербатскому удалось приобрести и отправить в Музей антропологии и этнографии фрагмент дворца маратхского правителя из Насика.

Лишь в сентябре, после окончания сезона дождей, появилась возможность отправиться в Бенарес. Здесь Ф.И. Щербат-

---

²³ Щербатской Ф.И. Краткий отчет... с. 256.

²⁴ Там же.

²⁵ С.В. Чиркин (ук. соч. с. 158) утверждает, что Андреев «никогда на военной службе не состоял и никаких военных секретов... не открывал». Однако в документах МИД говорится: «чиновник военного ведомства М.С. Андреев,... означенному лицу... поручена организация на прочных основаниях военно-разведывательной части при Генеральном Консульстве в Бомбее» (АВПРИ, ф. 214, оп. 779, д. 68, л. 10–12).

ской занимался текстами системы миманса, которые интересовали его преимущественно благодаря сведениям о философии буддизма и о полемике между сторонниками систем ньяя и миманса.

Недолго пробыв в Калькутте, Ф.И. Щербатской 4 октября 1910 г. приехал в Дарджилинг. Помимо надежды на то, что здесь, у границ Тибета, можно найти ценные рукописи в буддийских монастырях, ученого привлекало и другое: в это время в Дарджилинге жил в добровольном изгнании далай-лама. От него он надеялся получить информацию о тибетских монастырях, а возможно, с его помощью и совершить туда путешествие. Увидеть далай-ламу было делом непростым. «Положение, в котором живет далай-лама в Дарджилинге, похоже на положение военнопленного, хотя и окруженного некоторым внешним почетом, сношения с ним по почте и телеграфу невозможны, и двигаться он никуда без разрешения английских властей не может». В архиве Ф.И. Щербатского содержатся копия его письма к губернатору Бенгалии²⁶ с просьбой дозволить аудиенцию у далай-ламы и ответ на аналогичное обращение к Ч. Беллу, политическому агенту при махарадже Сиккимском. Любопытна также дневниковая запись²⁷, сделанная 7 октября. Она показывает, что первоначально английские власти вовсе не проявили «исключительной любезности»²⁸ к «русскому профессору». Судя по этой записи, активно помогал Ф.И. Щербатскому, используя свои широкие связи среди тибетцев, С.Ч.Д. (то есть Сарат Чандра Дас, книга которого «Путешествие в Тибет» несколькими годами ранее появилась в русском переводе). Далай-лама уже знал о пребывании Ф.И. Щербатского в Индии и сообщил, что сам очень желает видеть его. В конце концов, им удалось «сноситься совершенно свободно»²⁹.

От далай-ламы и его приближенных Ф.И. Щербатской «полнил свои сведения о тибетских монастырях» с их «большими собраниями санскритских рукописей и ксилографов».

²⁶ Там же, оп. 3, д. 84.

²⁷ Там же, оп. 2, д. 25, л. 32.

²⁸ Ф.И. Щербатской, Краткий отчет... с. 258.

²⁹ СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 2, д. 25, л. 32.

Далай-лама пригласил русского буддолога «посетить Тибет и сфотографировать их». Однако ситуация в стране была крайне напряженная. В черновике отчета содержатся на этот счет весьма красочные детали. Состоящие при далай-ламе министры составили для Ф.И. Щербатского записку о причинах успешного бегства далай-ламы из Лхасы. Речь идет о разрушениях монастырей и жестокой политике цинского правительства («с жалобщиками же амбань распоряжается очень круто, всем им отрубили головы» и т.д.)³⁰.

Помимо личного отношения к русскому ученому, запомнившемуся ему со времен встречи в Урге, далай-лама, несомненно, имел и политический расчет. Поэтому он хлопотал о разрешении ехать с Ф.И. Щербатским вместе в Калькутту на свидание с новым вице-королем лордом Керзоном, а затем в Лондон и в Петербург. «Главным, даже единственным условием своего возвращения в Тибет он ставил присутствие при себе представителей заинтересованных правительств Англии и России, как бы они ни назывались — консулом, агентом или иными»³¹. Ф.И. Щербатской же мечтал проехать из Дарджилинга в Тибет, что «не представляло никаких ровно затруднений», «было весьма заманчиво воспользоваться случаем, чтобы совершить путешествие». «Дело остановилось за разрешением китайского правительства, без которого в то время ехать открыто не представлялось возможным. К сожалению, в Петербурге этого разрешения добиться не удалось, и так пришлось, находясь, так сказать, уже в самом Тибете, отказаться от осуществления этой заветной для каждого тибетаниста мечты»³².

Другое дело, поглощавшее внимание ученого в Дарджилинге, — работа над переводом «Абхидхармакоши» вместе с известным английским востоковедом Денисоном Россом. Д. Росс вспоминал впоследствии³³, как он приглашал индийских ученых, хорошо знавших санскрит, как, например Харапрасад Шастри и Сатишчандра Видьябхушана, и оставлял их наеди-

³⁰ Там же, ф. 725, оп. 2, д. 25, л. 7-9.

³¹ Там же, л. 9.

³² Ф.И. Щербатской, Краткий отчет... с. 258.

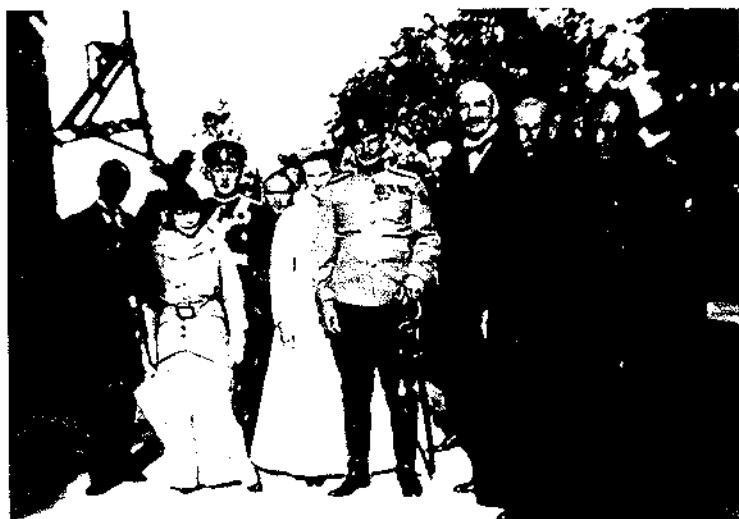
³³ Ross D. Both Ends of the Candle. L., 1943, с.152.

Ф. И. Щербатской с Денисоном Россом и его супругой.
Калькутта. Ноябрь 1910 г.

не с русским, чтобы они могли свободно беседовать на этом языке. О своей плодотворной работе с Щербатским он тогда же сообщал Аурелю Стейну³⁴.

Интенсивное изучение «Абхидхармакоши» в разных странах продолжалось и в годы первой мировой войны. Ученик Ф. И. Щербатского О. О. Розенберг писал: «На чрезвычайную важность «Абхидхармакоши» было обращено внимание давно. Полное исследование этого сочинения явится началом новой эпохи не только в изучении буддизма, но индийской философии и религии вообще. В настоящее время внимание всех почти изучающих буддизм сосредоточено на этом сочинении»³⁵. В 1912 г. в Париже Ф. И. Щербатскому удалось договориться о создании группы по изучению этого важнейшего памятника индийской философии.

Возле буддийского храма в Санкт-Петербурге. Июнь 1914 г.
(Ф. И. Щербатской, П. К. Козлов и Е. В. Козлова-Пушкарева,
кн. Д. Ц. Тундудов и кн. К. А. Тундудова, А. Доржиев, С.-Д. Жигжитов)

В серии «*Bibliotheca Buddhica*» Ф. И. Щербатской публиковал санскритские и тибетские философские тексты «Ньяя-

³⁴ Там же, с. 109.

³⁵ Розенберг О. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918, с. XIV.

бинду», «Ньяябиндутака», «Сантанантарасиддхи» и др. Им была задумана и новая серия — «Памятники индийской философии». Интерес к индийской культуре в России в то время был настолько велик, что можно было издавать философские тексты уже не только в переводах на западноевропейские языки, но и по-русски. Но из-за мировой войны ни один выпуск этой серии так и не вышел в свет до Октября 1917 г.

С.Ф. Ольденбург с юных лет занимался общественной деятельностью, участвуя в различных организациях либерального направления. Ф.И. Щербатской был человеком совершенно иного склада. Близко знавший его В.И. Вернадский писал в дневнике³⁶: «Новгородский помещик, Щ[ербатской] года три был земским начальником, семья очень консервативная». Младшая сестра Федора Ипполитовича, Мария (1869–после 1939) была замужем за С.Е. Крыжановским (1862–1935) — другом юности С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского. В отличие от них С.Е. Крыжановский в зрелом возрасте принадлежал к политическим деятелям правой ориентации, он сделал успешную карьеру — сенатор, член Государственного совета, последний статс-секретарь Его Императорского Величества. И это «перерождение», монархизм «Сережки», В.И. Вернадский объяснял именно «влиянием Щербатских»³⁷. В письмах Ф.И. Щербатского, написанных летом 1917 г., даются трезвые и довольно пессимистические оценки происходящего. Естественно, никаких симпатий к большевикам (да и к прочим социалистам и революционерам) у предводителя дворянства, новгородского помещика, быть не могло. В отличие от С.Ф. Ольденбурга, он никогда не увлекался социальными утопиями, а в быту отнюдь не был склонен к аскетизму — по привычкам и психологии Федор Ипполитович был настоящим русским барином.

Тем не менее, после Октябрьского переворота ученый демонстрировал полную лояльность новой власти. Он принад-

³⁶ Вернадский В.И. Из «Хронологии 1942 г.» (архив РАН, ф. 518, папка 1, л. 5). Автор статьи благодарит В.П. Волкова за предоставленную возможность ознакомиться с данным документом, подготовленным к печати.

³⁷ Там же, л. 7.

лежал к той части интеллигенции, которая осталась в России, планировала работать для России и надеялась на сотрудничество с новой властью. Несмотря на острые характеристики, даваемые государственной политике, Ф.И. Щербатской был, в сущности, аполитичен. Во всяком случае, он был твердо уверен в том, что наука совершенно независима от какой-либо политики. Очевидно, его устраивала любая власть, которая давала бы возможность жить и заниматься любимым делом.

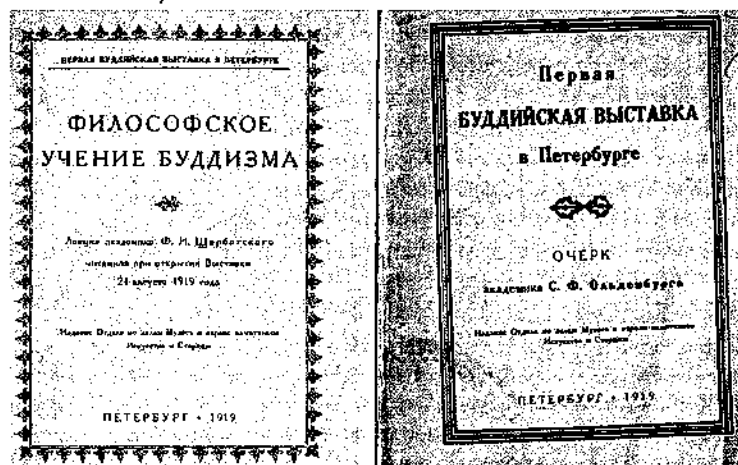
Уже в 1918 г. он планирует организовать экспедицию в Тибет с целью поиска рукописей буддийских философских сочинений. Ф.И. Щербатской «в совершенном восторге»³⁸ от того, что советские руководители обещают поддержку в этом начинании. Он прекрасно понимает, что большевики заинтересованы не в изучении буддийской философии, а в коммунистической пропаганде в странах Азии, однако это обстоятельство его не смущает. По заданию Наркоминдела он во время Гражданской войны выполняет переводы документов, добытых тайными информаторами в Тибете. Ему хотелось бы только за эту работу получить из-за границы необходимые научные публикации³⁹. Будет ли укреплять свое влияние на Востоке ужасная русская бюрократия или утописты-коммунисты, казалось не столь уж важным. Главное, сбудется то, о чем он мечтал долгие годы — разыскать в монастырях Тибета утерянные санскритские сочинения по буддийской логике и метафизике.

В обстановке чудовищной разрухи, голода и гражданской войны коммунистические вожди строили планы разжечь революционный пожар в самом сердце Азии. В этой связи они проявляли интерес к Тибету (почти с тем же мистическим настроением, какой был при дворе последнего царя, — и с той же степенью невежества). Поразительно, что в тяжелейшую пору, когда практически была парализована издательская деятельность (прежде всего академической типографии), по Тибету вышло едва ли не больше книг, чем за все последующие годы советской власти. В 1919 г. был опубликован труд Г.Ц. Цыбикова «Буддист паломник у святынь Тибета» — огромный, роскошный том с фотографиями. В 1920 г. П.К. Козлов напечатал срочно написанную книгу «Тибет и Далай-Лама».

³⁸ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 170.

³⁹ Там же, л. 24.

24 августа 1919 г. в Петрограде открылась «Первая буддийская выставка», на которой выступали с лекциями С.Ф. Ольденбург, Б.Я. Владимирцов, Ф.И. Щербатской и Отто Розенберг. Лекция Ф.И. Щербатского «Философское учение буддизма» заканчивалась таким неожиданным пассажем⁴⁰: «Отрицание национальной ограниченности, всеобщее братство всех людей, лишенных права частной собственности, ... вера в то, что мы... должны двигаться к совершенствованию, — независимо от Бога, души и свободы воли — вот основные черты как буддийского, так и нашего современного, новейшего мирозерцания». Таким образом, лектор пытался в философском учении буддизма обнаружить идеи близкие социализму. Понятно, что подобная тенденция могла быть связана с обновленческим движением в самом буддизме XX века (сходные мысли высказывал близкий Ф.И. Щербатскому хамбо-лама Агван Доржиев). Однако это был и сигнал о политической лояльности ученого.

Лекции на Первой буддийской выставке

Уже осенью 1919 года Ф.И. Щербатской настойчиво добивается для себя командировки за границу для того, чтобы совместно с С.Леви продолжить работу над памятником буддий-

⁴⁰ Ф.И.Щербатской, Философское учение буддизма. Петербург, 1919, с. 48.

ской философии «Абхидхармакоша» (впрочем, когда он оказался в командировке, о сотрудничестве с С. Леви уже не было речи). С этой целью он отправляется в Москву к А.В. Луначарскому с письмом неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга. В письме, датированном 25 ноября 1919 г., говорилось⁴¹: «Академия решила возбудить вопрос о командировке Ф.И. Щербацкого за границу месяцев на пять...» Далее С.Ф. Ольденбург подчеркивает практическое значение изучения буддизма «в настоящее время, когда Восток, особенно Дальний Восток, начинает играть все большую роль в мировой жизни».

Нарком просвещения отнесся к этой просьбе «сочувственно»⁴² и 28 ноября написал соответствующее письмо наркому иностранных дел Г.В. Чичерину. «После долгого и внимательного обсуждения вопроса о научной командировке академика Щербацкого за границу Народные комиссариаты иностранных дел и просвещения пришли к выводу, что, как с точки зрения интересов научных, так и с точки зрения политической, поездка т. Щербацкого за границу является желательной»⁴³. Однако командированный ученый должен быть вполне «лояльным» и дать слово «в случае обращения... иностранцев с вопросами правдиво передавать то, что нами, несмотря на все встречаемые стихийные препятствия, делается для сохранения развития культурной жизни в стране»⁴⁴. Этому условию академик Ф.И. Щербатской полностью соответствовал.

Предполагаемая командировка встретила решительное сопротивление в наркомате внешней торговли, который ссылался на полное отсутствие иностранной валюты (что было чистой правдой). Вопрос разбирался на уровне Председателя Совнаркома. Командированному за границу предлагалось «существовать заработком зарубежным»⁴⁵, хотя и Наркомпрос ассигновал деньги «частью на жизнь проф. Щербацкого за границей, частью на закупку книг по его специальности» 600 тысяч рублей (что составляло около четверти годового бюджета наркомата на командировки).

---

⁴¹ В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады и документы // Литературное наследство, т. 80. М., 1971, с. 169–170.

⁴² Там же, с. 170.

⁴³ Там же, с. 168.

⁴⁴ Там же, с. 169.

⁴⁵ Там же.

Параллельно ученый изыскивал любые возможности сообщить зарубежным коллегам о том, что он непременно хотел бы выехать куда угодно — в Европу или Америку. 10 сентября 1920 г. гарвардский профессор философии Джеймс Вудс (1864–1935) писал Александру Щербатскому⁴⁶, находившемуся в эмиграции⁴⁷: «Любезный сэр! Когда я был в Париже, мистер Виктор Голубев⁴⁸ сообщил мне, что Вы можете помочь мне связаться с Вашим братом, проф. Щербатским. У меня не было возможности общения с ним после начала войны. Может быть, нам удастся организовать ему приглашение для краткого визита в Америку. В любом случае, я был бы рад узнать, что он не пострадал в нынешней ситуации. Искренне Ваш Джеймс Вудс». Сильвен Леви, связанный с Ф.И. Щербатским по работе над «Абхидхармакошей», также старался организовать для него приглашение в Париж для чтения лекций в Коллеж де Франс⁴⁹.

В связи с фантастическим тибетским проектом советские власти были заинтересованы в публикации грамматики тибетского языка. Ф.И. Щербатской пообещал такую грамматику издать, предложив, однако, вначале напечатать учебник санскрита, будто бы абсолютно необходимого для изучения Тибета. Перевод известной книги Г.Бюлера, по которой в университете проводились занятия по санскриту, был выполнен П.В. Ерышtedтом (в будущем известным коптологом, 1890–1966) еще в студенческие годы «совместно с приват-доцентом бароном А.А. Сталь-Гольштейном»⁵⁰. Скорее всего, они пере-

⁴⁶ А.И.Щербатской — выпускник Факультета восточных языков, получивший в 1891 г. золотую медаль за «выдающуюся, по отзыву Розена, текстологическую работу о «Калиле и Димне» (см. И.Ю.Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.–Л., с. 103), до революции работал в Министерстве иностранных дел.

⁴⁷ СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 69.

⁴⁸ В.В.Голубев (1878–1945) — выпускник историко-филологического факультета СПб университета, в эмиграции занимался археологией и искусством Юго-восточной Азии.

⁴⁹ См. письма, опубликованные в книге: G.M.Bongard-Levin, R.Lardinois, A.Vigasin, *Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg (1887–1935)*. P., 2002, с.176–186.

⁵⁰ Г.Бюлер, Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Перевод под редакций профессора Ф.И.Щербатского. Стокгольм, 1923, с. IV.

водили учебник в 1910 г., когда Сталь-Гольштейн заменял уехавшего в Индию Щербатского. Для начала двадцатых годов должны были уже архаично звучать некоторые переводы санскритских слов, такие как: bhavatī — «милостивая государыня» (с. 127), bhavān — «Ваше благородие» (с. 45). Рукопись этого чернового перевода Ф.И. Щербатской взял с собою в заграничное путешествие. Так был издан «Элементарный курс санскритского языка» (Стокгольм, 1923 г.), напечатанный «под наблюдением проф. Ф.И. Щербатского», — по нему и ныне изучается этот язык в нашей стране. Что касается тибетской грамматики, ее Ф.И. Щербатской, видимо, так и не составил. Только абсолютным хаосом первых послереволюционных лет можно объяснить тот факт, что в 1920–21 гг. часть крайне скудного золотого запаса страны была выделена на издание в Швеции учебника по древнеиндийскому языку!

В конце 1920 г. Ф.И. Щербатской получил, наконец, возможность выехать в Швецию. 5 февраля 1921 г. он сообщал С.Ф. Ольденбургу⁵¹: «Вот уже три месяца, что я Вас покинул. Пишу Вам часто, никакого ответа не получаю. Не знаю, получаете ли Вы мои письма... Я здесь живу в прекрасных условиях, занимаюсь абидармой (абхидхармой, т.е. буддийской метафизикой — А.В.). Не тороплюсь ехать дальше... Я здесь также выжидаю ответа из Америки от Lanman'a и Woods'a. Если не получу через неделю, поеду дальше; все разрешения у меня уже имеются». С.Ф. Ольденбург ответил 18 марта из Риги (где он находился «экспертом по вопросу о культурных ценностях при заключении мира с Польшей»⁵²): «Рад, что Вы работаете. Когда же в Англию и Францию?» Он выражает надежду, что Щербатской «уже получил 12 тысяч — кредит на издание учебников» (по санскриту и тибетскому). «С чего начнете?»

Бурная организационная перестройка первых лет советской власти затронула и востоковедение. Постановлением Наркомпроса от 17 августа 1919 г. Факультет восточных языков был растворен в новом Факультете общественных наук⁵³.

⁵¹ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 50.

⁵² СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 161, л. 3 и об.

⁵³ Деканом нового факультета стал Н.Я. Марр, который вскоре уехал в длительную зарубежную командировку для изучения языков басков и этрусков.

Центром подготовки востоковедов-практиков должен был стать организованный по решению Совнаркома Институт живых восточных языков (срок обучения в котором был определен всего в три года). В условиях 1920 г. «практическая деятельность», естественно, была по преимуществу пропагандистской! Недаром арабист И.Ю. Крачковский записывал в дневнике: «...меня изводят все эти вновь появившиеся институты... Думаю от практического отказаться, если только будет возможно...»⁵⁴ Но Ф.И. Щербатского такая направленность работы, видимо, не смущала, он не только заявил о своем согласии преподавать в Институте, но и готов был защищать его от нападок эмигрантов. Он с негодованием пишет о том, что М.И. Ростовцев распространяет слухи, будто «наш институт... есть школа пропагандистов для уничтожения культуры на Востоке»⁵⁵. «Наши эмигранты... совсем не способны... видеть науку вне политики»⁵⁶!

Возмущение эмигрантами, по всей видимости, было искренним. Однако следует иметь в виду и другое обстоятельство: оба корреспондента не могли не учитывать, что непосредственный адресат не являлся единственным читателем этих писем. Ф.И. Щербатской не мог знать, что тогда же из Управления делами Совнаркома было направлено секретное отношение в Наркомпрос с требованием информации относительно его поведения. В ответ на запрос В.И. Ленина 9 марта 1921 г. А.В. Луначарский писал Н.П. Горбунову (управделами Совнаркома): «Академик Щербацкий — превосходный ученый, за время революции написал замечательную брошюру о буддизме, где подходит к буддизму с социалистической точки зрения (отказ от личного эгоизма и личного имущества, обретение душевного покоя и радости в общественной гармонии). Как человек передовой и симпатично относящийся к Советской власти, был отпущен нами за границу... За границей вел себя исключительно лояльно... Собирается вернуться на днях в Россию со всеми научными новостями»⁵⁷.

⁵⁴ Цит. по А.А. Долинина, *Невольник долга*, СПб. 1994, с. 212.

⁵⁵ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 55–56.

⁵⁶ Там же, л. 62.

⁵⁷ Ленин и Луначарский, с. 258–259.

Формулировка «на днях» была сильным преувеличением — Ф.И. Щербатский вернулся лишь летом 1923 г.

Его деятельность по покупке новых книг (главным образом, по санскритологии — то есть, прежде всего, для его собственной работы), конечно, была бесполезна, но не держать же с этой целью человека три года в Европе! Главное заключалось отнюдь не в организации научных связей, а в том, что крупный ученый мог несколько лет жить в Европе, которая уже начинала возвращаться к нормальному существованию после мировой войны. Ф.И. Щербатский работал в библиотеках, свободно общался с коллегами, читал лекции и доклады, печатал труды. Как сам он говорит в одном из писем: «Здесь так хорошо и мирно живет, такие чудесные условия высокой культуры и необыкновенного внимания, что никуда не хочется уезжать»⁵⁸.

Упорная работа над буддийской «Энциклопедией дхармы» в постоянном общении с ведущими европейскими специалистами привела исследователя к принципиально новой концепции буддизма и его роли в истории индийской культуры. В начале двадцатых годов он уже мог делиться полученными результатами с Г. Якоби в Бонне, с С. Леви в Париже, с супругами Рис Дэвидс в Лондоне, с М. Валлезером, Л. де ла Валле Пуссеном. А.В. Луначарский и В.И. Ленин, посылая Ф.И. Щербатского в научную командировку, считали ее желательной «с точки зрения политической», дабы «засвидетельствовать за границей о непрекращающейся культурной жизни в России»⁵⁹. План этот удался вполне.

Он читал курс лекций в School of Oriental Studies в Лондонском университете и сотрудничал с директором этой школы Денисоном Россом. В Париже постоянно общался с Полем Пеллио, в Берлине — с А. Грюнведем и А. Лекоком. Но особенно плодотворна была работа в семинаре у Г. Якоби в Бонне («читал несколько лекций о буддизме как шастре»⁶⁰) и общение с его многочисленными учениками (Г. фон Глазенапп, Б.Брелер, В. Кирфель). Встречался он также с Рабиндранатом

⁵⁸ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 55.

⁵⁹ Ленин и Луначарский. С. 169–169.

⁶⁰ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 64.

Тагором, надеясь воспользоваться когда-нибудь его приглашением прочитать лекции в Шантиникетане. Он отмечал⁶¹, что «Якоби... ужасно заинтересован нашими успехами в области познания буддизма».

Шла напряженная и плодотворная работа. Уезжая из Европы, Ф.И. Щербатской с гордостью писал⁶²: «Свою лондонскую книгу, заглавие *Central Conception of Buddhism*, отослал на прошлой неделе в Лондон указатели, и надеюсь увидеть ее перед отъездом. Якоби уже видел в корректуре и будет писать о ней рецензию в *ZDMG*⁶³. Мой Дармакирти⁶⁴ печатается в Мюнхене, и к нему я прибавлю главу. Французский перевод⁶⁵ будет печататься в мае, т.е. должен бы начаться теперь. Таким образом, я буду сразу печататься в 5 городах на 4-х языках!». Трудно согласиться с мнением Я.В. Василькова⁶⁶, что, отправляясь за границу, ученый жертвовал собственными научными интересами и планами.

Во время зарубежной командировки Ф.И. Щербатской пытался организовать книгообмен с Академией наук. Он прилагал настойчивые усилия к тому, чтобы соответствующие советские инстанции выделили драгоценную валюту для покупки литературы (прежде всего, по интересующей его и С.Ф. Ольденбурга тематике). В советских учреждениях за рубежом, по его сообщениям, царил страшный хаос и прямое воровство. Бюрократическая машина была столь централизована, что решение даже мельчайшего вопроса зависело от высшего руководства в Москве. Несмотря на доброжелательное отноше-

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, л. 187.

⁶³ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* — основной журнал немецких востоковедов.

⁶⁴ Речь идет о книге *Erkenntnistheorie und Logik nach der Lehre der späteren Buddhisten*. Aus dem Russischen übersetzt von O. Strauss, München, 1924.

⁶⁵ *La théorie de la connaissance et la logique chez les Bouddhistes* Tardifs. Tr. par Mme I. de Manziarly et Paul Masson-Oursel, P., 1926.

⁶⁶ Я.В. Васильков, *Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского* // *Восток — Запад. Исследования, переводы, публикации*. Вы. 4. М., 1989, с. 195; он же, *Из истории буддологии: Ф.И. Щербатской и Рахула Санкритьяна* // *Тезисы Всесоюзной буддологической конференции*, М., 1987, с. 227.

ние отдельных представителей советской дипломатии, сделать что-либо в этих условиях было очень не просто. Но, по существу, неразбериха первых послереволюционных лет отчасти еще помогала ученым старой школы. Когда советская власть окрепла, ей, естественно, уже не было никакого дела до классического востоковедения. Ф.И. Щербатской постоянно жаловался на книжный голод, рассматривая его как одну из форм удушения науки. Он писал С.Ф. Ольденбургу⁶⁷: «Хотя Вы настроены очень оптимистично, однако я не вижу, как можно продуктивно работать без книг и сношений». И позднее, в связи с празднованием двухсотлетнего юбилея Академии⁶⁸: «Неужели мы будем так продолжать! Праздновать юбилей и не покупать ни одной книги!»

После европейских условий для жизни и для работы возвращаться в голодный Петроград было не просто. Уже в марте-апреле 1921 г. звучит просьба продлить командировку до осени, в июле речь идет уже о продлении до 1 января⁶⁹. В январе ученый надеется⁷⁰, что «пока Академия не настаивает на скором возвращении». С.Ф. Ольденбург ждал его весной — это видно из письма⁷¹ В.И. Вернадского Ф.И. Щербатскому от 8 августа 1922 г. По всей видимости, власти предупредили Сергея Федоровича, что до возвращения коллеги не может быть речи о его собственной командировке. В.Вернадский писал: «Он Вас ждал — но это было тогда и с большевиками логика отсутствует. Будет или не будет его отъезд в зависимости от Вашего приезда — никто не может знать. Ведь самое ужасное — отсутствие возможности логических расчетов. Все меняется в зависимости от личности и настроений. Я имею неприятные известия из Петрограда, что он чувствует себя неважно и очень озабочен»⁷². Несколько месяцев Ф.И. Щербатской не

⁶⁷ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, ф. 685, л. 94.

⁶⁸ Там же, л. 127–128.

⁶⁹ Там же, л. 64 об.

⁷⁰ Там же, л. 74 об.

⁷¹ В.А.Росов, В.И.Вернадский и русские востоковеды. СПб., 1993, с. 55.

⁷² Озабоченность могла быть вызвана очередным витком репрессий. 20 июля 1922 г. по обвинению в шпионаже был арестован замечательный арабист академик И.Ю. Крачковский (в заключении до 12 января 1923 г.). См. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период. Издание подготовили Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина, СПб., 2003.

писал С.Ф. Ольденбургу, но до зимы он, видимо, планировал вернуться, так как выслал в Петроград свои зимние вещи (которые тут же были украдены на почте⁷³). Зимовал он, впрочем, в Германии — и в декабре написал⁷⁴: «Вы даете сроку до весны..., вернусь с первым пароходом». Весною, впрочем, опять просит⁷⁵ продлить ему отпуск до 15 мая (а в ответ, видимо, получает упреки в том, что предпочитает работать в более комфортных условиях, нежели коллеги на Родине⁷⁶). Матери Федора Ипполитовича перестают выплачивать ту часть его академического жалования, которую она прежде получала⁷⁷.

В июле 1923 г., когда С.Ф. Ольденбург вместе с В.М. Алексеевым прибыли в Лондон, они еще застали там Федора Ипполитовича. В письмах жене⁷⁸ С.Ф. Ольденбург говорит о том, что ему трудно с коллегой, «который давно здесь и привык к здешней сытой жизни». У него с ним «глубокое расхождение», ибо он принадлежит к «соотечественникам, которые так любят бранить все наше и восторгаться чужим», «которым все кажется, что (на Западе — *A.B.*) всем живется хорошо». «Он вообще ко мне не относился никогда особенно хорошо, а теперь я его раздражаю тем, что он считает просто сентиментальностью и предвзятостью».

Судя по датам писем, отправленных С.Ф. Ольденбургу, ученый пробыл около полугода в Стокгольме (до апреля 1921 г.), более года жил в Лондоне (с лета 1921 по осень 1922 г.), остальное время проведя в Германии (Берлин и Бонн). Итак, пять месяцев командировки для академика Ф.И. Щербатского растянулись на долгие три года. В письмах он обычно объяснял это необходимостью смотреть корректуры учебника санскрита. Но каждый, кто занимался по этому учебнику, знает, что текст вовсе не был ни отредактирован, ни вычитан — опечатки встречаются во множестве на каждой странице. Учебник

⁷³ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 158.

⁷⁴ Там же, л. 150.

⁷⁵ Там же, л. 97.

⁷⁶ Там же, л. 153.

⁷⁷ Там же, л. 105.

⁷⁸ Цит. по Б.С.Каганович. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Петербург, 2006, с. 109.

был только предлогом. Из писем о трудностях с продовольствием в Петрограде, о пайках, посылках, об очередях и жилищном кризисе⁷⁹ очень ясно видны условия существования в Петрограде начала двадцатых годов. Не менее важно было и отсутствие научной литературы для плодотворной исследовательской работы, «а без книг, по-моему, работать нельзя и смысла не имеет»⁸⁰. Осенью (3 октября) 1922 г. он писал⁸¹: «Можно ли вообще надеяться у нас печатать *Bibliotheca Buddhica* продолжение? Или все кончено? Что скажете Вы с Вашим tout ереуве оптимизмом? От этого все зависит!... Если судить по тому, что Дармакирти⁸² не вышел до сих пор — два года — а оставалось только напечатать $\frac{1}{2}$ листа введения, готового к печати, и когда я уезжал, ожидалось, что это будет сделано через недели — если судить по этому, то печатать, очевидно, ничего нельзя». Вероятно, вставал перед ним и вопрос о целесообразности возвращения в Советскую Россию, хотя, естественно, в подцензурной корреспонденции нет никаких следов подобных сомнений.

В советской историографии было принято писать, что «талант и творческая деятельность Ф.И. Щербатского развернулись особенно полно в советский период»⁸³. Наиболее фундаментальные труды его, действительно, были созданы после Октябрьской революции. Однако следует добавить, что эти книги были написаны по-английски⁸⁴ и предназначались от-

⁷⁹ Незадолго до возвращения ученого в его академическую квартиру вселили «незнакомых и неприятных людей» (СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 105).

⁸⁰ СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 153.

⁸¹ Там же, л. 79–83.

⁸² Речь идет о книге: Дармакирти. Обоснование чужой одушевленности. Перевел с тибетского Ф.И. Щербатской. Петербург, 1922.

⁸³ В.И. Кальянов, Академик Ф.И. Щербатской. Его жизнь и деятельность // Индийская культура и буддизм. М., 1972, с. 20. Ср. И.Д. Серебряков: «Наиболее полно проявились научные возможности С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского в условиях советской действительности» (Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962, с.5).

⁸⁴ Лишь в недавнее время часть его работ была переведена на русский язык, см. Ф.И. Щербатской, Избранные труды по буддизму. М., 1988.

нюдь не для советского читателя. Монография о дхарме, центральном понятии буддизма, была создана и опубликована во время заграничной поездки ученого. Книга о нирване (sister volume) закончена уже после возвращения в Петроград, но в предисловии автор сообщает, что к ее написанию его побудил директор школы востоковедения в Лондоне сэр Денисон Росс. Наконец, для работы о буддийской логике, завершавшей знаменитую трилогию, в Европе был собран необходимый материал, отсутствовавший в СССР.

В Петрограде его ждала «молодежь»: прежде всего М.И. Тубянский⁸⁵ (1893–1937), а также А.И. Востриков⁸⁶ (1904–1937), Е.Е. Обермиллер⁸⁷ (1901–1935) и Б.В. Семичов (1900–1981). Он мечтал вместе с ними организовать самое широкое исследование философии буддизма. Благодаря Ф.И. Щербатскому Петроград–Ленинград стал ведущим центром по изучению буддийской философии. Он с гордостью писал⁸⁸: «все знают, что так называемые индийские шастры можно изучить только или в Индии, или у нас, в нашей школе в Ленинграде». Вокруг ученого группировалась научная молодежь, создавалась школа, ведущая в мировой науке. Но лишь немногие из грандиозных планов были осуществлены в последующие десятилетия.

Во второй половине двадцатых годов советская власть какое-то время еще играла в кошки-мышки с академической общественностью: в 1928 г. создали Институт Буддийской Куль-

---

⁸⁵ См. о нем в кн: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972; Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1990, с. 173–175, 216–230; Я.В. Васильков, Отчеты Ф.И. Щербатского о работе его учеников в Бурятии и Монголии в 1928 году; // Oriens. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998.

⁸⁶ См. о нем в кн: Азиатский музей — Ленинградское отделение... М., 1972; А.И. Востриков, Тибетская историческая литература. М., 1962.

⁸⁷ См. о нем в кн.: Азиатский музей — Ленинградское отделение... М., 1972; Камалашила, Бхаванахрама. М., 1963; Е.А. Хамаганова, Письма из Ацагата (из переписки Е.Е. Обермиллера с академиком Ф.И. Щербатским) // Oriens. Вып. 2–3. СПб., 1998.

⁸⁸ СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 1, д. 153, л. 5.

туры⁸⁹, а позднее преобразовали его в Индо-Тибетский кабинет Института востоковедения (отобрав при этом помещение). Чтобы не потерять лицо перед мировой наукой, даже позволили напечатать на английском языке последние выпуски знаменитой серии *Bibliotheca Buddhica* (которые потом долго пылись на складах Академии, так как в тридцатые годы международные научные связи и книгообмен были заморожены). Конечно, буддийская логика не была нужна стране побеждающего социализма. В тридцатые годы не только не закончилось «удушение индологии», на что наивно надеялся ученый, но началось ее прямое истребление. Б.В. Семичову повезло — его арестовали уже в 1933 г. Тех, кого взяли позднее (М.И. Тубянский и А.И. Востриков), расстреляли. Е.Е. Обермиллер умер от тяжелой болезни. У академика Ф.И. Щербатского в тридцатые годы появился лишь один толковый аспирант (М.С. Троицкий, 1901-?). В 1936 г. он защитил диссертацию, в 1937 г. уничтожили и его. На месте погубленных учеников оказался советский выдвиженец В.И. Кальянов.

После середины 30-х годов буддологические исследования, в сущности, прекратились. Ф.И. Щербатский предпринимал отчаянные усилия для того, чтобы спасти сначала руководимый им Институт Буддийской Культуры, потом своих учеников. Обращаясь к вице-президенту Академии наук Г.М. Кржижановскому 4 февраля 1940 г., он писал⁹⁰:

«Глубокоуважаемый Глеб Максимилианович!

Позвольте обратиться к Вам за содействием по делу, которое очень лежит у меня на сердце и к которому, полагаю, и Вы не будете равнодушны. Один из моих учеников в свое вре-

⁸⁹ На закрытие его (1930 г.) Макс Валлезер откликнулся следующим образом (СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 55, л. 24–27): «За короткое время существования института Вы в Ленинграде сделали исключительно много... Я горько сожалею о закрытии Вашего института... Не говоря уж о большой потере, которую в результате закрытия буддологического института понесла наука, это ведь политически неразумно, если русское правительство хочет полностью отказаться от научного контакта с буддизмом, к которому принадлежит множество русских подданных. При этом нигде лучше и интенсивнее не работали в науке, как именно в Ленинграде».

⁹⁰ СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 2, д. 25, л. 6.

мя был принят на службу в Академию при Вашем содействии. Не знаю, известно ли Вам, что еще три года назад он, равно как и два других моих ученика, одновременно были удалены из Академии, причем мне до сих пор неизвестно, в чем они повинны и за что высланы (кажется, на Дальний Восток). Мне это тем более тяжело, что, как бывший их научный руководитель, я был к ним ближе, чем кто-либо другой. Ввиду того, что с их удалением вся моя деятельность по воспитанию молодых индологов и тибетологов сведена на нет и важнейшие отрасли языкознания в связи с моим преклонным возрастом остаются без единого представителя, я полагаю, что для советского языкознания было бы чрезвычайно важно, если бы Вы согласились выяснить вопрос о том, не оказывается ли вина их не столь тяжелой, чтобы они не могли быть возвращены к активной работе по своей специальности. Обращаюсь к Вам с этой просьбой, так как к моей работе Вы всегда относились сочувственно и доверчиво, и так как я не вижу других путей и способов, как внести ясность в этот чрезвычайно важный вопрос нашей ориенталистики и таким образом сдвинуть его с мертвой точки.

Академик Щербатской, Ленинград, 4 февраля 1940 года».

Речь шла об арестованных М.И. Тубянском, А.И. Вострикове и Б.В. Семичове. Ученый не знал, что ко времени написания письма в живых оставался лишь последний. М.И. Тубянский и А.И. Востриков были расстреляны в 1937 г. О том же он писал и в письме В.Л. Комарову⁹¹: «Кафедра осталась совершенно пустой и в скором времени, вероятно, останется навеки пустой».

В начале двадцатых годов Ф.И. Щербатской призывал С.Ф. Ольденбурга «заклеймить»⁹² М.И. Ростовцева за то, что тот осуждал руководство Академии, согласившееся сотрудничать с советской властью. М.И. Ростовцев писал⁹³, что «большевики лишь терпят Академию и университеты», пока не могут заменить их «красной профессурой» — «верными слугами режима». В тридцатые годы наш замечательный индолог должен был убедиться в прозорливости своего оппонента. Свобода науки от политики оказалась иллюзией — и эта иллюзия была развеяна самым безжалостным образом.

⁹¹ СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 2, д. 25, л. 5.

⁹² СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 60 об.

⁹³ М.И. Ростовцев. Избранные публицистические статьи. 1906–1923. М., 2002, с. 90.

Приложение 8

Автобиография¹

Я родился 19 сентября 1866 г. в городе Кельце, где отец мой И.Ф.Щербатской в то время был занят устройством польских крестьян после их освобождения. В 1884 г. окончил курс классической гимназии в Царском Селе и поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. В первый же год я особенно заинтересовался лекциями по языкознанию проф. Ив.П. Минаева, у которого и стал слушать необязательный тогда курс санскритского языка. Вследствие отъезда в следующем году проф. Минаева в Индию продолжал заниматься санскритским языком под руководством его ученика, С.Ф. Ольденбурга. По возвращении проф. Минаева из Индии продолжал с ним заниматься санскритским и палийским языком. К концу 3-го университетского года мои симпатии как лично к проф. Минаеву, так и к его предмету вполне определились, и по настойчивому совету его я стал готовиться к профессуре по кафедре языкознания и санскритского языка. В это время оба предмета были неотделимы друг от друга. Но уже во время пребывания моего в университете обе науки начали разделяться: языкознание из общего сравнительного стало переходить в изучение отдельных языков на сравнительной основе (период, названный Кречмером филологическим периодом языкознания). Блестящим представителем этого направления явился у нас проф. Ф.А. Браун, у него я прослушал курсы готского, древне-северного, англо-саксонского и древне-верхненемецкого языков, а вместе с тем у проф. Ягича прослушал и курсы церковно-славянского, польского и сербо-хорватского языков.

В 1889 г. был оставлен при университете по кафедре сравнительного языкознания и отправлен в командировку за границу. Предстояло выбрать научный центр, где изучение Ин-

---

¹ Автобиография, по всей видимости, написана в связи с выборами в Академию наук. Она была использована С.Ф. Ольденбургом при написании «Записки об ученых трудах профессора Федора Ипполитович Щербатского».

дии было поставлено особенно высоко. Выбор пал на Вену, где кафедру в то время занял проф. Бюлер, вернувшийся из Индии после 17-летнего там пребывания. Деятельность проф. Бюлера знаменует собою совершенный поворот в изучении языков и истории Индии, а также и совершенное отделение индийской филологии от сравнительного языкознания. Некоторое время я еще продолжал заниматься обеими дисциплинами, изучал славянские наречия у проф. Ягича, романские языки у проф. Мейера-Любке, а общее языкознание, равно как интерпретацию гимнов Ригведы, у проф. Фридриха Мюллера. (N.B. Замечательно, что тогда изучение ведической литературы считалось более близким языкознанию, чем остальной индологией). Но скоро пришлось убедиться в необходимости сделать выбор, который и пал бесповоротно на индийскую филологию, а языкознание было оставлено.

Направление, введенное проф. Бюлером в европейскую науку, отличалось от предшествующего большим приближением к самой Индии, к тому круту знаний, который считался необходимым для знатока древней литературы в самой Индии. Сам Бюлер любил говорить, что ему пришлось в Индии переучиваться санскритскому языку. Свое направление он противопоставлял господствовавшей моде интерпретации гимнов Ригведы при помощи сравнительной грамматики, что делало эти гимны не столько памятником индийской литературы, сколько памятником индоевропейской прародины. Проф. Бюлер любил говорить, что в Берлине, центре этого направления, изучают Веды, но не занимаются санскритом.

Бюлер считал для всякого санскритиста необходимым не только знание языка и литературы Индии, но и знание древнеиндийских наук, так наз. *шастр*, которые таким образом становились не только объектом факультативного изучения, но необходимым пособием и основанием для знания индийской истории литературы и истории вообще. Поэтому Бюлер требовал от своих учеников знания грамматики по сложной туземной системе Панини, знание, по крайней мере, двух философских систем (предпочтительно *tarka* и *vedānta*) и знание теории поэзии (*alankāra*). Остальные науки, математика, астрономия и ритуальная философия (*mīmāṃsā*) в состав общих требований не входили и были предоставлены специалистам.

Глубокими знаниями в этой области и любовью к ней проф. Бюлер не отличался, но считал их необходимым пособием (*prayogārtham*), без которых невозможно всестороннее знание индийской литературы и истории.

Сам Бюлер в душе был больше всего историком. Он находил, что общепринятое мнение об антиисторическом направлении и полном индифферентизме индусов к истории не вполне правильно, в надписях и во многих исторических поэмах сохранился богатый исторический материал, требующий разработки. По инициативе его создавался ряд предприятий для исследования и издания надписей. А с другой стороны, он, а по его примеру и другие, стали объезжать Индию, разыскивая старые рукописи, преимущественно исторического содержания. Своих учеников Бюлер также направил в эти стороны. Я занимался под его руководством в течение 4-х семестров, и результат занятий выразился в двух работах: I. *Lunsadi plates of Śīladitya II. Guptasamvat 358*. Эта работа содержит текст двух медных досок, на которых был изображен своего рода крепостной документ, данная на участок земли от имени царя Шиладитья II. Доски эти были найдены случайно неким Ваджешанкар Оджа, и снимок с них был прислан проф. Бюлеру для обработки, а им, для той же цели, был передан мне. Работа была исполнена мною под его руководством и помещена в 4-й том *Epigraphia Indica*, ст. 74–81.

Другой работой, исполненной мною под руководством проф. Бюлера, было издание исторической поэмы *Naihaupdrakaṇva*, сочинение поэта Хари, с предисловием, примечаниями и переводом на немецкий язык. Работа напечатана. Вернувшись из Вены в 1893 г., мне, вследствие некоторых семейных обстоятельств, пришлось заняться управлением имением в новгородском уезде, а последнее было также соединено со службой в уезде, где я последовательно был избран земским гласным, утвержден в должности земского начальника, затем был избран депутатом от дворянства и, наконец, новгородским уездным предводителем дворянства.

В 1900 г., после участия в конгрессе ориенталистов в Риме, я продолжал свои занятия некоторое время в Боннском университете под руководством проф. Якоби. Направление, возглавляемое проф. Якоби в индийской филологии, восходит,

в общем, к тому же, что составляет оригинальность проф. Бюлера, т.е. высокая оценка и преобладающее значение, придававшееся им туземной индийской учености. Разница состоит в том, что для пр. Бюлера знание индийских наук было лишь средством для исторических и литературных исследований, тогда как у проф. Якоби история уходит на второе место, центр внимания направляется на эти науки, они становятся объектом изучения сами по себе. Чем более раскрывается богатство их содержания, тем глубже становится их интерес. Европейская наука, к большому своему ущербу, долгое время смотрела на индийскую ученость свысока, предполагая, что совершенством своего критического метода она легко оставит за флагом традиционное знание индийских ученых. Но оказалось, что совершенство метода далеко не всегда обеспечивает верность результата. В связи с этим пр. Якоби любил повторять афоризм, что главное в науке есть понимание, разумея под этим, что туземная традиция, для которой своя литература является живым достоянием, может часто дать нам гораздо больше, чем самый совершенный, но сухой метод иностранца.

Под руководством проф. Якоби я изучил, главным образом, индийскую теорию поэзии. Изучение этой, быть может, самой совершенной из существующих теорий поэтического творчества, как по определению общего смысла поэзии вообще, так и по детальнейшей разработке всех разновидностей и даже мелочей поэтического творчества, далеко еще не может считаться законченным. Во всяком случае, основание ему положено переводом двух основных трактатов на немецкий язык (*Dhvanyāloka* и *Alaṅkārasarvasva*). Мною в этой области написана одна статья, содержащая общий обзор вопросов, разрабатываемых индийской поэтикой. Статья помещена в журнале М.Н. Пр.

Намеченные работы по переводу некоторых памятников (*Rasagangadhara* и др.) и детальному изложению всей системы пока отложены, так как все внимание мое в настоящее время направлено в сторону индийской философии. В этой области, как мне представляется, лежит наиболее глубокий интерес изучения Индии. Переход от занятий теорией поэзии к занятиям философией был естественным, так как та и другая от-

расль написаны одним и тем же стилем, т. наз. номинальным (или безглагольным) стилем, и до известной степени применяет общие технические термины. Прогресс наших знаний в одной области ведет к прогрессу в другой. При этом можно сказать про преподавание философии то же, что было сказано о преподавании теории поэзии. В школе проф. Бюлера оно имело значение лишь общего знакомства для других главных целей, а в школе пр. Якоби предмет захватывался глубже и становился целью сам по себе. Меня же философия особенно привлекала, потому что мне всегда казалось, что в ней лежит главный глубокий смысл индийской цивилизации. Изучение древности в науках гуманитарных должно нас привлекать не только красотой и содержанием своих достижений — некоторые народы вообще мало могут претендовать на то, чтобы заинтересовать нас с этой стороны. Главная цель таких исследований состоит в том, чтобы показать, как великий исторический народ осуществлял свои задачи в области поэзии, науки, философии, права, нравственности и политики. Достижения индийской культуры немаловажны в области астрономии, математики, медицины (*рукопись обрывается*).

СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 2, д. 5, л. 1–4 об.

ГЛАВА X

ПЕРЕПИСКА Ф.И. ЩЕРБАТСКОГО

и С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА

Переписка двух самых известных русских индологов сохранилась почти полностью. Она резко асимметрична: писем Ф.И. Щербатского настолько больше по количеству и по объему, что редкие ответные письма С.Ф. Ольденбурга кажутся лишь дополнением или комментарием к ним. Первое письмо Ф.И. Щербатского относится к его студенческим годам, когда С.Ф. Ольденбург заменял И.П. Минаева и помогал младшему товарищу в индологических штудиях. Последнее было написано в период тяжелой болезни С.Ф. Ольденбурга, незадолго до его кончины. Так как оба ученых жили в одном городе (а последние годы и в одном доме), переписка крайне неравномерна по годам. Необходимость в ней возникала лишь в случае кратковременных поездок (в имение, в санаторий) либо длительных командировок. Наибольшее количество писем Ф.И. Щербатской отправил во время пребывания в Европе в 1921–23 гг. Путешествия в Индию в 1910 г, в Монголию в 1905 г., в Забайкалье в 1917 и 1924 гг. также оставили заметный след в его эпистолярном наследии.

Может показаться удивительным то обстоятельство, что в переписке выдающихся ученых практически не обсуждаются научные проблемы. Даже в течение нескольких лет напряженной работы Ф.И. Щербатского в Германии, Англии, Швеции, Франции он не чувствовал потребности поделиться с соотечественником результатами своих исследований. Переписка его, например, с Г. Якоби и Л. де ла Валле Пуссеном имела совершенно иной характер: даже в поздравительных открытках находилось место для дискуссий о санскритских текстах. Часть писем, полученных от коллег, Ф.И. Щербатской вклеивал в свои черновики, чтобы использовать в дальнейшей работе. С С.Ф. Ольденбургом же он делился идеями лишь в самых ранних письмах. Очевидно, и в живом общении на родине настоящего диалога между двумя русскими буддологами не возникало. Причина, возможно, заключалась в том,

что С.Ф. Ольденбург был всецело поглощен административной деятельностью на посту неперменного секретаря Академии наук и давно отошел от науки.

Хорошо известные характеристики Ф.И. Щербатского С.Ф. Ольденбургом (представление к избранию в Академию) и С.Ф. Ольденбурга Ф.И. Щербатским (в речи на его юбилее в 1933 г.) отражают высокую оценку друг друга. Однако близких личных отношений между ними никогда не было — это тоже чувствуется в переписке. Почти все письма С.Ф. Ольденбургу имеют характер полуофициальных отчетов. До революции зарубежные командировки Ф.И. Щербатского (в Индию, в Монголию) финансировались Русским Комитетом для исследования Средней и Восточной Азии, заместителем председателя которого состоял С.Ф. Ольденбург. От него зависело и продление сроков командировки. В советское время академик Ф.И. Щербатский был командирован за границу по линии Наркомпроса в результате ходатайства неперменного секретаря Академии наук. Ф.И. Щербатский должен был информировать руководство Академии в лице С.Ф. Ольденбурга о своей деятельности.

Значительная часть содержания писем заключается в обсуждении тех вопросов, которые были или могли быть в компетенции С.Ф. Ольденбурга: будь то обеспечение Азиатского музея новейшей литературой или национально-языковые проблемы в Забайкалье. Даже информация об общих знакомых — ориенталистах в Париже, Лондоне, Бонне — давалась в расчете на то, что С.Ф. Ольденбург сможет наладить международные контакты по линии Императорской (Российской) Академии наук.

Политические проблемы в письмах Ф.И. Щербатского ставились редко. Он не принимал участия в деятельности политических партий или в иных формах общественной активности. Единственная тема, которая интересовала его в этой сфере, — национальный престиж и государственные интересы России. Порою он ругательно ругал представителей отечественной бюрократии (главным образом, чиновников Министерства иностранных дел, с которыми приходилось сталкиваться), которые, по его мнению, недостаточно заботились об укреплении русского влияния на Востоке.

Острые темы вовсе не затрагивались в переписке начала двадцатых годов — оба корреспондента вели себя с крайней осторожностью, понимая, что письма, посланные из-за границы, читаются не только теми, кому они адресованы.

№1

28 мая 1888

СПб, Троицкая ул. д. 3, кв. 12

Сергей Федорович,

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой. Так как Вы мне говорили, что считаете полезным для начинающего заниматься санскритом разобрать какую-нибудь рукопись, то не можете ли Вы указать мне какую-нибудь из имеющихся или в университете, или в музее¹, которая была бы для меня более подходяща. Иван Павлович² говорил, что рукописи, ему известные, или незначительны или слишком трудны, он поэтому мне советовал писать кандидатскую работу по языкознанию³. Но одновременно я бы хотел попробовать прочесть какую-нибудь рукопись (санскритскую или палийскую) и так как для работы мне придется провести большую часть лета в Петербурге, то я могу ходить читать и в библиотеку, а может быть Иван Павлович и согласится дать мне ее на свое имя.

По языкознанию я хочу заняться вопросом о смягчении согласных, т.е. выбрать все, что до сих пор по этому вопросу сделано. Если Вам известно какое-нибудь сочинение, трактующее этот вопрос с точки зрения восточно-арийских языков и их наречий, то, пожалуйста, сообщите мне. Главным же образом укажите мне на рукопись, которая, по Вашему мнению, для меня была бы наиболее подходяща; этим Вы много обяжете искренне Вам преданного

Ф.Щербатского

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 1 и об.

¹ Имеется в виду Азиатский музей Академии наук.

² Минаев И.П. (1840–1890) — научный руководитель Ф.И. Щербатского.

³ Кандидатская (дипломная) работа Ф.И.Щербатского (1889 г.) называлась «О двух рядах гортанных в индоевропейских языках».

№2

9/21 ноября [1893 г.]

Wien, VIII, Schloßelgasse, 15

Дорогой Сергей Федорович,

Давно Вас не видел и не имею о Вас никаких известий. Если это Вам не трудно, то черкните хоть два слова о том, где Вы и как себя чувствуете⁴, долго ли пробудете в Париже. Если будете на Рождество, я, может быть, соберусь навестить Вас отсюда. Я приехал опять в Вену, чтобы закончить свою работу⁵, а также прослушать курс Бюлера⁶ по истории Индии, это то, что войдет в его Grundriss⁷. Слушателей поэтому будет 12 человек, для Бюлера очень много, и читает он превосходно, до сих пор все еще говорил только об источниках и со следующей лекции начнется собственно история. Перед отъездом был у Розена⁸, хотел у него узнать подробности о находках Петровского⁹, но он сам тогда еще не знал, в чем они состоят. Неравно были бы какие рукописи или надписи и в Петербурге некому было бы теперь ими заниматься, я просил, нельзя ли переслать их в Вену, и в семинаре с Бюлером мы бы попробовали их прочитать. Розен обещал мне списаться с Вами об этом.

⁴ С сентября 1893 г. по март 1894 г. С.Ф.Ольденбург лечился в Париже от нервной болезни, начавшейся после смерти жены, А.П.Ольденбург (1863–1891).

⁵ Магистерскую диссертацию «Über das Haihayendracarita des Hari-kavi». Диссертация была представлена для опубликования в «Записках императорской Академии наук» 30 марта 1894 г.

⁶ Бюлер Г. (1837–1898) — профессор Венского университета, санскритолог, к которому Ф.И.Щербатской с 1891 г. приезжал учиться.

⁷ Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde («Энциклопедия индо-арийской филологии») — основанная Г. Бюлером серия монографий, которая должна была подвести итоги исследований в области индологии.

⁸ Розен В.Р. (1849–1908) — арабист, декан факультета восточных языков СПб. ун-та (1893–1902 гг.), основатель и редактор «Записок Восточного отделения императорского русского археологического общества».

⁹ Петровский Н.Ф. (1849–1908) — русский консул в Кашгаре, приобрел уникальные буддийские рукописи, которые выслал через В.Р.Розена С.Ф. Ольденбургу. См. С.Ф. Ольденбург, Кашгарские рукописи Н.Ф. Петровского // ЗВРАО т. VII. (1892) 1893.

Надеюсь, Вы поддержите мою просьбу, если только сами теперь не рассчитываете этим заняться. Конечно, гораздо для нас интереснее, чтобы это было сделано в Петербурге, чем в Вене.

До свидания, дорогой Сергей Федорович, надеюсь, Вы себя чувствуете вполне хорошо.

Ваш Ф. Щербатской

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 3-4 и об.

№3

21 мая [1894 г.]

[Вена]

Дорогой Сергей Федорович!

Гостиницу могу Вам рекомендовать Hotel Hammerand, VIII Bezirk, Florianigasse, 8. Постараюсь приехать Вас встретить. Надеюсь на Ваше доброе сердце. Вы не захотите обидеть Вены и пробудете у нас несколько дней. Бюлер будет очень рад Вас видеть в четверг или в пятницу.

До свидания

Ваш Ф.Щербатской¹⁰

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 2

№4

1/13. I. 1900

Bonn am Rhein, Thomasstrasse, 19

Дорогой Сергей Федорович!

Простите, что запоздал ответом на Ваше письмо, я до сих пор не знал хорошенько, когда мне можно будет отсюда выехать. Теперь выяснилось, что в начале нашего марта, наверное, могу быть в Петербурге. Что касается пробных лекций¹¹,

¹⁰ Надпись на открытке: Per Adresse Professor E. Leumann, Strassburg Universität. Лейман Э. (1859–1931) — немецкий санскритолог и специалист по языкам Центральной Азии, профессор Страсбургского ун-та в 1884–1918 гг.

¹¹ В феврале 1900 г. С.Ф. Ольденбург был избран адъюнктом АН и оставил работу в университете. По его рекомендации занятия стал вести Ф.И. Щербатской.

то я ничего для них до сих пор не подготовлял. Я полагаю, что не требуется в этих лекциях говорить что-либо новое или самостоятельное, нужно только изложить то, что по данному вопросу в настоящее время известно. Я бы мог в одной лекции сказать что-нибудь об *alamkāra*¹², в другой об *vyākaraṇa*¹³, но только вещи известные. Что значит «по выбору факультета», ведь это не значит, что на приготовление дадут 1/2 часа, дадут, вероятно, с неделю. На лето я бы хотел опять вернуться сюда и позаняться с Jacobi¹² философией. Не знаю, удастся или это, так как могут встретиться препятствия финансового порядка. Bodhicaryāvatāra¹³ я получил, премного Вам благодарен, равно и Jacobi просил благодарить Вас¹⁴ и кланяться, он думает теперь также засесть за *Mahābhārat*-у. Он говорит, что некоторые буддийские параллели и ему удалось заметить, но только такие, которые встречаются и у джайнов. Якоби очень жалеет, что не мог послать Вам экземпляр своей рецензии на книгу Дальмана¹⁵ (в *Göt[tingische Gelehrte] Anzeiger*), где он высказал свой взгляд на происхождение *Mahābhārat*-ы, т[ак] к[ак] у него нет экземпляров. На этой неделе приехал сюда Roussin de la Vallée¹⁶ и мы всю неделю мучаемся с переводом *Mādhyamikā vṛtti*¹⁷ — ein sauschwieriges Stück!*** — К сожалению, Mme Jacobi заболела и мы должны прервать эту преинтереснейшую работу.

¹² После смерти Г.Бюлера Ф.И.Щербатской занимался в семинаре у проф. Боннского ун-та Г.Якоби (1850–1937). Основные области интересов Г.Якоби: индийская философия и поэтика, а также среднеиндийские языки (пракриты).

¹³ Поэтическое сочинение по философии махаяны, принадлежащее Шантидеве (VII–VIII вв.). Речь, видимо, идет об издании: Спасение по учению позднейших буддистов. 1. *Sāntideva. Bodhicaryāvatāra*. Текст издал И.П.Минаев с предисловием С.Ф.Ольденбурга // ЗВРОАО т. IV. 1889 (1890).

¹⁴ Очевидно, за статью «К вопросу о Махабхарате в буддийской литературе» // ЗВРОАО т. X (1896) 1897.

¹⁵ J. Dahlman, *Die Genesis des Mahabharata*, 1899. Рецензия Г. Якоби была помещена в *Göttingische Gelehrte Anzeiger*, 1899, pp. 869–887.

¹⁶ Ла Валле Пуссен Л. де (1869–1938) — бельгийский буддолог, ученик Г. Якоби.

¹⁷ «Мадхьямакаврители» — философское сочинение Чандракирти (VII в.), комментарий на «Муламадхьямакарика» Нагарджуны (I в.). Текст издал Л. де Ла Валле Пуссен в серии *Bibliotheca Buddhica*, вып. IV. СПб., 1913 г. Первый перевод на европейский язык принадлежал Ф.И.Щербатскому (в приложении к его книге *Conception of the Buddhist Nirvana*, Leningrad, 1927).

От души желаю Вам в новом году или столетии всего лучшего, и, главное, нервного спокойствия, недостаток коего, мне кажется, единственная причина Вашего нездоровья, и благодарю Вас за хлопоты о моей судьбе, которые Вы самоотверженно и добровольно на себя возложили.

Преданный Вам Ф.Щербатской

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 5–6

*Аланкара — поэтические украшения, приемы санскритской поэзии.

**Вьякарана — традиционная грамматика санскрита.

***Чрезвычайно трудная вещь (нем.).

№5

19 января 1901 г.

СПб, Васильевский остров, 10 линия 39, кв. 59.

Дорогой Сергей Федорович!

Bendall¹⁸ пишет мне, что Вы советовали ему поручить мне справиться о рукописях *Vaṃśāvalī*¹⁹ в Публ[ичной] библиотеке и о том, с какой редакции сделан перевод Ив[ана] Павл[ови]ча, находящийся в его бумагах. Я сегодня отправляюсь в библиотеку и постараюсь сделать, что могу, относительно рукописей — он просит выписки разных мест, относящихся ко времени 300–500 непальской эры. Затем он еще просит to send a quite rough translation into German, French or English of one of Minauef's sentences in or near the above named period*. Как это сделать? К кому обратиться, чтобы получить доступ к бумагам Ив. Павл[ови]ча, если они находятся у Вас на квартире²⁰.

¹⁸ Бендалл С. (1856–1906) — профессор санскрита в Лондоне (1885–1903) и Кембридже.

¹⁹ Вамшавали — жанр средневековых династийных историй Непала. Речь идет о рукописях 33 и 34 («Непаламандалака Вамшавали») по составленному Н.Д. Мионовым каталогу собрания И.П. Минаева в Публичной библиотеке (Пг. 1918 г.)

²⁰ С.Ф. Ольденбург разбирал бумаги И.П. Минаева с целью публикации, и часть их находилась у него дома.

В субботу 27-го назначен мой экзамен на Вост[очном] факультете. Bendall тоже предлагает мне сделать английский перевод bindu²¹. Я очень сомневаюсь в своих силах сделать это, но, признаться, мне очень бы хотелось. Bloch²², оказывается, не в Lahore-е, а в Калькутте и ничего не может сказать о Лаггорском музее, а советует прямо обратиться к Surator²³-у. Если можно, напишите мне о себе, как Вы поживаете при постигшем Вас новом испытании²⁴, а также как мне исполнить просьбу Bendall-а.

Преданный Вам Ф. Щербатской

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 7-8 и об.

*Прислать черновой перевод на немецкий, английский или французский пары фраз минаевского перевода, относящихся к указанному периоду (англ.).

**Хранителю (англ.).

№6

30 января 1901 г.

Васильевский остров, 10 линия, 39

Дорогой Сергей Федорович!

Был я по поручению Бендал-а в Публ[ичной] библиотеке, но MSS Vamśāvalī по внешнему описанию найти не мог. Вы пишете, что это две рукописи, хорошо переплетенные в сафьян (тогоссо), очень большие и оч[ень] тоненькие. В шкапу, кот[орый] мне показал Бычков²⁴, нет ни одной рукописи, пе-

²¹ Имеется в виду «Ньяябинду» — важнейшее сочинение по буддийской логике, принадлежащее Дхармакирти (VII в.). Один из основных источников для исследований Ф.И. Щербатского.

²² Теодор Блох — немецкий санскритолог, работавший в Индии и занимавшийся буддийским искусством. Очевидно, С. Ольденбурга интересовала коллекция музея в Лахоре в связи с проблемой греко-буддийского искусства.

²³ Речь идет о тяжелой болезни сына С.Ф. Ольденбурга (С.С. Ольденбург 1888–1940 — известный впоследствии историк и публицист).

²⁴ Бычков И.А. (1858–1944) — заведующий отделением рукописей Публичной библиотеки.

реплетенной в сафьян, а также не заметил таких, котор[ые] при большой величине были бы очень тонки. Не в Академии ли они, т[ак] к[ак] Бычков мне говорил, что две рукописи переведены в Академию?

Один листок я нашел писанный на какой-то клеенке и затем еще два пальмовых листа, по-видимому, той же рукописи, но это отдельные листки, а не рукопись.

Я Вам писал уже, что Bendall просил перевести ему на английский части Минаевского русского перевода *Vaṃśāvalī*. Ответа Вашего о том, могу ли я найти этот перевод без Вас, я еще не получил. На прошлой неделе я держал экзамен по санскриту и зенду*, на первой неделе поста предстоит экзамен по истории индийских народов. У нас были попытки обструкции²⁵, но слабые, и теперь происходит суд и расправа над виновными. Попались и мои слушатели.

Преданный Вам Ф. Щербатской

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 9-10

*Авестийскому языку.

№7*

1/14 мая 1901

Bonn am Rhein, Thomasstrasse, 1

Дорогой Сергей Федорович!

Давно не получал от Вас никаких известий. Если это Вас не очень затруднит, черкните несколько слов. Перед отъездом из Петербурга я на Восточном факультете прочитал две пробные лекции, о поэтике и о логике, лекции пришлось сильно сократить, потому что Н.И. Веселовский²⁶ торопился обедать. Теперь я исполнил все стадии, необходимые для перечисления на Восточный факультет.

²⁵ Студенческие волнения. Ср. в переписке В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга письмо №107 (Неизвестные страницы отечественного востоковедения, вып. II. М., 2004, с. 322).

²⁶ Веселовский Н.И. (1848-1918) — профессор ФВЯ, тюрколог и арабист, специалист по истории и археологии Востока. Речь, очевидно, идет о каком-то официальном банкете.

Якоби в этом семестре читает пракрит²⁷ и Daśakumāra²⁷, у него 2 слушателя, между прочим, один француз²⁸, присланный Сенаром²⁹. Я иногда посещаю его лекции, и у него на дому мы вместе просматриваем мой английский перевод bindu. Хотелось бы приготовить работу к печати в течение лета, не знаю, успею ли. Чувствую недостаток философской пропедевтики и стараюсь пополнить этот изъян отчасти чтением, отчасти слушанием лекций (нрзб).

Рукопись Mādhyaṃikavṛtti я оставил у себя в столе, ибо не получил от Вас ответа. Если можно теперь начать ее печатание, то напишите о том мне и Залеману³⁰, я попрошу сестру Машу³¹ взять рукопись из моего стола и снести ее к Залеману. Так как текст очень интересный и имеет отношение к моей bindu, то хотелось бы как можно скорее видеть его напечатанным. Долго ли Вы еще пробудете в Davos? Мне бы хотелось навестить Вас и прочитать хоть некоторые части своего перевода.

Bendall мне пишет, что Сереже значительно лучше. Дай-то Бог!

Крепко жму Вашу руку

Ф.Щербатской

Якоби шлет Вам привет и лучшие пожелания.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 11–12 и об.

*Помета на листе: Отв[ечено] 5/18 V.

**Среднеиндийские языки.

---

²⁷ Дашакумарачарита («Приключения десяти принцев») — санскритский роман Дандина (VII в.). В 1923–25 гг. Ф.И. Щербатской опубликовал первые семь глав русского перевода в журнале «Восток» (№ 3–5). Полностью этот перевод был опубликован в 1964 г.

²⁸ Речь идет о A. Guéginot, специалисте по религии джайнизма (см. следующее письмо).

²⁹ Сенар Э. (1847–1928) — французский буддолог и санскритолог, почетный член РАН с 1925 г.

³⁰ Залеман К.Г. (1849–1916) — известный иранист, академик с 1895 г., наблюдавший за печатанием восточных текстов в изданиях АН.

³¹ См. прим. 55 к письму №12.

№8

9.VII.1901

Bonn am Rhein, Thomasstrasse, 1

Дорогой Сергей Федорович!

Большое спасибо от меня и от Якоби за присылку Вашей интересной статьи³². Якоби совершенно согласен с Вами, что индийскому буддийскому искусству должно было предшествовать другое, народное; он не может себе представить, чтобы буддисты тут выступали новаторами в противоположность всему, что было раньше, потому что в этом случае необходимость архитектуры должна была бы вытекать из их идей, чего мы не видим.

Якоби был бы очень рад, если бы на пути в Берлин³³ Вы завернули сюда в Бонн; через Базель и вдоль Рейна Вам небольшой крюк, а этим Вы бы доставили ему и мне большое удовольствие. Я боюсь, чтобы мне не пришлось прервать занятий, чувствую какие-то боли в спине и голове и после нескольких часов занятий не могу продолжать. Я считал себя свободным от этого горя, но, видимо, нет! Здесь я слушаю лекции Якоби по драме, пракриту и Daśakūṣāga, кроме того помогаю одному французу Guérinot в его работе по изданию Jīvavicāra (джайнский текст)³⁴, сверяю изданную Peterson-ом часть Uramitibhavarpariśākaṭhā с рукописями — издание оказывается так плохо, что Якоби хочет переиздать III-ю fascicule³⁵, наконец, по вечерам 2 раза в неделю просматриваем мой английский перевод binduṭīkā³⁶, это идет очень медленно, до

³² С.Ф. Ольденбург, Буддийское искусство в Индии // Известия АН V, сер. Т. XIV, 1901, №2.

³³ С.Ф. Ольденбург был «командирован с ученою целью за границу с 1 февраля по 1 сентября 1901 г.» Большую часть этого срока он провел в санатории в Давосе (Швейцария), где проходил лечение его сын.

³⁴ Сочинение джайна Шантисури, изданное A.Guérinot в Journal asiatique, 1902, pp. 231–288.

³⁵ «Упамитибхавалранчакатха» — философское сочинение джайна Сиддхарши (906 г.). Издание было начато П. Петерсоном в серии Bibliotheca Indica в 1899 г. и завершено Г. Якоби в 1914 г.

³⁶ Сочинение по логике Дхармоттары, ставшее предметом исследования Ф.И. Щербатского в его диссертации «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч.1. Учебник логики Дармакирти с толкованием на него Дармоттары». СПб. 1903.

сих пор мы прошли только 1-ю *pariccheda*³⁷, зато, кажется, перевод будет довольно ясный. Работы все интересные и ужасно не хотелось бы их бросать. Кроме этого я съездил к Poussin и 2 дня у него занимался тибетским. Я убедился, что сравнивать тибетский перевод с санскритским оригиналом вовсе не трудно и по приезде в Петербург я сразу примусь за тибетский текст *Nyāyabindu*³⁷. В Танджуре³⁸ имеется на него 4 комментария.

У меня был на днях обмен письмами с Lévi³⁹ по поводу моего сочинения; он начал с того, что упрекнул меня за труд, потраченный на издание столь незначительного текста, как *Haihayendracarita*⁴⁰, не устранился свалить вину за это на Бюлера и продолжал: «*nos maîtres semblent donner dans une sorte de dilettantisme*»⁴¹, «*il ne suffit pas d'entasser les matériaux sans y mettre de l'ordre*»⁴², «*je vous engage à réagir contre les tendances inquiétantes d'une école, qui devient dangereuse pour l'indianisme*»⁴³. Каков гусь! — это мы с ним будем *réagir* против школы Бюлера, Якоби и Пишеля⁴¹! И они (т.е. составители *Grundriss-a*) *une école dangereuse*. Poussin мне к тому же говорил, что Lévi очень недоволен *Grundriss-om* и носится с идеей *de faire un Grundriss lisible*! Я ответил Lévi не без задора. Углубившись в китайский, он не мог не забыть санскрита, к тому же, по мнению Якоби, он никогда не был тверд в санскрите, а развязность, с которой он набросился на школу Бюлера (ибо о какой же другой школе может быть речь) довольно забавна. Интересно будет почитать его *Grundriss lisible*.

³⁷ «Ньяябинду» — см. прим. №4 к письму №5.

³⁸ Танджур, Данджур («Переводы пояснений к сказанному Буддой») — собрание тибетских переводов санскритских текстов, разъясняющих учение Будды.

³⁹ Леви С. (1863–1935) — французский санскритолог, почетный член РАН с 1918 г. Письма, о которых идет речь, опубликованы в книге: G. Bongard-Levin, R. Lardinois, A. Vigasin, *Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg (1887–1935)*, P. 2002, p. 171–173. Ф.И. Щербатской не цитирует, а дает пересказ слов Леви.

⁴⁰ «Хайхайендрачарита» — санскритская поэма Харикави (XVII в.), посвященная истории мифического царя Арджуны Картавирии. Текст был опубликован Ф.И. Щербатским в 1900 г.

⁴¹ Пишель Р. (1849–1908) — немецкий санскритолог, специалист по среднеиндийским языкам.

Получили ли Вы книгу Hopkins-a о Mahābhārata⁴²? Будете ли Вы писать рецензию о книге Dahlman-a? Я хочу на будущую зиму поселиться в Царском Селе — я думаю, будет там спокойнее, а то Петербург мне разбил нервы!

Надеюсь увидеться с Вами в Бонне, и очень желал бы вместе с Вами посмотреть Берлинские музеи⁴³.

До скорого свидания
Преданный Вам Ф. Щербатской

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 13–14

*Раздел (санскр.).

**Наши учителя, кажется, проявляют своего рода дилетантизм (фр.).

***Недостаточно собирать материалы без надлежащего порядка (фр.).

****Я склоняю Вас к тому, чтобы противостоять тревожным тенденциям той школы, которая становится опасной для индологии (фр.).

*****Создать Grundriss, который можно читать (фр.).

№9*

Б.д. [начало июня 1902 г].

Николаевская ж.д., станция Кузьминка, усадьба Богатырева

Дорогой Федор Ипполитович,

Пишу второпях. Пожалуйста, посмотрите еще раз Madh[ya-maka]vṛtti⁴⁴ и черкните, даете ли imprimatur⁴⁵. Надо бы исправить пина m. Speyer I вып.⁴⁵ выйдет на днях. Заканчиваем Śikṣā, IV и послед[ний] вып[уск]⁴⁶ и засим двинем Lavallée. Пусть по-

⁴² E.W. Hopkins, The Great Epic of India: its character and origin, NY, 1901.

⁴³ С.Ф. Ольденбург в это время интенсивно занимался искусством Индии (и Центральной Азии), став одним из первых в Европе специалистов по этой теме. А.Грюнведель обещал ему показать фонды Берлинского музея (см. Неизвестные страницы отечественного востоковедения, вып. II, М., 2004, с. 328–329).

⁴⁴ Речь идет об издании Madhyamakavṛtti. Publ. par L. de la Vallée Poussin, fasc. 1–5 (Bibliotheca Buddhica IV) СПб, 1903–1913 г.

⁴⁵ Avadānaśataka, Ed. by J.C. Speyer. Vol. I. Fasc. I (Bibliotheca Buddhica III). СПб, 1902.

⁴⁶ Śikṣāsamuccaya. Ed. by C. Bendall, Fasc. 1–4 (Bibliotheca Buddhica I). СПб., 1897–1902.

шлет побольше рукописей в типографию Акад[емии] (В[асильевский] О[стров], 9 л. 12, не мне). Первую корректуру можно ведь посылать Вам. Черкните. Очень у меня все болят зубы. Привет Якоби.

Искренне Ваш С. Ольденбург

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 161, л. 1

* Почтовая открытка со штемпелем получения 21.06.1902, Бонн.

** В печать (лат.).

№10

23.VI.1902

[Бонн.] Thomasstrasse, 1

Дорогой Сергей Федорович,

Корректуру⁴⁷ я просмотрел и отдал Lavallée, а то он очень уж беспокоился, что так долго ничего не получал. Я не понял только, нужно ли ее возвратить Вам или в типографию и оттого возвращаю по сделании *imprimatur* в типографию. С Якоби читаем *Alaṃkārasarvasva*⁴⁸ и *Kumārilaśloka-vārtika*⁴⁹: оба страшно трудны; кроме того, занимаюсь довольно много философией здесь у проф[ессора] Erdman⁵⁰-а. Не знаю, как быть с корректурами, т[ак] к[ак] с наступлением жары я переберусь в Швейцарию и хорошенько не знаю, где буду. Не лучше ли в таком случае посылать их прямо Roussin? Якоби Вам кланяется. Поедете ли в Гамбург⁵¹? Я бы хотел раньше вернуться, но Як[оби] говорит, что важно съездить для знакомства с приезжими из Индии.

Ваш Ф.Щербатской

По-моему, в заглавии нужно а: *Madhyamakavṛtti*.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 15

⁴⁷ Речь идет о публикации «Мадхьямакавритти» (см. выше).

⁴⁸ «Аланкарасарвасва» — трактат по санскритской поэтике, принадлежащий Манксе (около 1300 г.), переведен Г. Якоби.

⁴⁹ «Шлокавартика» — трактат по философии миманса, принадлежащий Кумариле (около 700 г.).

⁵⁰ Эрдман Б. (1851–1921) — профессор философии в Боннском университете, неокантианец.

⁵¹ Речь идет об участии в работе XIII Международного конгресса востоковедов в Гамбурге (1902 г.).

№11

6.08.1902

Никол[аевская] ж.-д., Кузьминка

Дорогой Федор Ипполитович,

У Вас отличный план насчет диссертации — прибавьте как введение к переводу⁵² Вашу статью о логике⁵³, немножко расширьте ее более подробным разбором литературы и словариком главнейших *termini technici*, и это будет за глаза довольно.

О Гамбурге мне нечего и думать, ни домашние обстоятельства, ни здоровье не позволяют. Очень плохо проходило и проходит лето.

Черкните, когда думаете поехать в Гамбург?

Поправляйтесь.

Преданный Вам Сергей Ольденбург

Если найдете время, пришлите *Ansichtskarten** — Сережа собирает.*СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 161, л. 2*

*Видовые открытки (нем.).

№12

28.VIII.1902

Helmoland

Дорогой Сергей Федорович,

Посылаю Вам сегодня несколько карточек⁵⁴ для Сережи. Морские купания действуют на меня, слава Богу, кажется, очень хорошо. По крайней мере за последний год я не чувствовал себя так хорошо, как теперь. В Гамбург перееду 3-го сентября н[ового] ст[иля]. Программа занятий производит скорее хорошее впечатление. Bendall будет очень жалеть, что Вас не будет, наверное, и многие другие. Адрес мой в Гамбурге будет *Kleine Seilerstrasse 4, 1 rechts, Hamburg 4*. Комитет заранее всех расквартировал. Сестра⁵⁵ мне писала, что заходила речь о команди-

⁵² Санскритского трактата «Ньяябинду» Дхармакирти.⁵³ Речь идет о статье Ф.И. Щербатского «Логика в Древней Индии» // ЗВРАО, 1902, т.14, вып. 3.⁵⁴ См. предыдущее письмо.⁵⁵ М.И. Щербатская (1869 — после 1939). С 1920 г. жила в эмиграции в Париже.

ровании меня на французский конгресс. Правда ли это? Надеюсь, скоро увидимся. Крепко жму Вашу руку

Ф.Щербатской

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 16

№13*

28.08.02

Helmoland

Дорогой Сергей Федорович,

Известие о Вашем здоровье ужасно меня удручает. Неужели мы, русские, не умеем быть здоровыми! Мне кажется, наш долг посвятить часть своих мыслей заботам о здоровье. Об Indian expl[oration] f[und]⁵⁶ мне говорил только Pischel и очень по этому поводу жалел, что Вас нет. Я уже писал Вам, что Гамбург и конгресс производят хорошее впечатление. Комитет состоит из людей скромных и сердечных, большие коммерсанты участвуют только номинально. Я Вам уже писал, что Гельмоланд имел на меня скверное влияние, и я там потерял все, что приобрел в Швейцарии. Теперь, кажется, лучше, хотя, не начав работать, нельзя знать. Черкните мне из Петербурга (ст[анция] Преображенская, Тесово, им[ение] Лютка) когда начнутся лекции.

Ваш Ф. Щербатской

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 17

*На открытке – штемпель 13 конгресса востоковедов 9.09.1902.

№14

Гамбург

[начало сентября 1902 г.]*

Дорогой Сергей Федорович,

Заседания конгресса идут прекрасно. Сообщение Штейна⁵⁷ было блестяще. Конгресс немецко-английский, т[ак] к[ак] ос-

⁵⁶ Indian exploration fund – международная организация для археологического изучения Индии, официально учреждена в 1899 г. Россию в ней представлял С. Ольденбург. На конгрессе в Гамбурге было решено учредить аналогичную организацию для изучения Центральной Азии.

⁵⁷ Стейн Марк Аурель (1862–1943) – археолог, руководитель экспедиций в Центральную Азию, иностранный член РАН с 1924 г.

тальные нации блещут отсутствием или ничтожностью. Из французов один Фуше⁵⁸. Россию представляет Нофаль⁵⁹. Руководительство конгресса очень разумное. Заседания секций 2 раза в день. Удовольствия на 2-м плане и на счет участников. Как [о] месте будущего конгресса до сих пор говорят об Америке, России и Алжире⁶⁰: приглашение пока имеется только из последнего места. Много народа занимается армянским: между ними Fink и Lehman⁶¹ способные, проф. Халатьянц⁶² из Москвы сделал два сообщения, кот[орые], говорят, были очень интересны. Из Индии здесь Sir Lyall⁶³, с кот[орым] мне еще не удалось познакомиться, потому что он очень окружен. Поведение Bendall относительно меня очень странное: он не начинает разговор о переводе, кот[орый] я ему послал, и я тоже не начинаю. Все Вам кланяются и жалеют, что Вас нет. Из молодых немцев особенно выдается Lüders⁶⁴.

Ваш Ф. Щербатской

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 18

*На открытке стоит штемпель 13 конгресса, 8.09.1902 г.

⁵⁸ Фуше А. (1865–1952) — французский санскритолог, исследователь древностей Афганистана, иностранный член РАН с 1924 г.

⁵⁹ Нофаль Селим (1828–1902) — преподаватель арабского языка и мусульманского права Учебного отделения Восточных языков Азиатского департамента МИД.

⁶⁰ XIV конгресс востоковедов состоялся в Алжире.

⁶¹ Леман-Гаупт К.Ф. (1861–1938) — немецкий арабист и арменист, исследователь древней истории Закавказья.

⁶² Халатьянц Г.А. (1858–1912) — арменист, филолог, этнограф профессор Лазаревского института восточных языков.

⁶³ Льяль А. (1835–1911) — индолог, видный чиновник администрации Британской Индии.

⁶⁴ Людерс Г. (1869–1943) — немецкий санскритолог, с 1903 г. профессор в Ростове, в 1909–35 гг. в Берлинском университете.

№15

9.07.1905

(Санкт-Петербург, телеграмма)

Ургу. Русское консульство. Щербатскому

Комитет решил послать одного Бородин⁶⁵ на два года телеграфировал ему выезжать скорее Ургу Вам писал и пишу телеграфировал Бородину телеграфте ему и Вы Ольденбург.

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 161, л. 8.

№16

11.07.1905

Урга*

Дорогой Сергей Федорович!

Сейчас получил Ваше письмо. Очень рад, что типография займется изготовлением нового шрифта, т[ак] ч[то] N[yāya]-bindu⁶⁶ можно будет уже печатать нашим новым шрифтом. Я полагаю, старый шрифт можно будет продать или пожертвовать в Забайкалье, если там устроят санскритский дацан⁶⁷. Вы ничего не пишете о рукописях, выписанных из Кембриджа⁶⁸,

⁶⁵ Речь идет о буряте Б. Барадийне. Барадийн Б. Б. (1878–1937) — монголист, тибетолог, буддолог. С 1902 г. занимался в качестве волонтера факультета восточных языков СПб. университета у С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского. Командирован Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Тибет (1905–1907), провел восемь месяцев в монастыре Лавран. В 1908–1917 гг. лектор монгольского языка в СПб. университете. Нарком просвещения Бурят-Монгольской АССР в 1923–1926 гг., член Бурятского ЦИК в 1923–1930 гг., председатель Ученого Комитета в 1923–1929 гг. Репрессирован.

⁶⁶ Речь идет об издании санскритского текста Nyāyabinduṭīkātipraṇī (Bibliotheca Buddhica, XI, 1909), представляющего собой комментарий на Nyāyabinduṭīkā, тибетский перевод которого Ф. И. Щербатской опубликовал в 1904 г. (Bibliotheca Buddhica VIII).

⁶⁷ Учебное заведение при буддийском (ламаистском) монастыре. Слово употребляется и для обозначения самого монастыря.

⁶⁸ Имеются в виду санскритские рукописи буддийского сочинения Abhisamayālaṃkāra («Абхисамаяланкара» Майтреи, краткое изложение «Аштасахасрика-праджнапарамитасутры»), обнаруженные Ф. И. Щербатским в Кембридже (см. Abhisamayālaṃkāra-grāhā-paramitā-upadeśa-śāstra. Ed., expl. and transl. by Th. Stcherbatsky and E. Obermiller, fasc. 1, L., 1929, Bibliotheca Buddhica XXIII, fasc. 1, p. XI–XII, ср. «Известия АН», сер., 1, 1907, с. 115–117).

полагаю, что они пришли. Что касается денег, о присылке коих я просил, то я писал о них из Кяхты под впечатлением того, что путешествие обошлось мне гораздо дороже, чем я предполагал, и я боялся, что у меня ничего не останется на научные расходы, но последних не пришлось сделать много и денег мне хватит. Списки и книги, которые мне нужны, я просил Барадина заказать в Забайкалье, т[ак] к[ак] здесь все страшно дорого как вследствие присутствия Далай-Ламы⁶⁹, так и вследствие необыкновенного обилия денег у монголов, которые положительно не знают, что с деньгами делать. Все эти деньги идут в Китай, т[ак] к[ак] русских товаров за прекращением подвоза нет. За провоз вагона с воинским поездом нужно, кроме разрешения, еще 1600 фрахт и 1200 р. взятки.

Значит, моя поездка в Тибет не состоится⁷⁰. О моем личном отношении к этому я уже писал, а того, что не написал, Вы можете, конечно, угадать. Особенно скверно то, что одновременно со мной, по-видимому, и все прочие предполагавшиеся спутники Д[алай-]Л[ам]ы не хотят или не могут ехать. В начале, казалось, дела устраивались отлично: Покотилов⁷¹ обещал поддержку, Козлов⁷² командовал конвоем, вместо Доржиева⁷³ при Д[алай-]Л[ам]е состоял Дельков⁷⁴. Затем тут же должны

⁶⁹ Далай-лама XIII Нгаван Лобзан Тхубтан Джемцо (1876–1933) незадолго до захвата Лхасы англичанами бежал в Монголию и пытался заручиться поддержкой России против Англии и Китая.

⁷⁰ Посетить Тибет Ф.И. Щербатского пригласил Далай-лама во время аудиенции в Урге 12 июня 1905 г. Однако, от имени МИД товарищ (заместитель) министра кн. С.В. Оболенский сообщил, что «политические обстоятельства» этой поездке препятствуют.

⁷¹ Покотилов Д.Д. (1865–1908) китаист, выпускник ФВЯ, русский посланник в Пекине.

⁷² Козлов П.К. (1863–1935) исследователь Центральной Азии, руководитель Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг.

⁷³ Доржиев Агван-Лобсан (1853/54–1938) — хамбо-лама (почетный титул буддийского духовенства), бурятско-тибетский ученый, деятель обновленческого движения, один из духовных наставников Далай-ламы. С 1901 г. играл роль полномочного представителя Тибета в России. С 1922 г. глава школы тибетской медицины в Ацагате. Репрессирован.

⁷⁴ Дылыков Намдак — хоринский бурят, имевший титул почетного зайсана и состоявший при Далай-ламе переводчиком с монгольского языка на русский (см. Козлов П.К., Тибет и Далай-лама, Пг., 1920).

были бы находиться Барадин и Жамцаранов⁷⁵. Мне рисовалось какое-то торжественное шествие Д[алай-]Л[ам]ы обратно в Тибет с полурусской свитой — это до того естественно, что никого бы здесь и не удивило, так близко Забайкалье к Тибету с одной стороны, и России с другой. Но вот начинаются препятствия. Покотилову не удалось разузнать в Пекине о сущности англо-китайского договора о Тибете. М[инистерство] И[ностранных] Д[ел], будто бы даже против желания Покотилова, не соглашается на конвой из бурят, хотя бы без Козлова и хотя бы только до Кукунора. П.П. Семенов⁷⁶ выхлопотал разрешение на самостоятельную экспедицию Козлову. Он сначала обрадовался, а затем теперь начал колебаться и хочет со мной вернуться в Петербург; но хуже всех наши питомцы Барадин и Жамцаранов. Первый сначала не отвечал на 3 письма, затем ответил, что он занят исполнением данного ему поручения, думал ехать в Тибет 1 раз, а не два раза и прежде, чем ехать, должен побывать в Петербурге. Жамцаранов же прямо пишет, что это его не интересует, что ему нужен хороший заработок и что путешествие это далекое и небезопасное и т.д. Он, оказывается, все время занимался в Иркутской губ[ернии] политической пропагандой и кроме этого ничем не интересуется⁷⁷.

⁷⁵ Жамцарано Ц.Ж. (1880–1942) — бурятский ученый, монголист, собиратель фольклора. В качестве вольнослушателя ФВЯ учился у С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского в 1902–06 гг. В 1907–08 гг. преподавал в СПб. университете, в 1909–10 гг. совершил научную поездку по Южной Монголии. Активный участник бурятского национального движения. В 1921–32 гг. работал в Монголии, главным образом, в области науки и просвещения. Один из организаторов Монгольской Народной революционной партии. Создатель Монгольского Ученого комитета, из которого выросла Академия наук Монголии. В 1932 г. С.Ф. Ольденбургом приглашен на работу в Институт востоковедения в Ленинграде. Репрессирован.

⁷⁶ Семенов-Тяньшанский П.П. (1827–1914) — руководитель Русского географического общества, исследователь Центральной Азии.

⁷⁷ Ср. в письме Б. Барадинна С.Ф. Ольденбургу (2.12.1905): Жамцаранов «везде страшно нужен бурятам в такое горячее время, время национального самоопределения бурят. В данное время он ни в коем случае не должен уклоняться от своей природы быть превосходным общественным деятелем» (СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 28, л. 23).

Со своей стороны Д[алай-]Л[ам]а стал относиться совсем недоверчиво к словам консула⁷⁸ и ехать в Тибет решительно отказывается. Относительно дальнейшего его местопребывания существуют разные предположения. Монгольские князья объединяются, по-видимому, в союз и хотят гарантировать ему безопасность, приглашают его жить или в Харчине или в Узумчине, но т[ак] к[ак] это места очень глухие и от телеграфа удаленные, то Д[алай-]Л[ам]а медлит. Вероятно, есть у него кое-какие сношения с Японией, по крайней мере, он предлагал теперь свои услуги при заключении мира, но ответ М[инистерства] И[ностранных] Д[ел] был составлен в таком тоне, что Д[алай-]Л[ам]а почел его для себя обидным. Он проникся убеждением, что М[инистерство] И[ностранных] Д[ел] смотрит на него свысока, не придает его влиянию большого значения и водит за нос, будучи совершенно равнодушно к его судьбе, и только опасаясь, как бы не вышло чего-либо неудобного англичанам. Насколько я знаю, военные люди (Алексеев⁷⁹, Холщевников⁸⁰, Андреев, Надаров⁸¹) относятся с большой симпатией к плану объединения всей Монголии и понимают важность в этом случае сочувствия Д[алай-]Ламы. Но Китай, который очень хитро свел на нет политическое значение хутухты⁸² и который, по-моему, ничего другого не хочет, как повторить ту же историю и в Тибете, конечно, добровольно этого не допустит.

Со здешними представителями нашей дипломатии я разговаривать не могу. Даже если превозмочь в себе чувство нравственной тошноты, которое возбуждают эти люди, все же го-

⁷⁸ Русским консулом в Урге был В.Ф. Люба (1861–1928), китаист, ученик В.П. Васильева.

⁷⁹ Алексеев Е.И. (1843–1909) с 1903 г. был наместником императора на Дальнем Востоке, с января 1904 г. — главнокомандующий сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке.

⁸⁰ Холщевников В.И. — Наказной Атаман Забайкальского казачьего войска и генерал-губернатор области (до 1906 г.).

⁸¹ Надаров И.П. (1851–?) — генерал-лейтенант Генерального штаба, командующий войсками Омского военного округа, автор ряда работ по Уссурийскому краю и Манчжурии, участник русско-японской войны.

⁸² «Живой бог», глава ламаистской церкви Монголии богдо-гэгэн Джебцун-Дамба-хутухта (1870–1924).

ворить с ними нельзя, т[ак] к[ак] они этого не желают и с самого начала дали ясно нам понять, что мое присутствие и Козлова совершенно излишне. Они с удовольствием выслали бы нас, если бы не боялись, как высылают без вины и без суда всякого русского, который им или их сварливым барыням не нравится. Сам Люба человек, хотя хороший, но бесхарактерный, и им вертит его супруга, имеющая l'humeur irascible d'un paysanne⁸³. Старший драгоман Долбежев⁸³ пьяница, нахал, лентяй; второй не много лучше. Старший брат Долбежева⁸⁴, говорят, еще хуже, он с год тому назад назначен в Чугучаке, но туда еще не поехал, есть слух, что его могут назначить сюда вместо Люба, который поговаривает об отставке. Это было бы ужасно. Русская колония в Улягджае, которая управляется выборным старостой, говорят, гораздо лучше живет, торговля процветает и развивается русское дело, тогда как здешние чиновники все боятся, как бы чего не вышло и не прибавилось бы дела, оттого с особенным усердием занимаются высылкой русских. Если бы назначить ревизию консульских дел, то, я думаю, открылись бы настоящие авгиевы конюшни. Покотиллов при проезде обозревал колонии по-царски и ни с кем не разговаривал.

Из Вашего письма вижу, что настроение у Вас скверное. Здесь, конечно, политика чувствуется меньше и после случая с «Потемкиным» не знаешь, чего ждать. На то, чтобы наши будущие представители⁸⁵ были деловые, толковые и энергичные люди — надежды мало. Спасение может придти только от умной головы и сильной воли. В частности, представители вряд ли будут что-либо знать о политике на Востоке.

Вы пишете, что Ваше местопребывание будет зависеть от здоровья Серези. Если вы уедете из Петербурга, то все наши дела станут. Мне бы самому хотелось в будущем году поработать в Германии, не знаю, что будет?

Ваш Ф. Щербатской

---

⁸³ Долбежев В.В. (1873–1958) — секретарь консульства в Урге, выпускник китайско-манчжурского разряда ФВЯ 1897 г. С 1921 г. жил в Китае, умер в США.

⁸⁴ Долбежев В.В. в 1909 г. был секретарем русского консульства в Урумчи.

⁸⁵ Речь идет о только что объявленных выборах в Государственную Думу.

Письмо это было уже написано, когда по телеграфу узнали мы, что Витте⁸⁶ назначен вести переговоры о мире. Дай Бог, чтобы ему удалось это сделать. Боюсь, что у него не хватит сведений, касающихся положения и значения Монголии. Японцы, оказывается, прямо приглашали Д[алай-]Л[ам]у приехать в Японию, просили позволения прислать к нему своего представителя и притом предупредили его, что им известны близкие отношения Д[алай-]Л[ам]ы и России, но это им не кажется препятствием для столь же близких отношений и Японии. Д[алай-]Л[ам]а отвечал, что он очень рад этому, желал бы способствовать прекращению войны, мирному объединению народов Востока против Англии, которую считает корнем зла и виновницей всех бед. Японцы, оказывается, указывали на общность религии и расы. В настоящее время против Д[алай-]Л[ам]ы дружно действуют Китай, Англия, и в хвосте у них наше М[инистерство] И[ностранных] Д[ел]. Те заключили какой-то трактат, о сущности которого молчат, но догадываться можно, что имеется в виду превратить Тибет в китайскую провинцию, лишив Д[алай-]Л[ам]у светской власти, и свести его на нет по тому же рецепту, по коему было сведено на нет значение ургинского хутухты. Между тем князья восточной Монголии уже объединились с целью защитить Д[алай-]Л[ам]у, движение это распространяется и на запад, вчера пришло заявление уже от ордосского хана о желании присоединиться, даже ближайшие князья и высшее духовенство в душе все сочувствуют Д[алай-]Л[ам]е. Таким образом, грозит осуществиться то, чего так долго боялось и хитро подкапывало китайское правительство, именно политическое объединение монгольских князей. Бывший наместник Алексеев носится с мыслью образовать из Монголии независимое государство-буфер, для обеспечения безопасности русской границы, а наше М[инистерство] И[ностранных] Д[ел] боится как огня всякого шага в этом направлении; военные же, по-видимому, сочувствуют, но не могут ничего сделать одни. В настоящее вре-

---

⁸⁶ Витте С.Ю. (1849–1915) — председатель Комитета министров, 29.06.1905 г. был назначен уполномоченным для ведения мирных переговоров с Японией, закончившихся подписанием Портсмутского мира.

мя Д[алай-]Л[ам]е нужен только негласный конвой из забайкальцев, который охранял бы его от возможного покушения китайцев и хунхузов, а со временем мог бы быть зерном его будущей военной силы. Если мы не обратим на это внимания, то, несомненно, кто-нибудь другой воспользуется монгольским движением и будет им руководить, т[ак] к[ак] Д[алай-]Л[ам]а стремится завязать сношения и с Америкой, и с Германией. По его просьбе я написал письмо Rockhill⁸⁷-ю, уведомляя его, что Д[алай-]Л[ам]а теперь ничего не имеет против, а, напротив, желал бы установить сношения с американскими учеными. Доржеев будет теперь представителем официальным Д[алай-]Л[ам]ы в России и других европейских государствах. Здесь был один важный еврей коллекционер Hans Leiber, он страшно удивлялся преданности тибетцев России, *die sind Russland so ergeben, so ergeben...., aber die Bürokratie verdirbt alles, die ist auch bei uns ein Übel, aber bei Ihnen!****... Теперь, когда ясно стало, что нам нужно было базировать политику на Монголию, а не на Манчжурию, неужели потеряем и то, и другое!

Ваш Ф. Щербатской

Доржеев, конечно, все еще хочет, чтобы Д[алай-]Л[ам]а хотя бы временно приехал в Россию, где бы он мог хотя отчасти удовлетворить свою жажду знаний и интерес к европейской культуре. Неужели он сначала съездит в Японию?!

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 19-20, 159-160, 21-22

*Совр. г. Улан-Батор.

**Раздражительный нрав деревенской бабы (фр.).

***Которые так преданы России, так преданы..., но бюрократия все портит. Это и у нас беда, но у вас!.. (нем.)

№17

[Б.д., Июль 1905 г. Урга]

Дорогой Сергей Федорович!

Телеграмму Вашу получил и Барадину телеграфировал. Он сообщает, что может выехать только через две недели. Быть

⁸⁷ Рокхилл В. (1854–1914) — американский дипломат и исследователь Центральной Азии, совершивший путешествия в Тибет в 1888 и 1891–1892 гг.

может, поэтому мы встретимся с ним в Удинске*, где будет и Доржеев. Далай-Лама настаивает на том, чтобы мы с Козловым ехали поскорее в Петербург, чтобы там добиться помощи против Англии; вероятно, эту уверенность в возможности русского содействия поддерживает Козлов, он больше действует именем Государя, приехал от Государя и едет к Государю. Вообще при ближайшем знакомстве он мне понравился гораздо меньше, чем в начале: бестолков, необразован и фанфарон, за некоторые же его действия, к сожалению, приходится краснеть; мне кажется, что я теперь понимаю, что, собственно, хотел про него сказать Казнаков⁸⁸.

Завтра Козлов уезжает. Что удастся ему провести в Петербурге? Дай Бог, чтобы удалось, но надежды мало. Пока что англичане занимают всю страну до Gyantse, имеют гарнизоны в Gyantse, Tuna и Psari; в первом пункте устраиваются совсем по-домашнему, возвели массу капитальных построек и проводят хорошую дорогу; на сторону англичан перешли несколько важных сановников, между прочим, брат состоящего при Д[алай-]Л[ам]-е rje-skyabs-m Kham-po**. При этих условиях кап[итану] Козлову, в воинской доблести и способностях коего я сомневаюсь — он тороплив и не находчив — будет довольно трудно de déloger Mrs les Anglais***. Наше же консульство, по инструкциям из Петербурга, упорно утверждает, что в Тибете нет ни одного англичанина и совместно с китайцами гонит Д[алай-]Л[ам]у обратно. Подумать только, что наше консульство здесь под видом сохранения хороших отношений с китайцами играет роль китайского полицейского. До учреждения русского консульства в Урге не было вовсе манджурско-го амбана⁸⁹, теперь же он всемогущ, ибо консульству, конечно, удобнее по всяким делам сноситься с представителем Богдыхана, чем считаться со всею сложностью монгольских светских и духовных владык, изучить права коих не легко. Консульство всегда смотрело на амбана, как на губернатора русской губернии *mutatis mutandis*****. Я не вижу другого средства

⁸⁸ Казнаков А.Н. (1871 — после 1922) — участник Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг. С 1903 г. — директор Кавказского музея в Тифлисе (Тбилиси).

⁸⁹ Наместник китайского богдыхана в Монголии.

помочь Д[алай-]Л[ам]е, как поддерживать связь его с Монголией — будущность Монголии должна теперь решиться, — а также попробовать поставить вопрос о нейтрализации Тибета на международную почву, заинтересовать в судьбах Тибета Германию, Америку и хотя бы и Японию. А если по времени Д[алай-]Л[ам]а придет в Россию, то это будет весьма недурно, лучше, чем ехать ему в Японию. Я просил Далай-Ламу прислать в Петербург молодого тибетца для изучения санскрита. Он выразил желание послать, но сейчас нет никого под рукой, и хочет, чтобы посланный изучил и hindi (а мы сами-то его не знаем!) До скорого, надеюсь, свидания. Что-то теперь у Вас в России делается!

Ваш Ф.Щербатской

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 23–24.

*Верхнеудинск, современный г. Улан-Удэ.

** «наставник под началом великого» (тиб.), титул приближенного к Далай-ламе.

***Оттеснить господ англичан (фр.).

****С соответствующими изменениями (лат.).

№18

[лето 1906 г.]

Дорогой Сергей Федорович!

Poussin пишет мне, что Cordier⁹⁰ списывает тиб[етскую] Amarakoṣa⁹¹ и Mahāvūyutpatti⁹². Между тем список Amarakoṣa для Bibl[iotheca] Buddhica⁹³ у нас готов. Не найдете ли возмож-

⁹⁰ П. Кордье (1871–1914) — французский санскритолог и тибетолог, один из первых европейских специалистов по истории индийской медицины.

⁹¹ Амаракoшa — синонимический словарь санскрита (4–5 вв.). Речь идет о тибетском переводе этого памятника, который был обнаружен О. Бетлингом в собрании Азиатского музея. В серии Bibl[iotheca] Buddhica не публиковался.

⁹² Махавьютпатти — буддийский терминологический словарь, изданный И.П. Минаевым. Второе издание с указателем подготовил Н.Д. Миронов (Bibliotheca Buddhica, XIII вып., 1910–11). Сообщение об исследовании памятника было опубликовано П. Кордье и Л. де Ла Валле Пуссенем в 1905 г. в журнале *Museon*, VI, 2, с.178–194.

⁹³ Международная серия публикаций буддийских текстов и исследований по так называемому «северному буддизму», основанная в 1897 г. Изданием руководил С.Ф. Ольденбург.

ным при след[ующем] выпуске Bibl[iotheca] Buddhica — *Sperey?* — напечатать *Amaṅakoṣa* в числе готовящихся к печати вещей. Ввиду растущего интереса к тибетск[ому] ничего нет хитрого, что еще кто-нибудь занимается этим сочинением, которое, т[ак] сказ[ать], само напрашивается на издание и мне кажется, что в виду того, что Bibl[iotheca] Buddhica уже понесла по этому делу расходы, она могла бы вступить за свои права. Roussin я пишу два слова, может быть, при случае вы черкнете Lévi.

— То, что я Вам говорил о монгольском значении слова *balsa*⁹⁴ пока между нами.

— На последнем собрании доцентов, на котором присутствовало 15 человек, постановлено: сколько бы членов ни присутствовало (хотя бы один!) все решения могут быть сделаны обязательными для всех членов группы! Странное общество!

Не можете ли прибавить к стр. 3 статьи о тиб[етских] корнях⁹⁵ к словам «который, очевидно, первоначально сопровождал каждый из них» — примечание такое: «как нам передавал ученый лама Агинского дацана Зурбайн,⁹⁶ приставные, т[ак] наз[ываемые] немые, согласные произносятся ясно в восточном Тибете, провинциях Каме и Дерге, там они слышатся в сопровождении глухого вокала. То же самое подтвердил нам и А.Н. Казнаков, посетивший в 1902 году эти местности».

Ваш Ф.Щербатской

P.S. Мои снимки, сделанные в деревне, очень недурны.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 173–174.

№19

24.IX.07, [СПб.]

Дорогой Сергей Федорович!

Я просмотрел стр. 121–128 *Madh[yaṃaka] avatāra*⁹⁷; мне кроме того прислали стр. 119–120, но я не читал, и, помнится, под-

⁹⁴ Ср. ниже, письмо от 11/24.06.08.

⁹⁵ Речь идет о статье Ф.И. Щербатского «Определитель корней в тибетском языке» // Сб. ст., посвященных В.И. Ламанскому, ч. 1, СПб., 1907.

⁹⁶ Имеется в виду бурятский ученый лама-писатель Данзан Зурбайн, член-сотрудник Русского Географического общества.

Ф.И. Щербатской в имении с матерью, братом и сестрами

писал раньше и потому теперь не возвращаю. — Сегодня уезжаю на уездные выборы, по возвращении исправлю остальное.

Ваш Ф. Щербатской

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 29

№20*

11/24.VI.08

Marienhof bei Königswinter a/Rhein

Дорогой Сергей Федорович!

Premchand⁹⁸, первое письмо коего к Якоби я Вам передал (при случае верните мне его, так как я должен отдать его Якоби), пишет ему следующее: «With reference to Tattvasaṃgrahaṇīkā⁹⁹ ... the

⁹⁷ Речь идет о корректуре издания *Madhyamakāvatāra* par Candrakīrti (trad. tibétaine), publ. par L. de la Vallée Poussin, Bibliotheca Buddhica, IX, СПб. 1907–1912.

⁹⁸ Премчанд, Дханпатрай (1880–1936) — известный индийский писатель на языках урду и хинди.

⁹⁹ «Таттвасанграханیکا» — комментарий Камалашилы (700–750) на «Таттвасанграха», сочинение Шантаракшиты (680–740), в котором защищается философская доктрина буддийской школы йогачара-мадхьямика в полемике с концепциями других философских школ.

Divan of Jessalmere¹⁰⁰ writes as under to a friend of mine: «...you are well acquainted with the conservative spirit of the Panchas¹⁰¹ of Your caste of Jessalmere... two leading men however have consented to arrange that the book may be copied in Jessalmere. Should anybody be deputed for the work, I should be very happy to assist him. Now You may let me know Your views». If You intend to get the MSS copied, please, also send me the report of S.R.G. Bhandarkar¹⁰², who refers to the book»¹⁰³. Якоби по соглашению со мной отвечал, что мы были бы рады получить список, готовы заплатить за него den üblichen Preis und etwas darüber hinaus¹⁰⁴ и даже сделать предварительный взнос в размере 5–10 фунтов. Одобряете ли Вы эти шаги? Если удастся официальным путем получить саму рукопись или фотографич[еский] снимок, то список не помешает, и в случае получения ответа, можно ли послать деньги т[ак] сказ[ать] в задаток?

Якоби едет на конгрессы в Копенгаген¹⁰⁵ и Оксфорд, на последнем будет говорить о джайнской философии.

Видели ли Вы попытки Leuman-а разбора среднеазиатских текстов¹⁰⁴? Balsa=buddha, кто бы это сказал, а я все подозревал тут впомогат. глагол! Если бы берлинцы не были такими св...¹⁰⁵, то решение не замедлилось бы. Натравите на них Радлова¹⁰⁶, пусть проберет их хорошенько, это будет полезно. Якоби вовсе не получает Bibliotheca Buddhica, только кое-что от авторов. Если можно, пришлите мне последний (5-й) выпуск M[adhyamaka]vṛtti, хотя бы не сверстаный, а также report

¹⁰⁰ Имеется в виду главный министр или министр финансов княжества Джайсалмер.

¹⁰¹ Видимо, члены кастового совета (панчаята).

¹⁰² Речь идет о книге: Sh. Bhandarkar, Report of a Second Tour in Search of Sanskrit Manuscripts, Bombay, 1907.

¹⁰³ XV международный конгресс востоковедов (14–20 августа 1908 г.)

¹⁰⁴ E. Leuman, Über die einheimischen Sprachen von Ostturkestan im frühen Mittelalter // ZDMG, Bd. 61–62, 1907–1908.

¹⁰⁵ Вопреки договоренности о международном сотрудничестве в исследовании Центральной Азии немецкие ученые (прежде всего А. Лекок) не спешили поделиться с русскими коллегами материалами, привезенными из Турфанского оазиса.

¹⁰⁶ Радлов В.В. (1837–1918) — тюрколог, в 1894–1918 гг. директор Музея антропологии и этнографии, руководитель Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903–1918).

S.Bhandarkar-a. Я бы хотел его послать Premchand-y, а Вам я потом отдам свой экземпляр, кот[орый] теперь у меня никто не найдет.

Буду Вам несказанно признателен за помощь, в которой Вы, впрочем, мне никогда не отказывали, так что до известной степени избаловали меня. Достать *Tattvasaṃgraha*¹⁰⁷, по моему, так же важно почти, как *Pramāṇavartika*¹⁰⁸.

Преданный Вам Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 30–31.

*На письме помета: Ответчено 26/VI, книги посланы.

**Что касается Таттвасанграхапанчика..., то диван Джайсалмера пишет моему другу: «Вам хорошо известен консервативный настрой джайсалмерских панчей вашей касты,... тем не менее, два видных лица согласились организовать так, чтобы книга могла быть скопирована в Джайсалмере. Если кто-нибудь будет командирован с этой целью, буду рад помочь. Уведомьте меня, пожалуйста, о своих намерениях по этому поводу». Если Вы предполагаете заказать копирование рукописи, пожалуйста, пришлите мне также отчет Ш.Р.Бхандаркара, который упоминает эту книгу (англ.).

***Обычную цену или чуть больше (нем.).

№21

5/18 III. 1910

Ghat Korar G.I.P. via Bombay

Дорогой Сергей Федорович!

С прошлой почтой писал Вам подробное обо всем письмо на 6 листах, надеюсь, Вы его получили. Я просил Вашей поддержки для продления моей командировки на 6 месяцев, так как работа моя — перевод *Nyāyasūtra*, *-bhāṣya*, *-vārtika*, *-pañśuddhi*¹⁰⁹ — движется, хотя удовлетворительно, но втрое медленнее, нежели я ожидал, это всегдашняя история! Теперь началась жара, и работать становится здесь трудно, собираюсь в Дарджи-

¹⁰⁷ Таттвасанграха («Компендиум категорий») — философский трактат, составленный Шантаракшитой (680–740).

¹⁰⁸ Праманавартика — сочинение Дхармакирти (580–650), в котором излагается буддийская логика и теория познания.

¹⁰⁹ Перечисляются основные тексты и средневековые комментарии древнеиндийской философской системы ньяя, уделявшей особое внимание логике.

линг, где, м[ожет] б[ыть], буду жить у Сарат Чандра Даса¹¹⁰. На шесть месяцев, я теперь боюсь, не хватит у меня энергии; потянет домой, но три месяца, сентябрь-ноябрь, пробыть еще здесь мне совершенно необходимо. Эти месяцы я проживу в Бенаресе, где буду заниматься историей пуауа. Очень было бы соблазнительно организовать экспедицию в Непал, я уверен, что нашел бы Дармакирти¹¹¹, но на это нужны средства. Если идти вглубь страны, нужно снаряжать экспедицию. Если мне продлится командировка на 3 месяца, то субсидия рублей в 1000–1500 мне будет достаточна. Я надеюсь, комитет¹¹² не откажет мне в ней.

Насчет буддийского храма¹¹³, пожалуйста, не пожалейте времени, дело требует внимания, а то может выйти неловкость. Крепко жму руку.

Ф.Щербатской.

P.S. Не откажите сообщить поскорее, есть ли надежда получить субсидию от комитета, т.к. мне нужно соответственно распорядиться. Если Вы сделаете представление в комитет и результат будет благоприятный, то не сообщите ли В.П.Шнейдер¹¹⁴, она регулярно мне пишет, и я сразу узнаю.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 32.

№22

16/29 IV. 1910

Ghat Kopar G.I.P.

Адрес с/о Thos Cook and Son, Bombay

Дорогой Сергей Федорович!

Получив телеграмму от В.В. Радлова с извещением о продлении командировки и высылке денег и одновременно узнав

¹¹⁰ Дас, Сарат Чандра (1849–1917) путешественник по Тибету, составитель тибетско-английского словаря. Был директором школы в Бенгалии, с 1904 г. на пенсии.

¹¹¹ Автор «Ньяябинду» (VIII в.), трактата по буддийской логике.

¹¹² Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии, командировавший Ф.И. Щербатского в Индию.

¹¹³ Имеется в виду постройка буддийского храма в Старой Деревне в Санкт-Петербурге, которая началась в 1909 г. Председателем строительного комитета был В.В. Радлов, Ф.И. Щербатской — уполномоченным по строительству, членами комитета — С.Ф. Ольденбург, В.П. Шнейдер, Н.К. Рерих и др.

¹¹⁴ Шнейдер В.П. (1860–1941) — племянница И.П. Минаева, с которой Ф.И. Щербатского связывали дружеские отношения.

из письма Вар[вары] Петровны [Шнейдер], что Вы вернулись в Петербург¹¹⁵, я, как искусный наяик*, поставил эти события в причинную связь. Позвольте от души поблагодарить Вас. Дело в том, что, действительно, время моей командировки было очень коротко. В Европе я считал себя недурным знатоком ньяя, но, приехав сюда, увидел, что нужно переучиваться с начала и что без знания *mīmāṃsā*^{**} невозможно хорошо знать и ньяя. Я сразу напал на двух пандитов из Mithila¹¹⁶ — настоящих *śāstri*^{***}, один из них *saṃnyāsi*^{****}. С их помощью прохожу полный курс ньяя, как он проходится самими шастринами. Это настоящие учителя — индусы совершенно старинного покроя, не знающие, разумеется, ни слова по-английски. Жизнь с ними устроить было довольно мудрено, т[ак] к[ак] нужно считаться с кастовыми порядками, пришлось нанять поместительный дом и отдельный для них штат прислуги, также и для себя. Но я считал, что моя главная цель — изучение шастр, а объезд и знакомство с Индией второстепенная, и потому решил сделать все, чтобы использовать своих шастринов.

Скоро уже 4 месяца, как я ежедневно по 16 часов сижу за ньяя и все еще не могу сказать, чтобы чувствовал себя свободно. Другой раз, разжевав какое-либо рассуждение, ощущаю нечто вроде того, что чувствуется в теле после первого урока езды на велосипеде. Одновременно у меня завязались сношения с здешними джайнами, Арьясамадж¹¹⁷, Брахмосамадж¹¹⁸ и махараджей Бародским¹¹⁹. Все необыкновенно предупредительны и внимательны, книг и рукописей по ньяя у меня уже образовалась порядочная библиотека.

Ехать в Д[арджилинг] опасаясь, т[ак] к[ак] мое имя известно в джингоистской¹²⁰ литературе; сейчас у меня превос-

¹¹⁵ В 1908–10 гг. С.Ф. Ольденбург был в экспедиции в Центральной Азии (Турфанский оазис).

¹¹⁶ Область в Северной Индии, с древности славившаяся как родина ученых брахманов.

¹¹⁷ Просветительское религиозно-реформаторское общество, основанное в 1875 г. Даянандой Сарасвати.

¹¹⁸ Просветительское религиозно-реформаторское общество, основанное в 1828 г. Рам Мохан Роем.

¹¹⁹ Речь идет о Саяджи Рао III (1875–1939).

¹²⁰ Английской шовинистической литературе (очевидно, после контактов Ф.И. Шербатского с Далай-Ламой в Урге).

ходные отношения как с англичанами, так и с туземцами, боюсь не испортить бы без особенной пользы¹²¹. Я Вам писал, что не жалею, что Nyāyabindu до сих пор не напечатан, т[ак] к[ак] достал всю tirraṇi¹²² целиком. Относительно Цыбикова¹²³ тоже Вам писал. Писал также о приобретении книг, некоторые совершенно необходимо приобрести: все серии¹²⁴, перевод Панини¹²⁵, бирманское издание палийского канона¹²⁶, словарь Śabdastomamahodadhi¹²⁷, полный экземпляр The Pandit¹²⁸ (еще можно достать). Я писал, что хорошо бы иметь Академии агента здесь по покупке и продаже книг (я предлагал Lazarus в Бенаресе), так как на Bibliotheca Buddhica большой спрос, и никто не может достать. Писал также, что нужно уменьшить цену для Индии, уравнив с Bibl[iotheca] Indica¹²⁹, причем лучше всего штемпелем обозначить price 12 annas^{*****}. На все эти вопросы жду от вас ответа. Еще раз большое спасибо.

Ваш Ф.Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 33–34.

¹²¹ Ф.И. Щербатской опасался, что его появление у границ Тибета будет воспринято как выполнение политической миссии.

¹²² Ньяябиндутакиппани, составленный джайнским философом Маллавади (конец VIII в.) комментарий на «Ньяябиндутака» Дхармоттары (см. выше).

¹²³ Цыбиков Г.Ц. (1873–1930) — бурятский буддолог, учившийся на ФВЯ у Ф.И. Щербатского. В 1899–1902 гг. под видом паломника совершил путешествие в Тибет. С 1906 г. профессор монгольской словесности в Восточном институте (Владивосток).

¹²⁴ Серии изданий санскритских текстов (Чаукхамба, Анандашрам, Нирная-сагар и др.). См. следующее письмо.

¹²⁵ Панини — автор «Аштадхьяи» (Восьмикнижия), классической грамматики санскрита (IV в. до н.э.).

¹²⁶ «Типитака» — собрание канонических книг школы тхеравада («южного буддизма»).

¹²⁷ Шабдастомамаходадхи («Океан потоков слов») — средневековый свод санскритской лексики, составленный Таранатха Таркавачаспати.

¹²⁸ «Пандит» — ежемесячный журнал по санскритологии, издававшийся с 1876 г. Бенаресским санскритским колледжем, издательство Лазарус.

¹²⁹ «Библиотека индика» — серия публикаций (преимущественно санскритских текстов), осуществлявшаяся с 1848 г. под эгидой Азиатского общества Бенгалии.

* Специалист по традиционной индийской логике ньяя.

** Пурва-миманса — философская школа, уделявшая особое внимание интерпретации вед.

*** Шастрин — знаток шастр, традиционных научных дисциплин (логики, философии и т.п.).

**** Санньяси — отрекшийся от мирской жизни, аскет. В данном случае имеется в виду Свами Сурешварананд.

***** Цена 12 анна (англ.).

№23

23 апр. / 7 мая 1910

адрес Ghat Kopar G.I.P.

с/о Thos Cook and son, Bombay

Дорогой Сергей Федорович!

В прошлом письме коротко указал, что следовало бы пополнить Академическую библиотеку книгами, печатающимися в Индии, и лучше всего было бы иметь в самой Индии агента. Таковым мог бы быть или Lazarus & Co. в Benares, или Thaker, Spink & Co. в Calcutta. Через Harrasowitz¹³⁰-а книги стоят вдвое. Thaker-а я предпочитаю, хотя и Lazarus надежен. Академия может заказать им непосредственно. Могу и я быть посредником. Без аванса ф[унтов] 50–100 они не согласятся отправлять большие посылки.

Жару я переношу хорошо, но вот эти дни с глазами что-то делается, боюсь, не пришлось бы прервать работу.

Ваш Ф.Щербатской.

1) полный английский перевод Siddhānta Kaumudī, prof. Basu, Allahabad — руп[ий] 45.

2) Śabdastomamahodadhī, самый полный из сущ[ествующих] словарей — 100.

3) палийский канон со всеми комм[ентариями], бирманский шрифт, изд[анный] в Рангуне — ок[оло] 300.

4) старая серия «The Pandit», есть еще несколько полных экзмп[ляров] (в Аз[иатском] музее нет) — 120. Новая серия т. I–XXVIII (есть ли в Музее?) — 260. Не знаю, есть ли в Аз[иатском] музее новая серия, кроме Kāvyaṃālā.

¹³⁰ Основанная Отто Харрасовицем (1872–1920) книготорговая и книгоиздательская фирма (Лейпциг, ныне Висбаден), специализирующаяся на литературе по востоковедению.

5) Ālandāśrama S[anskrit] S[eries] полн[ая] ок[оло] 250.

6) Chowkhamba S[anskrit] S[eries] — ?

7) Conjeeveram S[anskrit] S[eries] — ?

8) Полная Tattvacintāmaṇi со всеми комм[ентариями] ок[оло] 100. Кроме того есть тут издания, которые, по-моему, совершенно необходимо приобрести для Аз[иатского] музея, как, напр[имер] отличное издание Śaṅkarabhāṣya с 4-мя комм[ентариями] в Nirṇayasāgara Press и друг[ие].

Подписалась ли Академия на Yaśovijaya S[anskrit Series]? Джайны в последнее время печатают очень много, и у меня образовалось уже нечто вроде маленькой джайнской библиотеки.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 35–36

№24

12.10.1910

Woodland's Hotel, Darjeeling

Дорогой Сергей Федорович!

Получили ли Вы мое первое письмо, написанное по приезду? Я уже здесь неделю. Сегодня, вероятно, придет из Калькутты рукопись Abhidharmakośa¹³¹, и мы с Россом¹³² примемся за работу. Надеюсь, что после всего того, что я прочел из области пуṇya, abhidharma не должна представить затруднений. Относительно свидания с Д[алай]-Ламой положение прежнее, я передал ему, «случайно» встретившись в лесу с Эмчи-хамбо¹³³, письмо от «строительного комитета буддийского храма». Далай-Лама жаждет меня видеть, но не хочет ничего делать без согласия

¹³¹ «Абхидхармакоша» (Энциклопедия абхидхармы — буддийской философии), составленная Васубандху (400–480). Была известна лишь в переводах с санскрита. А. Стейн обнаружил в Центральной Азии рукопись уйгурского перевода памятника и переслал фотокопию одной из глав Д. Россу в Калькутту.

¹³² Росс Д. (1871–1940) — английский тюрколог и арабист, (знавший также персидский, японский, китайский, русский) сотрудник отдела восточных рукописей Британского музея, в 1910 г. — директор Медресе колледжа в Калькутте, в 1916–1937 гг. директор Школы востоковедения в Лондоне.

¹³³ Эмчи-хамбо — первый министр и личный доктор Далай-Ламы, видимо, Туб-ван, с которым Ф.И. Щербатской встречался в Урге в 1905 г.

англичан. Я тоже с первого шага заявил Bell¹³⁴ (political officer for Sikkim, приставленный к Д[алай]-Ламе), что если почему-либо мое свидание для английского правительства нежелательно, то я настаивать не буду. В запасе у меня письмо сэра А.Никольсона¹³⁵ к л[орду] Минто¹³⁶. Bell очень любезен, пригласил обедать, обещал достать для нашего комитета от Д[алай]-Ламы все, что тому потребуется. Я дал ему список сочинений, насчет же аудиенции, хотя обещает, но тянет под предлогом, что Д[алай]-Лама советуется с астрологом насчет благоприятного дня. Посылаю Варваре Петровне [Шнейдер] два чудных снимка Д[алай]-Ламы, ей же пошлю со следующей почтой нечто вроде фельетона насчет Дарджилинга, можно будет напечатать, это поддержит дело и авторитет строительного комитета, не откажите просмотреть перед напечатанием, даю carte blanche на исправления, фотографии можно обнародовать, только если крупчатка дошла до Петербурга.

Я, собственно, уже в Тибете, и не быть в состоянии проехать дальше глупо! Англичане, думаю, меня пропустили бы свободно, но китайцы и, главное, свои!

Крепко жму Вашу руку. Ф.Щербатской.

Необходимо избрать Росса членом нашего комитета. Сегодня пишу Радлову заказным. Ваш Щербатской.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 40–41.

№25

12.X.1910 н.ст.

Woodlands Hotel, Darjeeling

Сегодня отправил Вам второе письмо не заказным, Радлову отправил заказным. Ваш Ф. Щербатской.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 38.

---

¹³⁴ Белл Ч.Ф. (1870–1945) — чиновник англо-индийской администрации, политический агент при махарадже Сиккимском в 1908–1918 гг., автор ряда книг о Тибете.

¹³⁵ Никольсон А. (1849–1928) — посол Великобритании в Петербурге в 1906–1910 гг.

¹³⁶ Лорд Минто Э. (1845–1914) — вице-король Индии в 1905–1910 гг.

№26

12.X.1910

Darjeeling

Two friends in the Himalayas send You warmest greetings*.

E. Denison Ross. Ф. Щербатской.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 39.

* Два друга в Гималаях посылают Вам самые теплые приветствия (англ.).

№27

7/21.X.1910

[Дарджилинг]

Аудиенция состоялась, переводчиком был сам Bell, любезность англичан ко мне не знает границ. Вместе с Ross-ом работаем над Abhidharmaakoṣa, у него китайский, японский и уйгурский текст, у меня тибетский и vuākhyā¹³⁷. Надеюсь, примете наш совместный труд в Bibl[iotheca] Buddhica. Сломал себе руку, заживает, послал Вам письмо для крупчатки. Узнайте на случай о позволении кит[айском] в Тибет, англичане мне препятствовать не будут.

Ф. Щербатской.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 37.

№28

[май-июнь 1911 г., Санкт-Петербург]

Дорогой Сергей Федорович!

Сегодня уезжаю в деревню, вернусь приблизительно 15-го июля. Если будут корр[ектуры] (до сих пор нет), то можно послать в деревню (почт[овая] ст[анция] Вяжище Новг[ородской] Губ[ернии]). Thomas¹³⁸ у я пишу, что деньги посланы. Yamakami¹³⁹ в Калькутту пишу, что Bibl[iotheca] Buddhica ему послана.

Ваш Ф.Щербатской.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 171.

¹³⁷ Вьякхья («Спхутартхабхидхармакошавьякхья») — комментарий Яшомитры на «Абхидхармакошу» Васубандху.

¹³⁸ Томас Ф.В. (1867–1956) — санскритолог и специалист по Центральной Азии, хранитель рукописей India Office. Речь идет, видимо, о заказе копий рукописей.

¹³⁹ Японский монах Ямаками Согэн, который помогал Ф.И. Щербатскому и Д. Россу в работе над «Абхидхармакошей». В 1911–1912 гг. опубликовал в Калькутте две книги по философии буддизма.

№29

3.08.1917.

Агинский дацан.

Почтовое отделение Агинское Забайк[альской губернии].

Дорогой Сергей Федорович!

Приехал я сюда в разгар организационной работы бурят. Представителем духовенства в Учр[едительном] Собр[ании] уже выбран Жигжитов¹⁴⁰, он уже уехал. Теперь идет обще-бурятский съезд в Чите, а перед моим приездом завершился в Аге обще-бурятский съезд всей их интеллигенции не духовной, т.е. европейски-образованной. Съезд этот был в Аге, был очень многолюден, собрал представителей от бурят иркутских, забайк[альских] и баргинских, которые и объединились более или менее торжественно.

Иркутские буряты, между прочим, решили бороться с шаманизмом и ввести более чистую форму буддизма, то есть ту, которая господствует и здесь. До сих пор все образование было русским, теперь предстоит огромная работа, чтобы была возможность сделать ее бурятской. Уже одно создание учебников по всем отраслям займет немало труда. Объединение культурное, конечно, предполагает объединение и политическое. Но как политически объединить часть Иркутск[ой] губ[ернии], Забайкалье и Баргу — трудно себе представить. Буряты хотели бы, по-видимому, иметь свое земство, но пока областной комиссар распорядился «подчинить аймаку^{*}, т.е. тайше^{**} Делькову все три категории населения», то есть бурят, поселенцев и разночинцев. Дельков поехал в Читу для решения вопроса на совещании с комиссаром.

В Аге на этой почве идут серьезные несогласия. До сих пор русское и бурятское население жили очень дружно. Теперь дошло до того, что Ага хочет расселиться по национальностям. Одновременно сюда хотят переселиться 500 семей из Монголии, где в настоящее время голод вследствие засухи, но против этого сам Дельков.

Что за богатейшая страна Забайкалье — трудно себе представить! Хлеба столько, что некуда стало его сыпать, казаки

¹⁴⁰ Видимо, С.Ч. Жигжитов — ширетуй (настоятель) буддийского храма в Петрограде.

не могут разделаться с урожаем за несколько лет; главное препятствие — полное отсутствие мешков. Не имеет даже смысла пахать, накапливать новые массы хлеба, когда старого девать некуда. Скота — бесконечное количество, лес, минералы, рыба, целебные источники, благодатнейший климат! Неужели мы окажемся неспособными все это использовать! Хорошо устроенное Забайкалье вознаградило бы нас за потерю и Польши!

Из культурного объединения бурят на попрание просвещения вытекает требование отдельного земства, а земство предполагает объединенную территорию, что, далее, стоит в связи с земельным вопросом, без разрешения которого на прочном основании, конечно, невозможен никакой прогресс. Местные социалисты идут против казачества, требуют уничтожения казаческого сословия, лишения его привилегий и, прежде всего, земель. При этом им трудно будет отказаться от принципа государственного вмешательства во владение бурятских земель, хотя от них я ничего на этот счет не слышал. Главным деятелем бурятского возрождения является наш Жамцаранов; он ужасно одушевлен и воинственно настроен, против него стоят только наши тупоумные миссионеры, больше никого! Будет ли Ваше ведомство¹⁴¹ занято вопросом просвещения бурят, или это так далеко, что при теперешней атмосфере Петрограда стало совершенно невозможно?

Учреждение университетов в Иркутске¹⁴² и Владивостоке решено? Здесь все уверены, что это решено в положительном смысле. Не знаю, говорит ли во мне голос узкого специалиста, но мне представляется желательным иметь в Иркутске кафедру санскритской словесности для изучения буддизма. Ведь только таким путем можем мы сохранить значение распространителей европейской культуры на Востоке. Здешнее ламство, не в пример монгольскому, производит самое выгодное впечатление. Уже один внешний вид чего стоит! Все ламы живут в домах, очень аккуратно сделанных из прекрасного

---

¹⁴¹ С.Ф. Ольденбург был министром народного просвещения с 25.07(7.08) до 31.08(13.09) 1917 г.

¹⁴² Университет в Иркутске был открыт в 1918 г., во Владивостоке — в 1920 г. (с сентября 1918 г. Историко-филологический факультет как самостоятельное учебное заведение).

соснового леса, прелестная обстановка внутри, большая чистота и опрятность, видно везде большое богатство при разумном пользовании им; о дисциплине, вежливости и приятном обращении и говорить нечего! Занятия состоят в молитве и учении в чудной обстановке — это такие блага, которые не только для бурят имеют притягательную силу, но, несомненно, имеют, и будут иметь ее, и для русских. Семьи уже три поколения бывшие русскими, имеют склонность вернуться в лоно буддизма.

Мы должны были бы дать Забайкалью быстрое промышленное развитие, здесь все условия для широкого развития промышленности и земледелия. Я полагаю, никому не придет в голову применять к Забайкалью социалистические теории, ибо здесь последний бурят является владельцем латифундии. Но наряду с промышленным развитием должно идти и гуманитарное. И тут я себе представляю Иркутск центром изучения буддизма в будущем. Ведь Монголия — это живая Индия. Все, что происходит здесь в Аге, есть, по всей вероятности, точнейшая копия того, что происходило в VII в. в Наланде¹⁴³. Влияние Индии перешло даже на фольклор. Владимирцов¹⁴⁴ приходит к выводу, что весь почти фольклор — индийский; следовательно, наряду с литературой мы имеем здесь саму жизнь, которую должны были бы по литературе отгадывать. А предстоит на этом основании изучить кроме логики и философии новые системы как *Kālacakra*¹⁴⁵ и др.*** Проанализировав всю буддийскую литературу, мы создадим такую филологию, которая превзойдет, как более молодая, классическую и вознесет Индию выше Греции и Рима, на что она имеет полное право!

Известия из Петрограда здесь приходят с запозданием. Не знаю, что происходит на фронтах. Если не будет очень сквер-

¹⁴³ Буддийский монастырский комплекс в районе совр. г. Патны. В VII в. в Наланде находился важнейший центр буддийского образования в Южной Азии. С Наландой этого времени связана деятельность философа Дхармакирти, которым занимался Ф.И. Щербатской.

¹⁴⁴ Владимирцов Б.Я. (1884–1931) — специалист по истории и культуре монгольских народов, член-кор. Академии наук с 1929 г.

¹⁴⁵ Калачакра — одна из важнейших систем индийского буддизма ваджраяны, получившая широкое распространение в Тибете.

но, то пробуду здесь дольше, если же будет плохо, то будет тянуть обратно. Простите за болтовню, может быть кое-что из нее и пригодится Вам для соображений по поводу организации просвещения на нашей окраине. Она вся живет Петроградом, эта окраина, до слетен включительно, и это единство политического процесса на всей нашей территории — явление утешительное. Революция была приветствована сначала в русской Аге, потом в дацане торжественным молебном с участием и русского населения, но потом, как я уже писал, началась рознь.

Преданный Вам Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 25–28.

*Округ, крупная административно-территориальная единица Монголии (монг.).

**Правитель рода, князь (монг.).

***Зачеркнуто: йогические.

№30

19.VIII.1917.

Агинский дацан. Почтовое отделение Агинское
Заб[айкальской губернии]

Дорогой Сергей Федорович!

На днях уезжаю отсюда, закончил здесь свою задачу, о плане дальнейшего путешествия напишу подробнее Л.Я. Штернбергу¹⁴⁶. К 1-му октября надеюсь вернуться, если все протечет благополучно. Хотелось бы проехать и в Баргузинский дацан, если только позволит время. В прошлом письме я писал Вам о здешних школьных делах, думаю, что в Вашем теперешнем положении это Вам может быть интересно.

О бывших здесь, устроенных Жамцарановым, курсах для народных учителей я более подробно писал Рудневу¹⁴⁷. На кур-

¹⁴⁶ Штернберг Л.Я. (1861–1927) — специалист по этнографии народов Сибири, заместитель директора Музея антропологии и этнографии, секретарь РКИСВА.

¹⁴⁷ Руднев А.Д. (1878–1958) — профессор ФВЯ СПб. университета, исследователь монгольских языков и культуры, сотрудничавший с Ц. Жамцарано в исследовании монгольского фольклора. После 1917 г. в эмиграции.

сы приехало около 60 человек из Иркутской губ[ернии], причем выяснилось, что они бурятского языка здешнего не понимают вовсе. Пришлось для них отступить от принципа и раз в неделю, по субботам, читать по-русски. Цыбиков утверждает, что они по-здешнему не понимали ни слова. На курсах особенный успех имели и большое впечатление произвели лекции Барадина о национальной школе и Жамцаранова по истории монголов.

Иркутяне решили примкнуть к национализации школы и постановили сделать это немедленно. Из училищного совета в Чите буряты вышли, образовав свой совет, в члены его избран и Цыбиков, но он сказал мне, что согласится, только если дадут жалование. Он представлял, — так, по крайней мере, утверждает он сам, — на съезде более умеренное течение и предлагал постепенную монголизацию школы, введя преподавание на монгольском языке для всех предметов только для вновь поступающих в этом году и сохраняя прежнее преподавание для тех, которые уже прошли одно-, двух- и трех-годичный курс. Но это было отвергнуто, и решено везде ввести в этом же году все преподавание на монгольском языке. На вопрос об учебниках, которых нет, отвечали, что создадут их в спешном порядке, — шрифт академический заказали у Лемана¹⁴⁸, и прибытие его ожидается. Нет также и учителей монголов; решено набрать грамотных людей, хотя бы безо всякого образовательного ценза. Для установления самого языка Цыбиков в спешном порядке пишет словарь, долженствующий установить самый язык, словарь без значений на другом языке, своего рода академический словарь бурятского языка.

Все это очень хорошо и может быть предоставлено самим бурятам. Но как быть в местах со смешанным населением, каковых большинство? Только в самой Аге буряты преобладают, уже в Цуголе много русских, а в Иркутской губернии у бурят меньшинство, которое никак не объединить территориально. Оказывается, решено очень просто — всех русских учить по-монгольски. Казалось бы, национализация школы знаменует ее разделение, но этого они не хотят вовсе, и на недо-

¹⁴⁸ Крупнейшая фирма, снабжавшая шрифтами русские типографии. Национализирована в 1919 г.

уменьный вопрос отвечают, что так было сделано в Финляндии и на Украине, где русское преподавание для русских не допущено. Итак, предстоит восстановление монгольского ига!

Вместе с тем буряты организовались в 4 аймака, во главе каждого тайша, и все прочие княжеские титулы, как в Монголии. Чинопочитание и повиновение духовным и светским властям, конечно, безусловное. Для практического осуществления школьной политики первый шаг — получить существующую школу в свои руки, со всеми на нее ассигнованиями. В Аге инспектором высшего начального училища был некто Бородин из казаков. На его место выдвигается Ханхасаев¹⁴⁹ из бурят, который уже затем станет бесконтрольным со стороны органов русского М[инистерства] Н[ародного] Пр[освещения]. В Иркутске на это долго не соглашались, господствовала, видимо, тенденция разделить школу, но вчера пронесся слух, что Ханхасаев все-таки назначен.

Заметьте при этом, что буряты не несут воинской повинности и почти не платят податей. В русских семьях сплошь и рядом остались одни дети и женщины, а в бурятских все мужское население дома и занимается скотоводством, дающим теперь колоссальные барыши. Если что-либо подобное совершится, то положение русских в Урге будет гораздо лучше, ибо никто не гонит их там в монгольскую (!) школу. Не забудьте, что наши друзья¹⁵⁰ не забывают ссылаться, когда нужно, на свои связи в Петрограде, где их будто бы всегда поддержат.

В Монголии дела обстоят так: южные монголы, отчаявшись в своей попытке посадить манжурского императора на трон Китая, обратили свои взоры на север и пошли войной на Ургинского хутухту. Они хотят подчинить себе всю Монголию и поставить монгольского императора, тоже из манжурских князей. Их, по-видимому, поддерживают японцы, они хорошо снабжены оружием и припасами, у хутухты же патронов нет. В последнее время хутухта пробует откупаться деньгами. Жамцаранов — министр Н[ародного] Пр[освещения] в

¹⁴⁹ Ханхасаев Н.А., член Особого совещания Временного правительства по выборам в Учредительное собрание.

¹⁵⁰ Имеются в виду Ц. Жамцарано и Б. Барадийн.

Монголии и фактически он таковым является и убурят. Сопоставьте все это и Вы получите понятие о том, что творится в этой лаборатории, где спаиваются вместе социализм (для русских), национализм (для монголов) и чингисханизм (вероятно, для японцев).

Местное русское население безнадежно разделено на примолкнувших сторонников старого режима и мечтателей социалистов, утопистов, думающих о братстве народов. Китайцы нахлынули широкой волной, торговля и огороды и раньше уже были в их руках. Таможенная граница фактически не существует, согласно принципам социально-революционной партии и не должна существовать. Поезда в Маньчжурии битком набиты солдатами и жел. дор. служащими, которые, пользуясь даровым проездом, заставляя платных пассажиров стоять в проходах, провозят контрабанду. В Чите она продается открыто на базарах и в магазинах, никто против этого не протестует и не препятствует. Какую уйму денег получают от нас китайцы и японцы, просто уму не постижимо. И это все могло бы остаться в России, если бы хоть немного порядка. «This country is going to the hell» сказал будто бы Мак-Кормик при проезде через Сибирь. А между тем, какая богатая страна, и что бы из нее сделали здравые мозги, хотя бы тех же американцев!

Ваш Ф. Щербатской.

P.S. Мы с Цыбиковым решили совместно издать тибетскую хрестоматию¹⁵¹, это совершенно необходимо для преподавания. Он возьмет тексты повествовательные и исторические, я переводные с санскрита и научные. Словарь будет со значениями на русском и английском.

Сам я, в сущности, очень сочувствую монгольской школе, но, конечно, не для русских, а для монголов!

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 42-49.

*Эта страна идет к черту (англ.).

¹⁵¹ Этот замысел не был осуществлен.

№31

Доверительно.

23.VIII.1917, Агинский дацан

Дорогой Сергей Федорович!

Перед отъездом отсюда хочу написать Вам об одном разговоре, который я имел с Жамцарановым. О своей школьной политике он со мной молчал, ограничиваясь общими фразами о том, что есть кое-какие трения, но можно надеяться, что все устроится. Также и по земельному вопросу он упоминал лишь об отдельных нарушениях прав бурят, а о том законопроекте, который они сейчас разрабатывают на съезде в Чите, не сказал ни слова. Зато он довольно охотно говорил о деятельности Японии в Монголии. На нее уже обратило внимание наше М[инистерство] И[ностранных] Д[ел]. Живет в Хайларе и особый его агент для наблюдения за японскими агентами, но по отзыву Жамцаранова человек недалекий и неразвитый. В Ургу приезжал особый агент с конкретными японскими предложениями объединения Северной, Южной Монголии, Манжурии и Северного Китая, создания из этих частей одной большой империи. В цели японской политики, будто, не входит дальнейшее увеличение своей территории, они хотят сохранить государственную однородность и предварительно совершенно японизировать Корею и Манжурию, дав этим странам высокую культуру, а рядом хотели бы иметь полуассальное большое государство, через которое противодействовать всякому поступательному движению России. Сферою своего влияния они считают всю Монголию и весь Китайский Туркестан. Они носят с проектом проведения жел[езной] дороги по северной окраине пустыни. С Германией у Японии будто бы прекрасные отношения. Но участием России в войне и революции японцы очень довольны. Они готовы всеми силами помогать новой России оружием и деньгами в уверенности, что это только окончательно разорит и ослабит ее.

Противодействия Америки своим планам Япония будто бы не боится. Между влияющими лицами обеих стран есть уже принципиальное соглашение, по которому будущая Монгольская империя предоставляется эксплуатации Японии, а Сибирь, отделенная ли от России или нет, будет предоставлена во влияние Америке. В связи с этим стоит и тон влияние-

ной американской прессы, которая стала так поносить новую Россию, как она никогда не поносила Россию старого режима. Предложения японского агента, однако, не были приняты правительством хутухты, просто еще не доросли до таких планов. Тогда японцы повели свой поход на Баргу. В южной Монголии, всецело находящейся в их руках, они обучили отряды в 4000 прекрасных дисциплинированных солдат, со своими офицерами, артиллерией и пулеметами и разгромили баргутов, часть которых порезали и ограбили, а другая часть со скотом тремя дорогами потянулась в Халху и дальше. Вероятно, часть их дойдет до Урянхы¹⁵² и отрежет и этот благодатный край от России. В Иркутске хотели было послать отряд на помощь баргутам и было приказано 1000 казакам из Верхне-Удинска выступить туда. Но последние, обсудив дело на Комитете, решили не выступать. На запрос нашего М[инистерства] И[ностранных] Д[ел] японцы отвечали, что офицеры отряда частные лица, на службе Японии не состоящие. Русских поселенцев в Барге не трогали. Был в Иркутске план направить на освободившееся место в Барге русских поселенцев, но теперь они невыполнимы и, вероятно, их предупредят поселенцы японские.

Школьное объединение бурят с монголами — одни учебники, один язык, те же учителя и тот же направляющий центр — не имеют ли в этом свете свое значение и не совершаются ли вдобавок на русские деньги?! Из Урги русское население бежит, невозможно жить вследствие падения курса. По Забайкальской дороге ежедневно идут два поезда, битком набитые контрабандистами. Англичане с ними не церемонятся, раздают всех при обыске, при въезде. С русской же стороны никакого осмотра нет, огромный штат служащих, и все подкуплены. На днях служащие Забайкальской дороги потребовали прекращения экспресса, как недемократического поезда, в действительности же для того, чтобы иметь лишний повод для провоза контрабанды. Ею занимаются, главным образом, служащие, разъезжающие по бесплатным билетам, и солдаты.

---

¹⁵² Урянхайский край — впоследствии Тувинская народная республика (1921–1944), затем область и республика в составе Российской Федерации.

Между Харбином и фронтом регулярные сношения посредством таких разъезжающих солдат. Паспортная система такая, какой не было никогда раньше, и так же она бесполезна; как раньше. Удостоверение можно достать где угодно и сколько угодно, и страдают от нее только bona fide* пассажиры, которым ежеминутно нужно предъявлять свой паспорт. Закрытие границы на время было умной мерой, курс сразу поднялся, надо ее повторять, тем более что есть Амурская дорога, которую желательно оживить. Вот куда хотелось бы мне ездить взглянуть — на Амур! Сегодня еду в Цугол, потом на Онон в тунгусские дацаны, потом в Баргузин. Здесь нашел сочинение Хайдуба¹⁵³ о Saṃbandhapaṭikṣā¹⁵⁴ Дармакирти, это pendant к изданному мною соч[инению] Dandara¹⁵⁵. О кризисе церкви Цонхавы¹⁵⁶ и успехах красношапочной¹⁵⁷ операции подробно писал в письме к Штернбергу.

Ваш Ф. Щербатский.

ГАРФ, ф. С.Ф.Ольденбург, оп. 1, д. 98, л. 9–14.

*Добросовестные (лат.).

№32

10 окт. 1918

[Петроград]

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Тщетные пока попытки переехать на новую квартиру лишили меня возможности окончить отчет¹⁵⁸, но посаженный

¹⁵³ Хайдуб (1385–1438) ученик и преемник Цзонхавы, автор комментариев на трактаты по буддийской логике «Абхисамаяланкара» и «Праманаварттика».

¹⁵⁴ «Самбандхапарикша» — санскритский трактат о логике и теории познания, сохранившийся лишь в тибетском переводе.

¹⁵⁵ Дандар — монголо-тибетский автор конца 18 в. См. Saṃtānāntarasiddhi Dharmakīrti и Saṃtānāntarasiddhi Vinītadeva вместе с тибетским толкованием, составленным Агваном Дандар Лхарамбой, Пг. 1916 (ВВ XIX).

¹⁵⁶ Цонхава, Цзонхава (1357–1419) тибетский ученый, основатель школы гелугпа («желтошапочников»), господствовавшей в Тибете.

¹⁵⁷ «Красношапочные» — подразделение тибетской буддийской школы кармапа, соперничавшей с гелугпа.

¹⁵⁸ Отчет, вероятно, составлялся для подготовки общего отчета Академии наук о работе в 1918 г., который писал С.Ф.Ольденбург как неперемный секретарь Академии.

прорезанным вчера нарывом дома (до субботы, надеюсь), принимаюсь за окончание текста, к[ото]рый постараюсь доставить Вам в воскресенье или понедельник утром.

Извиняюсь, Ваш Ф.Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 190.

№33

[Б.д., 1918г., Москва]

Дорогой Сергей Федорович,

Сейчас был у Штернберга¹⁵⁹, он серьезно говорит о возможности теперь же устроить экспедицию в Тибет. Я от этого в совершенном восторге и готов все остальные дела поставить на вторую очередь. Если Вы можете, то при подходящем случае имейте это в виду для выяснения обстоятельств, если можно будет уже теперь предпринять кое-какие шаги.

Ваш Ф.Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 170.

№34

[Б.д., ноябрь 1919 г., Москва]

Дорогой Сергей Федорович,

Я исполнил для Наркоминдела летом два письма, в переводе вышло 4 листа большого формата моей рукописи, а теперь пять документов:

¹⁵⁹ Очевидно, П.К. Штернберг (1865–1920), который после переезда Совнаркома в Москву, как член коллегии Наркомпроса, принял на себя заведование высшей школой. В таком случае письмо должно датироваться 1918 г. (П.К. Штернберг умер 31 янв. 1920 г., а в 1919 г. об экспедиции не могло идти речи). В СПб филиале архива РАН хранятся документы об экспедиции, датированные 1918 г. (ф. 148, оп. 1, д. 97, л. 84 — «Проект экспедиции в Тибет» под руководством Ф.И. Щербатского: «особое внимание должно быть уделено отысканию и спасению для науки оригиналов санскритских рукописей, о существовании коих в некоторых книгохранилищах имеются косвенные указания»). См. также л. 79 — ходатайство РКИСВА по этому поводу перед Наркоминделом (экспедиция в Тибет под началом Ф.И. Щербатского при участии Б.Я. Владимирова и в Восточный Туркестан под началом С.Ф. Ольденбурга) — эти экспедиции рассматривались как «необычайно важные и своевременные».

1) список всех правительственных учреждений, как старых, так и новых, возникших при 13 перерождении Далай Ламы, список всех школ, всех префектур, всех фабрик, арсеналов и список всех знатных фамилий (имеющих замки) с указанием всех штатов, сколько в каждом учреждении духовных и светских чиновников¹⁶⁰ — всего вышло перевода 35 листов (=страниц большого формата);

2) список всех духовных владык от Далай Ламы и Банчена¹⁶¹ до настоятелей всех монастырей, выйдет моих листов 10;

3) список всех цонхавинских монастырей и их должностных лиц;

4) и 5) и еще два мелких документа.

Все написано мельчайшей шарой*, читать надо через лупу, на китайской шершавой бумаге. Мы на разбор потратили целый почти месяц.

Сведения замечательно интересные, все, что сообщают Waddell¹⁶², Rockhill и старые путешественники до смешного незначительно по сравнению с полнотой этих данных. Я просил разрешения напечатать их в будущем нашем журнале¹⁶³. Был бы козырь. Но Н[аркомат] И[ностранных] Д[ел] не разрешает, боится, что мы можем подвести ихнего информатора.

Я до сих пор отказывался от всякого вознаграждения, но Залкинд настаивает, причем никто не может определить суммы, мы решили передать вопрос на Ваше решение.

Сначала они обещали купить мне Джайнскую энциклопедию *Abhidhāna-rājendra-kośa*¹⁶⁴, и Залкинд мне говорил, что она выписана, но, должно быть, она не выписана (она стоит 600 рупий), почему он настоятельно требует определить какую-нибудь сумму.

Ваш Ф.Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 164–165.

*Шара — разновидность тибетского шрифта.

¹⁶⁰ См. СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 4, д. 74 «Список лиц гражданского и военного управления Тибета».

¹⁶¹ Банчен, Панчен-лама — второе лицо после Далай-ламы в Тибете.

¹⁶² Уоддель Л. (1854–?) — путешественник, автор книг о Тибете.

¹⁶³ Речь, видимо, идет о журнале «Восток», первый выпуск которого вышел в 1922 г. в издательстве «Всемирная литература».

¹⁶⁴ «Абхидхана-раджендра-коша».

№35

Четверг [сентябрь 1920 г., Москва]

Дорогой Сергей Федорович!

Сейчас от Карахана¹⁶⁵. Беседовал с ним около 2-х часов. Он обнаруживает необыкновенный интерес к Востоку. Очень

Фото с загранпаспорта
Ф.И. Щербатского. 1920 г.

жалеет, что Комитет перешел в Наркомпрос¹⁶⁶ и хочет переташить нас обратно, слить с нами Об[ще]ство Востоковедения¹⁶⁷; поговаривает и о том, чтобы Институт¹⁶⁸ от Наркомнаца перевести в Наркоминдел. Все это в спешном порядке. Решено созвать совещание из Вас, Владим[ирова], Котвича¹⁶⁹, Алексева¹⁷⁰, Крачковского¹⁷¹ и еще кого Вы пригласите для обсуждения всех этих вопросов. Заинтересовался и вопросом о разграблении храма¹⁷². Что касается Тибета, то, по-видимому, они больше всего желали бы устроить в Лхасе радиостанцию, и

¹⁶⁵ Карахан Л.М. (1889–1937) — заместитель наркома иностранных дел с 1918 до августа 1923 г., затем полпред СССР в Пекине. Репрессирован.

¹⁶⁶ Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии был из Восточного отдела НКВД передан в ведение Наркомпроса 29 марта 1919 г.

¹⁶⁷ Общество востоковедения было создано в 1900 г. для практического изучения Востока, официально ликвидировано еще в 1918 г.

¹⁶⁸ Петроградский Институт живых восточных языков, основанный постановлением Совнаркома от 7 сентября 1920 г. при Наркомнаце.

¹⁶⁹ Котвич В.Л. (1872–1944) — монголист, руководитель Петроградского Института живых восточных языков в 1920–22 гг., с 1922 г. работал в Польше.

¹⁷⁰ Алексеев В.М. (1881–1951) — китаист, академик с 1929 г.

¹⁷¹ Крачковский И.Ю. (1883–1951) — арабист, академик с 1921 г.

¹⁷² Буддийский храм был разграблен красноармейцами зимой 1919 года. Видимо, после беседы Ф.Щербатского с Л.Караханом А.Доржиев составил докладную записку на имя Заведующего Восточным отделом НКВД об истории разграбления. 7 октября 1920 г. храм осматривала комиссия НКВД (см. документы в кн. А.И. Андреев, Буддийская святыня Петрограда, Улан-Удэ, 1992, с.73).

он просил моего совета. Я поставил вопрос об информации, но не отклонял радиостанции прямо, а стоял на том, что предпочтительно я поехал бы в Лондон, а в Лхасу хамбо пошлет бурята Жамбалон¹⁷³ — подателя сего письма. Тем временем сборы снаряжения экспедиции шли бы своим чередом. Хамбо полагает, что проникновение в Тибет с севера при нынешних условиях крайне опасно, но я его просил категорически не отклонять планов Карахана ввиду того, что обстоятельства могут еще и измениться. Но и эти все вопросы будут обсуждены во время Вашего приезда. Пользуюсь случаем, чтобы предупредить Вас, может быть, Вы, со своей стороны, передадите нашим коллегам и будете иметь в виду приглашение в Москву. Между прочим, Карахан обещает свое содействие по печатанию как здесь, так и в Эстонии¹⁷⁴ или Стокгольме. За это очень нужно было бы ухватиться; он очень категорически утверждает возможность свободного печатания. У Гринберга¹⁷⁵ и Бонча¹⁷⁶ еще не был.

Ваш Ф.Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д 685, л. 162–163.

№36*

5.II.1921

Uppsala Odengaten 16

Дорогой Сергей Федорович!

Вот уже три месяца, что я Вас покинул. Пишу Вам часто, никакого ответа не получаю. Не знаю, получаете ли Вы мои письма. При таких условиях начинает пропадать надежда на то, чтобы удалось установить сношения даже через наши торговые делегации. А если это окажется невозможным, то прав,

¹⁷³ Жамбалон — член Чрезвычайной Монгольской комиссии.

¹⁷⁴ В начале 1920 г. был подписан Юрьевский мирный договор с Эстонией. В связи с катастрофической ситуацией с типографским делом в России 8 апреля 1920 г. Госиздат принял решение печатать книги в Эстонии (и, по возможности, в Швеции и Германии).

¹⁷⁵ Гринберг З.Г. (1889–1949) — член коллегии Наркомпроса, заместитель А.В. Луначарского по орг. вопросам, с 30 мая 1921 г. командирован в качестве полпреда Наркомпроса в Берлин для закупки и издания книг за границей.

¹⁷⁶ Бонч-Бруевич В.Д. (1873–1955) — управляющий делами Совнаркома.

стало быть, Arrhenius¹⁷⁷, когда говорит, что «как мы будем Вам что-либо посылать, когда у Вас почты нет». Я вначале утверждал, что через торговые делегации все посылать можно, но теперь уже перестал это говорить. Лучше пускай все лежит до лучших времен, чем пропадает в дороге.

Я здесь живу в прекрасных условиях, занимаюсь абидармой¹⁷⁸. Не тороплюсь ехать дальше, потому что все надеюсь на то, что разрешится вопрос о печатании с[ан]скр. грамматики¹⁷⁸, но, несмотря на особую телеграмму Красина¹⁷⁹ в Москву, ответа все нет. Очевидно, там основательно обо всем забыли, и пока Академия не обзаведется открытым толкачом, сильным специальным человеком в Москве, никакого дела делать нельзя. Я здесь также выжидаю ответа из Америки от Lanman¹⁸⁰-а и Woods¹⁸¹-а. Если не получу через неделю, поеду дальше; все разрешения у меня уже имеются.

В общем, сделано очень много, даже только в моей области: переведена, не только что издана, почти вся палийская абидарма¹⁸² бирманскими пандитами (они оказались лучше цейлонских) вместе с Mrs. Rhys Davids¹⁸³; по системе вайшешика¹⁸⁴

¹⁷⁷ Аррениус С.А. (1859–1927) — шведский физико-химик, иностранный чл-корр. АН (1903).

¹⁷⁸ Речь идет о переводе книги Г. Бюлера «Руководство к элементарному курсу санскритского языка». На титульном листе указано: «перевод под редакцией профессора Ф.И. Щербатского», Стокгольм, 1923.

¹⁷⁹ Красин Л.Б. (1870–1926) — глава торговой делегации в Лондоне, полпред советских республик.

¹⁸⁰ Ленмен Ч.Р. (1850–1941) — профессор санскрита в Гарвардском университете, иностранный член-корреспондент АН с 1907 г.

¹⁸¹ Вудс Дж.Г. (1864–1935) — исследователь «Йогасутры» Патанджали, профессор философии Гарвардского ун-та. В письме С. Леви Ф.И.Щербатскому от 13 октября 1920 г. говорится о том, что Вудс был в Париже и приглашает Ф.И. Щербатского прочитать курс в Гарварде о буддийской теории познания.

¹⁸² Заключительный раздел палийского канона («Абхидхамма-питака»).

¹⁸³ Рис Дэвидс К. (1857–1942) — специалист по палийскому буддизму, президент Pali Text Society. Жена буддолога Т. Рис Дэвидса, основателя «Общества по изучению палийских текстов».

¹⁸⁴ Вайшешика — одна из основных систем классической индийской философии.

две большие книги¹⁸⁵, хорошо работают ученики Jacobi: v. Glasenapp¹⁸⁶, Kirfel¹⁸⁷, Thumb¹⁸⁸; сам Jacobi дал целый ряд прекрасных статей; много напечатано и в Индии, прекрасный большой Bhandarkar Memorial Volume¹⁸⁹, все почти дали статьи, так что получилась настоящая энциклопедия. Все, конечно, я узнаю, когда попаду в Лондон и там наяду на Красина, если он туда вернется, чтобы дал денег на покупку книг.

Такая система командировок, когда получаешь помесечно на пропитание, крайне стеснительна, особенно когда такая разница в валюте и приходится с этим считаться. Представители наши, по-видимому, тоже стеснены в средствах, кроме Красина, и без прямого приказа из Москвы от них ничего не получишь. По-видимому, они сами боятся остаться без денег. Как везде, тут страшный хаос.

Сегодня Лундель¹⁹⁰ просил меня дать заметку о том, что в последнее время печатается в России, ужасно жалею, что не захватил с собою академического отчета, так я мало по памяти могу назвать, возможно, напишу. Он хочет издавать при «Сев[ерных] Огнях» русскую библиографию, это будет пробный номер. Помню, что вышло два № истор[ического] журнала¹⁹¹, издавало ли что-либо отд[еление] русс[кого] языка [РАН]? К сожалению, не помню. Есть еще способ установить сношения с Лунделем. В Москве работает шведский Красный крест, в нем занят и сын Лунделя, он теперь едет в Омск, но скоро вернется. Раз люди так искренне стараются узнать, что делает-

¹⁸⁵ Видимо, Н.Ui, *Vaiṣeṣika Philosophy*, L., 1917 и B. Faddegon, *The Vaiṣeṣika System Described with the Help of the Oldest Texts*, Amsterdam, 1918.

¹⁸⁶ Глазенанп Г. фон (1891–1963) — немецкий санскритолог, автор многочисленных книг по религиям Индии.

¹⁸⁷ Кирфель В. (1885–1964) — немецкий санскритолог, специалист по пуранам.

¹⁸⁸ Тумб А. (1865–1915) — немецкий санскритолог, лингвист.

¹⁸⁹ Речь идет о книге: *Commemorative Essays presented to Sir R.G. Bhandarkar*, Poona, 1917.

¹⁹⁰ Лундель Дж.А. (1851–?) — шведский лингвист-славист, профессор университета в г. Упсала, редактор серии *Archives d'etudes orientales*.

¹⁹¹ «Русский исторический журнал» издавался с 1917 по 1922 г. (всего вышло 8 книг).

ся в России, и идут навстречу настолько, что сами печатают русскую научную и изящную литературу, то, право, грешно не идти им навстречу. Сегодня посылаю Иванову¹⁹² последнюю работу Карлгрена¹⁹³, это хрестоматия с фонетической транскрипцией. По-моему, необходимо купить для нас как можно больше экземпляров.

1) Прислать 3 полных экземпляра всей Bibl[iotheca] Buddhica через Лигский¹⁹⁴ Литвинов¹⁹⁵ Юон¹⁹⁶.

2) — академические отчеты за последние годы.

3) Н.Н. Глубоковскому¹⁹⁷ сообщить, что здесь его ждут и все для него приготовлено.

4) Прислать «Известия»¹⁹⁸ и вообще все, что издано.

5) — 10 экз. моего «Чужого одушевления»¹⁹⁹.

6) — для Lévi авторские экземпляры Kośavyākhyā²⁰⁰.

7) — речь С.Ф. Платонова о варяжском государстве в Новгородской земле.

8) — 10 экз. моего издания Nyāyabindu²⁰¹.

¹⁹² Иванов А.И. (1877–1937) — профессор китайского языка ФВЯ с 1913 г., преподаватель ЛИЖВЯ с 1921 г. Репрессирован.

¹⁹³ Карлгрен Б. (1889–1978) — шведский китаист-лингвист, профессор Гетеборгского университета. Речь идет о книге В. Karlgren, A Mandarin phonetic reader, Stockholm, 1918 (Archives d'études orientales, vol. 13).

¹⁹⁴ Лигский К.А. (1882–1931) — советский дипломат, в 1920–21 гг. — управделами уполномоченного НКВД в Петрограде, в 1921–24 гг. зав. консульским отделом полпредства в Польше.

¹⁹⁵ Литвинов М.М. (1876–1951) — с 1921 г. заместитель наркома иностранных дел.

¹⁹⁶ Юон — представитель наркомата внешней торговли в Швеции.

¹⁹⁷ Глубоковский Н.Н. (1863–1937) — профессор Петербургской духовной академии, редактор «Богословской энциклопедии».

¹⁹⁸ Имеются в виду «Известия РАН».

¹⁹⁹ Дармакирти. Обоснование чужой одушевленности. С толкованием Винитадевы. Пер. с тиб. Ф.И. Щербатского. Пг. 1922. Ф.И. Щербатский полагал, что книга вышла вскоре после его отъезда.

²⁰⁰ Sphuṭārthā Abhidharmakośavyākhyā the Work of Yaśomitra. First Kośasthāna. Ed. by Prof. S. Lévi and Prof. Th. Stecherbatsky, Петроград, 1918.

²⁰¹ Nyāyabindu. Буддийский учебник логики. Сочинение Дармакирти и толкование на него Nyāyabinduṭīka. Изд. Ф. Щербатской. Пг. 1918.

9) — доклад о моих трудах²⁰², составленный Вами при моем выборе (очень нужно!).

24.II.21. Был в Лунде, втором шведском центре, произвело на меня самое лучшее впечатление, много интересной молодежи, напишу подробнее след. раз. До сих пор от Вас ни слова. Между тем тут архиепископ²⁰³ получил письмо от Глубоковского, посланное обыкновенным путем. Аррениус получил отовсюду ответы, буду у него сегодня, вместе с Нобелем²⁰⁴ они собираются послать нам книги. Приехал сюда Керженцев²⁰⁵, ожидается оживление сношений. От Lévi получил приглашение, Collège de France m'a désigné pour donner au collège cette année les «conférences Michonis»^{***}. Не имею еще ответов из Америки, как только получу, двинусь в дальнейший путь.

Ваш Ф.Щербатской.

Н.Pigonne²⁰⁶ не знает еще о своем выборе. Он спрашивает меня, когда он выбран? Я написал, в 1917 году, в первое заседание после каникул. Так ли это?

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 50–52.

*На письме стоит: №10. Видимо, первоначально Ф.И. Щербатской нумеровал свои письма, но первые девять писем пропали.

**Буддийской метафизикой (абхидхармой).

***Коллеж де Франс наметил меня для чтения «курса лекций Мишони» в Коллеж в этом году (фр.).

²⁰² С.Ф.Ольденбург [и другие], Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского // Известия РАН, Пг. 1918, сер. 6, №16, с. 1712–1724.

²⁰³ Речь идет о Ф.Н.Седерблуме. Архиепископ Седерблом писал работы по всеобщей истории религий, в том числе, по буддизму Ф.Щербатский присутствовал на вечере, который он устроил 22 февраля 1921 г. (приглашение на этот вечер хранится в СПб. филиале архива РАН).

²⁰⁴ Нобель Э. (1859–1932) — племянник учредителя Нобелевских премий, в 1888–1917 гг. возглавлявший предприятия семейства Нобелей в России, с 1918 г. жил в Швеции.

²⁰⁵ Керженцев П.М. (1881–1940) — в 1921–23 гг. полпред в Швеции, затем в Италии.

²⁰⁶ Речь идет о Пиренне А. (1862–1935) — бельгийском историкомедиевисте, который был избран иностранным членом АН 30 ноября 1918 г.

№37*

18.III.1921

Рига

Дорогой Федор Ипполитович,

Только сегодня получил от Вас письмо от 20/I .../нрзб/
...здесь через Москву.

Писал Вам из Петербурга, что /нрзб/ Екатерине Аполлинариевне²⁰⁷ /нрзб/ только /нрзб/ как я уехал в конце января из Петербурга. Когда я был в Петербурге, с ее пайком все было в порядке. Теперь, говорят /нрзб/ ... как только вернусь в Петербург (еду завтра, в Москве останусь по делам Академии дня 2–3). Здесь был экспертом по вопросу о культурных ценностях при заключении мира с Польшей. Очень жажду книги Pelliot²⁰⁸. Отсюда выписал «Alt-Kutscha» Грюнведеля²⁰⁹. Леви в Страсбурге²¹⁰. Здесь был очень занят, писем почти не писал.

Рад, что Вы работаете. Когда же в Англию и Францию? /нрзб/. В Петербурге, говорят, очень холодно /нрзб/ чувствую, как трудно Стеклову²¹¹ без меня /нрзб/ ждем Вернад-

²⁰⁷ Е.А.Щербатская, мать Ф.И. Щербатского (1843–1929). См. ее письма сыну: СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 256.

²⁰⁸ Пеллиу П. (1878–1945) – санскритолог и китаист, исследователь древней Центральной Азии. Речь идет о публикации материалов французской экспедиции в Центральную Азию: Pelliot P. Les Grottes de Touen-houang, t. I, P., 1920.

²⁰⁹ Грюнведель А. (1856–1935) – немецкий индолог и тибетолог, исследователь буддийского искусства и мифологии, сотрудник Этнологического музея в Берлине, руководитель экспедиций в Центральную Азию. Иностранный член Академии наук, активно сотрудничал с русскими учеными. Речь идет о публикации результатов экспедиции в район Кучи: Grünwedel A. Alt-Kutscha. Archäologische und religionsgeschichtliche Forschungen an Temperagemälden aus buddhistischen Höhlen der ersten acht Jahrhunderte nach Christi Geburt, B., 1920.

²¹⁰ После войны Страсбург отошел от Германии к Франции, и немецкие профессора уехали на родину. Французское правительство привлекло наиболее видных ученых для занятия вакантных кафедр, в частности, С. Леви занял кафедру санскрита.

²¹¹ Стеков В.А. (1854–1926) – математик, вице-президент РАН в 1919–26 гг.

ского²¹² /нрзб/ Индией, а Тубьянский санскрит²¹³. Закс²¹⁴ мне говорил, что списывался с Вами и надеется, что Вы уже получили 12 000 — кредит на издание учебников²¹⁵. С чего начнете? Пишите в Петербург, я оттуда Вам напишу. О Марре²¹⁶ ничего не знаю, кроме того, что он напечатал в Лейпциге яфетическую статью (видел это в библиографии).

Крепко жму руку. Не можете ли Вы написать в Париж Сереже²¹⁷, чтобы он мне написал по адресу Евгении Самойловны Кричевской.

Рига, отель Бельвю.

Привет Аррениусу /нрзб/ и всему кругу /нрзб/ из наших друзей.

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 161, л. 3 и об.

*Письмо было сильно подмочено и местами текст не читается.

²¹² Вернадский В.И. (1863–1945) — геохимик и биохимик, академик с 1912 г., близкий друг С.Ф. Ольденбурга.

²¹³ Тубьянский М.И. (1893–1937) — ученик Ф.И. Щербатского (окончил университет в 1919 г.), санскритолог и тибетолог, преподаватель бенгальского языка в ЛИЖВЯ (1920–1927). Репрессирован. Во время заграничной командировки Ф.И.Щербатского М.И.Тубьянский замещал его на занятиях санскритом.

²¹⁴ Закс (Гладнев) С.М. (1884–1937) — заведующий административно-техническим аппаратом Госиздата, с октября 1920 г заведующий заграничным отделом Госиздата, организованным для печатания книг в Европе.

²¹⁵ Предполагалось издание учебных пособий по тибетскому языку и по санскриту.

²¹⁶ Марр Н.Я. (1864/65–1934) — лингвист, кавказовед, академик с 1912 г. Декан факультета общественных наук 1 Петроградского университета, создатель и директор Яфетического института (1921–1934). Осенью 1920 — весной 1921 гг. находился в заграничной командировке для изучения «яфетических» языков (басков, этрусков, пеласгов).

²¹⁷ С.С. Ольденбург с семьей жил в Париже как белоэмигрант.

№38

25.III.1921

Upsala, Odengaten 16

Дорогой Сергей Федорович!

Только что получил Ваше письмо из Риги от 18/III. Теперь я понимаю, почему так долго не получал от Вас никакого ответа, но впредь, надеюсь, дело пойдет иначе. Я очень бы хотел быть все время в сношениях с Академией, делать это, по-видимому, не трудно, здешний представитель Н[аркомата] И[ностранных] Д[ел] Керженцев и Н[аркомата] В[нешней] Т[орговли] Юон очень обязательные люди и готовы помочь. Курьер идет раз в неделю. Лично я вполне восстановил свои физические и духовные силы и, если мое присутствие нужно в Академии для того, чтобы заменить Вас или Стеклова или вообще для какого-нибудь очередного необходимого дела, Вам стоит только написать мне, я вернусь немедленно.

— Существовать здесь на основании системы получения суточных от представителей советской власти, хотя возможно, но неудобно в том отношении, что связана свобода передвижений, а также все подвергнуто шпионажу: 1) местному; 2) англо-французско-американскому; 3) русскому белому и 4) русскому красному. В самом Н.И.Д. в Москве, несомненно, есть английский шпионаж, превосходно поставленный; из писем П. Виноградова²¹⁸ и Ross-а заключаю, что каждый мой шаг в Москве немедленно делается известным в Лондоне.

— Наш институт²¹⁹, конечно, есть школа пропагандистов для уничтожения культуры на Востоке, в распространении таких слухов, по-видимому, не совсем невинен наш профессор в штате Висконсин²²⁰. Вообще мы, или, по крайней мере, я,

²¹⁸ Виноградов П.Г. (1854–1925) — историк-медиевист, академик с 1914 г., с 1911 г. профессор в Англии.

²¹⁹ Речь идет о Петроградском Институте Живых Восточных Языков, который был открыт (на основании постановления Совнаркома от 7 сентября 1920 г.) для подготовки «к практической деятельности на Востоке» (см. Кононов А.Н., Иорши И.И., Ленинградский восточный институт, М., 1977, с. 23).

²²⁰ Речь идет о М.И. Ростовцеве (1870–1952) — историке античности, академике, жившем в эмиграции и принимавшем активное участие в антисоветской деятельности.

плохо себе представлял психологию русской эмиграции. Они, по-видимому, серьезно собираются всех нас перевешать по возвращении в Россию. Американцы давно хотели оказать нам такую же помощь, какую оказали в прошлом году норвежцы, но мешают, по-видимому, русские. Здесь в Стокгольме образовалась компания русских правых, которая заманивала к себе на дачу предполагаемых и настоящих коммунистов и их убивала. Теперь идет большой процесс. В компании замешаны бывшие генералы, дочь одного из них служила приманкой, убийства сопровождалось ограблениями.

— Но если есть постоянная опасность недоразумений с этой стороны, то, оказывается, есть еще и другая опасность, нужно быть свободным от подозрения сочувствия к бошам. Первое письмо, которое я получил от Lévi, было ужасно мило и сердечно. Но когда я случайно упомянул в письме, что проеду через Кельн, то он заподозрил меня в том, что я хочу заехать в Бонн, и потребовал, чтобы я ехал Берлин — Карлсруэ — Страсбург, написав буквально следующее²²¹: «nous sommes et resterons longtemps sans doute assez chatouilleux sur toutes les questions des rapports avec les Boches. Si vous visitez des universités allemandes ou une d'entre elles vous préparerez contre vous une prévention qui pèsera certainement sur vos rapports avec les collègues français... nous ne pouvons pas être indifférents à un geste qui concerne les Boches, si insignifiant qu'il puisse vous sembler»*. Я отвечал, что отвернуться от Якоби теперь, когда война кончена, он старик и хворает, я не могу. Что он ответит, не знаю. Англичане не отстают. «Times» на днях писал: «one cannot, unhappily, extirpate Germans, like mosquitos by spraying paraffin»*. По-видимому, нам приходится выбирать: или работать в контакте с немцами, или в контакте с англо-французами. Пока приходится лавировать и сочинять.

— Что касается меня лично, то здесь так хорошо и мирно живется, такие чудные условия высокой культуры и необыкновенного внимания, что никуда не хочется уезжать, и я все откладываю свой отъезд, по крайней мере, в Германию, к тому же вопрос о печатании задерживает. Вы, вероятно, знаете,

²²¹ Письмо опубликовано в книге *Correspondances orientalistes...* pp. 178–180.

что в декабре Woods приглашал меня в Америку, в Harvard, отсюда я ему написал, и получил ответ только на днях²²² (почта идет в Германию 5 дней, в Америку — месяц). Семестр этот уже проходит, следовательно, это откладывается до сентября, подробности будут в следующем письме. Collège de France поручил мне в этом году Conférences Michonis²²³, я получил крайне любезное письмо от administrateur M. Morice Croizet²²⁴ и послал ему программу. Надеюсь, что мне удастся это осуществить, немного опасаюсь, ввиду упомянутых опасностей, которые грозят неприятностями с двух сторон. Затем всплывает вопрос о возвращении в Россию, я командирован на 6 месяцев, значит, в июле должен был бы вернуться, но если ничего экстренного не будет, что бы заставило меня ускорить возвращение, я бы хотел, чтобы мне продолжили отпуск до осени, или до 1-го января. Вы мне напишите с полной откровенностью, и я могу вернуться и раньше, но если особенной причины не будет, то может быть, Академия согласится на продление отпуска, хоть до октября, или до января. Тогда об этом нужно было бы написать Гринбергу и, в случае согласия Наркомпроса, пускай он немедленно снесется с Внешторгом, чтобы дело там не залежалось, как всегда бывает.

Теперь, что касается печатания. Наконец, получено разрешение Закса. Но ввиду скандала, который произошел с заказами Гржебина²²⁵, которые Закс все аннулировал, типография требует уплаты вперед, а деньги еще отпущены только в принципе. Если я начну печатать, то я должен читать и корректу-

---

²²² Письмо от 19 февраля 1921 г. (см. СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 69).

²²³ Мишони Ж. (1860–1900) — французский коммерсант, который завещал часть своего состояния Сорбонне и Коллеж де Франс для приглашения иностранных ученых. В Коллеж де Франс первые лекции по этой программе состоялись в 1905 г.

²²⁴ Круазе М. (1846–1935) специалист по истории греческой литературы, профессор и администратор Коллеж де Франс (1911–1929). (См. его письма Ф.И. Щербатскому — СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 10).

²²⁵ Гржебин З.И. (1869–1929) — книгоиздатель. По ходатайству М. Горького в январе 1920 г. Госиздат подписал договор об издании книг для Советской России в берлинском отделении издательства Гржебина.

ры. Я могу их читать и здесь, и в Германии, но печатание продлится для одного Бюлера месяца два, а для тибетской моей грамматики еще два месяца. Если я вернусь, не окончив дела, то оно вообще остановится. Между тем очень было бы важно напечатать, раз уж после стольких хлопот дело почти налажено, и другие грамматики. Не могли ли бы Ромаскевич²²⁶ и Фрейман²²⁷ прислать мне сюда персидскую грамматику? Если посылка пойдет курьерами на имя Керженцева или Юона, то за судьбу ее можно быть спокойным. Для всяких сношений с Индией, для получения книг Упсала превосходный передаточный пункт, а библиотека предлагает свои услуги с большой любезностью; сами индусы просят прислать через Упсалу (Oriental Book Agency in Poona, солидная фирма), они много раз писали о Bibl[iotheca] Buddhica. Пожалуста, распорядитесь, чтобы 2 полных экз[емп]ляра + то, что мы должны Упсале, немедленно было послано курьером на имя Керженцева. Затем Вы знаете, и я уже не раз писал, что на покупку книг я не имею ни копейки и не могу купить ни одной книги, что после 7-летнего перерыва прямо трагично. Сделано это на том основании, что покупки Академии должны войти в общий план, который, когда я уезжал, еще вырабатывался, да, кажется, вырабатывается давно. Не могла ли бы Академия высказать свой голос и чего-нибудь добиться, т.е. чтобы предписано было Коппу²²⁸ и Керженцеву оплатить счета, примерно в сумме до 1000 англ[ийских].фунтов в кон[вер]т[и]р[уемой] валюте за книги, которые я куплю для Академии. Передайте мамаше, что мы sarve²²⁹, слава богу, здоровы и живем в хороших условиях. С этим курьером пошлю ей посылку через Вас via Керженцев — Литвинов — Лигский — Академия.

Ваш Ф. Щербатской.

²²⁶ Ромаскевич А.А. (1885–1942) — иранист, профессор Петроградского университета.

²²⁷ Фрейман А.А. (1879–1968) — иранист, профессор Петроградского университета, член-корр. АН с 1928 г.

²²⁸ Копп В.Л. (1880–1930) — сотрудник НКВД с 1919 г., торговый представитель РСФСР в Германии.

²²⁹ Все (санскр.). Возможно, Ф.И. Щербатской таким образом сообщает матери, что и с семьей сестры его, находящейся в эмиграции, все обстоит благополучно.

Я получил письмо от Henry Pirenne, он спрашивает о дате, когда он выбран, — *me donner quelques précisions sur la date de mon élection et m'indiquer de quelle manière je pourrais faire parvenir à l'Académie l'expression de remerciements que je serais heureuse de lui présenter*²³⁰. Я отвечал, что это было в 1-е осеннее заседание 1917 года, и указал на Красина или Юона, но, по-видимому, они не хотят пользоваться этим путем, никто не хочет.

Желательны ответы на след. вопросы:

1) Получена ли в Академии посылка 75 кило книг из Упсальской библиотеки?

2) Послано ли Упсальской библиотеке в ответ все, на что она имеет право путем обмена?

3) Получен ли список *desiderata* библиотеки в Лунде и что по нему сделано?

4) Получил ли А.П[етрови]ч Карпинский²³⁰ два тома палеонтологии Тимора, кот[орые] я послал?

5) Посланы ли Упсальской библи[отеке] все еще ею не полученные №№ Bibl[iotheca] Buddhica?

6) Послано ли Упсальской библиотеке 2 полных экземпляра Bibl[iotheca] Buddhica для Oriental Book Supplying Agency, 13 Shukrawar Path, Poona (Упсала тут посредница необходимая), взамен можем получать из Индии что хотим.

7) Послана ли граммат[ика] Шахматова²³¹, грамм[атика] Кошутича и грамм[атика] Фортулатова²³² в Упсалу по 10 экз. для пр[офессоров] Лунделя, Торбиенсона, К.Г. Иогансона, Эклунда и университетской библи[отеке] в Лунде, проф[ессора] Агremo, Петерсону и университетской библи[отеке], кор[олевской] библиот[еке] в Стокгольме и библи[отеке] Högskolm в Гетеборге?

8) Получены ли от меня три посылки книг для А.В.Васильева²³³ от Mittag-Lefler²³⁴-а, Guldberg-a и Chr.Lange?

²³⁰ А.П.Карпинский (1846–1936) — геолог, первый избранный президент АН (с 1917 по 1936 г.).

²³¹ Вероятно, речь идет о книге А.А.Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка», Пг., 1915 г.

²³² Вероятно, речь идет о книге Ф.Ф.Фортулатова «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка», Пг., 1919 г.

²³³ А.В.Васильев — математик, профессор Петроградского университета и Пединститута.

²³⁴ Г.М. Миттаг-Леффлер (1846–1927) — математик, иностранный чл.-корр. АН.

9) Получены ли письма для него же?

10) Окончено ли печатание моего «Одушевления», и нельзя ли прислать мне (через Упсалу) несколько экземпляров, хоть 10.

11) Ужасно мне нужна книга О.О.Розенберга «Проблемы»²³⁵, нельзя ли ее прислать, я обязуюсь вернуть экземпляр.

12) Конечно, прислать нужно «Академический отчет»²³⁶.

13) Получил ли Л.Я.Штернберг письмо и материалы от Гартмана, посланные мною через делегацию?

14) Авторские экз[емп]ляры Yaśomitra для Lévi, послать через Упсалу.

15) Buddhapālita, 2 вып. для Walleser²³⁷-а, тоже через Упсалу.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 55–57.

Мы сейчас, и, вероятно, еще на долгое время, весьма чувствительны ко всем вопросам связей с бошами. Если Вы посетите немецкие университеты или один из них, Вы создадите против себя предубеждение, которое осложнит Ваши отношения с французскими коллегами, ...мы не можем быть равнодушны к поступку, относящемуся к бошам, сколь бы незначительным он ни казался (фр.).

* К сожалению, невозможно уничтожить немцев, как комаров, разбрызгивая керосин (англ.).

**** Дать мне точные сведения о дате избрания и указать, каким образом я мог бы направить Академии свою благодарность, которую буду рад послать ей (фр.).

№39

[Фрагмент письма, весна 1921 г., Стокгольм]

Здесьшний архиепископ Mgr. Söderblom, член Академии, бывший профессор в Лейпциге, очень интересуется Н.Н.Дубоковским, высоко ценит его ученость и как человека. Я уже неоднократно писал, не знаю, получили ли Вы и передавали

²³⁵ Речь идет о диссертации ученика Ф.И.Щербатского: О.О.Розенберг, Проблемы буддийской философии. (Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч.2). Пг., 1918.

²³⁶ Отчет о деятельности Академии наук в 1920 г., составленный непременным секретарем С.Ф. Ольденбургом.

²³⁷ Buddhapālita. Mūlamadhyamakavṛtti. Tibetische Übersetzung. Hrsg. von M. Walleser (Bibliotheca Buddhica, XVI, СПб., 1913–14 гг.).

ли ему. Архиепископ нуждается в нем, готов оплатить его переезд и жизнь здесь. Пусть только доедет до Ревеля, разрешение, конечно, в Москве дадут, раз денег не надо, и здесь будет ему устроена жизнь, только, конечно, если он приедет один, а жену сумеют устроить с помощью академии в Петрограде. Отсюда он будет в состоянии посылать ей посылки.

Проф. Guldberg в Христиании очень хотел послать А.В. Васильеву посылку, но я не решился взять. Сегодня посылаю через Вас посылку мамаше, интересно, дойдет ли.

Мне ужасно бы хотелось, чтобы осенью перебраться на академическую квартиру. Если сторожа уже из нее выселены, то, может быть, Надя²³⁸ могла бы хотя бы постепенно перевозиться. Когда увидите ее, подвергните этот государственный вопрос зрелому обсуждению.

Решен ли вопрос о Мерварте²³⁹? Мы с Красиным здесь его решили, но он хотел еще спросить в Москве?

Жду от Академии содействия. 1) Напишите в Комисс[ариат Народного просвещения] о продлении отпуска до октября или января.

2) о том, чтобы оплачивать счета на покупку книг. С нетерпением буду ждать ответа.

Ваш Ф.Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 182.

№40

5.IV.1921

Stockholm. Sveavaegen 31

Дорогой Сергей Федорович!

С прошлым курьером послал Вам подробное письмо со вложением писем для Фреймана, и для Вас от Бодуэна²⁴⁰ и

²³⁸ Домработница Ф.И. Щербатского.

²³⁹ Речь идет о пересылке в Советскую Россию этнографической коллекции, собранной экспедицией А.М. Мерварта в Индии и на Цейлоне в 1914–18 гг. и задержанной британскими властями в Индии. (См. переписку по этому вопросу в СПб. филиале архива РАН, ф. 725, оп. 2, д. 41; Вигасин А.А. Александр и Людмила Мерварт: истоки отечественного цейлоноведения и дравидологии // Репрессированные этнографы, вып. 2, М., 2003).

²⁴⁰ Бодуэн де Куртенэ И.А. (1845–1929) — лингвист, славист, профессор Казанского, Дерптского, Петербургского, Краковского и Варшавского университетов, член-корреспондент РАН с 1897 г.

посылкой ящик книг и вещей для мамы и Академии. Получили ли Вы все это? Упсальская библиотека уже давно послала 75 кило книг для Академии, это только малая часть того, что она собрала, боится сразу все послать. Мы уговорились со старшим библиотекарем в Упсале, что он будет нашим посредником. Особенно это необходимо в сношениях с Индией, без него, пожалуй, мы ничего не подыдем. Я уже много раз просил, телеграфировал, писал, но ответа не было, объясняю себе это тем, что, оказывается, Вы были в Риге; но быть может у вас такое положение и состояние духа, что трудно Вам этим заняться. Я посылаю завтра 1) 100 экз. китайской хрестоматии Калгрена и 20 экз. его фонетики (за это заплатил Керженцов) 2) Archives²⁴¹ Lund[ell], один экз[емпляр] для меня и один для Академии в обмен на наши издания. Надеюсь, 2-е отделение пошлет Лунделю и Упсальской и Лундской библиотеке все, чего они не получили, начиная с войны. Особенно нужны были бы грамматики Шахматова, Кошутича, Фортунатова. Послать надо через Лигского курьером, он идет раз в неделю регулярно. С этим курьером посылаю еще две посылки для мамы, из них часть книг для Веры Александровны Ляцкой²⁴² согласно инструкции, которую я прилагаю для Нади. Наконец, завтра заключаю условие на печатание с [ан]скр[ит]ской грамматики и могу ехать дальше, корректуры будут мне пересылаться. Поеду на Берлин, Бонн, м[ожет] б[ыть] заеду в Прагу.

Я уже Вам писал, что в мае должен читать в Париже, Conférences Michonis, приготовил уже 4 лекции, но не имею еще ответа от Lévi. Я Вам писал, что он потребовал от меня, чтобы я не заезжал в Бонн. Якоби болен, лежит. Я написал Lévi, что миновать Бонн я никак не могу и вот не имею от него никакого ответа. Что то будет! Браун²⁴³ в Лейпциге, читает как приват-доцент, существует работой от Гржебина, которая не известно будет ли продолжаться.

²⁴¹ Сборники, издававшиеся под редакцией Дж. Лунделя с 1913 г., «Archives d'études orientales».

²⁴² Жена Е.А. Ляцкого, см. прим. №8 к письму №44.

²⁴³ Браун Ф.А. (1862–1942) — лингвист, бывший декан историко-филологического факультета СПб университета (1908–10 и 1912–20). В марте 1920 уехал в Германию для чтения лекций по германским древностям и в Россию не вернулся.

Марр в Париже (H. de Londres, 3 rue Bonaparte), после Этрурии и басков попал туда и собрался уже в Тифлис, когда там пали меньшевики²⁴⁴, теперь неизвестно, что он будет делать. Прилагаю письма Стеклову, Истрину²⁴⁵, Наде и мамаше. Стеклову пишу насчет организации продовольственной помощи, сделать это было бы легко.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 58–59.

№41

12.IV.1921

Стокгольм

Дорогой Сергей Федорович!

Прилагаемые письма будьте добры передать Чугаеву²⁴⁶. Это в ответ на его письмо Аррениусу. Посылать книги пока все боятся, нет уверенности, что книги дойдут, сам Аррениус тоже через делегации ничего посылать не хочет, хотя лично к Юону все здесь относятся с доверием, но непосредственно к нему не обращаются. Упсальская библиотека послала 75 кило книг, никакого ответа до сих пор. Я просил письмами и телеграммой прислать сюда два полных экз[емпляра] Bibliotheca Buddhica и то, что еще не получено из нее, сюда для Упсалы и Lund-a, тоже никакого до сих пор ответа.

Между тем из письма Крылова²⁴⁷ из Берлина видно, что он получает письма от В[ладимира] А[ндрееви]ча [Стеклова], я же до сих пор только получил Ваше письмо из Риги. Про Марра я уже Вам писал. Он в Париже, собирается обратно.

Аррениус просит Вам кланяться, он мне сообщил, что распространился слух, что И.П. Павлов²⁴⁸ каким-то путем послал свою рукопись в Германию, и что большая ее часть пропала. Я решил письмо для Чугаева послать с Ник[олаем] Яков[леви]чем [Марром]. По всей вероятности, я с ним увижусь в

²⁴⁴ Правительство меньшевиков в Грузии пало 25 февраля 1921 г.

²⁴⁵ Истрин В.М. (1865–1937) — славист, историк древнерусской литературы, академик с 1907 г.

²⁴⁶ Чугаев Л.А. (1873–1922) — химик, профессор Петроградского университета, директор Института по изучению платины.

²⁴⁷ Крылов А.Н. (1863–1945) — математик и механик, академик с 1916 г.

²⁴⁸ Павлов И.П. (1849–1936) — физиолог, академик с 1907 г.

Берлине, там же теперь и Крылов, от которого я только что получил письмо, успокоительное, так как он имеет известия от В[ладимира] А[ндрееви]ча от 22-го марта, когда все было «по-прежнему». Надеюсь, и мамаше живется не хуже. Если увидите Надю, то напомните, чтобы она непременно свела мамашу к глазному доктору, Долганову²⁴⁹ или Андогскому²⁵⁰. Посылаю сегодня две посылки via Литвинов-Лигский-Академия, надеюсь, дойдут. Это уже пятая посылка для мамашы, вероятно, последняя, так как из Берлина не думаю, что много можно было бы посылать. Сегодня еду в Берлин.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 53–54.

№42

21.IV.21

Берлин

Дорогой Сергей Федорович!

Только что переехал сюда. В Стокгольме, наконец, заключил контракт на печатание, и пока они набирают первые листы, я буду работать в Германии и Франции, в Лондон не знаю, удастся ли съездить. Очень бы хотелось, чтобы командировку мне продолжили до осени, раньше не удастся окончить печатания, а прервать работу было бы нежелательно. В связи с этим у меня возникла мысль, нельзя ли было бы для продолжения работы командировать сюда М.И. Тубянского, он мог бы привезти и другие рукописи. У меня мелькнула такая мысль по многим соображениям, о которых он Вам передаст сам. Крылов имеет известия от В[ладимира] А[ндрееви]ча [Стеклова] от 22-го марта, они скорее успокоительного характера; из других, однако, источников, как будто, выходит, что положение с продовольствием очень ухудшилось. Я беспокоюсь за мамашу и надеюсь, что в случае нужды Вы найдете способ сообщить мне, и я немедленно вернусь. Очень бы хотелось не прозевать за границей своей академической квартиры!

Марр в Париже (NB с грузинским паспортом, с советским не пускают) просит передать, что только по техническим при-

²⁴⁹ Долганов В.Н. (1868–?) — профессор Клинического института усовершенствования врачей.

²⁵⁰ Андогский Н.И. (1869–?) — окулист, работавший в лечебнице №2.

чинам задержался. Как только устроится с визами и отправкой книг, тотчас двинется в обратный путь. Я поеду еще в Бонн, Париж и Брюссель. В Париже получил приглашение читать в Collège de France, темой выбрал «Le Bouddhisme, système de métaphysique», получил два удивительно милых письма от administrateur-a Maurice Croizet. Lévi просит повторить эти лекции в Страсбурге, а Poussin в Gand²⁵¹. Немного смущает меня роль conférencier^{**}. Из письма Виноградова заключаю, что относительно всех нас, участников Института Вос[точных] Яз[ыков], в Лондоне имеются неблагоприятные сведения, для каждого есть dossier с донесениями тайных агентов, которые, по-видимому, у них имеются и в канцелярии Карахана.

Я Вам писал подробно, что американцы и шведы очень хотели бы послать русским ученым продовольствие, но под неперменным условием, чтобы послать также своего человека для контроля. Если Гурький обратится к Лунделю, хотя бы через Юона, то дело будет сделано быстро. Иначе господствует большое недоверие, боязнь за судьбу подарков. Пересылаю Вам письмо Lévi, из него Вы увидите, что его отношение к нам не изменилось, несмотря на совершенно неприличную агитацию М.И.Р[остовце]ва и П.Б.С[тру]ве²⁵², эти господа называли Вас агентом интернационала и прямо говорят, что было бы лучше, если бы от Академии и Эрмитажа остался один пепел. Н[иколай] Я[ковлевич] Марр расскажет Вам подробности об этой недостойной и возмутительной травле учеными ученых²⁵³. По-моему, для ограждения нашего имени нужно с ними разорвать и их заклеить. Они тут нам пакостят на

---

²⁵¹ Город Гент.

²⁵² Струве П.Б. (1870–1944) — экономист и философ, академик, с 1921 г. в эмиграции.

²⁵³ Из письма Н.Я. Марра Ф.И. Щербатскому от 11 апреля 1921 г. (СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 140): «Независимо от всего, я считаю гнусностью травлю ученых. Соответственно еще больше возмутителен бессмысленный поход против ученых ученого, речь о М.И.Р-ве. Он только что поместил опять письмо прямо-таки глупое, чего, очевидно, он не чувствует, где С.Ф.О-га обвиняет в поддержке 3-го интернационала и работе для него, отрицает возможность научной работы в пределах России и т.д., и т.д.»

каждом шагу. Послали ли, наконец, книги в Упсальскую библиотеку? Я писал раз 10 и телеграфировал 2 раза о присылке 2 полных экз[емпляров] Bibl[iotheca] Buddhica и грамм[атики А.А.] Шахматова и др.

Ваш Ф. Щербатской.

Марр столкнулся с Брауном и убедил его²⁵⁴, это первая его большая победа, и я ужасно рад. Meillet²⁵⁵ продолжает относиться совсем отрицательно. Вместе с Брауном Марр будет издавать *Jaffetische Studien*²⁵⁶. Сам Браун строит на новых данных, в связи с яфетической теорией, новую гипотезу «о происхождении германцев»!

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 60 и об.

*Буддизм как философская система (фр.).

**Докладчик (фр.).

№43

17.V.1921

Берлин

Дорогой Сергей Федорович!

Наконец, есть надежда, что письмо мое попадет Вам прямо в руки. До сих пор писал часто, но кроме письма из Риги ничего не получал. Н[иколай] Я[ковлеви]ч [Марр] расскажет Вам о многом, с чем приходится здесь считаться при нынешних обстоятельствах, прежде всего о злобной агитации М.И.Р[ос-

²⁵⁴ Речь идет о так называемой яфетической теории, согласно которой первоначальное население Средиземноморья и Древнего Востока состояло из носителей гипотетической «яфетической семьи» языков (к которой принадлежали будто бы языки басков, этрусков, пеласгов, берберов и т.д.).

²⁵⁵ А.Мейе (1866–1936) — французский лингвист-индоевропеист, иностранный чл.-корреспондент АН с 1906 г.

²⁵⁶ Серия «яфетических исследований» (*Japhetische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens im Auftrage des Japhetischen Forschungsinstituts der Russischen Akademie der Wissenschaften hrsg. von F.Braun und N.Marr, Berlin-Stuttgart-Leipzig*). Первый том (1922 г.) составила работа Ф. Брауна «Первоначальное население Европы и происхождение германцев», второй том (1923 г.) работа Н. Марра «Яфетический Кавказ и третий элемент в процессе образования средиземноморской культуры».

товце]ва, который считает нас, и в особенности Вас, агентами Ш интернационала, потерявшими честь, прислужниками депотизма и т.д., и т.д. Против этого необходимо, мне кажется, сделать заявление от имени Академии. Он пишет мне, что участвовал на собраниях Union des Académies* и делал там какие-то заявления, которые в его толковании сводятся к тому, что Академия наша пока еще считается виртуально членом союза. Но со стороны я слышал, что понято было наоборот, что Академия наша должна быть пока исключена из союза. Из Парижа напишу председателю Н.Pirenne, чтобы получить от него точную справку. Немецкие академии образовали свой союз²⁵⁷, который недавно заседал в Вене и постановил считать членами этого союза каждую Академию, которая сама пришлет заявление о желании к ней примкнуть. Для меня лично нет вопроса о том, к какой группе мы должны примкнуть, если нельзя будет оставаться в обеих, особенно если окажется, что, благодаря проискам М.И[ванови]ча [Ростовцева], нас из французской группы исключили. По-видимому, французы совсем неспособны, так же как и наши эмигранты, видеть науку вне политики, а их антинемецкая и полонофильская политика доходят до таких геркулесовых столбов, что нам с ними совсем не по пути.

Н.Я[ковлеви]ч Вам привезет список немецкой литературы по ориенталистике Harrasowitz-a. Из нее Вы увидите, как много в сумме сделано, много лежит в рукописях и будет быстро выходить, лишь только печатание станет дешевле. Вы увидите, что нам продолжать работать в условиях полной оторванности от всего мира прямо нет ни возможности, ни смысла. Напр[имер,] в Бирме оказались прекрасные пандиты, которые, при помощи Mrs. R-Davids со стороны стиля, перевели почти всю палийскую абидарму и мн[огое] др[угое]. Lüders восстановил целиком всю Udānavarga²⁵⁸ на основании 500 отрывков, принадлежащих к 100 различным рукописям. Санскрит переведен, оказывается, не с палийского, а с другого диалекта,

²⁵⁷ Имеется в виду образованный в середине 1921 г. немецкий научный союз (Nothgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft).

²⁵⁸ Уданавагга — священный текст буддистов школы Сарвастивада, по преданию составленный при Канишке (II в.).

более южного. Грюнведель, между прочим, открыл возможность читать этрусские надписи, оказалось, что они тантрийские²⁵⁹ по содержанию. Он много работает над Kālacakra²⁵⁹ и, кажется, сделался совсем дубчхен²⁶⁰-ом. M-me Lüders²⁶⁰ издала том переводов джатак. Много здесь молодежи занято alaṅkāra²⁶¹, философией и новыми индийскими языками. Всего не перечислить, что делается. Но вот вопрос фактический: как нам приобрести необходимейшую литературу. Когда я уезжал, хотели мне на это дать кредит в 100 000 марок, затем кредит этот должен был войти в общий план и о нем забыли. Потом пришло распоряжение купить без обозначения размера кредита, полетели телеграммы, ответа нет. Обычная история со всеми! Стомоняков²⁶², здешний представитель Внешторга, обещал аванс кредит в 20 000 марок, что будет дальше, не знаю. Мы были вместе с Н[иколаем] Як[овлеви]чем у Стомонякова, он Вам расскажет, равно как о плане для Академии иметь за границей своего агента-представителя, каковым на первый случай мог бы быть Ф.А. Браун.

Я уже писал не один раз, что мне нужно было бы пробыть здесь до осени, чтобы окончить печатание, и нужно, чтобы Наркомпрос сообщил о продлении командировки Наркомвнешторгу, не знаю, сделано ли это. Здесь пока задерживает покупка книг, а то поехал бы прямо во Францию (через Прагу, из осторожности) и Англию.

1) Bibl[iotheca] Buddhica а) два полных экземпляра для Индии послать через библ[иотеку] Упсальского унив[ерсите]та; б) дослать библиотекам Упсалы и Лунда то, что им следует; в) Грюнведелю — авторские экз[емпляры]²⁶³; г) Lévi — авторские экземпляры; д) Lüders-у недостающее у него по осо-

²⁵⁹ Калачакра — см. прим. №7 к письму №29.

²⁶⁰ Людерс Э. (1880–1945), жена Г.Людерса, санскритолог. В 1922 г. издала Buddhistische Märchen (перевод 70 джатак — рассказов о перерождениях Будды).

²⁶¹ Аланкара — классическая индийская поэтика (учение о поэтических украшениях).

²⁶² Стомоняков Б.С. (1882–1941) — с 1920 по 1925 г. уполномоченный Наркомвнешторга в Берлине. Репрессирован.

²⁶³ Tārānātha's Edelsteinmine, das Buch von den Vermittlern der Sieben Inspirationen. Aus dem Tibetischen übersetzt von A.Grünwedel (Bibliotheca Buddhica, XVIII, Petrograd, 1914).

бому списку; е) библиотекам германских унив[ерсите]тов; ж) Otto Harrasowitz-у для помещения в каталоге.

2) Грамматики Шахматова, Фортунатова, Кошутича и все издания 2-го отд[еления АН] по 15 экз[емпляров] в библиотеку Упсальского университета для распределения в Швеции и Норвегии.

3) 1–2 экземпляра всех наших изданий Otto Harrasowitz-у для помещения в его каталоге.

4) Сведения о всех наших учреждениях для помещения в Минерве²⁶⁴ адресов – Vereinigung wissenschaftlicher Verleger^{****}, Berlin, Genthiner str. 38.

5) Пришлите 20 экз[емпляров] моей «Soul Theory»²⁶⁵.

6) ----- Abhidharmakośa²⁶⁶, с[ан]скр. Harrasowitz-у.

Адреса – Стокгольм, Sveavaegen, 31, проф. Юону, для передачи – Берлин, Eisenacher str, 10 – Федоровскому²⁶⁷, для Брауна

– для меня Bonn a/Rh. Niebuhrstr. 59 bei prof. Jacobi.

Н[иколай] Як[овлеви]ч [Март] Вам обо всем скажет, потому не пишу. Надеюсь, мамаша здорова и необходимым обеспечена. Осенью приеду, если будет продолжена командировка, о чем ужасно прошу похлопотать. К сожалению, ничего положительного не знаем о Вашем положении, только все слухи и слухи.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Ф. Щербатской.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 61–63.

* Международная ассоциация академий, основанная в Париже в 1900 г. (по постановлению Висбаденской конферен-

²⁶⁴ Минерва. Ежегодник мира науки. Справочник научных учреждений, издававшийся в Берлине/Лейпциге с 1892 г.

²⁶⁵ The Soul Theory of the Buddhists // Известия РАН, Пг. 1916, сер. 6, т. 13, № 15, с. 823–854, № 18, с. 937–958.

²⁶⁶ Имеется в виду комментарий к «Абхидхармакоше», изданный Ф. И. Щербатским совместно с С. Леви.

²⁶⁷ Федоровский Н. М. (1886–1956) — минералог. В марте 1920 г. был командирован за границу в качестве представителя Научно-технического отдела ВСНХ (он был в то время председателем этого отдела). Член-корреспондент АН с 1933 г., репрессирован с 1937 по 1954 г.

ции Академий 1899 г.). Преемницей ее стал Международный исследовательский союз, основанный в октябре 1918 г., вторая Генеральная ассамблея союза состоялась в конце июля 1919 г. в Брюсселе. Научные организации из Германии и других стран, воевавших против Антанты, получили приглашение участвовать в работе союза в июне 1926 г.

** Тантризм — мистическое течение в позднем буддизме и индуизме.

*** Дубчкен — «великий сиддха» (тиб.), человек, достигший с помощью магии сверхъестественных способностей.

**** Объединение издателей научной литературы (нем.).

№44

1.VII.21*

Прага

Дорогой Сергей Федорович!

Н[иколай] Як[овлев]ич Вам, конечно, сообщил, как мы вместе с ним добились обещания купить для Академии литературу по Востоку за 1914–21 годы, всего на сумму 20 000 марок. Тов. Стомоняков обещал эту сумму (очень незначительную, ибо 10 000 составляет тут месячное жалование сотрудника) выдать за свой страх, не ожидая распоряжения из Москвы. Я говорил Н[иколаю] Як[овлеви]чу, что нужно эти деньги получить на руки, но Стомоняков предпочитал, чтобы заказ был сделан через делегацию (НТО²⁶⁸) и мы не очень возражали. Случилось, что всегда случается у них тут. Открылись хищения, назначена ревизия, все заказы приостановлены и нужно ожидать распоряжения из Москвы. В хлопотах по этому делу я потерял месяц, кончилось телеграммой, которая послана Вам через Ригу. Необходимо, чтобы из Москвы был определен размер кредита (напр. 200 000 м.) и дано об этом знать в Берлин, иначе я вернусь без одной книги, так как ничего еще не купил, все дожидая обещанного распоряжения из Москвы. Необходимо напрячь все усилия, чтобы добиться этого результата.

Из Берлина я переехал сюда, думал на 2–3 дня, но из-за паспортных формальностей пришлось просидеть две недели.

²⁶⁸ Научно-технический отдел ВСНХ.

Через родственников Тубьянского я узнал, что отпуск мой продолжен, но прямо об этом ничего не получал. Если это так, то необходимо дать знать об этом в Стокгольм, Берлин и Лондон, иначе у меня очень мало времени останется на Англию и Францию и не будет возможность посетить Harvard, куда Woods возобновил приглашение.

Завтра выезжаю в Лондон, а оттуда в Париж. В Бонне пробыл 3 недели, в семинарии с учениками Якоби читал несколько лекций о буддизме как шастре²⁶⁹. Якоби вполне понравился, совсем юноша, страшно деятелен, после издания текстов *arabhaṃśa*²⁷⁰ принялся за метрику для Grundriss-a²⁷¹, ужасно заинтересовался нашими успехами в области познания буддизма. Я слышал потом, как он говорил гр[афу] Кейзерлингу²⁷² в Дармштадте, что никак не думал, что так много можно было сделать при наших обстоятельствах. В Дармштадте я был с Якоби у гротенорфа, где остановился Тагор, он пригласил меня и Якоби читать в его новом унив[ерсите]те *Śāntiniketan*²⁷³ на два года. Мы сослались на затруднения со стороны англичан, но все-таки я хочу так или иначе использовать это приглашение.

Курьер уезжает, должен кончать. Чехи стремятся занять руководящую роль в славянстве. В ун[иверсите]те у них 6 кафедр по славяноведению, Ляцкий²⁷⁴ приглашен на кафедру новой русской литературы. Основывается большой славянский институт с большими средствами, будет иметь отделения во всех славянских странах, организует его Нидерле²⁷⁵. Прекратившийся Архив Ягича²⁷⁶ будет здесь продолжен, издание

²⁶⁹ Шастра — система индийской традиционной науки.

²⁷⁰ Алабхрамша — поздняя форма среднеиндийских языков.

²⁷¹ Книга Г. Якоби о метрике издана не была (см. также прим. №7 к письму №2).

²⁷² Вероятно, Герман Кейзерлинг (1880–1946) — популярный философ, автор книг об Индии.

²⁷³ Университет Вишвабхарати, основанный Р. Тагором в Шантиникетане.

²⁷⁴ Ляцкий Е.А. (1868–1942) — русист-филолог.

²⁷⁵ Нидерле Л. (1865–1944) — чешский славист, археолог.

²⁷⁶ Ягич И.В. (1838–1923) — филолог-славист, академик с 1881 г. Редактор «Архива славянской филологии» (Берлин, с 70-х гг.).

славянской энциклопедии²⁷⁷, ввиду банкротства России, будет продолжаться здесь. По своей организованности чехи являются немцами в квадрате, богатство страны изумительное. Массарик²⁷⁸ в 1913 году выпустил 2 больших тома о России «Russland u[nd] Europa, soziologische Skizzen», обозревает все наши умственные течения, от Чернышевского до Плеханова. По полноте материала — шедевр, направление — критически высокомерное. Крамарж²⁷⁹ также написал большую книгу о России — они конкуренты — но чисто политического содержания, я ее не читал.

Из Лондона буду писать подробнее. Если это письмо дойдет, то 1) сообщите Марру, что ничего не вышло из покупки литературы; 2) нужно добиться кредита на покупку книг (Гос. Изд[ат.] имеет миллионные кредиты, но они лежат); 3) продлить мою командировку, если можно, до 1-го янв[аря]. Напишите мне хоть что-нибудь в Лондон на Красина и, прежде всего, как мамаша.

Ваш Ф. Щербатской.

(Печатание с[ан]скр. грамматики в Стокгольме только что началось!)

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 64 и об.

*На письме написано: Получено 29.VIII.1921.

№45

28.VII.1921

London, Hotel National,
Upper Bedford Place, Russel square

Дорогой Сергей Федорович!

Большое Вам спасибо за внимание к мамаше, я получил от нее подробное донесение о всем, что Вы для нее сделали,

²⁷⁷ По решению съезда русских филологов 1903 г. под редакцией И.Ягича и А.Шахматова издавалась «Энциклопедия славянской филологии».

²⁷⁸ Масарик Т. (1850–1937) — философ, президент Чехословакии в 1918–1935 гг. Речь идет о книге: «Russland und Europa. Studien über die geistigen Strömungen in Russland, Bd. 1–2, Jena, 1913.

²⁷⁹ Крамарж К. (1860–1937) — глава правительства Чехословакии в 1918–1919 гг.

благодаря чему она поживает вполне хорошо. Если не забудете, то напомните при случае Наде, чтобы не откладывали сходить к Долганову насчет второго глаза. Посылаю мамаше посылочку — 5 ф[унтов], больше не берут, — это только для мамаш (т.е. тут нет доли для В.А. Ляцкой).

Заказ книг в Берлине не удался. Скажите Марру. Несмотря на то, что Стомоняков нам обоим обещал дать 20 000 м[арок] под свою ответственность, в конце концов, не дал. Я телеграфировал в Академию. Необходимо добиться кредита из Москвы. На общем фоне здешних расходов наши требования такие пустяки, что не может быть и речи об отказе, но нужен кредит из Москвы, о чем послана телеграмма. Я также много раз писал о присылке наших изданий, но не знаю, по-видимому, ничего не послано. А жаль. Как раз теперь решается в Париже вопрос о новой серии буддийских текстов, в том предположении, что Bibl[iotheca] Buddhica прекратилась. Если бы я мог всем показать наши издания №№ XVII–XXI, то, может быть, нас и не поторопились бы похоронить, но ничего не получаю, ни письма, ни известий о присылке наших изданий в Стокгольм, Берлин и Лондон. Получили ли письмо Lévi, которое Вам я переслал, и письма Грюнведела для Эсп[ера] Эсп[еровича Ухтомского]²⁸⁰ и Варвары Петровны [Шнейдер].

Ваш Ф. Щербатской.

Thomas, Ross, Macdonald и Виноградов Вам кланяются.

Пишите H. Jacobi, Nieburstr. 59. Bonn a/Rhein.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 65–66.

№46

16.VIII.1921

Hotel National, Up. Bedford Place [Лондон]

Дорогой Сергей Федорович!

Сегодня видел Thomas-a, он очень просит вернуть каталог будд[ийских] рукописей India Office²⁸¹, кот[орый] он Вам по-

²⁸⁰ Э.Э. Ухтомский (1861–1921) — публицист и общественный деятель, один из близких людей Николая II, сопровождавший его в поездке по Востоку. Член РКИСВА, собрал коллекцию восточного искусства, описанием которой занимался А. Грюнвельд (коллекция поступила в 1905 г. в Русский музей, с 1933 г. в Эрмитаже).

сылал (? не для Миронова²⁸² ли). Кроме того, у Миронова были еще рукописи отсюда²⁸³ и из Берлина, я об них писал Вам несколько раз, ответа вообще от Вас, за исключением письма из Риги, не было. В прошлом письме я сообщал, что кредит на покупку книг в Берлине, который Стомоняков нам с Марром обещал, в конце концов, был приостановлен до ответа из Москвы. Я тогда же писал об этом, писал, что наши кредиты на общем фоне здешних расходов такая капля, что только формалистикой можно объяснить их задержку.

Ответа в Берлин при мне не было. Здесь я пока получил аванс на покупку книг 200 ф[унтов]. Крылов получил от Стеклова извещение о новых кредитах, но в делегации²⁸⁴ еще ничего об этом не известно. Очень прошу Вас написать мне о том, разрешены ли кредиты в Москве на покупку литературы по Востоку? Неужели я вернусь без книг? Нельзя ли в случае нужды командировать А(ндрэ)ва в Москву, чтобы он добился разрешения и добился того, чтобы послана была о том телеграмма в Берлин и Лондон, размер кредита должен быть указан, для Берлина 200 000 в. м[арок], а для Лондона (включая и Париж, где нет представительства) 2 000 ф. ст. Хочется думать, что среди всех Ваших хлопот — а могу себе представить, сколько их у Вас — Вы не забудете и обо мне. Крылов получает письма от Стеклова, а я ничего не получаю. Пришли ли книги из Упсалы? Рассылается ли Bibl[iotheca] Buddhica?

Ваш Ф. Щербатской.

P.S. С этим курьером посылаю мамаше 5 ф[унтов], больше нельзя, новые, строгие правила. Получили ли письмо Lévi и

²⁸¹ Крупнейшее собрание документов и книг, относящихся к Индии. Библиотека была основана в 1798 г., ее ядро составляли коллекции, вывезенные из Индии служащими Ост-Индской компании.

²⁸² Миронов Н.Д. (1880–1936) — ученик Э. Леймана, санскритолог, специалист по джайнизму, составивший каталоги индийских рукописей Азиатского музея и Публичной библиотеки. Во время гражданской войны — профессор Иркутского университета, затем в эмиграции. Умер в Тунисе.

²⁸³ Речь, видимо, идет о рукописях Dharmapaṭiśā, полученных Н.Д.Мироновым незадолго до войны (см. Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 12, л. 5).

²⁸⁴ Торговая делегация выполняла роль дипломатического представительства Советской России.

его жены, кот[орое] я переслал; страшно милое письмо, он постоянно о Вас думает и глубоко сочувствует всей Вашей деятельности. Осенью он собирается в Индию по приглашению Тагора²⁸⁵. Вы знаете, я Вам писал, что Т[агор] очень хотел попасть в Россию²⁸⁶.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 67–68.

№47

20.X.1921, [Кембридж]

Дорогой Сергей Федорович!

Кроме письма из Риги я ничего от Вас не получал, между тем мои коллеги здешние все получают и письма, и книги; недавно Капица²⁸⁷, ассистент Иоффе²⁸⁸, получил даже книги В.В.Латышева²⁸⁹ для передачи Wright-у, а я прошу о присылке Bibl[iotheca] Buddhica в Стокгольм, Упсалу, Людерсу в Берлин, Томасу, La Vallée Poussin, Ross-у и проч., много раз посылал телеграммы, радио, ни слова ответа. Неужели все это не дошло! С каждым курьером я посылаю через Вас мамаше посылку 5 ф. (чай и сахар), тоже не имею известий о том, доходят ли посылки. Одно письмо от 15-го августа от мамы я получил через Якоби, но о посылках она не упоминает. Lévi 12-го окт[ября] уехал в Индию, перед отъездом [он] получил Ваше письмо, в котором Вы между прочим сообщаете, что Вы просите [его] меня известить, что мамаше живется хорошо. Я не знаю, переехала ли она на академическую квартиру и можно ли сделать переезд без меня. Мамаша писала, что Надя рассчитывает переехать в октябре и справится с переез-

²⁸⁵ С. Леви жил в Шантиникетане в 1921–23 гг.

²⁸⁶ Р. Тагор неоднократно планировал посетить Россию. Он писал: «Хочу посмотреть страну Толстого, Достоевского и Соловьева. После этого можно и умереть». (см. Рабиндранат Тагор — друг Советского союза. Сб. документов и материалов. М., 1961, с.39). Поездка состоялась 11–25 сентября 1930 г.

²⁸⁷ Капица П.Л. (1894–1984) — физик, впоследствии академик и лауреат Нобелевской премии.

²⁸⁸ Иоффе А.Ф. (1880–1960) — физик, академик (с 1920 г.), организатор и директор Физико-технического института.

²⁸⁹ Латышев В.В. (1855–1921) — филолог-классик и византист, академик с 1893 г.

дом, но я не знаю, состоялся ли переезд и можно ли достать транспортные средства. Пока я тут еще сижу за закупкой литературы, по понедельникам и вторникам читаю в Oriental Institution²⁹⁰ курс по абидарме. Слушает, между прочим, Mrs Rhys Davids, я бывал у них часто в Chipstead-е, они потеряли на войне единственного сына авиатора, и после этого пережили кризис острого мистицизма, старались войти в сношение с его душой; теперь как будто лучше. Сам Rhys Davids²⁹¹, по-видимому, страдает раком, — ужасно распространенная болезнь здесь — и мало может работать, вышел 1-й выпуск палийского словаря. Rhys Davids мне хвастал, что его Pali Text Society выпустила больше текстов, чем наша Bibl[iotheca] Buddhica. Это конечно, так, однако, теперь грозит нам конкуренция, de la Vallée затевает новую Bibl[iotheca] Buddhica в Брюсселе. Что выйдет, неизвестно, но как будто на нас уже не надеются. Ради бога, пришлите Bibl[iotheca] Buddhica Лунделю, Людерсу, Якоби, Thomas-y.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 70 и об.

№48

25.X.1921

Lion Hotel, Cambridge.

Дорогой Сергей Федорович!

Писал Вам много раз, письма отправляем в открытых пакетах через курьера, через делегацию же отправил 5 ящиков книг. О получении их никаких известий не получил. Особенно нужна везде Bibl[iotheca] Buddhica. Неужели нельзя ее переслать, ведь книги пересылаются. А что Бартольд²⁹²? При-

²⁹⁰ Речь идет о Школе востоковедных исследований (School of Oriental Studies).

²⁹¹ Рис Дэвидс Т.В. (1843–1922) — буддолог, основатель «Общества по изучению палийских текстов», ставящего своей целью публикацию критических изданий, переводов и исследований буддийских памятников на языке пали (т.н. южного буддизма).

²⁹² Бартольд В.В. (1869–1930) — специалист по странам ислама и Средней Азии, академик с 1913 г.

едет ли для просмотра и дополнения перевода Россом его книги²⁹³? Здесь все ждут, я сказал, что это, вероятно, состоится.

Вчера целый день провел у Wrowne²⁹⁴-а, он очень хлопочет о конгрессе в Стокгольме, куда могли бы прибыть и русские ученые. И совершенно убежден, что конгрессы с исключением немцев мертворожденные. В Rembrock college все помнят, как Вы сидели за high table*, все Вам кланяются. Мне ужасно бы хотелось знать, переехала ли мамаша на академическую квартиру. Через неделю или две заканчиваю работу здесь, еду в Париж и понемногу домой.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 71 и об.

*Высоким столом (англ.).

№49

[Б.д., осень-зима 1921 г., Лондон?]

Дорогой Сергей Федорович!

Пожалуйста, не забудьте сделать все возможное, чтобы Union Académique Internationale, Bruxelles, Palais des Académies была уведомлена о согласии на представительство в комиссии по переизданию Ducange²⁹⁵ Sir Paul Vinogradoff 1) взнос в UAI 4000 fcs я сделал.

2) Н. Pirenne (адрес тот же) очень просит, чтобы был прислан ему диплом члена-корреспондента, согласно выбору, состоявшемуся еще во время войны.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 161.

²⁹³ Barthold V. Turkestan down to the Mongol Invasion. Transl. from the original Russian and revised by the author with the assistance of H.A.V. Gibb. L., 1928. По словам В.Ф. Минорского, перевод был сделан какой-то русской дамой, Гибб исправил английский язык, а Бартольд, по предложению Росса, внес добавления в текст (см. И.И. Умняков. Аннотированная библиография трудов В.В. Бартольда, М., 1976. с.131–132).

²⁹⁴ Браун Э.Г. (1862–1926) — английский иранист и арабист.

²⁹⁵ Монументальный словарь средневековой латыни, составленный Ш.Дюканжем (1610–1688).

№50

4.XI.1921 [Лондон]

Дорогой Сергей Федорович!

Крылов получил Ваше письмо, Вы там сообщаете, что 3 раза мне писали, а от меня 3 месяца ничего не получали. Я же, кроме письма из Риги, ничего от Вас не получил, писал же в Академию и Вам с каждым курьером. О покупке книг, о вывозе коллекции из Калькутты²⁹⁶ писал в академию с последними курьерами. Писал я также, что только стороной, через Тубянского, узнал, что отпуск мне продлен. Покупка книг идет медленно, т[ак] к[ак] делается через специальный аппарат делегации. На будущей неделе еду в Париж, там закуплю все, что вышло, потом вернусь сюда и отсюда уже двинусь домой, можете ожидать моего возвращения к январю, приблизительно одновременно с Крыловым. Куда Вы мне посылали письма? Лучше всего посылать H. Jacobi, Niebuhrstrasse, 59 Bonn a/Rhein, он всегда знает, где я нахожусь, и пересылает мне, я же никогда не могу сказать, где я буду через месяц или два. Относительно присылки наших книг сюда я 4 раза посылал радио, кроме того, что писал, теперь из письма к Крылову узнал, что будет список книг, вышедших с 1915 года, разошлите как можно шире, больше всего везде нужна Bibl[iotheca] Buddhica. Писал Вам подробно об Association des Académies, о новой Bibl[iotheca] Buddhica и проч., неужели ничего не получено?

— Ужасно благодарю за хлопоты о переезде мамыши, это меня ужасно беспокоило, я боялся, что без меня им не переехать, но если Вы и Стеклов помогли, то дело устроилось.

Посылку для мамыши еще обещал послать Ляцкий из Стокгольма, вероятно, для Веры Ал[ександровны] и для мамыши вместе. Это из Стокгольма, теперь же Ляцкий переехал в Прагу, где получил профессию. В Праге будет 6 профессоров славяноведения и журнал — продолжение Архива²⁹⁷ — статьи при-

²⁹⁶ Речь идет о вызволении этнографической коллекции, собранной в Индии и на Цейлоне супругами Мерварт и хранившейся в Индийском музее в Калькутте. Судьбой коллекции занимался Л.Б.Красин при содействии Ф.И. Щербатского. 22 ноября 1921 г. английское правительство отказалось выдать коллекцию, ссылаясь на национализацию собственности своих подданных в Советской России (см. СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп.2, д.4, л.9).

²⁹⁷ Имеется в виду «Архив славянской филологии», см. письмо №44.

нимаются и русские — обо всем этом писал подробно, но когда ответа ни на что не получаешь уже скоро 6 месяцев, то пропадает надежда. Ваше письмо Крылову из Гельсингфорса было весьма, весьма приятным известием. А что же приезд Бартольда? Его здесь очень ждет Sir D. Ross, со стороны делегации.

Вышло ли мое «Чужое одушевление»? Написали ли Академии в Bruxelles, H. Pirenne-y, Palais des Akadémies, о поручении Sir P. Vin [ogradoff] представлять Академию в комиссии по переизданию Ducange.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 72.

№51

5.I.1922

Upper Bedford Place, London W.C.

Дорогой Сергей Федорович!

Вчера приехал из Парижа, где пробыл всего 6 недель, закупил книги, которые уже и прибывают сюда и будут отправлены отсюда. Курьер едет сегодня, так что пишу кратко, подробно напишу со следующим курьером. От мамыши имею письмо от 19 декабря, от Вас, к сожалению, ничего не имею и не знаю, получены ли мои донесения, книги и письма. Мамаша посылки получает, след[овательно], и книги должны получаться.

Ужасно Вам благодарен и Владимиру Андреевичу за хлопоты о мамаше. Одно меня беспокоит, осенью Долганов должен был снять катаракт со второго глаза, и об этом ничего она не пишет. Боюсь, что за хлопотами по переезду это отложено или забыто, а это главное. Если можно, пожалуйста, настаите, чтобы это было сделано, в случае чего сообщите через И.П. Павлова профессору Н.П. Кравкову²⁹⁸, он все устроит.

Н. Pirenne второй раз уже просит меня, чтобы Академия прислала ему диплом члена-корреспондента; он очень, видимо, хочет получить его. Затем напишите, что в комиссии U[nion] A[cadémique] I[nternationale] по переизданию Ducange-a пусть заседает Sir Paul [Виноградов], он сейчас в Палермо и

²⁹⁸ Кравков Н.П. (1865–1924) — фармаколог, член-корреспондент РАН с 1920 г.

два раза мне оттуда писал. Я заплатил взнос за нашу Академию 4000 frcs за два года, были очень довольны, Н.Pirenne прислал очень милое письмо, которое пришло со след[ующим] письмом, но, пожалуйста, напишите в какой-нибудь форме в Bruxelles, Palais des Académies, Н.Pirenne, что в комиссии по Ducange-у пусть будет Sir Paul. Как Вы видите, ввиду полного отсутствия сведений я беру кое-что на себя, иначе невозможно, надеюсь, Академия меня поддержит и одобрит мои действия, подробности со след[ующим] курьером. В Париже был принят замечательно сердечно, мило, трогательно, Senart, Cordier²⁹⁹, Pelliot, Hackin³⁰⁰, Vacot³⁰¹, Boyer³⁰², Deny³⁰³ и молодежь наперерыв осыпали меня вниманием, много книг я получил бы даром, если бы мог обещать обмен. Крылов Вам написал об Smitsonian Institution³⁰⁴, она имеет сотню ящиков готовых в Россию к отправке. Получены ли книги из Упсалы? Если не получены, то я окажусь в очень неловком положении. Итак, до следующего курьера. Поклон всем.

Ваш Ф. Щербатской.

В обратный путь двинусь в конце месяца.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 73.

№52

19.I.1922

Лондон W.C.I

6. Upp. Bedford Place

Дорогой Сергей Федорович!

Сейчас узнал, что курьер отправляется неожиданно, не успею послать с ним донесения в Академию, пришло со следую-

²⁹⁹ Кордые А. (1849–1925) — профессор истории, географии и права Дальнего Востока в Школе живых восточных языков.

³⁰⁰ Акэн Ж. (1886–1941) — санскритолог и тибетолог, хранитель музея Гиме, проводивший раскопки в Афганистане.

³⁰¹ Бако Ж. (1877–1965) — специалист по тибетскому буддизму.

³⁰² Буайе А.М. (1850–1938) — санскритолог, специалист по индийским рукописям.

³⁰³ Дени Ж. (1879–1963) — арабист, иранист и тюрколог, проф. Школы живых восточных языков в Париже.

³⁰⁴ Одно из старейших научно-исследовательских учреждений США (основано в 1846 г.), включающее обсерваторию, музей, галерею и т.п.

щим. Я вернулся из Парижа уже две недели, возобновил занятия в School of Or[iental] Studies, London Univ[ersity], долго ли еще здесь пробуду, не знаю, книги из Парижа еще не пришли, жду их, потом сдам все счета и двинусь в путь. С коллекциями Мерварта вышла история, вмешался сам lord Curzon³⁰⁵ и наложил embargo, спорить с ним трудно, со след[ующей] почтой пришлось всю переписку, м[ожет] б[ыть] Академия сочтет нужным сделать какой-ниб[удь] шаг. Письма от мамы все получаю, от Вас ничего. Благодарю очень за хлопоты о мамаше, я уже писал Вам, что боюсь, что она не отложила ли операцию катаракта на 2-м глазу. Напомните Наде, пожалуйста, чтобы она все сделала, она хорошо знает проф. Долганова.

Я уже Вам писал, как мило и тепло я был всеми принят в Париже, как особенно Pelliot всем решительно готов служить и содействует, посылает все свои сочинения и брошюры, они пойдут со след[ующим] курьером. Ужасно меня беспокоит, что ни слуху, ни духу нет о возможности получения книг из России, их ждут ужасно, особенно в Упсале и в Праге. Я всем обещал и теперь нахожусь в неловком положении. Ross ждет ответа относительно перевода книги Бартольда, мне ужасно нужно знать 1) получены ли книги из Упсалы (70 кило), если не получены, то будет большой скандал; 2) получены ли все книги из Лондона; 3) вышла ли моя «Чужое одушевление», 1-й вып. «Памятников фил[ософской] лит[ературы] Индии»? До след[ующего] раза, из письма мамы явствует, что пока Академия не настаивает на скором возвращении моем. Само собой, как только мое присутствие будет нужно, я немедленно выезжаю. До свидания!

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 74 и об.

№53

1 февраля 1922

6 Upper Bedford Place, London W.C.

Дорогой Сергей Федорович!

Посылаю Вам донесение, которое начал писать по возвращении из Парижа, но все как-то не заставлял курьера, которые

³⁰⁵ Керзон Дж.Н. (1859–1925) – министр иностранных дел Великобритании в 1919–1924 гг.

теперь отправляются часто и не регулярно. Написал Вам на-
спех два письма. Получили ли вы их? Ответ можете мне напи-
сать через Якоби (Niebuhrstrasse 59, Bonn am/Rhein). Мама-
ша посылает письма через Якоби, и я все получаю, Вы пере-
дайте ей и она вложит в свое письмо. Thomas мне говорил
вчера, что он получил известие, что рукописи, посланные в
Петроград (для Миронова?) все целы, но это известие при-
шло не через меня; это меня несколько удивило. Я ничего не
получаю, кроме того, что передано через мамашу. Имейте в
виду: 1) 7-го февраля юбилей проф. Brownе-а, хорошо, если
бы Академия отозвалась.

2) Н. Pirenne ждет, не дождется диплома на звание члена-
корреспондента. Неужели нельзя ему послать?

3) Назначение представителя в комитет по изданию Du
Cange-a Sir Paul Vinogradoff-a совершенно необходимо (иначе
мое положение становится неловким);

4) одобряет ли Академия мои шаги относительно U[nion]
A[cademique] I[nternationale]?

5) Летом, в июле, столетие Société Asiatique, летом же 150-ле-
тие Брюссельской Академии, 100-летие Парижского Геогра-
фического Общества состоялось минувшим летом, centenaire*
я посылаю.

6) Что думает В.В. Бартольд о переводе его книги на ан-
глийский язык, сделанном Россом?

До след[ующего] курьера.

Ваш Ф. Щербатской.

Ради Бога ответьте насчет Geuthner³⁰⁶-а, Н.Pirenne-а и U.A.I.;
через Якоби или прямо на делегацию (New Bond street 128).
Посылаю предложение U.A.I., которое будет очень близко Ва-
шему сердцу. Непременно напишите Н. Pirenne.

Вопросы, на кот[орые] желательно иметь ответы:

- 1) Получены ли 70 кило книг из Упсалы?
- 2) ---- книги от Royal Institution?
- 3) ---- Archives Orientales (Kalgren) из Стокгольма?
- 4) сколько ящиков и во сколько отдельных отправок полу-
чено из Лондона?

³⁰⁶ Речь идет о книгоиздательской и книготорговой фирме, основан-
ной в 1902 г. в Париже П. Гетнером (1877–1949).

5) вышла ли моя *Samtānāntara* «Чужое одушевление»³⁰⁷?

6) получено ли известие о моем обещании Раб[индранату] Тагору послать книги (адрес München, Kurt Wolf Verlag). Это-то, кажется, можно было бы сделать!

До чего здесь дошла нужда в наших книгах видно из того, что у Luzac-a есть 2 экз[емпляра] словаря Бэтлингга и он их распродает по 60 фунтов за экз[емпляр] (сколько это лимонов?)

Кроме Serindia Stein³⁰⁸-а (12 guineas) вышел уже первый том Cambridge History of India³⁰⁹ (8 guinea), сборник статей, посвященных G. Browne-у по поводу его юбилея (84 ш.)³¹⁰, Lyall выпустил два тома переводов арабских поэтов, Waley³¹¹ возбудил громадный интерес своими переводами китайских поэтов, книга сразу разошлась и теперь стоит очень дорого, кроме большого количества литературы текущей, политической.

Положение настолько обострилось в мусульманском мире, что Англия решилась дать Египту полную самостоятельность по примеру Ирландии (Dominion status).

В Индии положение очень напоминает то, которое было до 1857 года, с той разницей, что Lord Reading (= Rufus Isacs) вице-король³¹² и I[ord] Montague³¹³ (= Samuel) начали проводить политику уступок³¹⁴, передали уже часть полиции в руки туземцев, на днях только присутствие духа двух англичан спасло европейское население от поголовного вырезывания. Возникает план о даровании полной самостоятельности целому ряду республик и отдельных царств. Пример Ирландии, где все передано ирландцам и теперь принудительно вводит-

³⁰⁷ См. Прим. №196 к письму №36.

³⁰⁸ A.Stein, Serindia. Detailed Report of Exploration in Central Asia and Westernmost China, V.1-5, Oxf. 1922.

³⁰⁹ Cambridge History of India in six volumes. Vol. I. Ancient India. Ed. By E.J.Rapson, N-Y. 1922.

³¹⁰ A Volume of Oriental Studies presented to Edward G.Browne on his 60-th Birthday, Cambridge, 1922.

³¹¹ Уэйли А.Д. (1889-1966) — английский китаист и искусствовед.

³¹² Лорд Ридинг — вице-король Индии с апреля 1921 по апрель 1926 г.

³¹³ Лорд Монтегю — английский министр по делам Индии.

³¹⁴ Реформы Монтегю-Челмсфорда. Далее речь идет о гандистском движении.

ся в преподавание никому не известный ирландский язык, дана полная самостоятельность вкл[ючая] свою полицию, армию и флот — пример заразителен. Пока что британские государственные люди на высоте всех этих труднейших задач.

Можно ли надеяться на печатание в России? Я писал Wogihara³¹⁵, что да! В.А. Иванов³¹⁶ в Калькутте, составляет каталог рукописей, страшно ругает индусов. Д.Н. Миронов³¹⁷ в Мукдене, писал Россю и Thomas-y.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 75–76.

*Издание к столетнему юбилею (фр.).

№54

[Б.д., лето 1922 г.]

London W.C.C. Hotel National,
Upper Bedford Place

Дорогой Сергей Федорович!

Посылаю это письмо почтой, вообще все, что мамаша мне посылала через Бонн, доходило, а посланное другим путем ничего не дошло. Примите это в усиленное внимание. Сейчас узнал, что Foucher из Тегерана приехал в Кабул и Aur[el] Stein

³¹⁵ У. Огихара — японский буддолог, сотрудничавший в серии Bibliotheca Buddhica (Вып. XXI, *Sphuṭārthā Abhidharmaśāstravyākhyā*, ed. by Prof. U. Wogihara).

³¹⁶ Иванов В.А. (1886–1970) выпускник ФВЯ (1911), иранист, сотрудник Азиатского музея в 1915–18 гг., 16 мая 1918 г. уехал в Бухару, два года служил в Индийской армии в Восточной Персии, в 1920 г. переехал в Калькутту, где каталогизировал арабские и персидские рукописи Азиатского общества. (См. его письма Ф.И.Щербатскому в СПб филиале архива РАН ф. 725, оп. 3, д. 100). Ф.И. Щербатский имеет в виду письмо от 11 октября 1921 г. (л. 1 об.): «здесь такие безотрадные «типы» и «философские» индусы так безнадежно и беспросветно глупы, бездарны и лживы, что вряд ли здесь вообще можно найти что хорошее». И далее (л. 2): «Индия, какую Вы видели ее десять лет назад и какова она теперь — «две большие разницы». И ничто не может быть столь непривлекательно, как зрелище обнаглевшего, распоясавшегося чернокожего, полубезьяны, во всей его скотскости. И, увы, сей вид приходится наблюдать весьма часто, и особенно среди так называемых «культурных» или «образованных» «арийских братьев»».

³¹⁷ Имеется в виду Н.Д. Миронов.

из Индии тоже туда приехал, так что они оба там. Посылаю вырезку из Times-a, м[ожет] б[ыть], и Вы туда проехали бы, если у Вас сохранилась utsāha*, стоит только решиться. Отчего Вам не сняться и не поехать сразу? Не получил никакого ответа о книгах: я прислал 24 ящика и 6 пакетов, прислал особый им список, все ли дошло? Особенно боюсь за январскую посылку на пароходе «Бран». Получили ли переводы Waley, я послал их курьером для Алексева. В своем письме он неодобрительно отозвался и, по-видимому, собирается разнести, ибо они «эстетически» неудовлетворительны. Это очень жалко. Waley — прекрасный ученый и человек здесь с авторитетом. Если В[асилий] М[ихайлович] напишет резко, то испортит отношения. Waley читает по-русски и очень высоко ценит труды В[асилия] М[ихайлови]ча.

Ужасно меня огорчило дело с посылками для мамы, я посылал всю зиму, послал и все свои зимние вещи, со стороны Аркоса³¹⁸ были установлены правила, которые я соблюдал точно; теперь, оказывается, пропали и все мои теплые вещи. О Бартольде Росс хлопочет. Gibbs fund³¹⁹ согласился, и унив[ерситет] пригласил его читать лекции. Только так можно было достать денег, это здесь очень трудно, т[ак] к[ак] везде идут страшные сокращения и свободных фондов нет. По-моему, нужно было выезжать при первой возможности и не обставлять условиями. На днях уволено 2000 морских офицеров безо всякой пенсии.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 158.

*Решимость, энергия (санскр.).

№55

9.09.1922 [Петроград]

Дорогой Федор Ипполитович,

Ек[атерине] Ап[оллинариевне] сделали операцию, все благополучно, как мне сообщила Надя (Ек[атерина] Ап[олли-

³¹⁸ Всероссийское кооперативное общество, основанное в 1920 г. в Лондоне и представлявшее за рубежом советские внешнеторговые организации.

³¹⁹ Научный фонд, основанный в память шотландского тюрколога Э.Дж. Гибба (1857–1901); финансировал научные издания восточных текстов.

нариевна] не желала, чтобы, кроме Нади, ее кто навещал в больнице). Сегодня ее ждет народ, и я надеюсь ее увидеть.

Завтра уезжаю по делам научным в Москву на неделю. Дела безумно много, сейчас шло приготовление смет; народу мало, а дела много.

Мы очень смущены отсутствием ответа от Росса о Бартольде и тем, что Вы ничего не пишете об английской визе, без которой Бартольд не может выехать. Делаем сегодня последнюю попытку телеграфировать прямо Россу. Если не будет ответа, Бартольд решил отказаться от командировки, т[ак] к[ак] бессмысленно терять месяц на ожидание того, что не приходится — ведь без виз ехать нельзя.

Сенару написал тотчас, когда выяснилось, что нет надежды выехать в срок, благодарил. Если он не получил, напишу подробно сейчас, после Москвы. Нас огорчило известие, что Вы не сказали приветствия от Академии, почему? *Journal [of the Royal Asiatic Society]* пока не получил, очевидно, едет с тем ящиком, конверт с содержимым к[ото]рого пришел, самого ящика еще нет. Обо всем ранее полученном, за что Вам мы здесь страшно благодарны, Музей³²⁰ Вам сообщил. *Dharmakirti* печатается, теперь, наконец, получили деньги, проверяем с Тубянским корректуру³²¹. (Я очень научился его ценить: дельный, умный, толковый, симпатичный человек). Отчего Вы не пишете о Вашей научной работе, жаждем знать все, что Вы сделали, наверное, массу важного и интересного. Рад тому, что Вы можете работать, не отвлекаясь, и надеюсь, что еще поработаете. Что делает *Lavallée*, куда ему послать диплом³²²? *Rigenne* свой получил, мы с ним списались. Нет ли вести от Леви из Индии, как его пребывание у Тагора? Что делает *Thomas* и другие наши санскритисты? Как много напечатал интересного *Oldenberg*³²³ за последние годы своей жизни, очень о нем жалею.

³²⁰ Азиатский музей РАН.

³²¹ Речь идет о книге: Дармакирти, Обоснование чужой одушевленности. Перевел с тибетского Ф.И. Щербатской. Петербург, 1922.

³²² Л. де ла Валле Пуссен был избран иностранным членом-корреспондентом РАН 3 декабря 1916 г.

³²³ Ольденберг Г. (31.10.1854–18.3.1920) — немецкий санскритолог. В бумагах С.Ф.Ольденбурга найден написанный им некролог Г.Ольденберга, он опубликован в книге С.Ф. Ольденбург, Культура Индии, М., 1991.

— Свою командировку вряд ли начну раньше будущего года, сейчас слишком много работы по Академии. Надо начинать думать о двухсотлети, которое приходится на январь 1924 года. Вернадский в командировке в Париже (15, rue Toriller) около Сорбонны, куда он приглашен, как Вы знаете, на «гастроли».

Марр скоро выезжает к баскам.

Когда Вы вернетесь, наверное, согласитесь устроить совместные чтения по поэтике или философии с Тубянским и мною, может быть, найдем еще охотников. Мы так раз в неделю читаем персидские поэтические тексты. Может быть, и по-тибетски можно будет? Тубянский уже принялся за тибетский, а Владимирцов читает много по-тибетски. Здесь был хамбо и у нас один тибетский монах и несколько бурят. Важно было бы в действительности усилить у нас преподавание тибетского и вообще занятия Тибетом. Очень хотел бы иметь возможность и время заняться картинами из Намтары³²⁴ Дзонхава (у нас великолепные экземпляры с надписями).

Приятно поражен тем, как усердно работает Тубянский.

Крепко жму Вашу руку. Пишите о себе, о санскрите и как вообще идет индология.

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 161, л. 4–5.

№56

22.9.1922

National Hotel, Upper Bedford Pl.

Дорогой Сергей Федорович!

Виза Бартольду была послана сразу по Вашем возвращении из Парижа. Он сам просил выслать ее в Гельсингфорс, где она лежит у консула. Телеграмму Росса ему вернули, Вам не доставили. Надеюсь, получили мою телеграмму. Из последующего письма Бартольда не видно, где он ожидает получить визу: в Москве или Гельсингфорсе. Но т[ак] к[ак] нет изменения, то, вероятно, в Гельсингфорсе, но не было получено извещения, поэтому он не знал о существовании визы в Гельсинг-

³²⁴ Речь идет об иллюстрациях жития Цзонхавы (1357–1419), основателя секты желтошапочников.

форсе. Росс советует остановиться в Great Eastern Liverpool Station, а затем он и lady Ross сделают все возможное и невозможное для его комфорта, в этом ведь отношении с англичанами конкуренция невозможна. Я ужасно рад, что он, наконец, едет. Если здесь и была задержка, то только потому, что Вы ребром поставили вопрос о высылке денег в Россию, а это очень трудно по многим причинам. Я скоро выезжаю, хотел бы застать еще Бартольда.

Ваш Ф. Щербатской.

Пишите Якоби 59 Nieburstrasse Bonn a/Rhein

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 78.

№57

3.10.1922

National Hotel, Upper Bedford Place [Лондон]

Дорогой Сергей Федорович!

Наконец-то получил от Вас настоящее письмо от 9.IX.22. Большое, большое спасибо за внимание к мамаше. После операции не имел от нее никаких известий. Приезжайте скорее, выходят новые книги, а кредитами стесняются. Приезжал сюда Гринберг, я у него выпросил 200 ф., куплю порядочно нового по Индии и подпишусь на все журналы на [19]23-й год. Не сомневаюсь, что Вы здесь сделаете массу, я подготавливаю дело тем, что здешний библиотечный отдел будет иметь сведения из Индии о выходящих там книгах. Не советую Вам ехать в Париж, там Вас обсядут соотечественники. Лучше всего жить в Англии, отсюда можете кое-что сделать, тогда как во Франции нет представительства, а в Германии, хотя и есть, но плохо работает. Для работы атмосфера в Англии и Германии гораздо лучше.

Насчет Бартольда я уже писал и два раза телеграфировал. Росс в Шотландии, по возвращении из Парижа сразу виза была достата (sic!) и сообщена в Гельсингфорс, письма отправлены туда же *poste restante*, все сделано, как он сам просил в письме к Россу. Раньше нельзя было ничего сделать, т[ак] к[ак] Вы ребром поставили вопрос о деньгах. Между тем Gibbs fund исчерпан, он берется напечатать и предоставить Бартольду весь доход от издания, но сейчас денег нет и достать казенных денег для отсылки, как Вы прямо просили, вперед

в Россию совершенно было невозможно. Browne мог дать лично от себя, но послать вперед в Россию не соглашался. Herzfeld³²⁵ приезжал сюда, и ему заплатил Брит[анский] музей, он разрабатывал его коллекции, но и то нельзя было послать вперед, это не принято. Когда Бартольд отказался от денег вперед, то виза немедленно была послана, жаль, что не сделали этого раньше.

Вы отвечали насчет конгресса в Берлине, он отложен на будущий год, но насчет Бартольда я телеграфировал, повторяю телеграмму сегодня, Вы не отвечаете. Надеюсь, наконец, это все разрешилось и все устроится. Пусть остановится в Great Eastern, а потом Россы, он и lady Ross, will take care of him and make his life comfortable", Вы ведь знаете, как милы в этом отношении англичане.

Насчет Парижа имейте в виду следующее: Вы мне телеграфировали, что адрес Société asiatique был послан. Ничего не было получено, иначе можно было бы его подать или прочитать. Senart мне сказал следующее: dans d'autres circonstances je vous aurais prié de prendre la parole mais maintenant il serait prudent de ne pas le faire***. В торжественном заседании говорили: Senart, Lanman, Thomas и египтянин, последний, очевидно, для политики; голландцы, бельгийцы и проч. были страшно раздосадованы, что им не дали говорить, но это было невозможно, т[ак] к[ак] делает заседание бесконечным. Очень рад, что M. Perlin³²⁶ получил свой диплом, он очень хлопотал. Roussin можно послать туда же. Он теперь печатает французский перевод I и II Kośasthāna, вразрез с этим планом у меня готов английский перевод, но где печатать? Можно ли вообще надеяться у нас печатать Bibl[iotheca] Buddhica, продолжение? Или все кончено? Что скажете Вы с Вашим à tout épreuve**** оптимизмом? От этого все зависит! Thomas очень просит вернуть каталог будд[ийских]-рукописей India Office, который он послал Вам для Миронова дипломатическим путем. Я очень просил послать благодарность R[oyal] A[sianic] S[ociety] (749 Grosvenor str.) за Journal и India Office за Serindia³²⁷. Я

³²⁵ Герцфельд Э. (1879–1948) — немецкий археолог, проводивший раскопки в Иране.

³²⁶ Имеется в виду А. Пиренн.

³²⁷ См. Прим. №196 к письму №36.

благодарил от себя, но обещал, что будет благодарность и от Академии, пока ничего нет! Всего я послал: 3 экземпляра Serindia, один мой, вообще в последних ящиках много книг моих, которых я не отметил, чтобы послать офиц[иальным] путем, 4 англ[ийских] романа и один итальянский для мамаш. Из Бенареса получено настойчивое требование вернуть рукопись Nyāyakaṇikā³²⁸ (не Nyāyabindu, кот[орая] в Музее), эта рук[опись] была в университете. Не можете ли как-нибудь настоять, чтобы ее разыскали. Покойный М[ихаил] Ив[анович]³²⁹ все не давал мне ее на дом, а держал на своем столе! Надеюсь, ее не затеряли. Если у Вас нет времени лично сходиться в унив[ерсите]т, то, боюсь, много сделано не будет!

Очень жалею, что Академия не приняла моего предложения о словаре³³⁰. Это отлично можно было бы устроить, если деньги получить здесь в Лондоне. Посмотрите, что Б[еннэт] сделал для Пулков! Было бы тоже чудное дело, и работа кипела бы, и сохранены были бы Академические традиции. Я даже ответа не получил на свое предложение! только косвенно через Владимирцова узнал, что Академия нашла, что не имеет денег на такое предприятие. Деньги нужно искать в заграничных кредитах, а их, очевидно, можно провести, если взяться с надеждой и настойчивостью.

Относительно коллекции Мерварта я много раз писал, что мне нужно полномочие от самого Мерварта, т[ак] к[ак] иначе не выдают. Тогда я мог бы получить частным порядком. По соображениям высшей политики решение лорда Кэрзона считается Красиным вполне правильным и, не имея никакой поддержки и денег в этом вопросе от Красина, что я могу сде-

³²⁸ Санскритское сочинение по логике, см. публикацию Ф.И.Щербатского: Über die Nyāyakaṇikā des Vacaspatimiśra und die indische Lehre vom kategorischen Imperativ // Beiträge zur Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte Indiens. Festgabe Hermann Jacobi, Bonn, 1926. В «Отчете о состоянии и деятельности императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 год», вышедшем под редакцией Ф.И. Щербатского, говорилось (с. 231), что «в этом году закончен перевод Nyāyabhāṣya и печатается перевод Nyāyakaṇikā».

³²⁹ Кудряшев М.И. (1860–1918) — директор университетской библиотеки, переводчик «Песни о Нибелунгах».

³³⁰ Ф.И.Щербатский предлагал Академии наук переиздание петербургского словаря санскрита. См. письмо №64.

лать? Очевидно, раз «the collections are retined on behalf of the government, the responsibility rests with them»³³¹, о чем я напишу, большего я сделать потому не в состоянии, что уезжаю на днях. Вы сюда приедете, и, я думаю, ввиду полученного сообщения из Мадраса, Вам легко будет добиться их освождения. Итак, приезжайте скорее, приезжайте в Германию и Англию, отдохнете здесь, а академические дела передайте Ферсману³³¹. Пишите с/о Якоби 59. Nieburstrasse.

Ваш Ф. Щербатской.

Леви из Индии с женой поехал в Японию, будет читать лекции в Токио. Foucher — Вы знаете, он женился в Индии на своей молоденькой секретарше³³² и не смеет вернуться — il est allée se cacher dans les grottes du Himalaya pour se dérober aux fureurs de Mme Michel³³³ — был в Тегеране, теперь в Кабуле, где очень хорошо принят, и теперь ему отправлены средства на экспедицию в Балх. Штейна эмир не пускает, вообще настроение мусульман антианглийское, и французы их подзуживают. Молодые афганцы воспитываются в Париже и Германии, в Англии — нет. Я обо всем этом подробно писал, но или мои письма не доходят, или не читаются, ответов я не имел. Письмо от 9.9.22 единственное, мною полученное. Вернадский тоже жалуется, что никто не пишет, между тем сын³³³ его письма получает регулярно в Праре. Вчера я сдал большую статью для Journal [of the] R[oyal] A[sianic] S[ociety], появится в январском №. Вопрос о том, где печатать Коша? хотелось бы в России! Ответа насчет возможности печатания, несмотря на мои вопросы, я не получал. А если судить по тому, что Дармакирти³³⁴ не вышел до сих пор — два года, а оставалось только напечатать $\frac{1}{2}$ листа введения, готового к печати, и, когда я уезжал, ожидалось, что это будет сделано через неделю — если

³³¹ Ферсман А.Е. (1883–1945) минералог, академик с 1919 г., один из близких сотрудников С.Ф. Ольденбурга.

³³² Bazin E. (1889–1952) — индолог, ученица С. Леви, участница экспедиции А. Фуше в Афганистан.

³³³ Вернадский Г.В. (1887–1973) историк России, ученик П.Н. Миллюкова, после революции в эмиграции.

³³⁴ Речь идет о книге: Дармакирти, Обоснование чужой одушевленности. Перевел с тибетского Ф.И. Щербатской. Петербург, 1922.

судить по этому, то печатать, очевидно, ничего нельзя!³³⁵ Приезжайте, а еще лучше, если Вы тоже поедете в Балх с Foucher.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 79–83.

*До востребования (фр.).

**Позаботятся о нем и сделают его жизнь комфортной (англ.).

*** При других обстоятельствах я бы предложил Вам взять слово, но теперь будет благоразумно этого не делать (фр.).

**** Неизменным (фр.).

***** Коллекции арестованы правительством, и ответственность лежит на нем (англ.).

***** Он сбежал в пещеры Гималаев, чтобы укрыться от ярости мадам Мишель (фр.). Отношения А. Фуше с мадам Мишель служили вечной темой шуток в кругу индологов. См. Н. von Glasenapp, *Meine Lebensreise*, Wiesbaden, 1964, стр. 64: Один французский ученый, как гласит молва, много лет имел связь со своею теткой. Чтобы от нее освободиться, он организовал раскопки в Афганистане, где и женился на молодой секретарше.

Ср. в письме А. Стейна: «Есть обстоятельства (связанные с «ужасной теткой»), которые заставляют его подольше быть вдали от Франции» (J. Mirsky, *Sir Aurel Stein. Archaeological Explorer*, Chicago, 1977, стр. 410).

№58

31.10.1922

Hospiz im Zentrum, Holzgartenstrasse 9, Berlin

Дорогой Сергей Федорович,

Вчера приехал сюда из Парижа и видел Марра, от которого узнал все новости. По-видимому, о визе для Бартольда вы узнали только из моей телеграммы, посланной в ответ на Вашу телеграмму Россу. Ваши слова «retenu par d'autres causes»^{*} я не знал, как понять, ибо Pelliot мне сказал, что Foucher из Кабула им сообщил, что В[асилий] В[ладимирович] едет в Афганистан (?!). Я чуть было не написал об этом Россу, хорошо, что подождал. Сегодня я буду ему телеграфировать, что В.В.

³³⁵ В 1919 г. типография Академии наук отпечатала 234 печатных листа, в 1920 – 261, в 1921 – 297, в 1922 – 456, в 1923 – 452 (для сравнения: в 1913 г. – 1730 пл.).

на пути. В настоящее время вся Франция с низа до верхов преисполнена чувством глубочайшей ненависти к англичанам и намекает на соглашение с немцами, турками и Россией против них, но сначала хочет получить свои миллиарды — удивительный народ, исключительно движимый чувствами.

Но вот если бы Вы поехали в Афганистан и там поработали бы вместе с Foucher! Отчего бы Вам, в самом деле, не решиться? Я здесь пробуду некоторое время. Тов. Гринберг просит меня вместе с [Ф.А.] Брауном заняться выпиской немецкой литературы, которая, вероятно, у нас вовсе не получена, по крайней мере, я об этом ничего не знаю. На будущей неделе приезжает Браун, с которым мы составим все списки, дадим заказ, потом я уеду недели на две в Бонн.

Вернусь, проверю, что сделано и направлюсь в Стокгольм, где в зависимости от обстоятельств — окончания печатания — придется пробыть месяц или два. Напишите мне подробно о Ваших планах, когда Вы выезжаете, и если мое возвращение нужно раньше³³⁶, то м[ожет] б[ыть] Вы могли бы приехать в Стокгольм и проследить за окончанием печатания с[ан]скр. грамматики вместо меня, и я тогда мог бы вернуться раньше. Вообще дайте мне указание: из двух писем мамыши узнаю — ей передавал Ваши слова Тубянский, — что мне торопиться не надо, а в предыдущем письме мамаша писала, что Вы меня ожидаете. Так что ожидаю разъяснения этого обстоятельства. Мне бы хотелось окончить печатание, которое до сих пор шло медленно, главное, потому, что я никогда вперед не знал, долго ли пробуду за границей, а пробыл все-таки довольно долго.

— Относительно Centenaire Société Asiatique? Вам писал³³⁷, почему я не говорил. Это было по желанию Senart-a, и Минорский³³⁸ напрасно беспокоился, это вообще темная личность, но адреса от Академии так и не было получено, и это, конечно, очень жаль, т[ак] к[ак] все такие адреса, как теперь принято,

³³⁶ Власти, видимо, ставили С.Ф. Ольденбургу условием его заграничной командировки возвращение Ф.И. Щербатского (См. письмо В.И. Вернадского от 8 августа 1922 г. в кн. В.А. Росова В.И. Вернадский и русские востоковеды, СПб, 1993, с.55).

³³⁷ См. предыдущее письмо.

³³⁸ Минорский В.Ф. (1877–1966) — русский иранист. Революция застала его в Иране, затем он жил в Париже, с 1932 г. в Лондоне.

просто подаются и потом печатаются, так было и в Брюсселе на 150-летию.

— От Марра узнал, что, наконец, Академия может посылать свои издания в Германию — дипломатическим путем, в Англию через Аркос, а как во Францию? А что мое «Чужое одушевление»?

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 84 и об., л. 186 и об.

*Задержался по иным причинам (фр.).

№59

7.11.1922 [Берлин]

Дорогой Сергей Федорович,

Марр уехал в Лейпциг, я получил от Р(нрзб) список книг для Аз[иатского] музея. Оказывается, что часть моего прошлогоднего списка уже закуплена у Harrasowitz-a, но потом, за падением марки, нужно было увеличить сумму, что не было сделано, переписка затерялась, и я теперь выясняю, сколько заплачено, что выслано и т.д. Необходимо все это сделать пока тов. Гринберг здесь, если взять да уехать, то смело можно ручаться, что ничего сделано не будет и мы останемся без немецкой литературы. Если Вы скоро сюда приезжаете, я могу, передав это дело Вам, ехать в Стокгольм и Россию. Напишите! Относительно обмена изданиями Гринберг условился обменивать бесплатно лист за лист или фунт за фунт (?), об этом он Вам пишет и просит не менять. Также о том, чтобы выхлопотать в пользу немецких ученых бесплатно 1 кило платины, об этом он писал Луначарскому и В.С.Н.Х. От Марра узнал, что Бартольд выехал и сидит в карантине. Ужасно рад, а то тут и в Париже распространились разные слухи. Foucher едет в Балх, Stein-a афганцы не пускают. Леви в Токио³³⁹. Harrasowitz, Luzac, Geuthner все жаждут русской литературы. Жду известий.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 85 и об.

³³⁹ С.Леви из Индии выезжал с лекциями в Китай, Корею и Японию.

№60

13.XI.22

Hospitz im Zentrum, Holzgartenstrasse 9 Berlin.

Дорогой Сергей Федорович,

Писал Вам на обратном пути из Брюсселя, Парижа (2 раза) и Берлина. Надеюсь, все получили? Здесь виделся с Н.Я. Марром. Он проехал в Лейпциг и там с жаром работает над баскской грамматикой, как мне сегодня сообщил Ф.А. Браун. К сожалению, он не хотел остаться здесь ни одного дня, чтобы что-нибудь сделать для налаживания приобретения немецкой литературы. В Лондоне теперь Бартольд, и если у него есть кредиты, то он будет продолжать приобретение английских книг. Здесь надо воспользоваться пребыванием Гринберга для того, чтобы все закупить и отправить. Мои прошлогодние здесь попытки, оказывается, не были совсем безрезультатны, в подвале я разыскал два ящика книг, которые тогда каким-то образом были закуплены, хотя Стомоняков и отказал в кредите, ящики лежали в полной неизвестности, кто и когда и откуда их прислал, и кто за них заплатил. Т[ак] к[ак] там много английских и французских книг, которые я потом приобрел в Англии (предполагая, что берлинский заказ аннулирован), то Аз[иатский] Музей многое получит в лишние экземплярах, но это, я думаю, не беда. Можно будет, со временем, передать в Рум[янцевский] Музей в Москву. Если здесь этим делом не заняться и не потерять на это времени порядочно, то ничего не будет сделано. Все заняты своим делом. Я никогда не ожидал, что дело покупки книг, особенно здесь, где нужно пройти через 3 учреждения, так сложно и берет столько времени.

— Вам очень кланяются Lüders, Le Coq³⁴⁰, Müller³⁴¹, Grünwedel. Известия, которые мне сообщали в Париже, чему там все верят, именно, что Grünwedel сошел с ума и сидит в сумасшедшем доме, неверно. Он вышел из музея, в отставке, перед ухо-

³⁴⁰ Лекок А. (1860–1930) сотрудник этнологического музея Берлина, руководитель экспедиций в Центральную Азию, в результате которых была собрана огромная коллекция памятников буддийского искусства.

³⁴¹ Мюллер Ф.В.К. (1863–1930) директор этнологического музея в Берлине, обрабатывавший уйгурские материалы Турфанских экспедиций.

дом еще раз окончательно со всеми поссорился, страшно раздражен, здоровье слабо, но продолжает работать страшно, и вполне в своем уме, хотя, по-видимому, у него есть пункт, и положение его опасно. Пункт этот магия, tantra³⁴². Pelliot, Müller, Le Coq в один голос, и не без злорадства, утверждают, что в Alt-Kutscha³⁴³ есть и подделанные им тибетские тексты. Он, т.е. Grünwedel, ужасно хотел бы приехать в Петербург, по-моему, для него это было бы спасение, он всегда себя хорошо чувствовал у нас. Я говорил Гринбергу, он очень обещал помочь. Тогда мы бы с ним вместе приехали, он мог бы жить у меня и работать в музее.

— Относительно обмена изданиями Марр мне говорил, что ящики заказаны и будут посланы дипломатическим путем. Lüders толковал об этом с Мушкетовым и решили пересылать через Красный Крест, немецкий, у которого масса пустых ящиков из-под медикаментов, которые обратно пересылаются пустыми, и Красный Крест выразил полную готовность это делать, это не будет стоить ни копейки получателям. Lüders говорил, что обмен оттого не налажен, что появляются все новые и новые планы. Нужно, наконец, остановиться на одном плане, тогда дело пойдет.

— Удивительное чувство испытываешь, начиная опять погружаться в немецкую среду. В Англии царствует спокойствие, разумность, довольство, несмотря на тяжесть налогов и все нескончаемые вопросы и кризисы во всей английской империи. Во Франции кипит жадность, недовольство, разочарование, злоба против всех и страх за будущее. В Германии больше спокойствия, несмотря на то, что валюта скачет вроде нашей, но как-то люди справляются, рабочие даже хорошо живут и нескончаемые угрозы французов вторжения в Германию (они уже после мира два раза вторгались и пять раз грозили) перестают производить впечатление.

Пишите! На этой неделе поеду в Бонн, пока здесь исполняют мои списки, по возвращении напишу.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 86.

³⁴² Тантра, тантризм — одно из названий ваджраяны, мистического направления в буддизме.

³⁴³ Имеется в виду книга А. Грюнведела о раскопках в Центральной Азии: Alt-Kutscha, Berlin, 1920, см. письмо №37.

№61

16.XI.1922

Hospitz im Centrum, Holzgartenstr. 9, Berlin C.

Дорогой Сергей Федорович.

Узнав от Марра, что Академия получила, наконец, кредиты на отправку своих издания, я написал Pelliot, письмо его по этому поводу при сем пересылаю. Я тоже Вам писал, что Lüders советует воспользоваться Красным Крестом немецким, у которого можно даром получить и ящики, ибо они их пустыми отправляют обратно.

Очень бы хотелось знать, что прибыло из посланных мною книг? Нет ли каких лакун, которые можно было бы заполнить. Напр[имер], у нас недостает некоторых №№-ов [Journal of] Bombay Br[anch of the] R[oyal] A[sianic] S[ociety], можно было бы купить, но я просил написать мне, какие это номера. Принберг, вероятно, поедет скоро в Париж, я ему выхлопотал визу, и там может купить все, что нам нужно. Нет ли специальных нужд? Список всех новостей, вышедших после моих покупок, я составил, м[ожет] б[ыть] что и пропустил. Бартольд в Лондон написал, вероятно, он уже там, известий еще нет. Lüders закончил текст Udānavarga³⁴⁴ — из 500 кусочков, принадлежащих к 100 различным рукописям. Его жена имеет также (нрзб) полный с[ан]скр. текст Пратимокши³⁴⁵ из кусочков 100 различных рукописей. Рукописи дают возможность проследить постоянное исправление текста, есть тексты полу-пракритские и безусловно с[ан]скр-ские. Grünwedel — я вам писал — совсем не сошел с ума, выпустил книгу об этрусках — ganz vergückt! Насчет перехода [Ф.А.] Брауна в лагерь яфетидистов все пожимают плечами, Meillet говорит, «on comprend ses idées générales, mais les points qu'on donne ne valent rien»³⁴⁶. Еще сильнее выразился здешний лингвист Schulze «es ist ungeheuerlich!»³⁴⁷, но случаи такого падения в область фантазии в истории лингвистики бывали. Вообще аргументы Брауна взятые из антропологии и археологии — эта часть встречает сочувствие у специалистов, лингвисты же все относятся резко отрицательно. Фрейман и (нрзб) здесь работают, не торопятся.

³⁴⁴ См. прим. №269 к письму №44.

³⁴⁵ Пратимокша — буддийский служебник.

EW.K.Müller выпустил новый выпуск *Uigurica*³⁴⁶, Lüders две статьи в *Abhandlungen*³⁴⁷. Обратите внимание на книгу Bonzels *Indienfahrt*³⁴⁸, имеет здесь колоссальный успех! Не знаете ли адрес вдовы Розенберга³⁴⁹? Я нашел издателя для английского перевода, который я сам мог бы сделать, он готов ей заплатить, но нужно знать ее адрес. О буддизме выпустил недурную книжку Beck³⁵⁰, тибетанист, теперь погибший в мистицизме, который здесь страшно процветает. V.Glasenapp издал хорошее обозрение индуизма³⁵¹, мы с ним вместе хотим выпустить популярную книжку о буддизме³⁵². Пишите, пишите, хоть слово! Адресуйте лучше всего Якоби 59, Nieburstrasse, Bonn a/Rhein. Меня беспокоят мамашины глаза, последнее письмо написано под ее диктовку.

Ваш Ф. Щербатской.

Для памяти. Как производится закупка книг в Берлине:

1) Подуправлением Ф.А. Брауна в Лейпциге комиссия из 6 лиц собирает сведения о всех выходящих книгах, по словам Ф.А. [Брауна] книги по Востоку выписываются в 3-х экз[емплярах]: для Академии, Унив[ерситета] и Рум[янцевского] Музея. Мое личное впечатление, также и Фреймана, что осведомленность отчего-то крайне ограниченная и дело ведется хаотично, и м[ожет] б[ыть] я ничего и не знаю о том, что этим путем получено в упомянутых 3-х учреждениях.

2) Существует Г.М.В.Н.**** «Kniga», акционерное общество, частное с участием советского капитала (Kurfürstenstr. 79). Это очень деятельное учреждение, которое работает для всех ведомств и взимает какие-то за это %, которые Гринберг находит чрезмерными, вследствие чего

³⁴⁶ Серия публикаций Ф.В. Мюллера по уйгурским текстам, выпуск III (1920) вышел в 1922 г. в трудах Прусской Академии наук.

³⁴⁷ Имеется в виду: *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*.

³⁴⁸ Книга имела успех и в России, вышла двумя изданиями: В. Бонзельс, *По Индии*. Пер. М. Кадиша, Берлин, б.г.; В. Бонзельс, *В Индии*, пер. Д.Горфинкеля, М.—Пг. 1923.

³⁴⁹ Розенберг Э.Ю. (1888–1953) — вдова О.О. Розенберга, после Гражданской войны жила в Финляндии.

³⁵⁰ Бек К.Э. (1875–1937) — немецкий санскритолог и тибетолог, антрополог.

³⁵¹ Glasenapp H. von, *Der Hinduismus*, München, 1922.

³⁵² Этот замысел не был реализован.

3) Комиссия Наркомпроса (Lietzenburgerstr. 11) закупает непосредственно, заведует Frau Meyer, очень толковая дама.

4) Некоторые учреждения (напр[имер] Эрмитаж) сносятся через «полпред[ство]» (Unter den Linden 7), т.е. дипломатическим путем, и имеют успех.

(нрзб) на Lietzenburgerstr. A. Föhringer-Крылова³⁵³.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 87 и об., 90.

*Совершенно сумасшедшая (нем.).

**Его общие идеи понятны, но они ничего не стоят (фр.).

***Это чудовишно (нем.).

****Общество с ограниченной ответственностью (нем.). В отечественной литературе «Книга» называется российско-германским издательским товариществом.

№62

27.12.1922

Kurfürstendamm 32 (bei Weber) Berlin W.

B Stockholm с/о Leutenant J. Lindgren

Klaravaestra-Курко-gatan 9 (Eselden)

Дорогой Сергей Федорович,

Сейчас получил Ваше письмо от 4.12.22. Ужасно рад, что у Вас работа кипит и что настроение у Вас бодрое и оптимистическое. О том, чем мы все Вам обязаны, излишне было бы говорить. Поверьте, что все мы живо чувствуем, что без Вас ни мы, ни Академия не были [бы] в том состоянии продуктивности и надежд на спокойную работу, в каком она сейчас находится. [Раз] Вы даете сроку до весны, то я постараюсь переехать в Стокгольм, там окончить печатание — я хочу присоединить хрестоматию небольшую — и вернусь с первым парходом, что представляет большие удобства, т[ак] к[ак] проезд через новые республики неприятен и колоссально дорог.

Теперь о книгах: 1) до 8-го марта 22 включ[ительно] я послал 24 ящика и 6 пакетов, Алексеев писал, что это все пришло; 2) раньше того послал из Стокгольма 2 книги Карпинскому и ящик из Упсалы. Алексеев пишет, что дошло, мамаша пишет, что не дошло, я желал бы проверить; 3) из Лондона,

³⁵³ Ферингер (Крылова) А.Б. — библиотекарь Главной Физической Обсерватории АН, жена академика А.Н. Крылова.

начиная с июня, по крайней мере, 3 ящика, из которых ничего не пришло, по-видимому, след[овательно], есть опасность, что это все потеряно, а тут как раз самые ценные книги, которыми я пользовался и откладывал отправку к концу; 4) из Берлина, после отказа Стомонякова, я списки передал в делегацию Наркоминдела, и, по-видимому, что-то уже послано. Один ящик я нашел здесь в подвале, но еще всего не выяснил. Я заезжал в Бонн, а сейчас сижу в лихорадке. Эта неизвестность и возможность утраты страшно меня гнетет. Ящик, в котором находятся 4 романа для мамы, содержит, главным образом, мои книги. Нельзя ли было бы послать в Москву бойкого человека, напр[имер], Кознакова со спец. поручением разыскать. Это было бы единственное средство. Если книги потеряны, можно было бы еще некоторые купить вновь. Пока Гринберг здесь, можно вполне надеяться на доброжелательность к Академии.

Вы пишете, что обмен с Америкой и Германией налажен. Я Вам писал, что Людерс очень этим озабочен. Все хотят Bibl[iotheca] Buddhica. Я всем наобещал и не знаю, что нужно сделать, чтобы подвинуть дело. Людерс просил посылать через Красный Крест, у которого много ящиков, кот[орые] порожнем возвращаются и Кр[асный] Крест все на себя берет. Мушкетов был тут и сговаривался насчет обмена. Nothgemeinschaft der deutschen Wissenschaft уже предпринимает шаги и получила обещания — что из всего этого вышло, я не знаю. Вы пишете «налажены», а здесь еще никто ничего не получал. Получена здесь за подписью Карского бумага, которую истолковали так, что Академия желает сама закупать, а не через закупочную комиссию. Это было бы прекрасно, но ведь Академия не имеет кредитов, а у Гринберга большой золотой кредит, которым нужно воспользоваться, а не заводить преппирательства. Все, что я купил в Лондоне и Париже, было сделано на случайные подачки Красина, без копейки кредита из Москвы. Теперь единственный источник кредита Гринберг, а бумага Карского ставит затруднения, причем денег у Академии нет. Очевидно, надо было бы сначала добыть кредит, а потом уже толковать о самостоятельности. Гринберг очень доброжелателен, но его рвут на части и, чтобы получить что-нибудь, нужно делать большие усилия.

— Изобретена теперь пишущая машинка *Multiplex Hammond*, пишет на 18 языках, м[ежду] пр[очим] на с[ан]скрите и арабском. Я сейчас предложил Гринбергу купить для академии два экземпляра, и он согласился. Вчера выехала в Лондон А.Б. Ферингер, она купит одну машинку, передаст Бартольд, а другую привезет сюда мне. Старик Grierson³⁵⁴ в восторге от этой машины, она печатает ему на всех языках. Я полагаю, что нужно было бы заказать и для наших восточных институтов, ведь подумайте, она печатает и по-тибетски, и по-монгольски. По-моему, институты, университеты и Наркомнад должны были бы немедленно приобрести, называется: *Hammond Multiplex Typewriter*, цена в Лондоне 30 фунтов, адрес: 50 Victoria Street, London E.C. фирма американская, но это их Лондонское представительство, надо добыть кредит и приобрести несколько, напр[имер], 11 экземпляров, пригодятся. Наверное, хамбо заинтересуется и Калмыцкий комиссариат.

— Насчет Грюнведела я писал подробно Владимирцову, неужели он не получил? Его состояние опасное. Он еще выпустил книгу об этрусском, и тоже, говорят, совсем сумасшедшая книга. Что он написал сам тибетский документ и поверил в его подлинность, к сожалению, правда. Pelliot отчего-то убежден, что *Le Coq* хорошо относится к Франции (?!), а Грюнведель ее ненавидит. Это, очевидно, передал в Париж сам же Лекок. Взаимная ненависть там, в музее, после того как Грюнведель вышел, дошла до геркулесовых столбов. Я говорил ему, не поедет ли он в Россию, он очень рад. Это единственное средство его спасти, вырвать его из этой обстановки взаимной ненависти. Гринберг готов ассигновать средства на его путешествие. Вот где ему жить? В моей квартире место найдется, а насчет продовольствия — не знаю, в каком Вы положении. Я посылал из Лондона довольно много посылок мамаше, но, кажется, ничего не дошло, а что дошло, то обложено такой пошлой, что дешевле купить на месте. Я послал посылками и свои вещи, но, по-видимому, все пропало, и мамаша просит ничего больше не посылать.

---

³⁵⁴ Грирсон Г.А. (1851–1941) английский лингвист, специалист по индоарийскому языкознанию. Письмо Г. Грирсона по поводу этой машинки переслал Ф.И. Щербатскому Г. Якоби.

— Вопросы

1) F.W. Thomas очень просит ответить, цел ли рукописный каталог будд[ийских] рукописей, посланный им для Миронова. Я уже писал несколько раз и т[ак] к[ак] ответа нет, то начинаю думать, что пропало все, что было послано для Миронова, м[ежду] пр[очим] и рукопись Nyāyapraveśa³⁵⁵? 2) Рукопись Nyāyakaṇṭikā была в унив. библиотеке, покойный Мих[аил] Ив[анович] ее держал у себя, знать должна библиотечарша Вознесенская, попросите Тубянского справиться, Бенарес начинает быть нетерпеливым и грозит пойти дипломатическим путем. 3) Мамаша пишет, что рукопись Wogihara, вторая Kośasthāna³⁵⁶ нашлась, на синей фотогр[афической] бумаге. Вы видели? Думаю, из Ваших слов, что по возвращении можно будет приступить к печатанию Bibl[iotheca] Buddhica. 4) Сколько томов нашего Данжура³⁵⁷ заграницей? de la Vallée уверяет, что он свой возвратил, Walleser ответил мне довольно сухо, что он свой том думает еще сохранить. Что прикажете с ним делать?

Очень рад, что мое «чужое одушевление» наконец, увидит свет, но получу ли я его здесь? Так бы хотелось увидеть поскорее. Заглавие Обоснование чужого одушевления (против солипсизма), трактат Дармакирти.

Не можете ли для посылок в Англию обратиться к британскому консулу? Он, наверное, будет очень рад, кстати скажете, что у нас есть их рукописи. Кланяйтесь хамбо, скажите, что

³⁵⁵ «Ньяяправеша» — сочинение Шанкарасвамина (середина I тыс.) по буддийской логике. Известно в санскритском оригинале, в тибетском и китайском переводах. Издание Н.Д. Мироновым текста «Ньяяправеша» с комментарием Харибхадры было запланировано в Bibliotheca Buddhica. Санскритский текст был опубликован Н.Д. Мироновым в журнале T'oung Pao, Leiden, 1931, см. также: N.D. Mironov, Nyāyapraveśa and Haribhadra's Commentary on it // Aus Indiens Kultur. Festgabe für Richard von Garbe, Erlangen, 1927.

³⁵⁶ Речь идет о втором выпуске «Абхидхармакопи» Васубандху, подготовленном еще до I Мировой войны (Sphuṭārthā Abhidharma-kośavyākhyā, Second Kośasthāna, ed. by U.Wogihara and Th. Stcherbatsky, Leningrad, 1931).

³⁵⁷ Азиатский музей располагал уникальным собранием текстов тибетского «Данжура». Рукописи предоставлялись для работы специалистам из других стран.

когда приеду, мне страшно нужен будет Жигжитов³⁵⁸ или другой кто такой же ученый. Что делает Барадин, надо бы его использовать, вот если Грюнведель приедет, вот он заработает. Посылаю письмо для пересылки Барадину. Каутилья³⁵⁹ я послал два изданных тома в Mysore Series, оно в пропавшем ящике.

Ваш Ф. Щербатской.

Для памяти

Prof. Lucian Scherman³⁶⁰ в Мюнхене просит усердно прислать ему в München (Universität) Кипшидзе, Грамматика мингрельского

Март, — сванского (или его работы по сванскому)

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 150–152.

№63

9.II.1923

Ansbachstr. 25 II, Berlin

(ответ с/o Leutenant Lindgren

Stockholm Klara-Vaestra-Kyrko-gatan)

Дорогой Сергей Федорович,

Отчета, Вами обещанного, я не получил, но слышал от приехавшего Ипатьева³⁶¹, как великолепно сошло годовое собрание. Радуюсь и поздравляю Вас, это Ваших стараний дело. Я стараюсь здесь всеми силами добыть и немецкую литературу. Вы не можете себе представить, какая масса это хлопот. Заказ проходит через три учреждения, по каталогам разыскивается издатель и с ним начинается переписка. Если не следить, ничего не выйдет. Я уже писал, что Март и Бартольд совершенно не захотели этим заниматься, да я их и не обвиняю. А кого

³⁵⁸ Ф.И. Щербатской не знал, что Жигжитов умер от тифа в Забайкалье в 1921 г.

³⁵⁹ Текст «Артхашастры Каутильи» — санскритского трактата о политике, изданного Шамашастри в Mysore Sanskrit series (второе издание 1919 г.).

³⁶⁰ Шерман Л. (1864–1946) — индолог, директор Этнологического музея в Мюнхене.

³⁶¹ В.Н. Ипатьев (1867–1952) химик-органик, академик, с начала 30-х годов в эмиграции. Речь идет об отчете непрямого секретаря (С.Ф. Ольденбурга) о работе Академии наук в 1922 г.

обвиняю, то Ф.А. Брауна, который должен этим заниматься и ничего не делает. Я здесь нашел хаос, разыскал ящики в подвалах. На днях едет проф. Глаголев³⁶², он любезно согласился свезти один ящик непосредственно в Академию. Очевидно, дальше дело идти так не может. Несмотря на все потраченное время, даже по Индии не куплено и половины того, что следует. Оптический институт имеет тут своего представителя, Архангельского, и тот с утра до вечера бегаёт по учреждениям, «проталкивает» заказы. Очевидно, согласно этой системе Академия должна была бы иметь добрую дюжину представителей по всему свету для того, чтобы все наши учреждения получали то, что раньше получали, сносаясь по почте. Вот так система! Мамаша писала, что в таможне два пакета книг, на Ваше имя. Вероятно, не пакеты, а ящики, если из Лондона, откуда посланы

1) 17.7.22 парох[одом] Baltabor через Ригу, адрес Наркоминдел, в нем экз[емпляр] Serindia, Bell, Tibetan dict[ionary]³⁶³ 2 экз[емпляра] (1 мой), Smith History³⁶⁴, Glotz, Le Vedanta и др.

2) 11 окт. 22 парох[одом] Vialtor прямо Петроград — address — Voluntary fleet для Академии — в нем Mission Pelliot³⁶⁵, Patrologia, Riviere Ceramique, фр[анцузские] книги, англ[ийские] и итальянские романы для мамаша.

3) 9 сент. 22 парох[одом] прямо Петербург, в нем мои книги Serindia, Encyclopaedia Hastings³⁶⁶, Browne volume of studies, Cambridge History of India.

Кроме того при моем отъезде из Лондона большое количество книг (и некоторые оч[ень] ценные) не знаю, когда посланы, еще сведений не имею. Гринберг теперь посылает все почтовыми пакетами и все будто бы доходит. Вероятно, и все так будут делать. Постарайтесь добиться, чтобы Академия имела свой кредит на книги, и тогда будем прямо выписывать по почте.

³⁶² Глаголев М.М. (1881–?) — профессор Петроградского электротехнического института, затем секретарь физико-математического факультета ЛГУ.

³⁶³ Bell Ch. English-Tibetan colloquial dictionary, Calcutta, 1920.

³⁶⁴ Smith V. The Oxford History of India, Oxford, 1920.

³⁶⁵ Mission Pelliot en Asie Centrale, Vol. I, P., 1920.

³⁶⁶ Hastings J. Encyclopaedia of Religion and Ethics, vol. I–XII, Edinburgh, 1908–1921. Многочисленные статьи о буддизме для этой энциклопедии были написаны Л. де ла Валле Пуссенон.

Надеюсь, посланы мне в Stockholm Bibliotheca Buddhica и Цыбикив³⁶⁷. Выезжаю отсюда в Стокгольм через неделю.

Ваш Ф. Щербатской.

Не имею ответа насчет Упсальских книг. Алексеев пишет, пришли, а мамаша — нет.

Если пришли — то написали ли благодарность?

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 92.

№64

10. II. 23

Ansbacher str. 23 Berlin W.

(ответ Stockholm Klara-Vaestra-Kyrko-gaten

c/o Leut. G. Lindgren)

Дорогой Сергей Федорович,

Недавно писал Вам и забыл упомянуть, что отсюда также отправляется экспедиция в Афганистан под начальством Herzfeld-a. Он уже работал прошлый год в Брит[анском] Музее, англичане его поддерживали, Штейна афганцы до сих пор не пускают, Foucher уже на месте. Pelliot мне говорил, что м[ожет] б[ыть] Штейн попадет туда по протекции французов, но, по-видимому, более вероятно, что Foucher интригует против англичан и против Штейна. Это мое предположение³⁶⁸, но таковы взаимные чувства французов и англичан. Lévi прямо объявил, что он никогда ни с одним англичанином не будет говорить. И в Афганистане они добиваются как будто монополии, т.е. что на место, занятое французами для археол[огических] исследований, никто другой допущен не будет, особенно немцы и англичане; вот тогда, мне кажется, инициатор Browne, англичане подсунули Herzfeld-a, который, как будто приглашен парсами, приедет. Он уже уехал в Бомбей, там прочитает лекцию для парсов, поедет затем в Персию и Афганистан, вернуться хочет через Россию. Он заходил к Гринбергу, и об этом знает наше правительство. Вот бы Вам собраться!

³⁶⁷ Речь идет о книге: Цыбикив Г.Ц. Буддист паломник у святынь Тибета. Пг. 1919.

³⁶⁸ В письмах этого времени А. Стейн жалуется на интриги А. Фуше, из-за которых он не получил разрешения на археологические раскопки (см. J. Mirsky, ук. соч. стр. 410–411).

Прямо с места в карьер, если будете раздумывать, да обсуждать со всех сторон, то, конечно, никогда не уедете! А время идет...!

Отчета академического ни я, ни Гринберг, конечно, не получили, а как было бы важно его здесь иметь!

Относительно предложения (нрзб) печатать русские исследования, вероятно, Академия что-ниб[удь] постановила, мы здесь ничего не знаем! Harrasowitz предлагает печатать *anastatischen Druck** словаря Boethlingk-a³⁶⁹; ввиду того, что мое предложение о новом издании отклонено за недостатком средств, несомненно, Академия против этого ничего иметь не будет. Я в этом смысле напишу Harrasowitz-у, все долги ему я заплатил, он желает и впредь служить Академии, но для этого нужно, чтобы у Академии были самостоятельные кредиты. Марр рвет и мечет, что Академия ничего не посылает, зачем печатать, если никому не давать читать!

Надеюсь получить в Stockholm-e Bibl[iotheca] Buddhica.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 93.

*Репринт, фотомеханическое издание (нем.).

№65

[Б.д. январь-февраль 1923 г., Стокгольм]

Дорогой Сергей Федорович,

Раз Вы пишете, что со Швецией обмен налаживается, прошу, умоляю, пришлите мне, наконец, 3 полных экземпляра Bibl[iotheca] Buddhica. Это мне дозарезу нужно, я много раз писал, я поставлен в самое неловкое положение, я обещал категорически достать, получил за это вперед много книг. На Bibl[iotheca] Buddhica есть действительный спрос, мне перестают верить, с усмешкой говорят, что надеются получить. Помогите мне выйти из этого положения. Самое лучшее послать на имя Керженцева в Стокгольм, я уже от него получу, нечего даже говорить, что это для меня, это разумеется само собой, послать можно курьером. Твердо надеюсь, что Вы мне поможете выйти из положения. Если можно, то присоеди-

³⁶⁹ Репринт Малого Петербургского словаря санскрита О. Бетлинга был издан в 1923–25 гг. в Лейпциге. Дополнительный (8-й) том был подготовлен Р.Шмидтом (1924–28).

те 1 экземпляр большого и 1 малого с[ан]скр. словаря³⁷⁰. Это все вернется Академии сторицей. Ведь имейте в виду, я не имел из кредитов по Наркомпросу³⁷¹ ни копейки, все только случайные подачки, которые нужно было расходовать второпях, чтобы потом просить еще, много книг и нужнейших я не приобрел, т[ак] к[ак] на месте не было, а заказать при неизвестности, кто и когда будет получать, было нельзя. А как работать без книг? В Индии выходит очень много весьма важного, по философии, археологии, истории и пр., а как сделать, чтобы получить? Единственная возможность воспользоваться Лондонским представительством и иметь кредит на имя Академии. Если будет кредит, то все же можно что-нибудь делать, иначе я не вижу основания для оптимизма. Итак, надеюсь, что пришлете 3 экз[емпляра] Bibl[iotheca] Buddhica в Стокгольм на имя Керженцева.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 189.

№66

15/II.1923

Ansbacherstr. 29 (bei Liebenthal)

Дорогой Сергей Федорович,

Из Лондона почтовыми пакетами 16 декабря 22 г. и 7 февраля 23 г. посланы книги и журналы, в том числе период[ические] издания по математике и естествознанию, все англ[ийские] журналы по Востоку, и разных книг, преимущественно по с[ан]скриту: журналов 11 названий, [книг] 90 названий. Но это еще, судя по списку, не все, что я заказал, а некоторые книги, по-видимому, попали случайно, помимо моего заказа, каким-то непонятным образом. Обращаю внимание на журнал The Indian Review, это т[ак] сказ[ать] «Русская Мысль», таких журналов развелось там несколько, и интересно за этим

³⁷⁰ Речь идет о знаменитых «Петербургских словарях» санскрита, составленных О. Бетлингом и Р. Ротом (Большой санскрито-немецкий словарь) и О. Бетлингом (Малый санскрито-немецкий словарь). Они были изданы Академией наук, и экземпляры их еще хранились на академическом складе.

³⁷¹ До 1925 г. Академия наук состояла в ведении Наркомата просвещения.

следить. Должна быть Suśruta-saṃhitā³⁷² и ее английский перевод и Yoga-vaśiṣṭa³⁷³ перевод в 3-х томах, за первую заплачено 6 ф., за вторую 8 ф., этих книг нигде нет. Ray, Hindu Chemistry³⁷⁴ я купил для себя, т[ак] к[ак] в Музее, вероятно, есть (Вернадский читал, след[овательно], я заключаю, что должно быть). Здесь приезжающим профессорам ассигнуется некая сумма для пополнения собственной библиотеки и я, конечно, этим воспользовался.

9–11 апреля будет здесь съезд D[eutsche] M[orgenländische] G[esellschaft]*. Очень бы желательно, чтобы Вы сюда приехали. Хотя Вы настроены очень оптимистично, однако я не вижу, как можно продуктивно работать без книг и сношений. Индия очень много работает, между тем вы совершенно от нее отрезаны и не знаете, что там делается.

Я сказал Lüders-у, что твердо уверен, что Вы приедете, т[ак] к[ак] я буду к тому времени уже в Петрограде³⁷⁵. Lüders спрашивал меня и насчет обмена. Я ему сказал, что Вы мне пишете, что с Германией «налажено». Но что это так, к сожалению, из письма Вашего не видно, а книги-то не получаются. Ведь многие хотят купить наши книги, я все утешал их, что это возможно, а теперь вижу, что это невозможно. Гринберг говорил, что мы должны сдать это дело частному предпринимателю, напр[имер], Nagrasowitz-у и он уже будет рассылать. Я думаю, другого выхода нет. Вы видите сами, дело не движется, а Nagrasowitz все устроит. Твердо надеюсь получить в Стокгольме мое «Чужое одушевление» и 3 полных экз. Bibl[iotheca] Buddh[ica].

Ваш Ф. Щербатской.

Рис Дэвидс умер с месяц тому назад³⁷⁶, очень он долго страдал. Тело было сожжено.

Ожидаю Вашего ответа насчет anastatische Auflage** с[ан]скр. словаря.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 94–95.

³⁷² Сушрута-самхита — санскритский медицинский трактат (5 в.).

³⁷³ Йога-вашиштха — раннесредневековое санскритское сочинение по философии веданты.

³⁷⁴ P. Ray, History of Hindu Chemistry, v.1–2, Calc. 1902–25.

³⁷⁵ Разрешение награничную командировку С.Ф. Ольденбурга, очевидно, зависело от возвращения его коллеги в Советскую Россию.

³⁷⁶ Т.В. Рис Дэвидс умер 27 декабря 1922 г.

*Немецкое востоковедное общество (нем).

**Репринт (нем.).

№67

[Б.д., начало утеряно.

Берлин]

на днях выезжаю в Стокгольм. По поводу анастатич[еского] переиздания Бэтлинга Haggasowitz спрашивает, сколько экземпляров еще осталось отдельных томов. Вообще я убедился, что организации информации по Индии у Haggasowitz-а идеальна. В India Office и British Museum и десятой доли того не знают, что есть у Haggasowitz-а. А казалось бы, анг[личана]м ли не знать, когда они по закону должны получать каждую выходящую в Индии книгу. Повторяю самые нужные вопросы, на кот[орые] не получил ответа:

1) Thomas спрашивает о судьбе рукописей, посланных для Миронова,

2) ---- каталога рукописей ----

3) Из Бенареса требуют возвращения MSS* Nyāyakaṇikā, из Университета.

4) Нужно ли требовать от Walleser-а возвращения тома Данжура?

5) Есть ли еще у кого тома нашего Данжура за границей?

6) Съезд D.M.G. будет 9–11 апреля [1923 г.]

7) Я Вас записал членом нового Deutsche Morgenländische Gesellschaft и заплатил за Вас взнос, Вы получите журнал.

8) Le Coq дал мне для Вас свой том о скульптуре (цена 200 000 м.)

9) Надеюсь, разыскали три ящика из Лондона (посл[аны] июль, сент. и окт.)

10) 16 дек. и 2 февр. послано из Лондона почтой книг 92 назв[ания] и 16 журналов.

11) Глаголев ящики не взял, книги пойдут почтой.

12) Из Берлина уже послано несколько пакетов.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 184.

*Рукописи.

№68

21.2.1923

Ansbacher str. 25 [Берлин]

Дорогой Сергей Федорович,

Все о том же: мы здесь не можем вовсе понять, почему это Академия — несмотря на то, что получила на это большие средства и полную свободу действий — ничего не посылает. Вначале я говорил, вот придет, будет присылать и т.д., а теперь уже боюсь что-либо говорить и только пожимаю плечами! Особенно смутило здесь письмо за подписью Карского, где прямо отказывают во всяком содействии к получению книг³⁷⁷. Я дал Людерсу адрес Гринберга, и он хочет сам к нему сходить. Я должен был сознаться, что все мои письма оставались без результата и в большинстве без ответа. Но выяснилось вот какое обстоятельство: здешний магазин «Москва», принадлежащий ловкому спекулянту Заксу, доставляет вам любое академическое издание за соотв[етствующую] цену! Очевидно, у Вас на складе что-то неладно, практикуется широкое воровство и саботаж. Необходимо проверить наличность склада и найти виновных. Вам, вероятно, дорогой Сергей Федорович, очень неприятно будет это прочесть, но я предпочитаю сказать прямо то, о чем тут все между собою говорят. Гринберг хочет испробовать последнее героическое средство: послать Академии валюту, деньги, т.е. поставить дело на коммерческую ногу. Если эти предположения несправедливы, то, очевидно, есть что-то такое у вас, чего здесь никто понять не может, ни немцы, ни русские!

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 96.

---

³⁷⁷ Вероятно, речь идет об отрицательном ответе Академии (2 декабря 1922 г.) на письмо председателя Заграничного бюро Наркомпроса З.Г. Гринберга по поводу организации книгообмена при посредничестве Союза Германских Академий и высших школ (см. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925), Л., 1968, с. 388–389).

№69

[Фрагмент письма, Б. д., начало 1923 г., Берлин]

По Вашей телеграмме Гринберг немедленно заплатил за атлас 900 000, хотя денег у него теперь мало. Вы видите, какой это золотой человек. Нужно пользоваться его готовностью помочь, а не посылать ему (нрзб), какой был в бумаге за подписью Карского (я уверен, что Вы в этом письме не повинны).

Le Coq выпустил чудный том снимков скульптуры, один экземпляр он мне передал для Вас. Турфанский музей возбуждает здесь всеобщий восторг своим сказочным богатством, критика умолкает, англичане и даже французы восторгаются. Я в этом ничего не понимаю, но смотрел с удовольствием. Они наполняют все новые и новые залы. Если они много разрушили, как Вы говорите, то, очевидно, и много спасли. Грюнведель плох, очень хотел бы приехать в Россию. Гринберг согласен помочь на переезд, но где он мог бы жить? Мамаша пишет, что у меня немыслимо, квартира не отремонтирована, и будет тяжело с продовольствием и прислугой. Le Coq и Müller продолжают его травить, и если его не вырвать из этой обстановки, то он погиб.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 185.

№70

[Б.д. февраль 1923 г.]

Berlin, Ansbacher str. bei Scharren

Адрес: Stockholm, Klara-vaestra-Kyrkogaten 9, Eselte

C/o Lieutenant G. Lindgren

Дорогой Сергей Федорович,

Очень благодарю за подробное письмо, жду с нетерпением Вашего отчета. Очень рад, что удалось выпустить Вам больше 100 томов, и ужасно хотелось бы получить в Стокгольме, кроме отчета, мое «чужое одушевление». Вы обращаете мое внимание на то, что условия работы в России гораздо труднее, чем за границей. Это так, но не всегда, напр[имер], если посылать книги в Академию, а без книг, по-моему, работать нельзя и смысла не имеет — то здесь приходится возиться и хлопотать, я уверен, ничуть не меньше, чем у вас, а пожалуй, что больше. Ни Марр, ни Бартольд не хотели посвятить этому

делу ни одного дня, они заняты только своими работами. Бартольд, кажется, даже остался мною недоволен, когда я ему написал, что от Гринберга в Лондон поехала Ферингер для покупки книг, и он через нее может приобрести литературу по мусульманству.

Ему, впрочем, вероятно, хорошо в Лондоне живет, Росс мне пишет, что он ему достал уже 150 ф. ст. и надеется достать еще. Brownie предложил ему издать P[ашид]-уд-дина, о чем Вы, вероятно, знаете. Я ужасно рад за него, что он попал в Англию и желал бы, чтобы он побольше там прожил и поработал. К сожалению, надеяться, чтобы он что-нибудь сделал для других, нельзя.

Марр, кажется, еще в Париже, ждет визы в Испанию. Относительно «яфетической» теории, если я Вас понял, то я согласен, пусть собирают факты и дают материал, но трубить об «открытиях» и всем том, что прячется за фразами «яфетологии», — становится неловко, особенно после выступления Брауна. Никто на его брошюрку из лингвистов не отозвался! Все, имеющие суждение, считают это не только не наукой, а сумасбродством. W. Schulze мне сказал: *est ist ungeheuerlich!* [R.] Thurneysen: «*es ist verrückt*»³⁷⁸, Meillet с Марром об его теориях вовсе не говорит, считает их совершенно сумасбродными. Загадкой, конечно, является, каким образом Браун оказался вдруг совращенным, но W. Schulze мне говорит, что такие случаи бывали. Языкознание такая наука, где рецидив, как из химии в алхимию, возможен, но Академия обязательно должна себя от этого отмежевать.

О Grünwedele я уже Вам писал, очень хорошо было бы привезти его с собой в Россию, как Вы думаете, можно было бы его там устроить?

Относительно книг: из Лондона я отправил до марта 1922 24 ящика и 6 пакетов, кот[орые], как пишет Алексеев, все пришли. После того 1 ящик 17-го июля 1922, в нем Serindia и др.

— 19 сент. A. Stein, Thousand Buddhas³⁷⁸; Encycl[opaedia] Hastings и др.

— 1-11 окт. Гл[авным] обр[азом], французские книги.

³⁷⁸ Stein M.A. The Thousand Buddhas. Ancient Buddhist Paintings from the Cave-temples of Tun-huang. L., 1921.

Все книги отправлены прямыми пароходами на Петроград 7-го июля и 9-го сентября to the address of the Representation of the Foreign Office, Petrograd, for Academy of Sciences, Oldenburg^{***}, а 11-го октября — to the address of the Voluntary Fleet for the Academy of Sciences (Oldenburg)^{****}. В Лондоне лежат еще ящик или два ящика, о посылке которых я еще известия не имею, т[ак] к[ак] Наркоминдел отказался служить пересылочной конторой, и они в Лондоне еще не решили как будут посылать, б[ыть] м[ожет] дождут парохода, а м[ожет] б[ыть] пошлют почтой.

Я Вам писал, что здесь получили от Академии бумагу за подписью Карского, которая истолкована была в том смысле, что Академия не особенно довольна действиями делегации Наркомпроса. Писать такой бумаги, по-моему, не следовало, а следовало бы добиться особого представителя Академии и возможности самостоятельных заказов. Я посылал Вам предложения Geuthner-а и Luzac-а, на которые, к сожалению, никакого ответа не последовало. Отсюда скоро начнутся отправки немецкой литературы по Востоку, почтовыми посылками, большинство книг и в двух экземплярах, как Вы увидите. Второй экземпляр предназначался для университета. Об истории этого заказа я писал: сначала Внешторг обещал деньги, потом отказал, затем я перед отъездом в Лондон подал список в представительство и оттуда, вероятно, дан был приказ приобрести по два экземпляра, но потом дело забылось и затерялось. Браун, которому я писал о нем много раз, ничего решительно не мог распутать, только еще больше запутал. А когда я сюда приехал, нашел книги в ящиках затерянными в подвале. М[ежду] пр[очим], тут и экз[емпляр] J[ournal of the] R[oyal] A[sianic] S[ociety] за 1919, что в Англии я купить не мог, он теперь уже библиогр[афическая] редкость. Как быть вперед? Можно ли надеяться получать книги? Будут ли кредиты? Выходит, что при централизации Академия должна иметь здесь кого-нибудь, иначе все расхватают.

Крепко надеюсь, что Вы пришлете мне Bibl[iotheca] Buddh[ica] на имя Керженцева в Стокгольме. Иначе буду в очень неловком положении.

Французские издания за 1922-й год заказаны и начинают исполняться. Я написал Guethner-у, что его список утвержден

и кредиты Гринберг отпустил. Занимается этим Mine Kastner³⁷⁹, 17, Rue d'Astorg, она сообщает, что уже начала отправку книг почтой. Я также написал Guethner-у, что Академия надеется с будущего года вступить с ним в сношения непосредственно. Он также просит Bibl[iotheca] Buddh[ica]. Итак, надеюсь твердо в Стокгольме получить книги.

Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 153–154.

*Это чудовищно (нем.).

**Это сумасбродство (нем.).

***На адрес представительства Министерства иностранных дел (Великобритании), Петроград, для Академии наук, Ольденбургу (англ.).

****На адрес Доброфлота для Академии наук (Ольденбургу).

№71

9.03.1923

[Петроград]

Дорогой Федор Ипполитович,

Наконец мне удалось устроить отправку Вам Bibl[iotheca] Buddh[ica] и «Одушевления». Сперва хотели миллиарды, которых у меня не было, и это задержало отправку. Я усиленно хлопочу в Москве об ассигновании денег, как в прошлом году, когда мы смогли послать немало ящиков с книгами в Германию и Америку. Мы заготавливаем большие отправки, но что удастся реально отправить, зависит от ассигнований. Вы от всего этого отвыкли, занимаясь науками и книгами. Мы, к сожалению, стоим близко к делам и видим и чувствуем все задержки и осложнения. Мы просим Вас ехать в Берлин, мне раньше июня не вырваться из-за академических дел, а Вам немного задержаться нетрудно. Скорблю, что нет до сих пор текста Kauçilīya — прочитал большую литературу, видел отрывки, но всего текста не мог еще прочесть. Умоляю о полном тексте.

Завтра напишу, сейчас очень торопят. Ек[атерина] Апол[ли-
нариевна] здорова, не торопит Вас, но будет рада, как и мы.

Всего хорошего.

Пр[еданный] Вам Сергей Ольденбург.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 8.

³⁷⁹ Очевидно, Э.К. Кестер (E.C. Kester) — сотрудница представительства Аркос в Париже.

№72

25. III.1923 [Берлин?]

Stockholm, Westmanna-gatan 84 II*

Дорогой Сергей Федорович,

Наконец, получил известие о прибытии книг, ужасно благодарен. Думаю всю партию послать в Индию, в Европу разослать случаи будут.

Пришлите мне, пожалуйста, от Академии продолжение отпуска до 15-го мая, на всякий случай, может понадобится при обратном въезде.

Раз Вы будете в Европе в июне, постарайтесь, во что бы то ни стало, чтобы Вам перевели кредит на покупку книг хотя бы небольшой, в золоте, на Лондон. Если Вы в Москве хорошо раз узнаете, каким путем это делается, тогда, вероятно, это не трудно. Красин сейчас в Москве, попросите лично, сделает для Вас моментально. В Берлине пока Гринберг, он все сделает (Удивительно хороший человек. Чем больше я его знаю, тем более убеждаюсь, что таких людей мало, да еще и есть ли?). Но в Лондон нужно кредит из Москвы, там книжным делом заведуют Каменецкий и Штернберг (англичанин), очень толковые люди, им можно поручить выписать что угодно и из Индии. Вы приедете ненадолго, подготовьте себе почву, чтобы в короткое время что-либо сделать.

Вышла масса книг, особенно по искусству, а также по bhakti³⁸⁰. Если Тубьянский будет писать о современных религиях для сборника, то хотелось бы, чтобы это не было на основании старого материала. Kauṭīliya вышло в Mysore S[anskrit] Series³⁸¹, я их выписывал два раза, второй заказ еще лежит в Лейпциге, у Гринберга нет денег, чтобы выкупить, это ведь в золоте. Вышло в Индии два перевода, я их заказал, но не получил.

³⁸⁰ Течение в индуизме, придающее особое значение безусловной преданности Господу.

³⁸¹ «Артхашастра» была впервые издана в Майсоре в 1909 г. Р. Шамаштраи, его же английский перевод в 1915 г. в Бангалоре, в 1923 г. перевод на хинди П.Н. Видьяланкара (Лахор). С.Ф. Ольденбург проявлял большой интерес к этому памятнику и планировал перевести его, что и было осуществлено С.Ф. Ольденбургом, Ф.И. Щербатским, Е.Е. Обермиллером и А.И. Востриковым (Артхашастра или наука политики, М.–Л., 1959 г.).

Книги Sarkar³⁸²-а, исследования по этому предмету (Sacred Books of the Hindus, Allahabad), я приобрел.

Написали ли в India Office (Undersecretary of State in council) благодарность за Serindia? Наверное, нет! Тут во всей Германии нет ни одного экземпляра, а я приобрел 3.

— а также в R[oyal] As[iatic] Society за Journal? Пошлите им обоим Цыбикова, будет хоть маленький знак внимания! Томас все спрашивает о судьбе рукописей и каталога будд[ийских] рукописей, посланных для Миронова, ответа не имел я. Вы пишете, что послали в Германию немало ящиков в прошлом году. До сих пор никто ничего не получил. Lüders вопиет. Написали ли о посылке? Вероятно, нет! Кстати, отчего не выбрали Lüders-а чл.-корр[еспондентом]³⁸³? Жаль, что не прислали Le Coq-у своего отчета³⁸⁴. Пошлите непременно через герм[анского] консула, он его предупредит.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 97.

*Видимо, указан будущий адрес.

№73

[Б.д. март 1923 г. Стокгольм]

Дорогой Сергей Федорович,

Получил книги, большое спасибо, только что на титуле не напечатали Saṃtāpāntara и не отделили общего введения к серии от введения к I вып., и вообще нигде не проставили, что это первый выпуск, всякий вправе подумать, что вся серия³⁸⁵ заключается в одной книжке! Но, во всяком случае, я очень рад и прочитал с удовольствием. Немецкий перевод

³⁸² Б.К. Саркар индийский социолог и политолог. В указанной серии (т. XVI) он опубликовал книгу: The Positive Background of Hindu Sociology, Calc. 1914. См. его же книгу, основанную преимущественно на «Артхашастре»: The Political Institutions and Theories of the Hindus, Lpz, 1922. С.Ф.Ольденбург хотел ознакомиться с работами Б.К. Саркара в связи с интересом к «Артхашастре».

³⁸³ Г. Людерс был избран иностранным чл.-корр. 6.12.1924 г.

³⁸⁴ Русская туркестанская экспедиция 1909–1910 года. Краткий предварительный отчет составил С.Ф. Ольденбург. СПб., 1914 г.

³⁸⁵ Серия «Памятники индийской философии», действительно, завершилась на первом томе.

моего Дармакирти печатается с моим послесловием; французский перевод будет печататься в июне.

Из бумаг узнал, что у Вас имеется целое бюро по обмену изданиями³⁸⁶! Очевидно, обмен состоится! Эту присылку поэтому я хочу целиком отправить в Индию, т[ак] к[ак] в другие страны Вы «налаживаете». Но вот что меня смутило: Вы пишете, что послали «немало ящиков» в Германию еще в прошлом году! Никто ничего не получал! Что сие значит? А между тем было столько случаев: немецкий Красный Крест предлагал услуги, консул тоже, наконец, проф. Глаголев часто ездит и провозит что угодно! Где же эти Ваши ящики? *naivāṇimagacchan nāntaṇkṣaṇ diṣaṇ na kāṃcid vidiṣaṇ na kāṃcit | sāḥṣādeva nīrvāṇamahyucetam!** Pelliot также писал мне, что письмо Ваше получил, а книг, которые Вы якобы послали, не получил. Он едет «в Южную Америку», пропаганда!

А как насчет продолжения печатания Bibl[iotheca] Buddhica? «Налаживается» ли оно? Учреждено ли соотв[етствующее] бюро? Шутки в сторону! Если скромничать, то ничего не будет, нужно учредить комиссариат по продолжению этого издания и печатать за границей!

А относительно с[ан]скр. словаря? Ведь в Берлине, наверное, будут спрашивать, что отвечать? Я думаю дать согласие на *anastatischen Druck*, если находятся издатели. Ведь если мы ничего не можем сделать сами, то зачем мешать другим?

Walleser, по-видимому, хочет присвоить себе том нашего Данжура, он отвечал мне довольно грубо! Французов Вы, вероятно, никого не застанете, летом они все разъехались для пропаганды. Во время войны учреждена была пропаганда, которая осталась и после войны, и оттуда ученые «почерпают». Какая грязная, жадная и глупая нация! К счастью для человечества она исчезает, но может еще много зла наделать, наводняя Европу чернокожими!

Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 188.

*Ни на земле, ни на небе, ни в той, ни в другой стороне — очевидно, они достигли нирваны (санскр.).

³⁸⁶ Бюро по иностранному книгообмену было утверждено Общим собранием РАН 14 октября 1922 г.

№74

10.4.1923

Berlin, Hotel Union

Königgratz str. 32

Дорогой Сергей Федорович,

вчера открылся Deutscher Orientalistentag*, съезд очень многочисленный, не приехал Якоби и вообще лица из оккупированной Германии, там жел. дороги заняты французами и бельгийцами, поэтому немцы путешествуют только на автомобилях, и Якоби боится, что, раз выехав, назад его не пустят; французы хотят закрыть Боннский университет и начинают с высылки неугодных профессоров. На конгрессе председатель [Ф.] Розен упомянул о тяжелых временах, но просил политики не касаться, и дух царит высоко-научный. Из отчета видно, что D[eutsche] M[orgenländische] G[esellschaft] находится в тяжелом финансовом положении, и тем не менее издает 4 журнала, издает Abhandlungen и некоторые из своих старых изданий воспроизводит анастатич[еским] способом, т[ак], напр[имер], появилось новое издание Alberuni³⁸⁷. Голландцы сделали значит. пожертвования в пользу D.M.G. и деньги эти из предусмотрительности, как большинство немецких капиталов, останутся в Голландии и долька % переводятся в Германию для оплаты текущих расходов. На первом общем заседании после текущих дел было два больших доклада, prof. [A.] Bertholet, Göttingen, о Ветхом завете как источнике для общей истории религий, содержал массу интересного, доказывающего как неумимо работает немецкая наука. Вчера был большой доклад Н. Ranke, Heidelberg, о гробнице Тут-анх-Аммона, ясный, обстоятельный, великолепно сказанный. Вообще Ассириология и Египтология, по-видимому, стоят теперь впереди других отраслей ориенталистики, по массе нового материала и возбуждаемого им интереса, почему и D.M.G. посвятил им особый журнал. Секции эти были наиболее многолюдными и блестящими. Lehman-Haupt³⁸⁸ говорил об эпиграфических результатах русских раскопок в

³⁸⁷ Chronologie der orientalischen Völker. Hrsg. von E. Sachau, Leipzig, Otto Harrasowitz, 1923.

³⁸⁸ См. прим. №62 к письму №14.

Ване, но мне не удалось быть на этом докладе. Некто К. Roth говорил о важности изучения армянского в связи с горскими кавказскими языками и требовал учреждения кафедр для такого предмета. Относительно яфетической теории нужно заметить, что после выступления Брауна она стала пользоваться покровительством археологов, пре-историков (Schuchardt³⁸⁹), но не лингвистов, которые, за искл[ючением] Сиверса³⁹⁰, относятся к ней весьма враждебно. Общее впечатление от конгресса то, что количество работы, исполняемой немцами, прямо необъятно, новые университеты, Гамбург, Кельн, Франкфурт, уже обзавелись восточными кафедрами, и, как всегда в Германии, где имеется профессор, имеются и приват-доценты, масса трудов не может быть напечатана, но уже то, что печатается, производит впечатление грандиозности. Теперь яснее, чем когда-либо, что немцы суть брахманы Европы и их систематический труд есть фундамент науки человечества.

Ф.Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 102 и об.

*Съезд немецкого востоковедного общества.

№75

12.4.23 [Берлин]

Об исчезнувших ящиках

Дорогой Сергей Федорович,

я писал и повторяю, что никаких ящиков в Германии не получено. Желательно было бы знать, каким путем Вы послали и отчего отклонили услуги как немецкого консула, так и немецкого Красного Креста. Вероятно, есть причины, о которых мы здесь не можем себе составить понятия. Очевидно, Вы послали через транспортное учреждение Наркомвнешторга, и очень м[ожет] б[ыть], что эти ящики ими куда-нибудь засланы или лежат в подвалах, или расхищены, что также бывает. Если Вы послали в прошлом году, то ведь естественно

³⁸⁹ Шухардт Г. (1842–1927) — австрийский лингвист, специалист по языку басков.

³⁹⁰ Сиверс Э. (1850–1932) — немецкий лингвист — германист и компаративист.

было бы Вам получить ответ или побеспокоиться о том, что ответ не получен, следовательно, и посылки не дошли. Я постараюсь поискать здесь в подвалах Внешторга, а Вы, со своей стороны, дайте тому же здешнему Внешторгу (транспортный отдел) телеграмму. Между тем Эрмитаж состоит в обмене с некоторыми здешними музеями, и даже пригласил к себе кое-кого (имя не удержал), кто летом собирается приехать. Этот факт тоже меня поразил. Lüders думает, что все дело проваливается потому, что предлагаются различные способы и, в конце концов, ни на одном не останавливаются. Но Вы ведь, очевидно, на каком-то способе остановились. То, что я получил в Стокгольме, я хочу послать в Индию (все).

О словаре Бэтлингга

(второй раз!)

Naugasowitz хочет издать словарь (большой), но сначала хотел бы знать, сколько экземпляров большого и малого у нас осталось.

Племянник покойного Бэтлингга в Лейпциге заявляет право собственности на этот словарь. Но Lüders не хотел бы начинать дело без разрешения Академии. Если никакого ответа от Академии не будет, то, вероятно, это молчание, в конце концов, будет сочтено за равнодушие.

Я уже писал, что, по-моему, нужно горячо пойти навстречу, во всяком случае, не тормозить. Если племянник Бэтлингга что-нибудь получит, то Бог с ним! Но нужно, чтобы одна из лучших всемирных заслуг нашей Академии осталась за нами. Нужно сделать второе издание и дополнительный том, в котором приняли бы участие все выдающиеся санскритисты. На это предприятие нужна сумма денег в распоряжение комитета (я предполагаю 2 комитета, один русский под Вашим председательством, и один европейский с Lüders-ом или Якоби как председателем), для начала достаточно 3000 фунтов, сумма пустяшная, если есть желание, чтобы великое дело было сделано.

Для памяти

Следующий Orientalistentag D.M.G. в München-е осенью 1924-го года. Предпринять шаги для широкого участия с нашей стороны.

Прием новых членов: Genthiner str., 38, секр[етарь] Dr. Lüdtkе.

Я записал 4 членов: Марр, Бартольд, Ольденбург, Щербатской. Очень было бы желательно явиться на след[ующий] Orientalistentag в большом числе для контактов с живительной силой немецкой науки.

Столетие R[oyal] A[sianic] S[ociety] — в июне в Лондоне.

О др. Г.Кербер-е

Dr. Hans Kaerber (Tibetologe) Stralsund, Knieperdamm, 1

Автор Tibetische Morphologie, диссерт[ация], удостоившаяся весьма лестного отзыва со стороны Conrady³⁹¹ и давшая ему степень. Был в Тибете, Монголии, военнопленным в России, рекомендован мне Schrader³⁹²-ом и Strauss³⁹³-ом, человек ученый и предприимчивый, для нас настоящий клад. Гринберг телеграфировал Козлову, не возьмет ли он его в экспедицию³⁹⁴.

Горячо поддерживаю это, и, надеюсь, Вы, со своей стороны, делаете все возможное. На путешествие до России Гринберг средства дает.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 98–98 об.

№76

13.4.1923

Berlin, Hotel Union

Königgratz str. 32

Дорогой Сергей Федорович,

Вчера послал Вам письмо и несколько записок для памяти ввиду Вашего приезда. Дела здесь будет у Вас масса и надо хорошенько подготовиться. Вы приедете тогда, когда у Гринберга будут новые кредиты, и если приедете с готовым планом.

³⁹¹ Конради А. (1864–1925) — немецкий китаист, санскритолог и не-
палист.

³⁹² Шрадер О. (1876–1961) — немецкий санскритолог и буддолог,
профессор ун-та г. Киль с 1921 г.

³⁹³ Штраус О. (1881–1940) — немецкий санскритолог, специалист по
индийской философии, переведший книгу Ф.И. Щербатского
«Теория познания и логика по учению позднейших буддистов»
(1926).

³⁹⁴ Доктор Кэрбер в Монголо-тибетской экспедиции 1923–26 гг. не
участвовал.

— Вчера утром Le Coq нам подробно показывал турфанские коллекции, он был очень оживлен, рассказывал с большим интересом, делал массу гипотез совершенно свободно, т.е. не для печати, между прочим о западном происхождении китайского дракона, близкой связи древнего Китая и Запада, о юе-чи³⁹⁵, связи между формами (нрзб) — германской и ц[ентраль-]азиатской, о рембрандтовских костюмах и проч., и проч. Я не знал, что он так свободно может отдаваться фантазиям. Но ему и не трудно, т.к. у него в музее постоянно бывают все немецкие историки искусства, число которых нескончаемо, и в постоянном общении с ними из него развился интересный работник по искусству. Ужасно жаль его вражды к Grünwedel-ю, которая ничуть не улеглась, и бедного Grünwedel-я они выперли (как я думаю) из музея, хотя Grünwedel и говорит, что он очень рад.

Вчера я с Глазенаппом (очень живой, умный и прекрасный ученый, историк индуизма, джайнизма и современных языков, подерживающий деятельные сношения с Индией) посетил Грюнведеля. Последние его книги (Tusca³⁹⁶, Alt-Kutscha и др.) заставляли предположить, что он просто рехнулся на пункте тантризма. Но лично он произвел на меня очень хорошее впечатление, он еще вполне свеж и работоспособен. Но, мне кажется, нуждается крайне в перемене обстановки. О путешествии в Италию, или даже в Мюнхен — ему нельзя и думать. Он, видимо, очень хочет приехать в Россию. Гринберг даст денег на его путешествие, но жить он мог бы только в Академии. У Вас, вероятно, это невозможно. Мамаша пишет, что и у меня совершенно невозможно, что только одна комната обитаема и что цивилизованного продовольствия нет и нет прислуги, т[ак] к[ак] Надя должна быть и на огороде, и в очередях, и за разными делами. Как Вы об этом думаете? Ведь здесь появился слух, что Вы будете приглашать ученых на 200-летие. Может быть, Вы бы устроили так Grünwedel-я? Я писал Вам о Kaerber-e, напишите или телеграфируйте о нем Козлову, он молодой, непритязательный человек, может жить с монголами по-монгольски, хороший тибетанист.

³⁹⁵ Юэ-чи — племена Центральной Азии, упоминаемые в древнекитайских летописях как создатели Кушанской державы.

³⁹⁶ Книга о дешифровке этрусского языка, опубликованная А. Грюнведелем в 1922 г.

Удивительно богата Германия научными силами, масса работников во всех областях! Сравните, что сделали французы со Страсбургом! Туда поехал Леви с 5-ю индусами для рекламы, пробыв 4 месяца, уехал обратно в Париж. Теперь не только в Страсбурге, но и в Париже нет вовсе санскрита. О словаре Бэтлингга писал. О страшной нужде в Bibl[iotheca] Buddhica тоже. О том, что ваши ящики где-то застряли, тоже.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 100.

№77

[Б.д., апрель 1923 г., Берлин]

Дорогой Сергей Федорович,

Сюда пришел к Гринбергу запрос от Краснощекова³⁹⁷: 1) какие учреждения занимаются в Германии китайским языком; 2) где находятся; 3) кто занимается; 4) и какой метод преподавания, теоретический или практический? Я отвечал: Conrady в Лейпциге, Franke³⁹⁸ в Берлине, Forke³⁹⁹ в Гамбурге и привдоц. Erkes⁴⁰⁰ в Гейдельберге, метод практический также применяется в Берлине и Гамбурге. Какие планы стоят в связи с этим запросом, Вы лучше знаете. Нельзя ли было бы использовать в связи с этим, как тибетологов: Грюнведеля и Каегберга, о котором я Вам писал.

— Я стараюсь все сделать, чтобы к Вашему приезду здесь была некоторая подготовка.

Немцы работают колоссально, в работе находят себе утешение, и хотя не все могут печататься, однако выходит масса литературы. Подумайте только, 22 кафедры санскрита, и везде приват-доценты! Кто может с этим хотя бы отдаленно сравниться. Секр[етарь] D.M.G. Dr. Lüdtke будет Вам писать насчет нового издания словаря Бэтлингга. Поддержите пред-

³⁹⁷ Краснощеков А.М. (1880–1937) — в 1922–26 гг. председатель правления Промбанка СССР.

³⁹⁸ Франке О. (1863–1946) — специалист по китайской философии, профессор Гамбургского и Берлинского университетов.

³⁹⁹ Форке А. (1867–1944) — немецкий специалист по китайской философии.

⁴⁰⁰ Эркес Э. (1889–1958) — китаист, ученик и зять А. Конради.

ложение Kaerber-а сегодня. Т[ак] к[ак] Walleser, по-видимому, хочет присвоить себе том Данжура, то я послал ему заказное письмо, в котором сообщаю, что Академия отклонила его просьбу о продлении пребывания у него этого тома, и я прошу его передать его в Preussische Staatsbibl[iothek]. Если на это не последует ответа, то через Lüders-а предприму официальные шаги.

В Лейпциге основана кафедра für indischen u[nd] ostasiatischen Buddhismus (проф. Weller⁴⁰¹), издал кит[айский] перевод Dharmasaṅgraha⁴⁰².

Не думаете ли Вы, что нам нужно образовать наше Азиатское общество, оставив за органом название Zapiski⁴⁰³, т[ак] к[ак] оно стало известным?

Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 183

№78

17.IV.1923

Berlin

Дорогой Сергей Федорович,

Я Вам уже несколько раз писал о словаре Бэтлингга, из Англии о том, что англичане хотели бы его переиздать и дополнить на английском языке. Я горячо поддерживал этот план, но Владимирцов мне сообщил, что Академия его отвергла, т[ак] к[ак] нет денег. Теперь немцы хотят переиздать его в Лейпциге. Племянник Бэтлингга заявляет какие-то права, Людерс говорит, что требуется согласие нашей Академии. Harrasowitz и D[eutsche] M[orgeländische] G[esellschaft] готовы начать переиздание, желают лишь знать, согласна ли Академия и сколько осталось экземпляров старого издания. Я от-

⁴⁰¹ Веллер Ф. (1889–1980) — специалист по буддийским текстам Центральной Азии, санскритолог, тибетолог, китаист, монголист, профессор университета в Лейпциге, сотрудничавший с А.А. Сталь-Гольштейном.

⁴⁰² Санскритский текст по буддийской догматике, приписываемый Нагарджуне (I в.).

⁴⁰³ В 1921 г. была образована Коллегия Востоковедов, издававшая «Записки Коллегии Востоковедов».

вечал — наугад — что малого словаря ничего не осталось, а большого приблизительно экз. 50–100. Это очень важный вопрос, т[ак] к[ак] опытные люди имеют в Японии, Индии и Америке гарант[ированную] сотню подписчиков, которые покроют своими взносами все издание.

Я уверял Lüders-a, Harrasowitz-a и [G.] Lüdtke (секр[етарь] D.M.G.), что Академия сама ничего сделать не может, т[ак] к[ак] не имеет денег и ее типография находится в хаотическом состоянии, но что она, конечно, при этих обстоятельствах не будет препятствовать распространению словаря Бэтлингга. Имеет ли какие права племянник Бэтлингга, я ответить не в состоянии. Если авторское право принадлежит Академии, то очень было бы важно об этом заявить, важно и в моральном, и в материальном смысле, возможно, что-нибудь за это получили бы, хотя книгами.

Еще, конечно, гораздо важнее издать добавочный том на таких же основаниях, как это было сделано с изданием всего словаря, т.е. образованием комитета, где бы все участвовали, и мы тоже. Какая задача более достойна Академии, чем эта! Неужели второе издание Бэтлингга выйдет безо всякого нашего участия?! Вы будете здесь летом и переговорите с Людерсом и Lüdtke.

Напоминаю, что Le Coq мне дал для Академии свой Buddhistische Spätantike⁴⁰⁴, скоро выйдет 2-й том, роскошные издания. Он просит взамен отчет о Вашем путешествии передать немецкому консулу.

Когда Вы приедете сюда, очень важно будет иметь полную осведомленность о всем выходящем. Подумать, ведь 22 профессуры санскрита и тьма приват-доцентов, и все работают. Ведь никто не может с этим сравниться.

Lüdtke будет Вам писать о словаре.

Я простудился, сижу дома, в пятницу еду в Стокгольм кончать печатание.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 101.

⁴⁰⁴ Le Coq, A. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, 6 Theile, B., 1922–28.

№79

20.4.23

Берлин перед отъездом

Адрес Stockholm, Westmannagatan 84

Дорогой Сергей Федорович,

Вчера видел Le Coq-a, er hat mir sein Herz ausgeschüttet*, он говорит, что в прошлом были недоразумения, причин тому было несколько, как научных, организационных, так и бывшее его убеждение, что Германия должна ориентироваться на Запад (почему у него и больше друзей между французами и англичанами, чем у других немцев). Он просит: let bye gone be bye gone!**. Давайте жить в дружбе, к тому более причин, чем можно охватить умом. Мне очень понравилась его искренность, я обещал ему написать Вам об этом и выразил свое глубокое убеждение, что Вы его поймете и отнесетесь к нему сочувственно, забудете все распри и обиды и отдадитесь всем сердцем будущему сближению русской и немецкой науки. Я не сомневаюсь, что в Ваш предстоящий приезд в Берлин Вы его поймете, а, поняв, и простите.

Ваш Ф.Щербатской.

1-й том *Buddhistische Spätantike* я передал в комитет для отправки, будет послано не раньше 1-го мая, когда почта будет принимать пакеты до 8 кило.

2-й том, который скоро выйдет, он вышлет Вам через немецкого консула и просит выслать Ваш отчет тем же путем.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 103 и об.

*Он излил мне свою душу (нем).

**Пусть прошлое останется в прошлом (англ.).

№80

30.4.1923

Stockholm, Westmannagatan 84

Дорогой Сергей Федорович,

Узнал некоторые подробности об экспедиции Herzfeld-a в Балх и спешу Вам сообщить. Его экспедиция идет под американским флагом, деньги дали частью американцы, частью парсы, а главные суммы — incredible*! — конечно, немцы! Заинтересовался сам Stinnes⁴⁰⁵ и неофициально поддерживает Herz-

⁴⁰⁵ Стиннес Г. (1870–1924) крупнейший немецкий предприниматель, «угольный король».

feld-a, так что его экспедиция, вероятно, будет с материальной стороны обставлена великолепно. Тот же Stinnes в числе своих бесконечных предприятий имеет русское издательство (фирма Девриена), в котором работает русский географ Беггров и он об экспедиции осведомлен. Foucher прошлой осенью фр[анцузская] Академия послала 20 000 фр., послала ли еще, не знаю. Он стремился заключить, и, м[ожет] б[ыть], уже заключил, договор с афганским правительством, на основании которого хотел получить монополию археологических раскопок для французов, но, по слухам, все-таки афганцы ввели условие, что если французы к известному сроку не начнут работ, то место может быть передано другим.

Herzfeld был в Бомбее, читал там, и в настоящее время добрался до Багдада, как и куда поедет дальше, держит в тайне. Вообще все дело ведется в тайне и, кажется, французы ничего не подозревают. Затеял все дело Browne и мне очень интересно, говорил ли он что-нибудь об этом Бартольд.

Неужели, дорогой Сергей Федорович, Вы не соберетесь в Балх?⁴⁰⁶ Я вполне понимаю все Ваши хлопоты на пользу Академии, но, право же, Вы в этом отношении сделали довольно! Вам, как и многим любящим свое дело, кажется, что кроме Вас никто не может его сделать. Но ведь рано или поздно придется же его кому-нибудь передать. А ведь если Вы упустите случай, то никогда уже Россия ничего из Балха не получит, у наших дверей все возьмут французы и немцы; англичане не возьмут только потому, что их не пускают. Вы, очевидно, не хотите отдать себе отчета в том, что не поехать теперь, значит никогда не поехать. Вы уже не молоды, учеников у Вас нет, вместе с Вами в России дело погибнет. А теперь такой случай, Вы встретитесь там с Foucher, которого Вы любите и с которым сталкиваетесь, у Вас набрался теперь уже опыт путешествий, и все это погибнет даром. Чего я вовсе не понимаю, это Вашего оптимизма: если положение, действительно, таково, что ничего нельзя сделать, что же значат Ваши слова о том, что мы возрождаемся и что идет настоящая, живая работа! Казалось бы, что если есть малейшая возможность работы, Вы должны ехать в афганский Туркестан, не откладывая ни

⁴⁰⁶ В экспедиции в Балх С.Ф.Ольденбург не участвовал (как и другие советские археологи).

одного дня. Еще время не ушло, не откладывайте ни минуты, и когда я приеду, то Вы на другой день уже отправляйтесь на Восток. *Un bon moment! n'est ce pas!*"

Преданный Вам Ф.Щербатской.

P.S. Из книг, посланных Вами в Германию и другие страны, ничего не пришло, все пропало куда-то. А между тем у здешнего археолога Арне⁴⁰⁷ я видел все новейшие русские издания. Он получает через Наркоминдел.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 104.

"Невероятно (англ.).

"Наилучший момент! Не правда ли! (фр.).

№81

12.5.1923

Stockholm, Westmannagatan 84

Дорогой Сергей Федорович,

Из письма [Ф.А.] Розенберга⁴⁰⁸ как будто заключаю, что каталог буддийских рукописей, одолженный India Office для пользования Миронову, пропал, в Музее его нет. Рукопись *Nyāyakaṇikā*, одолженная унив[ерситетской] библиотеке, также, по-видимому, пропала, т.к. никакого ответа нет, между тем Томаса я все обнадеживал, а Бенаресский Sanskrit College требует отдать очень настойчиво. Как выйти из этого положения, просто отмалчиваться дальше нельзя, предложить материальное возмещение что ли?

— Я, наконец, списался со вдовой Розенберга, книга Оттона Оттоновича будет ею переведена⁴⁰⁹, и Walleser напечатает ее как 3-й выпуск своих буддийских материалов. Англий-

⁴⁰⁷ Арне Т. (1879–1965) — шведский археолог, иностранный член-сотрудник РАО (1911), неоднократно участвовавший в раскопках в России.

⁴⁰⁸ Розенберг Ф.А. (1867–1934) иранист, сотрудник Азиатского музея и Эрмитажа, чл.-корр. РАН с 1923 г.

⁴⁰⁹ *Die Probleme der buddhistischen Philosophie von Dr. Rosenberg. Aus dem Russischen übersetzt von Frau E. Rosenberg, Heidelberg, 1924 (Materialien zur Kunde des Buddhismus, hrsg. von Dr. M. Walleser).* Английский перевод не появлялся. Письма Э.Ю. Розенберг Ф.И.Щербатскому опубликованы в кн.: Т.В. Ермакова, Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX века, СПб., 1998.

ский перевод я начал делать, за тот и другой обещают деньги. 1-й выпуск Walleser-a, их материалов, он мне прислал для Вас, я его послал на Академию, секретариат. Неужели Вы ему не ответили (Heidelberg, Goethestr. 12)?! Том Данжура, находящийся у него, он привезет в Берлин, и я сам привезу его в Петроград. Не получая от Вас никакого ответа, я был принужден ему ответить, что, по всей вероятности, о Bibl. Buddhica решено прекратить издание.

— Получили ли Вы мое письмо об экспедиции Herzfeld-a? Я уверен, что в душе Вы со мной согласны, и в то же время уверен, что Вы меня не слушаете — *on a souvent change une opinion, on a jamais change un vote**, а между тем ведь это совершенно необходимо, я не могу понять Вашего равнодушия, равнодушия, конечно, не абсолютного, но равнодушия сравнительного. Вы Ваши секретарские обязанности ставите выше. Но м[ожет] б[ыть], действительно, я отсюда плохо себе представляю положение.

— Например, из мамашиных писем заключаю, что в квартире кто-то поселен, что имеется только одна свободная комната, сами эти поселенцы люди незнакомые и неприятные, значит, прощай всякие мечты о спокойной работе; к тому же мамаша пишет, что ее лишили жалования. Ведь, когда я уехал, было условлено, что она будет получать половину, а мне другая половина выплачивалась здесь, правда, по теоретическому курсу. Мамаша пишет, что помещение Grünwedel-я у нас совершенно невозможно, у Вас, вероятно, также, и, вероятно, у Владимирцова, и я был немного опрометчив, пригласив его. М[ожет] б[ыть] Вы придумаете, куда его поместить, иначе придется «оттласить». А он, по-видимому, очень хочет, его положение, очевидно, сильно ухудшилось после того, как его выперли из музея, хотя он и уверяет, что ужасно рад, что не состоит больше на этой службе, но крайнее раздражение, с которым он говорит о музее, выдает его. Мне казалось, что его можно спасти или поставить его на время в другие условия, по золотому великому правилу *take a change***, он вполне еще свежий человек, но с пунктом!

— Кроме тома Данжура от Walleser-a, я хочу еще привезти Минаевские рукописи, у Poussin-a *Nāmasaṅgīti*⁴¹⁰, у Fuchs-a *Piṭa-*

⁴¹⁰ Махаянистский текст, посвященный именам Будд и бодхисаттв.

koradeša⁴¹¹ и у Грюнведеля Kālasakṛa⁴¹², все это может пригодиться для наших молодых людей. Удастся ли вытащить у Грюнведеля Kālasakṛa без приглашения его в Россию, не знаю.

— Вчера встретил Лунделя, опять жалобы, что не отвечают и не благодарят за присылку книг. Насчет книг из Упсалы знаю от Розенберга, что книги получены и переданы во 2 отд[еление], но, оказывается, добиться ответа офиц[иального] невозможно! Мамаша пишет, что, м[ожет] б[ыть], мы с Вами встретимся здесь, вот-то было бы хорошо! Как я этого ни желаю, все-таки не могу не повторять, что Ваш долг перед Академией ехать в Афганистан.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 105 и об.

*Нередко менять мнение, никогда — решение (фр.).

**Сменить обстановку (англ.).

№82

20.5.1923

Stockholm, Westmannagatan 84

Дорогой Сергей Федорович,

Получили ли Вы мое последнее письмо, где я послал Вам справку об отправке ящика с 100 экз. книги Kalgren-a Phonologie chinoise? Ящик попал в Наркоминдел, откуда его надо вызволить, вместе с другими ящиками. — Пишу теперь вот о чем: вдова О.О. Розенберга перевела на немецкий его «Проблемы» (я сам перевожу их на английский). Walleser (кстати, получили ли Вы выпуск его Materialien, я Вам пересылал, поблагодарили ли его? Адрес Heidelberg, Goethestrasse, 14) соглашается поместить в особый том своих Materialien, но просит, чтобы Академия подписалась на 100 экз[емпляров], следуя в этом традициям, как она переводила труды Васильева⁴¹³. Цена 10 м. (Grundsätzl.*); что Вы этому сочувствуете, я не сомневаюсь, что

⁴¹¹ Немецкий буддолог Р. Фукс издал этот текст в 1908 г., используя рукопись из собрания И.П. Минаева.

⁴¹² Тибетский перевод «Калачакратантры» — одного из важнейших текстов эзотерического буддизма (11–12 вв.).

⁴¹³ Васильев В.П. (1818–1900) китаист и буддолог, академик. Имеется в виду его книга Der Buddhismus, seine Dogmen, Geschichte und Literatur, Spb-Riga-Lpz, 1860.

Ваше сочувствие не будет платоническим, тоже. Луначарский, помните, очень ценил Розенберга⁴¹⁴.

Теперь, как достать деньги. Положение комиссии Гринберга, говорят, критическое, ей уже предлагают «свернуться», т.е., другими словами, нам предлагают вернуться к состоянию блокады, когда ни одного журнала, ни одной книги мы получать не будем. Залуцкий⁴¹⁵ добился от Красина согласия на продолжение существования комиссии, но кредитов еще нет и неизвестно, когда будут, так что положение комиссии ненадежное. Но все-таки вы напишите или протелеграфируйте ему. Я со своей стороны напишу. Но, кроме того, предпримите шаги у Луначарского и в Наркоминделе, будет *sambhūyakāritvaṃ phalavat*“.

Затем не напишете ли несколько строк о Розенберге, ведь Вы с ним работали и у Вас, наверное, найдется что сказать, я также⁴¹⁶, и Якоби напишет несколько слов, и это будет исполнением нашего долга перед покойным нашим товарищем. Твердо уверен, что вы поможете в этом деле.

Все поджидали от Вас письма, мамаша писала мне, что Вы собираетесь писать, как только вырешится время Вашего отъезда, и что, м[ожет] б[ыть], мы с Вами встретимся в Стокгольме. Типография задерживает с глоссарием, иначе было бы уже готово. Во всяком случае, ожидаю, что через две недели будет все готово, а уезжать, не увидев книги и не отправив

⁴¹⁴ В фонде С. Ф. Ольденбурга (СПб филиал архива РАН ф. 208, оп. 3, д. 353, л. 8) хранится записка А. В. Луначарского: «Я спрашивал Н. Я. Марра о Розенберге, ибо хотел бы поблагодарить за большое наслаждение, доставленное мне только что прочитанной книгой его о буддизме. Н. Я. ответил мне запиской на обороте. Передайте Отто Оттоновичу мое восхищение перед его трудом». На обороте записка Н. Я. Марра: «О. О. здесь, он большой, хотя и молодой ученый». Обмен записками мог состояться на открытии Буддийской выставки 24 августа 1919 года.

⁴¹⁵ Залуцкий Л. В. — сотрудник рентгенологического и радиологического института, член бюро Петроградской научной комиссии НТО.

⁴¹⁶ Ф. И. Щербатской написал небольшой биографический очерк об О. О. Розенберге, помещенный в качестве приложения к немецкому переводу лекции последнего о мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке (Rosenberg, Otto. Die Weltanschauung des modernen Buddhismus im fernen Osten, Heidelberg, 1924, с. 44–47). С. Ф. Ольденбург опубликовал некролог: «Памяти О. О. Розенберга. 1888–1920» в журнале «Мысль», Кн. 1, 1922, с. 157–158.

ее лично — боюсь; к тому же пароходные рейсы еще не налажены. Есть ли у Вас визы? Или Вы поддались на мои и Бартольда увещания и решили съездить в Афганистан! Вот-то было бы хорошо. Надеюсь, когда Вы что-нибудь решите, Вы не будете держать меня в неизвестности. Мамаша мне пишет, что Вы написали мне письмо 5-го мая, но я его не получил, а ее письмо от 11-го мая получил. Пишите Берлин, Lietzenburger, 11.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л.106 и об.

*Отпускная, то есть без торговой наценки (нем.).

**Совместный труд плодотворен (санскр.).

№83

[Фрагмент письма. Б.д. Весна 1923 г., Стокгольм]

Печатание грамматики в таком положении, ожидаю со дня на день последи[ую] корр[ектуру] 6-го и 7-го листа, после чего идут два глоссария, с[ан]скр[итско]-русский — прошла 1-я корректура, русско-с[ан]скр[итский] ожидается, потребуется 2-я корректура. Все непременно должно быть окончено к концу месяца, обещали к 15-му, но не одна академич[еская] типография обманывает! Книжка будет переплетена в простой коленкоровый переплет и украшена виньеткой Ганеши, которую я взял у Лекко с манихейской миниатюры. Хотелось бы увидеть книжку готовой и отправить при себе, иначе могут случиться недоразумения при расчете с типографией. От кредита ввиду того, что тибетская грамматика не печатается, останется кое-что, что я стараюсь обеспечить за Академией, чтобы можно было тут что-ниб[удь] печатать и в будущее время, напр[имер], Bibl[iotheca] Buddhica.

Свою лондонскую книгу, заглавие The Central Conception of Buddhism, отослал на прошлой неделе в Лондон указатели, и надеюсь тоже увидеть ее перед отъездом. Якоби уже видел в корр[ектуре] и будет писать о ней рецензию в Z[eitschrift der] D[eutschen] M[orgenländischen Gesellschaft]. Мой Дармакирти⁴¹⁷ печатается в Мюнхене, и к нему я прибавляю главу, фран-

⁴¹⁷ Stcherbatsky Th., Erkenntnistheorie und Logik nach der Lehre der späteren Buddhisten. Aus dem Russischen übersetzt von O. Strauss, München, 1924.

цузский перевод⁴¹⁸ будет печататься в мае, т.е. должен бы начаться теперь, таким образом я буду сразу печататься в 5 городах на 4-х языках!

Но дорогой мой Сергей Федорович, боюсь Вам надоедать, но неужели Вы так и не поедете в Туркестан! Подумайте, ведь там был Кирополь, там была Александрия, там был роскошный буддизм! Неужели это Вас не привлекает, ведь это у наших дверей, Вы в поезде доедете до Термеза. Подготовьте себе хоть какого-нибудь ученика и поезжайте сразу. Do it now!* Неужели опять все будет увезено в Париж и Берлин и нам останется только руками разводиться! Вы сами про себя пишете, что считаете себя человеком энергичным, отчего же такое кунктаторство и такая нерешительность. Простите крик наболевшего сердца, м[ожет] б[ыть], я не понимаю Вашей психологии и обстоятельств, но так дело представляется со стороны⁴¹⁹.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 187.

*Сделайте это прямо сейчас! (англ.).

№84

11.6.1923

Brandenburgische str. 24

Дорогой Сергей Федорович,

Если это письмо Вас еще застанет, захватите для Lüders-a 1 экз[емпляр] *Mādhyamakavṛti*, изд. Poussin, у него нет, и я не мог ему уделить. Для англичан не забудьте Цыбикова. Бартольд мне ответил за Вас насчет Ваших сомнений по поводу возможности получения денег на афганистанскую экспедицию, но если Золотарев⁴²⁰ получил, то отчего же Вам не получить, хотя

⁴¹⁸ Stcherbatsky Th., La théorie de la connaissance et la logique chez les bouddhistes tardifs. Tr. par Mme I. de Manziarly et Paul Masson-Oursel, P., 1926.

⁴¹⁹ В дневнике Е.Г. Ольденбург характерная запись: «Ужасная трагедия, что жизнь общественного и государственного работника губит и убивает в нем ученого!» (СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 2, д. 56, л. 59).

⁴²⁰ Вероятно, Золотарев Д.А. — этнограф, руководитель Европейского отдела КИПС (комиссии по изучению племенного состава России).

бы в скромном размере? Лекок теперь директор индийского отдела, хотя ohne Gehaltserhöhung". Ему Вы привезете Ваш Турфанский отчет. Его Spätbuddhistische Antike до сих пор не уехала, я сам повезу, по почте нельзя было послать из-за большого размера. Козлову написал, чтобы взял с собой молодого, предприимчивого и интересного тибетаниста Körber-a, подержите, если будет возможность.

Теперь о словаре Бэтлингга. План нового издания (английского) отклонен, как я узнал от Марра и из письма Владимирцова. Но я уже писал Вам, что Harrasowitz хочет сделать einen anastatischen Druck. Он только что таким путем переиздал Kāṭhaka- и Maitrāyaṇīsaṃhita⁴²¹, и вышло великолепно. Я сказал Lüders-у, что вряд ли наша Академия будет возражать. Но Harrasowitz-у желательно знать, сколько старых экземпляров у нас осталось. Я сказал, что kürzere Fassung⁴²² — ничего, а большого около 100 экз., не ручаясь за точность. Но необходимо будет издать Ergänzungs-Band⁴²³, в котором будут: 1) соединены дополнения из разных частей старого словаря; 2) помещены новые слова из вышедшей после литературы; 3) словарь шастр и технич[еской] литературы, которые у Бэтлингга не затронуты. Как видите, том выйдет порядочный и потребует громадного труда и некоторых денежных средств. По изданию его нужно будет организовать 2 комитета, русский и иностранный, Lüders был бы председателем последнего, а Вы — русского, в качестве редактора мы с Lüders-ом перебирали кандидатуры: Simon⁴²⁴, R. Schmidt⁴²⁵, молодой Zimmer⁴²⁴, Schubring⁴²⁵. Lüders еще хотел подумать. Как необходимый Beitrag⁴²⁶ со стороны нашей Академии я назвал сумму 5000 зол. рублей, нечто даст и немецкое правительство и, я уверен, India Office.

⁴²¹ Тексты Черной Яджурведы, изданные Л. фон Шредером в конце 19 в.

⁴²² Симон Р. (1865–1934) — немецкий санскритолог, специалист по индийской музыке и поэтике.

⁴²³ Шмидт Р. (1866–1939) немецкий санскритолог, занимавшийся исследованием индийской эротики и повествовательной литературой. Именно он, в конце концов, и подготовил дополнительный том словаря.

⁴²⁴ Циммер Г. (1890–1943) немецкий индолог, работавший в США, сын санскритолога Г. Циммера (1851–1910).

⁴²⁵ Шубринг В. (1881–1969) немецкий санскритолог, специалист по джайнизму.

Дорогой Сергей Федорович, я нисколько не сомневаюсь в Вашем сочувствии и уверен, что Вы всей душой будете в этом деле, немножко боюсь Вашего скептицизма, будемте верить в успех, это уже будет пол-успеха, как Gosala⁴²⁶ утверждает, что māṇasa-karma^{****} есть пол-karma, а Будда даже утверждает, karma^{*****} есть ничто иное, как cetanā^{*****}. Итак cetayitvā karishyāvaḥ^{*****}! Ужасно хотелось бы встретиться с Вами здесь, мы бы многое решили. Гринберг говорит, что Академия получила 25 000 з[олотых] руб. на этот год, часть отложить на словарь.

Марр сидит, ждет парохода, моя последняя корректура обещана к 22-му июня, раньше я все равно не мог бы выехать. Итак, надеюсь увидеть Вас и о многом переговорить.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 107 и об.

*Без повышения жалования (нем.).

**Краткая версия (нем.). Имеется в виду Малый Петербургский словарь.

***Дополнительный том (нем.).

****Взно́с (нем.).

*****Замысел деяния (санскр.).

*****Деяние (санскр.).

*****Замысел, решение (санскр.)

*****Вдвоем, замыслив, совершив (санскр.).

№85

31.VII.1924

Верхнеудинск. Наркомпрос

Дорогой Сергей Федорович,

Добрался сюда после 11 дней довольно-таки утомительного пути. Сибирь по-прежнему удивляет дешевизной продуктов: жареная курица фунта 4 весом — 30 коп., молоко, масло, сыр, мед, поросята, утки и т.п., и все чуть не даром. Хотя и говорят, что хозяйство восстановилось только на 70%, но, очевидно, на дороге к полному восстановлению, если не наделают опять глупостей. Здесь набрался столько впечатлений и услышал столько новостей, что не знаю, с чего начать. Подробно напишу на днях.

⁴²⁶ Макххали Госала — основатель религиозной школы адживиков (сер. 1 тыс. до н.э.).

Барадин страшно обрадовался своей книге⁴²⁷ и просил Вас очень благодарить; он выглядит прекрасно и отправляет свои функции с большим достоинством. У него есть уже вполне готовая статья⁴²⁸: обозрение (и история) монастырей тиб[ето]-монг[ольских], где все они расположены по сектам. Я считаю, при беглом просмотре, это сочинение прямо основным по изучению монг[оло]-тиб[етского] буддизма. Очень бы хотелось его поместить в Bibl[iotheca] Buddhica, я боюсь, что здесь оно пропадет, т[ак] к[ак] неизвестно, когда они еще соберутся со своей серией. Я буду настаивать, чтобы Барадин дал ее мне для напечатания в B[ibliotheca] Buddh[ica], размер — один выпуск, восточного шрифта почти нет. Я буду действовать так, как бы заручился Вашей поддержкой, надеюсь, Вы и действит[ельно] тут поддержите. Буддизм и тут, как везде, живет теориями, т.е. в сектах и вся картина получается иная, не та, что у нас была до сих пор. Я уверен, что сочинение сразу же будет переведено по-немецки и не пропадет.

Хамбо⁴²⁹ приехал вчера, у него тут будет совещание, он удручен антирел[игиозной] пропагандой и бурятским комсомолом; оказывается, есть уже комсомол не только здесь, но и в Монголии, и чуть ли не в самом Тибете. Вы, вероятно, уже знаете, что часть экспедиции Козлова (?) уже достигла Хлассы⁴³⁰, а сам он обратился в заправского археолога. Барадин уверяет, что открытые им гробницы⁴³¹ по Шоре (190 в. от Урги) прямо ошеломительно богаты и предметы сохранились в замеч[ательной] свежести. Предполагается еще много других раскопок, о чем, кажется, Жамцаранов писал в Академию или Б.Я.Вл[адимирцо]ву. Масса предметов западного (персидско-го?) происхождения, никто не знает, ни кто, ни когда там по-

⁴²⁷ Б.Б. Барадин, Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране, Пг., 1924 (Bibl[iotheca] Buddhica, XXII).

⁴²⁸ Статья Б.Б. Барадина «Буддийские монастыри. Краткий очерк» была опубликована в книге: М.Н. Богданов, Очерки истории бурят-монгольского народа, Верхнеудинск, 1926, с.109–151.

⁴²⁹ Хамбо — «учитель», высокий титул ламаистской иерархии. Имеется в виду Агван Доржиев.

⁴³⁰ Хласса = Лхаса.

⁴³¹ Речь идет о раскопках П.К.Козлова в Суцзуктэ (Ноин-Ула) — открытии гуннских курганов рубежа н.э. Б.Барадин и Ц.Жамцарано познакомились с находками в июне 1924 г.

хоронен. Надо бы этим заняться, а то может получится конфуз. Барадин ведь не энтузиаст, а описывает находки (причем опасаются, что Козлов самые ценные скрыл) как будто это второй Тутанхамон⁴³²!

Подробности в след[ующем] письме.

Ваш Ф. Щербатской.

Н.В. Если можно, подгоните ремонт печи в моей комнате, чтобы мне зимой было, где заниматься!

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 108–111.

№86

1.VIII.1924

Верхнеудинск, Наркомпрос

Дорогой Сергей Федорович,

Вчера здесь началось празднование годовщины Бурятской республики, съехались представители со всех хошунов⁴³³, представители Монголии, Якутии, Тибета (Доржеев). Весь аппарат представляет точную копию московского: есть и Госплан, и профобр, и всякие главки, комиссариаты, союзы и проч. без конца. Торжественное заседание, вероятно, тоже точная копия с московских собраний. Митинговые речи, сказанные со страшным подъемом, по-видимому, страшно поднимающие бурятскую массу.

Но особенно меня поразили представители Монголии. Там тоже есть свой советский аппарат, Ринчинов⁴³⁴ — председатель монгольского Реввоенсовета, есть партия — называется народно-революционной и есть комсомол, назыв. союзом монгольской революционной молодежи. Монголы, говорят приветствия, расхаживая по сцене в страшной ажитации,

⁴³² Имеются в виду сенсационные раскопки Г.Картера и лорда Карнарвона — открытие в 1922 г. гробницы фараона Тутанхамона.

⁴³³ Хошун — район, административно-территориальное подразделение аймака (первоначально район кочевий отдельных родоплеменных групп, позднее мелкое феодальное владение).

⁴³⁴ Э.-Д. Ринчино (1888–1938) — монголовед, работавший в Забайкалье по заданию РКФСР. Сподвижник Сухэ-Батора, председатель Реввоенсовета Монгольской народной армии в 1921–24 гг. Репрессирован.

каждое приветствие продолжается около часу и затем переводится молодыми коммунистами по-русски с еще большей ажитацией. Все в один голос поют о новой эре, начавшейся для Монголии с Октябрьской революции. Бурятскую республику называют мостом к освобождению народов Востока. Представитель монгольского комсомола, молодой монгол в коричневой толстовке, с красной розеткой и в русских сапогах повествовал, как год тому назад было лишь 10 комсомольцев в Урге, теперь их уже 5000 и из них несколько сот женщин! Вообще, кажется, Монголия переживает еще гораздо больший подъем, чем Бурятия. И откуда взялись силы! Правда, руководители в Монголии все — буряты; зато здесь все руководители — иркутяне. Комиссары Ербанов⁴³⁵, Амагаев⁴³⁶, Оширов⁴³⁷, Трубочеев⁴³⁸ — все иркутяне, и очень дельные, толковые, энергичные люди, коммунисты — прекрасные митинговые ораторы. Наш Барадин рядом с ними совсем тихий, но он единственный в правительстве забайкальский бурят.

Зато почти вся Иркутская губерния, за исключением узкой средней полосы с Иркутском, отошла к Бурятии и почти весь Байкал. Очень бы важно было проверить этнографический состав населения, дело КИПС⁴³⁹-а; впечатление такое, что бурят в республике мало. Пока трений нет, но ведь целью поставлено подготовить людей и везде поставить бурят.

---

⁴³⁵ М.Н. Ербанов (1889–1938) — председатель Совнаркома Бурят-Монгольской АССР (1923–1927), первый секретарь Бурятского обкома ВКП (б) в 1928–1937 гг. Репрессирован.

⁴³⁶ М.И. Амагаев (1897–1944) — первый председатель ЦИК Бурят-Монгольской АССР (1923–24), уполномоченный Коминтерна в МНР (1925–1927), директор ЛИДКВИ с 1932 г. Репрессирован.

⁴³⁷ А.И. Оширов — представитель Коминтерна, один из организаторов Революционной партии Внутренней Монголии.

⁴³⁸ В.И. Трубочеев (1895–1938) в 1923–1924 гг. руководитель Бурят-Монгольского областного бюро РКП (б), с 1928 г. — секретарь посольства СССР в Монголии. Репрессирован.

⁴³⁹ Комиссия по изучению племенного состава населения России при Академии наук была создана в феврале 1917 г. под председательством С.Ф. Ольденбурга для этнографическо-статистического исследования российских регионов.

Известие о том, что Карахан признал сюзеренитет Китая⁴⁴⁰, страшно заволновало Монголию, но их из Москвы стараются успокоить тем, что реально это ни в чем не проявится. Урга имеет притязания на Урянхай, сейчас идут в Наркоминделе переговоры, какая-то паритетная комиссия заседает. Не нашли ли бы Вы случая указать в Наркоминделе, что ведь урянхайцы — тюрки, и им, очевидно, нужно дать уже свою республику, смешанную с русским населением. Посылаю вырезку о бурятском комсомоле.

Агацатский дацан — это родной дацан Доржиева, и он был очень опечален. На торжестве во Дворце Труда Доржиев был единственным ламой, но он выступал как представитель Тибета, и по внешности он в большой дружбе с представителями революционной Монголии. Хутукту⁴⁴¹ в Урге сделался сразу полным анахронизмом и был быстро ликвидирован. Китаю, очевидно, если он захочет осуществлять свой сюзеренитет, придется завоевать Монголию вновь: политика тут не поможет. Князья пока все или исчезли или примирились. Тушетухан⁴⁴² в знак забвения прошлого срезал себе косу.

Вообще набрался я впечатлений массу, и негодую на всех вас, ленинградских домоседов, не могущих расстаться со своими креслами!

Когда я уезжал, Академия хлопотала о моем льготном проезде обратно. Если возможно, поторопите и пошлите Верхнеудинск, Наркомпрос. Сегодня я уезжаю в Ямаровку, вернусь недели через две и поеду с Барадиным в Ацагат.

О приеме в Монг[ольский] отдел И[нститута] Ж[ивых] В[осточных] Я[зыков] тут ничего не было известно, п[отому] ч[то] бумагу не подучили. Необходимо написать сейчас же.

Ваш Щербатской.

Записочку передайте Наде.

Как бы нужно было съездить в Ургу и на Амур! Отчего Вы не берете пример с Ферсмана!

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 112–114.

⁴⁴⁰ Имеется в виду соглашение между СССР и Китаем от 31 мая 1924 г., в котором Внешняя Монголия признавалась автономной частью Китая.

⁴⁴¹ См. прим №79 к письму №16.

⁴⁴² Тушетухан Насантогтох — глава одного из четырех аймаков (Халхи), впоследствии министр финансов Монголии.

№87

22.VIII.1924

курорт Ямаровка

Дорогой Сергей Федорович,

Получили ли Вы мое письмо? После короткого пребывания в Ацагатском дацане и в В[ерхне]Удинске я, по совету местного врача, приехал сюда подлечиться, и очень пока доволен результатами: одышка почти совсем прошла, я свободно поднимаюсь на горы, где, сняв с себя одеяния, принимаю солнечные ванны и читаю Дигнагу⁴⁴³.

Здесь нет почты, так что до возвращения в В. Удинск я не узнаю двух вещей: 1) послано ли мне разрешение на льготный обратный проезд, о чем ходатайство было возбуждено еще при мне и 2) разрешена ли мне командировка в Мюнхен в октябре.

В В[ерхне]Удинске я думаю быть в конце августа или начале сентября, если узнаю, что командировка в Мюнхен разрешена, то сразу поеду домой экспрессом. Но попросите от меня Бориса Николаевича⁴⁴⁴, чтобы предварительные шаги, соединенные с разрешением, по возможности, были готовы к моему приезду, т.е. разрешение ГПУ, денежный перевод и т.д. Если же разрешения не последует, то я пробуду еще здесь сентябрь и думаю посетить еще раз Ацагатский дацан и съездить в Баргузин, который страшно меня интересует.

Впечатлений и мыслей я здесь набрался вдоволь. Удивляюсь нашей Петроградской страшной отрезанности от здешнего края, как мало мы знаем! Как мало мы любопытны! И как слепо вперед движется история! В Германии полагали, и я не смел возражать, что Восток, начиная с Байкала, для нас потерян, но, оказывается, это не совсем так. Он потерян для японцев! Нет теперь тут, даже во Владивостоке, ни одного японца. Между тем во время разрухи и семеновщины⁴⁴⁵ японцы скупа-

⁴⁴³ Дигнага (около 450–520) крупнейший представитель буддийской логики, основатель школы йогачара-мадхьямика.

⁴⁴⁴ Б.Н. Молас (1877–1938) юрист и музейевед, заведующий секретариатом Академии наук (1923–1929), арестован в 1929 г. по «академическому делу», осужден на десять лет.

⁴⁴⁵ В декабре 1919 г. адмирал Колчак назначил Г.М. Семенова (1890–1946) главнокомандующим войсками Восточной Сибири и Дальнего Востока. Г.М. Семенов финансировался японцами, в октябре 1920 г. бежал в Маньчжурию.

ли русские предприятия и похоронили бездну денег, которые, видимо, пропали безвозвратно. На эти японские деньги строился русский Харбин, который теперь громадный и шикарный город.

Мало того, японцы держали здесь громадную армию, которая была почти уничтожена партизанами. В открытом бою японцы непобедимы, у них такое презрение к смерти и такая военная организация, что ни одна армия в мире не может с ними бороться при равных условиях, но в тайге, на морозе, против партизанов, японцы гибли массами и ничего поделать не могли, хотя с ними еще были предатели-семеновцы!

Хозяйство Д[альнего] Востока еще плохо налаживается: в Благовещенске было 6 паровых мельниц, работавших круглый год, теперь одна работает, и то не весь год. Молокане на Зее засевали по 500 десятин, теперь засевают 3–4, только для себя. Нет дешевого хлеба, нет и золотопромышленности! Что тут можно было бы сделать, если бы на месте были представители творческого гения англо-саксов американцев, а не тот жалкий народец, которого мы с Вами являемся представителями!

Я уже писал Вам, что Козлов оказался вторым лордом Карнарвон⁴⁴⁶-ом! По крайней мере, по словам Барадина, его раскопки дали поразительные результаты! Монголы его даже заподозрили, что он самые ценные находки скрыл, и потому спешно издали декрет, запрещающий вывозить предметы археологич[еской] ценности из страны.

Интересных могил в Монголии, по словам того же Барадина, масса. Им составляется каталог под наблюдением Жамцаранова (которого здесь именуют президентом Монгольской Академии наук — МАН-а). И он будто бы обратился в РАН за содействием в раскопках будущего года, которые предполагается поставить на широкую ногу на счет Монгольского Наркомпроса, который, говорят, в деньгах не стесняется. Они, будто, просят прислать им в будущем году молодых археологов и готовы им платить. Тайная идея, движущая этой программой, по-видимому, найти гробницу Чингиз-хана, что дает вам намек на «mentality» этих людей! Причина, почему Козлов сделался археологом, тоже интересна. Во время своих приго-

⁴⁴⁶ См. прим. №432 к письму №85.

товлений он повздорил с «настоящими» членами экспедиции и по приказу из Москвы должен был быть отозван, но упротил, чтобы его оставили, как ширму, во главе «Тибетской эксп[едиции]», и занялся в контакте с Жамцарановым раскопками.

Настоящая же экспедиция во главе с Борисовым⁴⁴⁷ — алтайцем, знающим монгольский яз[ык], испытанный партиец, по слухам, уже достигла Лхасы. Она хорошо снабжена деньгами и подарками, в составе ее, главным образом, буряты, есть и ламы, одеты все ламами, по-видимому, снабжены письмами от Доржеева, так что в Лхасе чувствуют себя свободно, в то самое время как официально там принимается какой-то английский генерал. В Лхасе, между тем, создалось такое положение: Далай-лама и его присные увлеклись милитаризмом, чем сокрушается Агван. Милитаризм требует расходов, каких там до сих пор не знали. Пришлось обложить монастыри и коснуться ламских привилегий, пошли протесты и неудовольствия. Во главе недовольных оказался Банчен⁴⁴⁸. Он послал в Лхасу посольство, руководимое оч[ень] важным ламой. Посольство было принято очень сухо, а руководитель его обезглавлен. Тогда Банчен испугался и бежал. Пробрался незамеченным мимо Лхасы, направляясь в Монголию, но около Лаврана его перехватили китайцы и не выпускают, хотя держат со страшным почетом. Хотят поселить его в Утайшане и вокруг его группируют партию анти-Далай-ламскую. Борисов по дороге в Лхасу виделся с Банченом и вел с ним переговоры. Между тем в Лхасе брожение не прекращается, на почве между новой военщиной и духовенством; дело доходило до столкновений, но на этот раз Далай-ламе удалось успокоить страсти. В лагере Aldershot в Англии обучается военному делу около 100 тибетцев, что для тибетской казны, лишившейся всех доходов из России, очень тяжело. В этот котел теперь прибыли

⁴⁴⁷ С.С.Борисов (1889–1937) ойрат из Горно-Алтайска, зав. Монголо-тибетским отделом Дальневосточного секретариата Коминтерна. Руководил (под именем Церендоржи) Тибетской экспедицией, организованной НКВД (1923–1925) (см. Андреев А.И., От Байкала до Священной Лхасы. СПб.–Самара, 1997, с. 227 и далее). Репрессирован.

⁴⁴⁸ Речь идет о событиях конца 1923 — начала 1924 г. Панчен-лама, второе лицо в ламаистской иерархии после Далай-ламы, выехал из Шигагзе на север 26 декабря 1923 г.

наши партийцы с проповедью интернационализма, который, хотя в очень своеобразном понимании, имеет свойства возбуждать сердца Востока, просто как какая-то новая религия!

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 115–118.

№88

1-го сентября [1924 г.]

Дорогой Сергей Федорович,

Вернулся вчера в В[ерхне]Удинск и застал от Академии бумагу на льготный обратный проезд и 2 письма от мамы, последнее от 8-го августа. Насчет Мюнхена от Вас нет до сих пор ничего. Я заключаю, что командировка провалилась, а очень жалко, хотелось бы повидать Якоби. Думаю, что если бы что-ниб[удь] было, Вы бы телеграфировали. Поэтому поеду сегодня по дацанам, правительство бур[ятской] республики дает мне автомобиль, но я буду теперь в области досягаемости для почты, так что если будет телеграмма, я сейчас же выеду с экспрессом. В Баргузин не поеду, чтобы не очень удаляться; очень сожалею, меня страшно туда тянет, точно так же как на Амур и в Приморье. Приходится отложить эти мечты до след[ующего] удобного случая.

В. Удинск, как столица, приютился, стремится быть копией Москвы, имеются все государств[енные] и партийные учреждения в «государственном масштабе», квартирный кризис страшный, продолжается реквизиция домов под учреждения, и это запугивает всех строителей, так что теснота все увеличивается, гос. строй ничего построить не может за отсутствием кредитов. Прежний Удинск имел два больших базара, ряд белокаменных торговых рядов и хороших каменных домов, иногда с колоннами коринфского ордера, на главных улицах. Теперь все хорошие дома реквизированы под гос. учреждения, а прежние владельцы, если не уехали, то ютятся в подвалах. На днях выселен из церковного дома архиерей живо-церковник⁴⁴⁹ и переселен в церковную сторожку. Церкви — есть большие и интересной архитектуры — переданы бу-

⁴⁴⁹ Обновленческая «живая церковь» — церковная оппозиция патриарху Тихону (А.И. Введенский и др.), оформившаяся при поддержке Советской власти в мае 1922 г.

рятам живой церкви и мало посещаются; оставлена только одна — кладбищенская, и та ломится от народа, гл[авным] обр[азом], женщин.

Есть опасность, что меры против частной торговли будут иметь нежелательный результат — это увеличение торговли китайской, ибо китайцы, даже богатые, живут в лачугах и в подвалах. Базары наполовину китайские, огороды — вполне; конкуренцию, даже государственную, они легко побеждают. Все Забайкалье и Амур наполовину китайские, сегодня буду об этом толковать с Ербановым.

Сегодня на улице поразило меня необычайное зрелище, стоит величественная женская фигура, в длинном платье, красными цветами по палевому фону, на груди целый ряд янтарных ожерелий, на голове кокошник парчевый, на лбу и затылке жемчужные повязки, все повито чудной шалью кругом кокошника, наподобие тюрбана. Меня так поразило, что я зашел в лавку спросить у старичка приказчика, что это такое. Ясно, что это настоящий древнерусский костюм, который носят старожилки, так называемые «семейские». Удивительная красота! Среди этой китайщины и монгольщины чистейшая древняя Русь! В такой чистоте и величественности я не видал ее еще ни в Мариинском театре, ни у Маковского⁴⁵⁰ и Васнецова!

Для буддизма обстоятельства складываются неблагоприятно. Из трех дацанов, стараниями Агвана не так давно открытых в Иркутск[ой] губ[ернии], два уже закрылись, ламы разбежались, а строения национализированы. Сначала уходят хува-раки⁴⁵¹, в особых школах им открывают глаза, налегая на противоречия буддийской утопии современной науке; юноши принимаются в комсомол, и как комсомольцы возвращаются агитаторами к дацану. При всех торжествах и праздниках устраивают митинги. Напр[имер], в Ацагатском дацане процессия с Майдари направляется слева направо, а навстречу идет, с красными флагами, комсомольская процессия, и при встрече устраивается митинг, на котором ламы поносятся как ту-неядцы и эксплуататоры народной темноты.

⁴⁵⁰ Имеются в виду картины из «древнерусской» жизни академика живописи К.Е. Маковского (1839–1915).

⁴⁵¹ Послушники в ламаистских монастырях.

Хуварак, по-видимому, накануне исчезновения, ибо и закон запрещает прием в рел[игиозные] школы юношей до 18 лет. Дацаны, с точки зрения закона, рассматриваются как доходные предприятия; каждый лама облагается налогом от 20 до 90 р., по рангу, чего теперь большинство заплатить не может и покидает дацан. Движение, кажется, более резко выражено в Иркутск[ой] губ[ернии], чем в Забайкальской. Агван ведет какую-то политику и, по-видимому, не теряет надежды, он в хороших, сносных, отношениях с правителями; сейчас он в Урге на каком-то съезде по приглашению Жамцаранова. Его значение усиливается тем, что он представитель Тибета и стоит под особым покровительством Наркоминдела.

Но в Иркутской губ[ернии] дело, по-видимому, безнадежно, в Балаганск[ом] уезде осталось всего 14 лам, а в Тункинском — ни одного. Отношения духовенства к Барадину очень враждебные; они его считают душой антирелигиозного движения, да оно, по-видимому, так и есть. Удивительно, как меняются люди! В Наркомпросе у него бесчисленное количество отделов, все в «государственном масштабе», проводятся разные реформы, напр., теперь накануне открытия преподавания, перемещают учителей с места на место, для «освежения» преподавания. Как во всех теперь учреждениях, масса движения, занятости и хаос. Поймать комиссара трудно, Барадин, по-видимому, только следует за движением, но не руководит им. В его канцеляриях много очень симпатичного, самоотверженного народа, хорошо образованные русские барышни, прекрасный аппарат, но несется в какую-то неизвестную сторону. Настроение учительства подавленное и недоверчивое, все чего-то боятся. Новые школы, открываемые среди кочевых бурят, все на русском языке, напр., на Кударе, округе чисто бурятском, где не было школ, теперь открывается несколько, и все они будут русские. По-видимому, все сознают, что без этого культуры провести нельзя.

Мои мысли — прочитать здесь лекцию о научном характере теоретического буддизма — я, конечно, бросил; никого это здесь не интересует, буряту-коммунисту противен буддизм, точно так же как англизированному индусу противен санскрит. Было бы наивно предлагать этой публике наш товар, а русское население — оно себя теперь считает «монголо-буря-

тами», себя считает столицей, а о существовании буддизма мало слыхало!

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 166-169.

№89

1.IX.1924

В[ерхне]Удинск

Дорогой Сергей Федорович,

сегодня приехал из Ямаровки ночью и был разбужен шествием мимо моих окон отряда пионеров, кот[орые] стройно шли колонной и пели гимн пионеров, в котором «бурят-монгольские дети» слали вызов мировой буржуазии! Надо сказать, что среди этих «бурят-монгольских» детей нет ни одного бурята; в городе есть еще кит[айские] торговцы и огородники, но положительно ни одного бурята, за искл. приезжающих на базар из улусов. Таких городов в республике три: кроме В[ерхне]Удинска еще Т[роицко]-Савск и Баргузин, везде та же история. Центр и финансовую подкладку всей республики составляет город и уезд В.Удинский. В городе 25 тыс. жителей, большой госуд[арственный] спиртовой завод, 2 кожевенных, один стеклянный, ж[елезно]дор[ожные] мастерские и депо, учебн[ые] заведения, ком. партия, комсомол и пионеры, все это бурят-монгольские при полном отсутствии бурят; в уезде 80% русского, крестьянского, отчасти зажиточного и тяжело облагаемого населения, и 20% бурят, б[ольшей] ч[астью] кочующих.

При отведении границ республики к В. Удинскому уезду были присоединены все места, где можно было найти бурят. Так к ней отошла большая часть Иркутской губернии (север и юг) и юг Забайкалья за Читу, т.е. Агинский и Цутольский аймаки, все тунгусы по Онону. Читинский уезд выделен колбасой, так как в нем почти нет бурят; и все-таки в результате всех этих махинаций, при статистике, которая, вероятно, пристрастна, получилась республика с 52% бурятского и 48% русского населения. Финансовая тяжесть легла почти целиком на В. Удинский уезд, но, несмотря на тяжесть обложения и «пьяный бюджет», республика весьма дефицитна и в прошлом году получила дотации 700 000 р. золотом. Кроме того

получила дотаций в 60 000 р[ублей] з[олотом] на «высшее уч[ебное] заведение». На это заведение направлены все мысли националистов; оно должно дать им монголов-европейцев, оно, по-видимому, должно будет конкурировать с Иркутск[им] универ[сите]том, которому, кстати, не дают ни гроша и которому, несмотря на его обширные помещения и земельную собственность, грозит закрытие! Итак, вот противоречия жизни, с одной стороны, мечты о бурятах-европейцах, о бурятах-коммунистах, параллельно с мечтами о Чингиз-хане, с другой, буряты кочевники и пожиратели падали!

По Доржиеву и Барадину нельзя судить о бурятах. В дер[евне] Черемхове, около Ямаровки, минувшей зимой был падеж свиней, околело б[олее] 300 штук; все были куплены и съедены бурятами! Народ знает только таких бурят, поэтому вовсе не видит и не понимает, что им управляют буряты. Нигде я не встретил возмущения и обиженной национальной гордости, полнейшее равнодушие и абсолютное незнание того, что происходит! Меня особенно поразили иркутские профессора! Когда почти вся Иркутская губерния отошла в Бурятию, они абсолютно ничего об этом и не подозревают!

Из Тибета пока ничего нового, м[ожет] б[ыть], Агван привезет новости из Урги.

Ваш Ф. Щербатской.

Поклон Владимирцеву, может быть, покажете ему это письмо.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 119-120.

№90

28.XII.1924

Normandy Hotel, Paris

Дорогой Сергей Федорович,

Приехал сюда вполне благополучно, из Германии проехал через Страсбург, в Германии видел только Глазенаппа, остальных увижу на обратном пути. Здесь Ross уже дожидал меня, мы живем в том же отеле. Thomas приглашает остановиться у него в Seven Oaks, что я очень хотел бы сделать, но, вероятно, придется Англией на этот раз пожертвовать, т.к. предстоит на обратном пути Бонн и Берлин, да и отсюда вдруг не выберешься. В день приезда был уже на собрании amis de l'Orient^{*} и видел всех. Senart молодцом выглядит, также и Lévi.

Я сообщил Senart-у о его выборе в почетные члены⁴⁵², он, по-видимому, был очень доволен. После собрания amis de l'Orient был обед у Mme Getty⁴⁵³, где были М. и Mme Pelliot, Lévi, Ross и я.

Насчет Foucher и Haskin в Афганистане узнал след[ующее]: до сих пор раскопки результатов не дали, по-видимому, придется копать очень глубоко, чтобы чего-либо достигнуть. Foucher уже 7 лет отсутствует, Senart дал из своих средств 50 000 frs и казенные все субсидии истрачены, так что заметно некоторое разочарование. Senart говорит, что только что он ради Афганистана бросил работу у Джелалабада, которая сразу дала хорошие результаты.

Foucher в оч[ень] хороших отношениях с советским консулом в Балхе (?), я думал что не с Вячеславом ли, но, кажется, нет. Pelliot думает, что было бы очень хорошо, если бы мы пригласили Foucher на юбилей академии⁴⁵⁴, он мог бы прямо из Афганистана приехать к нам и затем в Париж. Haskin тоже, по-видимому, разочарован. Монополии раскопку французов нет, но афганцы только заявили, что они ни за что не пустят англичанина и, след[овательно], A.Stein-a, о котором хлопотали сами французы.

Pelliot-у сообщил о предстоящем юбилее, он очень охотно приедет, если не будет каких-либо особых препятствий политического или финансового свойства, также думает, что многие могут приехать, и он предлагает конфиденциально опросить желающих приехать, чтобы мы могли рассчитывать на определенное число французов. Англичане, при теперешнем направлении их политики, вряд ли смогут приехать. Бедный Pelliot, у него нехороший вид, он похудел и какая-то усталость в глазах, которая на меня и на Ross-a произвела удручающее впечатление; какая-то болезнь кишок, которую доктора не могут определить. Он страшно много работает, привез денег из поездки в Америку, получил кое-какое наследство — и, видимо,

⁴⁵² Э. Сенар был иностранным чл.-корр. АН с 1898 г, почетным членом официально числился с 3.01.1925 г.

⁴⁵³ А. Гетти (1865–1946) — специалист по индийскому искусству и иконографии.

⁴⁵⁴ Двухсотлетний юбилей АН праздновался в сентябре 1925 г. Из Франции на нем присутствовали С. Леви и П. Пеллио.

все это поглощается его женой⁴⁵⁵. На ней туалеты ужасно шикарные и, вероятно, очень дорогие; она выписала своего брата из Бизерты и Pelliot делал массу усилий, чтобы его устроить; оказался он пьяницей и кутилой, который кончил самоубийством; затем устраивал в Париже подругу жены, теперь она хочет выписать к себе свою мать и тетю, и все это Pelliot переносит с рыцарством и терпением удивительным. М[ожет] б[ыть], в конце концов, это его удручает, но вид у него нехороший, а, главное, доктора не знают, в чем дело. Он хочет, чтобы в будущем году Алексеев приехал в Париж прочитать Conférences Michonis и спрашивал меня, можно ли получить разрешение. Я ответил, что если своевременно этим заняться и подготовить почву, то, несомненно, разрешение получить можно. Lévi еще не получил книг из Бюка⁴⁵⁶, Глазенапп получил, мои обе рукописи еще не дошли. Вышло довольно много книг новых, вряд ли удастся получить денег, так как Красин на днях уезжает в Москву. У Lévi еще не был.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф.208, оп. 3, д. 685, л. 121–124.

*Друзей Востока (фр.).

№91

2.I.1925

Normandy Hotel, Paris

Дорогой Сергей Федорович,

Все дела печатания словаря сделаны, решено печатать серию индексов, с переводом или без перевода, по желанию авторов, но «faut écarter les interprétations personnelles»? что это значит, не ясно, т[ак] к[ак] редактировал Poussin. Lévi говорит «c'est de la fumisterie Lavallées»^{**}. Pelliot относится скептически. Я взял Abhisamayā⁴⁵⁷, и это сделать легко. Изда-

⁴⁵⁵ Марианна Сигизмундовна Карвоская, учившаяся в Институте благородных девиц в Санкт-Петербурге. П. Пеллио заключил с ней брак 8/20 сентября 1918 г. во Владивостоке, где находился на военной службе.

⁴⁵⁶ Бюро по международному книгообмену при АН. Было утверждено 14 октября 1922 г., просуществовало до 1930 г.

⁴⁵⁷ Буддийское сочинение по философии йогачара. См. Abhisamayā-lankāra-prajñāparāmītā-upadeśa-śāstra. The Work of Bodhisattva Maitreya. Ed. and transl. by E. Obermiller and Th. Stcherbatsky, L. 1929 (Bibliotheca Buddhica XXIII).

ние *Trimṣikā*⁴⁵⁸ *Vasubandhu* я уже видел в последней корректуры.

О неудаче раскопок Foucher я уже Вам писал. Представьте его положение, ему нужно покидать Афганистан без результатов, т[ак] к[ак] денег больше нет, а вернуться ему некуда, Mme Michel распродала всю его обстановку и отдала квартиру, едва удалось спасти библиотеку, которую она тоже хотела продать. Он жил у нее, и юридическое право на все было в ее руках, кроме того, грозит сделать еще хуже, выхода несчастному нет.

Я сообщали Pelliot, и Lévi о нашем юбилее, по-видимому, момент сейчас для празднования созданся очень неблагоприятный⁴⁵⁹.

Geuthner говорит, что на присланные ему книги он получил такой огромный счет, что платить невозможно, и он не собирается. Книги, главным образом, кажется, *Bibl[iotheca] Buddhica*, будут у него лежать без движения и, по закону, через 10 лет станут его собственностью (?!). Что это значит, я не спрашивал, но, очевидно, что-то произошло, что делает теперь ведение дел обычным путем затруднительным. Словаря санскритского, он говорил мне, что немедленно возьмет 10 экз. по цене 5 ф. ст. Цену, которую спрашивает с него «Kniga», он считает сумасшедшей, и никто никогда этого не заплатит.

Ф. Щербатской.

Какой чудный человек Lévi, какая масса у него работ и какое благородное сердце! Mme Lévi кланяется и благодарит Елену Григорьевну⁴⁶⁰.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 125–126.

*Надо избегать субъективных интерпретаций (фр.).

**Это — из болтовни Ла Валле (фр.).

⁴⁵⁸ Систематическое изложение буддийской доктрины виджняпти-матрата Васубандху (4–5 в.). Имеется в виду издание двух трактатов Васубандху С. Леви по рукописям, обнаруженным в Непале (Париж, 1925).

⁴⁵⁹ Речь идет о резком обострении отношений СССР с западными странами. Летом 1925 г. «французский министр народного просвещения устроил заседание, где было решено не принимать приглашение от Академии наук и не ехать на юбилей ввиду появившейся книги С.Ф. Ольденбурга «В сумерках Европы», откуда видно, что акад. Ольденбург большевик». (СПб филиал архива РАН ф.208, оп. 2, д. 46, л. 27). Тем не менее, П. Пеллио и С. Леви на юбилей приехали.

⁴⁶⁰ Жена С.Ф. Ольденбурга Е.Г. Ольденбург (1875–1955), сотрудница Эрмитажа.

№92

27.I.1925

Дорогой Сергей Федорович,

Получили ли мое письмо, где я говорил о доверенности, которая нужна Красину для Пушкинского музея⁴⁶¹.

Я должен был уехать с ним, но вышла задержка с бельгийской проез[дной] визой, которая для русских делается только на 24 часа, я сегодня пошел за визами, не хватило карточек, что еще задержало на два дня. В пятницу надеюсь окончательно выехать и еду прямо. Красин денег не дал, говорит, что у нас есть кредит. Масса новых книг, а купить ни одной не могу.

В Collège de France читал лекцию по приглашению Lévi, кажется, вышло очень удачно, потому что без приготовления, если бы готовился, вышло хуже. Говорил совершенно свободно, без записок и с оживлением. Какой чудный человек Lévi и какой обширный и отзывчивый ученый!

До скорого свидания

Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 127–128.

№93

[Конец января 1925 г., Бонн]

Дорогой Сергей Федорович,

Делал всякие усилия, чтобы поспеть ко 2 февраля, но визы, визы и визы! — такая с ними история, что никогда не знаешь, когда дело кончится. Бельгийская проездная виза, оказывается, дается только на 1 ночь, из-за нее пришлось просидеть три лишних дня, к тому же еще простудился перед отъездом.

— Вообразите, что Крылов А.Н. сидит уже две недели в Париже и ждет визы для возвращения в Лондон, к месту службы, и не может ее получить. Анна Богдановна⁴⁶² старается в Лондоне вовсю, стараются и дипломаты, на Красина летят телеграммы, и все не помогает. По-моему, это такой вопрос, на который следовало бы обратить внимание и Академии. Какое может быть празднование двухсотлетия и приглашение

⁴⁶¹ Речь идет о передаче в Пушкинский дом материалов Пушкинского музея, организованного А.Ф. Онегиным (Отто) в Париже. Коллекция была получена в Ленинграде в 1928 г.

⁴⁶² Жена А.Н. Крылова А.Б. Ферингер-Крылова.

иностранных ученых, если они от нас отрешиваются как от чумы египетской; я, прежде всего, имею в виду нынешнее английское министерство Baldwin⁴⁶³-а, где опять сидит Curzon. Но англичане ведут всемирную агитацию бойкота, от которой приходится и нам страдать. При этих условиях заниматься празднованием юбилея и приглашать к себе иностранцев как-то странно. Вы сами это понимали, когда были здесь в прошлом году, а теперь момент не только не лучше, а гораздо хуже. Был, кажется, летом момент благоприятный, сразу после признания⁴⁶⁴, по крайней мере, в этом духе были впечатления Тарле⁴⁶⁵, но потом это круто изменилось.

— Якоби я нашел в добром здравии, как всегда очень деятельным, с массой работ и планов, и сильно... потолстевшим. И когда был в Leseverein-e, то оказалось, что все здорово потолстели — таков результат возвращения к золотой валюте. Всего сколько утодно, продовольствия масса, и хотя тяжелое обложение, многие вещи стали дороже, а жалование равняется $\frac{2}{3}$ довоенного, но все-таки, по сравнению с периодом инфляции, положение страшно улучшилось и это выразилось в том, что ни у кого жилеты не сходятся.

Что мы будем делать с книгами? Вышла масса нового, и я ни одной книги не купил! Неужели мы будем так продолжать! Праздновать юбилеи и не покупать ни одной книги!

Если бы Вы мне дали с собой несколько экземпляров Бэтлингга, то я купил бы хоть что-нибудь, но Вы не пожелали, и я возвращаюсь совсем с пустыми руками. Вышел китайский словарь Kalgten-a, знает ли Алексеев? Можем ли мы это игнорировать?

Поговорим об этом по возвращении. У Senart-a был фурункул, он чуть не умер, теперь поправляется. О неудаче Foucher я Вам уже писал. Послезавтра выезжаю в Берлин, где пробуду только время необходимое для виз.

До скорого свидания
Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 175–176.

⁴⁶³ С. Болдуин (1867–1947) был премьер-министром Великобритании в 1923–24 и 1924–1929 гг.

⁴⁶⁴ В 1924 г. Советская Россия получила дипломатическое признание со стороны основных государств Европы.

⁴⁶⁵ Е.В. Тарле (1875–1955) историк, академик с 1927 г.

№94

Среда [начало февраля 1925 г.]

Central Hotel, Berlin

Дорогой Сергей Федорович,

Писал Вам из Бонна, надеюсь, получили письмо. Якоби недостающих №№ Bibl. Buddhica, о чем Вы сделали распоряжение, не получал. Помните, была послана Bibl. Buddhica в семинарий, а затем Вы распорядились послать ему те №№, которые он не получал и на которые имеет право как чл.-корр. — этого он не получал.

Из Индии у него масса получена, пополняются все серии⁴⁶⁵: I[ndian] Antiquary, Chowkhamba, Bombay и Benares S[anskrit] Series, кроме Gaekwad, Trivandrum, Indian Thought и др.

Для нас я ничего не мог сделать. Сейчас иду хлопотать о визах, скоро буду у Вас.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 178–179.

№95

[начало февраля 1925 г.]

Central Hotel Berlin, суббота*

Дорогой Сергей Федорович,

Завтра, вероятно, получу все визы и выезжаю. На всякий случай, если бы что задержало, не забудьте, что 11-го февраля 75-летие Якоби, и, я думаю, Вы пошлете ему телеграмму с поздравлением от Академии.

До скорого свидания

Ваш Ф. Щербатской.

Сегодня обедаю с З.Г. Гринбергом. И здесь ни копейки на книги не добыл.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 180–181.

*Письмо было получено 17 февраля.

---

⁴⁶⁵ Серии публикаций санскритских текстов.

№96

16.VI.25

Адрес: Верхне-Удинск, Учком*,
проф. Г. Цыбикову,
передать в Ацагатский дацан Щербатскому

Дорогой Сергей Федорович,

По приезде сюда оказалось, что курорт Ямаровка закрыт и ванны вывезены. Таков конец казенного управления одного из лучших курортов в мире. Оставшийся открытым Дарасук переполнен. Я поэтому вместе с Владимирцовым поехал прямо в Ацагат, около которого есть какой-то примитивный «аршан»**.

Хамбо-лама Церитилов Вам кланяется. Очень жалеет, что вы не могли приехать и надеется, что в будущем году Вы все-таки приедете.

Не забыли ли Вы послать приглашение бурятскому Учкому? По-видимому, они не получили и, если они будут обойдены, то явно будут весьма обижены. Как всякое молодое учреждение, они очень самолюбивы и всегда считали себя до известной степени под покровительством и в хороших отношениях с Академией.

В Москве у меня и у Владимирцова получилось такое впечатление, как будто как выставка, так и наш юбилей в сферах не вызывают в последний момент особого интереса. Так показалось особенно из беседы с Павловичем⁴⁶⁷, который очень близок, как Вы знаете, к сферам. Вы ведь тоже считали такой поворот событий возможным. Потому мы с нетерпением будем дожидаться сообщения о положении этих дел — юбилея и выставки — в последний момент.

Если не удастся здесь подлечиться, то, очень может быть, доктор пошлет после юбилея в Наутейм, и для этого мне очень важно было бы иметь за время разрешение на выезд за границу. Так как я уже раз получил разрешение на курорт, то второй раз не дадут, но можно получить на съезд для работ по буддийской энциклопедии, который в этом году состоится в Париже. Я был бы Вам крайне признателен, если бы Вы могли поста-

⁴⁶⁷ М.П.Павлович (Вельгман) (1871–1927) член коллегии по делам национальностей в 1921–23 гг., создатель и редактор журнала «Новый Восток».

раться достать мне командировку, такую как в прошлом году. На всякий случай прилагаю прошение.

Завтра Владимирцов отсюда едет с Барадиным в Монголию, я буду здесь дожидать от Вас известий.

Преданный Вам Ф. Щербатской.

СПб. филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 129–130.

“Учком — Ученый комитет Бурятской республики.

“Аршан — буддийская лечебница.

№97

18.09.1926

Лондон

Дорогой Федор Ипполитович,

На расстоянии очень трудно пока действовать, но я написал Ал[ександру] Ев[геньевичу Ферсману]⁴⁶⁸, думаю, что Вы, дорогой мой, не учли его невероятную перегруженность теперь, когда идет смета. Надеюсь вернуться и вполне примирить Вас. Ведь вы оба хотели того же — чтобы хорошие книги печатались. Сажу и читаю книги, смотрю оригиналы, фотографии. Завтра ко мне на tea придет Umehara, директор раскопок в Корее, где найдены вещи, аналогичные нашим монгольским находкам.

Видел Thomas'a, который шлет Вам a healthy welcome и надеется на Ваш приезд. Он завален работой, As[iatic] Soc[iety], очевидно, берет много времени, а он еще в Aristotelian Society! India Office, конечно, тоже отнимает почти весь день [с] 10 — [до] 5! Мы собираемся съездить с ним на lunch в Seven Oaks. Вечерами сажу дома и работаю.

Росс еще не приехал и вообще тихо.

Надеюсь, что Вы здоровы и с печатанием уладится к общему удовольствию. Почтительный привет от нас обоих Екат[ерине] Аполл[инариевне]. Жмем Вам руку. Варв[аре] и Ал[ексandre] Петр[овне Шнейдер]⁴⁶⁹ большой привет.

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 161, л. 6–7.

⁴⁶⁸ А.Е.Ферсман исполнял обязанности вице-президента РАН с 1 августа 1926 года.

⁴⁶⁹ Сестры А.П. и В.П. Шнейдер — племянницы И.П. Минаева, с которыми дружил Ф.И. Щербатской.

№98

4.I.1927

Луга, Лужский просп. 25

Дорогой Сергей Федорович,

Вострикова мы поместили в пансион Абрамова, 4 руб. в сутки. Хотя кое-какое улучшение заметно, но поправляется он медленно, температура повышенная, по ночам испарина. Все порывается работать, говорит, что без работы одолевает тоска, я с ним занимаюсь по 3 часа в день, но не знаю, не следовало ли бы бросить. Однако, с другой стороны, если человек страдает от тоски, то это тоже нехорошо. Во всяком случае, по д-ру Штернбергу, ему полагается прожить под теперешним режимом 6 недель, а затем показаться. Средства, которые он получил из Библиотека] Buddhica, уже приходят к концу. Вы, помните, хотели достать кое-что из секции. М[ожет] б[ыть] лучше было бы поместить его в санатории, где строгий присмотр за режимом, но все, что приходится слышать о наших санаториях, до такой степени неутешительно, что боишься советовать, уже одно то, что они живут там по 4 человека в комнате и слабо следят за вентиляцией. Я большие надежды возлагаю на кумыс, если опять так же попасть летом в хорошее место.

На всякий случай прилагаю такой же счет, какой был и раньше.

Преданный Вам Ф. Щербатской.

P.S. Печатание Wogihara⁴⁷⁰ совсем не двигается, а между тем желательно было бы продвинуть, иначе получится неловкость относительно его.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 131-132.

№99*

10.8.27

Луга

Дорогой Сергей Федорович,

Благодарите молодых наших людей. Они там встретили недостатки в бумаге, пришлось посылать в Читу. Я им писал,

⁴⁷⁰ См. прим. №356 к письму №62.

Е.Е. Обермиллер с ученым ламой. Бурятия. Конец 1920-х гг.

что им это возместят. Это пустяки. Если Вострикову, Обермиллеру или Тубянскому заняться Dhvaṇyaloka⁴⁷¹, то надо оторвать их от их работ, что очень нежелательно. Но есть у меня Соколов, большой друг Вострикова, вполне готовый и способный, к тому же знает и Hindi (учился у Баранникова⁴⁷²). К сожалению, что-то случилось у него с отцом и он должен был поехать служить в Ср[еднюю] Азию⁴⁷³. Если бы его можно было поддержать материально, то это был бы у нас хороший аланкарист⁴⁷⁴, сумма потребова-

лась бы сначала самая ничтожная. Мамаша кланяется Елене Григорьевне. Она ослабла, ибо жара у нас совсем тропическая.

Ваш Ф. Щербатской.

М.И. Тубянский в Монголии. Конец 1920-х гг.

У Туб[янского] паспорт готов, он скоро уезжает⁴⁷⁵.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 77.

*Открытка, адресованная в Кисловодск, санаторий ЦЕКУБУ.

№100

27.III.1928

Дорогой Сергей Федорович,

Я получил от секретаря пятого Индийского конгресса (All India Oriental Conference) приглашение на участие в сессии, которая откроется в ноябре 1928-го года. Мне было бы очень интересно знать мнение о возможности и желательности нашего участия.

Если бы это дело было бы осуществлено, то, м[ожет] б[ыть], желательно было бы привлечь и представителей Бур[ятской] республики и других республик?

Преданный Вам Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 136.

№101

8.VIII.28

Луга

Дорогой Сергей Федорович,

Я отчаянно жалею, что не пришлось поехать в Оксфорд, так как там будет много индусов, между ними интересные; будет и Тисси⁴⁷⁶, который много работает по махаяне, и Walleseг и проч. Молас мне сказал, что предназначавшиеся на мою поездку деньги (600 р.) переданы, по Вашему распоряжению, Алексееву, который будет делать доклад о «сверхчеловеке у

⁴⁷¹ Дхваньялока — санскритский трактат по поэтике, составленный Анандавардханой.

⁴⁷² А.П. Баранников (1890–1952) — индолог, профессор Ленинградского университета.

⁴⁷³ Речь идет, конечно, о ссылке. В словаре репрессированных востоковедов санскритолог Соколов не значится.

⁴⁷⁴ То есть специалист по традиционной индийской поэтике.

⁴⁷⁵ М.И. Тубянский в 1927–36 гг. работал в Монголии сотрудником советского полпреда.

⁴⁷⁶ Дж. Туччи (1894–1984) итальянский тибетолог, специалист по буддизму и индийской философии.

китайцев!» Пожалуй бы, лучше было, если бы Алексеев поменьше делал докладов и побольше бы писал. Pelliot сокрушался, что такой талантливый человек, как Щуцкий, пропадает, так как Алексеев им не руководит, то есть не делает работы вместе с ним, а все делает ни к чему-шные доклады. Но это между прочим, между нами.

А вот получил я очень любезное приглашение во Франкфурт, где Schopenhauer Gesellschaft будет иметь собрание интернациональное на тему Religion u[nd] Philosophie. Я бы хотел поехать, чтобы постараться там в докладе на тему «Buddhismus als Religion u[nd] Buddhismus als Philosophie» сделать немного пропаганды для нашего института и вообще нашей Auffassung**. Т[ак] к[ак] общество оплачивает пребывание в Франкфурте (в размере 100 марок) и проезд от Берлина, то денег потребуется всего рублей 250 в русской валюте. Поехал бы я всего на одну неделю. Я подам заявление в президиум, а там будь что будет.

Программа немецкого Orientalistentag в 10 раз богаче и содержательнее оксфордской. Отчего же, однако, все едут в Оксфорд и никто в Bonn? Не оттого ли, что там нельзя делать докладов о китайском сверхчеловеке!

Мамаша просит передать поклон Елене Григорьевне.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 137.

*Буддизм как религия и буддизм как философия (нем.).

**Концепция, понимание (нем.).

№102

9.VIII.1928

Луга

Дорогой Сергей Федорович,

Спешу исправить неточность и несправедливость, допущенную мною в прошлом письме; оказывается, что Алексеев в Оксфорд не едет и я просто неверно понял Моласа, с которым говорил по телефону. Едут как будто только Коковцов⁴⁷⁷ в компании с Иностранцевым⁴⁷⁸!

⁴⁷⁷ П.К. Коковцов (1861–1942) семитолог, академик.

⁴⁷⁸ К.А. Иностранцев (1876–1941) иранист, преподаватель Петроградского университета.

Я решил свою библиотеку пожертвовать буддологическому институту теперь же, это упростит вопрос о ее пополнении, т.е. об устройстве библиотеки института, которая, в отличие от Азиатского Музея, будет чисто рабочей и будет пополняться из расчета имеющегося фонда. Я не предвижу возражений со стороны Аз[иатского] Музея, т[ак] к[ак] если ходкие вещи будут у нас в двух экземплярах, то это будет только на пользу и очевидно, что контакт между нами будет теснейший. Я также хлопочу и о пополнении универс[итетской] библиотеки, это все пригодится.

А как монгольский Данжур? Боюсь, как бы не уплыл в Японию!

Ваш Ф. Щербатской.

P.S. Мамаша получила открытку от Елены Григорьевны, очень благодарит и кланяется.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 139–140.

№103

[Б. д., 1927/1928 г., Ленинград?]

Дорогой Сергей Федорович, при обсуждении проекта учреждения будд[ологического] института⁴⁷⁹ Вы упомянули, что особой библиотеки при институте не будет. Т[ак] к[ак] моя библиотека за последнее время пополнялась в этом отношении и т[ак] к[ак] она все равно должна перейти к Академии, не думаете ли Вы, что можно было бы связать передачу моей библиотеки в собственность Академии с учреждением нашего института, и таким образом две комнаты моей квартиры могли бы также отойти под институт?

Это только мысль, которая мне пришла в голову, осуществима ли она, не знаю.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 177.

⁴⁷⁹ Объяснительная записка к проекту учреждения при Академии наук СССР Института буддийской культуры (ИНБУК) датирована 13 апреля 1927 г. и подписана С.Ф. Ольденбургом, Ф.И. Щербатским и М.И. Тубянским. Институт был образован 1 октября 1928 года.

№104

17.IX.1930

Сочи-Верещагино

Дорогой Сергей Федорович,

Приехал Тагор, и будет в Ленинграде после 27.IX. Я написал ему письмо и просил зайти в Институт. Он всегда интересовался постановкой преподавания санскрита и, очевидно, нужно ему показать все наши работы. Вы ему покажете свои по рукописям и буддийскому искусству. В Аз[иатский] Музей он вряд ли пойдет, из-за лестницы, и не особенно желательно, чтобы не получилось того, что было в Берлине, где он от переутомления лишился чувств. Он так любит Южную Германию, Дармштадт и Мюнхен, потому что там умеют его устраивать спокойно. Если он придет в Институт, то кроме Вас, Владимирцова и Алексеева, вообще кроме всех членов Института и учеников, никого пускать не надо. Во-первых, и помещение не допустит, а, кроме того, Тагор ненавидит толпу, это действует ему на нервы⁴⁸⁰.

Особенно мне хочется, чтобы Обермиллер показал ему все свои работы — и Будона, и *Abhisamayālaṃkāra*, и *Uttaratantra*⁴⁸¹, хотя бы корректурные листы. Можно ему поднести от Института и экземпляр только что вышедшей моей логики. Хорошо, если бы Обермиллер продекламировал ему из *Māgha*⁴⁸² и *Kali-*

⁴⁸⁰ Как явствует из материалов сборника «Тагор — друг Советского союза», в Москве устроить его «спокойно» не удалось — были бесконечные встречи с толпами пионеров и трудящихся. Поэтому поэт изменил планы и, не заезжая в Ленинград, направился в Берлин. 23 сентября 1930 г. Р. Тагор писал Ф.И. Щербатскому: «Дорогой профессор! Я весьма сожалею, что из-за слабого здоровья не смогу видеть Вас и посетить Ленинград. Так как у меня большое сердце, мне нельзя ни двигаться, ни напряженно работать. Я очень хотел видеть Ваш университет, встретиться с учеными, и с большим огорчением отказываюсь от своих планов. Мой визит в Россию был полон неожиданностей и внушил мне бесконечное количество предложений для моей собственной страны. Сердечно Ваш Рабиндранат Тагор» (СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 175, л. 1).

⁴⁸¹ Сочинение буддийской школы йогачара Майтреи (III-IV вв.), тибетским текстом которого занимался ученик Ф.И. Щербатского Е.Е. Обермиллер (1901-1935).

⁴⁸² Санскритский поэт 7 в.

dāsa что-нибудь и составили бы они вместе с Востриковым⁴⁸³ приветственные стихи на санскритском.

Я только что начал лечение, пока взял лишь одну ванну, чувствую себя несколько лучше, к сожалению, в комнате, кроме меня, еще 4 человека и работать немислимо.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 141.

№106

29.II.1932

Кисловодск

Дорогой Сергей Федорович,

Из письма Вашего к Е[лене] Гр[игорьевне] и записки ко мне не мог себе составить понятия о том, как Востриков составил свой доклад. Вероятнее всего, что это было прямо фельетонного характера словоизлияние. Не понимаю также, кто и с какой стороны, кроме шаблона, мог ему возразить. Разве Поппе⁴⁸⁴?

Здоровье мое, как мне кажется, улучшилось, меньше одышка, и почти исчезли отеки. Но доктор все еще, очевидно, считает меня развалиной. Меня беспокоит белок, о котором я доктору не говорил, чтобы не осложнять его предписания. Займусь этим по возвращении в Ленинград.

Вероятно, с окончанием моей логики⁴⁸⁵ нам придется собираться чаще по Arthaśāstra, работа теперь, за выбытием Семичова⁴⁸⁶, ляжет искл[ючительно] на нас с Вами и Обермиллером. Вострикова считать нечего. По-видимому, он не способен к продуктивной работе. Возникает вопрос о том, где нам собираться. Другого выхода я не вижу, как чтобы я предоставил для этого свою угловую комнату. Ведь Индо-Тиб[етский]

⁴⁸³ Востриков А.И. (1902–1937) — буддолог и тибетолог, ученик Ф.И.Щербатского, научный сотрудник Института Буддийской Культуры (с 1930 г. — Индо-Тибетского кабинета ИВАН). Репрессирован.

⁴⁸⁴ Н.Н. Поппе (1897–1991) — монголист, чл.-корр. АН, сотрудничал с немцами, после войны в эмиграции.

⁴⁸⁵ Речь идет о книге «Буддийская логика», в 1932 г. вышедшей из печати.

⁴⁸⁶ Б.В. Семиčov (1900–1981) — индолог, тибетолог, буддолог, ученик Ф.И. Щербатского. С 1928 г. сотрудник ИНБУК, с 1930 г. — Индо-Тибетского кабинета Института Востоковедения. Неоднократно подвергался арестам (в частности, из-за того, что служил в Белой армии), в марте 1933 г. осужден на пять лет лагерей. С 1955 г. сотрудник Бурятского института общественных наук.

кабинет теперь не имеет помещения в институте. Я вполне понимаю, что прежнее наше помещение следовало отдать тюркам как более многочисленной группе. Но совсем лишить Индо-Тиб[етский] кабинет помещения также нельзя. Я поэтому, по примеру Вернадского, прошу, чтобы моя угловая комната была отведена под Индо-Тиб[етский] кабинет. Ведь то униженное положение, в кот[ором] находится этот кабинет, несомненно, временное. С кем мне здесь ни приходилось говорить, все уверены, что в след[ующую] пятилетку будет обращено внимание и на гуманитарные науки, и на Восток, и удушение индологии прекратится.

Мое помещение и тем хорошо, что оно доступно и Обермиллеру⁴⁸⁷, нужно будет ему только ассигновать крошечную сумму на извозчика. Я очень прошу Вас поддержать мое прошение о признании моей комнаты кабинетом директора Индо-Тиб[етского] Кабинета⁴⁸⁸. Меня, конечно, это интересует и с материальной стороны, так как при том, что с будущего года я, кроме академич[еского] жалования, ничего не буду получать, мое положение, при плате за квартиру 175 р. и за уход 150 в месяц, станет невозможным. Пример Вернадского показывает, что при желании можно это устроить, и я очень Вас прошу помочь мне в этом.

Ваши здесь процветают, Ел[ена] Григ[орьевна] после ванн еще значительно поправилась, младенец⁴⁸⁹ учится и всеобщий любимец от прислуги до всех гостей.

Ваш Ф. Щербатской.

Каково положение Мухарджи⁴⁹⁰? Пересылаю два прошения, кот[орые] перешлите, если найдете правильными.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 142–143.

⁴⁸⁷ Е.Е. Обермиллер был инвалидом.

⁴⁸⁸ После того, как в начале 1930 г. квартирная плата была резко повышена, академики стали обращаться в Президиум с просьбой оформить часть комнат в качестве служебных помещений. Аналогичное заявление было составлено, например, И.Ю. Крачковским (см. А.А. Долилина, Невольник долга, СПб., 1994, с. 228–229).

⁴⁸⁹ По-видимому, ребенок Дмитрия Головачева — сына Е.Г. Ольденбург от первого брака.

⁴⁹⁰ А. Мухарджи (1891–1937) индолог-политолог, экономист. Активный участник коммунистического движения в Индии. Работал в Коминтерне. В начале 30-х гг. зам. зав. Индо-тибетским кабинетом ИВАН. В 1933 г. выбыл из состава ИВАН и переселился в Москву. Репрессирован.

№106

[Б.д., 1932 г., Ленинград]

Дорогой Сергей Федорович!

Вы писали, что приедете в конце месяца⁴⁹¹. Но, вероятно, что-нибудь помешало. Мне нужно с Вами переговорить об выпуске B[ibliotheca] B[uddhica], обложке, соч[инения] подготавливающиеся и печатающиеся более помещать не следует, т[ак] к[ак] серия прекращена⁴⁹², а также поместить ли какое-нибудь извещение о прекращении или этот факт скрывать. Я мог бы приехать в Петергоф, если Вы не приедете сюда.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 155.

№107

28.VIII.1932

Дорогой Сергей Федорович,

Оказывается, что, по советским законам, я как будто имею право на гонорар. Это мне объяснил М.Я. Мандельштам и с этим согласился Ейзен, который ведь тоже юрист. Оказывается, что если договора не было, то труд должен считаться платным. Я поэтому по совету Ейзена и юрисконсульта подал соотв[етствующее] заявление. Само собой разумеется, что я не буду настаивать на денежной плате, если будут финансовые затруднения, но в той или другой форме (напр. в форме лишних экземпляров, кроме 100 мною выговоренных) я желал бы осуществить свое право. Цена назначена издательством в 25 руб., т.е. это значит 65 шилл[ингов], чего, очевидно, никто не заплатит. Издательство ссылается на хозрасчет и на дороговизну английского печатания. Но нельзя англичан заставить платить за то, что у нас плохие и дорогие наборщики. Нельзя

⁴⁹¹ С.Ф.Ольденбург находился на лечении в санатории ЦЕКУБУ в Петергофе (Заячий Ремиз).

⁴⁹² Решение о прекращении серии было принято Президиумом Академии наук в 1932 г. Последним выпуском должен был стать первый том труда Ф.И. Щербатского *The Buddhist Logic*, Л., 1932. Однако это решение было через некоторое время отменено, серия просуществовала до 1936 года.

ли как-нибудь снизить цену до 15 руб., — и то много, 40 шилл[ингов]! Теперь, как только я разошлю первые экземпляры, я думаю уехать, основательно отдохнуть месяц или два. Если бы я здесь не просидел лета, то печатание наверняка продолжилось бы еще целый год. Поклон Елене Григорьевне.

Ваш Ф. Щербатской.

№108

17.IX.1932

Сочи, санатория им. Цюрупы

Дорогой Сергей Федорович,

Будьте любезны спросить по телеф[ону] В.Р. Барановского⁴⁹³, послал ли он мою книгу в редакции журналов, к этому делу имеет касание и Гуковский, также спросите и его. Здесь живу рядом с акад. Северцовым⁴⁹⁴, очень напоминает И.П.Минаева, те же манеры, та же культура. Черкните!

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 146.

№109

12.X.1932

Сочи, санатория Совнаркома

Дорогой Сергей Федорович,

Перед моим отъездом Вы меня порадовали, что РИСО разрешил мое прошение о гонораре в благоприятном смысле. Но я до сих пор никакого официального ответа не получил. Боюсь, не забыли ли и не потеряли ли? Мне было бы всего приятнее получить гонорар экземплярами моей книги. Это бы облегчило мне путем обмена получать необходимую мне иностранную литературу. Не будете ли столь добры, при случае, напомнить в РИСО. Я, слава богу, значительно поправился, чувствую себя хорошо, возвращаюсь около 25-го. Привет Елене Григорьевне

Ваш Ф. Щербатской.

---

⁴⁹³ В.Р. Барановский — сотрудник аппарата конференции Академии наук.

⁴⁹⁴ А.Н. Северцов (1866–1936) биолог, академик (1925).

№110

7.XII.1932, [Ленинград]

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Наша плановая работа⁴⁹⁵ по Индо-Тиб[етскому] кабинету находится в след[ующем] состоянии:

1) Сотрудн[ик] Семичов свою часть окончил, она переписана на машинке и я ожидаю Ваших на нее замечаний;

2) небольшая, уменьшенная против плана, часть, взятая на себя сотр[удником] Востриковым, сделана неудовлетворительно и мною ему возвращена для исправления;

3) часть, взятая на себя Вами, мною еще не получена;

4) оставшая часть готова и будет разослана сотрудникам по переписке. Если Вы припомните, было условлено, что к переводу в приложениях должны содержаться: 1) к каждому техническому термину скр. оригинал, 2) расхождения с переводами Meyer⁴⁹⁶-а и Shama Shastri должны быть все оговорены. Ввиду того, что дальше откладывать работу я не считаю возможным, прошу Вас сообщить мне точно, когда можете Вы представить мне свою часть. Если же за массой работы по администрации Вы не можете ее в скором времени представить, то я тогда сделаю ее сам, т[ак] к[ак], повторяю, дольше я ждать не могу.

Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 149.

№111

30.IX.1933

Абастуман

Дорогой Сергей Федорович,

Я прожил здесь в гостях у Юрия Марра⁴⁹⁷ больше недели. Удивительно он милый и сердечный юноша, превосходный

⁴⁹⁵ Речь идет о подготовке русского перевода «Артхашастры», который по плану должен был быть закончен в 1932 г.

⁴⁹⁶ Meyer J.J. Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben. Das Arthaśāstra des Kauṭilya. Hannover-Lpz, 1925–26.

⁴⁹⁷ Ю.Н. Марр (1893–1935) — сын Н.Я. Марра, иранист, научный сотрудник Азиатского музея в 1922–25 гг., Института кавказоведения Грузинского Филиала АН в 1928–1935 гг.

ученый, оч[ень] образованный человек, жена его тоже оч[ень] милая и начитанная. Я здесь у них только познакомился с новейшей русской литературой: Шолохов, Тынянов, Гроссман⁴⁹⁸, выдающиеся вещи, о которых мы в наших академических стенах, кажется, мало знаем. У Юрия готов полный персидско-русский словарь, который уже печатается⁴⁹⁹. Он, несомненно, выше всех наших других русских персистов. Я здесь совершенно выздоровел за эту неделю, одышка прошла, отеки исчезли, перебои прекратились. Я каждый день совершаю подъемы на самые высокие горы, ужасно хочется вернуться к работе и не хочется ехать в Сочи. Едешь почти поневоле, т[ак] к[ак] заплачено 400 руб. за путевку и не хватает воли плюнуть на них.

В *Revue neoscholastique* появился подробный отчет о моей логике, некоего Ledrus, по-видимому, хороший знаток, мнение ужасно лестное, и мне это тем более важно, что исходит из слоев действительно философских.

По-видимому, многие еще мою книгу не получили, в секторе распространяют, надо требовать посылки заказными, иначе нельзя проверить.

Неравно увидите Ник[олая] Яковлевича [Марра] или Волгина, не удастся ли затронуть в разговоре следующее обстоятельство. Мне назначена пенсия (академическая) в 200 руб. Между тем в Сочи я встретил проф. С.П. Кравкова⁵⁰⁰, кот[орый] тоже получил пенсию, но 300 руб. И другие университетские, по его словам, тоже получили по 300 руб. (при сохранении полного заработка). Выходит, что звание академика дает не привилегии, а лишения. Мне кажется, Н[иколай] Як[овлевич], как вице-президент, и Волгин, как непременный секретарь, должны вступить. Если будете беседовать с Н[иколаем] Як[овлевичем] или с Волгиным⁵⁰¹ и придется к слову, то может быть напомниме.

⁴⁹⁸ Л.П. Гроссман (1888–1965) — литературовед и писатель.

⁴⁹⁹ Словарь не был завершен. См. Ю.Н. Марр, «Материалы для персидско-русского словаря. Архивные материалы», Тбилиси, 1974.

⁵⁰⁰ С.П. Кравков — агроном, профессор Петроградского университета.

⁵⁰¹ В.П. Волгин (1879–1962) — преемник С.Ф. Ольденбурга на посту непременного секретаря Академии Наук (с 3 марта 1930 до 20 ноября 1935 г.), специалист по истории социалистических учений.

В Сочи думаю сделать два дела: 1) переделать и перевести на английский статью Вострикова о Vasubandhu⁵⁰²; 2) перевести Madhyānta-vibhāga-śāstra⁵⁰³.

Если приедет Тубянский, то Вы не относитесь к нему сурово, я очень ценю его ум и проницательность.

Поклон Вам от Юрия. Привет Елене Григорьевне.

Ваш Ф. Щербатской.

СПб филиал архива РАН, ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 156–157.

---

⁵⁰² Vostrikov A.I. Logical Works of Vasubandhu // Bulletin of the School of Oriental Studies, L., 1934.

⁵⁰³ Текст был переведен, но Ф.И. Щербатской смог опубликовать лишь первую часть в Bibliotheca Buddhica (Madhyānta-vibhāga. Discourse on Discrimination between Middle and Extremes. Transl. by Th. Stcherbatsky, M.–L. 1936), вторая так и осталась в рукописи, так как издание серии было окончательно прекращено.

ГЛАВА XI

ПИСЬМА О.О. РОЗЕНБЕРГА ИЗ ЯПОНИИ

Оттон Оттонович (Отто Карл Юлиус) Розенберг родился 7 июля 1888 г. в г. Фридрихштадте (совр. Яунелгава, Латвия), окончил классическую гимназию при евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины в Санкт-Петербурге и в 1905 г. поступил в университет. На факультете восточных языков Розенберг занимался санскритом, пали, пракритами, китайским, тибетским и монгольским языками, а с III курса — и японским. Летний семестр 1909 г. он совершенствовался в санскрите у Г. Якоби в Бонне (несомненно, по рекомендации Ф.И. Щербатского). По окончании университета он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре санскритской словесности.

Его учитель Ф.И. Щербатский был тогда воодушевлен проблемой изучения буддийской метафизики — абхидхармы. Он писал¹: «Еще в период студенческих занятий Розенберга я обратил его внимание на исключительное значение труда Васубандху «Абхидхармакоша», и он начал заниматься этим памятником по широко представленным в Азиатском музее Петербурга тибетским, китайским и санскритским источникам». В 1910 г. в Калькутте Денисон Росс познакомил Ф.И. Щербатского с японским буддийским монахом Ямаками Соген² из амидаистской секты «чистой земли». У русского буддолога создалось впечатление, что японские буддийские тексты имеют первостепенное значение, ибо они сохранили философскую традицию древней Индии. Поэтому, по его словам, он и послал в 1912 г. «своего самого одаренного ученика О. Розенберга в Токио, где его интенсивная работа в течение четырех лет внесла решающий вклад в изучение буддизма»³.

¹ Th. Stcherbatsky, Prof. Dr. O. Rosenberg. Die biographische Skizze // Materialien zur Kunde des Buddhismus, Heidelberg, 1924, Heft 6, с. 44 (значительная часть очерка переведена на русский язык в статье: Джон Барлоу, Оттон Оттонович Розенберг (1888–1919), блестящий молодой русский буддолог // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб, 2002, с. 464–478).

² СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 1, д. 117, л. 43.

³ Там же, л. 246.

Но предварительно О.О. Розенберг был командирован в Берлин, где занимался в Семинаре восточных языков, совершенствуясь в японском языке под руководством профессора Ланге и преподавателей-японцев (Цудзи и др.). Вернувшись в Петербург, он перешел на кафедру японской словесности. После русско-японской войны в России стала очевидной необходимость подготовки японистов. Университет нуждался в кадрах квалифицированных преподавателей. В 1912 г. в Японию были направлены на стажировку О.О. Розенберг и Е.Д. Поливанов, а несколько позднее — Н.И. Конрад и Н.А. Невский. Официальной целью пребывания О.О. Розенберга в Токио считалось изучение японского языка и литературы. Он должен был приобрести навыки преподавания японского языка и составить пособия для его преподавания, а также изучать китайский язык и китайские классические тексты. Лишь в качестве дополнения говорилось о буддийской литературе и ее значении для исследования индийской философии⁴. Между тем, для самого ученого основным было именно последнее. Как писал Ф.И. Щербатской⁵, «он решил отправиться в Японию, чтобы на месте познакомиться с традиционными толкованиями этого источника» (т.е. «Абхидхармакоши»).

Интенсивная работа в течение осени и зимы 1912/1913 г. над текстом «Абхидхармакоши», переведенной и истолкованной знаменитым китайским ученым-паломником VII в. Сюаньцзаном и его учениками, привела исследователя к совершенно новому пониманию основных понятий буддийской философии. Его интерпретация центрального термина «дхармы» (элементы бытия и сознания) было поддержано и развито Ф.И. Щербатским. О. Розенберг был убежден в том, что изучение буддийских философских текстов требует освоения живой традиции. Это был тот же самый подход, который был характерен и для Ф.И. Щербатского, стремившегося узнать, как поставлено преподавание в бурятских и тибетских монастырях.

О.О. Розенберг проходил практику мистического созерцания в дзэнском монастыре. Он писал позднее⁶: «Для того, что-

⁴ Ю.Д. Михайлова, Выдающийся буддолог О.О. Розенберг (1888–1919) // Проблемы Дальнего Востока, 1987, №3, с. 89.

⁵ Stcherbatsky, ук. соч. с. 44.

⁶ О.О. Розенберг, Об изучении японского буддизма // Т.В. Ермакова. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. СПб., 1998, с. 321.

бы правильно понять восточное явление, религиозное или какое-либо иное настроение, необходимо быть до известной степени актером — недостаточно изучать, необходимо переживать изучаемое... Недостаточно прочесть описание того, как буддисты секты мистиков предаются созерцанию. Необходимо в обстановке горного монастыря после определенной литературной подготовки под руководством учителя погрузиться в созерцание, пережить то настроение, которое наступает, когда теряется ощущение телесной тяжести и непосредственно переживается единение с Буддой так, как его переживают все присутствующие созерцатели». Порою О.О. Розенберга на этом основании объявляют верующим буддистом, однако высказывания самого ученого не оставляют сомнения в том, что речь идет, прежде всего, о научном методе «вживания» в иную культуру. Он писал: «Разумеется, он применим не только по отношению к Востоку, но и по отношению к любому чужому народу»⁷.

Анализ философских текстов требовал огромной лексикографической работы. Молодой ученый задумал с помощью группы молодых японцев составить словарь буддийской терминологии на санскрите, японском и китайском языках. Оплата труда помощников и услуги типографии требовали немалых расходов. Между тем, несмотря на одобрение проекта со стороны университета, финансирование было скудным и не очень регулярным. Жалобы на отсутствие денег постоянно встречаются в письмах ученого.

«Одновременно Розенберг пришел к мысли, что можно было бы и китайские иероглифы расположить [в словаре] таким способом, который был бы весьма близок к алфавитной системе. Эту новую систему молодой ученый смог лишь частично воплотить в своем большом словаре, а также представил ее в виде отдельного словаря под названием «Arrangement of Chinese Characters according to an alphabetical System with Japanese Dictionary of 8000 Characters and List of 22 000 Characters, Tokyo, 1916»⁸.

Объем поставленных задач сделал очевидным необходимость продлить срок стажировки, истекавший в марте 1914 г. Продление было, наконец, получено, и у О.О. Розенберга ока-

⁷ Там же.

⁸ Stcherbatsky, ук. соч. с. 45–46.

залось еще два года на подготовку и печатание в Токио словаря буддийских терминов. Он обдумывал диссертацию по «истории восточного буддизма», т.е. «очерк догматики китайско-японского буддизма». Результатом этой работы явились два тома «Введения в изучение буддизма по китайским и японским источникам». Первый том⁹ (Токио, 1916), заключавший в себе «Свод лексикографического материала», был опубликован в Токио в 1916 г. (издание Факультета восточных языков Императорского Петроградского университета. №43). Вторым — «Проблемы буддийской философии» — вышел в свет в Петрограде в 1918 г.

В Россию О.О. Розенберг вернулся в июле 1916 г. В конце того же года он прочитал необходимые пробные лекции («Буддийские секты в Японии» и «Японская секта созерцания дзэн») и с января 1917 г. был допущен к лекциям на факультете восточных языков в качестве приват-доцента¹⁰. 6 октября 1918 г. на факультете восточных языков состоялась защита его книги, представленной в качестве диссертации. Официальными оппонентами были его учителя: индолог Ф.И. Щербатской и китаист А.И. Иванов, выступали также С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр и В.М. Алексеев¹¹. Последний отмечал несомненные достоинства диссертации, «написанной сильно, стильно, изящно, открыто и просто»¹². В то же время она показалась ему «схематическим синтетическим очерком, ... книгой впечатлений, изложенных почему-то в форме догматического катехизиса, ... панорамой, пленяющей всякого, кто увлечен потоком, проясняющим сознание»¹³. В.М. Алексеев выражал несогласие с «главным фундаментом и основой книги», а именно, с идеей о том, что буддийская философия должна изучаться на основе «литературы систематических трактатов»¹⁴. По

⁹ A Survey of Buddhist Terms and Names, arranged according to Radicals with Japanese Readings and Sanskrit Equivalents, supplemented by addition of Terms and Names, relating to Shinto and Japanese History.

¹⁰ И.А. Орбели (см. его «Воспоминания студенческих лет» в кн: К.Н. Юзбашян, Академик Иосиф Абгарович Орбели, М., 1986, с. 145) рассказывает колоритную историю о том, как проходило голосование по кандидатуре О. Розенберга.

¹¹ Текст его выступления опубликован в книге: В.М. Алексеев, Наука о Востоке, М., 1982, с. 350–354.

¹² С. 351.

¹³ С. 354.

¹⁴ С. 351.

его мнению, сочинения «отцов церкви» представляют лишь «комментарий к тексту или же к комплексу текстов», они не могут быть поняты вне оригинала. Опыт китаиста, часто писавшего о «борьбе комментатора с текстом», решительно противоречил той методике работы, сторонниками которой был и О.О. Розенберг, и его учитель Ф.И. Щербатской.

Совет факультета присудил молодому исследователю степень доктора японской словесности (минуя степень магистра). Ф.И. Щербатской вспоминал¹⁵: «Так случилось, что именно в день защиты вышел новый указ революционного правительства, согласно которому упразднялись все академические звания. Таким образом, Розенбергу выпала судьба оказаться последним из тех, кто был удостоен докторского звания в русском университете». 16 мая 1919 г. он стал профессором японской филологии. В университете О.О. Розенберг читал лекции по истории религии и религиозной философской литературе Японии, по театру Но и по японской научной литературе. Он был также (с сентября 1918 г.) помощником хранителя Этнографического отдела Русского музея, где разбирал буддийские коллекции, и научным сотрудником Азиатского музея, работая над китайскими текстами, привезенными С.Ф. Ольденбургом из Дуньхуана. Его избрали членом Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, членом Географического и Археологического обществ.

Во время осады Петрограда войсками генерала Юденича О. Розенберг, живший в Павловске, оказался отрезан от города. При отступлении Белой армии он бежал в Эстонию, планируя затем через Финляндию и Америку «попасть в Японию, чтобы там продолжить свою работу. Во время этих мытарств он заболел скарлатиной¹⁶ и умер»¹⁷ в Ревеле (Таллине) 26 ноября 1919 г. Его библиотека и научный архив были разгромлены и уничтожены наступающими частями Красной армии. Как писал С.Ф. Ольденбург¹⁸, «многое из того, что можно было

¹⁵ Stcherbatsky, ук. соч. с. 47.

¹⁶ Очевидно, неточность у Ф.И. Щербатского. Согласно Curriculum vitae О.О. Розенберга (СПб филиал архива РАН, ф. 2, оп. 1 (1924), д. 8, л.14), причиной смерти был сыпной тиф.

¹⁷ Stcherbatsky, ук. соч. с. 47.

¹⁸ С.Ф. Ольденбург, Памяти О.О. Розенберга (1888–1919) // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. №1, Петроград, 1922, с.158.

окончить из начатых им работ, погибло теперь навсегда жертвою нашей дикости и темноты». Посмертно были опубликованы его лекция на I Буддийской выставке «О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке» и ряд статей по буддийской философии, написанных на японском языке. Вдова ученого подготовила и опубликовала основной его труд на немецком языке¹⁹. Новая публикация основных трудов О.О. Розенберга была осуществлена А.Н. Игнатовичем²⁰.

* * *

Просматривая как-то опись фонда Н.Д. Миронова в Санкт-Петербургском Архиве Востоковедов, я обратил внимание на странное архивное дело, заключающее в себе «Письма Фриды Миндлиной, жены Н.Д. Миронова, к ее родителям (на немецком языке)». Я удивился, почему разговорным языком в родной семье Фриды Миндлиной был немецкий, — и заказал это архивное дело (естественно, до этого никто не проявлял к нему интереса). Под одним из писем, действительно, стояла подпись Frieda, но, самое интересное, — оно было отправлено из Токио. Совершенно невероятно, что жена Н.Д. Миронова (к тому времени уже бывшая) оказалась в Японии! И сразу же подумалось: ведь в Токио в те годы жил Отто Розенберг, а его жену звали Эльфрида! Все так и оказалось. Более того, большинство писем было написано самим О.О. Розенбергом²¹, и все они были адресованы не ее, а его родителям.

Попасть в архив они могли при следующих обстоятельствах:

В 1923 году Э.Ю. Розенберг просила Ф.И. Щербатского передать небольшую материальную помощь матери Оттона Оттоновича (отец, очевидно, к тому времени умер — во время Гражданской войны). В 1924 г. С.Ф. Ольденбург начал хлопоты о том, чтобы ей была назначена пенсия²². Видимо, в это время

¹⁹ Otto Rosenberg, Die Probleme der buddhistischen Philosophie. Aus dem Russischen übersetzt von E. Rosenberg // Materialien zur Kunde des Buddhismus, Heidelberg, 1924, Hft. 7/8). Об издании переводов работ О.О. Розенберга см. письма М. Валлезера Ф.И. Щербатскому (СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 55, л. 3–12).

²⁰ О.О. Розенберг, Труды по буддизму, М., 1991.

²¹ В тот же фонд Н.Д. Миронова ошибочно попали и некоторые другие бумаги О. Розенберга.

²² СПб филиал архива РАН, ф. 2, оп. 1 (1924), д. 8, л. 12–14.

она и передала в Азиатский музей письма безвременно скончавшегося сына.

Ниже публикуются эти письма почти полностью — с добавлением нескольких писем, адресованных Ф.И. Щербатскому.

№1

Отто Розенбергу

25/12 сентября 1912

Дорогой отец,

недавно я получил разрешение на доступ в так наз. Dai-gaku-in (буквально, «университетский зал»; как я уже писал, это то, что у нас называется *belassen werden*²³, только иностранцы должны платить 35 иен в год). Я могу теперь пользоваться университетской библиотекой и даже самостоятельно подходить к книжным шкафам и брать книги — совсем как дома в Петербурге. Кроме того, я имею право слушать любые лекции.

Ты спрашиваешь, в состоянии ли я следить за сказанным. Слушание лекций для меня — совершенно второстепенное дело, диковинка, так сказать, а еще, пожалуй, интересно в качестве упражнения по восприятию японской речи. Притом выучиться хорошему японскому языку, в любом случае, невозможно, так как большинство профессоров говорит на варварском японском. Они, в основном, провинциалы и не могут избавиться от родного диалекта. Кроме того, почти все они плохие ораторы. Однако при этом не много потёряно, ибо, в целом, японская наука (всеобщая история, философия, естествознание и т.п.) очень малозначительна. Выдающиеся достижения встречаются почти исключительно в японской истории литературы — и тоже не слишком много. Есть знатоки буддизма, то есть всегда, разумеется, отдельных сект, так как «буддизма вообще» не существует и человек не в состоянии знать все секты и их литературу. Санскрит здесь изучают только ради буддизма, поэтому познания в нем, с общей точки зрения санскритолога, можно считать весьма слабыми.

---

²³ Быть оставленным (для подготовки к профессорскому званию — т.е. зачисленным в аспирантуру).

Как обнаружилось, сам Анэсаки²⁴ (s — произносится мягко) не великий знаток. С китайским языком дело обстоит так же, это значит, что японец (даже с академическим образованием) не способен прочесть по-китайски более сложное произведение (более легкое — пожалуйста, особенно, если оно снабжено указанием на японский порядок слов). Абхидхармакошу²⁵, которую я здесь специально изучаю, не может читать, например, Икеда, равно как и профессор индийской философии Ни (это преподаватель, визитную карточку которого я посылаю, он занимался со мною какое-то время летом, когда Икеда уезжал). Среди монахов должны быть такие, которые на это способны.

Я теперь решил на это в одиночку — и обнаружилось, что довольно легко могу читать, насколько можно при этом использовать китайский. Иванов²⁶ довел меня в китайском языке до весьма высокой ступени — к величайшему удивлению моих учителей. Чего мне не хватает, это более точного определения отдельных терминов, а именно, часто самых обычных буддийских выражений, которых нет в европейских словарях, и которые понимает здесь, конечно, каждый образованный буддист. И эти выражения я прошу мне истолковать или поискать в словаре или в других сочинениях — теперь я уже знаю японский в достаточной степени, чтобы мне можно было растолковать предложение, и это меня полностью удовлетворяет. Я подобным образом в одиночку проштудирую Абхидхармакошу, а если потом найду ученого священника, с которым смогу обсудить трудные вопросы, — тем лучше.

Но максимум того, что мне может сказать самый лучший знаток, находится в напечатанном виде в огромных китайских комментариях, которые сохранились здесь в Японии, — так что нужно только навести справку. Тем не менее, всякий знаток в этой области мог бы оказать мне большую практическую помощь. Пока что дело идет превосходно. Появился очень

²⁴ Анэсаки Масахару (1873–1949) — буддолог, основатель кафедры религиоведения в Токийском университете (1909).

²⁵ Санскритский трактат, своего рода энциклопедия буддийской философии, написанная Васубандху в 5 в.

²⁶ Иванов Алексей Иванович (1877–1937) — китаевед, японист, тангтовед. С 1905 г. — приват-доцент Восточного факультета СПб. университета, с 1913 г. — профессор. Расстрелян.

хороший философский словарь²⁷ — в трех больших томах (как Saunders²⁸) с обширными статьями буддийских ученых на японском языке. Мы с Симадой читаем те отрывки из него, которые для меня представляют интерес — так я знакомлюсь с буддийской фразеологией. Пока что нужно изучать ее по словарю, так как, если я знаю элементарные вещи и могу работать сознательно, дальше дело идет уже легко. Именно простые слова препятствуют пониманию, те, значение которых нужно просто выучить как словарный запас по словарю, — и где интеллект помочь не в состоянии. Это мне уже частично удалось — и, естественно, могло получиться только в Японии.

Итак, я буду здесь пытаться, насколько возможно, углубиться в эту старинную санскритскую литературу (переведенную на китайский язык) — до тех пор, пока не буду в состоянии самостоятельно понимать китайские тексты. А для этого буду использовать то, что здесь сохранилось из традиции. Но постепенно она умирает — сегодняшние японцы не понимают из старинной китайской или буддийской литературы и десятой доли того, что было еще двадцать лет назад; и с этим становится все хуже, даже в монастырях. В собственно японском языке я думаю ограничиться лишь самым необходимым, так как эта литература — безлюдная пустыня.

С Симадой мне повезло²⁹: хотя он не занимался буддийской литературой, но так хорошо образован, что понимает даже очень сложные философские рассуждения и может даже выразить их по-русски. Он знает необычайно много русских слов и понимает, собственно, почти все (в очень широком смысле), что говорится или пишется по-русски, отчасти потому, что работал над русско-японским словарем. Поскольку с ним

²⁷ Видимо, имеется в виду Тэцугаку дайджитэн (изд. Добункан). Токио, 1912.

²⁸ Саундерс — старинная английская книгоиздательская фирма, выпускавшая, в частности, большие словари.

²⁹ Отношения с этим помощником позднее испортились. О. Розенберг писал Е.Д. Поливанову в 1915 г., что Симада в школе иностранных языков у профессора Ясуги сообщил, что именно он изобрел новую систему словарей иероглифов и хочет издать словарь от своего имени. «Он отзывался с презрением о русских вообще, а обо мне в особенности» (СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп.3, д. 276).

можно беседовать по-русски, удастся обойтись без множества лишних слов на плохом японском.

Оказалось, что до Петербурга он лишь весьма поверхностно был знаком с Иноуэ³⁰. Иноуэ был у нас в пятницу (полторы недели назад) и попрощался, в субботу вечером он хотел отбыть (в Россию) и вызвался взять кое-что для вас. В субботу из-за придворного траура все магазины были закрыты, так что я ничего особенного не мог достать — только несколько тарелочек черного лака. В субботу вечером Симада поехал с пакетом на вокзал, а также еще один русский офицер и его супруга (оба — ученики Иноуэ). Мы остались дома, так как шел сильный дождь. Но Иноуэ, которого пришли провожать, к поезду не явился. Он выехал из отеля в надлежащее время со всеми вещами — и больше его не видели. Он ничего не написал, хотя знал, что его придут провожать. Весьма загадочно.

Спасибо за Дхармасанграху³¹, она пришла несколько дней назад.

Пиши, пожалуйста.

О. Розенберг.

Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 19, л. 3-8 об. Пер. с немецкого.

№2

Августе Розенберг

№34 16/3 октября (14/1 окт.)

Дорогая мама,

только что пришла твоя открытка №5, где ты пишешь о тайфуне — конечно, он помешал судоходству на море, у нас на столе один день не было рыбы, так как для рыбаков было слишком опасно выходить в море. Но до Токио ураган не дошел (уже старались предохранить деревья, прикрыть и привязать цветы). Он пришел от Формозы, а потом внезапно ис-

³⁰ Иноуэ — видимо, Иноуэ Гэнсин, автор Юисикирон коги, Токио, 1913 (комментарий сочинения Васубандху «Виджняпти-матрата-сиддхи-шастра»).

³¹ Сочинение Нагарджуны (2 в.), посвященное терминам буддийской философии: Dharmasamgraha. An Ancient Collection of Buddhist Technical Terms. Prep. for publ. by K. Kasawara, ed. by M. Müller and H. Wenzel, Oxf. 1885 г.

чез, никто не знает, по какой причине — очень необычный случай.

<...> У нас теперь уже стало прохладнее — утром у нас в тени $12-13^{\circ}$, на солнце все еще выше 20° — и днем в комнате $15-17^{\circ}$. Хризантемы начинают цвести, и даже на одном из кустов камелий в саду появились большие бутоны. Сегодня мы уже купили часть необходимых одеял. Завтра принесут на пробу газовый обогреватель. Наши стеклянные раздвижные двери (или «окна») превосходны. Фрида подробно это опишет в следующий раз.

15/2 окт.

На солнце 38°R. , в тени 22° (это значит всегда и в комнате — в жаркие дни, так как тогда все раздвижные двери открыты). Вчера вечером мы слышали много раз издали громкие раскаты как будто из земли — даже оконные рамы звенели, и дом немного покачивало. Мы думали, что это землетрясение, а это в гавани велись работы с применением динамита. Но ожидают и большого землетрясения. Последнее было в 1855 г. — во всем Токио осталось тогда лишь несколько домов. Такие землетрясения повторяются с периодичностью примерно 66 лет. Поэтому следующее должно наступить в 1922 г. — но оно может быть и на несколько лет раньше. Тревогу вызывает то, что небольшие толчки, которые регистрируются только аппаратурой, стали редки (обычно это бывало 300 раз в год, а теперь только 1-2 раза в месяц) — поэтому полагают, что накапливается энергия для большого землетрясения. Собственно, опасность исходит не от землетрясения и не от рушащихся зданий, так как эти разрушения происходят не внезапно, а от огня, который оставляют убегающие жители, а также из-за того, что воды недостаточно, а узкие улицы не позволяют проехать пожарным. Очень хорошо, что у нас в доме нет ни огня, ни угля. Газ постоянно выключается, и огонь не остается без присмотра.

Фотографии нашего дома готовы и, вероятно, пошлем их со следующим письмом.

Я, наконец-то, получил мой библиотечный билет в Daigakuin. Бумажная волокита здесь едва ли не больше, чем в Петербурге. Можно теперь пользоваться библиотекой, только, к сожалению, там не слишком много. О лекциях я уже писал. У меня есть только официальное право и добрая воля господ профессоров помогать мне — в том случае, если у них будет соответствующая возможность. В этом я теперь сильно разочарован — после многих упований весною. Итак, вот неудачи по порядку: проф. Анесаки вызвался помогать мне — но при первых же моих вопросах о некоторых философских выражениях выяснилось, что он об этом имеет очень слабое представление. Самостоятельно читать Кусярон он вообще не может, с его познаниями в санскрите дело обстоит довольно слабо. Он получил официальное поручение перевести на японский Рамаюну (индийский эпос). Так как он не в состоянии, это выполнил один из санскритологов (вероятно, также с помощью английского и немецкого переводов), а другой профессор «просмотрел это» — но под трудом стоит имя Анесаки. Кажется, так здесь принято — Анесаки сам рассказывает об этом, и из этого совсем не делается тайны.

Весною еще всячески старался изучить философию Васубандху (автор Абхидхармакоши, яп. Куся-рон), с этим дело обстоит так: бегло прочитывается тонкий томик об этой философии, усваиваешь некоторые выражения — и быстро идешь дальше. По другой системе (также основанной тем же Васубандху) читаешь также быстро и спешишь затем к более поздним догматическим сочинениям или религиозным нравоучительным книгам или к мыслителям о морали и т.п. Подобных маленьких книжонок, на самом деле, много (одна хуже другой). Это примерно так же, как если бы кто-то хотел прочитать Шопенгаура и для этого бегло сориентировался по энциклопедическому словарю о Платоне и Канте — о таком человеке нельзя было бы сказать, что он изучил Канта или Платона.

Икеда, тот, который в начале лета немного учил немецкий, как я уже писал, устранился.

Ни также не может читать Кусярон.

Кимура³², который из всех более всего занимался философией, сказал мне, что он когда-то прочитал этот труд, но поч-

³² Кимура Тайкэн (1881–1930), автор «Абидацимарон-но кэнкю» (Исследование по Абхидхармакоше), Токио, 1922 г.

ти все забыл, так что его, конечно, нечего просить о разъяснениях.

Ватанабэ³³ — о больших познаниях которого в санскрите идет слава — директор гимназии и в качестве социал-политика занят рабочим вопросом, не имеет времени думать о санскрите.

Огихара³⁴ считается лучшим знатоком этой литературы буддизма, он даже в философском словаре написал об этом статьи — в них я нашел много неясных и нечетких мест, из чего можно заключить, что он также, видимо, не особенно осведомлен. К нему я должен обратиться в пятницу — и очень жду.

Это и есть прославленная ученость японцев в философской области — так как если эти господа несведущи, то в Японии вовсе не может быть сведущих. С точки зрения истории они очень хорошо информированы относительно их собственных сект, оперируют числом лет и т.д., и т.п., но содержание, поскольку речь идет о философском знании, в полном небрежении. О философии Васубандху нет ни одного японского труда, так же как и о других системах — о датах же составления отдельных произведений большая литература! Японцы явно не в состоянии усвоить абстрактное мышление, и потому у них нет к этому никакого интереса. Их философский язык и способы выражений неопределенны, двусмысленны, неясны и часто по-детски безыскусны.

К счастью есть два хороших старых китайских комментария, на которые я могу опереться. Я буду скоро их читать и тогда смогу обойтись в важных вопросах без помощи японцев, а японские пособия использовать лишь постольку, поскольку они дают цитаты, указывают на другие произведения и т.п., так как японцы читали эти книги и старательно давали различные варианты — не особенно заботясь о смысле.

Примиска на полях: (Насколько они будут в состоянии мне все-таки помочь. А может быть еще найдется кто-либо более знающий. Во всяком случае, здесь это получить проще, нежели дома).

³³ Ватанабэ Кайкёку (1872–1933) — религиовед, буддолог, профессор университета в Токио.

³⁴ Огихара Унрай — санскритолог и китаист, буддолог, профессор университета в Токио.

Именно эти два китайских комментария прежде изучались в Японии. Теперь старая традиция (насколько таковая была), во всяком случае, больше не существует.

Главным образом мне все еще помогает Симада — понимать фразы, так как смысл я должен самостоятельно вычлениать, он тоже при этом учится и постепенно вработывается. Лексикон растёт — это будет очень хороший лексикон, и собственно японскую литературу я могу здесь очень хорошо выучить с помощью Симады. Иноуэ и все японцы в Берлине в сравнении с ним совершенно невежественны. Надо бы ему к Новому году какую-нибудь хорошую русскую книгу подарить — может быть, новое академическое издание Лермонтова³⁵, об этом я еще напишу. Он работает теперь, собственно, только со мной или для моего лексикона в свободное время, и жена его клеивает карточки в лексикон. Кроме того, он еще, по существу, наш домоправитель, так как в одиночку можно совершенно потеряться со всеми торговцами, электротехниками, садовниками и т.д.

Преписка на полях: Во всяком случае, я хотел бы по возможности подготовить диссертацию здесь и только тогда отправиться в обратный путь, остаться нужно бы, может быть, на полгода. <...>

8/21 октября, вечером

В качестве дополнения относительно разочарований, описанных в предпредыдущем письме, могу сообщить, что и Огихара, главный специалист, совершенно несведущ. Он был не в состоянии объяснить фразы, которые сам же написал. И так как Такакусу³⁶ в своих работах ссылается на Огихару, можно сделать вывод, как мало знает и сам Такакусу. Впрочем, Огихара необычайно любезен и, по крайней мере, выписывает

³⁵ Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений, т. 1–5, СПб., 1910–13.

³⁶ Такакусу Дзюндзи (1866–1945) — буддолог и санскритолог, проф. Токийского университета с 1894 г., президент университета с 1930 г. Санскрит изучал в Оксфорде, занимался также во Франции и в Германии. Вместе с Ватанабэ Кайкёку в 1924–1934 гг. издал буддийский канон в 100 томах (Тайсю синсю дайдзоке).

для меня необходимые места из разных книг. Это все-таки нечто, вообще же очень мало. Он утверждает также, что знатоков в этой области нет — мне придется исходить из санскритского текста и главное делать в одиночку. Тем самым работа стала интереснее. Снова нужны книги, но с деньгами дело обстоит очень туго — а ничего экстравагантного не было.

<...> Самое неприятное было бы, если сердце снова начнет безобразничать. Несколько дней назад мне так показалось, стал пить валидол и, кажется, все нормализовалось. <...> Труд Валлезера³⁷ я нашел в библиотеке, но между введением и заключением небрежный переплетчик вставил совсем другую книгу! Как у нас дома.

Отто

*Архив Востоковедов, ф.40, оп.2, д. 19, л. 26–27 об.
Перевод с немецкого.*

№3

Ф.И. Щербатскому

Токио 9/22 октября [1912 г.]

Дорогой Федор Ипполитович,

расскажу Вам о своих разочарованиях. В течение лета я познакомился почти со всей литературой на японском языке, относящейся к абхидхарме³⁸. Оказалась она незначительной по объему и жалкой по содержанию. Осенью я поступил в Dai-gaku-in и познакомился с главными из специалистов в области буддизма — их философское знание невелико вообще, а понимание Абхидхармакоши отсутствует (хотя некоторые этот текст читали). Я отказался от надежды найти у японцев помощи в понимании буддийской философии. Они читали слова текстов, заучили некоторые определения, сличили слова китай-

³⁷ Валлезер Макс (1874–1954) — специалист по буддийской философии, издатель текстов на санскрите, китайском и тибетском. Профессор университета в Гейдельберге, в двадцатые годы издавал «Материалы по буддизму» — серию монографий, в которой вышли немецкие переводы работ О. Розенберга. Речь идет, видимо, о книге *Buddhistische Philosophie in ihrer geschichtlichen Entwicklung*. Том 1 («Философские основания раннего буддизма») был издан в 1904 г., том 2, посвященный учению Нагарджуны, в 1911 г.

³⁸ Абхидхарма — буддийская философия, логика и эпистемология.

ские с санскритскими, считали число слов, строчек и стихов и могут указать, где что находится, — а мир мысли, скрытый в этих словах, им чужд. Недаром в целой огромной их литературе нет ни одного философского сочинения. Вообще язык не пригоден для логического изложения отвлеченных мыслей — их, очевидно, и не было. На современном японском языке невозможно беседовать или писать на философскую тему, не испещряя фраз немецкими и английскими терминами.

Что же касается философии Васубандху, то все мне заявили, что традиции не существует — меньше всего среди духовенства. Все мне говорили о том, что сочинение Васубандху изучается во всех буддийских семинариях и т.д. «Изучение» это состоит в быстром прочтении небольшого учебника — об этих учебниках скажу дальше. Так же поверхностно знакомятся с махаянистической³⁹ системой Васубандху и переходят к другим сочинениям, где поменьше философии. Хочу Вам по поводу этих грустных, но важных открытий более подробно сообщить свои впечатления и дать характеристику здешней науки и ее представителей, но сперва скажу о своих положительных успехах. Бросив различные туманные толкования японских учебников, взялся прямо за текст Васубандху в двух переводах — и сразу же встал на твердую почву.

Сочинение меня не только не отпугнуло, а, напротив, все больше меня привлекает богатством содержания и стройностью изложения и системы. Оказалось, и схоластики, и схематизма по цифрам не много — как это показалось, было, по японским конспектам. Трудностей, конечно, немало, особенно во вступительной главе, где встречаются уже понятия, разъясняемые только в дальнейших отделах. Но мне удалось приобрести два больших комментария на китайском языке (их сохранение и составляет всю так называемую японскую традицию) — написанные двумя учениками Сюаньцзана⁴⁰. Первый составил

³⁹ Махаяна, или учение «Большой колесницы» — одно из важнейших направлений в буддизме, к которому после написания «Абхидхарма-коши» склонился Васубандху. В духе махаяны написаны его поздние сочинения «Таркашастра», «Виджняпти-матрата-сиддхи-шастра» и др.

⁴⁰ Сюаньцзан (602–664) — монах, совершивший из Китая путешествие в Индию (629–645) с целью привезти санскритские оригиналы буддийских книг. Совместно с учениками осуществил классические переводы этих книг на китайский язык.

свой труд под личным руководством учителя и положил основу всех дальнейших толкований. По этим сочинениям, как я вижу, удастся выяснить вполне всю систему Васубандху. Через месяц у меня, наверно, будет закончен предварительный перевод первой книжки (цзюань). Тогда пришлю Вам часть своего перевода и отрывки из комментариев, а также заметку об этих комментариях и тех сочинениях, которые в них цитируются (как, напр., очень интересное *Nyāyānusāraśāstra*⁴¹, В. Nanjo №1265), а также о других работах, которые в будущем могут явиться следствием изучения этого сочинения.

Японские ученые университета любезно помогают мне, насколько они в силах, при таких сомнениях, которые не относятся прямо к философскому пониманию — словесных, синтаксических. Хотя, к сожалению, и знание китайского языка не особенно велико, так что бывает иногда — если текст попадется без боковых примечаний как расположить китайские слова в японском порядке, — что я фразу пойму скорее своего учителя. Но они указывают мне литературу, отыскивают ссылки в разных сочинениях, нужно благодарить их и за это. Во всяком случае, у меня постоянная практика японского языка — и так как я обязан заниматься и им, то, в общем, условия моих работ благоприятны. За последнее время я, по Вашему совету, сконцентрировался на абхидхарме, а японским языком занимаюсь попутно, без особенной системы — читаю историю литературы, историю и отрывки из наиболее известных древних и современных произведений.

Попутно накапливается у меня материал для параллельной грамматики разговорного и письменного языка, а, что важнее всего, — значительно двинулась работа над словарем иероглифическим. Полного и удобного не существует, даже и у самих японцев — словари полные расположены по крайне запутанной японской орфографии (которую ни один японец, как следует, не знает) и потому очень трудно в них находить нужное слово. А расположенные по китайской системе совершенно

---

⁴¹ Ньяянусарашастра — сочинение объемом в 120 тысяч шлок, составленное в 489 г. Сангхабхадрой в опровержение «Абхидхарма-коши» Васубандху. В 653 г. было переведено на китайский язык Сюаньцзаном.

игнорируют современный язык — указатели во всех очень небрежно составлены. Так называемые трудности японского языка (несравненно более легкого, чем китайский или санскритский) и невозможность заниматься без постоянной помощи туземца (о чем часто приходится слышать) сводятся, в большинстве случаев, к затруднению, которое состоит в том, что нельзя найти слова в словарях.

Пока я эту работу проделываю для себя, чтобы быть в состоянии самостоятельно читать японские тексты (под моим руководством несколько гимназистов работают над собиранием материала из разных словарей по карточной системе), а впоследствии непременно нужно будет подумать о его издании — и тогда уже воспользоваться всей помощью, которую можно будет найти только здесь (основная часть этой работы будет закончена к концу года). В учителе своем имею клад — редко начитанный и развитой человек, благодаря ему я так скоро вник в понимание недостатков японского языка, так что при непонимании философского текста смело могу винить автора за неясность, а не себя за незнание языка. В общем, могу быть доволен тем, что успел сделать за шесть месяцев⁴².

Итак, перехожу к характеристике японской учености в области буддийской философии. Упомянутые учебники очень подробно распространяются о том, что понятно и без толкований, — а трудные вопросы (как *avijjapatti*⁴³, *arhanti*⁴⁴, *samanantara-pariṇaṃ*⁴⁵) затронуты совсем слегка или пропущены (как, например, взгляды Васубандху на «Я», которым посвящена целая глава), отдельные фразы из текста Васубандху разбавлены многими неопределенными японскими словами. Книга Gyonen'a⁴⁶,

⁴² В «Отчете о состоянии и деятельности императорского С-Петербургского университета за 1912 г. (С.-Пб., 1913, стр. 41) о сроках командировки сказано: Юлиус Розенберг по каф. японской словесности (по 1 марта 1913 г.) командирован в Японию (с 1 марта 1912 г. по 1 марта 1914 г. с содержанием 3000 рублей в год, причем 1800 руб. из сумм Мин. и 1200 руб. из сумм Унив.).

⁴³ Одиннадцатая в списке дхарм, необнаружимая чувственно — то, чего нельзя показать другим.

⁴⁴ «Не-восприятие».

⁴⁵ «Непосредственная связь».

⁴⁶ Имеется в виду написанный в 1278 г. трактат Генэна «Основы учений восьми школ» (Хассю кое), в котором излагались доктрины основных школ японского буддизма.

про которую я Вам писал, оказалась до того краткой, что представления об учениях сект не дает никакого, девять десятых написанного об Абхидхармакоше относится к легенде о составлении книги, ее объема и т.д., затем приведены названия 75 дхарм⁴⁷, безо всяких пояснений, несколько других терминов — и переход к следующей секте. Переводить такое сочинение не имеет никакого смысла.

Комментарий на нее страдает теми же недостатками как вышеупомянутые учебники. Я писал, что один из здешних санскритистов читает его со мною и дает мне санскритские эквиваленты; он умолчал об источнике своих знаний — философской энциклопедии, в которой, насколько они известны, и санскритские выражения приводятся при китайских словах. Знание санскрита, как языка, самое поверхностное. Этот же самый санскритист, ученик Takakusu, окончивший университет три года тому назад, обратился ко мне с вопросом, что за форма *petuḥ*⁴⁸ — он ее производил от какого-то фантастического отглагольного существительного от *ra*⁴⁹, — а ведь при чтении данного текста он пред собою имел все время немецкий перевод Deussen'a⁵⁰! Грамматики Kielhorn'a⁵¹ он не знает совершенно.

С приятелями Ямаками⁵² я хорошо познакомился, но Mr. Omori⁵³ редко бывает в Токио и наукою вообще занимается мало, а Kimura с осени состоит приват-доцентом университета — он читает курс по ортодоксальной индийской филосо-

⁴⁷ Дхармы — основополагающее понятие буддийского мировоззрения, элементы или носители качеств. Древние школы насчитывали их 75, школа виджнянавады — 100.

⁴⁸ Перфект, 3 л. мн. числа, от глагола *pat* — «падать».

⁴⁹ «Пить».

⁵⁰ Речь, видимо, идет о переводах упанишад немецкого санскритолога и философа П. Дойссена (1845–1919).

⁵¹ Грамматику Ф. Кильхорна (1840–1908) Ф.И. Щербатской высоко ценил и использовал в преподавании санскрита (*A Grammar of the Sanskrit Language*, Bombay, 1912, Fifth edition).

⁵² Ямаками Соген — буддийский монах, с которым в 1910 г. Ф.И. Щербатской познакомился в Калькутте, в доме Денисона Росса.

⁵³ Омори Дзенкаи — буддийский монах. На 3 Международном конгрессе по истории религий в Оксфорде в 1908 г. выступал с докладами об истории и практике школы Дзэн в Японии.

фии (почти исключительно на основании немецких и английских источников), он сознался мне, что читал когда-то Абхидхармакошу, но забыл все. Watanabe — директор частной гимназии в Токио. Я лично еще не видел — он теперь очень занят социальной деятельностью (по рабочему вопросу, кажется) и санскритом не занимается. Его приятелям, проф. Anezaki и Wogihara, о том, чтобы он работал над *gājñārāmitā*⁵⁴, ничего не известно. Проф. Anezaki сам тоже буддийской философией не занимался, а только чисто религиозными вопросами, но он весною обещал меня познакомить с главным специалистом в области философии абхидхармы — проф. Wogihara, которого он считает лучшим и даже единственным знатоком китайской и санскритской терминологии. Wogihara в Англии списал текст *Yāsomitra*⁵⁵ и является авторитетом, на которого и Takakusu ссылается постоянно в своих работах по абхидхарме и биографии Васубандху. Он же во время отсутствия Takakusu исполняет его обязанности и поэтому, так сказать, является моим официальным руководителем.

Он же написал целый ряд статей по абхидхарме в вышеупомянутой философской энциклопедии. Его статьи я летом прочитал и вынес так же мало, как и из остальных учебников. Трудные термины без объяснений, и нашлось много очень неясных фраз, непонятных не только мне, но и проф. Anezaki. Мы тогда обратились к Wogihara за разъяснениями — и что же — он не был в состоянии объяснить своих же фраз, терминов не помнил, даже различное значение *gīra* и *apekṣā*⁵⁶ нужно было отыскать в словаре. В конце концов, он сам согласился, что написанное им очень неудачно — так что дать объяснения не может, а ведь я просил объяснения на японском языке. На другой день он мне принес множество выдержек из китайских комментариев по данным вопросам, а устного объясне-

⁵⁴ Праджняпарамита (букв. «запредельная мудрость»), буддийская литература, возникшая в рамках школ махаяны в 1 тыс. и посвященная преимущественно темам, связанным с медитацией.

⁵⁵ Яшомитра — автор санскритского комментария на «Абхидхармакошу» Васубандху. Полное издание текста было предпринято У.Огихарой (и С.Ямагучи) в 1933–1939 гг.

⁵⁶ «Небрежение».

ния так и не дал. Очевидно, он и текст Yaśomitra списал и сличил чисто механически — не вникая в смысл. Takakusu в своих работах об абхидхарме ведь тоже дает только заглавия отдельных глав.

Еще характерное явление, подмеченное мною у многих: на какой-нибудь вопрос, верно ли такое-то определение, очень решительно отрицают — получается впечатление, что хорошо знает суть дела. Если же спросите, как же будет верное определение — то не в состоянии сказать, путаются в словах и заявляют, что очень трудно. Очевидно, есть воспоминание о словесной форме, которую помнят лишь настолько, чтобы сказать, что Ваше определение неправильно — а так как по существу не продумали вопроса, то своими словами объяснить не могут. Повторяю еще раз, что все эти лица очень любезно относятся ко мне, они весьма скромны и отнюдь не претендуют на звание знатоков философии, у каждого свои другие занятия (Wogihara тоже директор гимназии, Takakusu, говорят, хлопочет получить должность при дворе), а наука так, между прочим. Они все готовы жертвовать временем и трудом, по-видимому, им лестно, что из Европы приехали к ним учиться. — Нельзя же и требовать, чтобы все занимались философией — жаль, конечно, что наши ожидания не оправдались.

Так как, ввиду таких обстоятельств, главную часть работы, или, вернее, всю, придется мне сделать самому, то не лучше ли взять сейчас же и комментарий Yaśomitra, — наверно, многие сомнения в китайском тексте могли бы быть устранены сразу? Вы пишете о предполагаемом издании частей Абхидхармакоши. Имели ли Вы в виду текст Yaśomitra⁵⁷ или отрывки подлинника? Во всяком случае, усердно прошу Вас дать возможность и мне участвовать в этой работе, если она уже началась; а если это пока только предположение, то оставить Абхидхармакошу за мною — через год у меня, наверно, будет весь хотя бы предварительный перевод основного текста, и труд

---

⁵⁷ Речь шла о подготовке издания: *Sphuṭārthā Abhidharmakośavyākhyā*, the work of Yaśomitra. First Kośasthāna. Ed. by S. Lévi and Th. Stcherbatsky, Bibliotheca Buddhica, XXI, Петербург, 1918.

Яшомитры кажется, надеюсь, доступным для меня. — Напишите, пожалуйста, подробно об этом издании — и как бы составить список текста Яшомитры.

С нетерпением буду ждать ответа.

Уважающий Вас О. Розенберг.

Tokyo, Ko-ishikawa-ku, Myogadani-machi 74.

P.S. На приобретение книг я никаких сумм не получил. Не писал об этом, так как Алексей Иванович⁵⁸ хотел возбудить вопрос этот на факультете. Одновременно с этим письмом отправил Вам проспект издательства «Кокка», всего ок. 250 №№ стоимостью свыше 600 рбл. Кроме того, имеются еще две очень хорошие серии. Трипитаку⁵⁹ старую купил Ал. Ив., но мне кажется, что нужно бы непременно приобрести и новую, которая в Берлине [она, говорят, хуже, но гораздо полнее], во всяком случае, нужно купить собрание всех буддийских комментариев, которое издается в Киото⁶⁰. Число экземпляров ограничено (стоит оно ок. 400 рбл.), кроме того, за 250 рбл. предлагают собрать всю литературу, которая относится к абхидхарме — такая коллекция старинных изданий была бы очень интересна.

На будущей неделе пришлю на имя декана краткий отчет за полгода и приложу список самых важных книг из японской литературы, которые следует приобрести для университетской библиотеки. Знаете ли Вы труд Walleser'a *die Philosophie des Buddhismus*⁶¹ в 3 томах? Тут приходилось слышать о них — я недавно их выписал, но не получил еще.

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 4-10.

---

⁵⁸ А.И. Иванов.

⁵⁹ Токийское издание серии буддийских книг Дай Нихон котай дай-дзоке, 1885 (так называемая «Трипитака уменьшенного формата»). Новая Трипитака — Киотское издание Дай Нихон дзоке, 1902-05, в котором, помимо индийских сочинений содержатся и китайские.

⁶⁰ Дай Нихон дзокудзоке, Киото, 1905-1912 («Продолжение к Питаке», содержит китайскую комментаторскую литературу).

⁶¹ Имеется в виду *Buddhistische Philosophie in ihrer geschichtlichen Bedeutung*. Четвертый том к этому времени еще не вышел.

№4

А. Розенберг

№37. Воскресенье 10 ноября [1912 г.]. На солнце 30°, в тени 16–17°, но вечером снова только 10–12°.

Дорогая мамочка,

я долго не писал — мы думали, что ты больна, так давно от тебя не было письма. Мы ждем теперь каждый день почты, не придет ли хотя бы газета. Сегодня я получил от Щербатского маленькую брошюру и от Димсе книги Валлезера. Спасибо. <...> Теперь — к науке (мое сердце, кажется, снова стало вести себя хорошо, но всегда несколько тревожно, что грозит удар). Что касается обоих — Мендрина⁶² и Елисеева⁶³ — первый окончил институт во Владивостоке, уже 4½ года пребывает в Токио, но весьма мало преуспел, в общем, не очень образованный бывший казачий офицер, кажется не вполне нормальным, поэтому его невоспитанностью в обществе не особенно возмущаются. Как-либо мне полезен он быть не может, повредить, конечно, еще меньше, так что, если епископ⁶⁴ и т.п. аплодируют, это совершенно безразлично и для меня, и для Петербургского университета.

То же самое относительно Елисеева — он тотчас после окончания гимназии в Петербурге поступил в университет Токио и прошлой весной окончил его, очевидно, очень хорошо может говорить по-японски и т.д., в целом же, не особенно

---

⁶² Мендрин В.М. (1866–1922) учился в Восточном институте (1901–1906) во Владивостоке по японскому разряду. С военной службы был уволен в 1908 г. в чине войскового старшины. Тогда же оставлен при Восточном институте для приготовления к профессорскому званию по кафедре японской словесности. В 1915 г. определен в Уссурийский казачий полк в чине есаула. С 1918 г. ректор Высшего политехникума во Владивостоке.

⁶³ Елисеев С.Г. (1889–1975) — японист, первым из европейцев окончил Токийский университет (1908–1912) и аспирантуру при нем, с 1916 г. приват-доцент Петербургского университета. В 1919 г. арестован ЧК, в 1920 г. бежал через Финляндию в Париж, с 1932 г. работал в Гарварде. См.: С.Г. Елисеев и мировое японоведение. М., 2000.

⁶⁴ Вероятно, архиепископ Николай (И.Д. Касаткин), православный миссионер и японовед (1836–1912).

зрудирован, однако научился превосходно танцевать в костюме гейши. То, что он вообразил, будто я должен был бы делать ему визиты, весьма странно. Я вовсе не нуждаюсь ни в одном из господ, составляющих здешнее русское общество. <...>

До сих пор у нас есть только наш Симада — из университета нет никого особо симпатичного, вообще это учреждение очень мало импонирует, так же мало, как и ученое сословие. Омори (это друг Ямаками, к которому у меня было письмо от Щербатского) живет не здесь, а при своем храме — он был у нас вчера и обещал поискать кого-нибудь, кто знает Кусярон. Он полагает, что таковые еще должны быть. Возможно, действительно, кого-нибудь найдет, но я в этом сомневаюсь — вероятно, чтобы специалисты в области буддологии из университета ничего об этом не знали, а они мне заявили, что подобных знатоков нет, и менее всего среди духовных лиц. Поэтому я настроен очень скептически, в конце концов, будь что будет.

Щербатскому я написал, он хотел обеспечить меня санскритским текстом Яшомитры — для сравнений. Огихара передал мне свой список, он работал над ним очень старательно, сравнил все отдельные слова, но, к сожалению, у него нет настоящего понимания содержания.

Наш лексикон растет с каждым днем, к Рождеству основная часть работы должна быть готова. С финансами дело обстоит скверно — 1 декабря по нашему стилю запасы заканчиваются, как я уже писал. Для ребят, которые клеят лексикон, мы едва <...>, так что нам приходится сильно ограничивать себя. Если бы не нужно было так много платить за учителя и за книги, то вполне можно было бы сводить концы с концами. В последнее время я снова должен был закупить книг. И еще будут нужны. Из университета и из музея⁶⁵, естественно, ничего не пришло — хорошо, если вообще они пришлют, пока я здесь. Я даже не знаю, как с этим должно быть — приходится <...> для себя библиотеку японских книг, главным образом, конечно, словари, справочную литературу и буддологическую. Из наиболее крупных трудов следующие: японский сло-

---

⁶⁵ Речь идет о покупке книг для Восточного факультета университета и Азиатского музея АН.

варь — примерно 10 иен, справочная книга по истории 6, два буддийских текста 15, географический лексикон 10 и несколько других. Это я мог из установленных 25 в месяц постепенно <...>. Но очень нужен был бы большой словарь Джайлса⁶⁶ (китайский) 50 рубл. и Ballet (Balet) — 80. Что касается последнего, я не знаю точно названия и издательства — пусть Димсе разузнает об этом в Париже. Я запрошу в Китае, впрочем, упоминание есть в маленьком каталоге Киркера. Этот каталог (малого формата, красная обложка, тонкая книжечка) должен быть у нас дома среди других каталогов — поищи, пожалуйста. Если не найдешь, закажи новый у Рикера. Bal(l)et (?), Dictionnaire Chinois-Francaise, 3 тома — очень дорогой — и пошли его сразу мне почтой, лучше всего.

Самые знаменитые японские сады и цветы оказались иллюзией. Император и некоторые графы и генералы имеют большие парки в Токио и вокруг него. Там, очевидно, есть и цветы, но никто не может этого видеть, по крайней мере, из обычных японцев. Иностранцы через свои посольства иногда получают позволение проникнуть туда. В последнем Montagsblatt можно было прочитать об искусстве садов и культе цветов. Это звучит как <...>. Общественные сады — большей частью, сады <...> запущенные, грязные. Цветочных магазинов, как у нас, нет во всем Токио, только маленькие грязные ларьки, где продаются полевые цветы, ветки деревьев и т.п. Журналисты и дипломаты и т.п., естественно, находятся в лучшем положении <...>. В том, что написала дама о Японии больше правды, чем мы думали. Только о сохранении языка в тайне — неправда, японцы неспособны составить словари для самих себя. Последние так тупоумно организованы (по старой японской орфографии, которую никто не знает), что, например, Симаре иногда требуется 12 (двенадцать!) минут, чтобы найти одно слово. Ни один из этих трудов не является полным: у нас дома 14 штук, но часто невозможно найти самые обычные слова, — а эти словари составлены самими японцами. Необходимо иметь, по возможности, все.

Итак, с японским языком безотрадно — но, конечно, я его выучу, как бы это ни было трудно, а потому безрадостно и скуч-

⁶⁶ Giles H.A. A Chinese-English Dictionary, Shanghai etc. 1912.

но. Литература — почти без содержания, <...> и с Кусяроном <...> разочарование. Если бы Омори нашел кого-нибудь, это было бы чудесно, но я на это не <...>

Будьте здоровы. Отто.

28 октября/10 ноября 1912.

Myogadami-machi 74 (!) я сначала просмотрел, так как номера на улицах здесь в таком же порядке, как и слова в словарях: у нашего соседа 54, а напротив по улице 206.

*Архив Востоковедов, ф.40, оп.2, д. 19, Л. 28–29 об.
Перевод с немецкого.*

№5

Э.Ю.Розенберг – А.Розенберг

№38 вторник 19/ 6 ноября

Дорогая мама,

сегодня день почтовый, и мы ждем, что непременно получим от тебя письмо. Последнее время письма приходят всегда поздно вечером, около 8, а прежде приходили в 11 часов утра или, самое позднее, в 1. Твоя открытка №8 пришла, как и газеты. Для нас ужасно комично было читать о снегопаде, снежных бурях и морозах. В нашем саду цветут три куста, которые мы считали азалией, так как листья очень похожи. Большие розовые цветы, наподобие шиповника, с миндальным запахом, называются «сасанка» — в этом звучит что-то русское, не правда ли? На солнце у нас все еще 20–30° жары, но когда солнце заходит, очень быстро наступает прохлада, а ночью температура падает до 4°. Уже должны быть даже легкие заморозки, но сами мы этого еще не наблюдали.

Я хотела писать уже вчера вечером и поэтому днем закончила большую работу над лексиконом, однако обстоятельства изменились, и я должна была заботиться о пациенте, так как юноше попала в глаз искра из жаровни — и так неудачно, что угодила под верхнее веко. Было сильное воспаление, и никак не удавалось вынуть уголек, он не мог даже открыть глаз. К счастью, Симادا случайно знаком с лучшим местным окулистом в клинике Токио и он на рикше доставил туда Отто. Через час они вернулись, Отто хотя и был с перевязанным глазом, но весьма бодрый. Боль еще немного оставалась и потому, что-

бы он не взялся сразу за Кусярон и не напрягал глаза, мы после обеда его сразу уложили в постель, и я ему читала вслух. Сегодня глаз его вполне здоров, — и он уже сидит с Симадой над Кусяроном.

Юношу совершенно невозможно оторвать от Кусярона, так как он сейчас переводит первые главы, чтобы послать их Щербатскому, который ждет этого с нетерпением. В воскресенье снова пришло письмо от него, в котором он пишет, что над Кусяроном уже многие понапрасну «обломали зубы» и ничего не добились. На основании писем Отто он дал отчет факультету о занятиях Отто здесь и пишет: «отзыв был принят весьма благосклонно».

Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 19, л. 1–2 об.

Перевод с немецкого.

№6

О. Розенбергу

3 декабря 1912

Итак, я хочу тебе объяснить науку. Для чего меня послали сюда, мне, конечно, совершенно ясно — в первую очередь с научной целью, познакомиться здесь со старинной буддийской традицией и спасти то, что еще осталось (в Индии и в Китае она давно уже мертва, и здесь, вероятно, скоро произойдет то же самое). Способен на это, естественно, лишь тот, кто знает китайский и, главным образом, санскрит. В качестве средства для этой главной цели я был обязан и должен также *de facto* — сначала настолько овладеть современным японским разговорным языком (и письменным языком), чтобы узнать об ученых буддистах и их сочинениях здесь все, что представляет интерес — чтобы понимать японские разъяснения. (Опыт показал, что здесь весьма мало чему можно научиться). Приобретенные при этом и для этого познания в японском языке я должен был расширить настолько, чтобы позднее быть в состоянии преподавать его другим. Именно в этом позднее состояла бы моя «служба» (если звезды будут благоприятны, то не навсегда). Эта «служба», конечно, только рамки, только «попутно», так как научная работа, которую ждет университет, состоит в открытии китайской литературы, насколько

она переведена с санскрита — эта область до сих пор полностью неизвестна, здесь буквально нет ни единственной предварительной работы.

Эта работа — то, за что я получу от университета степень магистра или доктора, и она является основой моего научного статуса; не японистика. Это мне открыто и прямо изложил Марр⁶⁷ — и также Щербатской меня в этом горячо убеждал (собственно, в том, чтобы «убеждать» и не было большой нужды). От него я получил уже много книг — наши планы таковы:

Абхидхармакоша, которую до сегодняшнего дня никто не понимал, должна, наконец, стать доступной. По содержанию это до мельчайших деталей разработанная система буддийского мировоззрения — и ключ ко всей позднейшей литературе, на самом деле, не только для буддийской философии, но и для всей индийской (также и исторической). Санскритский текст утерян, сохранился только комментарий. Его Щербатской и Сильвен Леви⁶⁸ (Париж) издадут в *Bibliotheca Buddhica*, Пуссен⁶⁹ издаст тибетский текст — а оригинал по китайскому переводу я буду переводить, объяснять и т.п. Моя работа потом тоже будет издана в *Bibliotheca Buddhica*. Для чего я должен по возможности использовать соответствующую литературу, которая относится к этому сочинению.

Данная работа будет иметь огромное значение для всей буддийско-индийской науки — вот что мне «предписано», а не какая-нибудь специальная работа по японистике. (Конечно, японский словарь практически необходим и может, естественно, тоже быть хорошим приобретением — но это только компиляция по японским словарям, без собственной ценности, в настоящем смысле слова; практически вещь вообще очень полезная, так как нет ничего сколько-нибудь полного).

⁶⁷ Марр Н.Я. (1864/65–1934) — кавказовед, академик с 1912 г., преподаватель и декан Факультета восточных языков.

⁶⁸ Леви С. (1863–1935) — французский санскритолог и буддолог, профессор Сорбонны и Коллеж де Франс.

⁶⁹ Пуссен Л. де Ла Валле (1869–1938) — бельгийский буддолог, санскритолог и тибетолог (профессор в Генте, затем работал в Брюсселе), опубликовавший, в частности, французский перевод «Абхидхармакоши» (6 тт., 1923–31). Тибетский текст комментариев к «Абхидхармакоше» в *Bibliotheca Buddhica* (XX) издавал в 1917–1930 гг. Ф.И. Щербатской.

Для этой работы мне, естественно, нужно больше двух лет. И я уже серьезно ношусь с мыслью остаться здесь на еще более долгий срок — во-первых, здесь больше времени, чем в том случае, если бы я уже должен был преподавать японский язык, и, кроме того, в другом отношении это <...>. Но об этом я напишу в университет только через полгода — пока еще не пришло время.

Отто.

Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 19, л. 30 и об.

Перевод с немецкого.

№7

О. Розенбергу

Токио, 23/10 января 1913, №50.

Одновременно с открыткой от Фриды №49.

Дорогой отец!

Прежде всего, поздравление с днем рождения и пожелание всего, что ты себе можешь пожелать.

Из одной фразы в последнем письме мамы я заключаю, что не вполне понятно выразился относительно моих буддологических работ. Перевод Кусярона и есть моя индо-буддийская работа, о которой мама спрашивает, могу ли я достать необходимые пособия.

Моя работа состоит в раскрытии этих китайских переводов санскритских сочинений, которые полностью утеряны. Кусярон (Абхидхармакоша) только один из сотен, но в то же время он способен служить ключом к остальным, потому что к нему есть больше комментариев, — среди них и санскритский комментарий, — и именно этот труд предлагает систематическое изложение одного из многочисленных направлений буддизма.

Точное буквальное понимание многих выражений возможно только при знании санскрита. В общем и целом, китайские переводы очень хорошие, ход мысли можно понять и без помощи санскритских текстов. Также на тибетский есть очень много переводов, но они настолько дословные, буквальные переводы с санскрита, что нужно осуществлять обратный перевод на санскрит — с точки зрения тибетского языка они не-

понятны. А китайские переводы вполне можно интерпретировать как собственно китайские тексты.

Все принципиальные загадки Кусярона уже разрешены — и без помощи японских текстов. Эта честь принадлежит только мне одному — роли поменялись, я теперь объясняю философские выражения проф. Огихаре и Анесаки, а они на все только отвечают «да». Итак, окончательный перевод — дело только времени. Если мое понимание будет всесторонне обосновано, то почти все существующие работы по буддизму нужно будет заново пересмотреть, так как благодаря китайским (и тибетским) переводам утраченная санскритская литература буддистов с содержательной точки зрения будет открыта вновь. Это значит, что там, где санскритологи долгие годы располагали практически лишь немногими фрагментами, большей частью, в виде цитат в трудах противников буддизма в Индии, теперь будут в наличии обширные оригинальные труды с еще более объемистыми комментариями — и в хороших переводах. Это произведет переворот не только в изучении буддизма, но и всей индийской философии.

Японцам принадлежит честь сохранения этих трудов в точности, они их издавали, собирали, сравнивали — большей частью, весьма поверхностно — но они это сделали, так что эта литература здесь имеется в довольно обработанном виде, а не в качестве сырого материала, как в Китае.

По содержанию индийское мышление от японцев дальше, чем от нас — собственно буддизм японцам всегда оставался чужд. Сегодняшние секты с индийскими роднит лишь общая религиозная фразеология — понимание же стало совсем другим. К сожалению, теперь мое изучение японского языка и эти буддологические работы идут параллельно, почти независимо друг от друга — одно другому мешает или, по меньшей мере, замедляет. Вероятно, поэтому я должен буду задержаться здесь, чтобы в обеих областях сделать нечто относительно завершенное. Но пока что исследование буддизма возможно только здесь, в Японии — хотя и не по причине языка. Если бы вдруг все китайские тексты, словари, комментарии и существующая японская литература по буддизму оказалась в Петербурге, то не понадобилось бы ездить в Токио ради старинного буддизма — японцы его знают так же мало, как мы. Для

религиоведения новые японские формы буддизма, естественно, очень интересны — их можно, конечно, изучать только на месте.

С некоторых пор я — член общества естествознания и этнологии Восточной Азии. С наукой это связано довольно слабо — все немцы здесь его члены, организуются вечеринки (там есть кегельбан), иногда с супругами. Есть и научные мероприятия — каждый месяц так называемый «научный» доклад. Если случается присутствовать ученому, обычно доклады о повседневных вопросах Восточной Азии, миссионерстве и т.п. Кроме того, общество имеет довольно богатую библиотеку. Цель — дать материал тем европейским ученым, которые временно пребывают здесь. Издается также журнал с довольно ценными публикациями. В настоящий момент царит определенное затишье. От собственно общественных мероприятий мы стараемся держаться как можно дальше — но есть, может быть, пара знакомств. Общество довольно пестрое, здесь представлены все, начиная с немецкого посла, графа фон Рекса, богатые коммерсанты, пастор, учитель и аптекарь. «Ученые» живут здесь только временно, так что данный элемент часто меняется — для постоянного немецкого общества это компания. Среди членов его есть также несколько японцев, врачи, учителя и два министра — премьер и министр путей сообщения.

Большой японский лексикон готов — примерно 8 солидных ящиков, размером как тот, который мы взяли из Петербурга. Он скомпилирован из других — но расположен по китайской системе, так, чтобы знаки легко можно было найти.

Когда в следующий раз будешь посылать книги, положи туда книжечку дамы-противницы Японии — может быть, у Deubner⁷⁰ она еще есть, и пришли еще пару номеров *Freies Wort* и новые каталоги, здесь мало что можно узнать о новой литературе. <...>

Сердечные приветы. Отто.

Пришла ли доверенность?⁷¹

Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 19, л. 18–24 об.

Перевод с немецкого.

⁷⁰ Немецкое издательство — Дойбнер ферлаг.

⁷¹ Доверенность на получение денег от Петербургского университета.

№8

Ф.И.Щербатскому

15 февр. 1913, Токио, Koishikawa Myogani, 74

Многоуважаемый Федор Ипполитович,
с большим интересом я сличил Ваш перевод с моим и с текстом Яномитры. Продолжая чтение и перевод Коши, я одновременно вернулся к обработке начала, где теперь все, кажется, стало ясным. Перевод Парамартхи⁷² значительно ближе к санскриту. Настолько он иногда буквален, я раньше не подозревал даже. Сюань-цзан буквальной грамматической точности не преследует, есть даже неправильности — но главные положения и термины переданы вполне верно. Заслуга его перевода в том, что он понятен без знания санскрита. Перевод Парамартхи, с точки зрения китайского языка, очень труден, и им почти не пользовались в Китае и Японии. Я не знаю теперь, не положить ли лучше в основу своего перевода текст Парамартхи? Посылаю Вам параллельный перевод. Я думаю, что достигнутая теперь точность более удовлетворительна. Продолжение и начало главы о дхармах пришлю скоро. Я убедился, что мое понимание dharma's — правильно, многое в своем очерке я теперь мог бы формулировать точнее, конечно. Жду Вашего отзыва. В общем, я теперь могу сказать, что я Кошу понял, фундамент есть — и дальнейшая разработка движется успешно.

Издание китайского буддийского комментария закончено — 750 томов, на 300 000 страницах, стоит ок. 750 иен. Это издание выходило как дополнение к той Трипитаке, которую цитирует Мюллер⁷³, — оно имеется в Берлине, Париже и в Англии. Было бы ужасно досадно, если бы не удалось получить сумм на его приобретение, а также той Трипитаки, которую купил Ал. Ив. Здесь того мнения, что с нового издания начинается новый период в изучении буддизма. Раскрытие этой литературы могло бы быть возрождением индийской литературы. Особенно если еще потом использовать тибетские переводы.

⁷² Парамартха — буддийский ученый 6 в.

⁷³ Макс Мюллер Ф. (1823–1900) — немецкий санскритолог и религиовед, работавший в Англии. Сотрудничал с японскими буддологами (Bunyu Nanjio), издал, в частности, *Buddhist Texts from Japan*, Oxf. 1883.

— Я познакомился с Ватанабе, он, действительно, науку почти забросил — он построил приют для фабричных рабочих, открыл среднюю школу, и дела у него множество. Он немного помогает Огихаре при издании санскритско-китайской *Maḥāvvyutpatti*⁷⁴ — на основе текста *Bibliotheca Buddhica*. Издание выходит приложением к журналу. Огихара предоставил мне два экземпляра — один для Вас, пока вышло только начало. Скоро будет праздноваться издание *Saddharmapundarikā*⁷⁵ — нашей академии хотят отправить благодарственное письмо. Только что вышла статья Shiiwo, который в ответ на датировку Васубандху у N.Péri⁷⁶ доказывает свою дату 270–350. Ожидая ответа Takakusu⁷⁷. Takakusu, говорят, собирается издать папильский словарь.

Kawaguchi⁷⁸ опять в Индии. Он кое-какие тексты привез, они лежат — часть их — в университете. Подробности напишу следующий раз.

Уважающий Вас О. Розенберг.

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 14–16.

№9

Ф. И. Щербатскому

Токио, 4/17 марта 1913

Многоуважаемый Федор Ипполитович,
прилагаю список рукописей Кавагучи, который теперь опять в Индии. Все свои рукописи он оставил в университете.

⁷⁴ Махавьютпатти — санскритский буддийский лексикон (3 или 4 в.). Был издан И.П. Минаевым. Второе, переработанное, издание, подготовленное Н.Д. Мионовым, появилось в 1911 г. в серии *Bibliotheca Buddhica* (XIII).

⁷⁵ Саддхармапундарики-сутра («Сутра лотоса благого Закона») — одно из важнейших произведений буддизма махаяны. Санскритский текст был издан в Санкт-Петербурге в 1908–12 гг. (ed. by H. Kern and Bunyu Nanjio, *Bibliotheca Buddhica*, X).

⁷⁶ Имеется в виду статья N.Péri, A propos de la date de Vasubandhu, BEFEO, XI, 1911).

⁷⁷ См. Takakusu J. The Date of Vasubandhu «in Nine Hundreds» // JRAS, 1914.

⁷⁸ Кавагучи Экаи, японский буддист, путешествовавший по Тибету и собравший коллекцию санскритских текстов (см. Kawaguchi E. Three Years in Tibet. Published by Theosophist Office, Adyar, Benares, London, 1909).

Анесаки его знает, он считает его человеком не совсем нормальным, живущим в фантастическом мире буддийских легенд. Он, например, рассказал, что видел в Тибете озеро, имеющее форму лотоса, стоящего на четырех ногах-руках; отрывки сутр ему показались санскритским оригиналом *Mahāprajñāpāramitā-śāstra*⁷⁹ и т.д. Анесаки даже не вполне уверен, был ли он в Тибете вообще — в свое время в японских газетах его объявили шарлатаном. Было бы очень интересно узнать Ваше мнение о значении этих манускриптов.

Museon⁸⁰ а, к сожалению, не имеется в Токио — я подписуясь на текущий год, но не знаю, получу ли прошлогодние номера с переводом *Vijñānamātraśāstra*⁸¹. Не можете ли Вы мне сообщить годы и когда de la Vallée⁸² раскритиковал *Outlines of Mahāyāna Buddhism* Suzuki⁸³; недавно я с ним познакомился, он готовится второе издание. Я очень доволен, что достал список Яшомитры, теперь я имею возможность проверять китайские и японские работы, а главное — привыкаю к способу передачи санскритских конструкций. Познакомиться с приемами самадхи⁸⁴ удастся — оно практикуется еще в двух-трех из японских сект, и в той, к которой принадлежит Ямаками. Абхидхармакоша будет скоро мною прочитана вся — настолько подробно, что можно будет взяться за *Vijñānamātra*, непонятное без Коши, а также без *Nyāyadvāratarka* Дигнаги⁸⁵ с комментарием, так что придется изучить и это сочинение.

⁷⁹ Махапраджнапарамита-шаstra, комментарий Нагарджуны (2 в.) на «Панчавимшапраджнапарамита», известен лишь в китайском переводе.

⁸⁰ Бельгийский журнал по востоковедению.

⁸¹ *Dogmatique bouddhique. Les Soixante-quinze et les Cent Dharmas. D'après l'Abhidharmakośa, la Vijñānamātrasiddhi et la Mahāvīyūtpatti* // *Muséon*, VI, 2, 1905.

⁸² Рецензия была опубликована в *JRAS*, 1908, стр. 885–894.

⁸³ Судзуки Д.Т. (1870–1966) — интерпретатор буддийских текстов (переводил с санскрита, китайского и японского), известный популяризатор махаяны в Европе и Америке. Упомянутая книга была впервые издана в Лондоне (для Чикагского университета) в 1907 г.

⁸⁴ Самадхи — состояние просветления, достигаемое медитацией.

⁸⁵ Дигнага (ок. 450–520) — ученик Васубандху, крупнейший представитель буддийской логики, основатель буддийской школы йогачара-мадхьямика. Ньяядваратаркашаstra — сочинение по буддийской логике, известное в китайском переводе Сюаньдзана.

К сожалению, мои занятия японским языком и буддийской литературой непосредственно мало имеют общего. Все лучшие работы, и японских буддистов до самого последнего времени, написаны по-китайски. Современный японский язык при этих занятиях является условием необходимым, но все-таки только вспомогательным, так что возложенные на меня задачи — изучить и японский язык, и буддийскую литературу — требуют раздробления моего труда. На будущей неделе я отправлю годовой отчет, в котором изложу свою программу изучения японского языка, как она выработалась у меня за это время. Обе мои задачи тесно связаны, но обе они не могут быть закончены в намеченных мною пределах в течение одного года, я, поэтому, подаю прошение продлить мою командировку на $1\frac{1}{2}$ года, то есть с марта 1914 г. по август 1915 г.

При настоящем положении японологии моя главная цель должна быть вывезти как можно более разнообразного материала уже значительно подготовленным для дальнейшей самостоятельной обработки. Ведь в Петербурге не у кого будет справляться — а пособий очень мало существует.

Работы мои над словарем и грамматикой продолжаются — уже 40 000 слов с лишком приведены в порядок. Скоро я хочу приступить к обработке буддийского словаря, очень ценного и богатого по содержанию, но по расположению слов хаотического — я надеюсь найти сотрудника в проф. Wogihara. Приостановить часть буддийских работ, чтобы наскоро приготовить другие отделы японских занятий, было бы крайне нежелательно, уже ввиду важности буддизма для понимания японской культуры — ведь вся духовная культура Японии плод буддизма (за последнее время японцы стали забывать это). Главным же образом потому, что кроме перевода Коши, который я непременно хотел бы закончить здесь, у меня начаты другие работы. Кроме Nyāya[dvāra] и Vijñānamāla, нужно будет, как Вы советуете, познакомиться и с литературой сутр — все это возможно только в Японии. Окончательно закончить еще что-нибудь, кроме Коши, вряд ли удастся, но подготовить можно будет все остальное в $1\frac{1}{2}$ года. Нужно спешить сохранить то, что осталось от старой традиции, незатронутой европейской наукой, ведь нынешнее поколение буддийских ученых уже изучает санскрит в Европе и очень часто заметно желание

или сблизить свое мировоззрение с европейскими системами, или защитить его от нападений миссионеров — в результате получается изменение основных идей.

Я уверен, что Министерство не откажет в продолжении моей командировки (ведь от Владивостокского института Мендрин уже 5-й год в командировке). Прощение и отчет я пришлю на будущей неделе — может быть, уже раньше можно будет возбудить этот вопрос на факультете, чтобы не терять времени. Для меня крайне важно получить как можно скорее определенный ответ, чтобы решить, заниматься ли по установленной мною программе или переключить ее.

Очень прошу Вас не отказать в содействии возможно скорому решению этого вопроса.

Уважающий Вас О.Розенберг.

Tokyo, Myogani 74

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 17–20.

№10

О.Розенбергу и А.Розенберга

Токио 17/30 марта [1913 г.]

Дорогие родители!

Я долго не писал, но Фрида, вероятно, все рассказала о нашей жизни, так что мне, собственно, и не о чем писать. Моя работа движется — но сообщить об этом нечего. Я только что завершил мой «Отчет» за 10 месяцев — год командировки. В течение этого времени с определенностью выяснилось, что именно надо делать. Программа моих работ теперь утверждена. Конечно, невозможно все подготовить до будущей весны, как, собственно, и следовало ожидать. Никто, конечно, не имел представления о том, как, что и у кого здесь можно было бы изучить. К тому же поездка виделась в голубом свете — с огромными надеждами, которые большей частью потухли. Но зато в другом отношении — удачное расположение звезд, и совершенно неожиданно. Я должен был выучить японский, чтобы быть в состоянии преподавать его другим, а при этом еще изучить буддийскую литературу и перевести Абхидхармакошу — для этого нужно десять лет, а не два года. Первоначально мы думали, что японцы были великими наставниками, уз-

наешь японский язык — и обретишь премудрость. Ничего подобного. Вся буддийская литература — китайская, и отдельные выдающиеся японцы старого времени также писали по-китайски. То, что в последнее время написано по-японски, вообще мало чего стоит и мало чем может помочь.

Единственное, что хорошо, — отдельные исторические сведения для систематизации взаимосвязанных сочинений. Всегда здесь можно найти нечто полезное. В целом же буддийская литература — китайская, и понять ее можно, только если знаешь санскрит. Даже большие знатоки — в том числе и среди старинных японцев — сделали немало ошибок в интерпретации текстов. Но только здесь, в Японии, есть вся эта китайская литература, и только здесь есть люди, которые ее, по меньшей мере, читали или ориентируются в названиях. Это, во всяком случае, необходимо использовать. Но все базируется на китайском языке. И при этом японский язык выучиваешь мало.

Также и пособия по японскому языку не такие замечательные, как ожидалось. Сначала приходится составлять просто словари и грамматику — и такая пустая работа занимает много времени. Конечно, позднее это принесет плоды. Сделать как можно больше предварительной работы — моя главная цель. Изучение буддизма и японского языка идут параллельно, и не помогая друг другу и не мешая существенным образом. Но, конечно, нельзя выполнить две задачи за два года. Поэтому я подал ходатайство позволить мне остаться здесь еще на полтора года — до лета или до осени.

Тогда я подготовлю все самое необходимое и, надеюсь, полностью Кусярон. Я хотел бы его здесь, по возможности, закончить, может быть, это и получится. Я не верю, что ходатайство не удовлетворят — но при срочности с организацией занятий японским языком в университете, возможно, мне предложат все свернуть и довести до конца что-то менее основательное. Это не было бы разумно, так как если все начатое теперь пойдет в спешке, половина работы будет потеряна. Через пять или шесть недель я надеюсь получить ответ университета.

Но если придет желаемый положительный ответ, то отъезд домой придется отложить на несколько месяцев — если загля-

дывать вперед, кажется, что это очень долго, но если оглядываться назад, пройдет очень быстро. В особенности: если месяцы написать на листке бумаги в виде календаря с маленькими цифрами, покажется, такой небольшой срок, что невозможно многое осуществить за столь короткое время, как 28 или 29 месяцев. Надо надеяться, будет и то, и другое — достаточно долго для занятий и достаточно быстро, чтобы скорее быть с вами.

Ваш Отто

Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 19, л. 15–17 об.

Перевод с немецкого.

№11

О.Розенбергу и А.Розенберг

3/16 апр. 1913

Дорогие родители,

большое спасибо вам за подарок. Относительно моих работ — я прошу, Бога ради, не придавать им слишком большого значения, все это еще дело будущего. Что называется Абхидхармакошей, невозможно объяснить в двух словах. Собственно, она называется Абхидхарма-коша (сосуд)-шаstra (учебник), «Учебник (под названием) сосуд абхидхармы». Под этим следует понимать систему литературы абхидхармы, или философскую литературу. Васубандху в своем учебнике систематически обработал эту философскую литературу с определенной точки зрения.

Учения абхидхармы, в основном, содержатся в его труде, поэтому он и есть «сосуд» таковой. Сама «абхидхарма» не значит «философия». Но сочинения об абхидхарме — то, что мы называем философскими, т.е. систематические и несистематические, но всегда теоретические и схоластические, рассуждения о метафизических, логических и эпистемологических проблемах. Поэтому, чтобы понимать эти сочинения, нужно, прежде всего, знать философию, а ее не знал до сих пор никто из китаистов-филологов, Иванов тоже очень мало смыслит в философских вещах. Из санскритологов же, которые это, конечно, могли бы понять, никто, зато, не знал китайского. Но вся литература буддийской абхидхармы полностью существует только в китайском переводе, санскритские же тексты

утрачены — за редкими исключениями. Переводы часто не передают смысл, а являются только рабскими дословными пересказами, — так что часто слово только тогда понимаешь, когда знаешь или догадываешься, какое слово стояло в санскритском оригинале.

Поэтому если, действительно, знаешь китайский и философское содержание, все же еще не всегда можешь понять эту литературу, так как по языку она не чисто китайская — в большей части вовсе нет, — а санскритская с китайскими словами, почему даже лучший знаток китайского языка совершенно безоружен перед многими текстами. Так как это переводы, то по содержанию там все указывает на Индию: имена, понятия, полемика — все индийское и предполагает знание индийских языков, культуры, истории. В этом и есть причина того, почему ни Иванов, ни кто-либо другой такие тексты читать не может.

Знание китайского языка необходимо, но недостаточно. Язык этих текстов — совершенно иной, чем в других китайских сочинениях. В этом причина, почему японцы, в общем, — не большие мастера в этой литературе. Для них эти тексты также совершенно чужды. К тому же они обычно имеют очень скудное образование в области философии, или вовсе никакого, обычно также и не имеют к этому интереса, так что они, большей частью, даже если знают санскрит, не занимаются исследованием философских сочинений, а обрабатывают другую литературу буддизма — религиозную, этическую или историческую. Вот почему литература абхидхармы до сих пор так мало известна.

// Японцы сделали из Коша — куся, а учебник по-китайски lun, яп. gon — отсюда Куся-рон //.

Пока что все идет еще очень медленно, но все, в конце концов, получится. Пособия имеются, надо их только тут найти. Пока что о моих успехах нечего говорить. Самое главное, что за это время я выучил японский язык, в общем, тоже немало — «кое-что!». Надеюсь, мне позволят еще полтора года быть здесь — до следующей весны я не смогу закончить того, что хотел. Ответ, вероятно, придет только через месяц. <...>

Привет. Отто.

Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 19, л. 11–14 об.

Перевод с немецкого.

№12

Э.Ю.Розенберг – А.Розенберг
[апрель-май 1913 г.]

Дорогая мама,

сегодня пришло небольшое письмецо от проф. Щербатского. Он пишет: «Министерство отозвалось на Ваш отчет с большой похвалой! Командировка будет Вам своевременно продолжена!!» (*цитата по-русски* – А.В.)

Так как я сегодня не хочу писать более длинное письмо, посылаю только эту записку, чтобы известить Вас как можно скорее, что Щербатский посоветовал Отто летом «auszuspringen»⁸⁶. Он пишет, конечно, по-русски, но всегда вставляет немецкие слова.

Маленький Теру вполне здоров. Было что-то с желудком и температура 40. Так же быстро, как появилось, так и прошло. Это было, собственно, не что иное, как месть змеи, в которую маленький мальчик утром бросил камень. Здесь верят в месть змеи. В том числе и Симада!

Сердечный привет.
Фрида.

Все в полном порядке.

*Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 19, л. 9–10.
Перевод с немецкого.*

№13

Ф.И.Щербатскому
Токио, 29 [апреля]/12 мая [1913 г.]

Многоуважаемый Федор Ипполитович!

Очень рад был узнать о благоприятном ответе на мое прошение: хорошо, что не нужно менять плана занятий. Получил ответ от Saeki⁸⁷ в Naga на мой краткий очерк (по-японски) первой части Коши. В общем, он подтверждает мое изложение, а некоторые из его возражений подтверждают, кажется, мою догадку, что японские так наз. традиции «учения Коши», в

⁸⁶ Расслабиться.

⁸⁷ Саэки Кекуга, которого О. Розенберг характеризовал как лучшего знатока философии Васубандху, издал «Виджняптиматратримшикашастру» с примечаниями в 10 томах (Киото, 1893).

сущности, есть традиции сарвастивадинов⁸⁸, которые в Коше опровергаются. Во всяком случае, Saeki самый авторитетный судья во всей Японии в вопросах этой традиции, так как он главный представитель секты Dharmalakṣaṇa⁸⁹.

Пока спешу сделать дополнительные указания по поводу приобретения книг — буддийских, а также и японских, список которых я выслал. Все издания могут быть приобретены с уплатою в рассрочку или помесечно. Я у своего поставщика буддийских книг имею кредит и могу с ним расплачиваться как мне удобно. Трипитаку и комментарии, действительно, лучше выписать прямо из Киото из издательства — в рассрочку придется переплатить. Через здешний магазин, наверно, обошлось бы немного дешевле, но, конечно, не стоит перевозить книги напрасно в Токио и переупаковывать.

На днях магазин сообщил мне, что ему предлагают «сборник комментариев» за 550 рбл. с чем-то (в Киото стоит 675 (650), а в рассрочку 750). Не желает ли библиотека воспользоваться случаем? Уплачивать можно бы по 50 рбл. в месяц или сговориться иначе. При покупке нового экземпляра из акционерного общества издательского очень важно, чтобы кто-нибудь тщательно проверил бы, все ли страницы.

Я теперь читаю Nyāyapraveśaśāstra Śaṅkarasvāmin⁹⁰ — что очень важно для Vijñaptimātra, но и для Коши. Японский курс буддийской логики этим и ограничивается, в самый текст Дигнаги — Nyāyadvāraśāstra обыкновенно и не заглядывают, к нему не сохранились китайские комментарии. Текст считается очень трудным и непонятным. Нельзя ли достать текст сан-

⁸⁸ Сарвастивадины — одна из буддийских школ, подразделение стхавиравады. Основой их воззрений было учение о перманентной реальности дхарм. Расцвет этой школы приходится на первые века н.э.

⁸⁹ Буддийская школа, основанная на учении йогачары (виджнянавады) Асанги. Получила распространение в Китае под влиянием Сюаньцзана. Важнейший труд этой школы — «Виджняпти-матрасиддхи-шастра»; комментарий на «Виджняпти-матра-тримшикашастра» Васубандху.

⁹⁰ Шанкарасвамин — ученик Дигнаги, автор краткого введения в логику (6 в.). Труд этот известен в санскритском оригинале, а также в тибетском и китайском переводах, он пользовался большой популярностью в Японии.

скритский, который открыл Миронов⁹¹? Я бы мог прислать мой перевод *Śaṅkarasvāmin*'a, но, к сожалению, я не знаком с Мироновым. Сравнение с оригиналом сразу разрешило бы разногласия двух японских традиций и было бы очень важно для дальнейших занятий. Sugiura в своем *Hindu Logic*⁹² тоже не использовал текста Дигнаги, а характерные примеры *Śaṅkarasvāmin*'a почему-то отчасти изменил. В тексте разбираются те же примеры, как и в *Nyāyabindu*⁹³, причем толкования китайского «Большого комментария» местами отличаются от толкований Вашего перевода. Подробнее напишу следующий раз. Takakusu из Непала вывез 500 санскритских манускриптов. Уважающий Вас О. Розенберг.

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 24–25.

№14

Ф.И. Щербатскому

4/17 июня 1913, Koishikawa-Myogani 74

Многоуважаемый Федор Ипполитович!

Рукописи Кавагучи были некоторое время недоступны — библиотекарь был болен. *Aśvaghoṣa-Nandīmukha avadāna*⁹⁴, вероятно, тот же текст, который описан в каталоге Кэмбриджских манускриптов Bendall'a⁹⁵ — стр. 67 (add. 1357). Святые *Nandīmukha* и *Aśvaghoṣa* упоминаются в *Vasundhara-vratopatti avadāna* (Raj. Mitra⁹⁶, *Buddhist Literature in Nepal*, p. 270). Я

⁹¹ Миронов Н.Д. (1880–1936) — санскритолог, специалист по индийским рукописям и джайнизму. Имеется в виду его работа: *Dignāga's Nyāyapraveśa and Haribhadra's Commentary on it* // *Jaina Shasan*, Benares, 1911 (издание Н.Д. Миронова см. *Nyāyapraveśa. Sanskrit Text* // *Toung Pao*, 1931, 1–2.).

⁹² Sugiura S. *Hindu Logic as preserved in China and Japan*. Philadelphia, 1900.

⁹³ Ньяябину — трактат по буддийской логике, составленный Дхармакирти в 7 в. Санскритский текст и комментарии были изданы Ф.И. Щербатским.

⁹⁴ Аваданы — жанр буддийских легенд.

⁹⁵ Bendall C. *Catalogue of the Buddhist Sanskrit Manuscripts in the University Library*, Cambridge, 1883.

⁹⁶ Mitra, Rajendralal, *The Sanskrit Buddhist Literature of Nepal*, Calcutta, 1882.

Вам пришлю списки с первых листов. В *Suvarṇaprabhāsa-sūtra*⁹⁷ главы о *tīkāya*⁹⁸, очевидно, нет — но листы рукописи (довольно большой) перепутаны, и я не просмотрел еще всю. В оглавлении (приписанном другим почерком, чем самый текст) она не указана.

Мои работы двигаются успешно. Основные проблемы *Abhidharmakośa* окончательно выяснились — перевод соч. *Nyāyapraveśa* закончен, а *Vijñaptimātraśāstra* начну основательно изучать осенью. Тогда же я Вам пришлю *Praveśa* с примечаниями на основании китайских комментаторов (*Sugīu*а многого интересного не понял и пропустил) — напишу также подробно о моей переписке с *Saeki*. Спасибо за совет отдохнуть. Я это, конечно, сделаю летом — вообще-то я себя не утомил вовсе и чувствую себя прекрасно. Жара действует на меня очень хорошо. Как я вижу, с текстом *Дигнаги* можно будет справиться и без санскритского оригинала, но сравнить было бы, конечно, интересно. Есть *Tarkaśāstra*⁹⁹ *Vasubandhu*, но она здесь мало известна.

Уважающий Вас О. Розенберг.

P.S. Случайный экземпляр «комментариев» уже продан.

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 21.

№15

Ф.И. Щербатскому

Токио 20/X-13, *Myōgani* 74

Многоуважаемый Федор Ипполитович!

Подробно к Вам напишу, когда будет отправлен мой очерк — недели через две. Летом я отдохнул, а теперь очень занят. Как только я получу ответ относительно продления командировки, я приступлю к разработке перевода первых книг Коши. В основание я положил все-таки версию Сюаньцзана.

⁹⁷ *Суварнапрабхасасутра* («Сутра золотого блеска») — текст, примыкающий к Лотосовой сутре и пользовавшийся большой популярностью в Китае и Японии. Ему придавалось магическое значение.

⁹⁸ *Трикая* — три «тела» или три формы бытия Будды: видимое, феноменальное и космическое «тело».

⁹⁹ *Трактат о логике.*

Если возможно, пришлите мне, пожалуйста, статью de la Vallée. Museon'a нет в Японии, ни в университетской библиотеке, ни у кого-либо из профессоров. Если же выслать неудобно, то не откажите, пожалуйста, написать мне подробный адрес редакции Museon'a. Я выписывал через книжный магазин в Токио, но получил ответ, что в Париже и Лейпциге комиссионерам такой журнал неизвестен. Было бы интересно сравнить перевод de la Vallée с китайским комментарием на 20 стихов Васубандху. Откуда можно выписать перевод Коши? Takakuji своих непальских рукописей еще не привел в порядок; интересных шаштр, кажется, нет, — говорит Отихара.

Уважающий Вас О. Розенберг.

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 26.

№16

Ф.И.Щербатскому

Токио 7/XI 13 Myogani 74, Koishikawa

Многоуважаемый Федор Ипполитович!

Сегодня я отправил на имя декана свой очерк теории дхарм — как дополнение к отчету, чтобы в случае надобности Николай Яковлевич¹⁰⁰ сразу же мог приложить его или упомянуть о нем в ходатайстве о продлении моей командировки. С просьбой о критике могу обратиться только к Вам. Здешние ученые мне много помогают указанием материалов, но судьями в философских вопросах я их признать не могу — и они и сами себя таковыми не считают, а открыто сознаются, что множество основных проблем, особенно хинаяны, им не понятны — так, например, Каджикава¹⁰¹ (это учитель буддийского семинария, о котором Вам говорил Ямаками). Хинаяна¹⁰², которая отвергается в общих японских работах, — фантазия. Нужно удивляться наивности тех, кто считает возможным, чтобы Васубандху и др. занимались распространением таких

---

¹⁰⁰ Н.Я. Марр.

¹⁰¹ Каджикава Кэндэ, автор конспектов трудов Васубандху. Его труды «Кусярон тайко» и «Юисикирон тайко» выдержали несколько изданий в 1907–1912 гг.

¹⁰² Хинаяна — направление «Малой колесницы» или узкого пути спасения в буддизме.

нелепых учений. Я уверен, что общую связь буддийских направлений и основные проблемы схватил правильно — в деталях придется, конечно, сделать дополнения, но я теперь хочу сначала разработать перевод, который, скорее всего, покажет, где что неверно. Во всяком случае, я пока не нашел таких мест ни в Коше, ни в других сочинениях, которые бы противоречили моему пониманию. Я Вам буду очень благодарен, если Вы ознакомились бы и написали мне, что Вам покажется неясным или сомнительным. Было бы крайне интересно узнать содержание трактата «о возможности проповеди». Я бы попытался сам, но не могу теперь отвлекаться от японских занятий. Если Вы признаете желательным напечатать мою работу — как предисловие к переводу Коши — я отдел о *hetupratyaya* несколько бы расширил. На днях я получил книгу Ямаками *Systems of Buddhist Thought*¹⁰³, изданную Калькуттским университетом, и поражен ею. Он основных текстов или не читал вовсе, или очень плохо знает по-китайски. Я составлю и пришлю Вам список грубейших ошибок даже не философских, а самых обыкновенных грамматических. Хуже всего, что он свои догадки и выдумки приводит как подлинные определения, цитаты из Коши и др. сочинений, но не указывает даже точно данных текстов. Возмутительно, что он не упоминает трудов своего учителя Каджикава и др. японских ученых, у которых он заимствовал, иногда почти буквально перевел, то, что в его книге правильного. Между прочим, на стр. 105 как свое мнение приводит парафраз Керна¹⁰⁴ формулы Мадхва о вайбхашиках¹⁰⁵ и саутрантиках¹⁰⁶ (Manual, стр. 126). Серьезные японские ученые в области буддизма не знают, к сожалению, иностранных языков, а японские санскритисты философскими вопросами почти совершенно не интересуются, и потому такие работы здесь пока проходят безнаказанно — как, например, и работы Suzuki. Suzuki — лектор английского языка в

¹⁰³ Yamakami Sogen, *Systems of Buddhistic Thought*, Calcutta, 1912.

¹⁰⁴ Г. Керн (1833–1917) — голландский буддолог, профессор университета в Лейдене (1865–1903), автор *Manual of Indian Buddhism*, Strassburg, 1896.

¹⁰⁵ Вайбхашики — одна из буддийских школ (сарвастивадины).

¹⁰⁶ Саутрантики — буддийская школа ветви стхавиравада, считали себя последователями Ананды — любимого ученика Будды.

лицее — ни санскритским, ни китайским специально не занимался. Такие работы следовало бы отвергать самым энергичным образом в интересах самой же серьезной японской науки, а особенно, конечно, в интересах только что начинающегося изучения китайской литературы.

С нетерпением буду ждать Вашего ответа на мою работу.

Уважающий Вас О. Розенберг.

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 29–32.

№17

Ф.И. Щербатскому

Tokyo, 28 апреля 914, Koishikawa Myogani 74

Многоуважаемый Федор Ипполитович!

Дополнения к моей работе и отчет Вы, вероятно, уже получили. Надеюсь, что Вы поддержите идею издания китайско-санскритского списка терминов. Это был бы первый шаг к раскрытию китайской литературы. Я говорил здесь с некоторыми филологами — найти издателя в Японии будет невозможно, так как никто, кроме, разве, Wogihara, не нуждается в таком словаре. У каждого своя узкая специальность, и никому не приходится делать общие справки. Поэтому и никто не находит странным, что большой, напр., справочник не снабжен указателем имен или что 750-томное дополнение к Трипитаке не сопровождается ни указателем изданных в нем сочинений, пригодным для пользования, ни указателем авторов. Надеяться на японцев нечего — я это теперь могу утверждать категорически, так как я видел почти все, что вообще у них сделано по буддизму, и знаю их методы и в области общей истории и литературы. Без помощи европейцев они никогда не сумеют справиться с материалом. Зато они под руководством прекрасно выполняют работы механические: сличить, напр., 20 изданий одного и то же текста (содержание которого, быть может, мало понимают) и выписать аккуратно все варианты — это делают с величайшим удовлетворением. Этим и нужно воспользоваться, и я, поэтому, рекомендую приступить к изданию списка, так как для этого можно здесь найти очень хороших помощников.

За последнее время у меня на первом плане стояла история восточного буддизма, которую я думаю приготовить в качест-

ве диссертации. Переводы сочинений Васубандху не имеют же никакого отношения к Японии, нельзя даже основываться на так называемой японской традиции. Когда я получу Ваши возражения на мою работу, я закончу свою статью, в которой я сопоставил целый ряд самых противоречивых японских толкований — основных проблем буддийской философии. Эту статью я хочу перевести на японский язык.

Переводы же я все-таки продолжаю — пишу по-немецки. Вы в прошлом году мне писали, что текст Яшомитры издаете Вы и проф. Лэви¹⁰⁷, а что мой перевод мог бы быть потом напечатан в *Bibliotheca Buddhica*. У меня явились сомнения: не поставить ли вперед перевод Виджнянаматры, ведь Кошу переводит уже de la Vallée, и хотя, судя по переводу 3-й главы, которую он мне прислал, китайский текст дал бы перевод более точный, но все-таки — желательно ли иметь два параллельных перевода? Но я не знаю — перевел или переводит ли de la Vallée первые и остальные главы, если не переводит, то, конечно, я бы начал с них. Во всяком случае, было бы хорошо решить этот вопрос. Если Вы думаете, что в *Bibliotheca Buddhica* можно будет напечатать перевод немецкий, то я для начала прислал бы на Ваше рассмотрение перевод 1-й и 4-й книги китайской Коши и 1-ю книгу Виджнянаматры (очень подробная полемика против разных брахманских школ) о реальности дхарм и аїяпа.

Я поэтому прошу Вас, не дадите ли Вы мне совета и не сообщите ли, что за последнее время издано из этих текстов Вами или проф. Лэви и др. Здесь журналов в университете нет, а из санскритистов их тоже никто не получает, никто вообще не следит за европейской литературой. Я Вам уже писал, что текст Яшомитры у меня в списке с калькуттского манускрипта, сделанном Wogihara во время пребывания в Страсбурге у Леймана¹⁰⁸. Текст свой он сличил со списком Нанджо¹⁰⁹, а теперь сравнивает его с Кошей, которую привез Takakusu.

Недавно Wogihara мне сообщил о своем намерении издать свою рукопись параллельно с китайским текстом и предло-

¹⁰⁷ С. Леви.

¹⁰⁸ Лейман Э. (1859–1931) — санскритолог и буддолог, профессор Страсбургского университета до конца Первой мировой войны.

¹⁰⁹ Буньо Нанзе — японский буддолог, издатель многих текстов.

жил мне предоставить ему мой перевод, который он предполагает издать вместе с китайским текстом. Я ему тогда сообщил о Вашем письме, и тогда Wogihara просил меня справиться у Вас относительно положения, в котором находится дело издания Яшомитры, и сделать следующее предложение — в том случае, если текст еще не издан, не окажется ли возможным издать комментарий, сообразуя издание с китайским переводом оригинала, т.е. можно бы было санскритский текст издавать по намеченному уже плану, китайский же, конечно, здесь в Токио, — но согласовать оба издания так, чтобы в случае надобности можно было бы перетасовать листы, с тем, чтобы иметь рядом страницу китайского текста с параллельным к ней комментарием.

Китайский текст издать крайне необходимо, так как существующие издания, хотя и довольно хороши, но все-таки не критически изданы, а главное недостаточно, почти вовсе, не дают вариантов Парамартхи. В новом издании предполагается дать версии Сюаньцзана со всеми главными вариантами Парамартхи — это именно тот текст, который будет переведен мною. Я, конечно, не знаю, насколько уже решено издание Яшомитры, и какое место займет тибетский текст, но, во всяком случае, Wogihara очень огорчился бы, если труд, который он затратил на приготовление рукописи, оказался бы затраченным напрасно. Он, вне сомнения, лучший из японских санскритистов и мог бы нам еще много помочь.

Так как я через год уже начну собираться к отъезду — я все-таки повторю свое прошение о продлении командировки до осени будущего года, — то было бы желательно еще в течение этого года точно определить главные работы — как над Кошею, так и над списком терминов, если и не удастся кончить вполне. Прошу не отказать в совете.

Уважающий Вас О. Розенберг.

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 37–38.

№18

Ф.И.Щербатскому

19/VI–14, Tokyo, Myogani 74

Многоуважаемый Федор Ипполитович!

Ваше письмо я получил. Я очень рад, что Вы статью мою, в общем, одобряете. На переводах терминов я пока, конечно,

не настаиваю. Значение *gīra*¹¹⁰ и т.д. и их смысл, я думаю, выяснился, и множеством переводов, предложенным мною в работе, я и сам не очень доволен. Они непосредственно смысла терминов не передают, но ведь и санскр. «*gīra*» этимологического смысла термина тоже не передает, а употребляется как условная формула. Я за это время еще более выяснил теорию о *gīra* — собрал кое-что из *Mahāvibhāṣa*¹¹¹. Во всяком случае, я очень доволен, что Вы печатание приостановили пока. Я думаю поступить следующим образом:

На днях я кончил ту маленькую критическую статью, о которой я Вам уже писал, на современные японские работы по абидхарме. Статейка уже переводится на японский язык, и я хочу подождать ответов так называемых знатоков — особенно я не надеюсь на ответы, но если и не ответят, то я все-таки расширю главу критическую и посвящу особый отдел разбору японских работ, чтобы окончательно выяснить их значение. Основную часть работы я дополню цитатами. Я Вам очень был бы благодарен, если бы Вы мне прислали Ваши соображения по поводу главных мест — тогда можно будет особенно обратить внимание на эти пункты. Работа моя тогда примет вид разбора самых элементарных терминов, без которых ни один из трактатов абидхармы не понятен, главы о *hetupratyaya*¹¹² и *pratītyasamutpada*¹¹³ лучше выпустить совсем — теории эти слишком сложны для короткой статьи.

Я предполагаю до августа поработать основательно над историей буддизма, затем некоторое время отдохнуть, а в течение сентября я переработаю мою статью и пришлю Вам ее и начало или часть моего нового перевода Коши.

¹¹⁰ О. Розенберг определяет *gīra* как элементы, воспринимаемые органами чувств (т.е. видимое, слышимое и т.п.).

¹¹¹ Абхидхарма-махавибхаша-шастра («Великий комментарий по абхидхарме») — значительный по объему комментарий на «Абхидхарма-джнянапрастхана-шастра», составлен в первые века н.э., переведен на китайский язык Сюаньцзаном. Санскритский оригинал не сохранился.

¹¹² По определению О. Розенберга, дхармы, относящиеся как «условие» к «обусловленному».

¹¹³ «Причинное возникновение», буддийская формула обусловленности периодов бытия.

Что касается диссертации, я решился в пользу истории восточного буддизма. Написать очерк догматики китайско-японского буддизма нельзя без знания санскрита и философских основ буддизма. Я при этой работе, поэтому, могу использовать результаты всех своих работ над Кошею и т.д., кроме того, извлечь из японской литературы то ценное, что в ней имеется по материалам к внешней истории буддизма; история литературы еще очень плохо разработана; материал собран богатый, но он разбросан по разным сочинениям. Подготовить его возможно только здесь. Окончательные переводы же философских текстов, безусловно, лучше отложить и обсудить с Вами в Петербурге, переписываться ведь ужасно неудобно. Здесь нельзя ни у кого найти советов авторитетных в этой области. Следует поэтому, мне кажется, взять у японцев то, что они в состоянии дать, а это 1) внешняя история восточного буддизма, 2) материал к истории буддийской литературы, 3) догматическая метафизика позднейших махаянистических систем — и этот материал обработать на основании моих других работ над буддийской философией. Я надеюсь, что эту работу удастся подготовить до осени будущего года. Выяснение восточного буддизма чрезвычайно важно и для истории японской литературы вообще, лучшие черты ее сложились под буддийским влиянием. Кроме того, при этой работе я продолжал читать сочинения на японском языке, что очень важно, конечно, для практики японского языка — для индийской же философии литература на японском языке не дает ничего. Лучшие работы японских знатоков написаны по-китайски. Об издании Яшомитры и о словаре терминов я не успею сегодня написать — на днях напишу подробно.

Через месяц уезжает Елисеев, который, как Вы знаете, здесь изучал японский язык в течение 6 лет. Я с ним довольно хорошо познакомился. Он кончил 3-летний курс на филологическом факультете Токийского университета. С осени он намерен поступить на наш Восточный факультет, чтобы через год сдать государственные экзамены, и если возможно, остаться при университете и поехать за границу заканчивать образование и научную подготовку. Он сам на себе испытал, что японский университет (особенно, что касается общей методологии и системы научной работы) с европейскими, кроме назва-

ния, мало имеет общего. Современному японскому языку он научился великолепно, специально занимался поэзией и литературой нового периода (с XVII в.), буддизмом же и философией не занимался совершенно, так что его и мои занятия в японологии как раз дополняют друг друга. Вероятно, он и к Вам обратится за советом, когда поступит в университет.

Не откажите написать, напечатал ли de la Vallée перевод 1 и 2 Kośasthāna¹¹⁴.

Уважающий Вас О. Розенберг.

Спб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 39–40.

№19

Ф.И. Щербатскому

Токио 30 июля [1914 г.]

Многоуважаемый Федор Ипполитович!

Письма Ваши я получил. Я Вам очень, очень благодарен за Ваши советы. Факультету я написал совсем кратко, приложил подсчет типографии и прошение о продлении командировки до сентября, причем указал, что это повторение прошения прошлого года и не имеет отношения к изданию указателя. Впрочем, в письмах декана мне указаний никаких не было сделано: были просто поставлены вопросы — какой характер имеет исторический материал, и не помещает ли мне издание. Следовательно, я в своем письме, конечно, не мог коснуться тех возражений против исторического элемента, о которых Вы писали. В письме было сказано — «сообщить предварительно» соображения по поводу затронутых вопросов — так что я не знаю, имею ли я право приступить к изданию, а типография ждет ответа, она хотела приступить к работе в середине сентября. Если факультет не захочет — нельзя ли предложить напечатать для Bibliotheca Buddhica? Большое спасибо за Nyāyabinduṭīkā¹¹⁵, а особенно за Ваши замечания.

Я очень доволен, что Вы статью не сдали в Записки Восточного Отделения¹¹⁶. Я надеюсь, что мне удастся разъяснить все

¹¹⁴ Речь идет о первых разделах «Абхидхармакоши» Васубандху.

¹¹⁵ Ф.И. Щербатской, видимо, прислал свое издание «Ньяябиндудикатиплани» (комментария на «Ньяябиндудитика» Дхарматтары), вышедшее в Bibliotheca Buddhica, XI.

¹¹⁶ Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Статья в журнале не появлялась.

сомнения, но я вижу, что всю статью нужно будет значительно расширить, пожалуй, лучше всего будет переработать ее в введение к догматической части моего очерка восточного буддизма. Во всяком случае, я Вам скоро пришлю свои ответы. Я думаю, что не стоит печатать, прежде чем обсудить все сомнения с Вами.

Я остановился на Восточном буддизме — или японском — тем более, что Вы советуете в отчетах подчеркивать занятия по японской литературе. Я из этого совета заключаю, что по этому поводу был разговор на факультете. Если бы сейчас опять возник этот вопрос, то, я думаю, никто не станет возражать, если бы Вы заметили что японская религиозная литература тоже японская литература, и история японского буддизма часть японской истории. Я, действительно, нахожусь в очень неприятном положении, так как мне придется, по видимому, особенно доказывать, что мои занятия имеют отношение к Японии. Действительно, буддийская литература Японии в Европе мало известна — лица, изучавшие японскую литературу, не знали ни китайского языка, ни санскрита, ни буддизма, поэтому сложилось в Европе представление, что в Японии нет никакой литературы, кроме поэтической, романов и истории. Буддийская литература по объему уже (не говоря уже о содержании) не меньше всей так наз. классической литературы, по значению она выше ее несравненно. Моя подготовка дала мне возможность открыть эту литературу, которая без санскрита и китайского языка мало доступна, открыть не только японскую, но и большую часть китайской буддийской литературы — почти неизвестных до сих пор областей и — меня за это как будто упрекают.

<...> Я этим вовсе не раздражен, но все-таки, конечно, досадно, что эти работы, которыми особенно интересуются и которые для японологии имеют огромное значение, приходится защищать и даже скрывать. Будьте добры, помогите мне при выяснении значения моих занятий. Жить и работать в Японии отнюдь не легко <...>. Жить в провинции, в горах, в японской гостинице — не отдых, а мука.

№20

Ф.И. Щербатскому

5/XII 14 Tokyo, Koishikawa Myogani 74

Многоуважаемый Федор Ипполитович,

посылаю Вам мои ответы на затронутые Вами вопросы, на главные из них. За неотделанность и повторения извините меня, это мои наброски в том виде, как я их написал, скоро после получения Вашего письма. Переписать я не успел, а потому я Вас очень прошу вернуть мне, когда прочитаете. Пожалуйста, отметьте то, что Вам покажется неправильным или неясным. На второстепенные вопросы я не ответил, так как все мои отступления от обычных толкований сводятся к пониманию дхарм, гүра и истинно-сущего в другом смысле. В догматической части моей работы по восточному буддизму все эти вопросы я разберу более подробно с цитатами. Печата́ть начну через неделю, подготовительные работы закончены в типографии (специальный шрифт и условные знаки). Отихара заканчивает издание *Mahāvvyutpatti*¹¹⁷, так что наборщики специалисты заняты, и мой индекс¹¹⁸ сначала пойдет более медленно, тем более что теперь печатают и новогодние журналы. Настоящая работа начнется с середины января, тогда наберут быстро — до апреля или мая. Контракт с типографией нужно будет сделать теперь же — вероятно, придется уплатить в задаток иен 300 приблизительно. Так как счет мой придет, вероятно, как раз к рождественским каникулам, то, если возможно, походатайствуйте, пожалуйста, чтобы мне выслали еще до праздников ок. 400 иен. Я из своих средств уплатить эту сумму не могу — мои доходы по случаю войны несколько сократились, а, кроме того, за 100 рублей по курсу в Японии дают уже не 102 иен, а только 70 — так что если университет вышлет мне деньги, то лучше переписывать на иены уже в Петербурге. Часть суммы на уплату в задаток мне придется взять в долг из Русско-Азиатского банка, за подписью консула в Иокахама — чтобы не откладывать работы. Я надеюсь, что

¹¹⁷ A Dictionary of the Buddhist Terms: Sanskrit and Chinese (*Mahāvvyutpatti*), Tokyo, 1915.

¹¹⁸ Introduction to the Study of Buddhism according to Material preserved in Japan and China. Part I. Vocabulary, Tokyo, 1916.

ввиду медленности почты вследствие ненормального положения дел удастся выхлопотать высылку денег теперь же без формальных счетов, которые я представлю сейчас же по уплате задатка. Книг для библиотеки приготовлено уже несколько пакетов, скоро вышлю.

Если Михаил Иванович¹¹⁹ спросит, то скажите ему, пожалуйста, что я очень прошу разрешить мне воспользоваться некоторыми из купленных книг при издании моего указателя. Часть словарей я раздал моим помощникам студентам за время исполнения набора — они проверяют еще раз все указанные в указателе страницы. Затем у меня накопилось продолжение буддийской серии, которую я выслал в Азиатский музей. Уже год тому назад я представил счета и в то же время просил выслать около 100 рбл., ответа я не получил. За продолжение я уплатил в течение года около 60 иен. Серию разбивать и вторую часть послать в университет не вижу смысла — я думаю, что Азиатский музей вышлет мне эту сумму плюс стоимость упаковки — ок. 20 рбл. и за продолжение [5 иен в месяц], т.е. всего около 150 иен. Так как я не знаю, удастся ли в настоящее время ходатайствовать об основной сумме на книги, то я часть из высланного мне аванса на пособия должен удержать на уплату ежемесячных взносов за буддийские комментарии. О ходе событий в Европе здесь известно очень мало — только противоречивые телеграммы английские и американские, наших очень мало в газетах. Получены ли мой отчет и прошение?

Буду ждать Вашего ответа на мои толкования *gūra* и *graffitya-samutpada*.

Уважающий Вас О. Розенберг.

СПб. филиал архива РАН, ф. 725, оп. 3, д. 183, л. 33–36.

№21

О. Розенбергу

№67. Токио 24/1–16

Дорогой отец!

Мы посылаем сердечные приветы ко дню рождения. Если все пройдет гладко, мы могли бы через месяц выехать. Но,

¹¹⁹ Кудряшев М.И. (1860–1918), директор университетской библиотеки, переводчик «Песни о Нибелунгах».

вероятно, это снова затянется. Однако, во всяком случае, до лета мы будем дома, если только своевременно получим деньги. Но я знаю, как долго все это тянется. Книга, надеюсь, в марте будет готова — так что я очень занят и спешу. В общем же сообщить нечего, кроме того, о чем уже написала Фрида.

Сердечно. Отто.

Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 19, л. 25.

Перевод с немецкого.

ГЛАВА XII

ЭМИГРАНТЫ:

— Н.Д. МИРОНОВ И А.А. СТАЛЬ-ГОЛЬШТЕЙН —

Николай Дмитриевич Миронов (1880–1936) получил образование в Страсбургском университете. Под руководством Э. Леймана он занимался преимущественно индийской филологией: пали, пракритами и санскритскими буддийскими текстами. Диссертация его была посвящена исследованию сочинения джайнского автора XI в. Амитагати «Дхармапарикша». По окончании университета в 1903 г.¹ молодой ученый вернулся в Россию и был причислен к Министерству народного просвещения. Его откомандировали для занятий в Азиатском музее², поставив целью составление полного каталога индийских рукописей. Эта работа заняла у него около десяти лет. К концу 1912 г.³ была завершена рукопись первого тома, посвященного, в основном, санскритским манускриптам. Книга вышла в свет в 1914 г., вскоре после начала первой мировой войны⁴.

Несколькими годами ранее, в конце 1909 г., директор Императорской Публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко предложил Н.Д. Миронову провести каталогизацию собрания И.П. Минаева и других индийских рукописей, хранившихся в библиотеке. Благодаря хлопотам С.Ф. Ольденбурга печатание и этого каталога взяла на себя Академия наук. Первый выпуск был

---

¹ Архив востоковедов. Ф. 40, оп. 3, д. 4 (матрикул Страсбургского университета Кайзера Вильгельма). Однокашником его был известный санскритолог Отто Шрадер, многие годы трудившийся в библиотеке Адьяра (Индия).

² Из письма Н.Д. Миронова К.Г. Залеману 9.09.1913 г. (СПб филиал архива РАН, ф. 87, оп. 3, д. 259, л.2): «Сейчас, как и 10 лет тому назад, я — вольный работник, исполняющий для Музея определенную работу. Причисление к Министерству Народного Просвещения с откомандированием для занятий в Азиатский музей — и в Ваших, и в моих глазах — лишь чисто внешняя форма... я прикомандирован к Музею лишь на время составления каталога».

³ СПб филиал архива РАН, ф. 87, оп. 3, д. 259, лл. 1–2.

⁴ Н.Д. Миронов. Каталог индийских рукописей. Пг. 1914, 360 с. (Каталоги Азиатского музея. Вып.1).

опубликован в начале 1918 г.⁵ Каталог Н.Д. Миронова, хотя и оставшиеся незавершенными, и поныне являются настольными пособиями для санскритологов.

В связи с работой в рукописных собраниях индологу повезло обнаружить ряд ценных манускриптов, прежде всего, «Ньяяправеша»⁶ — памятник, сразу же привлечший внимание специалистов по индийской философии. Текст «Ньяяправеша» с комментарием Харибхадры предполагался

Н.Д. Миронов с женою. Около 1910 г.

⁵ Н.Д. Миронов Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки. Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Вып. 1. Пг. 1918, 288 с.

⁶ N.D. Mironov, Dignāga's Nyāyapraveśa and Haribhadra's Commentary on it // Jaina śāsan, Extra №, Benares, 1911 (= Aus Indiens Kultur, hrsg von J.V. Negelein, Erlangen, 1927, с. 37–46).

к изданию в серии «Bibliotheca Buddhica». Н.Д. Миронов вернулся к этому плану лишь много лет спустя, в эмиграции⁷.

В 1910–1911 гг. Н.Д. Миронов издал подготовленный И.П.Минаевым текст «Махавьютпатти», снабдив его указателем («Bibliotheca Buddhica», XIII). Э.Лейман⁸ дал самую высокую оценку этой публикации: «Чрезвычайно ценная книга, работа, выполненная с редкой аккуратностью. Я часто пользовался ею и ни разу не заметил никакой оплошности». Это издание было положено в основу целого ряда буддологических публикаций в Европе и Японии.

Н.Д. Миронов был специалистом в той области знания, которая была слабо разработана в Европе и практически полностью не затронута русской наукой: он занимался джайнизмом и джайнской литературой. Разбирая собрание рукописей И.П. Минаева, он обнаружил большую поэму, принадлежащую одному из крупнейших джайнских писателей средневековья Сиддхарши⁹. В 1909 г. он получил из Бенареса, от известного джайнского ученого Виджаядхармасури рукопись «Ньяяватараивритти», текста, принадлежавшего тому же автору. Планировалось ее издание, но из-за событий Гражданской войны рукопись, по всей видимости, пропала. В другой статье¹⁰ автор дал анализ цитат из «Ньяяватаратиппани» Девабхадры. Из рукописей собрания И.П. Минаева Н.Д. Миронов перевел две джайнские сказки¹¹. Ему принадлежат также большие статьи по Индии, индийской литературе, религии и философии в

⁷ Nyāyapraveśa. I. Sanskrit Text ed. and reconstructed by N.D.Mironov // T'oung Pao, 1931, 1–2, сс. 1–24. «Ньяяправешей» занимался в советское время ученик Ф.И. Щербатского М.И. Тубянский (его издание планировалось к изданию в серии Bibliotheca Buddhica). Н.Д. Миронов жаловался, что замалчивается «основной факт открытия мною санскритского оригинала названного трактата» (см. СПб филиал архива РАН, ф. 850, оп. 3, д. 84, л. 3).

⁸ Письмо Н.Д. Миронову от 24 мая 1912 г. (Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 7, л. 1).

⁹ См. Н.Д. Миронов, Джинистские заметки. I // Известия Императорской Академии Наук, 1911, с. 349–354.

¹⁰ Н.Д. Миронов, Джинистские заметки. II. // Известия Императорской Академии Наук, 1911, с. 501–508.

¹¹ Н.Д.Миронов, Две джайнские сказки // Живая старина, 1912, т. 21, вып. 2–4, с. 489–494.

Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹². Перед войною он готовил издание джайнского текста XI–XII вв. «Сьядваратнакара». Оно планировалось в Англии (Ф. В. Томас писал: «К счастью, у нас будут деньги для публикации»¹³).

После 1917 г. ученый уехал в Иркутск (где стал одним из основателей местного университета). В связи с установлением Советской власти в Сибири эмигрировал, в первой половине 20-х годов жил в Шанхае, а с 1926 г. и до своей кончины — в Тунисе. В эмиграции он имел мало возможностей для занятия научной работой. В письме Ф. А. Розенбергу из Парижа (1929 г.) есть такие строчки¹⁴: «Настолько устаю, что не в силах написать простого письма, даже переписать давно заготовленных заметок. Понятно, что при таких условиях я не могу написать строчки научных работ, которые мирно покоятся в отрывочных заметках». Тем не менее, в Англии¹⁵, во Франции, в Польше¹⁶, в Чехословакии¹⁷ появлялись его работы по наиболее актуальным проблемам индологии и смежным дисциплинам: по буддийской культуре и языкам Цент-

¹² См. также Н. Д. Миронов, *Devagrāmakathā*. (К вопросу о брахманах Мада) // ЗВОРАО, 1911, т. 20, вып. 2–3, с. 211–230.

¹³ Архив Востоковедов, ф. 40, оп. 2, д. 12, л. 3.

¹⁴ СПб филиал архива РАН, ф. 850, оп. 3, д. 84, л. 7.

¹⁵ N. D. Mironov, *Buddhist miscellanea*. 1. *Avalokiteśvara*, *Kuan-yin*, 2. *Central Asian recensions of the Saddharmapuṇḍarika* // *JRAS*, 1927, сс. 241–279.

¹⁶ N. D. Mironov, *Kuchean Studies*. I. *Indian Loan-words in Kuchean* // *Rocznik Orientalistyczny*, 1929, VI, 2, сс. 89–169. Центральноазиатская тематика присутствовала и в ранних публикациях автора (что вполне естественно для ученика Э. Леймана): см. «О статье Зига и Зиглинга «*Tocharische, die Sprache der Indoscythen*» // ЗВОРАО, XIX, с. XXII f.; Из рукописных материалов экспедиции М. М. Березовского в Кучу // *Известия Императорской Академии Наук*, сер. VI, Т. III, с. 547–62. В письме Ф. А. Розенбергу (СПб филиал архива РАН, ф. 850, оп. 3, д. 84, л. 2 об.) в мае 1929 г. Н. Д. Миронов спрашивал: «Есть ли возможность получить фотографии кучарских (*Tocharisch B*) рукописей Азиатского музея. Я в свое время просил Алексеева это устроить, но от него вразумительного ответа добиться не мог... Ведь S. Lévi в свое время (1912 г.) списал эти отрывки! Ужели для меня они потеряны?»

¹⁷ N. D. Mironov, *Aryan Vestiges in the Near East of the Second Millenary B.C.* // *Archiv Orientalni*, XI, 1932–33.

ральной Азии, по следам присутствия ариев на древнем Ближнем Востоке. В Китае он сотрудничал с другим эмигрантом, этнографом С.М.Широкогоровым¹⁸, публиковался и в Индии, в журнале, издававшемся музеем Н.К. Рериха в Кулу¹⁹.

Барон Александр Августович (Александр Вильгельм) Сталь-Гольштейн происходил из старинной знатной фамилии прибалтийских немцев. Он родился 1 января 1877 г. в местечке Тестамаа (ныне в Эстонии), учился в гимназиях Дерпта и Пярну. Одно время ему покровительствовал Л. фон Шредер. Индия привлекала юношу как страна исключительно религиозного мировоззрения, совершенно чуждая всякому материализму²⁰. Продолжать обучение он отправился в Бонн, занимался также в Берлине, Геттингене и Галле. Его учителя — классики немецкой индологии: Г. Якоби, Г. Людерс, Ф. Кильхорн, Р. Пишель. Диссертация, защищенная в Галле в 1900 г., была посвящена брахманской ритуалистике (тексту «Кармапрадипа»).

После возвращения в Россию А.А. Сталь-Гольштейн поступил на службу в отдел Индии Азиатского департамента МИД (сначала переводчиком, затем атташе). В августе 1903 г. он совершил путешествие по Индии (Бомбей, Лахор, Бенарес), которое описал в статье «Путевые впечатления из Индии»²¹, в 1905 г. — назначен секретарем русского консульства в Бомбее, но вскоре вынужден был по болезни просить об отставке²².

С ранней молодости он проявлял серьезный интерес к археологии и в 1902 г. был избран действительным членом

¹⁸ N.D.Mironov, S.M.Shirokogorov, Šramaṇa-Shaman. Etymology of the word «shaman» // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, 1924, 55, с. 105–130.

¹⁹ N.D. Mironov, The Prajñāpāramitāhṛdayasūtra as an Inscription // Journal of Urusvati Himalayan Institute of Roerich Museum, Naggar, Kulu, 1932, №24, сс. 73–78.

²⁰ Архив Востоковедов, ф. 51, оп. 2, д. 7 (Автобиография на немецком языке).

²¹ Сталь-фон-Гольштейн А., Путевые впечатления из Индии // Известия Русского Географического общества, 1905, т. 40, №4. Немецкий оригинал хранится в Архиве Востоковедов, ф. 51, оп. 3, д. 9.

²² Архив Востоковедов, ф. 51, оп. 3, д. 8.

Русского археологического общества. Вероятно, не без влияния К.Г. Залемана индолог обратился к древностям Средней Азии и совершил в 1908 г. длительную поездку по Туркестану (Самарканд, Бухара, Мерв)²³. Ф.И. Шербатской, готовясь к экспедиции в Индию на длительный срок, прилагал усилия к тому, чтобы А.А. Сталь-Гольштейн был принят на факультет восточных языков в качестве приват-доцента и мог вести занятия по санскриту²⁴. Пробная лекция была посвящена анализу сведений об Индии китайского паломника Сюань Цзана в свете новейших археологических открытий. На основе лекции были опубликованы статьи — сначала по-русски²⁵, а через несколько лет по-английски. Эта тема имела особую актуальность в те годы в связи с начатыми Археологической службой Индии планомерными раскопками. Проблемы культурных контактов Индии и Китая стали основным направлением его исследовательской деятельности.

А.А. Сталь-Гольштейна удалось привлечь к разработке находок русских ученых в Центральной Азии, в 1914 г. он был избран членом РКИСВА²⁶. Он помогал В.В. Радлову в публикации буддийской сутры на уйгурском языке («*Bibliotheca Buddhica*», XII). В Азиатском музее А.А. Сталь-Гольштейн обнаружил тибетскую рукопись буддийской махаянической сутры «Кашьяпа-париварта» и начал готовить ее издание и перевод²⁷. Эта работа была им закончена и опубликована в 1926 г. в Шанхае. Она послужила основой дальнейших исследований памятника Фридрихом Веллером.

А.А. Сталь-Гольштейн стоял у истоков такого важнейшего научного направления, как реконструкция санскритских текстов, сохранившихся в транскрипции и в переводе на китайский язык. В 1913 г. он опубликовал («*Bibliotheca Buddhica*», XV) реконструкцию трех гимнов, приписываемых знаменитому буддийскому поэту и драматургу Ашвагхоше. Восстановление

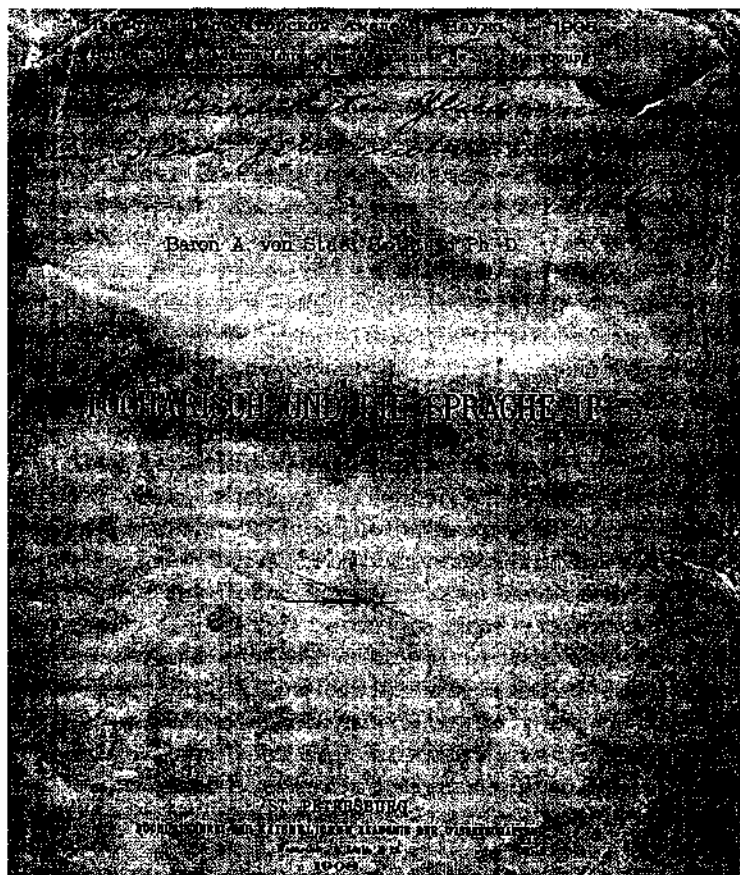
²³ См. письма К.Г. Залеману [СПб филиал архива РАН, ф. 87, оп. 3, д. 343, л. 11–15].

²⁴ СПб филиал архива РАН, ф. 87, оп. 3, д. 410, лл. 5–6.

²⁵ Сталь-Гольштейн А. Сюань-Дзан и результаты современных археологических исследований // ЗВОРАО, 1911, т. XX, вып. 1.

²⁶ Архив РАН, ф. 177, оп. 2, д. 242, л. 1.

²⁷ Архив Востоковедов, ф. 51, оп. 1, д. 13.

Статья А.А. Сталь-Гольштейна с его автографом

санскритского текста стало возможным благодаря исследованию тибетского перевода, сохранившегося в «Данжуре». Будучи в равной мере индологом и синологом, ученый впервые смог установить правила, следуя которым китайские авторы транскрибировали слова санскритского оригинала²⁸. Эта публикация стала его магистерской диссертацией. Она получила высокую оценку индологов и буддологов: Ф.И. Щербатского, Г. Якоби, Г. Людерса, Ф. Томаса. Ф.И. Щербатской, впрочем, сделал и ряд важных замечаний, в частности, выразив сомне-

²⁸ Там же, д. 10.

ние по поводу авторства Ашвагхоши²⁹. Работа ученого была вскоре продолжена японским профессором Сагаки (Киото).

Пристальное внимание исследователей привлекала тогда Центральная Азия Кушанской эпохи. В 1913–1914 гг. А.А.Сталь-Гольштейн в Британском музее изучал так называемую индо-скифскую нумизматику и эпиграфику. Он посвятил ряд статей проблемам этнической принадлежности Кушан, идентификации племен юэчжи. Еще в 1908 г. он определил тохарский язык в текстах из Центральной Азии³⁰.

В 1916 г. факультетом восточных языков ученый был послан в командировку в Пекин для изучения монгольских и тибетских документов. Русский комитет участвовал в финансировании поездки и поручил ему ознакомиться в Японии и Корее с результатами работы японских исследователей в Центральной Азии³¹. Он планировал вернуться в Петроград осенью 1917 г. Но октябрьские события 1917 г. сделали возвращение в Россию невозможным. Он принял эстонское гражданство, но навсегда остался работать в Пекине, где преподавал санскрит в университете. В 1926 г. А.А.Сталь-Гольштейн читал лекции в Гарвардском университете в качестве профессора центрально-азиатской филологии. Позднее, в 1929 г., он основал в Пекине Китайско-индийский институт Гарвардского университета и возглавлял его до самой кончины, последовавшей 16 марта 1937 г.³²

²⁹ СПб филиал архива РАН, ф. 725, оп. 1, д. 152, л. 20.

³⁰ Там же, ф. 177, оп. 2, д. 242, л. 6. см. Stael-Holstein A.v. Tocharisch und die Sprache II // Известия Имп. АН. СПб. 1908, с. 1367–1372.

³¹ Там же, л. 4–7.

³² Elisjéff S. Stael-Holstein's Contribution to Asiatic Studies // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1938, Vol. III, №1. См. также: E.Schierlitz, In memory of Alexander Wilhelm Baron von Stael-Holstein // Monumenta Serica, 3, 1938, с. 286–291.

ГЛАВА XIII

АЛЕКСАНДР И ЛЮДМИЛА МЕРВАРТ

Расцвет ориенталистики в России начала прошлого столетия был частью общего культурного подъема страны. В русском обществе пробуждался живой интерес к цивилизациям Востока. Индией и Китаем, Древним Египтом и мусульманским миром занимались ученые, труды которых составили бы честь любой национальной историографии. В правительственных сферах зрело понимание потребностей науки, получали финансовую поддержку грандиозные исследовательские проекты, экспедиции, организация международного сотрудничества. Особые надежды могло вызывать то обстоятельство, что быстро ширился круг специалистов — в предреволюционные годы появилась целая плеяда молодых талантливых ученых. К этому поколению и принадлежали индологи Л.А. и А.М. (Г.Х.) Мерварт¹.

Людмила Александровна родилась 25 августа (6 сентября) 1888 года. Ее отец, Александр Михайлович Левин, доцент Военно-Медицинской академии, старший врач Обуховской больницы, в 1897 году во время страшной эпидемии бубонной чумы был командирован в Индию. Рассказы отца об удивительной стране стали яркими впечатлениями детских лет Людмилы Левиной.

В 1910 г. она окончила романо-германское отделение историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. Высшее образование для женщин было предметом острой борьбы в дореволюционной России. Бестужевские курсы давали прекрасную подготовку, но для поступления на государственную службу требовался университетский диплом. С огромными сложностями трем выпускницам курсов, и в том числе Л.А. Левиной, в 1911 г. удалось добиться разрешения министра сдать государственные экзамены в уни-

¹ См. Н.Г. Краснодембская, Труженики и романтики этнографической науки // Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 11, СПб. 1997; Е.Я. Люстерник, Научная экспедиция А.М. и Л.А. Мервартов в Индию в 1914–18 гг. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. IV. Л., 1975.

верситете. Все понимали, что это создавало прецедент, на экзаменах решался принципиальный вопрос о праве женщин на высшее образование. Поэтому и ответственность девушки чувствовали необычайную. Экзаменационную комиссию возглавлял филолог-классик В.В.Латышев, известный как яростный противник женского образования. История со сдачей этого экзамена запечатлелась в памяти Л.А. Мерварт (Левиной) на всю жизнь. Она вспоминала²:

«Я пришла за три дня до начала сессии. По общему положению, мне надлежало сдать три экзамена в комиссии. Сессия продолжалась шесть недель. Я была готова и думала, что в течение такого длительного периода я их сдам без особого напряжения, но не учла права комиссии в отдельных, исключительных случаях изменять порядок, сроки и даже состав экзаменов.

Когда я пришла к проф. В.В. Латышеву, он стал меня убеждать отказаться от сдачи экзаменов, говоря, что нежный женский организм не в состоянии выдержать напряжения, которого требует экзаменационная сессия. Когда я с этим не согласилась, он сообщил мне, что нам — женщинам — разрешается сдавать экзамены только в течение первых тринадцати дней сессии. Кроме того, мне назначено не три экзамена, а тринадцать, в том числе по таким трудоемким дисциплинам, как логика с теорией познания, психология, история греческой литературы, история римской литературы и т.п., — и все это в объеме полного университетского курса. Эти все предметы я уже сдавала на курсах и, хотя, конечно, требовалось их повторить, все-таки ответила, что согласна их сдавать. Тогда проф. В.В. Латышев сказал торжествующим голосом: «Да, но последний экзамен, назначенный Вам, — это санскритский язык, а его изучить в течение нескольких дней Вы никак не можете. Поэтому послушайтесь моего доброго совета и отложите ваши экзамены до будущей сессии, которая состоится осенью».

Экзамен по санскритскому языку, совершенно не входивший в программу романо-германского отделения, В.В. Латы-

² Л.А. Мерварт, Как бестужевки впервые сдавали государственные экзамены // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). Л., 1965, с.215–217.

шев приберег под самый конец как неотразимый аргумент. Он не знал, что я все время посещала лекции по санскриту на индийском отделении восточного факультета университета. Тут я, разумеется, сказала Латышеву, почему экзамен по санскритскому языку меня совсем не пугает. Это объяснение застало профессора совершенно врасплох. Он ударил кулаком по столу и воскликнул: «Вот я же говорил, что надо назначить литовский язык». У нас литовский язык не преподавался, но среди моих приятелей-студентов был специалист по сравнительному языкознанию — литовец Казимир Казимирович Бугас. Ему нужно было знание немецкого языка, которым я и занималась с ним в обмен на уроки литовского языка. В ответ на восклицание Латышева я сказала: «Знаете, дайте мне литовский язык 14-м экзаменом. Я по-литовски стихи пишу».

Все экзамены прошли удачно. В осеннюю сессию подали заявление еще несколько бестужевков и были допущены к государственному экзамену.

Поступив на службу в гимназию Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича³, Л.А. Левина познакомилась со своим будущим мужем Г.Х. Мервартом, тоже гимназическим преподавателем.

Густав Герман Христиан Мерварт родился в г. Мангейме в 1884 году. В 1907 г. он с отличием окончил Гейдельбергский университет, став доктором философии (по историко-филологическому факультету — тема его диссертации: «Общественное мнение в Бадене после освободительных войн»⁴). С октября 1911 г. он вел занятия по немецкому языку в мужской гимназии Ягдфельдов в Петербурге. В 1912 г. перешел в православие и принял русское подданство. В официальных бумагах он значился обычно Германом Христиановичем, а впоследствии подписывался и русским именем — Александр Михайлович. Очевидно, под влиянием невесты А.М. Мерварт увлекся индологией.

Одаренный и необычайно работоспособный молодой человек обратил на себя внимание академика В.В. Радлова, ди-

³ АВПРИ, ф. Консульство в Калькутте, д. 89, л.13 об.

⁴ Письмо А.М. Мерварта С.Ф.Ольденбургу от 18 декабря 1928 г (архив МАЭ, без инв. номера).

ректора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. С именем знаменитого тюрколога Василия Васильевича (Фридриха-Вильгельма) Радлова связано коренное преобразование бывшей Кунсткамеры. Он стремился превратить музей в крупный современный научный центр. С этой целью был организован планомерный сбор коллекций, устанавливались контакты с аналогичными учреждениями в Западной Европе. Музейная экспозиция должна была служить материалом для изучения быта и культуры различных народов. В 1895 году, когда В.В. Радлов был назначен директором, в штате, кроме него, числилось лишь два сотрудника — ученый хранитель и служитель⁵. Но музей быстро развивался и рост коллекций позволял открывать новые отделы.

Индийское собрание музея было скромным по размерам и более или менее случайным по составу. За редкими исключениями вещи поступали от людей, не имевших индологической подготовки. В.В. Радлов строил планы создания полноценного отдела Индии. В деле собирания вещей и их экспозиции он и возлагал надежды на А.М. Мерварта, который был откомандирован министерством народного просвещения для занятий в музее. Уже в 1912 г. ему был поручено разобрать коллекцию, купленную у М.С. Андреева. Весьма плодотворным для начинающего этнографа должно было стать общение с помощником В.В. Радлова, выдающимся исследователем сибирских народностей Л.Я. Штернбергом. Супруги Мерварт называли его своим учителем⁶.

Для организации нового отдела требовалось систематическое собирание экспонатов и знакомство со страной — то есть экспедиция в Южную Азию. Музей не располагал большими средствами и здесь ему на помощь пришел «Русский Комитет по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях»⁷.

⁵ Н.Г. Краснодарская, *От Львиного острова до Обители снегов*, М., 1983, с. 68.

⁶ История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997, с. 431.

⁷ См. Н.Н. Назирова, *Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении (деятельность Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии)*, М., 1984.

На экспедицию в Индию было выделено 12 тысяч рублей в год и столько же — на закупку коллекции.

Путешествие требовало серьезной научной подготовки. Консультировать А.М. Мерварта в музее могли такие выдающиеся ученые как В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг, но они, к сожалению, не занимались Индией. Привлечен был на помощь Ф.И. Щербатской, крупнейший специалист по буддийской философии, недавно вернувшийся из Индии. Но Федор Ипполитович никогда не интересовался этнографией. Огромную помощь участникам экспедиции оказывал С.Ф. Ольденбург (они называли его «наш руководитель»⁸), однако Сергей Федорович сам не бывал в Индии.

На летние каникулы 1913 года А.М. Мерварт отправился в Германию для изучения индийских собраний музеев Берлина и Мюнхена, для консультаций с немецкими индологами и проработки специальной литературы. Альберт Грюнведель, известный индолог, работавший в Берлинском этнографическом музее «прежде всего, указал на Цейлон, Нилгири, внутренние районы Декана, Ориссу и, главным образом, области Гималаев»⁹ как районы наиболее важные в этнографическом отношении. На Цейлоне планировалось заниматься местными культами демонов и влиянием народных культов на современный буддизм и индуизм. Затем предполагалась поездка в Южную Индию — в Мадрас и «внутренние области, преимущественно к горным народностям». «Более всего, — пишет А.М. Мерварт В.В. Радлову¹⁰, — меня привлекают первобытные племена, дравиды и гималайские народности». Именно после этой поездки, знакомства с богатыми музейными фондами, бесед с А. Грюнведем и Люсианом Шерманом, директором Мюнхенского этнографического музея, сформировалась программа экспедиции. Она уточнялась еще зимою в беседах с А. Грюнведем, В.В. Радловым и С.Ф. Ольденбургом уже в Петербур-

⁸ Надпись на книге А.М. и Л.А. Мерварт, В глуши Цейлона (см. Каталог библиотеки С.Ф. Ольденбурга, Душанбе, 1989, с. 188: «Глубокоуважаемому и дорогому нашему руководителю и другу Сергею Федоровичу Ольденбургу маленькое выражение признательности и преданности обоих авторов. 19.III.1929»).

⁹ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. М., 1999, с. 393.

¹⁰ Там же, с. 395.

ге. А.М. Мерварт определяет примерный маршрут путешествия, проблематику научных изысканий и много размышляет о тех принципах, которые должны лечь в основу формирования нового музейного отдела.

Следует отметить, что программа его работ с самого начала отличалась новизной подхода. Для России, граничившей со странами так называемого «северного буддизма» (Китай, Монголия, Япония), традиционным являлся интерес к господствовавшим здесь школам махаяны. А.М. Мерварт же обращает внимание на то направление, которое распространено на Цейлоне — тхеравада (хинаяна). При этом народные культы и представления его занимают не меньше, чем учение, зафиксированное в палийском каноне.

Индийская культура в русской науке (да и в европейской 19 и начала 20 века) прочно ассоциировалась лишь с санскритской литературой. А.М. Мерварт планирует свои занятия, главным образом, на дравидийском юге Индостана. Его как этнограф привлекают также малоизученные первобытные племена. Он проницательно замечает, что изучение «дикарей» способно многое прояснить и в классической индийской цивилизации.

Участникам экспедиции предоставлялась широкая свобода действий. Задача их была сформулирована двояко¹¹: «все-сторонне изучить материальную и духовную культуру народов Индии и параллельно с этим составить собрание предметов, иллюстрирующих эти культуры с тем расчетом, чтобы это собрание могло послужить материалом для образования в музее особого отдела культуры Индии».

Зима 1913/14 гг. прошла в хлопотах и углубленном изучении научной литературы. Было куплено снаряжение, А.М. Мерварт прошел обучение «кинематографическому делу» в лаборатории Вериги-Добровольского¹². Наконец, была получена официальная бумага¹³: «Вследствие отношения от 19 марта сего года за номером 1236 ... командировать прикрепленных к министерству народного просвещения доктора философии Гейдельбергского университета Германа Мерварта и Людмилу

¹¹ Известия Российской Академии Наук, VI серия, Пг., 1918, с. 1229.

¹² СПб филиал архива РАН, ф. 142-1, до 1918, д. 67, л. 176.

¹³ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. с. 396.

Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографической коллекции для Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии Наук сроком на два года с сего 5 апреля». 10 апреля они выехали в Одессу и оттуда — на пароходе «Екатеринослав» — в Коломбо.

А.М. Мерварт

Л.А. Мерварт

А по пути еще была остановка в Египте и поездка к пирамидам. Л.А. Мерварт заносила в дневник первые впечатления¹⁴: «крутом бесконечно яркий желтый песок и еще более яркое, глубокое синее небо, а над головой мощная голова сфинкса и дальше резко вычерчиваются двойные треугольники пирамид и их теней. Как хорошо!»

В Коломбо пароход прибыл 16 мая по старому стилю. Молодой русский вице-консул Борис Петрович Кадомцев (?–1969) принял путешественников очень приветливо и всячески старался помочь им в работе. Добрые отношения сложились и с другими соотечественниками¹⁵. Между Россией и Цейлоном уже была налажена регулярная торговля, в Коломбо жили русские предприниматели и служащие

компаний — Иннокентий Васильевич Титов, представитель чайной фирмы «Губкин, Кузнецов и компания», купец Иван Степанович Верецагин.

Уже в первые дни Л.А. записывала¹⁶: «Побывав в музее, мы убедились, что научной помощи у нас здесь не будет: директор — биолог, burgher библиотекарь не ученый, зато полезны нам оказались Mr. Albert Jayasinha и старший его брат F.C. Jayasinha». И далее: «мы учимся оба, сколько можем: Герман изучает буддизм, пали, тамильский язык; а я сингальский язык и собственно этнографию. Дни у нас полные, радостно, счастливо-рабочие». Подробные отчеты путешественники отправили в Петербург — В.В. Радлову.

¹⁴ СПб филиал архива РАН, ф.142–2, д.60, л.6.

¹⁵ СПб филиал архива РАН, ф.142–2, д. 60, л. 23.

¹⁶ СПб филиал архива РАН, ф.142–2, д. 60, л. 15–16.

Л.А. Мерварт представилась возможность жить в семье, в глухой цейлонской деревне, о чем она впоследствии любила вспоминать с живыми и красочными подробностями. Это была редкая удача для этнографа и фольклориста и, конечно, выпала она не случайно. Лишь немногие европейцы, жившие на Цейлоне, с таким интересом относились к местному быту. К тому же Л.А. уже немного знала язык — между тем даже английские этнографы часто не могли обходиться без услуг переводчика. И главным, видимо, было то, что молодые ученые обладали «той симпатией, которая одна открывает дверь к пониманию души народа». Им было чуждо высокомерие белого человека.

Ученые остались совершенно в стороне и от модного тогда в Европе, особенно в Германии, увлечения экзотическими религиями. На Востоке их привлекала не мистическая тайна, а научные проблемы, связанные с жизнью и культурой народа. В этом смысле любопытна запись¹⁷ в дневнике Л.А. Мерварт о посещении «German Bhikkhu Nyanatilaka Thera и его учеников в его Island Hermitage. Это высокомерный, ограниченный, необразованный немец, дивящийся поднебесную тем, что обрил голову, сбросил сапоги и надел желтый плащ. К нему собралось несколько столь же и даже еще более необразованных белых и несколько одураченных черных, и они играют в буддийских монахов. Об уровне их умов и душ можно судить по следующему: Nyanatilaka, узнав, что Герман изучает пали, порекомендовал ему свою собственную грамматику «eine wundervolle Übersicht der Sprache, die beste Grammatik»¹⁸. Книга эта очень сумбурная и вообще ничего не стоит. О существовании официально принятой в здешних школах очень хорошей Graduated Pali Course Sumangala и других таких же книгах он узнал от Шурочки. Другой монах из немцев же рекомендовал принять буддийское монашество: «Ich bin nur glücklich seit ich die Stiefel und Hosen ausgezogen habe»¹⁹. Вообще вся эта уверенная в своей святости компания вызывает чувство глубокого омерзения».

¹⁷ СПб филиал архива РАН, ф.142-2, д. 60, л. 18–20. Речь идет о немецком индологе Антоне Гюте, который, приняв имя Ньянатилака, стал буддийским монахом.

¹⁸ Великолепный обзор языка, самая лучшая грамматика.

¹⁹ Я просто счастлив, освободившись от ботинок и брюк.

Уже 30 июля путешественники отправили в Петербург первую коллекцию с пароходом «Кишинев», следовавшим рейсом в Одессу — «четыре ящика, из них три огромных». Здесь были театральные и ритуальные маски, домашняя утварь, инструменты ремесленников...

А двумя днями позднее пришло известие, что Германия объявила войну России, еще через три дня в войну вступила Англия. Пятым августа датированы телеграммы В.В. Радлову и Л.Я. Штернбергу почти одинакового содержания²⁰: «остаемся в Канди до конца войны, будем изучать буддизм и разговорные языки». Тогда еще можно было наивно надеяться, что мировая война должна скоро закончиться. Телеграммы составлены по-английски — очевидно, во избежание осложнений с цензурой военного времени.

Теперь сама судьба экспедиции была поставлена под сомнение, а положение участников ее сразу стало ненадежным и даже опасным. Неясно было, каких распоряжений ждать из Петрограда. Чиновникам местной британской администрации казались подозрительны разъезды ученого немца по стране и его общение с местным населением (к тому же Мерварт не скрывал своего враждебного отношения к британской колониальной политике²¹). Не поступало никаких вестей и о том, что случилось с уже отправленной коллекцией, до места назначения она так и не дошла. Лишь много лет спустя стало известно, что груз был задержан в Александрии и распродан с аукциона.

И все же экспедиция на этом не завершилась. Россия даже в условиях мировой войны нашла возможность финансировать такое научное предприятие, как сбор этнографической

²⁰ СПб филиал архива РАН, ф.142-1, до 1918, д. 67, л. 279-280.

²¹ В секретном донесении вице-консула Б.П.Кадомцева говорилось: «По своей наружности, привычкам г. Мерварт является типичным немцем... К сожалению, г. Мерварт не скрывает своей ненависти к англичанам, и благодаря несколько несдержанному и вспыльчивому характеру он часто позволяет обнаруживать свою неприязненность к англичанам» (Русско-индийские отношения, с. 401-402). Особую тревогу колониальным властям внушали контакты А.М. Мерварта с цейлонскими националистами из общества «Махабодхи». Русские ученые были подвергнуты обыску, а некоторые из их цейлонских знакомых англичанами были расстреляны.

коллекции в Индии и на Цейлоне. Русские дипломатические представители в Коломбо дали путешественникам свое покровительство.

В те годы изучение стран Южной Азии, по существу, лишь начиналось. В 1914 году Паркером был опубликован первый большой сборник народных сказок Цейлона, в 1915 г. основан журнал *Ceylon Antiquary*. Молодые русские востоковеды принимали активное участие в научной жизни острова. В указанном журнале Л.А. Мерварт опубликовала «Сказание о Паттини-деви» (июль 1915 г.), а ее муж — статью «Очерк о фольклоре сингалцев»²².

В России уже сформировалась богатая традиция собирания и изучения устного народного творчества. Было установлено, что каждое исполнение фольклорного текста должно рассматриваться как творческий процесс. Добавления рассказчика ни в коем случае не следует отбрасывать при публикации текста — последний нельзя подчищать и подправлять, исходя из книжных вариантов произведения. Этими методологическими принципами, совершенно новыми для молодой фольклористики Цейлона, авторы делились с коллегами. А.М. Мерварт стремился заинтересовать цейлонскую интеллигенцию, учителей (как и в России) делом собирания фольклора. Он давал советы, как заниматься этим методически правильно, объяснял процессы трансформации мифа в сказку, слияния мифологических мотивов и т.п. Работы вызвали живой отклик местных ученых²³.

В связи с изучением фольклора Л.А. Мерварт собирала материал о верованиях сингалцев. В дневнике она записывала²⁴: «Из их ответов, конечно, будет вытекать нечто совсем другое, чем то, чему учил Будда; но лично меня живая религия интересует едва ли не больше (во всяком случае, не меньше), чем доктрины Учителя. Ведь душа, характер народа отражаются в живой вере, в высокой же философии Будды проявляются лишь вершины, которых достигают немногие лучшие

²² См. СПб филиал архива РАН ф.142-2, д. 61.

²³ см., например, отзыв de Silva, опубликованный в *Ceylon antiquary* (СПб филиал архива РАН ф. 142-2, д. 76).

²⁴ СПб филиал архива РАН ф. 142-2, д. 60, л. 27.

люди, выдающиеся представители религиозной мысли. Масса же народная идет иной дорогой. Почему мне так важна эта дорога? Как религия кладет свой отпечаток на человека и воспитывает его, так и человек предлагаемое ему учение выкраивает и отделяет так, чтобы оно ему пришлось бы впору. На этой обработке выявляется душа народная. И в свою очередь претворенная, часто низведенная со своих высот, нисколько, может, даже не напоминающая основное учение, религияливается широкой струей в народное мировоззрение и изменяет его русло. Поэтому-то знать ее нам так важно для понимания страны и людей». Плодотворность подобного подхода в историко-культурных исследованиях стала очевидной спустя много лет.

Время шло. Иллюзорных надежд на скорое окончание войны уже не оставалось. В соответствии с первоначальными планами в конце января 1915 г. экспедиция отправилась в Южную Индию. Ящики с собранными коллекциями были оставлены на хранение на складе чаеоторговой компании у И.В. Титова, с которым ученые сдружились.

Год, проведенный в Южной Индии, оказался особенно плодотворным. Коллекция, привезенная в Мадрас, составляла 92 ящика. Здесь находились, по свидетельству собирателей, совершенно уникальные предметы²⁵. К сожалению, многие из них потом были повреждены или погибли из-за термитов и тропической влажности. С чисто этнографической точки зрения полезно было полевое обследование ряда примитивных племен (материалы его частично сохранились в архиве Академии Наук²⁶). На Малабарском побережье путешественники с огромным интересом наблюдали представление театра катхакали. Проблема народного театра вскоре стала одним из важнейших направлений их работы.

Собирание этнографического материала органично сочеталось с изучением классической литературы — как санскритской, так и тамильской. Несколькими годами ранее известный индийский ученый Ганапати Шастри обнаружил рукописи пьес, приписываемых замечательному древнеиндийскому

²⁵ СПб филиал архива РАН ф. 282-2, д. 195, л. 5.

²⁶ См. СПб филиал архива РАН, ф. 142-2, д. 69, 70 и др.

драматургу Бхасе. Вопросы авторства этих текстов вызвали оживленную полемику. А.М. Мерварт усиленно занимался переводами — драм Бхасы с санскрита, поэмы «Манимехалей» — с тамильского. Ему помогали крупнейшие представители индийской науки, такие как тамилист махамахопадхья Субраманья Айяр, этнограф Ананта Кришна Айяр, известный специалист по индийской иконографии Т. Гопинатха Рао. Общение с местной интеллигенцией вообще является одной из наиболее характерных черт экспедиции.

Между тем двухлетний срок заканчивался, а в условиях войны не было возможности вывезти на родину собранные обширные коллекции. В Петрограде было решено продлить командировку еще на два года. А.М. и Л.А. Мерварт направились в Северную Индию, чтобы работать в Кашмире и Панджабе, Дели и Матхуре, в области долины Ганга. Интенсивные поездки и полевые исследования не прекращались несмотря даже на то, что молодая семья ожидала скорого появления первенца (ребенок умер вскоре после рождения).

В самом конце 1916 года путешественники прибыли в Калькутту. Здесь А.М. Мерварту предложили работу в Индийском музее. Он согласился — с тем условием, что в качестве вознаграждения некоторые дублетные экземпляры индийских музыкальных инструментов будут переданы ему для Музея антропологии и этнографии. Весну и начало лета 1917 г. ученые провели в Ассаме, в тех самых богатейших с этнографической точки зрения областях северо-восточной Индии, о которых шла речь в Берлине, Мюнхене и Санкт-Петербурге четыре года тому назад.

Материальное положение участников экспедиции ухудшалось. В России началась революция и деньги из Академии Наук задерживались, а затем и вовсе перестали поступать²⁷. Л.А. Мерварт пришлось устроиться на работу в женском колледже в Калькутте. Ее муж исполнял должность заведующего этнографическим отделом Индийского музея. Музей этот был старейшим и крупнейшим в Индии, но этнографическим его отделом никогда не руководил специалист. Со свойственным ему энтузиазмом и энергией А.М. Мерварт принялся за реор-

²⁷ См. переписку в АВПРИ, Консульство в Калькутте, д.84, л.13–15.

ганизацию отдела в соответствии с современными принципами науки и музейного дела. Он успел опубликовать два путеводителя — по коллекции музыкальных инструментов и по экспозиции, представляющей Андаманские и Никобарские острова, а также племена Ассама²⁸.

Помимо этого ученый выступал с докладами в Азиатском обществе. Лекция его о драмах Бхасы, опубликованная в декабре 1917 г.²⁹, включала общий обзор содержания пьес и анализ их стилистических особенностей. С точки зрения исследователя должна была ставиться, прежде всего, не проблема авторства именно Бхасы (о чем преимущественно дискутировали ученые), а — датировки текстов. Особое внимание он уделил драме «Свапнавасадатта», которая и ныне с наибольшими основаниями может считаться древнейшей. Для датировки текста исследователь предлагал несколько критериев — сопоставления с эпосом, с «Натьяшастрой» и т.д. Он сравнивал драму с сочинениями Калидасы и находил, что если последние напоминают стиль искусства Гуптской эпохи, то «Свапнавасадатта» — ближе вкусам Кушанского времени. Общая тенденция развития индийской эстетики, по мнению А.М. Мерварта — от простоты и реализма к уточненному изяществу. Видимо, не все драмы казались ему столь же древними как «Свапнавасадатта» — во всяком случае, в «Балачарита» он усматривал нечто вроде средневековой мистерии.

В «Трудах Азиатского общества» была напечатана и еще одна заметка А.М. Мерварта³⁰ — может быть, первая публикация в Индии по русской этнографии. Его научная активность была отмечена избранием иностранным членом Азиатского общества.

Наступил 1918 год — подходил к концу уже второй двухгодичный срок путешествия. В январе на первых же перегово-

---

²⁸ A Guide of the Collection of Musical Instruments exhibited in the Ethnographic Gallery of the Indian Museum, Calcutta, 1917; The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam. Ethnographic Gallery Guide Book 2, Calcutta, 1919.

²⁹ Meerwarth A.M. The Dramas of Bhasa: A Literary Study // Journal and Proceedings of Asiatic Society of Bengal (NS), vol. XIII, 1917, 5.

³⁰ G.H. Meerwarth, The «Bismar» in Russia // Memoirs of the Asiatic Society of Bengal, vol. IV, Calcutta, 1917.

рах Академии наук с Советским правительством С.Ф. Ольденбург ходатайствовал о неотложной помощи экспедиции. В апреле В.В. Радлов, полагая, что в условиях военного времени невозможно вывезти многочисленные коллекции, хранящиеся в разных городах Индии и Цейлона, просил ассигновать дополнительно 700 фунтов стерлингов на содержание ученых и 800 фунтов на уплату по заказам и долгам прошлого года³¹.

К этому времени путешественники уже покинули Индию. После государственного переворота в Петрограде британские власти стали смотреть на них с особым подозрением. Им предлагали переменить гражданство и продать коллекции — они отказались. Наконец, ставка заведующего этнографическим отделом была сокращена по экономическим соображениям. В конце февраля 1918 года из Калькутты во Владивосток отплывал пароход «Евгения», зафрахтованный еще в 1916 году. Поскольку торговое судно не должно было принимать на борт пассажиров, А.М. Мерварт был оформлен сигнальщиком, а Л.А. Мерварт — фельдшером. Более 70 ящиков с коллекциями пришлось оставить на хранение в Индийском музее в Калькутте, лишь самое ценное удалось взять с собою. Морской переход не обошелся без приключений. Отношения Англии с Советской Россией были настолько напряженными, что британские власти в Бирме конфисковали судно как вражеское, а пассажиров качестве пленных 66 дней содержали в Рангунской крепости³². Когда 26 июля 1918 года ученые прибыли во Владивосток, уже началась Гражданская война и все дороги в Петроград были отрезаны.

В том же 1918 году супруги с несколькими коллегами «с большой смелостью и очень небольшими силами и средствами основали историко-филологический факультет»³³, ставший частью Дальневосточного Государственного университета. А.М. Мерварт читал там лекции по сравнительному языкознанию, санскриту и буддизму, Л.А. Мерварт — по романо-германской филологии. Работал А.М. Мерварт и доцентом Вос-

³¹ Известия Российской Академии Наук, VI серия, Петроград, 1918, с.1229.

³² См. Всеволодов И., Никифоров А., Настоящая радуга // Рассказы о русских путешественниках в Бирме, М., 1973, с.158–163.

³³ СПб филиал архива РАН ф. 282–2, д. 195, л. 10.

точного факультета, ведя занятия по истории индийской культуры³⁴. Страшный денежный кризис заставлял не ограничиваться университетским преподаванием и искать возможности заработка в сфере практической деятельности. А.М. Мерварт служил заведующим иностранным отделом в двух крупных торговых фирмах, был помощником Главного секретаря Междусоюзного комитета железных дорог³⁵. Его жена подрабатывала уроками и переводами. Ситуация еще более осложнилась после рождения детей — дочери Любви, а затем сына Владимира.

В марте 1920 года А.М. Мерварт предлагал свои услуги советскому правительству через представителя РСФСР во Владивостоке В.Д. Виленского-Сибирякова³⁶. Он надеялся вернуться в Индию, получив место в русском консульстве. Попытки связаться с Петроградом и выяснить свое служебное положение в музее не имели результата. С декабря 1921 г. Дальневосточный университет перестал платить жалованье преподавателям. В начале сентября 1922 г. семья уехала в Харбин³⁷, где А.М. Мерварт стал секретарем Пристанского отделения Русско-Азиатского банка, а его жена преподавала новые языки в гимназии. Лишь эпизодически удавалось заниматься наукой³⁸.

После войны постепенно восстанавливались международные связи. Из Мадраса в Академию Наук сообщили, что собранные экспедицией коллекции находятся под угрозой полной гибели. С.Ф. Ольденбург развернул активную деятельность по вывозу в Петроград закупленных в Индии экспонатов. Весною 1921 года Ф.И. Щербатской выехал в Лондон для чтения лекций по индийской философии. Он захватил с собой официальное письмо советскому торговому представителю Л.Б. Красину с просьбой всячески содействовать получе-

³⁴ СПб филиал архива РАН, ф. 142-1, 1926. д. 8, л. 35.

³⁵ СПб филиал архива РАН ф. 282-2, д. 195, л. 10.

³⁶ там же л.7.

³⁷ см. там же лл. 2, 10,16.

³⁸ Из письма С.М. Широкогорова Л.Я. Штернбергу от 4 декабря 1922 г.: «Мерварт занялся исключительно стяжанием для воспитания детей и своей draжайшей половины, отчаянно ударившейся почему-то в православие» (А.М. Кузнецов, Сергей Михайлович Широкогород на Дальнем Востоке // С.М. Широкогород, Этнографические исследования. Кн.1. Владивосток, 2001, с.48).

нию разрешения на этот счет от английских властей. На спасение коллекций Советское правительство ассигновало 600 фунтов стерлингов³⁹.

Возник план возобновить индийскую экспедицию и самим собирателям организовать вывоз коллекций. На это предложение они ответили отказом, объяснив его мотивы в письме Л.Я.Штернбергу⁴⁰: «до войны Россия была еще богатой страной, которая могла легко позволить себе роскошь содержать и оплачивать двух научных работников в Индии. Теперь положение, к сожалению, сильно изменилось. Денег в России не хватает на самые насущные потребности, на восстановление производства, транспорта, торговли, наконец, просто на приличное прокормление народа... Мысль, что мы можем спокойно и сытно и даже с комфортом работать, отдаваясь всецело любимой научной деятельности, в то время, когда сотни тысяч русских людей голодают, когда с большим трудом налаживается работой лучших людей расстроенная экономическая организация страны, была бы для нас абсолютно невыносима».

Сверх того в сложившихся обстоятельствах этнографическая деятельность в Индии вызвала бы такие подозрения британских властей и даже местного населения, что скоро стала бы совершенно невозможна. А.М. Мерварт выдвинул иной план — назначить его работником консульства, торгового представительства или банка, а эту практическую деятельность он обещал совмещать с научной работой. Последнее предложение, очевидно, не получило поддержки.

Наконец, летом 1923 г. пароход Балтийского государственного пароходства забрал 73 ящика (300 пудов) коллекций, хранившихся в Индийском музее в Калькутте. На очереди оставались коллекции, лежавшие в Мадрасе, Коломбо и Владивостоке⁴¹. С окончанием гражданской войны встал вопрос и о возвращении самих путешественников. 27 августа 1923 г. они телеграфировали Л.Я. Штернбергу⁴²: «Обрадованы прибы-

³⁹ СПб филиал архива РАН ф.725, оп. 2, д. 22, см. также ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 2.

⁴⁰ СПб филиал архива РАН ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 3–4.

⁴¹ СПб филиал архива РАН ф. 250, оп. 3, д. 86, лл. 3–4.

⁴² СПб филиал архива РАН ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 28.

тием сохранности коллекции стремимся возможно скорее вернуться любимому делу хлопчите выдаче нам разрешение въезд командировочного проезда до Петрограда если возможно морем дабы взять коллекции Владивостока». За телеграммой следовало письмо⁴³: «С прибытием коллекций вопрос о нашем возвращении стал на совсем другую и вполне ясную плоскость. До сих пор нам, собственно говоря, незачем было вернуться в Академию, ибо такое возвращение с пустыми руками, хотя и без нашей вины — было бы для нас и неприятно, и бесполезно. Теперь же перед нами задача определенная и работа, по крайней мере, на год, если не больше — оживить эту коллекцию, превратить этот вещественный материал путем классификации, каталогизации и всестороннего описания в живую картину индийского быта. Конечно, это можем сделать только мы, и мы, ни минуты не колеблясь, решили как можно скорее вернуться в Петроград, в наш любимый музей к желанной работе».

В ноябре того же года Академия наук ископотала бесплатный проезд «ученому Мерварту... с женой и двумя малолетними детьми» до ст. Петроград «в одной теплушке пассажирской скоростью»⁴⁴. Однако из-за болезни Л.А. Мерварт отъезд задержался до 28 июня 1924 года⁴⁵. По пути следования им пришлось еще дожидаться в Чите товарного поезда из Владивостока, чтобы забрать остававшиеся там 12 ящиков с экспедиционными материалами, рукописями и книгами. В Ленинграде А.М. Мерварт стал ученым хранителем (с 16 сентября 1924 г.), а Л.А. Мерварт — младшим научным сотрудником музея. К юбилею Академии Наук в 1925 году планировалось долгожданное открытие экспозиции отдела Индии. К концу 1926 года учеными были разобраны 4,5 тысяч предметов и более 1,5 тысяч фотографий.

Работа А.М. и Л.А. Мерварт не ограничивалась их деятельностью в музее. Они активно принялись за преподавание. В университетах дореволюционной России практически не изучали ни разговорные языки Индии, ни современное положение в стране. Проблема эта очень остро встала перед советски-

⁴³ Там же л. 5–8.

⁴⁴ Там же, л. 9.

⁴⁵ Там же, л. 17, 18 об, 23 об.

ми вузами 20-х годов. Сразу же после возвращения А.М. Мерварт был приглашен в Ленинградский институт живых восточных языков (Ленинградский Восточный Институт) в качестве доцента для чтения лекций по страноведению Индии и проведения занятий по тамильскому языку. С 1925 года он стал доцентом также и на восточном цикле Ямфака (факультета языкознания и материальной культуры) Ленинградского университета, а затем на этнографическом отделении Географического факультета. На разных курсах А.М. Мерварт читал географию и этнографию Индии, ее политическую и социальную историю, введение в сравнительную грамматику дравидийских языков, современные религиозные системы Индии, музееведение и этнографию Индии, теорию и практику этнографических музеев, вел практические занятия по литературному и разговорному тамильскому языку⁴⁶.

В 1927/28 гг. он был приглашен на Высшие курсы Института истории искусства для чтения лекций по истории и технике индийского театра⁴⁷. Кроме того, выступал с докладами в Академии истории Материальной культуры и на заседаниях Радловского кружка при музее, читал популярные лекции по истории техники в I Рабоче-крестьянском университете. Л.А.Мерварт работу в музее также совмещала с лекционной деятельностью и сотрудничеством в Научно-исследовательском институте сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока имени А.Н. Веселовского при Ленинградском университете (1924–27 гг.)⁴⁸.

Первые публикации их стали появляться, кажется, сразу же после возвращения в Ленинград. Уже в 1925 г. был напечатан небольшой очерк Л.А. Мерварт «Парии Цейлона» в журнале «Вестник знания». В 1926 г. в Париже вышла большая статья А.М. Мерварта, посвященная театру катхакали (*Les Kathakalis du Malabar, Journal Asiatique*, 1926, p/198–284). Индийским театром много занимались в Европе. Наиболее значительные работы по классической драме принадлежали А.Ве-

⁴⁶ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1925, д. 4. лл. 9–10, 22, 23, 27; ф. 142, оп. 1, 126, д. 8. лл. 32, 34 и об., 48, 53.

⁴⁷ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1926, д. 8, л. 15, 25.

⁴⁸ С.Д. Милибанд, Биобиблиографический словарь советских востоковедов. Т. II. М., 1995, с. 72.

беру, Э. Виндишу, Г. Людерсу. Важную роль сыграла фундаментальная книга С. Леви, крупнейшего французского санскритолога (с которым А.М. Мерварту удалось завязать знакомство в 1922 г. в Харбине⁴⁹). Но все эти исследования были посвящены лишь древнеиндийскому театру и проблемы его истории рассматривались в них в контексте санскритской литературы. Кажется, существовала лишь одна монография о живом народном театре. Она была написана бенгальцем Нишиканто Чаттопадхьяя и защищена в качестве диссертации в Цюрихе еще в 80-х годах. Но речь в ней шла лишь об одном виде представлений — а именно, джатрах Бенгалии.

Интерес к этому аспекту современной индийской культуры проявил наш замечательный индолог И.П. Минаев, но и его работа ограничивалась описанием действия в Альморе. Катхакали едва начинала привлекать исследователей в самой Индии — в Европе же первое подробное описание представлений дал А.М. Мерварт. Его работа отличалась тщательностью и тонкостью наблюдений очевидца — профессионального этнографа. В том же году вышла статья А.М. Мерварта о «Роли музеев в культуре современной Индии»⁵⁰ и рецензия на книгу Hodson'a о первобытных племенах Индии⁵¹.

Следующий, 1927 год, был особенно богат событиями и публикациями. У Л.А. Мерварт вышло две статьи по цейлонскому фольклору (о богине Паттини и о «технике сказывания сказок у сингалцев») и одна по собственно этнографии — об обрядовых уборах кашмирских брахманов. Напечатан был их общий отчет об экспедиции и небольшая книжка — путеводитель по индийскому отделу. Последний не был простым описанием вещей, А.М. Мерварт с полным основанием сопровождал его подзаголовком: «Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ». Это было, действительно, введение в изучение индийского быта, составленное человеком, знавшим Индию «изнутри», по личным наблюдениям. Как свидетельство очевидца и знатока, брошюра сохраняет свое значение и поныне.

⁴⁹ СПб филиал архива РАН ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 4.

⁵⁰ А.М. Мерварт, Роль музеев в культуре современной Индии // Научный работник, М., 1926, 2.

⁵¹ Этнография, М., 1926, кн. 1-2.

Кроме этого появились в свет еще три статьи А.М. Мерварта: «Сюжет Сакунталы в малабарской народной драме», «Достижения и проблемы индийской этнографии» и «Музейное дело в Индии». По существу здесь сконцентрированы были все три основных направления деятельности ученого⁵²: драматургия, театр и этнография, музейное дело.

Работы об индийских музеях имели вполне очевидную актуальность для советского читателя. Автор отмечал роль музея как центра народного образования. Особенно важной эта роль оказывалась в тех странах, где подавляющее большинство населения было неграмотно — как колониальная Индия или Советская Россия. Музей здесь мог заменить и книгу, и школу, — в особенности, если показ экспозиции сочетался с лекционной просветительской работой, своего рода народным университетом. А.М. Мерварт привлек внимание к опыту археологической службы Индии в деле охраны памятников, организации выставок на месте раскопок, создания небольших музеев, органично сливающихся с естественным ландшафтом. Ученый демонстрировал связь индийских музеев с развитием кустарных промыслов, отмечал их значение в качестве центров краеведения, их функцию хранителей культурного наследия и отдельных народностей, так и страны в целом. Все это были именно те проблемы, которые особенно остро стояли перед советской научной общественностью — в канун «великого перелома» и разгрома краеведения.

Не меньший интерес вызывала работа ученого и в другом направлении — изучении восточного театра. Еще в 1923 году преподаватели Ленинградского Восточного Института⁵³ читали цикл общедоступных лекций о театре: об Индии говорил С.Ф. Ольденбург, о Японии — Н.И. Конрад, о Китае — В.М. Алексеев, о Турции — А.Н. Самойлович, о Персии — Е.Э. Бертельс, о Тибете — Б.Я. Владимирцов. Интерес к этой тематике был

⁵² Письмо А.М. Мерварта С.Ф. Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (архив МАЭ, без инв. номера).

⁵³ А.Н. Кононов, И.И. Иориш, Ленинградский Восточный институт, М., 1977 с. 35. В 1923 г. Российский Институт истории искусств издал перевод книги Карла Гегемана «Игры народов. Выпуск 1. Индия». Она была объявлена как часть неперIODической серии «Восточный театр», издаваемой разрядом истории театра.

велик — и в научной, и в артистической среде. К пятнадцатилетнему юбилею Института истории искусства А.М. Мерварт предложил устроить выставку «Театр Востока». С.Ф. Ольденбург отнесся к этой идее очень сочувственно и обещал предоставить Большой конференц-зал Академии Наук. Помимо Музея антропологии и этнографии вещи были из фондов Русского музея (имевшего тогда Буддийский отдел) и музея Государственных Академических театров. Выставочный комитет состоял из А.А. Гвоздева — председателя отдела истории и теории театра Института истории искусства, Н.И. Конрада, А.М. Мерварта и А.Н. Самойловича. Выставка работала с 26 марта по 11 апреля 1927 года⁵⁴. Под редакцией А.М. Мерварта был выпущен путеводитель, в составлении которого участвовали также В.М. Алексеев, Е.Э. Бертельс, Б.Я. Владимирцов, Л.А. Мерварт, Н.Я. Марр, А.Н. Самойлович и Н.И. Конрад. В связи с работой выставки читали лекции выдающиеся востоковеды — В.М. Алексеев, Е.Э. Бертельс, Н.И. Конрад. Сам А.М. Мерварт рассказывал об индийском народном театре и вишнуитских культовых действиях, а Л.А. Мерварт — о малайском театре теней и марионеток и театре одного актера.

По мысли устроителя, выставка и лекции преследовали двоякую цель⁵⁵. С одной стороны, они привлекали внимание к научной проблеме, к важному аспекту культуры восточных стран. С другой стороны, возникали новые идеи в деле возрождения театрального искусства. Выставка имела широкий успех — такой же, как знаменитая I Буддийская выставка 1919 года. Ее посещало по 200 человек в день, на лекции собиралось около 150 человек.

Этот успех А.М. Мерварт хотел закрепить изданием сборника статей. Еще в 1926 году он подавал заявку⁵⁶ в издательство Academia на небольшую книгу «Народный театр Индии». Материал ее составил значительную часть сборника «Восточный театр», вышедшего под его редакцией. В числе авторов были также Н.И. Конрад (японский театр), Б.А. Васильев (китайский театр) и Л.А. Мерварт (малайский театр). В предисловии А.М. Мерварт писал⁵⁷: «Нет сомнения, что в настоя-

⁵⁴ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1927, д. 1, л. 2 и далее.

⁵⁵ Там же, л. 4.

⁵⁶ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1926, д. 8, л. 13.

⁵⁷ Восточный театр, Л., 1929, с. 3–4.

щее время перестройки театрального дела на новых началах научное освещение в доступной форме мало изученной области театральной жизни... наведет на ряд новых идей».

В том же 1927 году состоялась продолжительная (с 1 апреля по 8 октября) заграничная командировка обоих ученых в Германию, Голландию и Францию⁵⁸. А.М. Мерварт вел переговоры с Л. Шерманом в Мюнхене о возобновлении связей между музеями и о систематическом обмене коллекциями. Обсуждение аналогичных проблем происходило в Берлине, Лейпциге и Штутгарте, в Лейдене и Арнгейме, в Брно и Любляне. В Голландии Л.А. Мерварт изучала малайский язык и литературу по этнографии Индонезии. Вслед за индийским открылся отдел Индонезии в Музее антропологии и этнографии, и Людмила Александровна была назначена его заведующей.

Особое внимание этнографов привлекли новая техника и приемы экспонирования вещей, устройство музеев под открытым небом, связь выставок с учебным процессом. Важно было и обсуждение общих проблем с зарубежными коллегами. Л.А. Мерварт сочувственно цитировала слова одного из ведущих голландских ученых⁵⁹: этнография убедительно показывает, что «достижения прошлого не есть результат творчества немногих одиночек, но сам народ созидает основное здание всякой культуры» — идея, близкая советской науке двадцатых годов.

Одна из задач командировки А.М. Мерварта была связана с дравидологией. Он составил первую русскую «Граматику разговорного тамильского языка», по которой должны были обучаться студенты Ленинградского Восточного института. Такого рода пособий практически не было еще и в Западной Европе. По наведенным справкам тамильский язык систематически нигде не преподавался. Через Надежду Щупак, жившую в Париже⁶⁰, удалось связаться с тамильским студентом

⁵⁸ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1927, д. 9.

⁵⁹ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 2, д. 75, л. 17.

⁶⁰ Л.А. могла знать ее по Бестужевским курсам, которые Надежда Всеевна Щупак (урожденная Штейнберг) окончила в 1908 г. Н.Щупак училась затем в Париже у С. Леви и работала как санскритолог под его руководством. См. о ней: Nadine Stchoupak (1886–1941). P., 1945.

Рагх. Рао. С ним А.М. Мерварт и занимался проверкой своей грамматики, в Париже он собирал для нее дополнительный материал. Огромные сложности вызывало издание книги. Тамильский шрифт был заказан в Лейпциге с помощью Л. Шермана. А.М. Мерварт с большой настойчивостью просил С.Ф. Ольденбурга финансировать эту покупку за счет Академии наук⁶¹. Директору Музея антропологии и этнографии Е.Ф.Карскому он предлагал закупить в Индии фонографические записи с учебною целью⁶².

Во время пребывания в Берлине А.М. Мерварт широко делился впечатлениями и результатами своей научной экспедиции, вызвав большой интерес коллег. Л. Шерман пригласил его в июне-июле следующего года читать лекции в Мюнхене по дравидийской этнографии⁶³. Из Восточного семинария Берлинского университета поступило письмо следующего содержания⁶⁴: «Огромный успех Вашего доклада о катхакали в Институте театроведения нашего университета заставляет нас просить Вас прочесть несколько лекций о народной жизни юга Индостана. Эта тема является пробелом в нашем учебном плане на 1928 год».

Год заканчивался серией успехов. 23 декабря Всеукраинская научная ассоциация востоковедов избрала А.М. Мерварта своим членом-корреспондентом⁶⁵. 29 декабря коллегия востоковедов при Азиатском музее избрала его действительным членом⁶⁶. Еще ранее он стал действительным членом Института истории искусств по секции истории театра⁶⁷.

Но события развивались противоречиво. На 1928 год Академия Наук не имела средств на заграничные командировки⁶⁸. Опубликованы были две ранее подготовленные статьи — об элементах народного творчества в санскритской драме и заметка по дравидийской лингвистике⁶⁹, а также перевод с та-

⁶¹ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1926, д. 8, л. 18, 21.

⁶² Там же, л. 20.

⁶³ Там же, л. 22.

⁶⁴ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1925, д. 9, л. 26.

⁶⁵ Там же, л. 27.

⁶⁶ Там же л. 28.

⁶⁷ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1926, д. 8, л. 15.

⁶⁸ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1927, д. 1, л. 70.

⁶⁹ The History of the intervocalic stops in the Dravidian Languages // Доклады Академии Наук, 1928.

мильского «Злоключения преподобного Горемыки и его пяти учеников». В последнем случае, однако, предисловие А.М. Мерварта было снято без согласования с ним, что в значительной мере обесценило публикацию. Удивительно, что вообще этот памятник старинной литературы смог появиться на страницах журнала «Вестник иностранной литературы». В архиве сохранилось следующее послание из редакции⁷⁰: «Редакция с удовлетворением принимает Ваше предложение на переводах разных индийских литератур (sic!). Одновременно ставим Вас в известность, что нас интересуют исключительно социальные и современные произведения».

В 1927 г. А.М. Мерварт получил извещение с Ямфака, что на будущий год он «оставлен без поручений с правом получения двухнедельного выходного пособия»⁷¹. В следующем, 1928 г., он был вычеркнут из числа преподавателей Ленинградского Восточного института⁷². Обстановка быстро менялась не только в востоковедении — в Ленинграде, во всей стране.

1929 год отмечен выходом долгожданных книг: «Грамматика разговорного тамильского языка» в издании ЛВИ, сборника «Восточный театр» в издательстве Academia и «В глуши Цейлона» в издательстве П.П. Сойкина. Увлекательный очерк цейлонского быта должен был стать первым выпуском целой серии этнографических публикаций (второй, видимо, предполагалось посвятить Малабарскому берегу Индии). Неутомимый А.М. Мерварт строил новые планы. Для «Малой энциклопедии Зарубежного Востока» им были написаны обстоятельные статьи по языкам и памятникам старины и искусства Индии⁷³. В Главнауку Ф.Н. Петрову передана рукопись сборника статей «Этнографические музеи в Западной Европе»⁷⁴. А.М. Мерварт дал в ней описание музеев Германии, Л.А. Мерварт — музеев Голландии. Там же планировалась статья Е.Г. Ольденбург об английских музеях, но она, видимо, была заменена на ста-

⁷⁰ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1925, д. 9, л. 43.

⁷¹ Там же л. 39.

⁷² СПб филиал архива РАН ф. 142-1, 1926, д. 8, л. 28.

⁷³ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1925, д. 9, л. 41 (ср. цит. письмо С.Ф. Ольденбургу, архив МАЭ, без инв. номера).

⁷⁴ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1926, д. 8, л. 27; ф. 142, оп. 1, 1927, д. 1, л. 43. Статья Л.А. Мерварт — ф. 142, оп. 2, д. 74.

тью Д.А. Ольдерогге по коллекциям Бельгийского Конго. Статьи сборника содержали полезный материал — основанный, частью, на личных наблюдениях — об опыте западноевропейских коллег и их исканиях «новых путей музейного строительства».

С 1926 года А.М.Мерварт по поручению Восточного Института писал учебное пособие «Индия — страна и люди»⁷⁵. Рукопись книги под названием «История индийских народов» (объемом в 15 п.л.) готовилась для издания в Ленинградском отделении Госиздата⁷⁶. В качестве приложения к «Вестнику знания» ученый предлагал книгу «Разные течения общественной мысли в современной Индии». Он не оставлял также надежды опубликовать те переводы с санскрита и тамильского, которые были выполнены в Индии. Но всем этим планам уже не суждено было осуществиться.

В 1929 году началась реорганизация Академии Наук. Никакие компромиссы с властью не спасли С.Ф. Ольденбурга — он был снят с должности неперменного секретаря. Пошли аресты. Контрреволюцию обнаружили и в Музее антропологии и этнографии. В октябре была арестована Л.А. Мерварт. Через некоторое время ее освободили, но 14 декабря арестовали мужа (видимо, вскоре его выпустили, но 13 января 1930 г. арестовали вновь). Немец, который говорил на пяти европейских языках, на китайском и нескольких индийских, долго живший за рубежами СССР, казался очень удобной фигурой для громкого процесса. В так называемом «деле Академии Наук», которое было призвано терроризировать ученых и всю интеллигенцию, А.М. Мерварт фигурировал как резидент германской разведки и активный участник «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России»⁷⁷. Арестом больной жены, угрозами в отношении детей следователи сломали его и принудили к «сотрудничеству». 8 августа 1931 года коллегия

⁷⁵ СПб филиал архива РАН ф.142, оп. 1, 1925, д. 4, л.19.

⁷⁶ Письмо А.М. Мерварта С.Ф. Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (архив МАЭ, без инв. номера).

⁷⁷ См. Ф.Ф. Перченко, Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. Выпуск 1. М., 1991, с. 219; Академическое дело 1929–31. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Выпуск 1. СПб. 1993.

ОГПУ приговорила его к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Он умер 3 мая 1932 г. в Ухтпечлаге⁷⁸.

Практически полностью пропали его научные архивы. В Санкт-Петербургском отделении архива Академии наук хранится рукопись⁷⁹ перевода мистерии в пяти действиях Бхасы «Подвиги младенца Кришны» (с надписью «начато в Дели 1 ноября 1916 г., кончено в Серампуре 31 мая 1917 г.»). В фонде М.И.Тубянского⁸⁰ (также репрессированного индолога) — машинопись перевода «Свапнавасадатты» (очевидно, выполненного А.М. Мервартом). Небольшие фрагменты из «Введения в дравидийскую филологию», из «Истории индийских народов» и статьи для энциклопедии находятся в фонде Д.К. Зеленина⁸¹ и в Музее антропологии и этнографии.

Л.А. Мерварт была вторично арестована 8 июля 1930 года и также приговорена к пяти годам заключения. В 1941 году их сын погиб в боях под Москвой.

С 1944 года до смерти в 1965 г. Людмила Александровна жила в Москве. Она работала в издательстве иностранных и национальных словарей, преподавала в Московском Институте Востоковедения и Военном институте иностранных языков, а с 1954 г. — в МГИМО. Целое поколение индонезистов вспоминает о ней как об учителе⁸². В судьбе этой семьи, так счастливо начинавшейся, отразилась трагедия поколения, трагедия страны.

Значение экспедиции А.М. и Л.А. Мерварт в Индию и на Цейлон исключительно велико. Во многих областях индологии они были среди пионеров. По существу, именно они создали Индийский отдел Музея антропологии и этнографии. Несмотря на утрату части коллекции и трагические условия,

---

⁷⁸ Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991), СПб, 2003, с. 265.

⁷⁹ Подвиги младенца Кришны (мистерия в пяти действиях) Бхасы. СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 2, д. 72.

⁸⁰ Архив Востоковедов, ф. 53, опись 1, д. 44.

⁸¹ СПб филиал архива РАН ф. 849, опись 5, д. 465–469.

⁸² Н.Ф. Алиева, Л.А. Мерварт (1888–1965) — зачинатель индонезийской филологии в СССР // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988.

в которых проходила экспедиция, собрание Мервартов поставило Кунсткамеру в ряд с ведущими музеями Европы. Удивительно широко и полно комплектовались вещи этими исследователями — здесь представлены материальная культура и верования, занятия населения различных областей, народности разных антропологических групп, первобытные племена и большие города, индуисты и буддисты, мусульмане и сирийские христиане. Нарисованные ими очерки и путеводитель сохраняют живые черты уходящего традиционного быта народов Южной Азии.

Ведущее место в научном наследии А.М. Мерварта занимают проблемы дравидологии, области совершенно новой не только в России, но и в Западной Европе, и даже в Индии. Сам ученый отмечал⁸³: «Как это ни странно, СССР в настоящее время — почти единственная страна, в которой культивируется эта область индологии». Им была подготовлена первая грамматика тамильского языка. Одним из первых А.М. Мерварт стал рассматривать классическую индийскую культуру как «результат скрещивания целого ряда культур — австралополинезийской, дравидийской, арийской и др.»⁸⁴ Он подчеркивал, что влияние дравидийского субстрата проявляется уже в языке вед и многого ждал от изучения только что открытой тогда хараппской культуры, предполагая, что создателями последней были предки дравидов (гипотеза, приобретающая ныне все больше сторонников).

Индуистские культы А.М. Мерварт рассматривал как этнограф, выводя их истоки из племенных верований и религиозных представлений первобытных народностей Индостана. Этнографическому анализу он подвергал и произведения классической литературы древней Индии. Книга, которую ученый не успел закончить, не случайно носила столь непривычное название «История индийских народов» (а не просто «История Индии»). Это был принцип, — и принцип, кажущийся сегодня как нельзя более современным.

⁸³ СПб филиал архива РАН ф. 142–1, 1926, д. 8, л. 26 об.

⁸⁴ СПб филиал архива РАН ф. 142, оп. 1, 1926, д. 8, л. 48. Ср. Мерварт А.М. Достижения и проблемы индийской этнографии // Этнография. М., 1927. Кн. 3, с.134.

А.М. Мерварт одним из первых привлек внимание исследователей к проблеме народного театра Индии. Он дал классическое описание катхакали. Собранный им значительный этнографический материал позволил поставить ряд новых научных проблем: о различных формах театральных зрелищ и представлений, народных истоках санскритской драмы и, с другой стороны, о влиянии последней на современный фольклорный театр, — в частности, Южной Индии.

В изучении Цейлона предшественником Л.А. и А.М. Мервартов в России был лишь И.П. Минаев, но замечательного буддолога, главным образом, привлекали старинные рукописи и развалины монастырей, а не этнография острова. Участники экспедиции собирали фольклор и материалы по народным верованиям сингальцев. Их подход к народному творчеству и живой религии населения сохранил научную актуальность.

Результаты экспедиции в Индию и на Цейлон не могли быть полностью реализованы. Вся научная деятельность ее участников после возвращения в Ленинград занимает неполных пять лет. Должна была сформироваться целая научная школа русских цейлонистов, дравидологов, специалистов по театру и этнографии Южной Азии. Но все было прервано в самом начале.

Приложение 9

Об одном браке

Было еще очень рано и горячее тропическое солнце не успело даже высушить крупные капли росы, поблескивавшие на каждом листочке. Мы пробирались по узенькой тропинке, местами руками раздвигая густую цейлонскую заросль. Со мной был мой секретарь, молодой аристократ сингалезец. Шли мы молча, неслышными шагами, боясь нарушить утреннюю тишину джунгли и надеясь, что нам посчастливится увидеть возвращающихся с водопоя крошечных, грациозных оленей ростом с шестимесячного щенка фокстерьера. Англичане зовут их олени-мышки, и множество их живет в лесах именно той части Цейлона — Сабарагамува — где мы находились. Вдруг справа от нас послышались высокие, резкие, горловые выкрики. Секретарь мой всполошился: «Скорей, скорей, здесь близко должна быть «куча навоза» и к этой тропинке идут родия. Слышите, как приближаются их голоса? Пройдемте скорее, чтобы они не пересекли нам дорогу».

Родия самая низкая каста среди сингалезов. Положение их ужасно. Они парии, изгои. Приближение их оскверняет сингалезов других каст. Деревни их по-сингальски называются куппаяма, что значит куча навоза. В прежние времена, когда Цейлон управлялся еще своими царями, принцессы, нарушившие целомудрие, отдавались в касту родия. Но милостивы были цари: согрешившую девушку для передачи старшине отверженных всегда везли через широкую реку, где жило много крокодилов, и на плоту ей развязывали руки и ноги. Поэтому очень немногие из них действительно передавались родия. Большинство предпочитало крокодилов. Впрочем, замужним, нарушившим супружескую верность, этого выбора не предоставляли. Им не было пощады, они становились родия. Не знаю, оттого ли, что женщины этой касты пополнялись прекрасными грешницами или по другой какой-либо причине, но, как мужчины, так и женщины родия на редкость красивы, статны и гибки. Но общее презрение наложило свою печать на их быт, на их психику. Родия так бесконечно презренны, что никакое преступление, никакая безнравствен-

ность с его стороны уже не может ухудшить его положения и никакая добродетель не может его улучшить. Поэтому люди эти представляют собой совершенно аморальный класс. Они сами на себя, можно сказать, махнули рукой. Нравственная испорченность среди них невероятна. Браки их представляют собой очень кратковременные связи. Целый год верности — явление редчайшее.

Так как я их никогда не видела, то к большому негодованию моего сингалеза, я не только не ускорила шагов, но наоборот остановилась и стала ждать. Через несколько минут на тропинку вышли гуськом несколько мужчин. Одеты они были, как положено людям низкой касты, в белое, узкое полотнище, повязанное вокруг бедер и не доходившее даже до колен. У одного из них был повязан еще красный пояс — это оказался старшина селения, а у другого красным же платком были повязаны волосы. Эту неподобающую роскошь и тот, и другой поспешно и смущенно сняли, увидя нас. Оказалось, что старшина и его сын с несколькими соседями шли в другую деревню за невестой сына и несли выкуп за нее: кривой нож ее отца, ананасы, бананы и лиловый ям (овощ вроде картофеля), бетель для жевания и тодди — пальмовую водку. Невесте жених нес в подарок подвенечное платье — такой же кусок грубой белой ткани, какой был и на нем самом, только несколько пошире.

Через своего секретаря я спросила, далеко ли их деревня, и сказала, что охотно посмотрела бы дом, где будут жить молодые. Родия с восторгом повели меня в «кучу навоза» и из их разговоров между собой я поняла, что эта встреча и мое поведение им кажется очень счастливым предзнаменованием. Мне стало весело и я решила, как бы нечаянно, проделать возможно больше вещей, считающихся у сингалезов добрыми приметами. Родия, конечно, и в голову не могло придти, что я делаю это нарочно. Обычно европейцы обо всех этих приметах ничего не знают.

Мы пришли в деревню — жалкое сборище хижин. Прибежали дети и стали рвать цветы и класть их на землю вокруг меня. Один цветок я воткнула себе в волосы, другой — красный цветок счастья — дала жениху для невесты. Он принял его на сложенную материю — платок невесты — и сейчас же

опять повязал на голову свой красный платок. А я, взяв с собой нескольких мальчиков (чтобы рождались сыновья), вошла в хижину молодых и постучала пестиком ступки для риса (чтобы рис в доме не переводился). Родия следовали за мной. Вся деревня, конечно, собралась и радостно толковала приметы, думая, что я их не понимаю. Жених и его отец, тоже опять опоясавшийся своим красным шарфом, поклонились и застыли в поклоне в нескольких шагах от меня.

«Не будет ли повелений мерзости и ничтожеству?» — спросил мой секретарь, гадливо показывая на них. Я подозвала жениха и со звоном уронила ему в руку одну за другой новенькие серебряные рупии (монета величиной около рубля). Три, новые, серебро — все приметы счастья и богатства! И ко всему, еще звон, который все слышали — примета почета!

«Муж любит и бережет жену. Жена любит и служит мужу. Пока муж и жена живут вместе, в доме бывает благополучие и сыновья. Только вдвоем можно беречь счастье». Нелепо и неуклюже переводил мой возмущенный секретарь, всячески избегая прямого обращения к презренным родия. В этот вечер, когда мы остановились на ночлег, он надолго исчез очищаться от осквернившей его близости париев.

Три года спустя мне опять привелось побывать в тех же джунглях Сабарагамувы. Мой приятель родия «вдвоем берег свое счастье». У него было два сына, и он так твердо решил не расставаться со своей женой, что даже — впервые среди родия — узаконил свой брак, зарегистрировав его в управлении областью.

Л. Мерварт. 2 апреля 1923 г., Харбин.

СПб филиал архива РАН, ф. 142, оп. 2, д. 66.

Список использованных архивов:

АВ — Архив Востоковедов. Институт востоковедения РАН. СПб.

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (бывший АВПР).

Архив Института истории материальной культуры, СПб.

Библиотека Московского университета (Отдел рукописей и редкой книги).

Архив МАЭ (Кунсткамера, СПб).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (бывший ЦГАОР).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом, СПб).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (бывший ЦГАДА).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (бывший ЦГАЛИ).

РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (бывшей Библиотеки Ленина).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (бывшей ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина).

СПБ филиал архива РАН.

ЦГА Татарстана, Казань.

Список иллюстраций

1. Индийские животные. Из рукописи Космы Индикоплова (XVI в.). РГАДА	7
2. Сравнительные словари П.С.Палласа	32
3. Страница из «Сравнительных словарей»	33
4. Г.С.Лебедев. «Грамматика чистого и смешанных диалектов Восточной Индии»	42
5. Религиозная церемония астраханских индийцев. Художник Е.М.Корнеев (начало XIX в.)	57
6. К.Г.Антон. О русском языке, происходящем от единого корня с санскритом	73
7. Б.А.Дорн. О родстве языка славянского и санскрита	80
8. Автограф Дорна слависту И.И. Давыдову	81
9. Р. Ленц. Издание «Викраморваши»	84
10. Посвящение С.С. Уварову в книге Р. Ленца	85
11. Автограф Р. Ленца тибетологу И.Я. Шмидту	86
12. И.Я. Шмидт	87
13. П.Я. Петров	91
14. «Санскритская антология» П.Я. Петрова	93
15. Санскритская рукопись из собрания МГАМИД (РГАДА)	102
16. А. Шифнер и О.Бетлинг с коллегами (50-е годы)	110
17. К.А. Коссович. Рис. Э.А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е годы	117
18. Страница словарика из книги «Охотник и пара голубей» К.А. Коссовича	136
19. Автограф К.А. Коссовича слависту О.М. Бодянскому	137
20. И.П. Минаев	142
21. Записка И.П. Минаева (АВПРИ)	179
22. Л. Шредер	193
23. Д.Н. Кудрявский	195
24. Ф.Ф. Фортунатов	197
25. В.Ф. Миллер	198
26. Ф.Е. Корш	200
27. Д.Н. Овсянικο-Куликовский	201
28. Оттиск работы П.Г. Риттера с автографом литературоведу М.Н. Розанову	204
29. Bibliotheca Buddhica, XIII	214

30. С.Ф. Ольденбург в экспедиции	218
31. Перевод книги Р.Киплинга	222
32. Автограф С.Ф. Ольденбурга О.В. Пассек	223
33. Удостоверение С.Ф.Ольденбурга как члена Леноблисполкома	236
34. Ф.И. Щербатской с Денисоном Россом и его супругой. Калькутта. Ноябрь 1910 г.	251
35. Возле буддийского храма в Санкт-Петербурге. Июнь 1914 г. (Ф.И. Щербатской, П.К.Козлов и Е.В. Козлова-Пушкарева, кн. Д.Ц.Тундутов и кн. К.А. Тундутова, А. Доржиев, С.-Д. Жигжитов)	252
36. Лекции на Первой буддийской выставке	255
37. Ф.И. Щербатской в имении с матерью, братом и сестрами	300
38. Фото с загранпаспорта Ф.И. Щербатского. 1920 г.	322
39. Е.Е. Обермиллер с ученым ламой. Бурятия. Конец 20-х гг.	432
40. М.И. Тубянский в Монголии. Конец 20-х гг.	432
41. Н.Д. Миронов с женою. Около 1910 г.	500
42. Статья А.А. Сталь-Гольштейна с его автографом	505
43. А.М. Мерварт	513
44. Л.А. Мерварт	513

Введение	3
Глава I	
Образ Индии в Древней Руси	5
Глава II	
Изучение Индии в России XVIII в.	24
Приложение 1	
П.С. Паллас. «Некоторые сведения о живущих в Астрахани индийцах»	48
Приложение 2	
«Дворянин новокрещеный из ындейцов Петр Иванов сын Сунгура»	66
Глава III	
Изучение индийской культуры в России в первой половине XIX в.	72
Приложение 3	
П.Я. Петров. «Реестр санскритских рукописей МГАМИД»	98
Приложение 4	
Об одной журнальной публикации середины XIX в.	104
Глава IV	
«Дело о санскритском словаре»	108
Глава V	
Иван Павлович Минаев	140
Приложение 5	
Бенгальский литератор в Санкт-Петербурге	154
Глава VI	
Поездка И.П. Минаева в Индию и Бирму в 1885–86 гг.	161
Приложение 6	
Записка профессора СПб университета статского советника И.П. Минаева	179
Глава VII	
Университетская санскритология на рубеже XIX–XX вв.	192
Глава VIII	
Сергей Федорович Ольденбург	205

Приложение 7

Личное дело С.Ф. Ольденбурга 231

Глава IX

Федор Ипполитович Щербатской 237

Приложение 8

Автобиография Ф.И. Щербатского 268

Глава X

Переписка Ф.И. Щербатского с С.Ф. Ольденбургом 273

Глава XI

Письма Отто Розенберга из Японии 444

Глава XII

Эмигранты: Н.Д. Миронов и А.А. Сталь-Гольштейн 499

Глава XIII

Александр и Людмила Мерварт 507

Приложение 9

Л. Мерварт. «Об одном браке» 535

Список использованных архивов 539

Список иллюстраций 540

УДК 008(540)(47+57-81)(091)
ББК 71.1
В41

Научное издание

Вигасин Алексей Алексеевич

ИЗУЧЕНИЕ ИНДИИ В РОССИИ
(очерки и материалы)

*Утверждено к печати Институтом стран Азии и Африки
при МГУ*

ISBN 978-5-901882-15-3

Издатель Степаненко

Подп. в печать 30.03.2008. Формат 84×108/32. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная. Объем 17 печ.л.
Тираж 150 экз.

Для заказов и информации e-mail: hindi2@yandex.ru
Тел.: 8-916-450-01-89

© Вигасин А.А. – 2008
© Степаненко А.Ю. – 2008

